

**XXXIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ И ИСТОРИОГРАФИИ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

**К 170-ЛЕТИЮ ОТКРЫТИЯ
ФАКУЛЬТЕТА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

МАТЕРИАЛЫ КОНГРЕССА

PROCEEDINGS

**XXXIII INTERNATIONAL CONGRESS ON HISTORIOGRAPHY
AND SOURCE STUDIES OF ASIA AND AFRICA**

**COMMEMORATING 170TH ANNIVERSARY
OF THE FACULTY OF ORIENTAL STUDIES
IN SAINT-PETERSBURG UNIVERSITY**

Том 2 ■ Vol. 2

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY

FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

XXXIII Международный конгресс
по источниковедению и историографии
стран Азии и Африки

**«К 170-ЛЕТИЮ ОТКРЫТИЯ
ФАКУЛЬТЕТА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

Том 2

16–18 апреля 2025 г.

Материалы конгресса

Санкт-Петербург
2025

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY
FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

XXXIII International Congress
on Source Studies and Historiography
of Asia and Africa

**“COMMEMORATING 170TH ANNIVERSARY
OF THE FACULTY OF ORIENTAL STUDIES
IN SAINT-PETERSBURG UNIVERSITY”**

Vol. 2

16–18 April 2025

Proceedings

St Petersburg
2025

ББК 63.3(5)+63.3(6)

УДК 930(5+6)

Т67

*Проведение Конгресса и издание сборника материалов осуществлено
при участии Ереванского государственного университета
и научно-аналитического портала «Восточная трибуна»*

Т67 XXXIII Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: К 170-летию открытия факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. 16–18 апреля 2025 г.: Материалы конгресса: в 2 т. / отв. ред. А. С. Матвеев. — СПб.: Изд-во РХГА, 2025. — Т. 2. — 436 с.

ISBN 978-5-907987-13-5

XXXII International Congress on Source Studies and Historiography of Asia and Africa: Commemorating 170th Anniversary of the Faculty of Oriental Studies in Saint-Petersburg University. 16–18 April 2025: Proceedings: in 2 vols. / Ed. by A. S. Matveev. — St Petersburg: RCAF Publishing House, 2025. — Vol. 2. — 436 p.

ББК 63.3(5)+63.3(6)

УДК 930(5+6)

ISBN 978-5-907987-13-5 (т. 2)

ISBN 978-5-907987-14-2

© Авторы сборника, 2025

© СПбГУ, 2025

Секция XIV • Section XIV
Источниковедение и историография
стран Юго-Восточной Азии
Historiography and Source Studies of Southeast Asia

Anna Kharitonova (FAAS, SPbSU, St Petersburg)

**The life of a diplomat G. A. Plançon in Siam
at the beginning of the 20th century
in the letters to his wife**

Georgy Antonovich Plançon (1859–?), a graduate of the Faculty of Oriental Languages of the St Petersburg University, a diplomat of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire, served in Asian countries (China, Korea, Siam) for about twenty years. Early in 1910, G. A. Plançon was sent to Siam, where he remained until the spring of 1916, with a leave of absence for one year from the fall of 1913 to November 1914.

Based on the study of archival materials of the State Archives of the Russian Federation (GARF, Moscow), we learn that the diplomat's wife, Maria Ioakimovna Plançon, accompanied him on numerous missions. During his first stay in Siam in 1910–1913, M. I. Plançon was also with her husband and helped him organizing his daily life, but due to the harsh tropical climate, she was forced to return to St Petersburg during her husband's vacation in 1913. While staying in St Petersburg and later in Stockholm (where their son Sergei was serving in the diplomatic service), she maintained active correspondence with her husband during his second mission to Siam (1914–1916).

In the first years of his stay in Siam diplomat G. A. Plançon kept diaries in which he described his private life and professional activities. The State Archives of the Russian Federation (Moscow) currently hold three diaries about the diplomat's stay in Siam, dated 1910, 1911 and 1913. In addition, information about the diplomat's second mission was preserved in the letters to his wife, which replaced his diary, as G. A. Plançon indicated in them.

These letters, stored in the archive, were numbered by the author and have not been preserved in a complete set. Reading the correspondence, one can assume that some letters were irretrievably lost, and some were destroyed, since they were confidential. In the letters of 1915, G. A. Plançon described current events in the international life, diplomatic work, and also carried out a pinpoint recording of incoming and outgoing correspondence. When comparing letters to his wife with the diplomat's diaries, it turns out that the content of private letters is not less informative than the diaries he kept in the first mission. This allows us to look at this private correspondence in a new way, introducing previously unused archival materials for closer scholarly study.

Detailed descriptions of his daily routine on the pages of letters are of particular interest, since such microhistorical details often escape the eyes of the researcher. G. A. Plançon attributed the following to his daily routine: early rising; gymnastic exercises and walks; diet; details of office life; receptions or business visits; analysis of the local, Russian and foreign press; study of the Siamese language; exchange of business cards; reading and composing telegrams and reports.

Along with such routine, there were also quite extraordinary events. For example, he received a request to send Siamese silkworm to the Tiflis silkworm station. For this purpose, he conducted a large correspondence, delivered the necessary cargo from the province of Korat, carefully packed it and organized the shipment.

The diplomat wrote to his wife about his former passion for collecting oriental curiosities, primarily Siamese Buddhist utensils and sculptures. In his free time, he liked to visit the Sampeng market in Bangkok, where he could buy something worthwhile for a collector. Finding interesting items for his collection or as a gift, the diplomat assessed the existing situation with the sale of antiquities. According to his accompanying texts, the sellers themselves, as a rule, did not know the true value of these items and sold them for the price they bought them for. Among the foreigners, the English stood out, buying antiques for a large sum, disproportionate to their real value, thereby inflating prices on the market.

The letters to his wife are thus an important source for reconstructing life of a diplomat in the service of Siam, with its ordinary and exceptional events.

Болонова С. И. (ИКСА РАН, Санкт-Петербург)

Травелог Г. А. Де-Воллана как образец ориенталистского взгляда на Сиам XIX века

В исследовании рассматривается изображение Сиам в путевых заметках русского дипломата и путешественника Григория Де-Воллана через призму концепции ориентализма, выделяются специфические черты восприятия Востока русским путешественником и раскрывается отношение автора с точки зрения превосходства западной культуры, примечательное снисходительными и высокомерными

интонациями при сохранении живого любопытства и искреннего интереса наряду с романтизированным восхищением некоторыми аспектами сиамской культуры.

Григорий Александрович Де-Воллан (1847–1916) — известный русский дипломат, путешественник, этнограф и публицист, посетивший Юго-Восточную Азию в 1892–1893 гг. Родившийся в Санкт-Петербурге и обучавшийся в университетах Москвы и Лейпцига, в 1883 году Де-Воллан был назначен начальником отдела печати Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Три года спустя он был назначен консулом в Японии, затем служил в консульствах в Будапеште и США (в качестве секретаря русской миссии в Вашингтоне) и в Мексике.

В течение 1890–1894 гг. Де-Воллан записывал свои наблюдения и впечатления в записках под названием «По белу свету». Эти заметки впервые были опубликованы в отдельных выпусках журнала «Русское обозрение». Позднее, в 1894–1895 гг., путевые заметки были опубликованы как отдельное издание в типографии «Общественная польза» в двух томах: Том 1. Испания. — Египет. — Цейлон и Индия (1894) и Том 2. Бирма. — Ява. — Китай. — Тонкин. — Кохинхина. — Камбоджа. — Сиам (1895)¹. Особый интерес в данном травелоге представляют сиамские путевые заметки. Де Воллан впервые посетил Сиам во время своего путешествия в Хакодате, а затем в 1892 г. Как неофициальный путешественник из Камбоджи. Его заметки не являются первыми русскими заметками о Сиаме, но они представляют важность как свидетельство непосредственного очевидца и попытка оригинальной интерпретации сиамской культуры.

Травелог Де-Воллана состоит из двух томов, суммарно содержащих более 800 страниц, из которых последние 70 посвящены Сиаму. Описание путешествия в Сиам представляет собой оригинальную интерпретацию сиамской культуры как синтеза культур Китая и Индии. Текст избегает лирических отступлений и многочисленных сравнений, вместо этого используется ясный и лаконичный язык. Травелог Де-Воллана представляет собой одно из самых полных и разнообразных описаний Сиам в корпусе русских текстов. Он охватывает широкий круг тем, которые иностранные путешественники в Сиаме тогда находили примечательными. В путевых заметках освещены различные аспекты жизни сиамского общества, такие как одежда, домашняя обстановка, еда и питье, использование бетеля, деторождение и детство, китайцы и их роль в стране, тайский язык, религия, монашество, иерархия духовенства и азартные игры. Кроме того, автор приводится краткая история Сиам, информация о транспорте и маршрутах путешествий, а также отчеты о европейской, в частности немецкой, деятельности в Сиаме. Автор пересказывает легенду о происхождении Сиам как независимой страны и описывает основные этапы истории Сиам, а также приводит переводы некоторых королевских титулов.

Дихотомия Запад–Восток четко прослеживается в комментариях путешественника: «Контраст между богатой и яркой растительностью и жалким жилищем

¹ Воллан Г. А. Де. По белу свету: Путевые заметки. Ч. 2: Бирма. Ява. Китай. Тонкин. Кохинхина. Камбоджа. Сиам. СПб., Типография товарищ. «Обществен. Польза», 1894–1895.

человека поразительный» (315), причем деревни неоднократно описываются как «жалкие». Автор умалчивает о сравнении с русскими деревнями. Характерная для того времени парадигма этнографического описания подразумевала сочетание беспристрастных положительных и отрицательных характеристик объекта (субъекта) описания. Например, сиамцы описываются как «чистоплотные», но «зубы у них в ужасном виде, то есть совсем черные, но это считается в Сиаме очень красивым» (312–313). Откровенно критические ноты звучат в описании нации в целом: «Сиамский народ себя называет “тай”, или свободными людьми, и, странное дело, в стране свободных людей процветает рабство. Прокутился, проигрался человек и продает себя в рабство» (312–313).

В то же время в повествовании Де-Воллана появляются и признаки новой, индустриальной эпохи — в том числе неопознанная «гигантская фабрика с длинными трубами», замеченная с корабля по пути в Бангкок (324), и сахарный завод в Паттайе (315). Де-Воллан рисует грандиозную картину Бангкока, называя его Восточной Венецией (344) — «речным городом» с «маленькими домиками на плотках» (325), «городом пагод» (325) и королевской столицей, которая напоминает ему «великолепие сказки тысячи и одной ночи» (325). Осматривая центральную часть Бангкока с одним из местных европейцев, Де-Воллан уделяет особое внимание городской застройке и архитектурным стилям, высказывая примечательные суждения о влиянии европейской готики (331). Его описания отдельных храмов и элементов дворцового комплекса представляют ценность для исследований. Бангкок предстает как настоящий глобальный город, перекресток азиатских культур и народов (333–334).

Таким образом, наблюдения Де-Воллана о сиамской архитектуре, методах ведения сельского хозяйства и музыке отражают смесь восхищения и снисходительности, типичную для путевых заметок русских ориенталистов. Противопоставления между Востоком и Западом в травелогe Де-Воллана очевидны. Географические, экономические, этнографические и другие данные были интерпретированы и продемонстрированы русской аудитории типичным ориенталистским способом — путем разделения мира на бинарные категории: цивилизация против варваров, прогресс против отсталости, Восток против Запада.

В целом, Де-Воллан дал негативную оценку социально-экономическому развитию Сиам, как сельского, так и городского. Это особенно чувствуется через использованные автором эпитеты. Хотя автор восхищается сложными деталями и красотой храмов и королевских резиденций, он также критикует элементы, которые он воспринимает как лишённые вкуса или изысканности, такие как сочетание европейского и азиатского стилей. Его сравнение сиамских методов орошения с методами, используемыми на его родине, предполагает признание эффективности и простоты методов, используемых «дикарями», подразумевая, что русские могли бы у них поучиться. Это соотношение восхищения определенными аспектами сиамской культуры с чувством превосходства или снисходительности является общей темой в трудах русских ориенталистов.

Захаров А. О. (ИВ РАН, Москва)

Новейшие исследования эпиграфики Древней Явы

Несмотря на многолетнюю историю изучения надписей на древнеяванском языке, начатую А. Б. Коэн-Стюартом еще в 1875 г. и ознаменованную фундаментальными каталогами Я. Л. А. Брандеса (1913), Ф. Н. Ван Нарсена (1941; 1971), Й. Г. Де Каспариса (1950; 1956), Л.-Ш. Дамэ (1951; 1952; 1955; 1970), Х. Б. Саркара (1971–1972), Накада (1982) и Бухари (1985–1986), в последние годы произошли радикальные изменения. Появились основополагающие онлайн-каталоги древнеяванской эпиграфики, прежде всего *Inventaris Daring Epigrafi Nusantara Kuno / IDENK / Online Inventory of Ancient Nusantara Epigraphy*. Данный проект задуман как всеобъемлющий каталог всех надписей островной Юго-Восточной Азии. Его готовит международный коллектив авторов под руководством Даниэля Перре, Тити Сурти Настити и Арло Гриффитса. Второй каталог – проект *Domestication of 'Hindu' Asceticism and the Religious Making of South and Southeast Asia / DHARMA*, включающий раздел с надписями Нусантары. Среди составителей и переводчиков Арло Гриффитс, Вайан Джарра Састраван, Эко Бастиаван, Марин Шёттель, Тити Сурти Настити и Тьяссанти Кусумо Деванти. Хотя оба каталога находятся в стадии разработки, они уже позволяют познакомиться с рядом недавних эпиграфических находок и уточненными транскрипциями и переводами давно известных надписей.

В докладе предлагается обзор новейших статей ведущих эпиграфистов, в том числе Арло Гриффитса и его коллег, о надписях на санскрите и древнеяванском языке, а также статьи Элизабет Чечил о санскритских надписях царя Пурнавармана, правившего на западе Явы в V–VI вв.¹

Наиболее существенное открытие, вынуждающее радикально пересмотреть историю острова в VII в., — санскритская надпись из Балекамбанг, заново прочитанная А. Гриффитсом в 2023 г. (прежняя реконструкция 2012 г. существенно

¹ Titi Surti Nastiti, Churmatin Nasoichah, Andri Restyadi, Hedwi Prihatmoko, Arlo Griffiths, et al. *Survei Prasasti Zaman Hindu-Buddha di Daerah Istimewa Yogyakarta dan Provinsi Jawa Tengah*, Tahun, 2023. Badan Riset dan Inovasi Nasional (BRIN), Organisasi Riset Arkeologi, Bahasa dan Sastra; École française d'Extrême-Orient. KPG (Kepustakaan Populer Gramedia), 2024. 978–623–134–311–6 (hal-04763861); iti Surti Nastiti, Hedwi Prihatmoko, Lida Meyanti, Arlo Griffiths, Eko Bastiawan, Adeline Levivier & Supriyo. *Laporan survei prasasti zaman Hindu-Buddha provinsi Jawa Timur di kabupaten Lamongan, Tuban, Jombang, Mojokerto dan Sidoarjo*, tahun 2022. Jakarta: École française d'Extrême-Orient; Badan Riset dan Inovasi Nasional, 2023. URL: <https://hal.science/hal-04091765> (accessed: 15.01.2025); Griffiths A., Wayan Jarrah Sastrawan, Eko Bastiawan. *Restoring a Javanese Inscription to its Proper Place: The Minto Stone (Sangguran Charter) Seen in New Light // Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde / Journal of the Humanities and Social Sciences of Southeast Asia*. 2024. D. 180. Nos. 2–3. P. 133–211. <https://doi.org/10.1163/22134379-bja10060>; Griffiths A. *Rediscovering an Old Javanese Inscription: Mpu Mano's Donation in Favor of a Buddhist Dignitary in 888 Śaka // Archipel*. 2020. Vol. 99. P. 107–141. <https://doi.org/10.4000/archipel.1976>; Cecil E. A. *Pūrṇavarman's Prints: Environment and Inscription in Early West Java // Textual Cultures*. 2024. 17.2. P. 30–61. DOI 10.14434/tc.v17i2.40318 (accessed: 15.01.2025).

менее революционна)¹. Надпись найдена в 100 м от водоема Балекамбанг у хутора (dukuh) Бендосари, община (desa) Кебондалем, район (kecamatan) Грингсинг, резидентство (kabupaten) Батанг, Центральная Ява; координаты 06°56'41.5 южной широты, 110°00'37.0 восточной долготы². Санскритский текст представляет собой стих размера арья и читается А. Гриффитсом так:

⟨1⟩ yaḥ (kh)anati bāhu-vīrya⟨2⟩s sphaṭika-maṇi-nibha⟨3⟩(ñ ja)la(m) prathita-bandhyaṁ

⟨4⟩ tasya (v)i(ja)[yā](gra)-nāmnah ⟨5⟩ jīvitam etac ciram bhavatu.

А. Гриффитс предложил перевод:

«Пусть эта жизнь (на земле) будет долгой для сильнорукого [царя], | чье прекрасное имя Виджая, кто обеспечивает большим сооружением (плотины?) кристально чистую воду».

Ирригационные работы в надписи напоминают деяния царя Пурнавармана, правившего примерно в V в. на Западной Яве, и его предшественника Пинабаху: согласно надписи Тугу, Пурнаварман прорыл реку Гомати с чистой водой (nirmal-odakā), а Пинабаху некогда прорыл р. Чандрабхага³.

Текст надписи Балекамбанг напоминает обороты из надписи Плумпунган, найденной в 65 км к юго-востоку от нее и датируемой Л.-Ш. Дамэ примерно 750 г.⁴ Но Балекамбанг палеографически древнее первой датированной надписи Центральной Явы – царя Санджаи из Чангал 732 г.

Принципиально в Балекамбанг имя царя – Виджая, неизвестного раньше. Его имя сравнимо с упомянутым Санджаей, а также с названием царства Шривиджая, в котором до статьи Ж. Сёдеса 1918 г.⁵ видели имя монарха — «Великолепный Виджая» (Śrī Vijaya).

Основная мысль Э. А. Чечил – составление надписей Пурнавармана не одним, а несколькими людьми. Аргумент Э. А. Чечил – составление каждого из трех элементов надписи Чи-Арутён (собственно санскритского стиха размера шлока, отпечатков ступней и каллиграфического знака-подписи) требовало разных познаний и ремесленных навыков⁶. Но нет оснований исключать возможность владения всеми этими познаниями одновременно. Можно, конечно, думать, что стихи и подпись составлены одним человеком на недолговечных материалах (например, пальмовых листьях), а перенесены на камень другим — резчиком.

¹ <https://dharmalekha.info/texts/INSIDENKBalekambang> (accessed: 15.01.2025).

² Griffiths A. The epigraphical collection of Museum Ranggawarsita in Semarang (Central Java, Indonesia) // *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde (BKJ)* 2012. 168–4. P. 474.

³ Захаров А. О. Политическая история и политическая организация раннесредневековой Индонезии (V — начало X в.). М.: Институт востоковедения РАН; НОЧУВПО «Институт стран Востока», 2012. С. 60–61.

⁴ Griffiths A. The epigraphical collection of Museum Ranggawarsita in Semarang... P. 475.

⁵ Cœdès G. Le royaume de Çrīvijaya // *Bulletin de l'E.*

⁶ Cecil E.A. Pūrṇavarman's Prints... P. 38.

Игнатьев М. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Указ о сангхе от 1962 г.: иллюстрация управления монашеской общиной в Таиланде во 2-й пол. XX — нач. XXI в.

Указ о сангхе от 1962 г. раскрывает последнее на сегодняшний день *полномасштабное* обновление модели администрирования буддийской монашеской общины Таиланда. Несмотря на то, что в конце XX — начале XXI в. были обнаружены поправки и дополнения к Указу 1962 г. (от 1992, 2017 и 2018 гг.), общая модель взаимоотношений между институтами светской и духовной власти, прописанная в этом документе, сохраняется в прежнем виде и отражает подчинение официальной церковной иерархии взаимовыгодному союзу между военными правительствами Таиланда и королевской властью¹.

Указ 1962 г., составленный по распоряжению военного правительства фельдмаршала Сарита Тханарата (1957–1963) и подписанный королем Рамой IX Пхумпхоном Адудьядетом (1946–2016), ознаменовал смену идеологического курса в Таиланде (в научной литературе он известен как «деспотический патернализм»²) и позволил властям добиться единообразия между моделью управления сангхой и политическим устройством в стране. Упразднив церковные органы законодательной, исполнительной и судебной власти и восстановив в сангхе четкую вертикальную иерархию, Сарит сделал Указ 1962 г. полной противоположностью предыдущего, «демократического», Указа о сангхе от 1941 г.

Наиболее значимые положения Указа 1962 г. (всего — 46 статей) были представлены в Первом и Втором разделах документа. Например, одна из статей Первого раздела («О сангхарате»³) гласила: «В случае, если пост сангхарата остается свободным, высокопоставленному монаху — многоопытному и умудренному старейшине — надлежит исполнять его обязанности» [перевод с тайского языка здесь и далее автора. — *М. И.*]⁴. Если в рамках «демократической» модели устройства сангхи двадцатилетней давности и.о. сангхарата вне зависимости от обстоятельств назначался «премьер-министр» сангхи или его заместитель, в Указе 1962 г. на первый план выдвигались авторитет и статус священнослужителя. Данное нововведение раскрывало апелляцию властей к традиционному иерархическому устройству тайского общества, в котором определяющее значение имеют такие **социальные регуляторы**, как возраст и общественное положение.

¹ Шонталь Б. Становление и развитие буддийского конституционализма в Южной и Юго-Восточной Азии // *Сравнительное Конституционное Обозрение*. 2018(4) 125. С. 66.

² Колдунова Е. В. Политический кризис и социальный протест в Таиланде // *Вестник МГИМО*. 2015. № 4 (43). С. 223.

³ *Сангхарат*, или *сангхарача*, — глава буддийской монашеской общины.

⁴ พระราชบัญญัติคณะสงฆ์ พ.ศ. ๒๕๐๕ [Королевский указ о сангхе от 1962 года] // сайт государственной газеты Ратчакитьянубекса / URL: <http://www.ratchakitcha.soc.go.th/DATA/PDF/2484/A/1391.PDF> (дата обращения: 11.12.2024). С. 4.

Во Втором разделе Указа 1962 г. речь шла о воссоздании Совета старейшин сангхи (тайск. มหาเถรสมาคม), который впервые был учрежден по Указу об управлении сангхой от 1902 г.¹, изданному в период правления короля Рамы V Чулалонгкорна (1868–1910). Возрожденный 60 лет спустя Совет старейшин сангхи был призван объединить функции упраздненных Саритом Тханаратом церковных органов законодательной, исполнительной и судебной власти. Однако, сохраняя общее количество членов Совета старейшин сангхи (8 человек²), Сарит, в отличие от короля Чулалонгкорна, избегал прямого упоминания в тексте Указа 1962 г. промонархического буддийского ордена «Дхаммаютика-никаи»: по-видимому, несмотря на негласную государственную поддержку элитарной «Дхаммаютика-никаи» в ее противостоянии с массовой «Маха-никаей», Сарит принимал во внимание внутренние противоречия в сангхе³ и опасался закреплять привилегированное положение «Дхаммаютика-никаи» на юридическом уровне.

Еще одним важным отличием Совета старейшин сангхи образца 1962 г. от его аналога 60-летней давности был пункт об официальном назначении сангхарата председателем Совета⁴. Доминирующее положение главы сангхи подкреплялось его полномочиями назначать от половины до двух третей членов Совета. Как указывает японский ученый Й. Иши, «...в сочетании с упразднением <...> Кабинета министров сангхи это представляло собой резкое усиление власти главы монашеской общины»⁵.

Положения Указа 1962 г., в частности наделение сангхарата столь широкими полномочиями, позволили военному правительству Сарита Тханарата установить над деятельностью монашеской общины Таиланда беспрецедентный (на тот момент) уровень контроля. Принятые в начале XXI в. последние поправки и дополнения к Указу 1962 г.⁶ отражают стремление властей современного Таиланда сохранить и усилить контроль государства над церковной иерархией.

¹ Подробнее об этом см., напр.: Игнатьев М. А. Указ о сангхе 1902 г. и его значение в религиозной жизни Сиам в конце XIX — начале XX в. // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2023. Т. 3, № 2(59). С. 271–283.

² พระราชบัญญัติคณะสงฆ์ พ.ศ. ๒๕๐๕ [Королевский указ о сангхе от 1962 года] // сайт правительственной газеты Ратчакитгьянубекса / URL: <http://www.ratchakitcha.soc.go.th/DATA/PDF/2484/A/1391.PDF> (дата обращения: 11.12.2024). С. 5.

³ Ishii Y. *Sangha, State, and Society: Thai Buddhism in History*. Honolulu, HI: University of Hawaii Press, 1986. P. 113–114.

⁴ พระราชบัญญัติคณะสงฆ์ พ.ศ. ๒๕๐๕ [Королевский указ о сангхе от 1962 года] // сайт правительственной газеты Ратчакитгьянубекса / URL: <http://www.ratchakitcha.soc.go.th/DATA/PDF/2484/A/1391.PDF> (дата обращения: 11.12.2024). С. 5.

⁵ Ishii Y. *Op. cit.* P. 118.

⁶ См., например, статью 3 Указа от 2018 г.: พระราชบัญญัติคณะสงฆ์ (ฉบับที่ ๔) พ.ศ. ๒๕๖๑ [Королевский указ о сангхе от 2018 г. (4-е переиздание)] // сайт правительственной газеты Ратчакитгьянубекса / URL: <https://www.ratchakitcha.soc.go.th/DATA/PDF/2561/A/050/T1.PDF> (дата обращения: 10.01.2025). С. 1–2.

Мазырин В. М. (ИКСА РАН, Москва)

Основные результаты развития вьетноведения в России: историографический обзор

Исследование, проведенное Центром изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН, знакомит с развитием конкретной отрасли востоковедения в СССР и современной России. В недавно вышедшей книге «Вьетноведение в России: история и современность (Tổng quan của ngành Việt Nam học tại Nga: Lịch sử và Hiện đại: кол. монография / отв. ред. В. М. Мазырин; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. М.: ИКСА РАН, 2025. 600 с.: илл.) показаны хронология, центры, научные направления, ведущие исследователи и их партнеры во Вьетнаме, дана оценка их трудов. Представлены практические формы и результаты сотрудничества вузов, исследовательских учреждений наших стран, причем не только в сфере общественных, но и естественных наук, что расширяет предложенную картину.

Работа содержит полную библиографию трудов, изданных почти за 100 лет вьетноведами нашей страны, а также необходимые индексы и популярные приложения.

Выбор темы отражает не только внимание к развитию в России исследований по Вьетнаму, но и понимание важности данной отрасли отечественного востоковедения. В условиях «поворота к Азии» во внешней политике России важно знать, кто, в каких направлениях изучает эту страну и как оценивает состояние проделанных исследований.

К сбору и обработке данных, написанию статей удалось привлечь обширный коллектив из 33 российских участников — сотрудников большинства академических и образовательных учреждений России, в которых идет изучение Вьетнама или преподавание вьетнамского языка. Эта особенность гарантирует представительный и объективный характер проведенного исследования, отражает наличие в работе различных оценок и взглядов.

Исследование отличается комплексным подходом, соответствует по научному содержанию современным требованиям к такого рода работам. Оно опирается на широкую базу литературы на русском и иностранных языках, отражает оценку результатов авторских индивидуальных и коллективных исследований.

В работе не только приведены оценки и характеристики, типичные для историографического жанра, но и представлены документы, книги, факты, не знакомые широкой публике, найденные в российских архивах. В целом она отражает ранее неизвестные российскому и зарубежному читателю реалии как двустороннего сотрудничества, так и исследований, выполненных российскими учеными.

Вплоть до сегодняшнего дня были доступны разрозненные статьи, освещающие отдельные направления, периоды, центры, вопросы изучения Вьетнама в России. Эти наработки тщательно собраны, проверены и интегрированы авторами в новый

текст, что придает ему обобщающий характер. Исследование показывает богатые традиции изучения Вьетнама в нашей стране, преимущества перед вкладом зарубежных школ. Многие положения впервые введены в научный оборот.

Обеспечено сочетание исторического и субстантивного подходов к предмету изучения, что дало простор для авторского анализа. Работа выстроена таким образом, чтобы проследить различные этапы развития отрасли — как в дореволюционный период, в советское время, так и в современной России. При этом в последнем предложена своя хронология, показывающая спады и подъемы в углублении знаний о Вьетнаме, раскрывающая их характерные особенности, причины и последствия изменений. Особенно важно, что подходы к освещению исторических событий XX в. во Вьетнаме рассмотрены с современных позиций, отражающих идущие в отрасли позитивные идеологические изменения.

Наряду с вехами развития вьетнамоведения подробно рассмотрены центры его формирования — ведущие научные механизмы, а также основные направления научных исследований по Вьетнаму. Это дает представление, какие результаты достигнуты на каждом из них, как менялись методология, рамки исследований, на каких направлениях успешней велась совместная работа с вьетнамскими партнерами.

Кроме того, кратко, но емко раскрыты другие формы популяризации и изучения Вьетнама в СССР и РФ помимо чисто научных. Как важная часть общих усилий показаны методы, инструменты, кадры преподавания вьетнамского языка, тематика переводов литературы и т. п.

В заключение представлены главные акторы науки и образования — ведущие советские и российские вьетнамисты и лица, внесшие весомый вклад в изучение Вьетнама и вьетнамского языка. При этом раскрыто немало интересных фактов их личных биографий, отражен большой вклад авторов в развитие данной отрасли знания. Дан, пожалуй, самый полный перечень хранителей знаний (свыше 100) о Вьетнаме в нашей стране. Биографические справки дополнены библиографией основных трудов ведущих ученых.

В отечественной историографии такая работа конкретно по Вьетнаму, с акцентом на современное положение подготовлена впервые и имеет уникальный характер. Она служит достойным продолжением ряда схожих по профилю трудов, посвященных изучению других стран Азии. Новое комплексное исследование открывает ученым нашей страны и зарубежья богатое поле для дальнейшего изучения, включающее переводы древних летописей и современных произведений. Тем самым созданы предпосылки для развития этой отрасли знания в России. В других странах, где школа вьетнамоведения имеет длительную историю — Франции, Японии, США, — подобные по охвату разных отраслей знания, хронологии, персоналиям, библиографии работы отсутствуют.

Таким образом, данное исследование освещает разнообразный, актуальный пласт проблем, показывает состояние и перспективы развития вьетнамоведения в России, представляет интерес для широкого научного сообщества.

Моисеенко Н. С. (*АрТТида, Санкт-Петербург*)

Монеты для Лаоса, изготовленные в СССР

Уже более десяти лет на Московском монетном дворе (ММД) Гознака чеканятся коммеморативные монеты для Лаосской Народно-Демократической Республики. Информация об их выпуске регулярно появляется в печати¹, а присутствующий на монетах логотип «ММД» непосредственно указывает на производителя. Какая-либо информация о более ранних российских эмиссиях, предназначенных для этой страны, в отечественной нумизматической литературе отсутствует², за одним исключением³.

2 декабря 2025 года исполняется 50 лет с момента обретения Лаосом независимости, а также 40 лет с момента самой первой чеканки в нашем государстве памятных лаосских монет. Изучение фондов Ленинградского монетного двора (ЛМД) за 1985 год, хранящихся в Центральном Государственном архиве Санкт-Петербурга⁴, позволило установить тиражи и ассортимент продукции, предназначавшейся для Лаоса. В зарубежной нумизматической литературе и на сетевых ресурсах чаще всего у юбилейных лаосских монет 1985 г. производитель или не указывается совсем, или в его качестве называют монетные дворы Берлина (ФРГ)⁵ или Гаваны (Куба)⁶. Лишь в каталогах ФРГ сначала упоминалось о чеканке на ЛМД четырех серебряных монет, и лишь недавно эта информация распространилась и на медно-никелевые монеты⁷.

Из-за того, что в документации ЛМД часть ассортимента продукции на протяжении нескольких десятилетий проходила не в виде конкретных названий предметов, а как зашифрованные обозначения в виде цифровых или цифробуквенных сочетаний, которые к тому же изменялись с течением времени, установить факт чеканки лаосских монет удалось всего несколько лет назад⁸.

¹ Киселёва Е. ММД: Мы любим удивлять // *Золотой червонец*. (СПб.) Ноябрь 2015. № 4(33). С. 80–83.

² Орлов С. В., Бакарев А. В. Монетный двор. История и современность. К 285-летию Санкт-Петербургского монетного двора Гознака. СПб., 2009. С. 106–118; Глейзер М. М. Советские монеты 1921–1991. Краткая история (К 90-летию со времени чеканки первых советских монет). СПб., 2011. С. 66–81, 107–115. Приложение № 9–12.

³ Моисеенко Н. С. Чеканка иностранной монеты на Ленинградском монетном дворе в 1921–1961 гг. // *Современные вопросы источниковедения и историографии истории России: Сб. статей*. СПб., 2014. (Труды истфака СПбГУ. Том 17). С. 358.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 1516. Оп. 17. Д. 724–749, 767.

⁵ 2011 Standart Catalog of World Coins 1901–2000 / G. S. Cuhaj (ed.), Michael T. (market analyst). 38th ed. Iola: Krause Publications, 2010. P. 1340–1342, 1345. KM # 25–28, 37–41, PS6.

⁶ URL: <https://ru.ucoin.net/coin/laos-50-kip-1985/?tid=101660> (дата обращения: 13.01.2025).

⁷ Schön Günter, Schön Gerhard. *Weltmünzkatalog* 20. & 21. Jahrhundert: 1900–2012; 41st, revised and rerated edition 2012/2013. München: Battenberg, 2012. S. 1405–1406. № 22–30.

⁸ Моисеенко Н. Продукция Ленинградского монетного двора за 1985 год // *Петербургский Коллекционер*. (СПб.) 2020. № 3(117). С. 66; 2020. № 4(118). С. 54–56.

Дело в том, что в деловой переписке завода монеты, посвященные 10-летию независимости Лаоса, фигурировали как девять вариантов «изделия 574», от «574-1» до «574-9». Ситуация осложнялась тем, что в записях гравера ЛМД П. К. Потапова имелось упоминание об изготовленной им в 1985 году лепке лаосской монеты достоинством в 50 кип с изображением пагоды, но ошибочно обозначенной им как «изделие 743-7».

Подготовка к выпуску началась еще в середине мая 1985 г., когда на заводе была проведена проверка состояния режима, учета и хранения драгоценных металлов, а также изделий строгого учета и специального инструмента для их изготовления. Общий объем эмиссии и тиражи каждого вида монет по отдельности были утверждены на Гознаке между 10 и 21 июня и сообщены на ЛМД письмом от 29 июня за № 05/12-7/259.

Известно, что «за большую работу по досрочному и качественному изготовлению инструмента по заказу 574» во II квартале были премированы инженер-технолог А.А. Краев, техник-технолог С. М. Башкиров и мастера цеха № 3 В. Я. Елшин, В. М. Мотырский и Л. Н. Меркушева¹. Не позднее 6 августа 1985 г. были изготовлены и отправлены в Москву на утверждение первые экземпляры мельхиоровых монет достоинством 50 кип.

Серия юбилейных монет 1985 г. состоит из двух частей. В первую входят монеты из сплава МН-25 (75 % меди и 25 % никеля), достоинством 1, 5, 10, 20 и 50 кип в улучшенном качестве, в документации ЛМД обозначаемые как «изделия 574-1 ... 574-5». Тиражи составляли по 5000 экземпляров каждой монеты.

Во вторую часть входят четыре серебряные 50-киповые монеты 900-й пробы в качестве «пруф», в документации ЛМД обозначаемые как «изделия 574-6 ... 574-9». Лицевая сторона у них одинаковая — в центре герб страны, под ним в три строки надпись на лаосском языке «Народная Демократическая Республика Лаос 1975–1985». На оборотной стороне внизу расположен номинал на лаосском языке «50 кип», по сторонам от цифры помещены листья аканта. В центре монеты помещена одна из четырех композиций: 1) национальная святыня, башня буддийской пагоды Пха Тхат Луанг во Вьентьяне, 2) кхмерский храмовый комплекс Ват Пху, 3) храм Тат Инг Ханг, почитаемый как место захоронения Будды, 4) долина глиняных кувшинов в провинции Сиангкхуанг. Тиражи составляли по 2000 экземпляров каждой монеты.

Чеканка всей серии лаосских монет происходила в первой неделе сентября 1985 г., а 9 сентября дирекцией ЛМД был издан приказ о том, что в ближайшие два дня оставшиеся после выполнения заказа годные, бракованные и образцовые монеты и рабочий инструмент необходимо уничтожить, а рабочие маточники, формы и протакриловые модели передать на Центральный склад готовой продукции.

¹ ЦГА СПб. Ф. 1516. Оп. 17. Д. 726. Л. 32.

Коммеморативные монеты, отчеканенные на ЛМД и посвященные 10-летию независимости Лаоса, являются памятниками многолетних экономических и политических отношений между нашими странами и давно заняли достойное место в частных и музейных нумизматических собраниях.

Соколов А. А. (ИБ РАН, Москва)

Русская культура во Вьетнаме: кон. XIX в. — 1954 г.

Появление и распространение русской культуры во Вьетнаме было обусловлено конкретными историческими обстоятельствами. Первый этап связан с расширением географических горизонтов внешней политики царской России на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Тогда во Вьетнам, ставший французской колонией, отправляются русские военно-морские экспедиции, сановные путешественники, журналисты, ученые.

В 1920-е гг. во Вьетнаме стала формироваться русская колония, которая просуществовала до середины 1950-х гг. Это были коммерсанты, чиновники французских колониальных учреждений, ученые, офицеры и солдаты Французского Иностранного легиона. Все они старались сохранить русские культурные традиции, распространяя их и в соседних с Вьетнамом странах. В 1930-е гг. во Вьетнаме стали публиковаться произведения русских писателей Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова в переводе с французского языка.

После окончания Второй мировой войны, в 1945 г. в Ханойском университете известный русский востоковед Орест Викторович Плетнер (1892–1970)¹ стал преподавать русский язык. Так начался второй этап распространения русской культуры в народно-демократическом Вьетнаме, совпавший с годами войны Сопrotивления против французских колонизаторов (1946–1954). Тогда стали появляться прозаические и поэтические произведения советских писателей (в переводе с французского и китайского языков), исполняться песни советских композиторов, демонстрироваться советские фильмы. Процесс распространения русской советской культуры усилился после установления дипломатических отношений между СССР и ДРВ. Съемки документального фильма «Вьетнам» Р. Кармена² знаменовали переход к регулярным и стабильным культурным контактам и масштабному сотрудничеству между двумя странами в последующие годы.

¹ Ермакова Л. М. Профессор Орест Плетнер: жизнь, труды, переписка // Л. М. Ермакова. Российско-японские отражения: история, литература, искусство. М.: Восточная литература, 2020. С. 231–280.

² Первый совместный советско-вьетнамский художественно-документальный фильм «Вьетнам». Автор сценария и режиссер Роман Кармен. Центральная студия документальных фильмов. 1955 год.

Травкин П. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Восстание в Брунее 1962 года в советской историографии

Султанат Бруней долгое время был вне поля зрения отечественной историографии. Объясняется это, во-первых, тем, что государство получило свою полную независимость от Великобритании лишь в 1984 году, а во-вторых, тем, что его ближайшие соседи — Индонезия, Малайзия и Филиппины — занимают большее место в политике Юго-Восточной Азии. Для советской историографии интерес к изучению государств-соседей Брунея был обусловлен происходившими там политическими процессами, которые поменяли путь развития всего региона, а также активными действиями крупных левых и коммунистических партий, развивающих рабочее движение.

Бруней всегда был абсолютной монархией, там отсутствовала многопартийность и какой-либо широкий политический дискурс. Даже после получения независимости государство продолжало ориентироваться на страны Запада в вопросах экономики и политики.

Описание истории Брунея в советской историографии до середины 1960-х годов ограничивалось лишь поверхностным описанием исторических процессов, происходивших в стране.

Во времена СССР отечественные востоковеды делали попытки изучить историю Брунея. Благодаря их труду было выпущено несколько коллективных монографий и справочников, о которых пойдет речь в докладе. Во всех описываемых работах одним из главных эпизодов брунейской истории было восстание 1962 года, оказавшее наибольшее влияние на дальнейшее политическое развитие страны.

В 1888 году Бруней стал протекторатом Великобритании, а в 1906 году превратился в полноценную колонию. В 1959 году страна получила право на внутренне самоуправление¹.

В начале 1960-х годов встал вопрос о создании Федерации Малайзия из числа колоний Великобритании в Юго-Восточной Азии. Брунейскому султанату британские власти представили два сценария развития будущего султаната: стать одним из субъектов Федерации или остаться колонией Лондона с расширением внутренней автономии. Однако у Брунея был еще один, альтернативный вариант — стать частью плана по созданию нового государства под названием «Федерация Северного Борнео», включавшего в себя территории самого Брунея, а также двух штатов Малайзии — Сабаха и Саравака. Создание альтернативного варианта Федерации Малайзия было поддержано президентом Индонезии Сукарно (1945–1967 гг.). Идейной основой нового территориального образования должна была стать идеология, схожая с личными воззрениями индонезийского лидера, сочетающая марксизм, национализм, а также антиимпериализм². Предложение было

¹ Graham Saunders. *A History of Brunei*. Kuala Lumpur: Oxford University Press, 1994. P. 92, 109.

² Ефанова Л. В. *Бруней: история, экономика, современность*. М.: Наука, 1975. С. 38–45.

отклонено брунейской элитой и лично султаном. После этого Сукарно обратился лидеру брунейского национального движения — шейху Азахари, возглавлявшему единственную партию Брунея (Народную партию Брунея, НПБ, малайск. *Parti Rakyat Brunei, PRB*). В Брунее национальное движение было менее развито, чем в Индонезии или Малайзии, а его лидеры несамостоятельны. Джакарта попыталась использовать силы НПБ для устранения присутствия Великобритании в Брунее.

В декабре 1962 года Азахари и его соратники предприняли неудачную попытку государственного переворота. После этого все демократические преобразования в Брунее были свернуты, Великобритания усилила свое присутствие в колонии. В султанате сохранилась теократическая и абсолютная монархия.

На момент создания основных работ, посвященных Брунею, восстание 1962 года было последним наиболее ярким событием в политике страны.

Советские историки в целом положительно оценивали деятельность Азахари и его соратников по партии, а также оценивали восстание 1962 года как часть борьбы народов Юго-Восточной Азии за свое освобождение от гнета колониализма и империализма.

Отдельного внимания заслуживает изменение позиции советских авторов в отношении лидеров восстания, их идей, а также программ реформ в случае их победы. До получения Брунеем независимости в 1984 году исследователи старались опустить часть фактов о восстании, идущих вразрез с марксистско-ленинским учением, а также официальной повесткой СССР по поддержке национально-освободительных движений в странах Азии и Африки. Однако после получения Брунеем независимости и изменением внутривосточной повестки внутри самого СССР в работах отечественных историков стали преобладать критические оценки деятельности НПБ, ее лидера Азахари, самого восстания, а также идеологической составляющей программы восставших, где отдельно авторами исследований подчеркивалась ее эклектичность и расхождение с марксизмом-ленинизмом¹.

Таким образом, восстание в Брунее 1962 года получило значительное освещение в работах советских авторов. В настоящий момент данные работы служат источниковедческой базой для современных историков-востоковедов, позволяющей создание объективных и свободных от идеологии работ, посвященных теме восстания в Брунее 1962 года.

¹ Воскресенский Г. А., Ефанова Л. В., Чуфрин Г. И., Осипова М. Г. Бруней: справочник. М.: Наука, 1990. С. 77.

Секция XV • Section XV

Источниковедение и историография Индии
Historiography and Source Studies of India

Бочковская А. В. (ИСАА МГУ, Москва)

Ади-пракаш: священный текст панджабских далитов

В 1910–1930-х годах в разных районах Индии низкастовые группы населения, прежде всего неприкасаемые, включились в борьбу за экономические, политические и социокультурные права. Названия ряда движений того времени включали определение «ади» — исходный, изначальный; в качестве определяемого выступала этническая или религиозная самоидентификация сообществ: ади-андхра, ади-дравида, ади-карнатака, ади-хинду, ади-дхарм и др. Большинство движений «ади» завершились в 1940-х годах, но некоторые в той или иной форме сохранились до сегодняшнего дня. Результатом каждого из них стало формирование новых идентичностей — кастовых или религиозных.

Лидеры движения ад(и)-дхар(а)м («изначальная вера»), объединившего кожевников-чамаров и других неприкасаемых Пенджаба, настаивали на том, что они являются последователями самостоятельной веры, существующей параллельно с тремя основными религиями региона — сикхизмом, исламом, индуизмом¹. Своим духовным гуру они провозгласили средневекового поэта Равидаса (XV–XVI вв.), чамара по происхождению. Кроме него в число *сантов* (святых) они включили первопэста Валмики, которому приписывается авторство эпоса «Рамаяна», а также низкастовых *бхактов* Кабира (XV–XVII вв.) и Намдева (XIII–XIV вв.). У ади-дхарми появилось собственное приветствие — «Джай гурудев!» («Да здравствует святой Гуру!») и символ, он же мантра, — *сох(а)м*

¹ Бочковская А. В. «Изначальная вера» зарегистрированных каст Пенджаба // *Studia Religiosa Rossica*. 2023. № 4. С. 102–117.

(*soham*, «Он — есть я!»), обозначающий изначальное единство и равенство всех людей. Появились и свои храмы — *адидвары*. В качестве внешнего атрибута ади-дхарми избрали одежды красного цвета¹. В колониальной переписи 1931 г. ади-дхарм определялась как отдельная религия с 450 тыс. последователей, но в последующих переписях термин «ади-дхарми» означал уже не религиозную, а кастовую принадлежность.

Движение ади-дхарм возродилось в 1970-х во многом благодаря усилиям панджабской диаспоры в Великобритании, США и Канаде. Новый импульс оно получило с окончанием панджабского кризиса в начале 1990-х. Фоном для деятельности последователей ади-дхарм в последние два десятилетия служит взрывной рост социально-политической активности далитов («угнетенных») в Индии в целом и в Панджабе в частности. Ведущее место в пропаганде идей сообщества принадлежит Всеиндийской миссии ади-дхарм, главный храм которой находится в Кхарали (дистрикт Хошиарпур, Панджаб).

Поскольку наличие собственного сакрального текста является важнейшим атрибутом религии, о создании священной книги ади-дхарм под названием *Ад-пракаш* (Изначальный свет) речь шла еще в 1920-х годах, но реальностью она стала лишь спустя полвека. Автором книги — по сути, альтернативы священному сикхскому тексту *Гуру-грантх* — был *свами* Ишар Дас (1900–1960), который составлял текст около 25 лет². В рукописном варианте труд *Ади-пракаш ратнакар* (пандж. Сокровищница изначального света) включал 1340 страниц. Типографским образом он был издан в 1984 г. на панджаби в графике гурмукхи (1248 стр.) и позже — в транслитерации на деванагари (1292 стр.).

Книга состоит из *прасангов* — тем, или блоков, в которые входят *чханды* (стихи/гимны), *шабды* («высказывания») и *шлоки* (строфы). Они включают рассуждения о религии ади-дхарм, об истории «изначальных» жителей Индии и об истинности их веры, а также сюжеты из жизни Равидаса и других знаковых для ади-дхарми персонажей — эпических героев, низкокастовых поэтов-*бхактов* и «певцов»-*бхаттов*, чьи гимны или/и строфы входят в сикхский священный текст *Гуру-грантх*. Кроме того, в книге упоминаются исторические и современные персонажи.

Несмотря на исходное противостояние с сикхами, ади-дхарми с пиететом относятся к *Гуру-грантх*, и в части их храмов сикхский текст занимает почетное центральное место — рядом с неизменным — скульптурным или живописным — изображением гуру Равидаса. *Ади-пракаш* обычно хранится отдельно; книгу достают для определенных сакральных действий, соблюдая при этом ритуалы почитания, во многом аналогичные тем, что сопровождают использование *Гуру-грантх*.

¹ Report of the Ad Dharm Mandal, 1926–1931 // Juergensmeyer M. Religious Rebels in the Punjab: The Ad Dharam Challenge to Caste. New Delhi, 2009. P. 301–302.

² Madhopuri B. *Gāthā pavitra granth śrī ādi prakāś ratnāgar*. Aad Dwara Parbandhak Committee. Hoshiarpur, 2017.

Исследование «трехмерной модели» *Ади-пракаш* с анализом семантической, перформативной и культовой функций текста (Дж. Уаттс¹) позволяет определить место ади-дхарми в религиозном ландшафте индийского Панджаба и оценить потенциал этого далитского сообщества в его непростых взаимоотношениях с «истинными» последователями сикхизма.

Возчиков Д. В. (УрФУ, Екатеринбург)

«В их законе много добрых обычаев, но они их не соблюдают»: социум Кочина глазами флорентийского гуманиста Филиппо Сассетти

После формирования португальской колониальной империи купцы из Венеции, давнего торгового конкурента Португалии, и Флоренции нередко посещали торговые города Южной Азии, включая богатый и древний Кочин, пользуясь маршрутами, уже контролируемые португальцами. Находясь в тени португальского дискурса об «Индиях» и будучи подверженными его влиянию, сообщения путешественников из итальянских государств об Индии XVI в. оказывали значительное влияние на восприятие народов Южной Азии европейскими интеллектуалами раннего Нового времени.

Купец-гуманист Филиппо Сассетти (1540–1588) происходил из именитого флорентийского рода, получил образование в Пизанском университете, имел широкий круг интересов — от античной поэзии до ботаники. В Индию он отправился на португальском корабле из-за финансовых трудностей, однако в торговле не вполне преуспел. Последние пять лет жизни Сассетти, обосновавшийся в Кочине, провел в Южной Индии (1583–1588), умер в Гоа. Множество сведений о повседневной жизни Малабарского берега сохранили письма Сассетти, среди адресатов которого были представители династии Медичи. Ряд посещавших Индию на португальских судах флорентийцев, включая Сассетти, были представителями гуманистической среды. Флорентийские гуманисты видели в Индии древнюю культуру, сохранившую многие явления, которые удивляли античных авторов. Андреа Корсали в письме Джулиано Медичи в 1515 г. жалел о разрушении португальцами великолепного индуистского храма близ Гоа с искусно выполненными скульптурами.

Сассетти писал о брахманах чаще, чем о прочих социальных группах Кочина: «Жизнь у местных жителей различна, поскольку там есть язычники, иудеи и мавры. Среди язычников есть одна порода (*razza*), принадлежащие к которой во всей этой области Индии — иноземцы, они называются брахманами (*Bramani*) и не могут совершить никакого убийства, более того, оказавшись там, где убивают кур и иных

¹ Watts J.W. *The Three Dimensions of Scriptures* // Watts J.S. (ed.) *Iconic Books and Texts*. Sheffield, Bristol, 2013. P. 14–16.

животных, брахманы выкупают их, чтобы сохранить им жизнь. В их законе много добрых обычаев, но они их не соблюдают. Узы брака у них очень прочны: когда умирает муж, а его тело несут на сожжение, оставшаяся в живых жена бросается в его костер»¹. Вегетарианство брахманов Сассетти сравнивал с принципами учения Пифагора. Купец подчеркивал их статус священнослужителей, верящих в Бога и служащих «пагодам», как, вслед за португальцами, путешественник именовал индуистские мурти и храмы. Сассетти порой уничижительно отзывался о брахманах, считая их людьми жалкими, хитрыми и ленивыми, а аскезу йогинов (Gioghi) называл «адскими муками», отмечая, что для них подвигом было лишение девственности двух или трех тысяч девушек. У Сассетти положение брахманов в социуме Кочина не сводилось к их культовым функциям, бывалый купец отмечал вовлеченность брахманов в торговые дела, наряду с собственно купцами — чаттини (Ciattini).

Одним из первых европейцев Сассетти обнаружил интерес к санскриту, он попытался привести этимологию названия варны брахманов: «Их имя — сложное слово, его первая часть *Bra* на их древнем языке означает Бога (Iddio), а вторая *mene* — “размышлять”, так что в общем мы могли бы назвать их богословами (teologi)»².

Сассетти характеризовал иерархию кастовых групп Кочина, используя понятие «каста» (*casta*): ниже всех находилась презираемая каста *rolias* (неприкасаемые пулая), выше их — рыбаки, затем — ремесленники и, наконец, — наяры, которых Сассетти, подобно португальским и венецианским авторам, именовал дворянами. По его словам, любое прикосновение человека к кому-либо более низкого статуса, сразу превращало его в представителя низшей касты. Наяров (*Nairi*), главную воинскую кастовую группу Кералы, Сассетти называл также солдатами, их главными воинскими атрибутами считал меч и круглый щит (*rotella*).

Сассетти противопоставлял наяров брахманам: «Другие местные язычники... едят все и берут жен сверх одной, сколько захотят. Женщины также позволяют себе утолять свои влечения и притом открыто, до чего никому и дела нет»³. В описании наярских нравов купец использовал игру слов с явным эротическим подтекстом, а для характеристики иерархии внутри самой наярской знати — популярную в литературе эпохи Возрождения шахматную метафору. Он объяснял наследование статуса наяра племянником от сестры дислокальным браком, приравнивание которого к обычной развращенности было общим местом в европейских описаниях Кералы. Сассетти утверждал, что короли происходили «из этой касты наяров», а также ссылался на легенду, согласно которой черным царем из волхвов, пришедших поклониться Спасителю, был заморин — правитель Каликута (Кожикоде), титул которого путешественник приравнивал к императорскому. Культ трех

¹ Lettere edite ed inedite di Filippo Sassetti / Raccolte e annotate da E. Marcucci. Firenze, 1855. P. 249.

² Ibid. P. 282.

³ Ibid. P. 250.

царей-волхвов был чрезвычайно значим для Флоренции, и внимание флорентийского гуманиста к этой версии предания вполне соответствовало его стремлению символически связать историю Малабарского берега и христианского мира.

Кочин представлялся флорентийскому интеллектуалу своего рода Индией в миниатюре. Социальные реалии Кочина Сассетти рассматривал одновременно с позиции удивленного и пытливого наблюдателя и в дидактическом, местами — ироничном ключе. В его описании прослеживается четкая связь между ритуальной чистотой и местом в кастовой иерархии, слово «каста», взятое из португальского лексикона, для флорентийца стало удобным инструментом описания. Если брахманские обычаи виделись ему чаще примером сохранения высокой культуры и добронравия, пусть и не поддерживающегося в повседневной жизни, то образ жизни наяров он оценивал по привычным христианским критериям семейных нравов как распутство. Неоднородность брахманов, наяров и ремесленных каст была очевидна для флорентийца.

Демичев К. А. (Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС, Нижний Новгород)

Тропы Панджабского Льва: статика и движение махараджи Ранджита Сингха в отражении материалов переписок британских чиновников 30-х гг. XIX в.

Актеры политической власти и, уж тем более, правители, как правило, отличаются высоким уровнем мобильности. Поддержание власти, ее укрепление и расширение практически не отделено от пространственных перемещений, которые носят вполне целенаправленный характер. Функции правителя не отделены от самого носителя властных полномочий и, в том или ином виде, реализуются вне зависимости от основной их цели передвижения.

Системная реконструкция передвижения сикхских правителей в рамках периодов правления и/или осуществления властных полномочий, способствует выявлению специфики реализации внутренней и внешней политики, выполнение властных функций и осуществлению соответствующих прерогатив в контексте общего генезиса сикхской государственности.

Безусловно, что основным источником такой реконструкции являются придворные хроники¹ и иные документы, связанные с жизнью сикхского двора. Однако применительно к первой половине XIX в. эти источники хорошо дополняются

¹ Suri Lala Sohan Lul. An outstanding original source of Panjab history. Umdat-ut-Tawarikh. Daftar 3 Pt. (1–5): Chronicle of the reign of Maharaja Ranjit Singh, 1831–1839 A.D. Delhi, 1961.

британскими нарративами, включая официальную и неофициальную переписку британских чиновников, которым, волею судеб и в связи со служебной необходимостью, пришлось взаимодействовать с основателем единого сикхского государства махараджей Ранджитом Сингхом.

Нарративный корпус становится особенно значительным и значимым в 1830-х гг., когда, с одной стороны, могущество Ранджита Сингха достигло своего пика, а с другой — начались и британское «освоение Инда», и афганская кампания, как часть начавшейся «Большой игры» в Средней Азии, которые были немыслимы вне контекста панджабского фактора.

В свете этого наибольший интерес представляют переписки политического агента пограничной Лудхианы Клода Мартина Уэйда¹, а также британских чиновников, которые посещали сикхскую империю с различными дипломатическими миссиями (лейтенант Уильям Осборн, главный секретарь политического департамента Уильям Макнахтен²).

Главной особенностью этих нарративов является повышенное внимание к персоне махараджи Ранджита Сингха. Авторы интересуются буквально все связанное с сикхским правителем, включая внимательное отношение к информации, где находится махараджа и с какой целью он там пребывает. Учитывая, что Пятиречье еще только пространственно осваивалось европейцами, их интересовали дороги, маршруты, расстояния между населенными пунктами и теми или иными объектами. По этой причине передвижение Ранджита Сингха с их стороны еще маркировано и этими дополнительными данными.

Другой важной особенностью переписки является ее специфическая жанровая характеристика, связанная с четкой датировкой. Письма писались сразу или, что называется, по горячим следам. Поэтому передвижение махараджи по своей стране четко ложится не только в пространственную, но и во временную систему координат.

Денисенко В. Л. (Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск)

Первопроходцы в изучении Кушанского и Индо-Скифского царств³

Первые исследования древней истории Северной Индии связаны с участниками Британской Ост-Индской компании. С ростом их торгового, военного

¹ Sethi R. R. The Lahore darbar (in the light of the correspondence of Sir C. M. Wade, 1823–1840). Lahore, Keeper of Records, Govt. of Punjab, 1950.

² Lajpat Rai Nair. Sir William Macnaghten's correspondence relating to the Tripartite Treaty. Government Record Office, Punjab, 1942.

³ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10121.

и административного потенциала в Южной Азии резко увеличилось количество офицеров и чиновников, и многие из этих первых экспатриантов проявили интерес к своему новому окружению. Поиски присутствия Александра Македонского, интерес к монетам и древностям как к материальному источнику истории региона — именно эти мотивы вдохновляли коллекционеров и ученых, готовых и способных достичь впечатляющих результатов. Они также получали поддержку от правительства, потому что их деятельность совпадала с политическими целями Британской Ост-Индской компании.

Интеллектуальная среда, которая сделала возможным изучение индийской цивилизации и породила индийскую археологию, связана с именем сэра Уильяма Джонса. 15 января 1784 г. под его руководством было основано Азиатское общество / *Asiatick Society* (АО) по изучению истории, древности, искусства, науки и литературы Азии, которое существует до настоящего времени. Особого внимания заслуживает музей, основанный в 1814 г., где участники АО размещали собранные ими предметы. В этот период в большом объеме стали поступать нумизматические и эпиграфические материалы.

Первая значительная публикация кушанских монет была сделана в 1825 г. военным офицером Британской Ост-Индской компании Джеймсом Тодом¹. Дж. Тод многие имена с легенд соотнес с упоминанием царей из «Перипла Эритрейского моря», с которым он был знаком из опубликованного в 1807 г. перевода Уильяма Винсента. На основе данного первоисточника, где есть упоминание об индо-скифах, Дж. Тод предположил связать часть найденных им монет со скифами, которые, по его мнению, свергли греков в Бактрии.

В мае 1830 г. Жан-Батист Вентура, итальянский офицер, нанятый сикхами, провел раскопки ступы Манкиала². Среди обнаруженных находок были монеты с греческими надписями. Он был уверен, что обнаружил местонахождение города Буцефалы, основанного Александром Македонским. В марте 1832 г. французский ученый Р. Рейно опубликовал статью о находках из ступы Манкиала. Как и Ж.-Б. Вентура, он просто перечислил количество и местонахождение монет, найденных во время раскопок, но пришел к выводу, что греческие и санскритские надписи говорят об их принадлежности местным правителям региона после вторжения Александра³.

Наиболее важной фигурой в изучении археологии, эпиграфики и нумизматики Северной Индии в XIX в. стал Джеймс Принсеп (1799–1840) — профессор кафедры санскрита Оксфордского университета и секретарь АО. Инициативы Дж. Принсепа заключались в том, чтобы подвергнуть обнаруженные артефакты всестороннему анализу. Его кропотливые исследования привели к первичной

¹ Tod J. An account of Greek, Parthian, and Hindu medals, found in India // *Transaction of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1827. P. 313–342.

² Ventura J. B. Account of the excavations of the tope Manikyala // *Asiatic Researches*. 1832. Vol. XVII. P. 600–603.

³ Reinaud R. Lettre au rédacteur du Journal Asiatique // *JA*. 1832. Vol. IX. P. 276–279.

дешифровке неизвестных ранее письменностей, таких как брахми и кхароштли¹. В материалах из ступы Манкиала он обнаружил среди монет медный дидрахм Канишки I с греческой надписью. Дж. Принсеп смог ее расшифровать, тем самым открыв имя царя: «полагаю, это монета Канишки, татарина или скифа — покорителя Бактрии». Данная монета дала первую зацепку для идентификации кушан.

Главным соратником Дж. Принсепа был англичанин Чарльз Массон (1800–1853), британский путешественник и исследователь. За три года Ч. Массон собрал не менее 3270 кушанских монет². С такой большой выборкой классификация монет Ч. Массона и Дж. Принсепа была довольно точной, и они смогли определить монеты основных кушанских правителей.

Из работы венгерского ученого Александра Чома де Корёша Дж. Принсеп узнал о тибетских и буддийских текстах, в которых царь по имени Канишка назван покровителем буддизма, правившим в Северной Индии четыреста лет спустя после смерти Будды. В первой аналитической статье по «Раджатарангини» Йогеша Чандера Датта он также встретил упоминание имени Канишки, названного царем Кашмира вместе с двумя другими царями Хушкой и Джушкой³. От Ф. Шлегеля и других классических ученых, с которыми Дж. Принсеп консультировался, он узнал, что кочевники свергли греков в Бактрии примерно в 134 или 125 г. до н. э. На основе совокупности данных Дж. Принсеп датировал правление Канишки концом II в. до н. э., то есть примерно через четыреста лет после смерти Будды, которая, по его заключению, была около 520 г. до н. э. Важно отметить, что Й. Ч. Датта, основываясь на тех же источниках, что и Дж. Принсеп датирует правление Канишки началом христианской эры⁴. Также исследователи продолжали именовать кушан и юэчжей как индо-скифов, татар или тюрков⁵.

Одной из первых обобщающих исторических работ АО стал «Очерк индуистской истории Кашмира» профессора кафедры санскрита из Оксфорда Г. Г. Уилсона⁶. Он создал хронологическую таблицу правителей Кашмира, начиная с IV тыс. до н. э. по XI в. н. э. В данной хронологии большую часть занимали мифические правители, а реальные были датированы ошибочно. Вследствие этого данная работа носит исключительно историографический интерес.

Нумизматических и письменных свидетельств, которые могли бы помочь в идентификации юэчжийских, индо-скифских и кушанских царей, было множе-

¹ Prinsep J. *Essays on Indian Antiquities, Historic, Numismatic, and Paleographic* / Ed. Thomas E. London, J. Murray. 1858. 553 p.

² Cribb J. *Rediscovering the Kushans // From Persepolis to the Punjab: Exploring Ancient Iran, Afghanistan and Pakistan*. London, 2007. P. 179–210.

³ Wilson H. H. *An Essay on the Hindu History of Kashmir // Asiatic Researches*. Calcutta, India. 1825. Vol. 15. P. 1–119.

⁴ Dutt R.C. *A note on the Rajatarangini // The hindu history of Kashmir*. Varanasi and Delhi: Indological book house, 1969. P. 141–159.

⁵ В «Раджатарангини» в шлоке 68 сказано, что Хушка, Джушка и Канишка были из рода турушка.

⁶ Wilson H. H. *An Essay on the Hindu History of Kashmir // Asiatic Researches*. Calcutta, India. 1825. Vol. 15. P. 1–119.

ство, но не хватало археологических свидетельств. Тем не менее первопроходцы в изучении индо-скифских и кушанских материалов, члены АО Г. Г. Уилсон, Ч. Массон и Дж. Принсеп, стали важными фигурами среди английских исследователей и вдохновили целое поколение, которое продолжило изучение древней Индии. Благодаря им открылись совершенно новые перспективы в развитии эпиграфики и нумизматики, столь необходимые для восстановления подлинной истории взаимосвязей народов Центральной и Южной Азии в древности.

Дорохова И. А. (Петрозаводский госуниверситет, Петрозаводск)

**Еженедельник «The Indian Opinion»
о поддержке в колониальной Индии
участников сатяграхи в Южной Африке
в начале XX в.**

Появление первого печатного индийского издания в Южной Африке связано с именем выдающегося деятеля индийского национально-освободительного движения М. К. Ганди. Стремясь вовлечь индийцев в борьбу за улучшение их правового и экономического положения, он предпринял издание еженедельника «Индиан опинион» («Индийское мнение»). «Мы должны достигнуть единства, и задача журнала посеять эти идеалы в умы наших людей и сплотить общину»¹. С помощью газеты он также надеялся привлечь внимание общественности юга континента, Англии и Индии к проблемам южноафриканских индийцев.

Первый номер «Индиан опинион» вышел 4 июня 1903 г. в г. Дурбане. Издавать газету предложил Ганди бывший школьный учитель из Бомбея, владелец типографии Маданджит. Ее редактором стал адвокат Мансухлал Наазар. А вот ответственность за составление редакторских статей и политику издания легла целиком на М. К. Ганди. Вскоре ему пришлось вкладывать и собственные средства, чтобы еженедельник смог выходить. Уже с первых номеров газета основное внимание уделяла положению соотечественников на юге Африки, условиям их жизни и деятельности, внутриобщинным делам. Постепенно все большее место стали занимать в ней материалы, которые характеризовали притеснения, с которыми сталкивались индийцы: необходимость жить в специальных кварталах, невозможность свободного перемещения по региону, бесправное положение законтрактованных рабочих, проблемы с образованием индийской молодежи и другие. Часть тиража шла в Англию и Индию.

¹ Gandhi M. K. Indian Opinion // Gandhi M. K. The Collected Works of Mahatma Gandhi. New Delhi, 1961. Vol. V. P. 290.

Еженедельник менялся по мере того, как менялись взгляды М. К. Ганди. Наибольший интерес представляют материалы, связанные с началом сатьяграхи, движения ненасильственного сопротивления, начатого им в 1906 г. Это была уже не просто петиционная кампания, а массовый бойкот законов и сложившейся системы дискриминации. На страницах «Индиан опинион» появлялись многочисленные сообщения о проведении митингов и собраний против антииндийских законопроектов, отчеты о кампаниях бойкота регистрационных учреждений, безлицензионной торговле индийцев, списки арестованных и высланных, письма и обращения к общественным деятелям за рубежом. В ней Ганди впервые изложил принципы и практику ненасильственного сопротивления. Конкурс на лучшее индийское название развернувшегося движения был также проведен «Индиан опинион». Регулярно выходили такие рубрики, как «Еженедельный дневник», «Европейская пресса о Трансваальских событиях», «Китайские сопротивленцы», и другие¹.

Наше внимание привлекла рубрика «Вести из Индии», в которой освещались события на далекой родине и отношение там к борьбе южноафриканских индийцев. Через страницы еженедельника М. К. Ганди и община протестовали против раздела Бенгалии, поддерживали бойкот иностранных товаров, печатались и некоторые материалы сессий Индийского национального конгресса (далее ИНК). Деятели ИНК, несмотря на то что были заняты внутренними проблемами страны, поддерживали своих борющихся соотечественников. «Следим за борьбой внимательно. Острый интерес. Глубокая симпатия. Безоговорочно верим», — телеграфировал индийский политический и общественный деятель, один из ведущих лидеров умеренного крыла ИНК Г. К. Гокхале².

1909–1910 годы — время наибольшего внимания и помощи индийского общества своим южноафриканским соотечественникам. В 1909 г. в Индию из Южной Африки приехал друг и коллега М. К. Ганди Генри Полак. По рекомендации Ганди он встретился с Г. К. Гокхале и информировал его о сложившейся ситуации. Собрания солидарности с борющимися на юге африканского континента индийцами прошли в Дели, Бенаресе, Лахоре, Сурате и других местах³.

В октябре 1909 года была сформирована Индийская южноафриканская лига Мадраса. Перед ней были поставлены следующие задачи: получение и публикация сведений из Южной Африки, проведение митингов солидарности, составление воззваний, помощь высланным в Индию и ряд других⁴. В Калькутте в конце 1909 года была организована южноафриканская лига Бенгалии, которая ставила перед собой аналогичные задачи⁵. «Кажется, что вся Индия отозвалась на наш

¹ Дорохова И. А. «Индиан опинион» как источник по истории индийской общины Южной Африки в начале XX века // Проблемы историографии всеобщей истории. Петрозаводск, 1991. С. 93–98.

² Ibid. 1907, 21 Sept.

³ Ibid. 1909, 25 Sept.

⁴ Ibid. 1909, 20 Nov.

⁵ Ibid. 1910, 12 Febr.

призыв», – отметила «Индиан опинион» 16 октября 1909 года. К январю 1910 года в фонд помощи трансваальским индийцам было собрано 53 тысячи рупий¹.

В октябре 1912 г. состоялся визит Г. К. Гокхале в Южную Африку, расцененный южноафриканской индийской общиной как явное подтверждение интереса руководителей национального движения в Индии к их жизни и борьбе. По возвращении домой Гокхале развернул широкую кампанию поддержки южноафриканских индийцев. Новые дискриминационные законы 1913 года вызвали присоединение женщин к борьбе: «Индия полна восхищения своими героическими детьми, особенно женщинами, вся страна за вас»²; «Демонстрация. Агра с вами сердцем и душой. Собираем деньги»³.

8 июля 1914 г. «Индиан опинион» поблагодарила соотечественников за помощь и поддержку в их борьбе. Даже краткое перечисление фактов, опубликованных на страницах еженедельника «Индиан опинион» — статьи индийской прессы, личные контакты с деятелями ИНК, собрания индийской общественности, финансовая поддержка борющихся в Южной Африке и высланных в Индию, свидетельствуют о достаточно широком отклике, который события в Южной Африке вызвали в Индии и ИНК.

Котин И. Ю. (МАЭ; ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Мина» в сикхской истории

Благодаря трудам В. Х. Маклеода⁴ каноническая история сикхизма, во многом ранее воспринимаемая на веру, была поколеблена. При этом Маклеод избегал резкой критики сикхов-традиционалистов. Его замечания рассыпаны по целой серии его трудов как текстологические заметки и нигде не формулируются как альтернативная история. Не рискуем этого сделать и мы. Отметим только, что «мина» под историей сикхизма присутствует и связана она в значительной степени с деятельностью секты «мина», и рассмотрим связанные с ней сюжеты.

Название «мина» переводят как «самозванцы, ложные». Так называют старшего сына Рам Даса Притхи Чанда (Притхи Раджа), его наследников и последователей. Ненависть у ортодоксальных сикхов к *мина* просто культивируется. Отметим, что, согласно кодексу поведения сикха в его наиболее радикальной версии от духовной

¹ *Indian Opinion*. 1910, 15 Jan.

² *Ibid.* 1913, 10 Dec.

³ *Ibid.*, 3 Dec.

⁴ McLeod W. H. *Gurū Nānak and the Sikh religion*, Oxford: Clarendon Press, 1968; McLeod W. H. *The Evolution of the Sikh Community*, Oxford University Press, 1975; McLeod W. H. *Early Sikh Tradition: A study of the Janamsakhis*. Oxford, Clarendon Press, 1980; McLeod W. H. *The Sikhs: History, Religion, and Society*. By W. H.. New York: Columbia University Press, 1989; McLeod W. H. *Who is a Sikh? The Problem of Sikh Identity*. Oxford: Oxford University Press, 198.

академии Дамдама Сахиб, истинный сикх не должен иметь с мина ничего общего, не должен с ними общаться¹. И это при том, что на момент издания этого кодекса поведения (1950) «мина» как секта не существовали, а побывавшая в 1960-е гг. в Пенджабе Н. Р. Гусева² не смогла найти о них никакой информации и отнесла их к числу сект племенного происхождения.

Что нам известно о «мина»? Они — последователи Притхи Чанда (1559–1619), того самого старшего сына гуру Рам Даса, обойденного при назначении гуру Арджуном. Роуз переводит название «мина» как «самозванцы», «(незаконные) претенденты»³. Первым «мина» считается старший сын гуру Рамдаса и старший брат гуру Арджуна Притхи Чанд, не согласившийся с назначением младшего брата в качестве законного наследника *гурута*. Нам неизвестны причины выбора Рамдаса в пользу младшего сына. Возможно, тот был любимчиком старого гуру. Магистральная сикхская традиция гласит, что Рамдас счел Притхи Чанда недостойным высокого сана. Сикхские предания о попытках Притхи Чанда умертвить сына Арджуна Хар Гобинда с помощью кобры или подосланного убийцы, вероятно, следует рассматривать критически. А вот близость его к двору Великого Могола Джахангира (Агра, Лахор, Шринагар) и лахорскому двору его наместника, его большая гибкость (не без коварства), мирный характер общины его сторонников, очевидно, больше устраивали центральную власть. Произошел раскол общины сикхов, часть пошла за Притхи Чандом, причем Арджун оставил Гуру Чакк (Рамдаспур, Амритсар) Притхи Чанду с сохранением за городом общесикхской святыни. Гоиндвал, вероятно, сохранил лояльность потом как обитель Мохана, сына Амара Даса. В Картарпуре жили последователи Сири Чанда, в Кхадуре — последователи Дату.

Часть сикхов в Гоиндвале и Амритсаре сохранила лояльность Притхи Чанду, и их прозвали самозванцами — «мина». Арджун ушел из обители отца и основал обитель в Таран Таране. Амритсар же на многие годы после смерти Арджуна стал ставкой альтернативной линии гуру, позднее прозванных «мина» (самозванцы) и проклятых наследниками Арджуна. Некоторые современники Арджуна даже признавали Притхи Чанда следующим сикхским гуру. Но в современной сикхской общине Притхи Чанд, его сын Михарбан и внук Харджи заклеены как узурпаторы и самозванцы. Требование от сикхов не иметь ничего общего с сектантами-«мина», считавшими этих троих сикхскими гуру, попало с современным кодексом поведения сикха в его наиболее радикальной форме⁴. При этом образ

¹ Gurmat Rehat Maryada (Summarised Version). Damdami Taksil: Navyug Printers, б. г. 54 p.

² Гусева Н. Р. О сектах в сикхизме // *Страны и народы Востока*. Вып. 5. Индия — страна и народ. М., 1967. С. 50–72.

³ Rose H. A. A Glossary of the Tribes and Castes of the Punjab and North-West Frontier Province. Based on the Census Report for the Punjab, 1883, by the Late Sir Denizeil Ibbetson, and the Census Report for the Punjab, 1892, by Sir Edward MacLagan, and compiled by H. A. Rose, of the Indian Civil Service. Vol. I–III. Lahore: The Superintendent Government Printists, Punjab, 1909–1911. Vol. III. P. 104.

⁴ Gurmat Rehat Maryada. P. 29.

Притхи Чанда еще и демонизирован. Его обвиняют в попытках убийства наследника Арджуна — Хар Гобинда. Истории этих попыток фантастичны и сходны с легендами о попытках убийства недругами бога-героя Кришны, культ которого был популярен в Пенджабе.

Между тем, «мина» оставили нам одну из самых ранних, если не самую раннюю агиографию Нанака — «Михарбан джанам-сакхи». Сын Притхи Чанда Михарбан написал биографию отца, дав образец биографиям гуру — *гур-вилас*. Попытка собирания и редактирования гимнов гуру Нанака, Ангада, Амардаса и Рамдаса также связана с деятельностью Притхи Чанда и Михарбана. Мы не будем утверждать, что их текст использовался при составлении священной книги сикхов «Адигрантх» (что не исключено), но наличие такого сборника (не Фатехпурский ли это список?) подвигло гуру сикхов Арджуна на составление собственного сборника гимнов Нанака, его предшественников и последователей, известного как «Картарпурский список», а чаще — как «Ад Ади Грантх» («Первая первоначальная книга»).

После смерти внука Притхи Чанда Харджи «мина» разделились на несколько сект, и к XVIII в. как секта перестали существовать. Мы не беремся давать оценку деятельности этой секте, вероятно, она оставалась в рамках учения раннего сикхизма и деятельность ее адептов концентрировалась на произнесении священного имени бога (*нам-симаран*). Но соперничество с «миной» признанных сикхских гуру Арджуна и Хар Гобинда катализировало их деятельность по кодификации священной книги сикхов «Адигрантх» и, возможно, повлияло на появление других жанров священной сикхской литературы (джанам-сакхи, гур-вилас).

Сидорова С. Е. (ИВ РАН, Москва)

Слуги Южной Азии: теоретико-методологические подходы в историографии

Доклад посвящен теоретико-методологическим подходам в историографии к проблематике домашнего труда и слуг. Называемые в современной номенклатуре профессий домашними работниками, слуги долгое время оставались невидимой группой как для академических исследований, так и для государственных институтов, регулирующих трудовые отношения в социуме, и попали в их поле зрения лишь в последние десятилетия. В южноазиатском контексте они оказались в центре внимания в конце XX в. на фоне возросшей озабоченности проблемами дискриминируемых по признакам касты, гендера, этнической или религиозной принадлежности категорий общества. Из их нижних страт на протяжении веков преимущественно и рекрутируется огромная армия слуг. Они составляют заметный и устойчивый элемент повседневности индийских домохозяйств, что подвигло

Нитина Синху и Нитина Варму, авторов проекта «Прошлое слуг», увенчавшегося выходом в 2019 г. одноименного двухтомника¹, предложить концептуальную идею о ключевом значении слуг как элементе, формирующем социокультурное пространство Индостана: «Размещение слуг в качестве центрального объекта анализа в индийском социальном контексте ставит вопрос, схожий с тем, что в свое время определил историографический сдвиг в исследованиях атлантического рабства: является ли южноазиатское общество обществом слуг или обслуживающим обществом?».

Став объектом академического изучения слуги актуализировались как довольно аморфное, плохо структурированное и трудно описываемое сообщество. Являясь гиперонимом, понятие «слуги» скрывает за собой огромное разнообразие субординаций и квалификаций, что затрудняет очерчивание границ этой профессиональной группы. Многочисленные к настоящему моменту исследования демонстрируют большую вариативность подходов к феномену домашних работников, некоторую нехватку дефиниций и терминологическую невнятность наряду с рыхлостью опорных теоретических конструкций.

Долгое время воспринимаемые как непродуцирующая часть общества, рассредоточенная по закрытым частным домохозяйствам, несклонная или неспособная к активному социальному действию, они не находили себе места в исследованиях о труде (Labor Studies). С недавних пор они стали одним из аналитических объектов исследований прекариата, где рассматриваются как социально незащищенная и уязвимая часть трудового сегмента общества. В качестве угнетаемой, находящейся в подчиненном положении, лишенной субъектности группы слуги появились в фокусе постколониальной теории и связанных с ней гендерных и субалтерных штудий. Для этих историографических традиций значимы были другие (помимо труда) категории, через которые объективируются отношения между хозяевами и слугами — гендер, раса, каста, этнорелигиозная или социальная принадлежность. Представители этих полей выводят слуг из маргинализованного состояния путем индивидуализации их жизней, наделения именами, биографиями, судьбами, голосами, вспахивая попутно ниву микроистории.

Большинство современных историографических направлений рассматривают слуг как участников бинарных конструкций, в которых они неизменно оказываются в оппозиции к своим хозяевам. Для смещения аналитической оптики в докладе вводится категория порядка как базовой потребности, способа и необходимого условия существования индивидов и социальных организмов. Агентами поддержания порядка в частном пространстве являются слуги. С концепцией материального прядка имеет дело такая область знаний, как исследования в области поддержания и починки (Maintenance and Repair Studies, MRS). В отличие от всех предшествующих подходов, в свете теории MRS слуги не находятся в оппозиции к хозяевам и обретают собственную субъектность в процессе продуктивной дея-

¹ Sinha N., Varma N. (eds). *Servants' Pasts: Late Eighteenth to Twentieth-Century South Asia*. Vol. I–II. N.D.: Orient Blackswan, 2019.

тельности по обслуживанию базовой потребности в порядке, как индивидов, так и социальных организмов.

Соболева Е. С. (МЭ РАН, Санкт-Петербург)

Историческое значение португальских миссионеров в духовном завоевании Цейлона XVI–XVII вв. (по книге Гастона Переры)

Португальская экспансия XVI–XVII вв. ознаменовалась закреплением новых — европейских — явлений в культуре и быте населения Южной и Юго-Восточной Азии. Католические миссионеры сыграли в этом процессе двоякую роль. На местах они действовали как «культурные катализаторы» (вводили религиозное образование, архитектуру, живопись, скульптуру, музыку, драму). Их отправленные в Европу отчеты представляют собой ценный исторический источник. Но «духовное завоевание» не обошлось без жестокого обращения, которому паства подвергалась со стороны как светских властей, так и религиозных лиц, особенно иезуитов. Эта тема волнует сингальского писателя С. Гастона Переры.

С. Гастон Перера изучал западную классическую литературу в Университете Перадения, затем он получил степень в области государственного управления в Университете Видьодая (так он назывался в 1958–1972 гг.). Статус университета в 1959 г. был присвоен пиривене — учебному заведению при буддийском монастыре, основанному в 1873 г. с целью готовить образованных монахов, чтобы спасти на о-ве Цейлон буддизм от упадка, которому тот подвергался в годы колониального правления. В рамках политики поддержки национальных языков и культуры, проводимой премьер-министром Шри-Ланки С. В. Р. Д. Бандаранайке, Университет Видьодая со временем превратился в светский образовательный центр.

Профессиональная карьера С. Гастона Переры была связана с налогообложением как в Шри-Ланке, так и за рубежом. Он был приглашенным сотрудником в Queen Elizabeth House, University of Oxford. После выхода на пенсию он занялся писательской деятельностью. Действие его исторических романов происходит на Цейлоне в португальский период. Первый роман «Мятежник из Канди»¹ получил Государственную литературную премию за лучшее прозаическое произведение на английском языке (State Literary Award for English Fiction). Последовали «Проблемы безопасности Индии и другие исторические рассказы»² и роман «Сыны

¹ Perera Gaston C. *The Rebel of Kandy*. Colombo Book publishing project 1999. 673 p.

² Perera Gaston C. *Indian security concerns and other historical tales*. Vishva Lekha, 2000. 168 p.

мятежника»¹, переведенный на сингальский, тамильский, японский языки. Затем он обратился к истории сопротивления сингалов попыткам португальцев покорить их в период с 1594 по 1638 год: «Канди сражается с португальцами: военная история сопротивления Канди»². С. Гастон Перера впервые в ланкийской литературе написал о прямом вооруженном вторжении европейцев как о методе первой атаки глобализации. Португальцев он показывает хищными завоевателями, интриганами, искусными стратегами. По контрасту сингальские цари изображены как неуверенные и неуклюжие правители, ведущие борьбу за власть нечестными способами.

Сингальский буддист и член-казначей Королевского азиатского общества Шри-Ланки, С. Гастон Перера участвовал в организации в Коломбо 10–11 декабря 2005 г. международной конференции «The Portuguese Encounter» в ознаменование 500-летия прибытия португальцев на о-в Цейлон. Организаторы конференции не считали правильным празднование этой даты и выступили в поддержку идеи репараций и извинений от португальцев за те грабежи, которые они совершили пять веков назад. Доклад С. Гастона Переры на конференции вырос в книгу «Португальский миссионер на Цейлоне в XVI и XVII веках: духовное завоевание»³ (2009). Он критикует церковных историков, считает, что те преуменьшают последствия насилия португальских чиновников и священников, и поднимает актуальный вопрос определения ключевых понятий духовного обращения, силы, власти, которые эволюционировали с течением времени.

Книга о деятельности миссионеров на Цейлоне базируется на переведенных на английский язык португальских источниках (Fernão de Queirós, S. G. Perera и V. Perniola). Материал суммирован в шести разделах, разбитых на 22 главы. В первом разделе излагается идеология миссионерской деятельности, во второй раскрыты организационные аспекты миссии (подготовка миссионера, его отношения с государством, вознаграждение). Третий раздел представляет собой характеристику необходимых для миссионера качеств. Основываясь на письмах миссионеров XVI–XVII вв., С. Г. Перера отмечает их преданность делу и рвение, но специально подчеркивает такие черты «духовного завоевания», как насилие, разрушение, преследование, расизм и невежество. В четвертой части обсуждаются служащие предлогом и реальные стратегии миссионерства на Цейлоне. В пятой части подробно рассказано о тактике «духовного завоевания», принятой для реализации стратегии. В шестой части подводятся итоги 150-летнего периода португальской колонизации. Голландцы, владевшие Цейлоном в 1658–1796 гг., изгнали миссионеров, но католичество уже укоренилось в народной среде.

¹ Perera Gaston C. *Sons of the Rebel*. Colombo: Vijitha Yapa Publications, Sri Lanka, 2005. 673 p.

² Perera Gaston C. *Kandy Fights the Portuguese: A Military History of Kandyan Resistance*. Colombo: Vijitha Yapa Publications, Sri Lanka, 2007. 388 p.

³ Perera C. Gaston. *The Portuguese Missionary in 16th and 17th Century Ceylon: The Spiritual Conquest*. Colombo: Vijitha Yapa Publications, 2009. 430 p.

О португальцах на Цейлоне написано не так много художественной прозы и исторических трудов, поэтому книги С. Гастона Переры привлекли внимание профессиональных историков и подверглись критике.

Показательно, что на обложку книги вынесен фрагмент шкатулки, отправленной в 1557 г. в дар королю Португалии царем Дхармапалой после обращения в христианство. Шкатулка из резной слоновой кости имеет серебряные позолоченные петли, золотой филигранный замок и ручку, украшенную сапфирами. На боковой стенке — Древо Иессеево, представляющее собой аллегорическое изображение родословия Иисуса Христа с Девой Марией и Младенцем на вершине Древа. Предмет хранится в Музее Виктории и Альберта (Лондон). Эта шкатулка знаменательна тем, что впервые в произведении сингальского декоративно-прикладного искусства появились христианские мотивы, тем самым указывается на распространяющееся влияние новой веры на Цейлоне.

Столярова Е. В. (ГМИР, Санкт-Петербург)

Традиционный театр плоских кожаных кукол Кералы (основные источники)

Театр плоских кожаных кукол до сих пор существует в Индии, выступления проходят во время религиозных и светских праздников. Название театра «толпавакутху» южноиндийского штата Керала переводится с языка малаялам как «игра кожаных кукол». Традиция данных театральных представлений является частью ритуалов почитания богини Бхадракали. Этот вид искусства встречается в центральной части Кералы в районах Палаккад, Тришур и Малаппурам. За пределами указанного региона данная традиция была мало известна до 70–80 гг. XX в. Благодаря энтузиазму артистов, поддержке государства и различных общественных организаций искусство толпавакутху вышло за пределы храмов, а в дальнейшем стало неотъемлемой частью культурной жизни Индии. Спектакли при храмах представляют собой историю о подвигах царевича Рамы (аватары Вишну), которая рассказывается для богини Бхадракали. Вне храмов встречаются как мифологические, так и исторические сюжеты.

Подробная библиография изучения театральных традиций плоских кожаных фигур Южной Индии зарубежными авторами приведена в исследовании Р. Бханумати¹, согласно которому, артисты мигрировали в Кералу с востока в XVII–XVIII в. Толпавакутху сохраняется как семейная традиция. Титул Пулавар присваивается человеку, прошедшему обучение мастерству кукольника, а также обладающему

¹ Bhanumathi R. A study on the status of traditional shadow puppetry and puppeteers of South India. Doctoral thesis in Philosophy. Gandhigram Rural Institute, Deemed University (Tamil Nadu), 2004.

огромными знаниями в других областях (индийский эпос, аюрведа, астрология, этика и т. д.).

К сожалению, исследований, посвященных отдельно кукольному театру Индии, и в частности Южной Индии, в отечественной науке до сих пор нет. Впервые сведения о плоских кожаных куклах Индии мы находим в исследованиях о кукольном театре С. И. Потабенко¹, Н. И. Смирновой² и С. Образцова³. И. Н. Соломоник в своей монографии⁴ впервые на русском языке рассматривает основные направления театров плоских изображений Востока. Особенности разных кукольных театров Индии анализируют в своих статьях М. Ф. Альбедиль⁵ и С. И. Рыжакова⁶, подробнее театр кожаных фигур Кералы рассматривает Е. В. Столярова⁷.

Среди исследований зарубежных авторов выделяются следующие основные работы, посвященные театральной традиции толпавакутху: М. Контрактор⁸ (1984), Г. Вену⁹ (1990), С. Блекберн¹⁰ (1996), Р. Бханумати (2004), С. Гхош и У. К. Банерджи¹¹ (2006).

Кроме полевых этнографических материалов и личной переписки с носителями традиции для российского исследователя доступны работы российских и зарубежных авторов, посвященные кукольному театру Кералы, немногочисленные предметы музейных коллекций, а также интернет-ресурсы. К последнему типу источников относятся афиши кукольных спектаклей и фестивалей, статьи в прессе о кукольном театре Кералы, выступления артистов на телевидении, видеоматериалы с сайтов кукольников, храмов, университетов, а также туристических организаций Индии.

Артисты из Кералы во главе с Рамачандрой Пулаваром приезжали на гастроли в Москву в 2019 г. и представляли сокращенную версию спектакля о жизни Рамы. Они подарили ГАЦТК имени С. В. Образцова куклу, изображающую одного из

¹ Бабкина М. П., Потабенко С. И. Народный театр Индии. М., 1964.

² Смирнова Н. И. И... оживают куклы. М., 1982.

³ Образцов С. Моя кунсткамера. М., 1990.

⁴ Соломоник И. Н. Традиционный театр кукол Востока. Основные виды театра плоских изображений. М., 1983.

⁵ Альбедиль М. Ф. Марионетки Раджастана: деревянные двойники богов, героев и людей. // Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии. Материалы XXIII международной научной конференции. СПб., 2020. С. 484–487.

⁶ Рыжакова С. И. О некоторых особенностях кукольных театров Индии. // Театр и театральность в народной культуре: Сборник статей памяти Ларисы Павловны Солнцева (1924–2016). М., 2017. С. 206–215.

⁷ Столярова Е. В. Южноиндийский театр теней «толпава кутху»: традиция и современность // *Этнография*. 2020. № 4 (10). С. 35–46.

⁸ Contractor M. R. The shadow puppets of India. Ahmedabad, 1984.

⁹ Venu G. Tolpava Koothu. Shadow Puppets of Kerala. New Delhi, 1990.

¹⁰ Blackburn S. Inside the Drama—House: Rama Stories and Shadow Puppets in South India. Berkeley — Los Angeles — Oxford, 1996.

¹¹ Ghosh S., Banerjee U.K. Indian puppets. New Delhi, 2006.

героев индийского эпоса Рамаяна (Ханумана). В Санкт-Петербурге в коллекции Государственного музея истории религии хранятся шесть кукол (Рама, Сита, Равана, Вишвамित्रа, Ганеша и Хануман), поступившие в фонд с 2015 по 2022 г. Предметы экспонировались на выставках в залах музея в 2017 и 2022 гг.

Таким образом, театр толпавакутху занимает важное место среди древнейших форм индийского искусства, в основе которого лежит традиционная культура Индии, где мифология была и остается источником сюжетов, а многообразие обычаев и ритуалов включает почитание богов в виде гимнов, поклонение их образам и почитание их посредством разнообразных сценических искусств.

Фурсов К. А. (ИСАА, МГУ)

«Фатехнама» и «Зафарнама» Гобинда Сингха как шедевры психологической войны и политические манифесты

Автор доклада анализирует переведенные им в стихотворной форме с фарси две поэмы десятого гуру сикхов (1675–1708) Гобинда Сингха могольскому шаху (1658–1707) Аурангзебу. «Фатехнама» (1704 г.) и «Зафарнама» (1705 г.) — одновременно эпистолярные тексты, литературные произведения, исторические источники, шедевры психологической войны и политические манифесты. Цель доклада — рассмотреть поэмы в двух последних ипостасях. С привлечением работ классиков психологической войны и пропаганды (Х. Лассуэлл, Э. Доффат, П. Лайнбарджер и др.) и современных специалистов (В. Г. Крысько, Н. А. Коваль и др.) продемонстрировано, что обе поэмы представляют собой эффектные и эффективные инструменты психологического воздействия. При опоре на концепции видных историков-индологов (Л. Б. Алаев, Б. Стайн, К. Бэйли и др.) показано, что они в то же время выступают программными документами поднимавшейся сикхской теократии.

Два сочинения родились в обстановке вызревания сикхского княжества в Панджабе как одного из симптомов распада Могольской империи. Непосредственной причиной их написания стало временное поражение сикхов под предводительством Гобинда от могольского войска. Название обоих сочинений переводится как «Сказание о победе».

В «Фатехнама» (сохранились 24 бейта-двустушия) Гобинд припоминает Аурангзебу бесчестное начало правления, обвиняет в нарушении данной на Коране клятвы обеспечить сикхам безопасность и побуждает скорее решить затянувшийся конфликт на поле брани. Получив письмо-поэму, шах выразил раскаяние в клятвопреступлении и пригласил гуру на переговоры. Тот, усвоив цену обещаниям, не поехал сразу, а написал шаху второе сочинение — «Зафарнама» (сохранились

111 бейтов). Его тематика во многом перекликается с тематикой первого, но здесь автор делает акцент на готовности к примирению.

При написании поэм Гобинд применил оба основных метода психологического воздействия, которые выделяют сегодня специалисты, а именно убеждение и внушение. Изложение идей, которые гуру пытается донести до шаха с использованием красочного метафорического языка, служит примером вдалбливающего повторения. Восхваление Бога, призванное убедить набожного адресата в неуязвимости Гобинда как пользующегося покровительством свыше, — пример того, что психологи называют «эффектом визитной карточки». Содержат поэмы и элементы нейролингвистического программирования. (По тематике, роли психологического оружия и даже языку поэмы Гобинда удивительно напоминают послания Андрея Курбского Ивану Грозному 1564 и 1579 гг.)

Два сочинения уместно трактовать также как политические манифесты хальсы — военизированного братства сикхов, которое основал в 1699 г. Гобинд ради выживания общины в целом. В обоих, особенно в «Зафарнама», последний сикхский гуру-человек (после гибели Гобинда одиннадцатым и последним гуру сикхи почитают священную книгу Ади Грантх) выражает свои взгляды на должный характер отношений сикхской политики с могольской. Выступая за абсолютную религиозную самостоятельность общины своих единоверцев внутри султаната, он стоит за ее относительную политическую самостоятельность. Пусть она граничит с независимостью, все же это еще автономия: идея возможного примирения с центром говорит о готовности сикхского гуру-князя существовать под эгидой империи.

Наличие множества полунаместников-полувладельцев разного масштаба и, соответственно, полупровинций-полукняжеств было характернейшей чертой индийских и других патримониальных империй. Когда держава слабела, составные части начинали оттягивать «одеяло суверенитета» на себя. Это и отражают обе поэмы Гобинда, причем для выдвижения политических претензий автор нередко пользуется религиозным языком. В контексте концепции «двухуровневой собственности» Л. Б. Алаева подъем сикхов как военно-политической силы был укреплением части податных собственников — джатских земле(вла)дельческих каст — в ущерб верховным собственникам, т. е. имперскому аппарату. В контексте концепции «сегментного государства» Б. Стайна их подъем означал рост одной из политий Панджаба внутри зонтичной структуры Могольской державы. Светские скрепы этой политики — признание джатскими кланами династии наследственных гуру как своих государей — переплетались со скрепами духовными в виде почитания тех же гуру как вероучителей.

Учитывая многоуровневую структуру доколониальных империй Индии и личностный характер власти на каждом уровне, автор доклада предлагает для обозначения таких образований термин «патримония-матрешка». Имперская структура включала в себя ряд менее крупных политий, каждая из них, в свою очередь, — ряд еще менее крупных и т. д., причем по принципу фрактала. Как

показывает его второе «Сказание о победе», Гобинд был согласен существовать в такой империи-матрешке как правитель теократического княжества. Десятый гуру сикхов не был последовательным сепаратистом, не мыслил их политику вне рамок всеиндийской (Могольской) державы.

Психологический и политический компоненты «Фатехнама» и «Зафарнама» били в одну точку. Как оружие психологической войны поэмы потрясли и деморализовали адресата. Аурангзеб мнил себя почти образцовым мусульманским правителем — но знал, что обвинение его Гобиндом в нарушении клятвы на Коране справедливо. О подавленном состоянии шаха свидетельствуют его письма этого времени. Что касается их как политических манифестов, то в обеих поэмах выражена решимость сикхов сопротивляться до конца, а в «Зафарнама» еще и предложен приемлемый для обеих сторон выход из конфликта.

Видя, что сикхов не сломить, Аурангзеб пошел с ними на мировую. Правда, сам он в 1707 г. умер, и разрядка в сикхско-могольских отношениях произошла уже при его преемнике Бахадур-шахе I (1707–1712). Однако противоречия интересов поднимающихся новых элит Панджаба с интересами правящей могольской элиты все обострялись. Гобинд Сингх в 1708 г. пал от кинжала убийцы, а его преемников во главе хальсы автономия уже не устраивала.

Секция XVI • Section XVI
Источниковедение и историография Китая
Historiography and Source Studies of China

Lara Colangelo ("G. D'Annunzio" University of Chieti-Pescara, Italy)

**Roman Law in Late Qing and Early Republican Chinese Sources:
a Founding Element of the Mediterranean and Western
Civilisation**

The reception of Roman law in China is a complex process rooted in more remote periods, manifesting itself concretely during the second half of the 19th century. Despite a handful of interesting isolated studies (for example, Fei 1994¹; Wang 2002²), it remains overall little known.

One aspect still scarcely investigated is the image of the Romanist legal tradition emerging from Chinese sources during the late Qing and early Republican Era. This was a fundamental phase in China's decision to adhere to the continental system, or to draw inspiration from it in its implementation of national legal reform. In this sense, a significant yet under-examined element is the perception of the role of Roman law exerted well beyond the Italic territory, primarily within the vast cultural area of the Mediterranean. This concept, in fact, has long been known and self-evident in the Western world, but it begins to become clear in China between the end of the 19th and the beginning of the 20th century, by being included in a small but increasing number of valuable sources.

¹ Fei Anling 费安玲, "Luoma fa yanjiu zai Zhongguo de taishi yu zhanwang 罗马法研究在中国的态势与展望". *Bijiao fa yanjiu* 比较法研究. 1994. No.2. P. 191–196.

² Wang Jian 王健, "Luoma fa chuanbo Zhongguo wenxian jikao 罗马法传播中国文献稽考". In *Luoma fa yu xiandai minfa* 罗马法与现代民法, edited by Xu Guodong 徐国栋. Beijing: Zhongguo fazhi chubanshe, 2002. P. 59–98.

This paper aims to highlight how Roman law is presented in Chinese sources of the aforementioned period. More specifically, it examines how Roman law is presented not only as an element strictly connected to the city of Rome and the Italian peninsula, but also as a transnational element that transcends Italic borders, influencing Western and Mediterranean non-material culture.

Gessler Elena (Institute of Modern History, Academia Sinica, Taiwan)

Developments in the Cataract Couching Technique in the Ming and Early Qing Ophthalmic Texts and Medical Practice: The Last Chapter in the History of Indian Influence on Chinese Ophthalmology

There was an initial conflict in the conception of the eye as a sense organ that the *Yellow Emperor's Inner Canon* (*Huang di nei jing*, 黃帝內經) textual tradition and its subsequent evolution in Chinese medical theory and practice could not overcome. The eye is an observable anatomic entity, but simultaneously it is a sense organ that is integrated within the system of inner organs, five phases, meridians, flows of *qi*, and fluid circulation within the Chinese medical body. On the one hand, the sophisticated and complex *Inner Canon's* understanding of the eyes involves all inner organ systems in the proper functioning of the eyes and, subsequently, in their pathogenic patterns. On the other hand, the eyes, as a visible and easily reachable organ, naturally provoked a much more “external” approach to its treatment.

Apart from the natural attractiveness of the eye to be treated as an anatomical entity, there was also a factor of foreign medical thought influence that played a role in producing a different perspective on the visual system. Through the medium of Buddhist texts and missionaries, Chinese ophthalmic theory and clinical practice evolved into a unique area of cross-cultural fusion of medical thought, directly influenced by Āyurvedic medical concepts. There are at least two aspects, apart from pharmaceuticals and specific medical lexicon, that still bear the direct influence of Indian ophthalmic theory and clinical practice—namely, the morphological theory of five wheels (*wu lun*, 五輪) and the surgical practice of the “golden needle technique of plucking the [eye] screens” (*jin zhen bo zhang shu*, 金針撥障術) for couching cataract-like disorders. The latter is the focus point of this research.

Different aspects of this technique's entrance into the field of Chinese medical thought throughout the Sui-Tang dynasties, as well as its Indian origins and medical and cultural impact, have been studied by several modern scholars, including Fan Ka-wai (範家偉), C. Pierce Salguero, Vijaya Deshpande, etc. However, the later practice and theoretical innovation of this surgical technique have been left out of the scope of academic study. The purpose of this study is to demonstrate that this

foreign contribution into Chinese ophthalmic thought was part of the medical practice not only during the Tang dynasty when this technique was widely used by Buddhist monks, but also gained fresh attention in Ming-early Qing ophthalmological writings and clinical practice.

During the Ming dynasty, especially in its later years, medical knowledge in general and ophthalmological medical knowledge in particular—whether it be in the areas of diagnosis, etiology, or therapeutic approaches—underwent major advances and systemization. A renewed interest in the “golden needle” technique led to its final integration into Chinese medical thought. It can be said that this period marks the final chapter in the Indo-Sino medical thought exchange. This study examines the Ming and early Qing ophthalmic texts, including the *Essential Subtleties on the Silver Sea* (*Yin hai jing wei*, 銀海精微), *Longmu's (Nagarjuna's) Secret Treatise on Eye Diseases* (*Mi chuan yanke long mu yishu zonglun*, 秘傳眼科龍木醫書總論), *Yardstick for Diagnosis and Treatment of Miscellaneous Diseases* (*Zabing zhengzhi zhun sheng*, 雜病證治準繩), *A Precious Book of Ophthalmology* (*Yanke shen shi yao han*, 眼科審視瑤函), *The Medical Erudite of the Zhang Family* (*Zhang shi yi tong*, 張氏醫通); *The Great Achievement of the Eye Classics* (*Mu jing da cheng*, 目經大成), and shows how the “golden needle” technique was further elaborated and adopted to Chinese medical theory. The analysis also focuses on pertinent medical cases from *Mu jing da cheng* and *Zhang shi yi tong*, which attest that the “golden needle” couching technique was an integral part of broader clinical practice in late Ming-early Qing ophthalmic treatment.

This research contributes to the field of Chinese medical history studies and one of its most understudied fields: Chinese ophthalmic theory and practice. It also gives particular attention to the cross-cultural Indo-Sino medical influences and their subsequent reinterpretation within the realm of Chinese medical thought.

*Nikolay Rudenko (Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Science, Moscow)*

A Taizhou Soup made from Seventeen-Group: Jiao Hong's Neo-Confucian Syncretism

The present paper focuses on «Judgments from the “Descriptions of the Canonical Literature”» (*Jing-ji-zhi lun* 經籍志論) by the Chinese scholar, official and thinker Jiao Hong 焦竑 (1540–1620), a representative of the Taizhou school of the followers of Wang Yangming 王陽明 (1472–1529). This writing is supposed to demonstrate one of the most remarkable features of Late Ming (1368–1644) Neo-Confucianism — namely, ideological syncretism, which can also be considered as a common feature of the Chinese culture as a whole. It is often epitomized by the saying “the three teachings

mesh into one” (*san jiao he yi* 三教合一), in which “the three teachings” refer to Confucianism, Daoism and Buddhism. Another famous phrase on the topic comes from the classical historical chronicle «Description of the Three States» (*San-guo zhi* 三國志): “the beauty of a harmonious soup lies in the meshing of the different” (*he-gen zhi mei, zai yu he yi* 和羹之美, 在于合异), which was quoted by the Chairman of the PRC Xi Jinping himself in January 2017 during a speech at the UN; then, in November 2024, it was placed on billboards in the center of Moscow among Xi Jinping’s “favorite famous phrases.”

In the analyzed writing, there are not three, but 17 different groups of thinkers who elaborate similar harmonious formulas, namely “[Ideological] family of Confucian scribes” (*Ru-jia* 儒家), “[Ideological] family of the way” (*Dao-jia* 道家), “[Ideological] family of Sha[kyamuni]” (*Shi-jia* 释家), “[Ideological] family of Mo” (*Mo-jia* 墨家), “[Ideological] family of law” (*Fa-jia* 法家), “[Ideological] family of names” (*Ming-jia* 名家), “[Ideological] family of vertical and horizontal [diplomatic alliances]” (*Zong-heng-jia* 從橫家), “Diverse [ideological] family” (*Za-jia* 雜家), “[Ideological] family of farmers” (*Nong-jia* 農家), “[Ideological] family of small talkings” (*Xiao-shuo-jia* 小說家), “[Ideological] family of the armed” (*Bing-jia* 兵家), “[Ideological] family of heavenly signs” (*Tian-wen-jia* 天文家), “[Ideological] family of calendars and numbers” (*Li-shu-jia* 歷數家), “[Ideological] family of the five phases” (*Wu-xing-jia* 五行家), “[Ideological] family of doctors” (*Yi-jia* 醫家), “[Ideological] family of artful techniques” (*Yi-shu-jia* 藝術家) and “[Ideological] family of classifiers” (*Lei-jia* 類家). The presentation will demonstrate how Jiao Hong combines Confucianism with other teachings, expressing the ideas of pluralism, inclusivism, and at the same time rejecting the narrow-mindedness and radicalism. This attitude well reflects the specifics of Taizhou Neo-Confucianism, which is comparatively more flexible and responsive to the views of wide audience.

*Аблажей Н. Н. (Институт истории СО РАН, Новосибирск),
Ли Дань (КНР, Харбин)*

Обзор китайской историографии по истории КВЖД

Доклад представляет собой обзор китайской историографии по проблематике Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и российского присутствия на северо-востоке Китая (в Маньчжурии). Основу доклада составили научные публикации китайских исследователей, внесших вклад в развитие направления, связанного с историей КВЖД, что позволяет обобщить накопленный за почти столетие историографический опыт. Анализируются тематика исследований, базовые теоретико-методологические подходы, ключевые концепции и основные научные результаты.

В китайской исторической науке сложилось и развивается особое направление, связанное с изучением истории КВЖД. В рамках данной тематики китайскими специалистами исследуются:

- 1) общая история КВЖД;
- 2) политика Российской империи по управлению дорогой;
- 3) период советско-китайского управления КВЖД и значение дороги для двусторонних отношений.

В работах китайских исследователей периода 1920–1980-х гг. доминирует преимущественно негативная оценка значения КВЖД. Утверждается, что дорога являлась главным инструментом российского империализма и эксплуатировалась не в интересах Китая. Для национальной историографии в связи с КВЖД в этот период было характерно доминирование колониационной и экспансионистской парадигм в плане оценки России как одной из империалистических держав, участвовавших в разделе сфер влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Китайские исследователи особое внимание уделяли анализу договоров, заключенных между Россией (СССР) и Китаем. Передачу КВЖД Китаю положительно оценивали все китайские исследователи.

С первой половины 1990-х гг. обозначился переход к постепенному признанию положительного значения транспортной магистрали для развития северо-востока Китая. В китайской историографии стало уделяться гораздо больше внимания анализу причин и последствий сооружения железнодорожной магистрали, отмечается позитивное влияние КВЖД на социально-экономическое и социально-культурное развитие региона. Китайские специалисты проделали значительный путь в плане признания всеобъемлющего и положительного воздействия транспортной магистрали на развитие северо-восточного региона Китая. Сотрудничество историков России и Китая в 1990-е — первое десятилетие 2000-х гг. способствовало расширению проблематики и источниковой базы исследований, переводу и публикации на китайский язык русскоязычных источников, осмыслению и освоению накопленного историографического опыта. Можно утверждать, что китайская историография отошла от доминировавшего на протяжении XX в. нигилистического взгляда на роль КВЖД для Китая и региона в сторону более взвешенной позиции.

Бабарико К. Б. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Советские специалисты в Университете Цинхуа

В данном докладе предполагается, руководствуясь архивными документами, журнальными публикациями и воспоминаниями участников событий, рассмотреть, выделить и проанализировать основные направления и виды работы советских экспертов в Университете Цинхуа, а также определить значение их деятельности

для дальнейшего развития данного высшего учебного заведения.

Более чем столетняя история Университета Цинхуа является воплощением научно-технического прогресса и развития образования Китая. Она отражает потрясения, взлеты и падения китайского общества, а также эволюцию отношений Китая с международным сообществом. В разное время Университет Цинхуа находился под влиянием британской и американской моделей образования (1911–1948), советской модели образования (1952–1966), пережил период «культурной революции» (1966–1977) и в настоящее время функционирует по модели комплексного образования (с 1978 г.). И именно влияние советской модели образования, деятельность советских специалистов и инициированная ими широкая перестройка университетской работы стали поворотным моментом в истории данного высшего учебного заведения и привели к созданию «Нового Цинхуа».

С 1952 по 1960 г. в университете работали 65 советских экспертов из 26 советских учреждений (вузов и научно-исследовательских институтов). Советские специалисты были распределены по различным факультетам и кафедрам университета Цинхуа, выполняли работы по созданию лабораторий, организации дипломных проектов, обучению аспирантов и молодых преподавателей, чтению лекций, подготовке учебно-методических материалов.

Советские специалисты внесли колоссальный вклад в развитие Университета Цинхуа. Сводный отчет об их работе показывает, что в течение 8 лет эксперты вели преподавание 114 дисциплин, участвовали в создании и расширении 72 лабораторий, обучили 518 преподавателей университета и 611 преподавателей других учебных заведений, а общее количество слушателей их курсов (в том числе работников промышленного сектора) составило свыше 4000 человек. Кроме того, их силами было подготовлено 114 лекционных курсов, они приняли участие в реализации 190 студенческих научных проектов и 192 дипломных проектов, разработали 77 учебных планов и 195 учебных программ.

Вместе с тем стоит также отметить, что по мере развития и трансформации отношений СССР и КНР под влиянием политического климата происходили значительные изменения в подходах к работе советских специалистов и изучению опыта Советского Союза. Деятельность советских специалистов в Университете Цинхуа является отличной иллюстрацией подобных изменений.

Всестороннее обучение и копирование работы советских экспертов постепенно сменилось на подчеркнутое неприятие «слепого преклонения» и акцент на национальную специфику, что подтверждается многочисленными государственными и университетскими мерами по упорядочиванию работы советских специалистов. Такая государственная политика в отношении советских специалистов не встречала понимания у большинства работников Университета Цинхуа, препятствовала дальнейшему развитию советско-китайских образовательных связей в данном вузе и создала предпосылки для их дальнейшего полного разрыва.

Таким образом, советские специалисты создали в Университете Цинхуа целостную систему преподавания, познакомили китайских коллег с советскими концепциями, методами и традициями преподавания технических дисциплин, передали обширную преподавательскую и научно-исследовательскую литературу, а также заложили большую экспериментальную базу.

С их помощью Университет Цинхуа превратился из общеобразовательного университета западного образца в политехнический университет советского образца. Советские эксперты сыграли важную роль в трансформации Университета Цинхуа как важной площадки научно-технических, образовательных и культурных обменов между Китаем и Советским Союзом. Но по мере изменения характера отношений СССР и КНР под влиянием политических событий, менялось и отношение к работе советских специалистов, что ограничивало деятельность советских экспертов в Университете Цинхуа.

Безруков Д. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Особенности развития советско-китайских отношений в 1989–1991 гг. в зеркале китайской прессы

1980-е годы стали переломным этапом в истории советско-китайских отношений. В отечественной историографии это время традиционно принято называть «периодом нормализации». При этом действительно значимые сдвиги в процессе нормализации начались только после прихода к власти в СССР М. С. Горбачева и начала перестройки в 1985 г. Кульминацией этих событий можно с уверенностью считать визит М. С. Горбачева в КНР в мае 1989 г. По итогам визита было опубликовано совместное коммюнике, в котором официально было объявлено о нормализации, а также заложены принципы дальнейшего выстраивания отношений между двумя державами.

Параллельно с политической нормализацией серьезные изменения претерпевала и риторика китайских СМИ в отношении Советского Союза. Стоит отдельно подчеркнуть, что в условиях политической системы КНР деятельность всех СМИ фактически подчинена интересам правящей партии. Таким образом, материалы информационных средств становятся весьма ценным источником, отражающим изменения во взглядах китайских властей на отдельные проблемы. В рамках данного доклада основу источниковой базы составляют материалы китайской прессы, в особенности «Жэньминь жибао» — официального печатного издания ЦК КПК.

Как уже было отмечено, после знаменательного визита М. С. Горбачева риторика китайской прессы по отношению к СССР значительно изменилась. Дело

в том, что перед СМИ стояла задача не только донести позицию государственных властей, но и во многом сформировать новый образ советского государства в глазах китайского населения. Прежде всего существенно увеличилось общее количество публикаций, посвященных самым разным аспектам деятельности советского правительства. Особое внимание стало уделяться самому М. С. Горбачеву. На страницах китайских газет начал складываться образ прогрессивного советского лидера, активно выступающего за реформы и международную разрядку. Более подробное и интенсивное освещение стали получать вопросы, связанные с экономикой, культурой, спортом, а также наукой и образованием в Советском Союзе.

Кроме того, можно заметить, что в рассматриваемый период общий тон китайских газетных публикаций стал значительно доброжелательнее. Так, на страницах «Жэньминь жибао» все чаще появлялись объемные обзорные и аналитические статьи, освещающие успехи советских реформ. Специальное место стали занимать ретроспективные заметки, рассказывающие о некоторых эпизодах общего исторического прошлого (в особенности периода советско-китайской дружбы в 1950-е гг.). При этом вопрос переформатирования двусторонних отношений оставался одним из наиболее принципиальных. Китайская сторона подчеркивала, что СССР и КНР преодолели раскол, но при этом они не вернутся к неравноправному формату «старшего и младшего брата», существовавшему в 1950-е гг. Отныне, как многократно отмечалось в китайской прессе, советско-китайские отношения должны были строиться на пяти принципах мирного сосуществования, а также быть равноправными и добрососедскими по своему характеру.

Таким образом, можно констатировать, что основные усилия китайской прессы в данный период были направлены на трансформацию образа советского государства: от одного из главных идеологических противников и потенциальной военной угрозы до прогрессивного социалистического государства, с которым необходимо развивать отношения добрососедского сотрудничества. Многие из сформулированных тогда положений остаются актуальными до сих пор, оказывая непосредственное влияние на развитие современных российско-китайских отношений.

Благодар Ю. Г. (ФГБОУ ВО «КубГТУ», Краснодар)

Российская периодическая печать начала XX века об актуальных политических преобразованиях в Китае

В Российской империи в начале XX в. расширяется выпуск печатных периодических изданий, ориентированных на читателей различного социального ста-

туса, уровня образования, политических взглядов и интересов. Идеологические позиции представлялись как напрямую в публикациях о злободневных проблемах российского общества, так и опосредованно, в частности, при проведении анализа социально-экономических и политических процессов, происходящих в иных государствах.

Укрепление позиций России на Дальнем Востоке, изменение политической ситуации в Центральной и Восточной Азии пробудили в среде российской столичной и провинциальной элиты, а также в иных слоях населения Приамурья, Приморья, Сибири интерес к Китаю, его культуре и экономическим возможностям. Все наиболее популярные газеты, вне зависимости от идеологической ориентации, размещали на своих страницах статьи (очерки, заметки), которые содержали сведения о текущих событиях, происходящих в Китае.

Содержательная составляющая и характер выходящей в свет доступной общественным слоям литературной продукции определялись международной политической обстановкой, общими внутригосударственными социальными процессами, актуализацией отдельных их проявлений. Российские общественно-политические объединения, государственные органы власти использовали результативность информационного воздействия прессы на читательскую аудиторию. Влияла на формирование определенного мнения о тех или иных событиях, происходящих в Китае, и идеологическая направленность периодического издания. Российские как консерваторы, так и реформисты учитывали то, что социально-экономические и политические процессы, происходящие в Азии, все больше интересовали общественность. Китай в этот период становится центром столкновения политических и экономических сил могущественных держав. Наиболее содержательные и актуальные публикации об этой стране, затрагивающие злободневные вопросы, принимались к печати одновременно изданиями с различными политическими позициями. Востребованность в российском обществе начала XX в. такой информации была связана с новыми политическими реалиями и активным расширением палитры интересов различных слоев российского общества. Меняются уровень и формы межгосударственного взаимодействия. В процесс российско-китайских социокультурных контактов вовлекается все больше людей.

Российская периодическая печать оперативно освещала все ключевые события современности. Хроника революционных событий в империи Цин, описание процессов формирования парламента и разработки статей Конституции Республиканского Китая, характеристика модернизации правовой системы, а также проблем, возникающих в ходе социально-экономических преобразований, привлекали внимание россиян к развитию собственной страны. Российская империя более ориентировалась на «европейский мир», поэтому пути и методы развития государственной системы управления Китая в российском обществе воспринималась неоднозначно. Об этом свидетельствует полемика, которая разворачивалась на страницах периодических изданий. Авторы сравнивали

трансформацию политической системы Китая с российскими и европейскими реформами¹.

Наибольшее внимание публицистов и членов редакционных коллегий российских изданий начала XX в. привлекли следующие события: во-первых, восстание ихэтуаней 1898–1901 гг., обнажившее и обострившее социальные-политические проблемы и противоречия в Цинском Китае; во-вторых, Русско-японская война 1904–1905 гг., продемонстрировавшая слабость власти представителей династии Цин, подорвавшая авторитет России в Китае, изменившая геополитическую ситуацию в регионе; в-третьих, Синьхайская революция 1911–1913 гг., приведшая к свержению монархии и началу глубоких преобразований.

Российские периодические издания быстро наполнялись очерками о реформах нового китайского республиканского правительства, подкрепляя в российском обществе надежду на перемены в политической системе собственного государства. Позитивная оценка реформ китайской администрации, по мнению передовой российской общественности, могла служить укором российскому правительству, которое, по мнению либеральных и умеренно консервативных изданий, не принимало достаточно усилий для эффективного политического и экономического развития собственного государства.

Подводя итог, следует отметить существенную роль российской периодической печати начала XX века в трансформации сложившегося ранее образа Китая. Начало XX столетия — это время как радикальных изменений социально-политической системы, так и трансформации всех сфер жизни китайского общества. Авторы газетных очерков и журнальных статей давали событиям, происходящим в Китае, оценки, не только основываясь на собственных познаниях и опыте, но и учитывая потребности политических сил своего времени. Распространяя результаты своих наблюдений, они выступали и как хроникеры событий, и как пропагандисты социально-политических взглядов. Следствием этого стало выполнение периодической печатью начала XX столетия одновременно и просветительских функций, и ряда задач по формированию представлений широких слоев российского общества о сопредельной державе. В первые годы XX столетия возрос интерес к современному Китаю не только в научном сообществе, но и в предпринимательских кругах, в среде политических и государственных деятелей, творческой интеллигенции. Численность периодических изданий, обращавших внимание на информацию о Китае и дальневосточных окраинах Российской империи, в этот период заметно возросла. Анализ публикаций в российских печатных периодических изданиях показал, что история политических преобразований в Китае в начале XX в., прежде всего формирования парламентаризма и конституционализма, требует такого же достойного внимания, как политические реформы в Российской империи и государствах Европы.

¹ Благодарю Ю. Г. Трансформация образа Китая в сознании российского дореволюционного общества // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 2011. № 1. С. 15–22.

Варенов А. В. (НГУ, Новосибирск)

Китайские книги 1990–2010 гг. об изучении ритуальных бронз Саньсиндуй¹

Саньсиндуй — своеобразная культура эпохи бронзы, распространенная в окрестностях г. Чэнду, современного административного центра провинции Сычуань в Китайской Народной Республике. Яркую самобытность ей придает наличие художественного бронзового литья. Вплоть до 2020 г. практически все известные бронзовые изделия Саньсиндуй происходили из двух жертвенных ям JK1 и JK2, обнаруженных в 1986 г. на территории эпонимного городища, которое китайские исследователи называли столицей упоминаемого в китайских летописях древнего царства Шу. Уже в 1987 г. любые раскопки на городище были прекращены. Предварительные журнальные публикации материалов жертвенной ямы JK1 увидели свет в 1987 г.², а жертвенной ямы JK2 — в 1989 г.³ С этого момента в академическом сообществе Китая начинаются попытки осмыслить феномен Саньсиндуй. Научные и околонучные статьи, написанные по поводу уникальных бронзовых находок, с трудом поддаются исчислению. Поэтому предметом данного обзора будут лишь научные и научно-популярные книги, изданные в первые два десятилетия после появления в печати сведений о саньсиндуйских бронзах.

В 1993 г. выходят два сборника статей по итогам проведенных в 1990-х гг. научных конференций. Один сборник посвящен культуре Саньсиндуй⁴, в другом предпринята попытка связать памятник с более поздней культурой Ба-Шу, распространенной на территории Сычуани⁵. Годом позже опубликован цветной альбом, в котором были изданы многие бронзовые изделия Саньсиндуй⁶. Еще чуть позже появляется и научно-популярная литература⁷, в том числе написанная

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01554, <https://rscf.ru/project/24-28-01554>.

² Чэнь Дэань, Чэнь Сяньдань. Гуанхань Саньсиндуй ичжи ихао цзисыкэн фацзюэ цзяньбао [陈德安, 陈显丹. 广汉三星堆遗址一号祭祀坑发掘简报]. Краткий отчет о раскопках жертвенной ямы № 1 на стоянке Саньсиндуй в уезде Гуанхань // *Вэнью*. 1987. № 10. С. 1–15.

³ Эр Чэнь. Гуанхань Саньсиндуй ичжи эрхао цзисыкэн фацзюэ цзяньбао [二陈. 广汉三星堆遗址二号祭祀坑发掘简报]. Краткий отчет о раскопках жертвенной ямы № 2 на стоянке Саньсиндуй в уезде Гуанхань // *Вэнью*. 1989. № 5. С. 1–20.

⁴ Саньсиндуй вэньхуа [三星堆文化/屈小强、李殿元、段渝主编]. Культура Саньсиндуй / под ред. Цюй Сяоцян, Ли Дяньюань, Дуань Юй. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 1993.

⁵ Саньсиндуй юй Ба-Шу вэньхуа [三星堆与巴蜀文化/李绍明、林向、赵殿增主编]. Саньсиндуй и культура Ба-Шу / под ред. Ли Шаомин, Линь Сян, Чжао Дяньцзэн. Ба-Шу шушэ, 1993.

⁶ Чжунго тунци цюаньцзи. [中国铜器全集]. Полное собрание бронзовых изделий Китая. Пекин: Вэнью чубаньшэ, 1994. Т. 13. Ба-Шу.

⁷ Цюй Сяоцян. Саньсин баньпэн юэ — гу Шу вэньмин таньюань [屈小强. 三星伴明月 — 古蜀文明探源]. Три звезды рядом с месяцем — исследование истоков Древнего Шу]. Чэнду: Сычуань цзяоюй чубаньшэ, 1996.

и при участии руководителя раскопок сенсационных жертвенных ям¹. Наконец, десять лет спустя после предварительных журнальных публикаций увидел свет монографический отчет о раскопках жертвенных ям Саньсиндуя с полным научным описанием всех находок². Он стал основой попытки осмыслить различные аспекты саньсиндуйских открытий самим руководителем раскопок³ и стремления вписать их в более широкий научный контекст другим исследователем⁴.

В первом десятилетии XXI в. последовали многочисленные научно-популярные брошюры, в основном изданные в провинции Сычуань⁵. Публиковались также как серьезные монографии⁶, так и сборники статей по итогам научных конференций⁷. Во второй половине десятилетия стартует продолжающееся издание «Исследования Саньсиндуя» («Саньсиндуй яньцзю») ⁸. Предпринимаются попытки связать Саньсиндуй с более поздними культурами Юньнани, Гуйчжоу и других современных китайских провинций, расположенных на трассе Южного Шелкового пути⁹. Подводит черту под исследованиями Саньсиндуя в первом десятилетии XXI в. трехтомное полное собрание всех археологических материалов, обнаруженных на памятнике с момента его открытия в 1928 г., а не только находок из жертвенных ям 1986 г. Первый том этой публикации посвящен бронзовым изделиям¹⁰.

¹ Чэнь Дэань, Вэй Сюэфэн, Ли Вэйган. Саньсиндуй: Чанцзян шанью вэньмин чжунсин таньсо [陈德安, 魏学峰, 李伟纲. 三星堆. 长江上游文明中心探索]. Саньсиндуй: изучение центра цивилизации в верховьях Янцзы. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 1998.

² Саньсиндуй цзисыкэн [三星堆祭祀坑]. Жертвенные ямы Саньсиндуя. Пекин: Вэнь чубаньшэ, 1999.

³ Чэнь Дэань. Саньсиндуй: гу Шу вангодэ шэнди [陈德安. 三星堆: 古蜀王国的圣地]. Саньсиндуй: священная земля древнего царства Шу. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2000.

⁴ Сунь Хуа. Сычуань пэньди дэ цинтун шидай [孙华. 四川盆地的青铜时代]. Эпоха бронзы Сычуанской котловины. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2000.

⁵ Лю Сяосун. Саньсиндуй вэньхуа таньми цзи «Шан шай цзин» дуаньсян [刘小匆. 三星堆文化探秘及“山海经”断想]. Выведывание секретов культуры Саньсиндуй и выдержки из «Шан хай цзин». Пекин: Куньлунь чубаньшэ, 2001; Хуан Цзяньхуа. Саньсиндуй — чжэньцзин Тянься дэ дунфан вэньмин [黄剑华. 三星堆—震惊天下的东方文明]. Саньсиндуй — восточная цивилизация, потрясшая поднебесную. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2002.

⁶ Чжао Дяньцэн. Саньсиндуй каогу яньцзю [赵殿增. 三星堆考古研究]. Археологическое исследование Саньсиндуя. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2004.

⁷ Саньсиндуй юй Чанцзян вэньмин [三星堆与长江文明]. Саньсиндуй и цивилизация Янцзы. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2004.

⁸ Саньсиндуй яньцзю [三星堆研究]. Исследования Саньсиндуя. Т. 1. Чэнду: Тяньди чубаньшэ, 2006.

⁹ Саньсиндуй яньцзю [三星堆研究]. Исследования Саньсиндуя. Т. 2. Саньсиндуй юй наньфан сычочжилу цинтун вэньхуа яньтаохуэй луньвэньцзи [三星堆与南方丝绸之路青铜文化研讨会论文集]. Сборник статей симпозиума «Саньсиндуй и бронзовые культуры Южного Шелкового пути» / под. ред. Сяо Сяньцзинь [肖先进]. Пекин: Вэнь чубаньшэ, 2007; Саньсиндуй юй Наньсылу: Чжунго синань дицзюй дэ цинтун вэньхуа [三星堆与南丝路: 中国西南地区的青铜文化]. Саньсиндуй и Южный Шелковый путь: бронзовая культура юго-западных районов Китая / под. ред. Сяо Сяньцзинь [肖先进]. Пекин: Вэнь чубаньшэ, 2007.

¹⁰ Саньсиндуй чу ту вэнь цюань цзилу [三星堆出土文物全记录]. Полный каталог древностей, раскопанных в Саньсиндуе: в 3 т. Чэнду: Тяньди чубаньшэ, 2009. Т. 1. Бронзовые изделия.

Гирченко Е. А. (Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск)

Организация обороны против кочевников на северо-западе Ханьской империи (по материалам ханьцзяней заставы Цзюйянь)¹

Коридор Хэси стал частью Ханьской империи во время правления императора У-ди (141–87 гг. до н. э.). Новые территории на карте представляли собой узкую полосу, тянущуюся далеко на Запад и буквально разделяющую надвое кочевые владения хунну, цянов, ди и других кочевых народов. Новые округа постоянно подвергались набегам, поэтому должны были быть в постоянной боевой готовности.

По приказу императора У-ди в 102 г. до н. э. была возведена застава Цзюйянь, среди задач которой значились контроль над передвижением по Великому Шелковому пути, обеспечение лошаадьми и транспортом военных патрулей, противодействие набегам кочевников. От самой заставы тянулась крепостная стена с цепочкой сигнальных маяков. Раскопки в районе крепости Цзюйянь начались около 100 лет назад и продолжаются до сих пор. Самый поздний из найденных ханьцзяней, текстов административного, военного или торгового содержания на бамбуковых или деревянных плашках, датируется 30 г. н. э., то есть окончательно застава была заброшена уже в период Восточной Хань (25–220 гг. н. э.). Большая часть найденной документации относится ко времени правления императора Сюань-ди (74–49 гг. до н. э.).

На ханьцзянях, найденных во время раскопок в районе пограничной заставы Цзюйянь округа Чжанье, встречается информация о многочисленных пограничных столкновениях с кочевниками. В отличие от исторических хроник, фиксирующих только важные исторические события и крупные битвы, такие документы рассказывают о мелких конфликтах и рутинных задачах солдат сторожевых башен, что позволяет проанализировать масштабы и стратегии вторжения на отвоеванные территории коридора Хэси, объемы наносимого ущерба, способы подготовки и противостояния набегам и т. д.

Сторожевые сигнальные башни являлись одним из самых важных оборонительных объектов ханьского Китая. Существовали комбинации сигналов, которые должны были передаваться каждой последующей башне, представлявшие собой информацию о количестве приближающихся врагов, месте вторжения, направлении их движения. Проблемы в работе одной башни могли привести к тому, что разрывалась цепочка передачи информации, поэтому при постоянной угрозе вторжения хунну военное управление крепости Цзюйянь регулярно отчитывалось по работе каждого из сторожевых маяков и существовал запрет на частую смену личного состава крепостей.

Также в обязанности солдат входило поддержание системы *тяньтянь*, когда на ночь на территорию вокруг объекта наносился слой мягкого песка или земли, что

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ, проект № 22-78-10121 «Связи между культурами Сибири и Северного Китая в эпоху древности и раннего Средневековья по данным археологии».

позволяло утром увидеть, передвигался ли кто-либо под покровом ночи — кочевники или дезертиры. Днем нужно было снова заметать следы, рыхлить землю граблями и готовиться к новой ночи. Плашки отражают регулярное использование этой системы: «*зафиксированы* следы на *тяньтянь* близ заставы Уюэ» (№ EPT58:17), «В четвертый месяц день Исы зафиксированы следы» (№ EPF22:319). Задачи солдат также включали в себя проверку тайных веревок, натянутых в тех местах, где могли передвигаться враги (из *ханьцзяней* можно узнать, что один человек мог отвечать за 4 ли), укрепление стен и расчистку окружающих полей.

В отчетности также регулярно фигурируют данные ревизий состояния и количества боеприпасов, их использования. Солдатам приходилось также делать мишени, заготавливать траву для лошадей, накапливать топливо для маяков и т. д. «Рабочую тетрадь» необходимо было заполнять каждый день, чтобы подвести итоги работы за день. Солдаты, отвечавшие за передачу сигналов, должны были быть образованными, здесь имеются в виду не только базовые навыки чтения, письма и арифметики, но и владение системой «девяти-девяти», «небесных стволов и земных ветвей», регулярно заучивались тексты для улучшения памяти и отрабатывались упражнения для тренировки реакции, встречаются *ханьцзяни* о проведении каждой осенью соревнований по стрельбе из лука. Каждые 6 стрел, попавших в цель, засчитывались как 15 дней службы.

Что касается пограничных конфликтов, с которыми регулярно сталкивались солдаты, несущие службу на границе, то вся информация о них должна была также строго фиксироваться. Например, «В девятый месяц первого года правления императора Сюань-ди, в год Гэнцзы (прим. 73 г. до н. э.), варвары захватили в плен девяносто конников и продвинулись по северной дороге к Цзяцюй хоугуань (прим. сторожевой башни с огневым маяком военного гарнизона Гуанчжи). Они убили одного солдата, украли три самострела для стрельбы каменными ядрами и один арбалет, также двенадцать стрел, одного быка и одежду. Гарнизонный сыма выезжает из ставки дувэя в сопровождении ста восьмидесяти двух человек с целью преследования» (№ 57·29), «Варвары вторглись в сентябре четвертого года эпохи Цзяньу (прим. 28 г. н. э.). Они захватили крепости Гуанди, Лита и Цзяньшуй. Затем они углубились в уезд Цюцюань, по пути грабя и сжигая, причиняя вред. В крепости захватили более десяти волов и женщину народности цян» (2000ES9SF3:4), «Конница из более чем восьмидесяти лошадей прибыла из-за пределов крепости. Все их атаки были отбиты (№ 534–30A)», «Когда *я* ехал по северной дороге, увидел следы лошадей, ушедшие в реку. Там было более 2 лошадей» (№ EPT48:55A).

При проведении статистического анализа упоминаний конкретных месяцев набегов хунну установлено, что чаще упоминаются апрель (EPT58:17, EPF22:318), май (271·9), август (EPT26:6) и сентябрь (57·29, 2000ES9SF3:4A), октябрь (EPF16:37) и декабрь (278·7, 308·35, EPT68:81), то есть хунну чаще нападали в период поздней весны и начала лета, когда растительность на границе была высокой. Осенью и зимой кони были особенно сильными, а кочевникам нужно было заготавливать припасы на зиму.

Головачев В. Ц. (ИВ РАН, Москва), У Чжао-и (Центр свободных искусств, Государственный научно-технический университет города Гаосюн)

«Муданьский инцидент» глазами аборигенов Тайваня: версия Гу Ин-юна

В 2024 г. исполнилось 150 лет со времени японской военной экспедиции на Тайвань, ставшей первой попыткой Японии обзавестись новыми территориями за счет соседнего Китая. Эта попытка оказалась в целом провальной, не считая того, что Китай признал острова Люцю (яп. Рюкю) де-факто территорией Японии, но послужила полезным уроком и репетицией аннексии Тайваня в 1895 г. и превращения острова на следующие полвека в первую колонию Японской империи.

Поводом для экспедиции и сопутствующих дипломатических баталий стал так называемый «Муданьский инцидент» с убийством 54 из 66 мореплавателей с островов Люцю, потерпевших кораблекрушение у юго-восточных берегов Тайваня, в заливе Баяовань 八瑤灣, в ноябре 1871 г. Оставшиеся в живых 12 рюкюсцев смогли добраться до китайцев и были переправлены китайскими властями в Фучжоу, откуда затем возвращены на родину.

История японской военной экспедиции 1874 г. глубоко освещена в мировой историографии. В отечественной науке сведения о ней подробно изложены в монографии Ф. А. Тодер «Тайвань и его история. XIX в.»¹

В России сообщения и репортажи о японской экспедиции регулярно появлялись в синхронной светской периодике (газетах и журналах). Эти сообщения основывались не только на перепечатках известий западной прессы, но и на донесениях русских военных моряков (В. А. Терентьев, П. И. Ибис), оказавшихся, в силу обстоятельств, прямыми свидетелями описываемых событий. В отличие от японских авторов, винивших аборигенов Формозы даже в каннибализме, а также от западных авторов, целиком оправдывавших «цивилизаторскую» миссию японцев, явившихся покарать «жестоких дикарей» за антигуманные преступления, сообщения российских корреспондентов отличались большей объективностью. В них видна критическая оценка происходящих событий, определенный скептицизм и даже ирония в отношении действий японских войск и восторженных оценок этих действий западными обозревателями.

Как сообщал в служебном рапорте командир канонерки «Горностай» В. А. Терентьев: «Выдают также за положительное, что умерщвление японских и других моряков, выброшенных на берега батанцев, — только вымысел. Хотя несомненно, что некоторые из них действительно умирали после кораблекрушений на берегах Формозы, также несомненно, что некоторые были убиты, но не из любви к трагическим сценам батанцев, а просто в ссорах, возникших между спасателями и спасенными вследствие неясного понимания обязанностей человеколюбия, с одной стороны, и обязанностей социальных — с другой. Чтобы не

¹ Тодер Ф.А. Тайвань и его история. XIX в. М.: Наука-ГРВЛ, 1978. С. 123–146.

доходило до этого, японцам легче всего было бы учредить агентства для спасения погибающих или консулов на Формозе вместо дорогостоящих экспедиций...»¹

В статье 1875 г. прапорщик П. И. Ибис чуть иронично описал некоторые детали «Муданьского инцидента», видимо, основанные на пересказе японских источников: «Около двух лет тому назад разбилось здесь японское купеческое судно. Туземцы ограбили его, перерезали всю команду, состоявшую из 52 человек, да, как говорят, съели вдобавок двух из них, что всего обиднее для японцев. Микадо, возмущенный таким оскорблением своего флага, решил наконец наказать дерзких дикарей и прекратить подобные беспорядки»².

Большинство источников, а также основанных на них репортажей и исследований содержат лишь краткий общий пересказ истории конфликта между рюкюсцами и аборигенами Южного Тайваня. Реконструированные на сегодня события представляют версию японцев и китайцев. При этом вплоть до недавнего времени вне поля внимания ученых оставалась версия событий в изложении третьей стороны конфликта, а именно самого аборигенного народа *пайвань*. Между тем такая версия существует и, видимо, передавалась в устной форме все минувшие 150 лет.

4 ноября 2024 г. нам удалось посетить деревню Мудань, осмотреть места событий в сопровождении местных жителей, обсудить и записать пайваньскую трактовку истории «Муданьского инцидента», изложенную Гу Ин-юном 古英勇, 73-летним старейшиной и пастором из Мудань. Эта туземная версия, безусловно, требует научной проверки. Вместе с тем она представляет цельную картину событий, взгляд глазами пайваньцев как третьей стороны исторического конфликта. Эта версия заметно отличается от китайских и японских версий и в значительной мере подтверждает правильность вышеуказанного предположения В. А. Терентьева о том, что в результате конфликта с рюкюсцами «некоторые были убиты, но не из любви к трагическим сценам батанцев, а просто в ссорах, возникших между спасителями и спасенными вследствие неясного понимания обязанностей человеколюбия, с одной стороны, и обязанностей социальных — с другой».

Согласно версии Гу, само название «Муданьский инцидент» — это узкое обозначение лишь части из череды взаимосвязанных событий, включавших события 1871 г. с убийством моряков Рюкю, а также инцидент с убийством капитана и матросов американского торгового судна «Ровер», попавшего в тайфун и наскочившего на скалы около Южного Тайваня в 1867 г. Грабежами жертв частых кораблекрушений промышляли не только аборигены, но и китайцы, а жители Мудань стали случайными жертвами карательной акции японцев, так как убийство рюкюсцев совершили жители прибрежной деревни Гаошифо (Кускут), преследовавшие и настигшие беглецов у деревни Мудань. Хотя международная

¹ Головачев В.Ц. «Остров именем Фромоза»: этнополитическая история Тайваня. XVII–XXI вв. (отечественная и зарубежная историография). М.: ИВ РАН, 2024. С. 463–464.

² Головачёв В. Ц. «Экскурсия на Формозу». Этнографическое путешествие П.И. Ибиса. М.: ИВ РАН, Весь мир, 2019. С. 125.

пресса сообщила всему миру число убитых рюкюсцев, никто не знает и раньше не интересовался числом убитых в том же инциденте аборигенов.

В XXI в. стороны инцидента осознают необходимость взаимного примирения с прошлым. В 2005 г. жители деревни Мудань посетили о. Рюкю, где принесли извинения местным жителям и духам их предков. В свою очередь, рюкюсцы тоже побывали с ответной миссией на Тайване. 4 ноября 2024 г., по случаю 150-летия «Муданьского инцидента» около 20 жителей деревни Мудань вновь выезжали на о. Рюкю, чтобы изъяснить искреннее стремление к полному примирению.

Донская А. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Великий голод 1959–1961 гг. в современных китайских исследованиях: травматическое событие и естественный эксперимент

Голод 1959–1961 гг. стал следствием политики «большого скачка» и унес, по разным оценкам, 20–60 млн жизней. Катастрофический характер событий тех лет на протяжении долгого времени замалчивался. Во второй половине 1990-х гг. в КНР и за рубежом стали выходить работы, посвященные анализу причин голода, подсчету точного количества жертв, выяснению причин различий в уровне смертности в разных провинциях. В прошлом для обозначения бедственной ситуации 1959–1961 гг. обычно использовался нейтральный термин «три года стихийных бедствий» (三年自然灾害), однако постепенно более широко применимым стало обозначение с акцентом на социальные последствия — «великий голод» (大饥荒).

Представляется, что в последние годы фокус внимания к явлению «великого голода» 1959–1961 гг. несколько сместился. Появился ряд исследований в сфере психологии, экономики и менеджмента, для авторов которых важны не причины и не конкретные демографические показатели голода. Привлекая методологические приемы «исследований травмы», «теории импринтинга», «теории высших эшелонов», исследователи рассматривают «великий голод» как мощное травматическое событие, своего рода естественный эксперимент, в результате которого сформировалась когорта людей, переживших специфический опыт. Выделение этой когорты позволяет проанализировать воздействие пережитого опыта катастрофического голода на стратегические решения, которые индивид принимает в зрелом возрасте: готовность к риску, отношение к земле, склонность к религии и т. п.

Ло Билян и Хун Вэйцзе¹ приходят к выводу, что сформированные памятью о «великом голоде» убеждения крестьян позволяют объяснить распад народных

¹ Ло Билян 罗必良, Хун Вэйцзе 洪炜杰. Память, убеждения и институциональный выбор — на примере системы семейного подряда (记忆、信念与制度选择——以家庭承包制为例) // *Шэхуэй кэсю чжаньсянь*. 2021. № 1. С. 78–90.

коммун, возникновение и устойчивость системы семейного подряда. Ван Сяньшэн и Го Чжунсин¹ показывают, что пережитый в раннем возрасте голод формирует индивидуальное неприятие риска и снижение способности противостоять рискам, потребность в усилении чувства безопасности, углубляя «привязанность к земле», что в конечном счете выражается в нежелании крестьян сдавать землю в аренду.

Ду Тяньсюэца и Лян Иньхэ², проанализировав данные общекитайского обследования социальных трендов (Chinese General Social Survey, CGSS) за 2010–2013 гг., приходят к выводу, что в результате снижения доверия людей к власти и друг к другу, ослабления социального взаимодействия, ухудшения показателей здоровья, повышения потребности в чувстве защищенности среди переживших «великий голод» людей процент приверженцев религии значительно выше среднего.

Жизненный опыт руководителей бизнес-структур вызывает практический интерес специалистов в области экономики и менеджмента, и в качестве одного из существенных моментов этого опыта выделяется пережитый в ранние годы «великий голод», это травматическое событие оказывает существенное влияние на принятие стратегических решений. Сюй Вэйбинь и др.³ продемонстрировали, что владельцы семейных предприятий, пережившие в раннем возрасте «великий голод», более склонны к проявлениям nepотизма, однако опыт получения высшего образования и работы в государственных учреждениях ослабляет эту связь. В 2023 г. были защищены две диссертации в области экономики, финансов и управления с анализом воздействия опыта «великого голода» у руководителя высшего звена на уровень риска, приемлемый для возглавляемой им компании. Ян Чжэнжуй⁴ демонстрирует, что, чем более тяжелым было переживание голода председателем правления компании, тем ниже уровень риска, на который готова пойти руководимая им компания, и это влияние тем сильнее, чем большую автономию имеет председатель правления в принятии решений. В диссертации Цзян Цзялинь⁵, посвященной анализу связи между ранним опытом генерального директора и корпоративной социальной ответственностью, «великий голод» также избран в качестве одного из исследуемых

¹ Ван Сяньшэн 汪险生, Го Чжунсин 郭忠兴. Влияние пережитого в детстве голода на поведение крестьян в отношении сдачи земли в аренду (早年饥荒经历对农户土地租出行为的影响) // *Наньцзин нунье дасяюэ сюэбао (Шэхуэй кэсяюэ бань)*. 2018. 18 цз. № 3. С. 103–112.

² Ду Тяньсюэца 都田秀佳, Лян Иньхэ 梁银鹤. Великий голод и религиозные верования: микроэкономический анализ на основе данных CGSS (大饥荒与宗教信仰—基于CGSS数据的微观分析) // *Наньфан цзинцзи*. 2018. № 4. С. 114–128.

³ Сюй Вэйбинь 许为宾, Тан Цинчжоу 唐青舟, Ван Солин 王锁龄. Кумовство: опыт «великого голода», пережитый предпринимателем, и особенности управления семейным предприятием (任人唯亲: 企业家大饥荒经历与家族企业治理行为研究) // *Лоцзя гуаньли пилунь*. 2023. № 4. С. 1–29.

⁴ Ян Чжэнжуй 杨正睿. Влияние пережитого председателем правления «великого голода» на уровень готовности предприятия к риску — эмпирические свидетельства о «великом голоде» в Китае (董事长大饥荒经历影响企业风险承担水平的实证研究——来自中国大饥荒的经验证据). Дис. ... магистра. Институт экономики Шаньдунского университета, 2023.

⁵ Цзян Цзялинь 蒋佳霖. Исследование воздействия пережитого генеральным директором компании в ранние годы опыта на корпоративную социальную ответственность (CEO 早期特殊经历对企业社会责任的影响研究). Дисс. ... д-ра наук. Чжуннаньский университет, 2023.

факторов (три других — служба в армии, высылка в деревню в ходе «движения образованной молодежи» и деятельность в первые годы «реформ и открытости»).

Таким образом, китайские ученые в последнее время обращаются к явлению «великого голода» как к «естественному эксперименту», событию, повлиявшему на психологические особенности, характер, модели поведения значительного количества людей, а также на корпоративную культуру и стиль ведения бизнеса компаниями, руководимыми пережившими такой опыт людьми.

Дубровская Д. В. (ИВ РАН, Москва)

Маньчжурские императоры эпохи «Трех великих правлений» и вопросы перспективы: что такое сяньфа и зачем она нужна?

Суть метода, разрабатывавшегося европейскими миссионерами при дворе императоров Канси, Юнчжэна и Цяньлуна, состояла в объединении китайских мотивов, тем и предметов изображения с характерных для европейской традиции принципов использования однофокусной прямой перспективы и светотеневой моделировки формы. Джузеппе Кастильоне (Лан Шинин) и его коллеги вводили перспективное построение пространства в работы, включавшие изображение строений в пейзаже, — таким образом, деликатно используемая прямая перспектива, называвшаяся в Китае *сяньфа-хуа*, позволяла добиться более свежего подхода к репрезентации придворных сцен, а пейзажам придавалась сравнительно большая глубина.

Неискушенный взгляд вряд ли отличит произведения Кастильоне и его последователей, работавших с использованием линейного метода *сяньфа*, от чисто китайских, и дело не только в китайском сюжетном репертуаре и колористике. Итальянский живописец вводил европейскую технику в местный контекст отнюдь не топорно или бездумно: тени максимально облегчались, контраст между светом и тенью сглаживался, а эффекта трехмерности Лан Шинин — последователь знаменитого итальянского перспективиста Андреа Поццо (1642–1709) — добивался через сочетание высоко ценимой заказчиками-императорами прямой перспективы (ради которой Кастильоне и выписали из Италии по прямому требованию императора Канси) с традиционной китайской аксонометрией.

В докладе будет рассмотрено применение итальянским придворным художником перспективных построений на примерах двух вертикальных и одного горизонтального свитка с целью проследить конкретные способы, использовавшиеся художником для решения поставленной перед ним венценосными заказчиками задачи деликатного привития определенных черт европейской живописи традиционному китайскому придворному искусству.

Переключка европейского и китайского методов использования перспективы и тонкое введение светотеневой моделировки характерны, к примеру, для таких

известных вертикальных анималистических свитков кисти Кастильоне, как «Пара журавлей в тени с цветами» (1723–1735) и «Два козлика» (до 1744 г.) (оба в коллекции Национального музея Гугун, Тайбэй). Но более всего методический «фьюжн» итальянского мастера выражается в модульной системе работы с композицией, позволяющей добиться пространственной глубины в произведениях, включающих изображения архитектурных ансамблей и комплексов строений. Один из возможных и множественных примеров — вертикальный свиток «Двенадцатый месяц. Декабрь. Снежные забавы» из цикла «Двенадцать радостных месяцев в Юаньмин-юане» (после 1751 г. Тушь, водорастворимые краски, шелк. 144×80 см. Национальный музей Гугун, Тайбэй).

Будет обоснована гипотеза о том, что Лан Шинин, применивший находки современных ему художников и сценографов европейского театра, решивших задачу построения трехмерного иллюзионистического пространства для сценических декораций, фактически приблизился к приемам китайской мультифокусной перспективы, издавна использовавшейся в традиционной китайской пейзажной живописи, переоткрыв и переформулировав ее таким образом, чтобы либо деликатно сочетать линейную европейскую перспективу с китайской аксонометрией, либо создавать несколько последовательных точек схода, диктующих композиции горизонтального свитка ритм и привносящих в традиционный китайский художественный жанр эффект трехмерной диорамы и эффект присутствия, которые будут во всю мощь использованы позже, при создании эскизов для «Строений Западного океана» — Сиянлоу во дворцово-парковом комплексе Юаньмин-юань.

Дудин П. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

**О предварительных результатах работы
с чистовиком неопубликованной рукописи
отца Иакинфа (Н. Я. Бичурина)
«Изложение китайского законодательства».
Глава первая «Княжеское Правление»**

В представленном докладе дается описание чистовика рукописи начальника IX Русской духовной миссии в Пекине, одного из выдающихся востоковедов — исследователей Китая и других стран и народов Восточной Азии, архимандрита Иакинфа, в миру — Никиты Яковлевича Бичурина. Рукопись «Изложение китайского законодательства» — фундаментальный труд отца Иакинфа, рукописный перевод многотомного «Свода установлений о государственном устройстве Великой империи Цин», или «Да Цин хуэйдянь», 1764 г.

Рукопись представляет собой два текста, первый из которых — черновой, в трех томах, 1938 статей с нормативным содержанием и 9 статей — «потерявшихся»,

отсутствующих в перечне статей (по 1 — в главах 6, 8, 10, 11, 12, 13, 17, и 2 — в 19), с многочисленными правками, исправлениями и т.п., хранится в Государственном архиве Республики Татарстан. Первый том состоит из 645 статей, второй том — из 490 статей, третий том — из 812 статей.

Второй текст — чистовой, в двух папках, выполненный каллиграфическим почерком хорошо читаемого текста, в первую папку которого включены оглавления первого (листы 2–11) и третьего (листы 13–32) тома и текст большей части первого тома (листы 33–148, 418 статей из 645, указанных в оглавлении), а во вторую — оглавление второго тома (листы 3–12) и перевод востоковедных текстов, прямого отношения к «Да Цин хуэйдянь» не имеющих. Чистовик хранится ныне в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (ф. 15, ед. хр. 34, Александро-Невская лавра № А27/2 («Изложение китайского законодательства», том 1, 1837 г.), 1+147 л.), его первая папка была нами изучена, ее текст расшифрован и подготовлен к опубликованию.

В докладе основное внимание будет уделено главе первой — «Княжеское правление», содержащей нормы об органе государственной власти империи Цин, известном как Цжунчжэн-фу, в полномочия которого входило управление членами правящего императорского дома. Доклад рассматривает отношение рукописи к цинскому своду правовых установлений, дается его общая характеристика, краткое содержание первой главы; также определено место Цжунчжэн-фу в системе высших государственных институтов Маньчжурской империи. Анализ вышеуказанных материалов позволяет прийти к заключению, что, несмотря на трансформацию своего статуса в течение двухтысячелетней истории, этот государственный орган в период деятельности Н. Я. Бичурина был одним из наиболее важных и наиболее влиятельных.

Поскольку первую редакцию «Да Цин хуэйдянь» в 1781–1783 гг. переводил на русский язык и опубликовал член IV Русской духовной миссии в Пекине А. Л. Леонтьев и в настоящее время этот перевод в трех томах имеется в свободном доступе под названием «Тайцин гурунь и Ухери коли...», в докладе также будет рассмотрено соотнесение между собой переводов А. Л. Леонтьева и Н. Я. Бичурина.

*Завидовская Е. А. (ИКСА РАН, Москва;
Брянский государственный университет, Брянск)*

Французские исследования пограничья Китая и Вьетнама в контексте международной обстановки в регионе на рубеже XIX–XX вв.

Данное исследование анализирует источниковедческую ценность материалов по географии и этнографии провинции Юньнань и пограничных с ней областей Вьетнама, издававшихся с конца XIX по первые десятилетия XX века рядом

французских исследователей, являвшихся миссионерами, врачами, военными и дипломатами. В свете усиления присутствия Франции в Тонкине (Северном Вьетнаме), а также получения права на присутствие на внутренних территориях Китая начиная с конца XIX в. целая плеяда французских специалистов осуществляла длительные экспедиции в труднодоступные области Юго-Западного Китая (Тибет, Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, Гуанси) и в соседние районы Вьетнама, некоторые из них проживали по многу лет среди местного населения и осваивали их языки. Ученых интересовали прежде всего язык, обычаи и религия местных народов, а также коммуникации и военная инфраструктура Китая, что в полной мере отражает планы колонизаторов по наращиванию транспортных связей между Китаем и Вьетнамом и развитию рынка. Содержание этих исследований не только сохраняет информационную ценность вплоть до нашего времени, но и является материалом по истории пограничья Китая и Вьетнама в колониальный период. Современное исследование деятельности «случайных» этнографов, какими зачастую выступали французские миссионеры, принадлежит Жану Мишо (Michaud Jean. 'Incidental' ethnographers: French Catholic missions on the Tonkin-Yunnan frontier, 1880–1930. Leiden, Boston: Brill, 2007).

Труд Габриэля Девера (Gabriel Devéria, 1844–1899) «Китайско-аннамитская граница: географическое и этнографическое описание по официальным китайским документам» (*La frontier sino-annamite: description géographique et ethnographique d'après des documents officiels chinois*. Ed. Ernest Leroix Paris: Bibliothèque de la société asiatique, 1886) основан на китайских географических сочинениях, дает обзор областей провинций Гуандун, Гуанси и Юньнань, которые граничат с Аннамом.

Французский дипломат и археолог Шарль Бонэн (Charles-Eudes Bonin, 1865–1929) осуществил экспедицию в Тибет, стал первым французом, побывавшим в Дуньхуане. В 1889 году он был назначен во французскую администрацию в Хайдуонге (Hai-Duong) в Тонкине, в 1891–1892 годах работал в качестве заместителя комиссара на юге Тонкина, возглавлял научные миссии в Лаос (1893) и на Суматру (1894). В 1895–1897 годах его экспедиция из Тонкина прошла через Тибет, Монголию, пустыню Гоби и прибыла в Пекин. Вторая экспедиция Бонэна, санкционированная тремя французскими министерствами, стартовала в 1898 г. из Шанхая, по Янцзы она прибыла в Сычуань, путешественники поднялись на гору Эмэйшань и вступили в пределы Тибета, движение экспедиции было прервано нападением местного населения в горах Ляншань 涼山, после чего Бонэн решил вернуться в Чунцин¹.

Немалый объем материалов был собран французами в ходе исследования местности для постройки железной дороги из Тонкина в центральный Китай.

¹ Материалы Бонэна по юго-западу Китая: Bonin C. E. Nouvelles de sa mission au Tibet // *Comptes Rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1899. P. 218–219; Bonin C. E. À travers le Yun-Nan, le Thibet et la Mongolie. Exploration de M. Ch. E. Bonin // *À Travers le Monde*. 1897. 11. P. 81–84; Chavannes E. Rapport sur les résultats archéologiques de la Mission Bonin // *Comptes Rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1901. 45(1). P. 133–135.

Так, в 1898 г. инженер Андрэ Леклер (André Leclère, 1858–1915) тайно проводил исследование местности и составлял отчеты по геологии Юньнани и Гуанси на предмет наличия залежей ископаемых (название отчета — “Législation des Mines en Chine au point de vue de la pénétration industrielle”, 1899). Экспедиция стала результатом конкуренции с Англией за установление влияния в регионе.

Проблеме строительства железной дороги посвящал публикации и французский военный врач Аме-Франсуа Лежандр (Aimé-François Legendre, 1867–1951), который сначала служил колониальным военным врачом в Тонкине, затем был откомандирован во французское консульство в Чэнду. При поддержке французского консула Пьера-Реми Бон д’Анти (Pierre-Remi Bons d’Anty, 1859–1916) он основал в Чэнду Императорскую медицинскую школу, в которой до 1927 года сохранялась постоянная французская медицинская миссия с военными врачами. Примерно в течение десятилетия (1902–1912) он исследовал Юго-Западный Китай: Сычуань, Цзяньчан, Юньнань, его особенно интересовал народ *лоло* (совр. *цззу*), исследования вышли в форме книг и журнальных статей¹.

Крайне важна фигура упомянутого выше дипломата Пьера-Реми Бон д’Анти, служившего вице-консулом Франции в Лонг-Чеу, с 1907 по 1916 г. он возглавлял генеральное консульство Франции в Чэнду. В 1907 году Бон д’Анти по заданию своего министерства провел шесть месяцев, обследуя провинции Хунань и Гуйчжоу с разведывательной миссией. Он сотрудничал с Жозефом Галлиени при демаркации границы между китайским Гуанси и Тонкином под французским протекторатом в 1892 году. Ему принадлежит обширное количество публикаций, в том числе книга «Юг Юньнани» (P. Bons D’Anty. Le Sud Du Yun-nan. Paris, 1904).

Важное место занимают публикации Анри Кордилье (Henri Cordier, 1856–1925), в частности, фундаментальный труд «Лоло: актуальное состояние исследований» (Les Lolos. État Actuel de la question, «T’oung-pao», 1907).

Самыми первыми этнографами становились миссионеры, так, Жозеф Юджин Мартэн (Joseph Eugene Martin, 1836–1899) прожил среди *лоло* на юге Сычуани 18 лет и оставил ценные неопубликованные материалы. Значительный вклад в исследование этнографии Юньнани, Гуанси и Тонкина внесли католические миссионеры Парижского общества заграничных миссий (Société des Missions Etrangères de Paris): Пол Виал (Paul Vial, 1855–1917), приехавший в 1881, Альфред Льетар (Alfred Liétard, 1872–1912), работавший с 1896 года и проживший там 30 лет, Франсуа-Мари Савина (François Marie Savina, 1876–1941), они были направлены в викариаты Юньнани вести христианизацию *лоло* и ханьцев. Эти и другие миссионеры оставили авторитетные труды по этнографии и лингвистике *лоло* и *мяо* (*хмонгов*).

¹ Le far-west Chinois. Deux Années au Setchouen. Paris: Plon, 1905; Le far-west Chinois. Kientchanget Lolotie, Chinois, Lolos, Sifans. Paris: Plon, 1910; Le far-west Chinois. Au Yunnan et dans le massif du Kin-Ho. Paris: Plon, 1913; Explorations dans la Chine occidentale, Kientchang-Lolotie et massif des Ouapao-chan // *La Géographie*. 15 avril 1911. XXIII, No. 4. P. 249–262; Exploration dans la Chine occidentale et les marches tibétaines // *La Géographie*. 15 décembre 1912. XXVI, No. 6. P. 365–375.

В заключение подчеркнем, что ведущие французские синологи того периода, в частности Поль Пеллио (Paul Pelliot, 1878–1945), также исследовали письменные памятники, связанные с этим регионом¹. В 1899 году была создана Индокитайская археологическая миссия, ставшая в 1900 году Французской школой Дальнего Востока (EFEO), и Поль Пеллио был назначен ее первым резидентом.

Зельницкий А. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Структура и содержание Трактата о Пяти фазах (У син чжи) «Старой книги о Тан» (Цзю тан шу): общие замечания

«Старая книга о Тан» была составлена в период Поздней Цзинь (*Хоу цзинь* 後晉) (936–947) эпохи Пяти Династий и Десяти царств (*У дай ши го* 五代十國) (907–960) в период между 941 и 945 годами. Авторами этого исторического свода называют Чжао Ина 趙瑩 (885–951) и Лю Сю 劉昫 (888–947), а также Чжан Чжао 張昭 (894–972), Цзя Вэя 賈緯 и Чжао Си 趙熙. Трактат является тридцать седьмой главой этого исторического свода и семнадцатой частью раздела «Трактаты» (чжи 志).

Как это хорошо известно, предметом рассмотрения в трактатах этой группы являются катастрофические и странные события, трактуемые как дурные или благие знамения, указывающие на характер правления того или иного императора и, соответственно, подлежащие истолкованию.

Хронологически трактат охватывает весь период Тан 唐 (618–907), в одном случае захватывая и предшествующий ему период Суй 隋 (581–617).

Структурно трактат на первый взгляд выглядит достаточно простым, поскольку имеет две вполне явные части: введение и основное повествование.

Введение выполняет две задачи. Во-первых, в нем реконструируется преемственность учения о пяти фазах и выстраивается следующая линия: Юй禹, Цзицзы 箕子, Дун Чжуншу 董仲舒 (179–104 до н. э.), Лю Сян 劉向 (79 до н. э. — 6 н. э.) и Бань Гу 班固 (32–92). При этом, несмотря на то, что во введении и основном повествовании трактата даются ссылки на «Весны и осени» (Чунь цю 春秋), сам Конфуций в эту линию преемственности не включается, хотя, возможно, и подразумевается. Во-вторых, в нем задаются теоретическая рамка и основание для классификации катастрофических и странных событий через цитаты из «Комментария к “Пяти фазам”» (У син чжуань 五行傳) Лю Сяна.

Однако определенную сложность представляет как раз организация основного повествования. В целом можно сказать, что оно разделено на группы фрагментов,

^{1 3} Например, им был составлен каталог аннамитских источников по истории Аннама (1904) совместно с миссионером отцом Кадьером (Cadière, 1869–1955).

распределенных по типам событий и выстроенных по хронологии. Однако не до конца понятен порядок групп фрагментов. Не исключено, что они выстроены по степени значимости, причем степень эта, скорее всего, определялась составителем. Такой вывод напрашивается при сравнении с перечнем категорий трактата о Пяти фазах «Книги о Суй» (Суй шу 隋書), составленным Майклом Найланом, который начинается с событий, связанных с нарушением в фазе Дерево, то есть с потерей ею способности изгибаться и выпрямляться. В отличие от Суй шу, повествовательная часть трактата Старой книги о Тан начинается с описания землетрясений, которые в самом начале объясняются цитатой из Лю Сяна о том, что их вызывает противостояние металла, дерева и воды почве. Также там приводится обосновывающее высказывание из того же трактата, что, согласно «Чунь цю», землетрясения и солнечные затмения это важнейшие бедствия, являющиеся крайностью проявления темного начала. В целом же можно сделать предварительный вывод, что в структуру повествовательной части заложена авторская трактовка концепции взаимодействия пяти фаз, восходящая к труду Лю Сяна «Комментарий к “Пяти фазам”». Тем не менее нельзя упускать из виду наблюдение Майкла Найлана о том, что начало перечня знамений с фазы Дерево в «Книге о Суй» ориентируется на позицию Дун Чжуншу о приоритетности весны и связанной с ней фазы в связи с тем, что с нее начинается календарный год. Данное обстоятельство ставит вопрос о том, почему авторы «Старой книги о Тан» отошли от этого принципа.

Что касается содержания основной части трактата, то в целом создается впечатление, что его автор в качестве более значимых событий рассматривает именно катастрофы, включая нашествия насекомых. Что же касается странных событий с растениями и животными, в том числе и такими, как драконы (лун 龍), лини 麟 и луани 鸞, они, как представляется, отнесены к менее значительным и важным. Наконец, довольно любопытной является завершающая группа сообщений, как кажется на первый взгляд, не связанная ни с чем в буквальном смысле странным или катастрофическим. Это сообщения о излишне роскошной одежде и вещах. Скорее всего, эти сообщения были включены как пример знамения «странные одежды» (фуяо 服妖), появляющиеся как знак искажения одного из так называемых пяти дел (у ши 五事), а именно «нескромности облика» (мао чжи бу гун 貌之不恭), соотносимого с фазой Дерево.

Важно отметить, что в большинстве случаев в трактате довольно сложно найти какие-то, пусть даже и завуалированные, авторские ремарки по поводу тех или иных событий. Чаще всего можно встретить указания на то, что предпринятые действия не дали результата и бедствие продолжилось. Очевидно, что именно такие указания и стоит расценивать как оценку эффективности предпринятых действий и, соответственно, верности принятых решений.

Что касается самих действий, то, как представляется, в трактате можно выделить описание двух типов дивинации, то есть процедуры истолкования события, обсуждения и выработки способа действий с целью исправления ситуации. Здесь любопытно то, что они различаются по составу участников и от этого зависит

характер предпринимаемых шагов. В одних случаях император обращается за советом к сановникам, и тогда действия приобретают практико-политический характер, а в других случаях он не инициирует обсуждение ситуации и принимает решение сам. Но в этом случае его действия носят ритуально-магический или религиозно-ритуально-магический характер. Само по себе это обстоятельство довольно интересно, поскольку во втором случае видна реализация статуса императора именно как ритуально-магической фигуры со строго ограниченными возможностями осуществления самостоятельных действий.

Еще один момент касается вопроса о главном источнике бед. Чаще всего это сам император, но иногда в трактате в качестве такового называется кто-то из чиновников или сановников и есть даже один случай подачи прошения об отставке с последующим наказанием от сановника (правый пуге, ю пуге 右仆射). Здесь продолжается тенденция, отмеченная уже для «Книги о Суй», где также вина за происходящее начинает возлагаться не только на правителя.

Кейдун И. Б. (АмГУ, Благовещенск; ДВФУ, Владивосток)

Письма домой Линь Цзэсюя

Образ Линь Цзэсюя (林则徐, 1785–1850), видного государственного деятеля цинского Китая, знаком нам хорошо. Преданный императору сановник, «выдающийся по своим моральным качествам (честный и неподкупный, “чистый, как небо”), авторитетный и опытный»¹, патриот, защитник национальных интересов, безусловно служивший своей стране. Однако почти неизвестна другая сторона его образа — качества личности, особенности характера, отношения с родными и близкими. Личные письма Линь Цзэсюя, адресованные супруге и детям, являются важным источником, существенно дополняющим информацию, имеющуюся в биографиях, характерными особенностями которых являлись краткость изложения, положительный образ персонажа, представленный главным образом его служебной деятельностью и т.п.

Нами были изучены письма Линь Цзэсюя, представленные в сборнике *Линь Цзэсюй цзя шу* (林则徐家书, «Письма домой Линь Цзэсюя»), вышедшем в Пекине 2012 г. (серия *Цин дай мин чэнь цзя шу силе* 清代名臣家书系列, «Письма домой известных сановников эпохи Цин»), ред. Ли Цзиньван (李金旺)². Писем, входящих в сборник — 46, они не датированы, но судя по упоминаемым в них событиям, написаны в различные периоды жизни Линь Цзэсюя.

¹ Врадий С. Ю. Трансформация исторической памяти: актуализация образа Линь Цзэсюя (1785–1850) в китайской историографии // *Россия и АТР*. 2024. № 2. С. 125–150.

² 林则徐家书 / 李金旺主编. 北京: 外文出版社有限责任公司, 2012. (清代名臣家书系列).

Письма содержат разнообразную информацию — подробные описания рабочих моментов, изложение собственных взглядов на политику и общество, рассказы близким о произошедших с ним событиях, в том числе, например, о встречах с иностранцами и др. Значительная часть писем адресована супруге. С ней Линь Цзэсюй делился своими чувствами и переживаниями, рассказывал о мечтах и надеждах. Трепетно относясь к своим детям, Линь Цзэсюй очень старался поддерживать с ними постоянный контакт, давал советы и наставления, воодушевлял — всему этому также уделено много внимания в письмах.

Тематика писем охватывает широкий спектр вопросов, посвященных различным аспектам личной жизни Линь Цзэсюя, его супруги, детей, окружения, а также государственной деятельности и тому, что происходило в стране. Это свидетельствует о широте интересов автора писем, многогранности его личности. Темы, поднимаемые в письмах, непосредственно связаны с высокой должностью Линь Цзэсюя, характеризуют его как ответственного чиновника, борца за порядок в стране, интеллектуала, при этом заботливого человека, любящего свою супругу и детей. В содержании писем можно выделить следующие основные тематические группы:

- рассказы о поездках и событиях, которые происходили в жизни самого Линь Цзэсюя, а также его близких: Линь Цзэсюй рассказывал о том, что случилось с ним и обсуждал события, произошедшие в жизни родных;
- наставления, распоряжения: Линь Цзэсюй дает указания, подсказывает, как поступить в той или иной ситуации, разрешить возникшую проблему, — это касается разных аспектов жизни семьи;
- разговоры о здоровье и благополучии — своем и близких;
- вопросы, касающиеся детей: Линь Цзэсюй активно интересовался всем, что было связано с этой темой; особенно его волновали проблемы воспитания, обучения, культурного, нравственного, физического развития наследников, он старался воспитать их способными постоять за себя в этом мире;
- «вопросы государственной важности»: прежде всего Линь Цзэсюя волновали темы, связанные с политикой государства, направленной на борьбу с опиумной торговлей, необходимостью пресечения потока опиума, ввозимого в Китай, прекращения его поставок из-за рубежа, борьбы с производителями, поставщиками и продавцами опиума; отношения Китая с другими странами: Линь Цзэсюй стремился к установлению справедливых торговых отношений с иностранными государствами, считал, что необходимо требовать от иностранцев уважения китайских законов и предоставления гарантий будущей честной торговли без использования опиума; проблемы безопасности и правопорядка, в том числе борьба с пиратами, разбойниками и др.; курение опиума Линь Цзэсюй считал бедствием для населения страны: наркотическая зависимость вела к распространению различных заболеваний, увеличению бедности, росту преступности — эти и другие социальные проблемы очень беспокоили Линь Цзэсюя, заставляя по мере сил и возможностей бороться с ними.

Таким образом, тематика писем отражает разнообразие интересов и забот Линь Цзэсюя и членов его семьи, а также сложность и многогранность их жизнедеятельности. Мотивы адресанта в письмах Линь Цзэсюя показывают его личный опыт и раскрывают мировоззрение. Он делится своими мыслями о жизни, дружбе и выборе жизненного пути. Особенно в письмах, адресованных сыновьям, Линь Цзэсюй подчеркивает важность уверенности в себе, осторожности и внимательности при выборе друзей, необходимость прислушиваться к советам старших и учиться на их опыте. Линь Цзэсюя очень заботит здоровье членов семьи, особенно в контексте остро стоящей в стране проблемы курения опиума. Он встревожен тем, что многие люди, в том числе и некоторые из его близких, страдают этой зависимостью, потому стремился всеми силами предотвратить распространение опиума. Обеспокоенность за судьбу сыновей, их образование — еще один важный мотив писем адресанта. Он был озабочен их успехами в учении, результатами экзаменов, поддерживал их, наставлял на правильный путь. Кроме того, Линь Цзэсюй стремился поддерживать гармонию и единство в семье, сохранять хорошие отношения между всеми близкими. Дает соответствующие наставления и советы родным. В этих письмах рефлексия адресанта проявляется через его размышления о жизни, дружбе, жизненном выборе, Линь Цзэсюй делится своим опытом и взглядами на отношение к окружающему миру.

Письма являются важным историческим источником, существенно дополняя имеющиеся сведения о жизни и деятельности Линь Цзэсюя, а главное, открывают его с новой стороны — как обычного человека с присущими ему ценностями, убеждениями, привязанностями, симпатиями, страхами, слабостями, способствуют пониманию внутренних мотивов, которыми руководствовался Линь Цзэсюй при принятии тех или иных государственных решений.

Клементьева Т. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Об истории передачи сочинения Ин Шао (ум. до 204 г.) «Фэн су тун и» («Проникновение в смысл веяний и обычаев»)

«Фэн су тун и» 風俗通義 («Проникновение в смысл веяний и обычаев») — сочинение государственного деятеля конца Поздней Хань 後漢 (25–220 гг.) Ин Шао 應劭 (ум. до 204 г.), написанное им в последнее десятилетие жизни. В дошедшем до нас виде оно состоит из 10 уцелевших глав и значительного количества фрагментов, относящихся к 21 утраченной главе. Сохранившиеся 10 глав имеют энциклопедический охват тематики и представляют интерес в сфере изучения культуры Поздней Хань.

При непосредственном изучении и переводе данного текста становится ясно, что уцелевшие 10 глав сохранились в неполном виде, в связи с чем немаловажным

является вопрос изучения истории передачи данного текста для более полного представления о его строении и содержании.

Сочинение передавалось традиционным путем, поэтому дошедший до нас текст, помимо утраченных глав, характеризуется также и многочисленными следами более поздних правок. Долгое время комментаторы и редакторы не уделяли ему пристального внимания: в эпоху Сун 宋 (960–1279 гг.) была предпринята первая попытка восстановить исходное оглавление текста, но к тому моменту уже было утрачено как минимум две трети основного содержания. В целом же к серьезной работе по сбору фрагментов утраченной части китайские ученые приступили лишь в XVIII веке.

У нас нет данных об изначальном объеме «Фэн су тун и». Самое раннее упоминание о нем встречается в «Хоу Хань шу» 漢後書 («Книга [об эпохе] Поздняя Хань») авторства Хуа Цзяо 華嶠 (ум. в 293 г.), где не указывается количество его глав. Впервые точное число глав упоминается в библиографическом трактате «Цзин цзи чжи» («Трактат о канонической и [остальной] литературе») 經籍志 из нормативной истории «Суй шу» 隋書 («Книга [об эпохе] Суй»). По данным «Суй шу», текст «Фэн су тун и» состоял из 31 *цзюаня* основного текста и 1 *цзюаня* с оглавлением *лу*. В «Цзю Тан шу» 舊唐書 («Старая книга [об эпохе] Тан») и «Синь Тан шу» 新唐書 («Новая книга [об эпохе] Тан») упоминается только 30 *цзюаней* основного текста.

Ученый Су Сун (1020–1101), первый известный редактор «Фэн су тун и», предположил, что один *цзюань* (текст и заглавие) был утрачен довольно рано — в период между составлением «Суй шу» и «Цзю тан шу». Су Сун сравнил различные версии текста и создал труд под названием «Цзю Фэн су тун и» 校風俗通義 («Сверенный [текст сочинения] “Фэн су тун и”»). Он состоял из 10 глав, уцелевших к моменту его жизни, и его собственной аннотации. В ней ученый привел названия 20 утраченных глав, выявленные им на основании более ранних текстов. Стоит отметить, что веских оснований считать, что один *цзюань* был утрачен раньше остальных, Су Сун не приводит, а тексты, на которые он опирался, не дошли до нас, в связи с этим его точку зрения невозможно подтвердить или опровергнуть.

Самое старое из сохранившихся печатных изданий произведения — «Юань Да дэ синь кань цзяочжэн Фэн су тун и» 元大德新刊校正風俗通義 («Новое издание сверенного и исправленного [сочинения] “Фэн су тун и”, [изданное в период правления] Да дэ [эпохи] Юань»). Ксилограф эпохи Юань основан на более раннем, но утраченном варианте текста под редакцией Дин Фу 丁黼 (1166–1236 гг.). Сохранилось послесловие, оставленное им в 1220 году. Из него известно, что Дин Фу подготовил текст, сравнив три версии, которые были у него в распоряжении: две частные и официальную. Первая версия, по его словам, содержала много ошибок и была трудночитаемой. Последующие переиздания «Фэн су тун и» в эпоху Мин опирались именно на юаньское издание.

Активная работа по изучению текста «Фэн су тун и» началась лишь во второй половине Цин. В результате ее сочинение было дополнено критическими

комментариями, а также собранием многочисленных фрагментов утраченных глав. Важными источниками по восстановлению фрагментов утраченных глав были энциклопедические своды «Бэй тан шу чао» 北堂書鈔 («Выдержки из книг в Северном Зале») и «И вэнь лэй цзюй» 藝文類聚 («Собрание канонической и прочей литературы, [разбитое] по категориям»), 太平御覽 («Высочайше одобренное обозрение [эпохи] Тайпин»), «Тун дянь» 通典 («Всепроницающий свод»), «Тун чжи» 通志 («Всепроницающие трактаты») и «Чу сюэ цзи» 初學記 («Записи для начального обучения»), а также такие работы, как «Лу ши» 路史 («Грандиозная история») и «Шуй цзин чжу» 水經注 («Комментарий к Канону вод»).

Работа ученых по сбору фрагментов и редактированию основного содержания была обобщена в последней четверти XX в. в изданиях Ван Ли-ци 王利器 и У Шу-пина 吳樹平, являющихся на настоящий момент наиболее авторитетным подспорьем любого исследователя, имеющего дело с данным текстом. В данном докладе также будут подробно рассмотрены вопросы порядка утраченных глав текста, вклад отдельных ученых эпохи Цин в восстановление текста и особенности современных изданий Ван Ли-ци и У Шу-пина.

Колнин И. С. (ИБ РАН, Москва)

Проблема датировки и количества плаваний Чжэн Хэ в Западный океан в свете новообнаруженных эпиграфических источников

В современной исторической науке и научно-популярной литературе общепринято, что известный китайский флотоводец Чжэн Хэ 鄭和 (1371–?) совершил семь экспедиций в Западный океан с 1405 по 1433 г. Однако в действительности точное число плаваний и их датировка весьма неоднозначны даже на уровне первоисточников. Так, и в *Мин ши* 明史 («История [империи] Мин») в «Биографии Чжэн Хэ» 鄭和傳¹ и в двух стелах, установленных Чжэн Хэ и его сподвижниками в 1430/1431 гг. и обнаруженных лишь в 1930-х гг.², говорится именно о «семи

¹ Перевод на русский язык см.: Бокшанин А.А. Внешняя политика, войны, дипломатические и торговые посольства минской империи // Хрестоматия по истории Китая в средние века: (XV—XVII вв.). М.: Издательство Московского университета, 1960. С. 82–84.

² Памятная надпись о сношениях с иноземцами, выбитая на камне в храме Небесной Супруги в Люцзягане, что в Восточном Лу 婁東劉家港天妃宮石刻通番事蹟記, и Надпись о священном чудодейственном покровительстве Небесной Супруги 天妃靈應之記. Переводы на русский язык см.: Лян Чжэ. Мореплаватель-дипломат Чжэн Хэ и Небесная супруга. Эпиграфика как источник по истории, обрядовым традициям и фольклору средневекового Китая // *Традиционная культура*. 2014. № 3. С. 37–46.

Колнин И. С. Эпиграфика как ключевой источник по плаваниям Чжэн Хэ и ее современная интерпретация: исследование, перевод и комментарии // *Восток (Oriens)*. 2024. № 2. С. 244, 251–255.

плаваниях», однако часть из них не совпадает: второе и третье плавание из текста стел были «объединены» в одно в *Мин ши*, но при этом в ней отдельно выделено плавание 1424 г., упоминания о котором отсутствуют в эпитафических памятниках (см. табл. 1).

Табл. 1. Датировка экспедиций Чжэн Хэ по данным разных источников¹

Номер экспедиции	Датировка по Мин ши	Датировка по стелам
Первая	1405–1407	1405–1407
Вторая	1408–1411	1407–1409
Третья	1412–1415	1409–1411
Четвертая	1416–1419	1413–1415
Пятая	1421–1422	1417–?
Шестая	1424–?	1421–?
Седьмая	1430–?	1430–?

Из этого явно следует, что составители *Мин ши* не располагали информацией, зафиксированной в тексте стел. Скорее всего, они использовали данные из *Мин шилу* 明實錄 («Правдивые записи [империи] Мин»), где также не задокументировано возвращение из второй экспедиции в 1409 г. и снаряжение новой в том же году². Это и дальнейшее «слияние» второго и третьего плаваний в более поздних официальных источниках могло быть связано с тем, что по данным обеих стел во втором плавании не произошло ничего примечательного: лишь кратко описывается рутинное подношение дани от правителей посещенных стран.

Что до событий 1424 г., то согласно *Мин шилу* и *Мин ши*, 27 февраля (по *Мин шилу*) наследник почившего ставленника в Цзюган 舊港 («Старый порт», современный г. Палембанг) просил о передаче титула своего отца, в связи с чем туда отправили Чжэн Хэ, однако про время его возвращения назад ничего не сказано кроме того, что император Чжу Ди к тому времени уже скончался. Следующее упоминание Чжэн Хэ в *Мин шилу* датируется 25 февраля 1425 г., ему было поручено охранять Нанкин с вверенными ему войсками. Таким образом, это плавание должно было длиться меньше года.

Известный голландский ученый Дж. Дж. Л. Дёйвендак одним из первых заметил вышеописанную несостыковку и посчитал, что отправление флотилии в 1424 г. просто не состоялось: по его мнению, смерть Чжу Ди 12 августа 1424 г. и издание приказа следующего императора Чжу Гаочи о прекращении экспедиций 7 сентября 1424 г. достигли Чжэн Хэ ещё до его отплытия в Западный океан. Это,

¹ Несовпадения в датах отправления нескольких экспедиций связаны с тем, что императорские приказы были изданы и получены в декабре 1412 и 1416 гг., а водружение стел происходило уже в другом месте в следующем году.

² Wade G.P. Southeast Asia in Ming shi-lu. [An Open Access Resource]. 2005. URL: <https://epress.nus.edu.sg/msl/person/zheng-he> (дата обращения: 08.01.2025).

в частности, подтверждается тем, что печать и титул правителю Цзюгана были дарованы лишь 17 сентября 1425 г.¹

В то время как доводы Дёйвендака действительно представляются резонными, и современная датировка семи плаваний базируется в первую очередь именно на данных этих двух стел, исключая плавание 1424 г., необходимо взглянуть на то, как экспедиции и их количество воспринимались современниками Чжэн Хэ.

Так, в эпитафии Чжоу Вэня 周聞 (1386–1470), обнаруженной в 1983 г., среди плаваний, в которых он принимал непосредственное участие, фигурируют и события 1424 г.: «В год *цзячэнь* (1424. — *И. К.*) опять отправились [в Западный Океан], [но] Жэньцзун повелел прекратить ее (экспедицию. — *И. К.*)» 甲辰又往, 仁廟詔停止之. Общее число кампаний Чжоу Вэня в Западный океан охарактеризовано таким образом: «*Хоу* всего шесть [раз] отправлялся [в Западный Океан], четыре [раза] доходил до его пределов» 侯凡六往, 四抵厥境.

Два раза, когда Чжоу Вэнь не дошел до пределов Западного океана — «обще-признанное» плавание 1421–1422 гг., про которое в тексте эпитафии написано: «В год *синчоу* (1421. — *И. К.*) в очередной раз отправились [в Западный океан], но на полпути повернули назад» 辛丑繼往, 而中道取回; и собственно плавание 1424 г.² Таким образом, можно предположить, что плавание 1421–1422 гг., в котором Чжэн Хэ сопровождал иноземных послов домой, также первоначально должно было быть более масштабным. Тем не менее про его скоротечность и неполноту нет никаких упоминаний ни в одном известном нам источнике.

В связи с этим возникает вопрос: если плавание 1424 г. не считается «каноничным», можно ли считать таковым плавание 1421–1422 гг.? Более того, как уже было продемонстрировано нами ранее, под «экспедициями в Западный океан» в эпитафиях других современников Чжэн Хэ также необязательно подразумевались именно те семь плаваний, которые принято выделять сегодня³.

Кудинова М. А. (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск)

История и современное состояние ухуаньской проблемы в археологии Китая⁴

Ухуани 乌桓、乌丸 — древний, предположительно монголоязычный народ, происхождение которого связывается с этнической общностью дунху. Ухуани

¹ Duyvendak J. J. L. The True Dates of the Chinese Maritime Expeditions in the Early Fifteenth Century // *T'oung Pao*. 1939. Vol. 34. No. 5. P. 387.

² У Люймин 吴聿明. Чжоу Вэнь фуфу мужжимин 周闻夫妇墓志铭. (Эпитафии Чжоу Вэня и его супруги) // *Вэньу* 文物. 1985. № 6. С. 87–88.

³ Колнин И. С. С. Чжэн Хэ — прообраз Синдбада? (критика популярной точки зрения) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2024. № 1. С. 144–145.

⁴ Исследование выполнено в рамках гранта РФФ, проект №22-78-10121 «Связи между культурами Сибири и Северного Китая в эпоху древности и раннего Средневековья по данным археологии».

известны по китайским письменным источникам: самое раннее упоминание содержится в «Исторических записках» Сыма Цяня, последнее хронологически — в «Истории Ляо». Информация письменных памятников не позволяет четко очертить границы расселения ухуаней, поскольку упомянутые в текстах топонимы зачастую невозможно соотнести с реальными географическими объектами. Кроме того, на протяжении всей своей истории ухуани тесно взаимодействовали с хунну, сяньбэй и Хань, что также затрудняет выделение этно-различительных маркеров.

В настоящее время китайские археологи выделяют несколько памятников, которые могут быть определены как ухуаньские, однако в отношении каждого из них существует дискуссия о культурной и этнической атрибуции.

Прежде всего это могильник Сичагоу в уезде Сифэн провинции Ляонин. В 1955 г. местные власти сообщили об обнаружении памятника в провинциальное управление по культуре и передали туда часть вещей, полученных от крестьян, проводивших незаконные раскопки. Сообщение было оставлено без внимания, и могильник был почти полностью уничтожен. Лишь в 1956 г. начались спасательные раскопки ходе которых было изучено 63 погребения и получено более 2000 артефактов. Еще более 5000 предметов собрано у местных жителей.

Уже в заметке 1956 г., опубликованной в «Жэньминь жибао», а впоследствии перепечатанной в профильном научном журнале, Сунь Шоудао предположил, что могильник мог быть оставлен сюнну, ухуань или сяньбэй¹. В 1960 г. он опубликовал часть материалов памятника, предварительно датировав его II — сер. I в. до н. э., и остановился на сюннуской атрибуции как наиболее вероятной². В 1961 г. Цзэн Юном высказана гипотеза о принадлежности могильника ухуаням³. В 1984 г. дискуссии об этнокультурной принадлежности Сичагоу продолжил Тянь Юнь, выдвинувший фууюйскую (пуёскую) гипотезу⁴. Линь Юнь в работе, посвященной изучению мечей из могильников Цайфэн, Лаохэшэнь и Сичагоу, указал, что до публикации полного отчета нет достаточных оснований для той или иной этнокультурной атрибуции Сичагоу⁵. В 2013 г. Пань Лин

¹ Сунь Шоудао. Сичагоу гумуцзюнь бэй цзюэ шицзяньдэ цзюасюнь [孙守道. 西岔沟古墓群被掘事件的教训]. Уроки инцидента с раскопками древних погребений Сичагоу // *Вэньу цанькао цзыляо*. 1957. № 1. С. 53–56.

² Сунь Шоудао. «Сюнну сичагоу вэньхуа» гумуцзюньдэ фасянь [孙守道. “匈奴西岔沟文化” 古墓群的发现]. Открытие древних погребений «сюннуской культуры сичагоу» // *Вэньу*. 1960. № Z1. С. 25–36.

³ Цзэн Юн. Ляонин Сифэн Сичагоу гумуцзюнь вэй ухуань вэньхуа ицзи лунь [曾庸. 辽宁西岔沟古墓群为乌桓文化遗迹论]. Рассуждение о древних погребениях Сичагоу в Сифэне, Ляонин как о памятниках культуры ухуаней // *Каогу*. 1961. № 6. С. 334–336.

⁴ Тянь Юнь. Сичагоу гумуцзюнь цзюшу вэньти цянъси [田耘. 西岔沟古墓群族属问题浅析]. Краткий анализ этнической принадлежности древних погребений Сичагоу // *Хэйлунцзян вэньу цункань*. 1984. № 1. С. 29–34.

⁵ Линь Юнь. Линь Юнь сюэшу вэньцзи [林云. 林云学术文集]. Сборник научных трудов. Пекин, 1998.

указала в качестве приоритетной ухуаньскую гипотезу¹. Именно эта версия впоследствии нашла отражение в полном отчете² и закрепилась как основная в китайской историографии.

Еще один комплекс памятников, который некоторые исследователи относят к культуре ухуаней, — это могильники Чжуаньчан и Чжаньдоу у пос. Пинъян в уезде Тайлай провинции Хэйлунцзян. Захоронения в грунтовых ямах, одиночные и парные (взрослый с ребенком), без гробов. Встречаются вторичные захоронения. Распространены жертвоприношения животных (лошадь, собака). Предметный комплекс включает орудия труда из камня, кости и железа, бронзовые украшения, керамические сосуды. Погребения — разновременные, авторы раскопок датировали могильники периодом от конца Чуньцю до конца Чжаньго (V–III вв. до н. э.), на их основе выделили одноименную культуру пинъян и определили этническую принадлежность ее носителей как одну из групп дунху — тоба-сяньбэй или их предков³. Исследования Пань Лин позволили «омолодить» датировки — от раннего Чжаньго до Западной Хань (кон. V–I вв. до н. э.) — и отнести памятники к культуре 2-го периода Ханьшу⁴. Ухуаньская гипотеза выдвинута Ми Вэньпином⁵.

Вэй Чжэн на основании данных письменных источников предлагает относить к памятникам ухуаней могильники Люцзяцзы, Шэгэнь и Синьшэнтунь на территории округа Тунляо во Внутренней Монголии⁶. Однако высказывается и точка зрения об их принадлежности юйвэням⁷.

Таким образом, проблема разграничения памятников материальной культуры, оставленных разными группами сяньбэй, ухуанями и фуэюй (пуё) на северо-востоке Китая, на данный момент далека от разрешения.

¹ Пань Лин. Ухань, фуэюй ихо сюнну? Сичагоу муди цзушучжи ми [潘玲. 乌桓、扶余抑或匈奴? 西岔沟墓地族属之谜]. Ухуани, фуэюй или сюнну? Загадка этнической принадлежности могильника Сичагоу // *Дачжун каогу*. 2013. № 3. С. 43–45.

² Пань Лин, Тянь Ликунь, Лю Нин, Ли Синьцюань. Сифэн Сичагоу — си хань шици дунбэй миньцзу муди [潘玲、田立坤、刘宁、李新全. 西丰西岔沟——西汉时期东北民族墓地]. Сичагоу в [уезде] Сифэн — могильник северо-восточных народов периода Западной Хань. Пекин, 2022.

³ Ян Чжицзюнь, Хао Сыдэ, Ли Чэньци. Пинъян муцзан [杨志军、郝思德、李陈奇. 平洋墓葬]. Погребения в Пинъяне. Пекин, 2011.

⁴ Пань Лин. Пинъян муцзан цзай яньцзю [潘玲. 平洋墓葬再研究]. Повторное исследование погребений в Пинъяне // *Бяньцзян каогу яньцзю*. 2013. Вып. 10. С. 215–243.

⁵ Ми Вэньпин. Пинъян муцзан вэй увань ици лунь [米文平. 平洋墓葬为乌丸遗迹论]. Рассуждение о погребениях в Пинъяне как памятниках ухуаней // *Бэйфан вэнь*. 1999. № 3. С. 55–62.

⁶ Wei Zheng. A study of Xianbei Tombs // *Chinese Archaeology*. 2012. No. 12. P. 158–164.

⁷ Чэн Пэнфэй. Юйвэнь-сяньбэйдэ цзушу юй вэньхуа иньсудэ каогусюэ таньвэй [程鹏飞. 宇文鲜卑的族属与考古学探微]. Археологическое исследование этнической принадлежности и элементов культур юйвэнь-сяньбэй // Цзяолю юй худун. Цаюань сычочжилу лиши юй каогу яньцзю сюэшу яньтаохуэй луньвэнь чжайяо хуэйбянь. Хух-Хото, 2023. С. 135–141.

Наземцева Е. Н. (ИВ РАН, Москва)

Транзит через Китай бежавших из Российской империи германских, австро-венгерских и турецких военнопленных (1914–1917 гг.)

Важным аспектом изучения глобальных военных конфликтов является его гуманитарная составляющая. Спектр вопросов достаточно широк: трансформация менталитета, специфика военной повседневности, роль социальных групп, национальных меньшинств в общественных и политических процессах периода войны и послевоенного времени. Изучение гуманитарных последствий Первой мировой войны позволяет составить комплексное представление о ее влиянии на общество, охарактеризовать те структурные изменения, к которым она привела, выявить их причины, понять последствия мировой катастрофы. Одной из главных проблем в этом контексте является плен. Она широко представлена в современной отечественной историографии Первой мировой войны¹.

Однако тема транзита германских, австро-венгерских и турецких военнопленных, бежавших из Российской империи через Китай, ранее не освещалась в научной литературе. Между тем этот вопрос имеет особое значение, так как раскрывает не только гуманитарную составляющую, но и специфику международных отношений на Дальнем Востоке и в Центральной Азии. Побег, транзит в Китай, решение проблем правового характера, связанных со статусом бежавших на территории Китая и их последующим выездом в Европу, осуществлялись при помощи служащих, агентов, дипломатов как европейских стран, в том числе и нейтральных, так и, собственно, Китая и отражали их позиции и отношения друг с другом в данном регионе.

Побег имели место уже в декабре 1914 г. 15 января 1915 г. приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти сообщал российскому посланнику в Пекине В. Н. Крупенскому о «нескольких случаях побегов» военнопленных в Китай и о принятии необходимых мер военным ведомством для предотвращения таких случаев в дальнейшем. Гондатти также просил Купенского принять «необходимые меры» против содействия местной китайской администрации укрытию военнопленных и отказа в их выдаче русским властям². Однако случаи побегов продолжались, и 16 февраля Гондатти снова сообщал о нескольких военнопленных австрийской армии, бежавших из Никольска-Уссурийского и обосновавшихся в г. Санчакоу, власти которого взяли их под свое покровительство³.

¹ Иконникова Т. Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России. Хабаровск, 2004; Талалин А. И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: июль 1914 — май 1918. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005; Гергилева А. И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2007; Оськин М. В. Неизвестные трагедии Первой мировой: пленные, дезертиры, беженцы. М., 2011, и др.

² АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 240. Л. 27.

³ Там же. Л. 87.

Министерство иностранных дел Российской империи практически сразу же приняло меры для задержания беглых военнопленных на территории Китая, направления их обратно в Россию, и рекомендовало российскому посланнику разрешить консулам задерживать бежавших, официально выдавая их за русских преступников¹ или за русских дезертиров, или настаивать перед китайскими властями на интернировании беглецов².

Помощь российской стороне в поимке и переотправке из приграничных с Россией областей Китая беглых военнопленных в Россию оказывали японские власти³. В то же время содействие военнопленным при их побегах в Китай оказывали российские подданные, проживавшие в Российской империи и на территории Китая. Как отмечал В. Н. Крупенский в своем секретном письме Н. Л. Гондатти, «в содействии побегам военнопленных преобладает еврейский, кавказский и вообще инородческий элемент»⁴.

Военнопленные бежали в Китай из лагерей, находившихся в Омске, Иркутске, Чите, Хабаровске и других сибирских и дальневосточных городах. Основным направлением являлась Маньчжурия, затем, бежавшие перебирались в Тяньцзинь, Мукден, Шанхай, Ханькоу откуда, получив разными нелегальными способами новые документы, отправлялись в Европу. Однако некоторые военнопленные бежали через Синьцзян, переходя российско-китайскую границу и оседая на время в Чугучаке и Кашгаре⁵.

Как правило, побег совершали небольшими группами — по три-пять человек, среди которых были и офицеры, и солдаты, подданные Германской, Австрийской, меньше — Османской — империй. Убежище в Китае находили на территории германской и австрийской миссий и концессий, а также на территории миссий нейтральных государств — Швеции и Дании. Последние также оказывали помощь пленным в оформлении новых паспортов, медицинской помощи (беглецы часто находились в крайне тяжелом состоянии, отмораживали руки и ноги) и отправке их в Европу⁶. Иногда делали поддельные паспорта с подписями испанского, норвежского и даже великобританского консулов⁷.

К 1916 г. в Пекине, Тяньцзине, Ханькоу германскими и австрийскими властями были созданы нелегальные организации по оказанию помощи в побегах⁸, а также при помощи местных китайских властей и простых китайцев были устроены тайные убежища на севере Маньчжурии в городах Аньда, Санчакоу, Хайларе, а также в различных деревнях⁹.

¹ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 240. Л. 194.

² Там же. Л. 400.

³ Там же. Л. 377.

⁴ Там же. Д. 1030. Л. 5.

⁵ Там же. Д. 240. Л. 400, 404, 405.

⁶ Там же. Д. 240. Л. 406; Д. 1030. Л. 335–336.

⁷ Там же. Д. 253. Л. 12.

⁸ Там же. Д. 1030. Л. 140, 337, 370.

⁹ Там же. Л. 318–319, 383.

Таким образом, проблема транзита германских, австро-венгерских и турецких военнопленных многогранна и свидетельствует, несмотря на отдаленность от основного театра боевых действий, о сложной гуманитарной и дипломатической ситуации в период Первой мировой войны на Дальнем Востоке.

Осокин А. В. (ИВ РАН, Москва)

«Нэй сюнь» («Поучения [для] внутренних [покоев]») в составе антологии Ван Сяна «Нюй “Сы шу”» («Женское “Четверокнижие”»)

Настоящий материал посвящен трактату эпохи Мин (1368–1644) под названием «Нэй сюнь» 內訓 («Поучения [для] внутренних [покоев]»), а также его автору, которым является Жэньсяовэнь *хуанхоу* 仁孝文皇后. Это посмертный титул (*ши хао* 諡號) императрицы Сюй *хуанхоу* 徐皇后 (урожденной Сюй (Сюй-*ши* 徐氏, 1362–1407)). Считается, что ее подлинное имя не известно. При этом современный исследователь «Женского “Четверокнижия”» («Нюй “Сы шу”» 女四書) Вэнь Синь-цзы 溫信子 утверждает, что в сочинении «Записи уезда Фэньян» («Фэньян сянь чжи» 鳳陽縣志) указано ее настоящее имя — Сюй И-хуа 徐儀華, а также ее т. н. «девичье имя» (*мэй мин* 妹名) — Мяо-цзинь 妙錦¹. Также считается, что благодаря своей исключительной эрудиции она носила псевдоним (*бе чэн* 別稱) Нюй *чжушэн* 女諸生 (Барышня-*сюцай*)². Будучи императорской наложницей, она звалась Янь *ванфэй* 燕王妃.

Будущая императрица с детства выделялась своими исключительными талантами и стремлением к учебе, со временем прославившись глубоким знанием классических канонических сочинений. Жэньсяовэнь *хуанхоу* была старшей дочерью выдающегося полководца и государственного деятеля конца эпохи Юань (1271–1368) Сюй Да 徐達 (1332–1385), принимавшего активнейшее участие в установлении правления Мин. Сюй Да находился в особо близких отношениях с первым минским императором Чжу Юань-чжаном 朱元璋 (1328—1398), которые в традиции часто определяются пекинским диалектизмом *фа сяо* 發小³. Это, в частности, стало одной из причин, по которой Сюй Да выдал свою старшую дочь за четвертого сына Чжу Юань-чжана Чжу Ди 朱棣⁴.

¹ См.: 女四書品讀全集. 2. 內訓品讀全書 / 溫信子著. 北京: 中央廣播電視大學出版社, 2013. 5 頁.

² См.: https://newarchive.ihp.sinica.edu.tw/sncaccgi/sncacFtp?ACTION=TQ,sncacFtpqf,SN=010891,2nd,search_simple (дата обращения: 18.01.2025). (На кит. яз.).

³ Применительно к данному контексту *фа сяо* указывает на друзей детства, которые, повзрослев, совместно свершают великие деяния.

⁴ Чжу Ди 朱棣 (1360–1424, годы правления 1402–1424), храмовое имя (*мяо хао* 廟號) Тай-цзун 太宗, позднее было изменено на Чэн-цзу 成祖 — третий император эпохи Мин, правил под девизами Хун-у 洪武 («Великая Воинственность») и Юнлэ 永樂 («Вечная Радость»).

Императрицей Жэньсяовэнь был составлен ряд текстов назидательного и религиозного содержания, из которых наиболее известны следующие: «Побуждающая к добру книга» («Цюань шань шу» 勸善書), «Воспринятая в грезе “Поведанная Буддой первая сутра редкостных великих заслуг”» («Мэн гань фо шо ди и си ю да гундэ цзин» 夢感佛說第一希有大功德經) и собственно «Поучения [для] внутренних [покоев]». Свои сочинения буддийского содержания императрица именвала «сутрами» (*цзин* 經), считая их инспирированными свыше, в частности, бодхисатвой Гуаньинь (*Гуаньинь пуса* 觀音菩薩) и, следовательно, каноничными. Любопытно, что известный библиофил эпохи Цин (1644–1911) Хуан Юй-цзи 黃虞稷 (1629–1691) в своем сочинении «Каталог из Зала в Тысячу Цинов» («Цянь цин тан мулу» 千頃堂書目) указывал на существование некоего сочинения объемом в один «свиток» (*цзюань* 卷) под названием «Собрание стихов Жэньсяо хуанхоу» («Жэньсяо хуанхоу ши цзи» 仁孝皇后詩集). Однако, если такое собрание и существовало, до наших дней оно по той или иной причине не дошло.

Все же наибольшую славу императрице Жэньсяовэнь принес ее трактат «Нэй сюнь», который был завершён в 1405 г. Первоначально сочинение было призвано наставить придворных дам и будущих императриц, но впоследствии широко распространилось во всех слоях населения. Известны различные издания этого трактата¹, но наибольшую популярность он приобрел, уже будучи включенным в составленную Ван Сяном² антологию назидательных текстов для женщин «Женское “Четверокнижие”». Более того, это единственный текст из антологии, включенный в раздел «Мыслители» (*цзы бу* 子部) «Полного [собрания] книг четырех книгохранилищ» («Сы-ку цюань-шу» 四庫全書).

Во всем «Женском Четверокнижии» «Поучения [для] внутренних [покоев]» является самым объемным (ок. 7000 знаков) и сложным текстом, изобилующим отсылками к конфуцианским классическим сочинениям. Поскольку императрица была ревностной приверженкой буддизма, это также нашло отражение в ее произведении. Таким образом, в «Нэй сюнь» мы имеем дело с примером синтеза идей конфуцианства и буддизма, что само по себе является интересным фактом.

Непосредственно сочинению Жэньсяовэнь *хуанхоу* предшествует ее биография, составленная Ван Сяном (как и в случае с тремя другими сочинениями), однако жизнеописание императрицы составителю удалось вместить в два (!) кратких предложения. Далее следует пространное «Самолично созданное предисловие» («Юйчжи сюй» 禦製序) самой Жэньсяовэнь, в котором она говорит о причинах, побудивших ее взяться за написание текста. В частности, по ее мнению, в Поднебесной так и не появилось трактата, могущего успешно выполнять функцию поучений женщинам (сочинение Цао да-гу «Нюй цзе» 女誡 («Наставления женщинам») она считала чересчур кратким).

¹ Этот вопрос будет освещен специально в соответствующем докладе.

² Ван Сян 王相 (XVII в.) — комментатор учебных текстов для детей, подробных сведений о котором не сохранилось. Его основное сочинение — комментарии к текстам, вошедшим в им же составленную антологию «Нюй “Сы шу”».

За этим следуют 20 глав (чжан 章) основного текста, посвященные различным сторонам нравственного совершенствования образцовой придворной дамы: «Добродетельная природа» («Дэ син» 德性), «Совершенствование себя» («Сю шэнь» 修身), «Осторожность в речах» («Шэнь янь» 慎言), «Осмотрительность в поступках» («Цзинь син» 謹行), «Прилежание и усердие» («Цинь ли» 勤勵), «Воздержание и бережливость» («Цзе цзянь» 節儉), «Осторожность и ограничение» («Цзин цзе» 警戒), «Умножение добра» («Цзи шань» 積善), «Изменение к лучшему» («Цянь шань» 遷善), «Чтить поучения святомудрых» («Чун шэн сюнь» 崇聖訓) и т. д.

В настоящее время в соответствии с последовательностью текстов в «Женском “Четверокнижии”» издания печати Куйби-чжай 奎璧齋 идет работа по переводу трактата «Наставления для внутренних [покоев]», которая, в свою очередь, проходит в рамках проекта подготовки полного русскоязычного перевода «Нюй “Сы шу”» с комментариями Ван Сяна.

*Павлова А. Д. (АРС, ВУ МО РФ, Москва),
Пугачева Е. Ю. (АРС, ГАОУ ВО МГПУ, Москва)*

Китаеведение в России: анализ направлений научных исследований в области исторических наук на основе «Научной синологической базы данных» на 2024 год

В период с 2019 г. по настоящее время Ассоциация развития синологии занимается созданием «Научной синологической базы данных». Данная база представляет собой реестр научных статей, рецензий и монографий по всем направлениям китаеведения, написанных на русском языке, охватывает период XX и XXI вв., включает публикации в России и за рубежом, отечественных исследователей, иностранных, пишущих на русском языке и в соавторстве. В базе на начало 2025 года собраны данные о более чем 33 000 статей, рецензий и монографий, охватывающих период с 1906 г. по 2024 г. В рассматриваемом нами периоде исторических исследований нами выделено 1749 работ. Собранные в базе материалы были разделены на 26 областей знаний, которые в свою очередь подразделяются на более чем 260 областей исследования.

У каждой записи в базе 9 параметров поиска (область знания, область исследования, год, вид публикации, автор, название, ключевые слова, место публикации, издание) и подробное описание (аннотации на трех языках, выходные данные). Данные для «Научной базы» собираются из открытых источников, проводится мониторинг журналов, баз научных статей, присылают свои данные сами авторы. Все материалы проходят многоступенчатую систему ручной проверки на соответствие

данных, соответствие содержания тематикам и т. д. На январь 2025 г. обработано и открыто для использования более 7000 позиций, за два года количество увеличилось более чем в два раза. Из них большинство статей по историческим направлениям уже доступны (более 80 %).

На основе «Научной синологической базы данных» мы выводим статистику о состоянии научного китаеведения в России. В данной работе мы представляем результаты анализа статей в области исторических наук, написанных с 1906 по 2024 г.

Наибольшее количество статей, попавших в статистические расчеты, приходится на период с 2000 года по настоящее время в связи с большей доступностью материалов для обработки и в целом количественно большим числом написанных работ. Пик приходится на 2019 год (203 публикации), а начало роста отмечается с 2005 года. В период 2020–2024 гг. мы наблюдаем спад количества опубликованных статей. Самые распространенные области исследования: Археология (130 публикаций), История права (50 публикаций), История образования (38 публикаций), Отечественные и зарубежные синологи (38 публикаций), Русская духовная миссия в Пекине (32 публикации), История медицины (26 публикаций), Письменные памятники (24 публикации), Маньчжуроведение (23 публикации), Культурная революция (19 публикаций), Восстание ихэтуаней (17 публикаций).

На основе данных публикаций мы видим основные «центры» это: Москва (676 публикаций), Санкт-Петербург (160 публикаций), Владивосток (140 публикаций), Новосибирск (119 публикаций), Казань (74 публикации). Всего было выявлено 580 изданий, в которых были опубликованы статьи, наиболее популярные из них: Общество и государство в Китае (224), Россия и АТР (71), Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология (58), Проблемы Дальнего Востока (37), Современные востоковедческие исследования (37), Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока (29), Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история (23), Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика (21), Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность (21).

Помимо количественных данных, выявление популярных и непопулярных направлений, изданий и др. статистических параметров, база данных также позволяет выявлять лакуны в направлениях исследований, повторные публикации самих авторов и даже плагиат текстов статей.

Особенности создания и наполнения базы данных не дают нам абсолютно точных статистических показателей. Это связано как с особенностями появления доступа к статьям (они могут появляться спустя год и более в электронном виде, а значит, отражаются в базе не сразу), так и с тем, что в последние годы усилилась тенденция журналов по закрытию доступа к научным статьям, что затрудняет анализ.

На январь 2025 года в базе зафиксировано 33 301 публикация, написанные на русском языке. Сюда включены также работы, опубликованные в зарубежных журналах. Из этого массива обработано нами 16 232 публикации, открыт доступ

к 7302 работам. Во всем обработанном массиве исторические науки занимают второе место по количеству отечественных авторов, лишь немного уступая языкознанию, мы считаем разницу крайне малой (менее 40 человек), она может быть скорректирована при последующей работе.

Мы надеемся, что «Научная синологическая база данных» станет полезным инструментом для ученых, студентов и аспирантов в проведении их исследований, а тем, кто занимается Китаем позволит получить более простой доступ к достижениям отечественной науки.

Перминова В. А. (ИВ РАН; МГИМО (У), Москва)

Оценка японского колониального правления на Тайване (1895–1945 гг.) в современных тайваньских учебниках по истории

На Тайване, который в течение полувека был колонией Японской империи (1895–1945 гг.), отношение к японцам на протяжении всего послевоенного периода и донныне остается положительным. Это заметно контрастирует с преимущественно отрицательным имиджем Японии в современной Корее, также японской колонии в прошлом (1910–1945 гг.), не говоря уже о явно негативном образе японцев в материковом Китае. На Тайване (в Китайской Республике — КР) в силу традиционно тесных связей с Японией не принято акцентировать внимание на проблемах исторического прошлого — негативных сторонах колониального правления, а также на проблеме «женщин для утешения» 慰安婦 и на территориальном споре о принадлежности островов Дяюйдао 釣魚島 / Сэнкаку (尖閣諸島) (или Дяюйтай 釣魚臺, как их называют на Тайване).

Вместе с тем указанные вопросы неразрывно связаны с самыми насущными проблемами внутренней и внешней политики КР, играют важную роль также в формировании такого феномена, как «тайваньская идентичность». При этом степень, в которой в тот или иной период проявляется у жителей острова «тайванецентричная» («некитайская») самоидентичность, также сказывается на оценке тайваньцами своего прошлого, на восприятии жителями острова современной Японии, материкового Китая и перспектив выстраивания отношений между двумя берегами Тайваньского пролива. Иными словами, трактовка событий прошлого на Тайване тесно связана с вопросом самоидентификации жителей острова и перспективами развития общества и государства на Тайване. Дискуссии о проблемах исторического прошлого на Тайване имеют достаточно выраженный политизированный характер, поэтому трактовка колониального периода в учебниках истории, как правило, претерпевает изменения в зависимости от конкретного политического курса того или иного президента КР.

Доклад посвящен изучению роли образовательной политики тайваньских властей в формировании исторической памяти у жителей острова относительно периода японского правления (1895–1945 гг.). Автор рассматривает несколько учебных пособий средней школы и на их примере показывает специфику освещения в учебной литературе колониального периода и послевоенного правления Гоминьдана, роль местной истории Тайваня в контексте общей истории Китая.

Дискуссии относительно оценки событий колониального прошлого на Тайване подвержены значительному влиянию внутривнутриполитической ситуации и в полной мере отражают текущие тенденции в развитии отношений КР с внешним миром. Трактовки различных периодов тайваньской истории, которые поддерживает правящая политическая элита, не только напрямую зависят от текущей внешнеполитической и внутривнутриполитической повестки, но и, как правило, тесно связаны между собой. В частности, японское колониальное правление обычно противопоставляется управлению Гоминьдана в первые несколько десятилетий после окончания Второй мировой войны. Оценка управления островом под началом Гоминьдана, в свою очередь, зависит от текущего состояния отношений между берегами Тайваньского пролива и перспективами углубления связей между Тайванем и материком.

В настоящее время, пока у власти находятся сторонники усиления взаимодействия с Вашингтоном и Токио и противоборства с материковым Китаем, вопросы исторического прошлого едва ли будут подробно рассматриваться в тайваньских учебниках по истории. При продолжении политики «де-китаизации» в школьных программах будет сохраняться трактовка колониального периода с позиции теории модернизации, так что все отрицательные проявления японского правления будут «приглушены», в то время как управление под началом Гоминьдана во второй половине XX в. будет выступать в качестве примера негативного опыта управления островом «иноземными властями».

Портяков В. Я. (ИКСА РАН, Москва)

Зарубежная историография внешней политики КНР

В зарубежной историографии внешней политики Китая доминируют работы американских ученых.

Такое положение сложилось не сразу. Тому есть несколько причин. Во-первых, поражение Чан Кайши и победа китайских коммунистов были восприняты властями США как «потеря Китая». Ответственность за нее была не в последнюю очередь возложена на американских китаеведов, нередко оказывавших Гоминьдану консультационные услуги. Кроме того, у американцев, включая чиновников и ученых-китаеведов, до начала 1970-х годов отсутствовали непосредственные контакты с гражданами КНР.

Первые такие контакты появились в 1971–1972 гг., в том числе у ряда журналистов (в контексте визита Р. Никсона в КНР в феврале 1972 г.) и малочисленных китаеведов (например, Джона Фэрбэнка в 1972 г., принятого Чжоу Эньлаем). После установления с 1 января 1979 г. дипотношений между США и КНР американские китаеведы получили полноценный доступ к предмету изучения — Китаю, и количество и качество китаеведческих работ стало расти в геометрической прогрессии. В статье рассмотрены основные из них

Можно констатировать, что вплоть до первого президентства Д. Трампа в США относились к КНР и ее внешней политике преимущественно позитивно, и лишь позднее возобладала точка зрения о нарастании противоречий между Пекином и Вашингтоном.

Среди американских китаеведов старшего поколения — авторов работ по внешней политике КНР — первым и по времени публикации, и по известности следует назвать **Джона Фэрбэнка** (1907–1991 гг.).

Его широкая международная известность связана с тем, что он явился одним из ведущих авторов 15-томной «Кембриджской истории Китая».

Длительное время руководил Центром китайских исследований в Гарвардском университете, которому впоследствии было присвоено его имя. Подготовил несколько десятков учеников-китаеведов. В 1948 г. опубликовал монографию «Соединенные Штаты и Китай», обновленные версии которой издавались в дальнейшем несколько раз.

Фактически версия 1979 г. представляет собой не только иллюстрированный очерк американо-китайских отношений, хронологически доведенный до признания Вашингтоном Пекина в декабре 1978 г., но и историю Китая в целом, и анализ китайского общества¹.

Существенный интерес представляет одна из последних публикаций Фэрбэнка «Наблюдая за Китаем» («China Watch», 1987), освещающая впечатления от Китая и формирование его образа в США в первые пятнадцать лет после возобновления непосредственных контактов американцев с китайцами. Джон Фэрбэнк объяснял рост интереса в США к современной КНР тем обстоятельством, что «недавно Китай снова ожил и повернулся к нам», одновременно подчеркивает, что глубокий интерес Америки к этой стране носит не конъюнктурный характер, но напротив, что «обретение потенциальных богатств от торговли с Китаем было частью нашей мечты на протяжении двух столетий». Монография содержит главы о китайско-индийской пограничной войне 1962 г. (здесь Фэрбэнк всецело на стороне Китая, считая неразумной позицию Дж. Неру, отказавшегося поначалу от переговоров о линии прохождения границы) и об историческом контексте визита Р. Никсона в КНР в 1972 г.²

¹ Fairbank John King. The United States and China (Fourth Edition). Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1979. 646 p.

² Fairbank John King. China Watch. Harvard University Press, Cambridge and London, 1987. P. 114–129.

По-своему естественно, что в 1960-е — начале 1970-х годов главной внешне-политической темой американской синологии стал так называемый «советско-китайский раскол». Он породил обилие доступных для анализа материалов взаимной полемики, не требовавших «личного присутствия» аналитиков в Китае.

Классическим образцом такого рода работ стали монографии **Уильяма Гриффита** (William Griffith, 1920–1998) «Советско-китайский раскол»¹, «Советско-китайские отношения 1964–1965»² и «Албания и советско-китайский раскол»³. У. Гриффит, скорее всего, кремленолог по базовому образованию, работал консультантом на радио «Свободная Европа» в ФРГ, а также советником по культуре в посольстве США в Бонне.

В своих публикациях, отличающихся скрупулезной обработкой ведущих советских (газета «Правда», журнал «Коммунист») и китайских источников (газета «Жэньминь жибао», «Peking Review»), Гриффит тщательно проследил основные этапы и повороты советско-китайской полемики первой половины 1960-х годов и ее влияние на некоторые «смежные» области — ситуацию в Албании, Румынии, в компартиях Западной Европы.

У. Гриффит считал основной причиной китайско-советского раскола решимость Мао Цзэдуна и его сподвижников сделать Китай сверхдержавой и одновременно — решимость советского руководства предотвратить это.

В отличие от СССР, где неизменно говорили о «переносе идеологических разногласий между КПК и КПСС на межгосударственные отношения между КНР и Советским Союзом», Гриффит полагал первичным конфликт государственных интересов двух стран, который и был транслирован в идеологическую полемику. По прогнозу Гриффита, китайско-советские разногласия к середине 1960-х годов стали уже столь велики, что какое-либо постоянное примирение казалось невозможным⁴.

Еще одну работу по советско-китайским отношениям «Китай и Россия: “Большая игра”» подготовил **Эдмунд Клабб** (1901–1989)⁵. В ней проблема отношений двух стран рассматривается в историческом контексте — от встречи империй и нормализации русско-маньчжурских отношений до влияния российской революции на Китай и учебы китайских революционеров в Москве. Еще одной важной работой Клабба стала монография «Китай в 20-м веке», впервые опубликованная в 1964 г. и переизданная в 1972 и 1978 гг. В ней были рассмотрены: коллапс конфуцианского Китая, националистическое «междоцарствие» и наступление в стране «коммунистической эры»⁶.

¹ Griffith William. The Sino-Soviet Rift. London, Cambridge, Mass, 1964.

² Griffith William. Sino-Soviet Relations, 1964–1965. *The China Quarterly*. January–March, 1966. P. 3–143.

³ Griffith William. Albania and the Sino-Soviet Rift. Cambridge, Mass, 1963.

⁴ Griffith William. Sino-Soviet Relations, 1964–1965. *The China Quarterly*. January–March, 1966. P. 4–5, 143.

⁵ Clubb Edmund. China and Russia: The «Great Game». New York: Columbia University Press, 1971. 612 p.

⁶ Clubb Edmund. 20th century China. New York and London, 1964. 504 p.

Автором первой комплексной американской работы о внешней политике КНР — «Коммунистический Китай в мировой политике» — был **Гарольд Хинтон** (1924–1993)¹. Он был в 1960–1980-х известен в стране как специалист по широкому кругу проблем современной Азии, отличавшийся жесткими антикоммунистическими взглядами. Сыграл пионерную роль и в исследовании китайской элиты. Консультировал правительственные и разведывательные структуры. Подготовил немало учеников, в т. ч. Майкла Оксенберга и Дэвида Шамбо.

Начиная с 1970-х годов, вслед за прорывным визитом Р. Никсона в КНР, американское китаеведение перестает быть почти исключительно «заочным» занятием. Ученые и журналисты получают возможность бывать в КНР, поначалу довольно редкую, но с запуском реформ, в 1980-е годы, уже практически регулярную. Стали возможными контакты с учеными и даже с официальными китайскими чиновниками. Стремительно росли объем и качество издаваемой в КНР научной и общественно-политической литературы. Быстро расширились и связи Пекина с мировым сообществом.

Перемены в объекте изучения влияли и на субъект. Американское китаеведение становится менее академическим и в большей мере ориентированным на практическую отдачу. В изучении внешней политики Китая в США на ведущее место выходит анализ–прогноз американо-китайских отношений.

А ведущие специалисты по современному Китаю в большинстве своем выходят за рамки преподавательской и исследовательской работы, периодически привлекаясь к работе в госдепартаменте и/или разведслужбах. Правда, практически все к концу карьеры возвращались в университеты, активно участвуя в подготовке новых кадров китаеведов и в публикациях по КНР.

Одним из наиболее известных в мире американских китаеведов этого поколения является **Артур Доак Барнетт** (1921–1999). Выходец из семьи миссионера, работавшего в Китае, он еще в детстве овладел китайским языком, что содействовало его высокой мобильности как журналиста в период правления Чан Кайши.

Исследователи отмечают сбалансированный реалистический подход А. Доака Барнетта к Китаю. Он выступал «за сдерживание без изоляции», рекомендовал президентам США Дж. Картеру и Р. Рейгану воздержаться от продажи Тайваню модернизированных истребителей.

Широкое общественное признание заслуг Барнетта вылилось, среди прочего, в организацию в начале 2000-х годов в Шанхае — городе, где он родился, ежегодной специальной лекции о китайско-американских отношениях, названной лекция Барнетта – Оксенберга. Эта практика продолжалась более десяти лет.

А. Доак Барнетт — автор многих работ, прежде всего по американо-китайским отношениям. Кроме того, на основе интенсивных личных бесед в КНР в июле-августе 1984 г. с широким кругом собеседников подготовил новаторскую

¹ Hinton Harold. *Communist China in World Politics*. Boston, 1966. 527 p.

монографию «Как в Китае делается внешняя политика. Структура и процесс»¹. В работе показаны роль и функции в принятии и исполнении внешнеполитических решений в КНР высших партийных органов, в т.ч. Политбюро и секретариата ЦК КПК, Госсовета, МИД, военных организаций, исследовательских институтов. Особую значимость монографии Барнетта придает то обстоятельство, что общий ориентир в ней был задан интервью с Чжао Цзяном — на тот момент премьером Госсовета КНР.

В кругу американских китаеведов высокий престиж снискал **Аллен Уайтинг** (1926–2018). За рубежом он менее известен, скорее всего, потому что значительная часть его рабочей карьеры прошла в государственных и разведывательных структурах — в корпорации РЭНД, Дальневосточном отделе Бюро разведки и исследований и т.д. Входил в состав совета директоров Национального комитета по американо-китайским отношениям и Ассоциации азиатских исследований. Академическая карьера Уайтинга связана главным образом с Мичиганским университетом в Энн-Арборе и Университетом Аризоны в Тусоне.

Уайтинг выступил соавтором и редактором таких имевших широкий резонанс работ, как «Синьцзян: пешка или точка опоры?»², с описанием соперничества Китая и СССР в Синьцзяне в 1940-е годы, «Китай пересекает Ялу: решение вступить в Корейскую войну»³. В последующих публикациях Уайтинга рассматривались вопросы индо-китайской войны 1962 г., китайско-японских отношений (1989), (1973), перспектив американо-китайских отношений (1976).

В декабре 2002 г. в честь Аллена Уайтинга в Гарвардском университете была организована специальная конференция. Ее материалы были позже изданы в отдельном томе под названием «Новые направления в изучении внешней политики Китая»⁴. Редакторы издания — Алистер Джонстон и Роберт Росс — особо подчеркнули, что Уайтинг постоянно отстаивал ту точку зрения, что китайское правительство подходит к международным целям в основном рационально, включая таких акторов-идеологических фундаменталистов, как сам Мао Цзэдун.

Мишель Оксенберг (1938–2001) широко известен своим непосредственным участием в нормализации и установлении дипломатических отношений между США и Китаем при президенте Дж. Картере. Последовательный сторонник выстраивания Вашингтоном зоны общих интересов с Пекином, роль которого в мировых делах неуклонно растет. Полагал, что за четверть века КНР прошла

¹ Barnett A. Doak. *The Making of Foreign Policy in China: Structure and Process*. Boulder: Westview Press, 1985. 160 p.

² Whiting Allen S., General Sheng Shih-Ts'ai. *Sinkiang: Pawn or Pivot?* East Lansing, Michigan: Michigan State University Press, 1958. 337 p. Первую часть книги — «Советская стратегия в Синьцзяне: 1933–49» — написал Уайтинг. Вторую часть — «Неудача красных в Синьцзяне» — написал генерал Шэн Шицай.

³ Whiting S. Allen. *China Crosses the Yalu: The Decision to Enter the Korean War*. New York: The Macmillan Company, 1960. 219 p.

⁴ *New Directions in the Study of China's Foreign Policy*. Ed. by Alastair Iain Johnston and Robert S. Ross. Stanford, California, 2006. 510 p.

путь от государства-парии до в целом ответственного члена международного сообщества благодаря значительной помощи остального мира.

Среди его основных работ — «Дракон и орел: отношения США и Китая, прошлое и будущее»¹, «Формируя американско-китайские отношения: долгосрочная стратегия»², «Китай присоединяется к миру: прогресс и перспективы».

Кеннет Либерталь (1943 г. р.) совмещал академическую карьеру с периодическим привлечением на госслужбу. Базовая специализация по образованию — российские исследования. Его китаеведческая карьера началась с анализа китайско-советского конфликта в опубликованном корпорацией РЭНД докладе «Китайско-советский конфликт в 1970-х: эволюция и последствия для стратегического треугольника»³. Многие перипетии китайско-российских отношений 1966–1977 гг. К. Либерталь объясняет различиями в позициях отдельных фракций в китайском руководстве в целом и особенно — в их подходе к отношениям с СССР.

Широкую известность в Китае и в США приобрела совместная работа К. Либерталя с ведущим китайским американистом Ван Цзисы «Обращаясь к американско-китайскому стратегическому недоверию»⁴. Авторы изложили свое видение причин взаимного недоверия, соответственно, с китайской и американской стороны и предложили свой вариант выстраивания стратегического доверия. Среди предложений — снизить взаимное недоверие вокруг Тайваня. Похоже, это не получилось, по крайней мере, в последовавшие за публикацией десять лет.

Дэвид Лэмптон (1946 г. р.) — многолетний председатель Комитета по американско-китайским отношениям. Подчас называется «номером один» среди американских синологов, занимающихся современным Китаем. Работал во многих научных центрах.

Изучал вопросы внутренней и внешней политики КНР, китайского руководства, американско-китайских отношений. Среди его наиболее известных работ — «Спят на одной постели, а мечтают о разном: управление китайско-американскими отношениями, 1989–2000»⁵ и «Три лика китайской мощи: сила, деньги и умы»⁶.

Работа о «трех ликах китайской мощи» завершается разделом, ставшим почти обязательным для американских исследований по КНР: что китайская мощь значит для Соединенных Штатов? В рецензии Барретта Маккормика на эту книгу

¹ Oksenberg Michel, Oxnam Robert. Dragon and eagle: United States — China relations: past and future. New York, 1978. 408 p.

² Oksenberg Michel, Economy Elizabeth. Shaping U.S.–China Relations: A Long-Term Strategy. New York: Council on Foreign Relations Press, 1997. VI+81 p.

³ Lieberthal Kenneth. Sino-Soviet Conflict in the 1970s: Its Evolution and Implications for the Strategic Triangle. July 1978. Rand Corporation. 216 p.

⁴ Lieberthal Kenneth and Wang Jisi. Addressing U.S. China Strategic Distrust. / John L. Thornton China Center at Brookings Monograph Series. March 2012. No. 4. 51 p.

⁵ Lampton David. Same Bed, Different Dreams: Managing U.S. China Relations, 1989–2000. Berkeley, Los Angeles, London: University of California press, 2001. XIII+497 p.

⁶ Lampton David. The Three Faces of Chinese Power: Might, Money, and Minds. Berkeley: University of California Press, 2008. 352 p.

в журнале «China Perspectives» позиция Д. Лэмптона интерпретируется таким образом, что Западу вряд ли стоит в дальнейшем ожидать от КНР неприятных неожиданностей, Пекин продолжит концентрироваться на модернизации и будет «выполнять свою часть сделки». Однако в реальности КНР уже в 2009 г., т. е. вскоре после публикации «умиротворяющей» монографии Д. Лэмптона, перешла к «напористой политике», означающей конвертацию выросшего экономического потенциала в более активные внешнеполитические действия (инцидент с судном «Импеккабл» в марте 2009 г. был первым сигналом). Судя по всему, Лэмптон учел свой просчет, и его речь в мае 2015 г. в Картеровском центре стала первым серьезным предупреждением о начале ухудшения отношений между КНР и США.

Джон Гарвер провел основную часть своей профессиональной карьеры в Технологическом университете штата Джорджия, Атланта. Стал широко известен в кругах китаеведов и политологов фундаментальными монографиями о китайско-индийских¹ и китайско-иранских² отношениях. Однако, образно говоря, «памятник нерукотворный» воздвиг себе, написав поистине уникальный, не имеющий близких аналогов труд «Китайский поиск: история внешних сношений Китайской Народной Республики» объемом около 900 страниц³.

Дэвид Шамбо, отметивший в январе 2023 г. свое 70-летие, профессор Вашингтонского университета, считается в США лучшим на сегодняшний день американским специалистом по современному Китаю.

Главная на сегодняшний день работа Шамбо о внешней политике КНР — «Китай становится глобальным: частичная держава»⁴. Свой термин «частичная держава» Шамбо поясняет теми обстоятельствами, что КНР, по его оценке, далеко не столь сильна, как кому-то может показаться, что ее дипломатия не носит достаточно широкого характера, а узко ориентирована на собственные интересы, наконец, что страна не обладает солидной «мягкой силой». Шамбо приходит к выводу о лишь частичной интегрированности КНР в мир и о некомфортности ее самочувствия в мировом либеральном порядке, который она все более настойчиво стремится либо изменить, либо игнорировать.

В 2020 г. была опубликована еще одна важная работа под редакцией Д. Шамбо — «Китай и мир»⁵. Д. Шамбо также склонен не слишком высоко оценивать «мягкую силу» Китая. Проанализировав основные ее компоненты, в том числе «Институты Конфуция», кинематограф, искусство, внешнюю пропаганду и т. п., он приходит к выводу, что «мягкая сила Китая остается слишком мягкой». Причина этого в том,

¹ Garver John. Protracted Contest: Sino-Indian Rivalry in the Twentieth Century. Seattle and London: University of Washington Press, 2001. XIV+447 p.

² Garver John. China and Iran: Ancient Partners in a Post-Imperial World. Seattle: University of Washington Press, 2006. XII+401 p.

³ Garver John. China's Quest: The History of the Foreign Relations of the People's Republic of China. New York: Oxford University Press, 2016. XVIII+868 p.

⁴ Shambaugh David. China Goes Global: The Partial Power. New York, 2013. 409 p.

⁵ Shambaugh David (Ed.). China and the World. New York: Oxford University Press, 2020. 416 p.

что руководство страны подходит к задаче наращивания мягкой силы примерно так же, как к строительству высокоскоростных железных и шоссейных дорог, то есть, вкладывая деньги и ожидая быстрого результата. Однако, подчеркивает Шамбо, мягкую силу таким образом не построить. Ее надо заработать. И главную роль здесь играет не правительство, а общество.

В целом Шамбо считает именно Азию приоритетом китайской дипломатии среди регионов мира. Что касается отношений Китая с Россией, то, как считает ученый, при всем их неплохом состоянии историческая память и современные страхи «все еще отбрасывают длинную тень».

В докладе также рассмотрены работы **Роберта Росса** (1954 г. р.)¹, **Михаэля Яхуды** (Великобритания, 1940 г. р.)², **Доминика Мержеевского** (Лодзинский университет, Польша)³, португалки **Кармен Мендес** (Университет Коимбры)⁴.

Рудь П. В. (МЭ РАН, Санкт-Петербург)

Материалы о формировании комплекса Южного подворья Русской православной миссии в Пекине

Доклад посвящен исследованию документов о ремонте Южного подворья наньгуань. Представленные ниже материалы относятся к истории формирования комплекса построек Посольского двора и Сретенского монастыря Русской православной миссии в Пекине в XVIII и первой половине XIX в. На протяжении долгого времени здесь жили русские миссионеры и светские члены миссии, затем подворье было передано членам дипломатического корпуса, после Синьхайской революции до образования КНР в 1949 году комплекс все еще принадлежал Русской православной церкви в Пекине, затем здесь временно располагалось Посольство СССР. Сейчас эти постройки находятся на территории государственного учреждения КНР и доступ к ним иностранных граждан запрещен. В отечественных архивах, библиотеках,

¹ Ross Robert (Ed.). China, the United States and the Soviet Union: Tripolarity and Policy Making in the Cold War. Armonk, New York: M. E. Sharpe, 1993. 204 p.; Ross Robert, Jo Inge Bekkevold (Eds.). China in the Era of Xi Jinping: Domestic and Foreign Policy Challenges. Washington, DC: Georgetown University Press, 2016. 306 p.; Ross Robert. Negotiating Cooperation: The United States and China, 1969–1989. Stanford: Stanford University Press, 1995. XII+349 p.

² Yahuda Michael. China's Role in World Affairs. London: Croom Helm Ltd., 1979. 312 p.; Yahuda Michael. The International Politics of the Asia-Pacific. London — New York: Routledge, 2011. XV+366 p.; Yahuda Michael. Sino-Japanese Relations after the Cold War: Two Tigers Sharing a Mountain. New York: Routledge, 2013. 150 p.

³ Mierzejewski Dominik. China's Provinces and the Belt and Road Initiative. New York: Routledge, 2021. 252 p.

⁴ Mendes Carmen Amado. Portugal, China and the Macau Negotiations, 1986–1999. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2013. 157 p.; Mendes Carmen (Ed.). China's New Silk Road. An Emerging World Order. New York: Routledge, 2018. 196 p.

музеях среди официальных документов и научных трудов, дневниковых записей, планов и описаний, оставленных членами духовной миссии в Пекине, сохранилась информация в том числе о начале и процессе строительства Южного подворья наньгуань и Посольского двора. Целью настоящего доклада является попытка вычлениить и систематизировать информацию о начале и процессе строительства Южного подворья и Посольского двора. Большая часть материалов, которую нам удалось обнаружить, относится к периоду службы в Пекине членов 10-й миссии (1821–1831) под руководством архимандрита Петра (Каменского), именно тогда на выделенные российской казной деньги были осуществлены масштабные ремонтные и строительные работы как в Южном, так и в Северном подворье.

Подворье располагалось в юго-восточной части города в переулке Дун-цзян-мисян недалеко от государственных учреждений цинского правительства. Этот комплекс зданий состоял из двух частей — Сретенского монастыря и посольского двора.

Наиболее ранние обнаруженные нами сведения сохранились от посланника Николая Гавриловича Спафария, отправленного в 1675 году в китайскую столицу царем Алексеем Михайловичем (1645–1676). Мы предполагаем, что посланника разместили именно на территории будущего южного подворья, недалеко от южной стены маньчжурского города, только тогда это место еще не принадлежало русским. Более того, необходимо отметить, что, когда Спафарий посетил Пекин, еще не был заключен Нерчинский договор (1689 г.) и албазинцы еще не проживали в бэйгуане, находившемся в северо-восточном углу китайской столицы.

Кяхтинский договор закрепил за русскими территорию, которую до этого они делили с корейцами и представителями других государств. В Путевом журнале путешествия Лоренца Ланга (1736 г.), хранящемся в РГАДА, имеется план китайской столицы, на котором обозначен Южный двор и Сретенский храм. В 1736 г. в Пекин прибыли члены 3-й Русской православной миссии, церковь к тому моменту уже была возведена на средства цинской казны, и глава миссии Илларион освятил храм по приезде.

В первой половине XIX в. планы подворий составлялись практически каждым составом Русской духовной миссии в Пекине, но к настоящему моменту нам известно не так много подобных документов. Занимаясь исследованием китайского собрания пристава М. В. Ладьженского в МАЭ, автор предпринял поиск топографических материалов в архивах и музеях Санкт-Петербурга и Москвы, поэтому первыми были обнаружены планы, подготовленные Ладьженским и его командой при перемене 10-й и 11-й миссий. Изображение Сретенского монастыря и Посольского двора сохранилось также в собрании Государственного исторического музея, этот документ «Фасад Пекинского Сретенского первоклассного монастыря купно с Посольским двором» можно датировать 1821 г., то есть периодом смены 9-й и 10-й миссий. На плане хорошо видно, что часть зданий еще не построена. Здесь нет колокольни, стены вокруг всего комплекса и др. Предположительно этот фасад был изготовлен командой пристава 10-й Русской духовной миссии в Пекине Тимковского, который также оставил воспоминания о путешествии в Пекин в 1821 г.

Масштабные перестройки и в Южном, и в Северном подворьях происходят как раз с прибытием членов 10-го состава миссии под руководством архимандрита Петра (Каменского). Фактически в это время формируется облик монастыря и посольского двора, который не изменится до XX в. Такие перестройки повлекли за собой необходимость фиксации новых сооружений поэтому приставу новой, 11-й, Миссии М. В. Ладыженскому было дано задание составить планы и описания Северного и Южного подворий.

В 1826–1827 гг. идет ремонт в Сретенском храме — обновляется купол церкви, застилаются заново потолок напольные плиты, по модели, присланной из Петербургской Императорской академии художеств, изготавливается новый алтарь из дерева с позолотой. Перестройки в Южном подворье затянулись до приезда следующей миссии. До 1830 г. были отстроены новые монашеские покои, колокольня, погреб, библиотека, баня, ворота перед посольским двором и др.

Такие серьезные перестройки были необходимы в первой четверти XIX в., во-первых, потому что условия жизни в старых зданиях тяжело отражались на здоровье миссионеров; во-вторых, после изгнания иезуитов из Пекина, а это произошло как раз в период 10-й миссии, были выкуплены и получены частично в дар книги иезуитской библиотеки, эти вещи необходимо было разместить в благоприятных условиях.

В АВПРИ сохранилось достаточно материалов о строительных работах. К примеру, есть интересные и впечатляющие данные о том, сколько работников было задействовано.

В течение всей перестройки плотников работало 2455, каждый получал в день по 450 ч[охов]; штукатурщиков — 3497; простых работников или носильщиков 5499; за каждую партию, состоящую из 16 человек было заплачено в день по 5500 ч[охов]; резчиков по кирпичу было 369 человек.

Описание этих работ и перечисление строительных материалов дает нам представление о том, как выглядели покои внутри, из чего были сделаны перегородки, полы, каким цветом оклеены потолки, каким рисунком расписаны, как отапливались покои.

*Рысакова П. И. (Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург)*

Современный Китай в зеркале общественного мнения России 2010–2020-х гг.

В российском официальном дискурсе последних лет Китай неизменно расценивается как ключевой партнер, с которым установлены тесные политические и экономические связи. Во многом такая оценка восточного соседа получает

признание и среди рядовых жителей России. По опросам ВЦИОМ, в 2024 г. более 70 % россиян характеризуют российско-китайские отношения как дружественные и добрососедские¹. Однако обращение к результатам опросов, посвященных оценке российско-китайских отношений, позволяет получить более детализированную и сложную картину.

Прежде всего стоит отметить, что современное общественное мнение о Китае во многом опирается на образы страны, которые уже устоялись в российском общественно-политическом дискурсе и массовой культуре. Среди всех множественных околоскитайских вопросов, которые на протяжении нескольких столетий обсуждает российское общество, можно отчетливо выделить два сюжета. На наш взгляд, именно они отличаются редкой устойчивостью и оказывают влияние на восприятие Китая в России 2020-х гг. И здесь мы говорим о так называемой проблеме «китайской угрозы» и представлении о Китае как стране загадочной культуры.

В российских реалиях феномен «китайской угрозы» подпитывается опытом непосредственного взаимодействия в приграничных районах на российском Дальнем Востоке. Динамика развития российско-китайских отношений задавала те интерпретации, которые получала «китайская угроза» на различных этапах: от последствий массовой миграции до опасений прямого военного столкновения. В 2010–2020-х гг. на фоне нормализации российско-китайских отношений опасения китайской угрозы не полностью растворились, но трансформировались в новых политических условиях.

Второй сюжет, сопровождающий российскую общественную дискуссию о Китае, это неизменный интерес к китайской традиционной духовной культуре. Он зарождается уже и в дореволюционной России и прослеживается вплоть до сегодняшнего дня. Китай воспринимается как «кладесь» восточной мудрости, что стимулирует интерес к традиционным философским учениям, гадательным и медицинским практикам, культуре единоборств². Такой интерес укреплял представление о Китае как «мистическом» и непонятном. Вместе с тем показательно, что увлечение китайской традиционной культурой не побуждает к узнаванию современного Китая, превращая его в застывший вне времени осколок прежнего духовного богатства. Согласно опросу ВЦИОМ 2024 г., китайский язык и традиционная китайская культура интересуют больше 38 % жителей страны, тогда как особенности жизни современных китайцев любопытны лишь 18 %³.

Современные опросы россиян свидетельствуют, что чаще всего вопрос об их восприятии Китая фигурирует в исследованиях, нацеленных на установление «друзей» и «врагов» России. С начала 2000-х гг. более 50 % россиян называют

¹ Русский с китайцем — братья! Навек? // Сайт ВЦИОМ. 16 мая 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/russkii-s-kitaicem-bratja-navek> (дата обращения: 15.01.2025).

² Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. С. 146, 147, 289.

³ Русский с китайцем — братья! Навек?

Китай среди дружественных государств¹. Однако динамика общественного мнения о Китае во многом связана с изменениями внешнеполитической обстановки. Восприятие россиянами Китая развивается в логике «сообщающихся сосудов» и зависит от отношений России с западным миром².

Аналогично этому меняется и отношение россиян к проблеме «китайской угрозы». В 2010-х гг. несмотря на признание добрососедского статуса, более 40 % россиян полагали, что усиление Китая может нести угрозу для национальных интересов страны, прежде всего в виде территориальной и экономической экспансии³. После изменения геополитической обстановки в 2014 г. доля таких ответов резко снизилась до 20 % в год и остается на этом уровне и в 2022–2023 гг. На фоне осложнения отношений с западными странами представление о потенциальной экономической угрозе со стороны Китая выглядит для россиян уже не таким актуальным⁴. Тем не менее опасения «китайской угрозы» остаются довольно устойчивыми в силу определенной инертности общественного мнения, которое к тому же подвергается воздействию со стороны массмедиа, периодически актуализирующих проблему «китайской экспансии»⁵. И если на фоне иных нарастающих угроз тема китайской экспансии отходит на второй план, то она неизбежно заново актуализируется уже при непосредственном взаимодействии с Китаем.

Восприятие Китая как страны загадочной мистической культуры также остается весьма устойчивым среди россиян. Об этом свидетельствуют и результаты опросов, и актуальные тенденции в пространстве современной российской культуры — рост интереса к китайской и азиатской культуре в целом. 2024 год прошел как год культуры России – Китая. Десятки музеев провели масштабные выставки, демонстрирующие предметы китайского традиционного искусства. Переводы произведений китайской сетевой литературы, как например, фэнтези-трилогия Мосян Тунсю, демонстрируют рекорды продаж и даже породили целую плеяду подражателей из числа российских авторов⁶. Китайские дорамы и фильмы прочно обосновались на российских стриминговых платформах и пабликах социальных сетей. Меж тем остается вопрос, насколько такой взрывной интерес к китайской современной медиаккультуре позволяет понять современную КНР, ведь предла-

¹ <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/rossija-i-kitai-socialnaja-baza-razvitija-partnjorskikh-otnoshenii>, <https://fom.ru/Mir/15026>. *Доминанты, Социологический бюллетень*. Неделя № 26. 05.07.2018.

² Кертман Г. Л. Китай в восприятии россиян: что меняется и что неизменно? // *Социодиггер*. 2022. Т. 3. Вып. 12(23). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/kitai-v-vosprijatii-rossijan-chto-menjaetsja-i-chto-neizmenno?>

³ Кертман Г. Л. Китай: великий и опасный друг России // Десять лет социологических наблюдений. Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003.

⁴ Кертман Г. Л. Китай в восприятии россиян: что меняется и что неизменно?

⁵ Ларин В. Л., Ларина Л. Л. Меняющиеся образы Восточной Азии в сознании жителей Тихоокеанской России: срезы последних лет // *Россия и АТР*. 2020. № 4 (110). С. 32.

⁶ Всероссийский книжный рейтинг за I полугодие 2024 года // Сайт информационно-аналитического журнала «*Университетская книга*». URL: <https://www.unkniga.ru/company-news/vserossiskii-knizhnyi-reiting-za-i-polugodie-2024-goda.html> (дата обращения: 15.01.2025).

гаемый ею образ Китая так или иначе связан с его прошлым — реальным или фантазийным.

На фоне нарастающих антизападных настроений в российском обществе 2000–2020-х гг. можно проследить отчетливую тенденцию укрепления положительного отношения к Китаю. Восточный сосед воспринимается как однозначно дружественное государство и значимый экономический партнер, развитие отношений с которым необходимо для России. Вместе с тем, оценивая Китай без сопоставления с другими странами, респонденты демонстрируют некоторую настороженность. Китай воспринимается в первую очередь как стратегический партнер, нежели союзник. Относительно низкий уровень доверия, который проявляется в ответах россиян, может быть связан с признанием значительной культурной дистанции между нашими странами. Однако возможно, нарастающий интерес к китайской современной культуре позволит преодолеть этот разрыв.

Самойлов Н. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Китай в начале XX века: поиски путей социально-политического развития (проблема в историографии)

Для Китая начала XX века характерны глубокие социально-экономические и политические потрясения, начало длительной трансформации традиционного общества и активные поиски путей развития. Столкновение китайского общества с западной цивилизацией породило в интеллектуальных кругах Цинской империи осознание глубокого общественного кризиса и необходимости его преодоления. В этот период в общественной мысли Китая происходит столкновение идей традиционализма и революционаризма, консерватизма и модернизации. Часть китайской молодежи того времени, получившая образование на Западе, в Японии или в иностранных учебных заведениях на территории Китая, стала проводником западных либеральных идей. Другая часть китайского общества выступала за укрепление и отстаивание традиционных представлений. Третья группа пыталась инкорпорировать достижения западной цивилизации в китайское общество и создать нечто синтетическое, сопоставляя национальные стандарты с западными образцами. Эти дискуссии в китайской общественной мысли начала XX века в конце концов привели к выработке новой парадигмы развития китайского общества, включающей в себя сочетание консерватизма и революционности, традиционализма и модернизации и обеспечившей к настоящему времени колоссальные результаты социально-экономической трансформации.

В рамках изучения основных направлений исторического развития китайского общества представляется необходимым воссоздание парадигмы трансформации общественной мысли Китая в начале XX века на основе дискуссий, которые вели мыслители того времени, характерных и даже типичных для «незападных» обществ. Однако современные представления историков, социологов и политологов о социокультурной специфике неевропейских стран содержат явно недостаточные и весьма косвенные обращения к историко-культурному опыту того или иного общества. Востоковедные исследования сегодня испытывают острый недостаток в методологическом инструментарии, позволяющем объективно изучать опыт азиатских социумов. Прежние теоретические конструкции, опирающиеся на положения о противопоставлении «традиции» и «современности», «западного» и «восточного», «вызова» и «ответа», демонстрируют в сегодняшних реалиях свою методологическую ограниченность и идеологическую ангажированность. Вместе с тем анализ социокультурной специфики развития Китая на переломном этапе его истории (конец XIX — начало XX в.) позволяет не только обогатить представление о моделях развития неевропейских социумов, но и объясняет многое в современном состоянии китайского общества.

В этой связи необходимо в обязательном порядке обратиться к анализу работ отечественных китаеведов последней четверти прошлого столетия и их исследованиям китайской общественной мысли начала XX века. Результаты этих исследований были поистине уникальны, хотя многие из работ того времени сейчас незаслуженно забыты. Л. П. Делюсин, В. Н. Никифоров, А. Г. Крымов, Л. Н. Борох, Н. М. Калюжная, Ю. В. Чудодеев и другие китаеведы внесли огромный вклад в формирование отечественной концепции развития китайской общественной мысли начала XX века и, развивая эту концепцию, смогли дать ключ к объяснению многого в последующем историческом развитии китайского общества.

Сафин Т. А. (ИВ РАН, Москва)

Кто «заготавливает раковины и яшму»? К вопросу о социальном статусе слушателей речи Пань Гэна в Шан-шу

В главе «Пань Гэн» канонического сборника древнекитайских текстов «Шу-цзин» много не вполне понятных мест. В одном из них царь обращается к людям, которые упорствуют в своем нежелании переселяться в новую столицу:

古我先后既勞乃祖乃父，汝共作我畜民，汝有戕則在乃心！我先后綏乃祖乃父，乃祖乃父乃斷棄汝，不救乃死。茲予有亂政同位，具乃貝玉。乃祖乃父丕乃告我高后曰：『作丕刑于朕孫！』迪高后丕乃崇降弗祥。

В древности наши прежние правители уже вознаграждали ваших пращуров [и] ваших отцов, вы совместно составляете питаемый мной народ. Теперь же вы имеете вред (=затаили недоброе) в ваших сердцах! [Если] наши прежние правители отступят (=откажутся) от ваших пращуров и ваших отцов, [тогда] ваши пращуры [и] ваши отцы бросят вас, не отведут вашу смерть! Здесь у меня есть управляющие одного ранга [с вашими предками, которые] заготавливают ваши раковины и яшму. Ваши пращуры и ваши отцы премного тогда [будут] докладывать моему Высокому Предку, говоря: «Соверши великое наказание для наших внуков!» И Высокий Правитель тогда премного умножит [и] ниспошлет дурные знамения.

Этот небольшой отрывок содержит сразу несколько проблемных мест, которые переводчики понимают по-разному. Во-первых, слово «вознаграждали» *лао* 勞 может переводиться как: «трудились ради» (Б. Карлгрен) или «трудились для» (Г. С. Попова); а также «воспользовались трудами ваших предков» (В. М. Майоров). Дело в том, что иероглиф 勞 может записывать два слова: *ga:w > láo ‘трудиться’ и *ga:ws > láo ‘вознаграждать [за труд]’. Но первый глагол — экзоактивный, то есть, принимая объект, становится каузативным: ‘заставлять работать’, ‘истощать’, поэтому перевод «трудились для/ради» не подходит. Выбирая между «заставлять работать» и «вознаграждать за труд», следует принять во внимание предыдущий абзац, где также говорится о вознаграждении, причем использованы два синонимичных глагола: *ga:ws > láo 勞 ‘вознаграждать [за труд]’ и *sn^ho > xīu 羞 ‘одаривать’.

Во-вторых, иероглиф 亂 должен записывать слово *луань* ‘беспорядок’, но это — результат графической ошибки: исходный текст явно содержал иероглиф 司 *сы* ‘управлять’, который в древности был схож с 亂. На это указал еще Б. Карлгрен, что, к сожалению, было проигнорировано российскими переводчиками. В результате пассаж понимается в русле борьбы с коррупцией: «Ныне на должностях у меня есть сановники, которые вносят беспорядок в управление, собирают богатства» (В. М. Майоров); «[Когда-то] равные по положению [люди] в моем владении ввергали в хаос управление, запасали раковины каури и [изделия] из нефрита» (Г. С. Попова). В то же время Б. Карлгрен полагает, что яшму и нефрит копили не чиновники, а слушатели его речи: «Ныне у меня есть те, кто занимает высокие посты в правительстве, но вы копите раковины и яшму». При этом все переводчики игнорируют наличие притяжательного местоимения: *цзюй най бэй юй* 具乃貝玉 «заготавливать ваши раковины и яшму».

Поскольку «накопление раковин и яшмы» все переводчики считают свершившимся фактом (и при этом — негативным), дальнейшее повествование воспринимается ими как следствие этого преступления: якобы, духи предков уже недовольны своими потомками, и неблагоприятные знамения, о которых говорится в тексте, уже были ниспосланы. Однако ранее в тексте подобные знамения нигде не упоминаются.

Но в чем же смысл фразы про «раковины и яшму»? Рискну предположить, что речь идет о жертвоприношениях. Дело в том, что вместе раковины и яшма

встречаются в древнекитайских текстах лишь единожды (помимо, собственно, текста Пань Гэна) — при перечислении похоронных жертвоприношений у Сюнь-цзы:

貨財曰賻，輿馬曰贈，衣服曰襚，玩好曰贈，玉貝曰唅

[Подношение] товаров и ценностей называется [похоронным] подношением-фу; [подношение] экипажа и лошадей называется [похоронным] подношением-фэн; [подношение] одеяний называется [похоронным] подношением-суй; [подношение] любимых [предметов] называется [похоронным] подношением-цзэн; [подношение] яшмы и раковин называется [похоронным] подношением-хань.

Слово *gə:m > hán дословно значит «держать во рту», и, как следует из Шо-вэня, речь идет непосредственно о вложении в рот указанных предметов: «Хань — яшма во рту при проводах покойного» (琿，送死口中玉也). Учитывая, что в тексте пань Гэна упоминаются духи отцов и пращуров, появление лексики, связанной с похоронными ритуалами, неудивительно.

Вероятно, это объясняет и появление выражения тун вэй 同位 «[занимающие] одно положение». Как правило, этим термином обозначают лиц, одинаковых по рангу, и он применяется в том числе в контексте жертвоприношений: «Духи сочетаются если не с членами собственных линиджей, то с теми, кто равен им по положению (тун вэй 同位). По этой причине Сын Неба приносит жертвы Шан Ди, гуны и хоу приносят жертвы [духам] князей, а начиная с министров и ниже — не выходят за пределы линиджа» 夫鬼神之所及，非其族類，則紹其同位，是故天子祀上帝，公侯祀百辟，自卿以下不過其族。(«Речи царств» Го юй 國語).

На мой взгляд, Пань Гэн может говорить о том, что некоторые из его высокопоставленных подданных могут проводить ритуалы в честь духов предков из других семей, для чего «готовят ваши раковины и яшму». Или, может быть, имеется в виду то, что под контролем царя находятся потоки этих дефицитных и поступающих издалека ресурсов, без которых проведение ритуала в честь духов предков невозможно (по крайней мере, в рамках «полноценного» ритуала, доступного лишь представителям элиты). Я не осмелюсь утверждать, что данная интерпретация является единственно верной, но за фразой о «яшме и раковинах» явно кроется какой-то ритуальный контекст, который мы не до конца понимаем. Царь грозитя подданным применить какие-то свои возможности в ритуальной сфере, дабы заставить духов предков ниспослать беды на тех, кто осмеливается перечить царю.

Стоит отметить, что яшма и раковины — предметы исключительно элитарного потребления, и любые выражения, затрагивающие «ваши раковины и яшму», могут быть адресованы исключительно представителям элиты, которые, судя по всему, и составляют круг слушателей Пань Гэна.

Силакова-Макарова С. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург; КФУ, Казань)

Работы врачей при Пекинской духовной миссии и российском посольстве в XIX в. как источники по изучению традиционной медицины Китая

Начиная с первых приграничных контактов России и Китая, интерес к стране-соседу неуклонно рос, однако достаточно долгое время Россия обладала лишь обрывочными, неакадемическими знаниями о языке, истории, географии, быте, культуре и медицине Китая. Более точные знания о своем соседе наша страна стала получать с начала XVIII в., когда после заключения Кяхтинского трактата была официально образована Пекинская духовная миссия¹.

Несмотря на то, что официально миссионеры должны были лишь поддерживать религиозные начинания потомков албазинцев-казаков из захваченного китайцами Албазинского острога, по мере освоения китайского, маньчжурского и монгольского языков миссионеры начали обширную научную работу, выполняя инструкции Азиатского департамента Министерства иностранных дел, собирая требующиеся данные о географическом положении, верованиях, языке, культуре, торговле. Такая научная работа позволяла Российскому государству узнавать больше о своем соседе, чтобы обеспечить лучшие межгосударственные торговые и дипломатические отношения.

Новый виток развития Пекинской духовной миссии произошел в 1821 году, когда по соглашению Священного Синода и Министерства иностранных дел в штат миссии была включена должность врача. Первым врачом при Православной миссии стал выпускник Императорской Медико-хирургической академии Осип Павлович Войцеховский. Главной задачей Войцеховского стало лечение священнослужителей и казаков Русской роты, однако спустя непродолжительное время медик сумел заслужить доверие и среди китайского населения, избавив знатного маньчжура от болезни, которую местные врачи сочли неизлечимой. После этого двери во многие дома Пекина стали открытыми не только для медика, но и для всей русской миссии, что существенно улучшило возможности миссионеров в дипломатических переговорах и в научном познании Китая. Врачи проработали в составе миссии до 1860 года, когда на основании Пекинского трактата было открыто российское посольство, куда была переведена должность врача.

Однако помимо лечения больных на О. П. Войцеховского и на сменявших его врачей (П. Е. Кирилова, А. А. Татаринова, С. И. Базилевского, П. А. Корниевского) на основании инструкций была возложена задача по изучению медицины Китая: какие виды врачей существовали в Китае, как проходило обучение, какие трак-

¹ Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М.: Востлит, 1958. С. 19–20.

таты были обязательны к изучению, как принимал китайский врач, как работали аптеки, какими болезнями болели китайцы и т. д. Во время жизни в Китае и по возвращении на родину медики писали статьи-отчеты, однако большинство из них не было опубликовано по различным причинам, чаще всего сводившимся к нехватке времени или финансов. Таким образом, большинство статей остались в рукописном варианте и осели в личных архивах, которые были позже переданы в архивы и библиотеки, в которых хранятся и по сей день.

Например, архив врача XII миссии (1840–1849 гг.) Александра Алексеевича Татарина хранится в Фундаментальной библиотеке Военно-медицинской академии. Большинство его работ посвящены китайской медицине. Планировалось, что по возвращении на родину медик составит из статей целый курс по китайской медицине и сможет читать его студентам. Однако было опубликовано лишь несколько работ, и завершить начатое Татаринов не сумел из-за назначения на консульскую должность. Хранящиеся в ФБ ВМА труды представляют собой обзоры разделов китайской медицины — акушерства, педиатрии, отоларингологии, офтальмологии, медицины катастроф¹. Довольно интересны заметки А. А. Татарина о работе китайских аптек и способах приготовления лекарств².

Неизданные труды врача XIV миссии (1858–1864 гг.) Петра Алексеевича Корниевского в настоящее время хранятся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Следуя оставленной инструкции, медик описал специализации китайских врачей, работу императорского Медицинского приказа — Тайиюань, а также составил «Полный курс китайского акушерства», описав диагнозы, которые чаще всего ставили своим пациентам китайские врачи, и способы лечения различных болезней³.

Неопубликованные труды о китайской медицине врача российского посольства Эмилия Васильевича Бретшнейдера, хранящиеся в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН посвящены наиболее популярным китайским лекарствам и лекарственным растениям. Медик составил их список с подробным описанием и приблизительными западными аналогами⁴.

Несмотря на ограниченную доступность для изучения, данные труды представляют большой интерес для российской науки как источники по истории китайской традиционной медицины, подробно объясняющие принципы работы, отличительные черты, плюсы и минусы китайского врачебного искусства и фармакологии, а также влияния философского мировоззрения и народных поверий на способы лечения больных.

¹ Татаринов А. А. Китайская медицина. Женские и детские болезни. ФБ ВМА, ф. 8, оп. 1, д. 11/7; Татаринов А. А. Китайская медицина. Средства, употребляемые китайцами в разных опасных случаях для жизни. ФБ ВМА, ф. 8, оп. 1, д. 11/10.

² Татаринов А. А. О китайских лекарствах и аптеках в Пекине. ФБ ВМА, ф. 8, оп. 1, д. 36.

³ Корниевский П. А. О китайских медиках. ОР РНБ, ф. 376, оп. 1, д. 3; Корниевский П. А. Полный курс китайского акушерства. ОР РНБ, ф. 376, оп. 1, д. 7.

⁴ Бретшнейдер Э. В. Identification of Chinese drugs. АВ ИВР РАН, ф. 8, оп. 1, д. 6/238.27.

Смирнова Н. В. (ПетрГУ, Петрозаводск)

Ма Юйсинь о китайской прессе конца XIX века

В докладе анализируются исследования профессора истории Восточной Азии Луисвиллского университета Ма Юйсиня об истории китайской прессы конца XIX века в работе 2010 года «Женщины-журналистки и феминизм в Китае, 1898–1937»¹.

Ма Юйсинь замечает, что в Цинском Китае первой половины XIX века периодические издания издавали христианские миссионеры², затем успешно сотрудничавшие с китайскими авторами. Например, англо-шотландский протестантский миссионер Роберт Моррисон работал с Лян Афа (Liang A-Fa) (1788–1855), первым китайским проповедником³; британский синолог шотландского происхождения, миссионер Джеймс Легг — с Ван Тао (1828–1897), а американский методистский миссионер Янг Джон Аллен — с Цай Эрканом (1851–1921).

В 1860–1870-е годы китайские газеты активно развивались под руководством вернувшихся из-за рубежа студентов У Тинфана (1842–1923) и Юн Вина (1828–1912)⁴.

Поражение Китая в войне с Японией в 1895 году вызвало среди китайских интеллектуалов бурный рост периодических изданий и чувство страха за судьбу нации. Кан Ювэй (1858–1927) и Лян Цичао (1873–1929) интересовались западными идеями свободы, демократии и конституционной реформы. Чжан Тайянь (он же Чжан Бинлинь; 1868–1936) и будущий президент Сунь Ятсен (1866–1925) использовали национализм в борьбе с Цинами. Янь Фу (1854–1921) пропагандировал западные идеи эволюции и социального дарвинизма. Лю Шипэй (1884–1917) выступал за сохранение национальной культуры Китая. Мужчины-реформаторы публиковали полемические статьи с предложениями конституционной реформы или республиканской революции, а также придавали большое значение решению «женского вопроса» для последующего вовлечения женщин в дискуссии по решению национальных проблем.

¹ Ma Yuxin. *Women journalists and feminism in China, 1898–1937*. Amherst, New York: Cambria Press, 2010. 472 p.

² Первый ежемесячный журнал на китайском языке «Chinese Monthly Magazine» (*Ча шису мэйтюэ тунцичжуань*) под редакцией протестантского миссионера Уильяма Милна вышел 6 августа 1815 года в Малакке, а в августе 1833 немецкий лютеранский миссионер Август Гутцлафф начал издавать в Гуанчжоу (Кантон) ежемесячный журнал «Восток–Запад» (*Дунсиан као мэйтюэ тунцичжуань*).

³ McNeur George Hunter. *Liang A-Fa: China's First Preacher, 1789–1855*. Edited by Jonathan A. Seitz. Eugene, OR: Pickwick Publications, 2013. 174 p. (Original publ. 1934): Лян Афа (1789–1855) был вторым известным китайским протестантом, обратившимся в христианство, и первым рукоположенным протестантским проповедником.

⁴ В 1858 году У Тинфан помогал с изданием в Гонконге первой китайской ежедневной газеты «Chinese and Foreign News» («Чжунвай синьтань»), а в 1864 году с его помощью Чэнь Айтин основал старейшую из китайских ежедневных газет «The Chinese Daily» («Хуацзы жибао»).

Первые статьи китайских женщин публиковались в миссионерском журнале «Новости всех наций» («Ваньго гунбао») и ежедневной газете провинции Хунань «Новости Хунани» («Сянбао»), издававшейся радикальными реформаторами Тан Цайчаном (1867–1900) и его земляком Тань Сыгуном (1865–1898).

Цю Юйфан (1871–1902) из Уси, известная в широких кругах как Мэйлой, была активной сторонницей реформы 1898 года и введения женского образования. Она и ее дядя Цю Тинлян 11 мая 1898 года основали первую в Китае газету на родном языке «Новости Уси» («Уси байхуа бао»), выходящую три раза в месяц. Цю Юйфан стала первой женщиной-редактором газеты, опубликовавшей множество информационных статей и перевод книги валлийского баптистского миссионера Тимоти Ричарда (1845–1919)¹ о реформах Петра Великого в России.

24 июля 1898 года женщины-реформаторы для обсуждения женских проблем основали в Шанхае собственную газету «Женское образование», которая одновременно являлась печатным органом «Общества распространения знаний среди китайских женщин» (*Нюйсюэхуэй*) и школьной газетой.

Профессор Ма Юйсинь, обращаясь в работе «Женщины-журналистки и феминизм в Китае, 1898–1937» к анализу истории возникновения и развития китайской периодики, считает, что историю китайской прессы конца XIX века можно рассматривать как борьбу между общественным мнением и государственной властью.

Старовойтова Е. О. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Советская политика в отношении КВЖД в оценках отечественной прессы 1920–1930-х гг.²

После революции 1917 г. в России вопрос о Китайско-Восточной железной дороге продолжил занимать одно из центральных мест в отношениях молодого Советского государства как с Китаем, так и с Японией. На страницах официальных органов отечественной печати указанного периода неоднократно подчеркивалась необходимость установления равноправных, дружественных и взаимовыгодных отношений между Советской Россией и Китаем, что было невозможно без четкого определения статуса КВЖД. Однако 1920-е гг. отметились наличием существенных разногласий между сторонами, а после 1926 г. в советский политический лексикон прочно вошло понятие «конфликт на КВЖД». В то же время изменение

¹ Johnson, Eunice V. Timothy Richard's Vision: Education and Reform in China: 1880–1910. Eugene, OR: Pickwick Publications, 2014. 208 p.

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-48-00004 «Китайско-Восточная железная дорога как трансграничная социокультурная система: история строительства, реконструкция и моделирование механизмов охраны культурного наследия», <https://rscf.ru/project/23-48-00004/>.

положения внутри Китая по итогам революции 1925–1927 гг., приведшее к активизации международной политики на Дальнем Востоке, а также развитие мирового финансового кризиса способствовали постоянному росту интереса советской печати к Китаю в целом и к КВЖД в частности. Публикации в советских СМИ указанного периода касались как политических и идеологических, так и экономических аспектов советско-китайских отношений. Руководство Советской России придавало существенное значение взаимодействию с Китаем.

К началу 1929 г. отношения между СССР и Нанкинским правительством во главе с Чан Кайши очередной раз обострились, что не могло не сказаться на ситуации вокруг КВЖД. А после 10 июля 1929 г., когда китайская полиция заняла центральный телеграф КВЖД и арестовала ряд высокопоставленных служащих дороги, угрожая им высылкой, конфликт между сторонами вышел на новый уровень. Эти события естественным образом привели к заметному росту количества упоминаний Китая и, в частности, КВЖД в советской прессе. Так, публикации, затрагивающие тему дороги, встречаются практически в каждом номере наиболее влиятельного в те годы органа печати — газеты «Известия» — за период со второй половины июля по 31 декабря 1929 г., их общее число превысило 140. По мере развития конфликта и усиленной подготовки советских войск к возможному вооруженному противостоянию советская пресса все чаще выступала с осуждением политики Нанкинского правительства, а тон ее публикаций становился все более пропагандистским. Согласно официальной трактовке СМИ, ответственность за переход конфликта в горячую стадию полностью лежала на китайской стороне. Маньчжуро-Чжэлайнорская операция ОКДВА, состоявшаяся в ноябре 1929 г., оценивалась как вынужденная реакция СССР на цепь провокаций китайского милитаризма, а заключение 22 декабря 1929 г. т. н. «Хабаровского протокола» считалось безусловной дипломатической победой СССР, с которой связывались довольно оптимистичные ожидания по поводу дальнейшего урегулирования ситуации в Маньчжурии. Основным лейтмотивом публикаций советской печати по вопросу двусторонних отношений с Китаем на начало 1930 г. стало восстановление «нормального» положения на КВЖД, прекращение гонений на советских граждан в Маньчжурии, а также выполнение условий «Хабаровского протокола», которое ознаменовало бы собой начало взаимовыгодного делового сотрудничества. Однако вскоре оптимизм сменился разочарованием, и в советских органах печати все чаще появлялись публикации о постоянном росте числа провокаций на КВЖД, организованных силами белогвардейцев при поддержке Нанкина. Ответственность за несоблюдение положений «Хабаровского протокола» накладывалась непосредственно на Чан Кайши. При этом подчеркивалось, что подобные действия нанкинского правительства идут вразрез с интересами населения Маньчжурии и даже национальными интересами Китая в целом.

Как известно, в 1931 г. Япония начала оккупацию Маньчжурии, где в 1932 г. было образовано марионеточное государство Маньчжоу-го. Развитие ситуации в регионе привело к тому, что к 1935 г. Советское правительство, во избежание ухудшения

международной обстановки, приняло окончательное решение о продаже КВЖД Маньчжоу-го. В данном докладе предпринята попытка проследить, как ведущие отечественные печатные издания указанного периода оценивали события, связанные с Китайско-Восточной железной дорогой, и сам факт ее продажи в 1935-м гг.

Фесюн А. Г. (ИСАА МГУ, Москва)

«Да-чжи ду-лунь» (Энциклопедия Махаяны) — авторы и источники

大智度論 — «Трактат о великой и совершенной мудрости перехода», сокращенно — «Трактат о великой мудрости» (санскритское название которого было реконструировано как Mahāprajñāpāramitopadeśa или Mahāprajñāpāramitāsāstra), приписываемый Нагарджуне. Энциклопедия буддизма Махаяны. Один из самых влиятельных и авторитетных текстов восточноазиатского буддизма. 90 разделов в 100 свитках в переводе Кумарадживы, уроженца Кучанского царства, выполненном в Чанъани в 404–405 гг. Т. 25, № 1509. Санскритский оригинал (если таковой был) не сохранился; тибетского перевода не создавалось.

«Трактат» представляет собой пространный комментарий к Prajñāpāramitāsūtra.

Определение авторства — одна из нелегких задач при начале исследований «Трактата» хотя бы потому, что буддийские составители были крайне сдержанны в отношении себя; вообще, автобиография — практически несуществующий жанр в буддийских произведениях. Как бы то ни было, автор был уроженцем северо-западной области Индии, или жил и работал там в начале IV в. То были земли западных греческих царств, образовавшихся на территориях, завоеванных греко-македонцами: Гандхара, Капиша, Пенджаб. Эти земли подвергались постоянным нашествиям: в период 90 г. до н. э. — 50 г. н. э. туда вторглись скифо-парфяне и, одновременно, племена Шакьев царя Мауэса (90–53 г. до н. э.) и Палавов царя Гондофара (19–45 гг.). Где-то после 50-х гг. н. э. территория перешла во власть кочевников юэ-чжи, разделивших всю Бактрию на 5 частей — пять династий. Один из их наследников — Куджула Кадфиз объединил страну, создав громадную империю Кушанов, включавшую китайский Туркестан, Восточный Иран, Северо-Западную Индию с Кашмиром и бассейном Инда. На протяжении двух веком Кушанская империя играла важнейшую роль в жизни региона, находясь на перекрестке всех главных азиатских маршрутов.

Автор «Трактата», очевидно, жил при великих кушанах, ибо в работе достаточно часто упоминаются великие и малые юэ-чжи (или тукхары), однако ни разу не приводятся их имена, но указывается лишь официальный титул дэвапутра (часто встречающийся на надписях и монетах, найденных в Гандхаре). «Трактат» косвенно свидетельствует о негативном отношении коренного населения

к кушанцам; в частности, отмечается достаточно презрительные отзывы об «окраинах» (*pratyantajanapada*) — местах «низкого рождения», к которым относились Согдия, Тукхара, Персия и даже некоторые индийские регионы, населенные «примитивными» племенами Шавара, Андхра и др. Таким образом, для автора «Трактата» территория истинного буддизма ограничивалась ареалом проживания народностей, говоривших на арийском наречии; те же, кто говорил на греческом, скифском, китайском, токхарском или бактрийском, считались варварами.

Со времени царствования Ашоки (272–236) регион превратился во второй по значимости буддийский регион. Император приказал высечь на камнях свои знаменитые эдикты — на арамейском, греческом и пракрите (кхароштли). Вся территория очень быстро покрылась монастырями и ступами; на возвышавшихся громадных валунах высекались изображения будд и божеств.

Большинство исследователей сходится на том, что исторический Будда никогда не бывал в районе Гандхара на северо-западе Индии, однако автор «Трактата» считает иначе: по разбросанным в тексте упоминаниям, Учитель, отправившись от Матхура, проследовал по 25 местам в регионе в сопровождении то своего основного ученика Ананды, то Повелителя Тайн Ваджрапани. В ходе своего путешествия, он обращал упрямых царей, умирал злобных нагов, предсказывал события и оставил свою тень на скале у Чахар-Багха.

Отметим, что где-то через сто лет после кончины Будды царь Ашока созвал первый буддийский собор, длившийся пять лет, на котором впервые четко определилась разница в восприятии Учения и сформировались определенные направления буддистов. Не без стараний «раскольника» Махадэва сангха разделилась на два лагеря: Стхавира («старого толка») — ортодоксов, и Махасангхика — модернистов. Они, в свою очередь, принялись делиться, что в конечном счете привело к образованию 18 школ, рассеявшихся по всей территории Индии.

В Кушанский период на северо-западе конкурировали Сарвастивада и Махасангхика; сторонники последней, проживавшие в Матхура и Капиша, использовали гибридный язык — смесь классического санскрита и разговорного пракрита, а первые предпочитали «чистый» санскрит. Об этом говорят надписи на брахми и кхароштли, сохранившиеся в Матхура, Шах-чжи-Дхери, Зеда, Калван, Куррам.

В начале новой эры стали появляться адепты новой формы буддизма с более радикальными идеями и оригинальными теориями касательно природы Будды и путей к просветлению. Это движение получило название Махаяна («Великая Колесница»), а ее сторонники стали называть ортодоксальных буддистов приверженцами «Малой Колесницы» и активно создавать новые тексты, развивающие их мысли. Два направления не были антагонистическими, иногда мирно сосуществуя в одном монастыре, о чем писал в VI в. китайский паломник Сюань-цзан.

Вероятнее всего, автор «Трактата» был сарвастивадином, на каком-то этапе обращенным в Махаяну. Он мог писать в одном из великих монастырей Гандхары, например — в Тахт-и-Бахи — презрительно умалчивая в тексте о махасангхиках (упоминаемых лишь единожды) и высоко превознося достоинства монашеской

жизни. Китайский паломник Фа-сянь (V в.) писал, что монастыри в тех краях были населены почти исключительно сторонниками Сарвастивады. Автор проявляет такое глубокое знание Абхидхармы сарвастивадинов, что его можно представить одним из монастырских преподавателей этого предмета. Вероятно, к Махаяне его привлекли труды Арьядэвы, Рахулабхадры и Нагарджуны, и в форме комментария к *Pañcaviṃśatisāhasrikā* он составил этот объемный трактат, представляющий собой своеобразный ответ Великой Колесницы на Абхидхарму сарвастивадинов.

Хаймурзина М. А. (АмГУ, Благовещенск)

Культ Конфуция в чжурчжэньском государстве Цзинь: история становления и развития¹

Появление культа Конфуция в государстве Цзинь тесно связано с историей становления чжурчжэньской государственности. В ходе сунско-цзиньской войны в 1126 г. потомок Конфуция в 48-м поколении Кун Дуань-ю 孔端友 покинул храм Конфуция в Цюйфу и вместе с сунским двором переехал на юг².

Позднее, во время правления третьего чжурчжэньского правителя Си-цзуна 熙宗 (1135–1150)³, на территории Цзинь был найден потомок Конфуция, который продолжил «северную» ветвь рода Кун. В тот период в Верхней столице государства был учрежден храм Конфуция (孔子庙)⁴, получила развитие система ритуалов и музыки⁵. В 9-м месяце 1140 г., совершая великий объезд земель, Си-цзун прибыл в Янь-цзин (совр. Пекин). В тот же год, в 11-м месяце, вышел императорский указ о провозглашении Кун Фаня 孔璠⁶ потомком Конфуция в 49-м поколении

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Религиозный ландшафт дальневосточного порубежья России и Китая: история формирования и современное состояние» (проект № 24-18-00807).

² Там был построен новый храм, который в последствии стал семейным святилищем «южной» ветви рода Кун (потомки Кун Дуань-ю). Подробнее см.: Баргачева В. Н. Кунлинь // *Духовная культура Китая. Энциклопедия*: в 5 т. М.: Вост. лит., 2007. Т. 2. С. 485.

³ Здесь и далее указаны годы правления императоров.

⁴ Храм Конфуция в Верхней столице был местом проведения дворцового этапа экзаменов, там до переноса императорской резиденции в Чжун-ду (т. е. до 1153 г.) экзамены были проведены 16 раз. Подробнее см.: Да Цзинь го ди и ду (Первая столица государства Великая Цзинь) / под ред. Го Чанхай. Хаэрбинь: Хэйлунцзяншэн чубаньшэ, 2022. С. 124–125. Следует отметить, что почитание Конфуция в Цзинь тесно связано с развитием системы образования государства, когда школа была не только местом получения знаний, но и местом почитания Конфуция. См.: Tao Jing-shen. *Public Schools in the Chin Dynasty // China under Jurchen Rule: Essays on Chin Intellectual and Cultural History*. Eds.: Н. С. Tillman, S. H. West. New York: State University of New York Press, 1995. P. 50–70; Лань Тин. Цзиньдай цзяоюй юй кэцзюй яньцзю (Исследование системы экзаменов и просвещения в государстве Цзинь). Бэйцзин: Жэньминь чубаньшэ, 2019.

⁵ Тото. Цзиньши (История Цзинь). Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй, 1975. С. 2311.

⁶ В 1143 г., когда Кун Фань умер, титул Яньшэн-гун унаследовал его сын — Кун Чжэн 孔拯. Тото. Цзиньши (История Цзинь). С. 2311.

и жалования ему титула Яньшэн-гун¹. Источники сообщают, что первое поклонение Конфуцию в Цзинь было осуществлено во 2-м месяце 1141 г. лично Си-цзун². А в 1142 г. вышел указ о запрете чиновникам и частным лицам присваивать что-либо в храмах Конфуция, это положение вошло в перечень императорских установлений того времени³.

В начале периода правления под девизом Тянь-дэ (1150–1153), который приходится на время царствования четвертого правителя Хайлин-вана 海陵王 (1150–1161), продолжилась тенденция приобщения к культовой деятельности в адрес Конфуция⁴. Утвердили правила, по которым всем чиновникам в случае начала исполнения служебных обязанностей и необходимости осуществления благодарственных жертв, надлежало прежде всего осуществить подношения в храме Конфуция, и только потом разрешалось посещать храмы других божеств⁵. Более того, во 2-м месяце 1160 г. центральные власти были обеспокоены ситуацией, сложившейся с конфуцианскими храмами. Говорилось о том, что храмы Конфуция в большинстве своем разрушены, а местные чиновники не прилагают усилий для их восстановлений⁶.

Расцвет культа Конфуция приходится на периоды правления Ши-цзуна 世宗 (1161–1189) и Чжан-цзуна 章宗 (1189–1208)⁷. Тогда был детально регламентирован обряд поклонения Конфуцию⁸, который, согласно материалам источников, с одной стороны, был основан на образцах эпохи Тан, с другой — некоторые ритуальные акты соответствовали практике времени Сун. В то время неоднократно выходили императорские указы, направленные на сохранение и реконструкцию конфуцианских храмов. В удаленных районах их возрождение осуществлялось благодаря энтузиазму местных чиновников, а государственное финансирование получали

¹ Яньшэн-гун 衍圣公 — князь, продолжающий род Совершенного мудреца. Подробнее см.: Баргачева В. Н., Кравцова М. Е. Культ Конфуция // Духовная культура Китая. Энциклопедия: в 5 т. М.: Вост. лит., 2007. Т. 2. С. 200.

² Поскольку Си-цзун вернулся в Верхнюю столицу в 9-м месяце 1141 г., можно предположить, что обряд почитания он осуществил в Чжун-ду. Тото. Цзиньши (История Цзинь). Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй, 1975. С. 76–77, 2311.

³ Кун Юань-цо. Кунши цзутин гуанци (Записки обители рода Конфуция). <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=937305&map=gb#p46> (дата обращения: 24.12.2024).

⁴ В тот период в Цюйфу делами жертвоприношений занимался Кун Чжэн 孔拯, потомок Конфуция в 50-м поколении. В 1150 г. определили размер содержания Яньшэн-гуну. В тот же год учредили Го цзы цзянь. Тото. Цзиньши (История Цзинь). Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй, 1975. С. 2311–2312.

⁵ Кун Юань-цо. Кунши цзутин гуанци (Записки обители рода Конфуция). <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=937305&map=gb#p46> (дата обращения: 24.12.2024).

⁶ Кун Юань-цо. Кунши цзутин гуанци (Записки обители рода Конфуция). <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=937305&map=gb#p46> (дата обращения: 24.12.2024).

⁷ С 1163 г. жертвоприношениями в адрес Конфуция в Цюйфу занимался Кун Цзун 孔總, он же являлся и главой *лин* уезда Цюйфу. В 1190 г. после смерти Кун Цзуна титул Яньшэн-гун получил Кун Юань-цо 孔元措, который также являлся главой *лин* уезда Цюйфу. Кун Юань-цо выполнял свои функции вплоть до крушения Цзинь. Тото. Цзиньши (История Цзинь). Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй, 1975. С. 2311–2312.

⁸ О порядке обряда поклонения есть записи в 35-м цзюане «Истории Цзинь», подробно регламент исполнения обряда зафиксирован в 36-цзюане «Сборника о ритуалах Великой Цзинь».

центральные и крупные региональные храмы¹. Вплоть до крушения правящего дома Цзинь храмы являли собой основу распространения и сохранения конфуцианского наследия в разных уголках государства.

Чекулаева А. С. (БГУ, Минск)

Китайская историография как источник по исследованию политики Республики Беларусь в интеграционных объединениях постсоветского пространства

После распада Советского Союза в сфере интересов китайских исследователей оказались вопросы, связанные с анализом причин развала СССР² и развитием бывших советских республик, в частности: вопросы преодоления кризиса, с которым столкнулись все страны постсоветского пространства в первые годы обретения независимости, отношения между Россией и остальными государствами СНГ³, воздействие внешних факторов на эти отношения⁴, исследование «цветных революций» в странах СНГ⁵. С начала 2000-х гг. внимание китайских исследователей привлечено к интеграционным процессам на постсоветском пространстве. Необходимо отметить, что интерес к данной проблематике в китайской историографии имеет постоянный характер; помимо множества публикаций, имеется целый ряд диссертационных исследований⁶. Отводя России роль лидера и «локомотива» в интеграции постсоветского пространства, китайские эксперты тем не менее рассматривают роль в этом процессе и менее крупных государств, таких как Республика Беларусь. Авторы проводят анализ многовекторной внешней политики Беларуси в контексте ее участия в СНГ, Союзном Государстве России и Беларуси (СГ), Таможенном союзе России, Беларуси и Казахстана (ТС), Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), делая вывод

¹ Лю Хуэй. Цзиньдай жусюэ яньцзю (Исследование конфуцианства эпохи Цзинь). Бэйцзин: Чжунго шэхуйкэсюэ чубаньшэ, 2017. С. 188–200.

² 安启念. 苏联剧变的三个重要原因 // 内部文稿. 2000. № 9. С. 9–10 [Янь Цинянь. Три основные причины драматических перемен в СССР // *Внутренняя рукопись*. 2000. № 9. С. 9–10].

³ 陈新明. 俄罗斯与独联体国家关系: 新趋势与新战略 // 俄罗斯中亚东欧研究. 2009. № 4. С. 71–75 [Чэнь Синьмин. Отношения между Россией и странами СНГ: новые тенденции и новые стратегии // *Исследования по России, Центральной Азии и Восточной Европе*. 2009. № 4. С. 71–75].

⁴ 李志庆. 俄白联盟建设中的波兰因素 // 今日中国论坛. 2013. С. 101–102 [Ли Чжицин. Польский фактор в строительстве российско-белорусского союза // *Форум современного Китая*. 2013. С. 101–102].

⁵ 李兰. 独联体国家“颜色革命”研究 // 南开大学. 2013 [Ли Лань. Исследования «цветных революций» в странах СНГ // *Нанькайский университет*. 2013].

⁶ 朱碧波. 苏联族际政治整合模式研究 // 云南大学. 2011 [Чжу Би Бо. Исследование моделей межнациональной политической интеграции в СССР // *Юньнаньский университет*. 2011].

о том, что для Белорусского государства участие в интеграционных объединениях на постсоветском пространстве является важнейшим приоритетом внешней политики.

Особое значение в работах китайских обществоведов придается изучению развития Союзного государства, так как считается, что «интеграция в его рамках оказывает огромное влияние на ситуацию во всем Евразийском регионе»¹. Исследователи КНР определяют несколько этапов развития, на протяжении которых отношения двух стран и становление СГ переживало взлеты и падения: 1) первый — 1991–1994 гг., характеризующийся со стороны России — отказом от ответственности за социально-экономическое развитие других республик бывшего СССР; со стороны Беларуси — отстранением от России²; 2) второй — 1994–2000 гг., отличающийся возобновлением широкомасштабного сотрудничества, ускоренной интеграцией России и Беларуси, подписанием Договора о создании СГ; 3) третий — 2001–2010 гг., показателен замедлением строительства СГ, причинами которого называется различное понимание сторонами модели развития российско-белорусской интеграции, а также улучшение отношений России и Запада на фоне совместной борьбы с терроризмом после «инцидента 11 сентября»³; 4) четвертый — 2010–2020 гг.: с одной стороны — проведение Беларусью политики многовекторности на основе национальных интересов⁴; с другой стороны — полная поддержка Республикой Беларусь дальнейшего развития СГ в контексте евразийской интеграции⁵; 5) пятый — после 2021 г. — в условиях новой геополитической реальности и введения Западом беспрецедентного количества санкций против обеих стран отмечается их сближение во всех областях, таких как: партнерство во внешней политике, экономическое взаимодействие, оборонная политика, гуманитарные коммуникации, региональное сотрудничество. Китайские исследователи также отмечают, что развитие СГ является приоритетным в интеграционной политике Республики Беларусь; но, несмотря на тесный союз и дружбу с Россией, Беларусь никогда не отказывалась от стремления к независимости в своей политике⁶. Если изначально идея создания Договора о СГ была заимствована из советской модели, и такие предпосылки, как общая

¹ 周尚文. 俄白联盟与一体化理论解读 // 国际观察. 2002. № 6. С. 29–33 [Чжоу Шанвэнь. Союзное государство и интеграция России и Беларуси: теоретическая интерпретация // Международный обзор. 2002. № 6. С. 29–33].

² 张建. 试析乌克兰危机对俄白关系的影响 // 和平与发展. 2017. № 2. С. 84–121 [Чжан Цзянь. Анализ влияния украинского кризиса на российско-белорусские отношения // Мир и развитие. 2017. № 2. С. 84–121].

³ 刘丹. “俄白联盟国家” 20年历史嬗变与发展趋势 // 俄罗斯学刊. 2019. № 6. С. 40–56 [Лю Дань. К 20-летию Союзного государства России и Беларуси: изменения и тенденции развития // Исследования России. 2019. № 6. С. 40–56].

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ 赵惠中. 普京访问白俄罗斯发出了什么战略信号? // 世界上的事件. 2023. № 2. С. 48–49 [Чжао Хуйжун. Какой стратегический сигнал посылает визит Путина в Беларусь? // События в мире. 2023. № 02. С. 48–49].

история, родственные культура, религия и язык, схожие системы, единые угрозы, стали основополагающими объединительными факторами, то на сегодняшний момент — это Союз суверенных стран¹.

Немалый интерес у ученых КНР вызывает и участие Республики Беларусь в экономической интеграции на постсоветском пространстве: сначала ими исследовалось единое экономическое пространство Беларуси, Казахстана, России и Украины (ЕЭП)²; затем — Таможенный союз³ и ЕАЭС. Данные союзы рассматриваются китайскими исследователями прежде всего с точки зрения координации и взаимодействия с КНР⁴. Исследуя историю создания и развития ЕЭП с 2003 г., аналитики КНР отмечали серьезные разногласия между государствами ЕЭП: если Россия выступала за создание экономического и политического сообщества, находя поддержку лидеров Беларуси и Казахстана по многим вопросам, то Украина, желая для себя только экономических преференций, не была заинтересована в создании политического союза, а рассматривала своей конечной целью вступление в ЕС. Эксперты КНР уделяют большое внимание исследованиям ЕАЭС, одним из приоритетов которого является выстраивание особых отношений с ШОС, АСЕАН, БРИКС. Начиная с 2014 г. появилось большое количество работ, изучающих сопряжение Экономического пояса «Шелковый путь» и ЕАЭС⁵, влияние ЕАЭС на экономическое сотрудничество между Китаем и отдельными странами ЕАЭС⁶. В отдельных трудах⁷ изучается активное участие РБ в процессе создания и развития ТС, ЕАЭС, с точки зрения защиты и продвижения ее национальных интересов.

¹ 赵惠中. 在建立联盟国家方面的突破, 俄罗斯和白俄罗斯的一体化进程将加速 // 世界事件. 2021. № 23. 页码54–55 [Чжао Хуйэжун. Прорыв в построении Союзного государства, процесс интеграции России и Беларуси будет ускорен // *События в мире*. 2021. № 23. С. 54–55].

² 林治华. 白俄罗斯、哈萨克斯坦、俄罗斯、乌克兰统一经济空间研究举要 // 俄罗斯中亚东欧研究. 2006. № 3. С. 55–60. [Линь Чжихуа. Единое экономическое пространство Беларуси, Казахстана, России и Украины // *Исследования России, Центральной Азии и Восточной Европы*. 2006. № 3. С. 55–60].

³ 李钦. 俄白哈经济一体化的内部分歧、挑战及其发展前景 // 新疆财经. 2012. № 5. С. 61–66 [Ли Цинь. Внутренние разногласия, вызовы и перспективы развития экономической интеграции России, Беларуси и Казахстана // *Финансы и экономика Синьцзяна*. 2012. № 5. С. 61–66].

⁴ 杨恕, 王术森. 俄白哈关税同盟的发展及其影响 // 国际问题研究. 2014. № 4. С. 94–112 [Ян Шу, Ван Шусэнь. Развитие и влияние таможенного союза России, Беларуси и Казахстана // *Исследования международных вопросов*. 2014. № 4. С. 94–112].

⁵ 鞠明鑫. 丝绸之路经济带与欧亚经济联盟对接: 阻碍因素及应对策略 // 华东师范大学. 2018 [Цзюй Минсинь. Соединение Экономического пояса Шелкового пути с Евразийским экономическим союзом: сдерживающие факторы и ответные стратегии // *Восточно-Китайский педагогический университет*. 2018].

⁶ 刘丽慧. 欧亚经济联盟对中哈贸易便利化的影响 // 河南科技学院学报. 2016. № 11. С. 64–69 [Лю Лихуэй. Влияние Евразийского экономического союза на упрощение торговли между Китаем и Казахстаном // *Журнал Хэнаньского института науки и технологий*. 2016. № 11. С. 64–69].

⁷ 翁伏虎. 欧亚联盟建设进程中的白俄罗斯角色 — 基于小国行为逻辑的分析 // 华东师范大学, 2015 [Венг Фуху. Роль Беларуси в процессе создания Евразийского экономического союза: анализ с точки зрения логики действий маленького государства // *Восточно-Китайский педагогический университет*. 2015].

Таким образом, китайскими учеными отмечается большой вклад правительства Республики Беларусь в построение евразийской интеграции и признается, что это, с одной стороны, способствует развитию политического диалога, укреплению экономического и гуманитарного партнерства государств евразийского региона, а с другой стороны, содействует развитию экономики страны.

Чжоу Чжаоу (КФУ, Казань)

Политико-дипломатические связи Китайской Республики и Великобритании в период гражданской войны (1945–1949 гг.): образы и оценки китайских историков

Доклад посвящен обзору и оценке межгосударственных связей Китайской Республики и Великобритании в период гражданской войны 1945–1949 гг. на базе национальной исторической литературы и источников КНР. Внимание уделено обзору современных исторических работ, учебных материалов и научных статей по истории внешней политики Китая и китайско-британских связей данного периода. В перспективе следует обратить исследовательское внимание на системный анализ результатов работ китайских авторов, их полноценную структуризацию, обобщение и подведение итогов национальной историографии по теме.

В период гражданской войны в Китае Великобритания, следуя традициям прагматичной дипломатии, придерживалось трех основных направлений политики в отношении с Китаем. Во-первых, британское правительство приняло политику «ограниченного нейтралитета» во время гражданской войны в Китае. В своей официальной политике Англия не стала проводить политику «поддержки Чана и противостояния КПК», как это делали США, а приняла политику «ограниченного нейтралитета» и не вмешивалась в гражданскую войну в Китае¹. Во-вторых, чтобы сохранить «плацдарм», британское правительство стало придавать большое значение отношениям с КПК после 1948 г., когда компартия Китая одержала ряд крупных военных побед². В-третьих, ключевая для китайско-британских отношений проблема Гонконга была отложена.

По острой проблеме Гонконга до образования КНР было предложено три варианта дипломатической политики — «наклониться в одну сторону», «начать

¹ Ван Вэйминь (王为民). Столетие китайско-британских отношений (百年中英关系). М.: Мировое знание (世界知识出版社), 2006. (На кит. яз.)

² Фэн Чжунпин (冯仲平), Юань Сяофэн (袁晓凤). Британская политика в отношении Китая в ранний послевоенный период (战后初期英国对华政策) // Журнал Дипломатической академии (外交学院学报). 1996. (На кит. яз.)

создавать свой отдельный очаг» и «сначала подмести в своем доме, а потом приглашать в него гостей»¹.

В целом сформировалось мнение, что отношения между Китаем и Великобританией в этот период были благоприятными. Несмотря на сложность международной ситуации, обе страны проводили прагматичную и гибкую внешнюю политику, что создавало геополитические и политико-дипломатические условия для развития отношений между двумя странами. Китайские историки также обращают внимание на то, что разные цивилизационные основы и исторические условия, культуры, ценности и менталитет оказали влияние на текущее состояние и перспективы китайско-британских отношений. Китайскими авторами и опубликованными оригинальными источниками освещаются новые тенденции развития международных отношений на азиатском континенте послевоенного периода вследствие победы народной революции в Китае.

Шаронова В. Г. (ИРИ РАН, Москва)

Деятельность российского консульства в Инкоу (Нючжуан) в 1910–1916 гг. (по материалам АВПРИ)

Хранящиеся в Архиве внешней политики консульские донесения дипломатов, служивших в Китае в начале XX в., являются ценным источником по истории российско-китайских экономических отношений.

В то время в сферу основных интересов царской России входил Северо-Восточный Китай, шло успешное освоение края, с центром в Харбине. На фоне расширения взаимной торговой и финансовой деятельности в северной части Маньчжурии отмечалось снижение сотрудничества обеих стран в южной части. Это объяснялось тем, что Южная Маньчжурия находилась под влиянием и контролем японских властей.

На смену бывшего, хорошо известного речного порта Нючжуан (Инкоу) был построен новый морской порт Дайрен (Дальний), ставший региональным центром торгово-экономических отношений. Однако несмотря на снижение грузооборота перевозимых товаров, Нючжуан продолжал оставаться популярным как у китайских, так и иностранных коммерсантов. Это было связано как с проведением логистических операций, так и с открытием новых торговых и промышленных предприятий, а также разработкой полезных ископаемых.

Восстановленная после Русско-японской войны деятельность Российского Императорского консульства заключалась в основном в поисках рынков сбыта

¹ Чи Айпин (迟爱萍). Дипломатические стратегии первого поколения китайских коммунистических лидеров в отношении западных стран (中共第一代领导人对西方国家的外交战略) // *Партийная литература (党的文献)*, 1999. (На кит. яз.)

продукции русских торговцев из Харбина и Гирина. Открывшиеся здесь филиалы мукомольных и маслобойных компаний, ежегодно наращивали объемы продаж муки и соевого масла, а также закупали китайское сырье для различных производств. Благодаря усилиям служивших в Нючжуане дипломатов были налажены продажи местному населению российских тканей и керосина.

Особая роль в расширении и укреплении российско-китайских отношений принадлежала консулам П. Г. Тидеману и С. В. Сокову, руководившими Императорским консульством после отъезда известного дипломата А. Т. Бельченко с 1909–1917 гг.

Отдельный интерес представляют сохранившиеся в Архиве внешней политики Императорской России «Ведомости по актам и документам, явленным и засвидетельствованным Императорским Российским консульством в Нючжуане», в которых подробно описывается деятельность дипломатов по предоставлению консульских услуг русским коммерсантам для содействия в расширении их торгово-экономической деятельности в этой части Южной Маньчжурии. Территория коммерческих интересов наших торговцев включала в себя значительный кусок местности, расположенный между двумя ветками железнодорожных линий от Шаньхайгуаня (Пекин — Мукден) до Дашицяо (Харбин — Дайрен).

На сегодняшний день в современном Инкоу, а также удаленном городском районе Дашицяо сохранились здания, в которых размещались консульство России и представительства различных русских фирм, включая контору КВЖД, что наглядно свидетельствует о роли России в торгово-экономической жизни города-порта.

Секция XVII • Section XVII
Источниковедение и историография Японии
Historiography and Source Studies of Japan

Chisako Omoso (Osaka University of Economic and Law, Osaka, Japan)

**The human network that supported Islamic policy
of the prewar Japan**

Prior to World War II, Japan applied a kind of colonial policy to the Islamic world. In the wake of the victory in the Sino-Japanese and Russo-Japanese Wars, the conflict between Japan, a developing colonial Shinto nation seeking to expand overseas, and the Western powers, deepened, thus the Islamic sphere attracted attention as a means of overcoming this. In other words, by bringing on their side countries that believe in Islam, which is incompatible with Christianity, and by controlling such countries mainly in Asia, both materially and spiritually, the Japanese tried to form a sphere of influence centered on Japan and compete with the Western powers.

The author specializes in the Islamic policy from the Meiji era to the early Showa period, but he has also conducted studies focusing on the expert on Japan policy and former Prime Minister Senjuro Hayashi. This is because Hayashi emphasized the geopolitical sphere of Islam from a relatively early stage, and he himself was enthusiastically involved in Islamic policy, obtaining a lot of information from European newspapers and publications.

Partly because of his cautious nature, Hayashi, as an active military man, was not openly involved in maneuvering, but was in a position to direct it. On the other hand, after retiring from the army, he reigned at the head of the Dai-Nippon Kaikyo Kyokai (the Greater Japan Muslim League), an engineering organization. And he expanded his hand

to Islamic enlightenment activities such as Kaikyo-ken Tenran-kai (the Islamic World Exhibition), and publishing the monthly *Kaikyo Sekai* (*Islamic World*) and pamphlets, as well as external propaganda activities centered on magazines. In any case, the hands, feet, and eyes of Hayashi were supported by the operation members such as soldiers, engineers, and continental ronin.

In this presentation, I will introduce previous research on prewar Japan's Islamic policy and give an overview of Hayashi's maneuvering. After this work, I would like to focus on the members that supported Hayashi, clarify their backgrounds and actual conditions, and lead to the elucidation of the human network centered on Hayashi.

Specifically, we will shed light on figures such as Junzo Inaba, a former military man, Kantaro Migite, who served as the director of the Japan Commodity Museum in Cairo, and Hisashi Kato, a continental ronin, who have rarely been mentioned in previous studies, and examine that many of Hayashi's Islamic policies were supported by such unknown figures.

As for Migite, he studied in New York around 1920, and after being dispatched to Asia as a commissioned engineer for the Ministry of Foreign Affairs and the Ministry of Agriculture and Commerce, he served as the director of the Japan Industry Association Cairo Japan Commerce Bureau from around 1930. During this period, there is a document in which he confessed that he was engaged in sabotage activities related to trade relations between Japan and Egypt, and also hinted at the involvement of Japanese nationals in the pilgrimage to Mecca.

Next, Inaba was a soldier under Hayashi's former subordinate, and relied on Hayashi, who had traveled to France on a mission, to go to France, where he studied. After that, he was engaged in the Inner Mongolia maneuvering for Hayashi, and was not only involved in the establishment of the work organization such as the Zenrin Kyokai (Good Neighbor Association), but also engaged in the Manchurian black operation, as can be seen from the official documents.

As for Kato, the fact that he was involved in collecting information about Hayashi as a commissioner of the Academic Affairs Bureau of the Governor-General of Korea is written down by Hayashi. In addition to being a member of the organizing committee of the aforementioned exhibition, he is also listed with Migite, and the official report of this exhibition was edited by Kato.

By analyzing the roles played by these three people in Islamic policy and examining their relationship with Hayashi, it is possible to clarify not only the actual situation of the human network of Islamic policy centered on Hayashi, but also a part of the Islamic policy of prewar Japan, the full extent of which has not yet been fully elucidated. We hope that the results of this research will contribute to bridging the gap in mutual historical perception between Japan and the Islamic world.

Бертова А. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Книга Накады Дзюдзи «Япония с точки зрения Священного Писания» («Сэйсё ёри митару Ниппон») и ее историко-культурное значение

Данное сообщение посвящено рассмотрению обстоятельств создания, содержания и судьбы книги известного японского христианского проповедника Накады Дзюдзи «Япония с точки зрения Священного Писания» («Сэйсё ёри митару Ниппон»).

Накада Дзюдзи (1870–1939) был основателем христианской организации «Церковь Святости» («Хоринэсу кё:кай»), которая занимала довольно маргинальное положение среди японских христианских организаций. «Церковь святости» базировала свое учение на четырех основных постулатах:

- 1) Священное Писание непогрешимо и должно быть трактовано буквально;
- 2) человек может достичь полного очищения своих грехов через непосредственный контакт со Святым Духом;
- 3) возможно исцеление одной верой;
- 4) вскоре произойдет Второе пришествие Христа, после которого наступит тысячелетнее правление Иисуса на земле.

Накада начал в Японии активную проповедническую деятельность, а во время Первой мировой войны обрел уверенность в грядущем в ближайшее время Втором пришествии Христа¹. Со временем его идеи начали приобретать все более националистический уклон, и в начале 1930-х гг. он выступил с серией из шести лекций, которые в 1932 году были объединены в книгу под названием «Япония с точки зрения Священного Писания» («Сэйсё ёри митару Ниппон»), выдержавшую благодаря своей популярности несколько переизданий и переведенную на английский язык под названием «Japan in the Bible». В этой книге он утверждал, что всем нациям Господь определил свои роли в истории, а их места обитания и культурно-исторические особенности развития не случайны. При этом в настоящее время именно Японии предстоит сыграть важнейшую роль в Божественном плане, так как японский народ удивителен, храним Господом и имеет свою миссию². Накада отстаивал идею тесной генетической и духовной связи японцев с древними народами, в частности Накада Дзюдзи, с шумерами и хеттами³, а также с еврейским народом⁴.

¹ Бертова А. Д. Развитие идеи о духовном родстве японского и еврейского народов в японских христианских организациях // *Asiatica: труды по философии и культурам Востока*. 2019. Т. 13. № 2. С. 150.

² Накада Дзюдзи. Сэйсё ёри митару Ниппон. Токио: Кийэмэ сюппанбу, 1938. С. 27.

³ Там же. С. 36–38.

⁴ Там же. С. 40.

С последним, по мнению Накады, японцы были связаны совершенно особым образом. Он разделял популярную в то время идею об общем происхождении японцев и евреев, предложенную христианским ученым Саэки Ёсио и поддержанную его учеником Ояэ Дзэнъитиро и другими¹, и в своей книге утверждал, что примерно в III веке нашей эры в Японию из Китая через Корейский полуостров пришла группа древних евреев, принесших в страну шелководство, ткачество и другие достижения цивилизации².

Эта связь с еврейским народом, а также идея о смешении в крови японцев элементов всех основных рас, привела японского проповедника к уверенности в том, что именно Японии предстоит сыграть решающую роль в восстановлении Израиля, возвращении евреев на свою прародину, а также в обуздании ведущих мировых держав, которые стали орудием в руках Антихриста³.

Для подтверждения особой миссии, возложенной на японцев Богом, Накада в своей книге кропотливо собрал возможные указания на Японию, которые можно отыскать в Священном Писании, как в Ветхом, так и в Новом Завете. Согласно его трактовке, те места в Священном Писании, где упоминались восток, солнце, далекие острова и страна за морем, имели непосредственное отношение к Японии. Отдельно девятая глава книги посвящена разбору строк из седьмой главы Откровения Иоанна Богослова (Откр. 7:1–3), где упоминается «Ангел, восходящий от востока солнца, имеющий печать Бога живаго», который вступит в противостояние с четырьмя другими ангелами. Под этим Ангелом с востока Накада однозначно понимал Японию, которая в ближайшее время должна начать борьбу с ведущими западными державами, попирающими мир на земле и преследующими евреев.

Накада объяснял нарастающую милитаризацию Японии Божественным замыслом по спасению евреев, так как считал, что именно японские войска сразятся с теми, кто мешает евреям вернуться на Землю Обетованную. Это возвращение, предопределенное Богом, необходимо не только и не столько для еврейского народа, сколько для всего мира, так как оно предвещает Второе пришествие Христа и установление Его Тысячелетнего царства на земле.

Идеи Накада имели крайне националистический характер, утверждая исключительность японского народа и его ключевой роли в судьбах мира, а также поддерживали военную экспансию страны на континент, что вполне соответствовало тем настроениям, которые бытовали в Японии в преддверии начала Второй мировой войны. Они оказали сильное влияние не только на различные христианские организации, но и на представления японцев-нехристиан, а также получили резонанс вне Японии. Последнее особенно заметно на примере учения корейского проповедника Мун Сон Мёна, основателя «Церкви объединения».

¹ См. Goodman D. G., Miyazawa M. *Jews in the Japanese Mind*. New York, London, Toronto, Sydney, Tokyo, Singapore: The Free Press, 1995. P. 64–72.

² Накада Дзюдзи. Сэйсё ёри митару Ниппон. С. 44–45.

³ Там же. С. 125.

Последний в течение продолжительного времени стажировался в Японии и был знаком с книгой Накады, оказавшей формообразующее влияние на его собственные умозаключения относительно мессианской роли Кореи в мире, а также о приходе нового спасителя с Востока, под которым Мун понимал уже не Японию, а свою собственную родину.

Борисова А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Влияние лингвистических и культурных факторов на формирование японских суеверий

В любой стране существует множество суеверий, как позитивных, так и негативных. Определение суеверия следующее: это предрассудок, в силу которого многое представляется проявлением сверхъестественных сил и предзнаменованием будущего. В основе многих суеверий лежат видоизмененные культурные традиции и религиозные ритуалы. Япония не является исключением: существующие суеверия тесно связаны с культурными особенностями и менталитетом.

Много суеверий, пророчащих беду, связано с погребальными обрядами, так как смерть является одним из оскверняющих событий для японцев. Например, по буддийскому обычаю тело усопшего кладут лицом на север. Поэтому японцы стараются не ложиться спать головой в этом направлении. Интересно, что в остальном север не вызывает негативных ассоциаций¹. В результате опроса 765 респондентов (2010 г.), выяснилось, что около 80 % верят в приметы, связанные с похоронами².

Многие суеверия связаны с культом предков. Считается, что во время празднования О-Бон — праздника поминовения усопших, нельзя купаться, так как души предков прибывают по воде, и могут увести за собой. Нельзя сушить белье ночью. Ночь — время духов, поэтому если повесить какую-то одежду, особенно если она принадлежала умершему родственнику, дух может принять ее за подношение и проявиться, напугав хозяев³.

Часто суеверия иррациональны и отражают страх перед сверхъестественным, но часть их вполне может быть объяснена логически: суть в том, чтобы уберечь человека от беды. Поверье, что нельзя играть на берегу реки, иначе детей утащит

¹ Лихолетова О. Р. Японские приметы и суеверия как источник лингвокультурологической информации // *Японский язык в вузе*. Вып. 12. М., 2015. С. 74–83.

² Котани М. Суеверия и религиозные обычаи, связанные со смертью (小谷みどり. 死にまつわる迷信や宗教の行為) // *Life Design Report*, 10. 2013. P. 4–15. URL: <https://www.dlri.co.jp/pdf/ld/01-14/rp1310a.pdf> (accessed: 22.12.2024).

³ Хурма, бандиты и мочки ушей: японские суеверия — *Konnichiwa club*. URL: <https://konnichiwa.ru/3135/> (дата обращения: 01.12.2024).

каппа-водяной, тесно связано с японским фольклором, но вместе с тем вполне практически обосновано. Забавным выглядит поверье, что во время грозы бог грома может забрать у ребенка пупок, поэтому японские дети часто прикрывают живот руками, когда гремит гром. По японским убеждениям жизненная сила человека сосредоточена в животе, поэтому, чтобы не простудиться из-за прохлады, нужно сохранить живот в тепле¹.

Отдельно стоит отметить суеверия, основанные на созвучиях. Особенность фонетического строя японского языка в том, что многие слова звучат практически одинаково, что может даже приводить к недопониманию в отрыве от контекста. Таким образом, японцы избегают употребления некоторых слов, смысл которых совпадает с неблагоприятными словами. Ярким примером является использование, а точнее, неиспользование прочтения иероглифов, означающих цифры 4 (*си*) и 9 (*ку*). *Си* созвучно слову «смерть», а *ку* — «страдание». Иногда даже пропускают четвертый этаж (за третьим сразу идет пятый) или комнаты номер 4 и 9 (особенно в больницах)². По этой же причине категорически нельзя брать чужую расческу (*куси*), ведь это точно приведет к бедам и несчастьям.

Завидев катафалк или похоронную процессию, японцы зажимают большой палец в кулаке. Это связано с тем, что «большой палец» по-японски — *оя-юби* («родительский палец»), и таким образом японцы «защищают родителей» от беды³.

Конечно, далеко не все суеверия пророчат беду, есть и положительные приметы.

Выше уже упоминалось о негативном смысле прочтения цифры 4. Однако при этом число 44 считается благоприятным. По-японски «сочетание» — *авасэ*, поэтому 44 — сочетание четверок — можно прочесть как *сиавасэ*, что созвучно слову «счастье».

Нет возможности отследить время возникновения вышеперечисленных примет, так как они существуют на протяжении веков и прочно укоренились в мироощущении японцев. Однако есть и новые суеверия, появившиеся в XX или даже XXI в. которые уже широко распространились и даже отражают некоторые процессы развития японского языка.

Перед важным событием, экзаменом или собеседованием о приеме на работу, японцы дарят друг другу шоколадный батончик «Кит-кат». Его прочтение на японском созвучно словосочетанию *китто кацу* — «непременно победишь». По этой же причине накануне важного события рекомендуют съесть свиную

¹ Bellybutton folklore from Japan and where they come from Japanese mythology and folklore. URL: <https://japanesemythology.wordpress.com/bellybutton-folklore-from-japan-and-where-they-came-from/> (accessed: 20.12.2024).

² Медхарст Р. Шутки, поэзия и суеверия: омофоны в японском языке. URL: <https://www.nippon.com/ru/nipponblog/m00124/> (дата обращения: 01.12.2024).

³ Simon G. H. Some Japanese Beliefs and Home Remedies // *The Journal of American Folklore*. 1952. 65(257). P. 281–293.

отбивную *кацу*, что созвучно слову «победить»¹. Удачу на экзамене может принести и фигурка осьминога. Английское «octopus» созвучно японскому *оку-то пасу* — «если это положить, то сдашь». Жители города Минамисанрику в префектуре Мияги, чьим символом является осьминог, используют эту примету для привлечения туристов².

В рамках одного доклада нельзя отразить всю полноту и разнообразие народных примет и суеверий. Однако приведенные примеры демонстрируют трансформацию культурных и религиозных обычаев в суеверия, причем не всегда иррациональные. Отдельно стоит отметить целый пласт суеверий, основанных исключительно на омофонах, придающих позитивную или негативную окраску обычным предметам и явлениям. Интересно и включение современных реалий и заимствованной лексики в сферу народных примет. Суеверия — неотъемлемая часть традиционных верований, и даже в XXI в. значительная часть японцев признает их влияние на повседневную жизнь.

*Kunitake Sadakatsu (Институт культурного наследия, Нара, Япония),
Войтишек Е. Э. (Новосибирский государственный университет,
Новосибирск)*

Такасима — «остров сокровищ» с затонувших монгольских кораблей XIII века: источники и интерпретация³

Остров Такасима в заливе Ивари на севере Кюсю вошел в историю Восточной Азии как место драматических морских сражений во время вторжения (яп. 蒙古襲来 *мо:ко сю:рай*) в Японию в 1281 г. монгольских войск Хубилая (1215–1294), правителя династии Юань (1271–1368). Оно стало важным событием благодаря тайфуну, который впоследствии назвали «божественным ветром» (神風 *камикадзэ*). В мировой историографии считается, что штормовой ветер, дувший с юга залива, где была сосредоточена монгольская флотилия, уничтожил значительную часть судов и помог японским защитникам отразить вторжение.

Остров Такасима стал привлекать большое внимание в научном мире с середины 1980-х гг., когда у его побережья на дне Японского моря начались масштабные подводные раскопки. Археологические изыскания в исследовательских центрах

¹ Лихолетова О. Р. Указ. соч.

² Iriya Hachiman Shrine. The Story of Michinoku Gold. URL: <https://www.tohoku-golden-route.com/sightseeing/iriya-hachiman-shrine/> (accessed: 10.12.2024).

³ Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки № FSUS-2024-0028 «Аксиологический потенциал буддизма в контексте международных отношений России со странами Восточной Азии: история и современность».

на севере Кюсю¹ важны не только для интерпретации морских сражений между японскими самурайскими войсками и монгольским флотом, но и для понимания характера находок. За исключением фольклорных материалов, кратких заметок, созданных по воспоминаниям участников событий, а также хроник и иллюстрированных свитков, созданных позднее², пожалуй, только археологические находки, извлеченные с морского дна, могут служить надежным источником достоверной информации о тех событиях.

Согласно исследованиям, в состав монгольского флота входили различные этнические группы с территорий, подчиненных империи Юань. Помимо районов Южного Китая, это были выходцы из Кореи, регионов Центральной и Юго-Восточной Азии³.

Что касается находок, то под водой были обнаружены остатки кораблей, фрагменты оружия и повседневной утвари, якоря, керамика, монеты, буддийские статуи, зеркала, предметы культа. Элементы деревянной конструкции кораблей указывают на то, что монгольский флот состоял из судов разного размера и назначения, включая китайские и корейские типы кораблей. Анализ керамики и бронзовых монет подтверждает несомненное участие китайского морского флота в этом вторжении. Эти находки могут дать представление о снабжении и логистике монгольской армии.

В ходе подводных раскопок археологи обнаружили и буддийские статуи, лежащие на морском дне. Эти статуи, вероятно, были частью грузов, которые перевозились на монгольских кораблях. Их могли использовать в религиозных ритуалах монахи, которые как духовные наставники на кораблях молились за успех кампании. Кроме того, статуи могли служить своеобразными ритуальными дарами божествам для защиты судов во время морского похода. Подобные ритуалы играли важную роль в материковой культуре, поэтому подобные артефакты могли считаться защитными объектами на кораблях. Примером такой статуи можно

¹ Находки с подводных раскопок у острова Такасима сосредоточены в трех местах: в Центре погребенных культурных ценностей города Мацуура (松浦市立埋葬文化財センター *Мацуура-сирицу майдзо*: *бунка-дзай сэнта*., о. Такасима); в Музее истории и культуры префектуры Нагасаки (長崎歴史文化博物館 *Нагасаки рэкиси бунка хакубуцукан*, г. Нагасаки); в Национальном музее Кюсю (九州国立博物館 *Кю:сю: кокурицу хакубуцукан*, г. Фукуока). Все эти музеи выполняют роль ведущих японских исследовательских центров по изучению истории монгольского вторжения и культурного наследия региона.

² Среди них — «Повествование о монгольском вторжении в иллюстрациях» (蒙古襲来絵詞 *мо:ко сю:рай э-котоба*) в двух свитках, конец эпохи Камакура (1185–1333), автор неизвестен. Хранится в Историческом музее истории Мацуура, является национальным достоянием. (Материалы полевых исследований авторов в октябре 2024 г. на севере острова Кюсю).

³ Этнический состав монгольского флота включал монголов (военная элита, занимавшая ключевые должности), китайцев (пехотинцы, моряки, морские инженеры), корейцев (моряки, солдаты, морские инженеры), представителей этнических групп Индокитая и Центральной Азии (людские ресурсы), в большинстве случаев мобилизованных насильно. Китайский контингент обеспечивал флот людьми, кораблями, военной техникой и осадными орудиями, корейский контингент отвечал за строительство и ремонт судов, а также транспортировку техники и персонала.

считать бронзовое изваяние сидящего Будды Амида Нёрай (銅造如来坐像 *до:дзо нёрай дзадзо:*), установленное в небольшом павильоне на острове Такасима.

Похожие буддийские статуи находят не только на о. Такасима, но и островах Цусима и Ики, которые находились на пути продвижения монгольского флота. Примером такого изделия, косвенно связанного с монгольским нашествием, является деревянная статуя Будды Амида Нёрай (阿弥陀如来立像 *Амида нёрай рю:дзо:*) в храме Тётокудзи буддийской школы Со:то:-сю: на острове Ики (曹洞宗長徳寺)¹.

Исследование затонувших кораблей у о. Такасима и сравнение их находок с другими объектами в Восточной и Юго-Восточной Азии затрагивает широкий круг тем в области морской археологии, включая историю монгольских вторжений, военной техники, религиозные практики, буддийское искусство, а также эволюцию китайской и корейской керамики. Археологические находки с о. Такасима представляют собой важный источник информации о военно-морской истории региона, технологическом уровне кораблестроения и взаимодействии народов Восточной Азии в XIII в.

*Гарина А. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург),
Серебрякова С. Г. (СПбГУ, Санкт-Петербург)*

Японская коллекция на Всемирной выставке 1862 года в Лондоне

В 1867 году Япония впервые официально приняла участие во Всемирной выставке в Париже и представила предметы искусства в качестве экспонатов. Однако отметим, что представители западных культур к тому моменту уже имели возможность увидеть вживую образцы японского искусства и начали формировать представление о Японии и ее культуре. Образцы японской культуры были представлены на первой промышленной выставке в 1851 году в числе предметов китайского искусства, а затем — на Всемирной выставке 1862 года. Обе выставки проходили в Лондоне. На выставке 1862 года предметы японского искусства впервые были собраны и представлены западному миру в качестве самостоятельной коллекции, несмотря на то, что официально Япония не принимала в ней непосредственного участия и выставление предметов искусства не было санкционировано японской

¹ Статуя высотой в 98,5 см, вероятно, была изготовлена в период Хэйан, однако, по мнению японских исследователей, от подобных статуй того времени ее отличает общий облик и особенно — вырезанный узел складок одежды на животе, что было более характерно для статуй из Китая и Кореи. Тот факт, что несколько похожих статуй Будды Амида периода Хэйан найдены на территории Кюсю, требует дальнейшего осмысления. Статуя с мелкими спирально закрученными волосами на голове отличается округлым красивым лицом, тонким телосложением, мягкими складками одежды, ниспадающей до босых ног Будды Амида. (Материалы Центра погребенных культурных ценностей города Мацуура (松浦市立埋葬文化財センター *Мацуура-сирицу майдзо: бунка-дзай сэнта:*, о. Такасима). Полевые исследования авторов в октябре 2024 г.)

стороной. В статье будет рассмотрена роль Японии во Всемирной выставке 1862 года, а также японская коллекция, которая была на ней представлена.

Поскольку на момент мероприятия Япония проводила политику ограничения контактов с внешним миром (яп. *сакоку*, 鎖国), страна еще не вышла на мировую арену и не участвовала самостоятельно во всемирном культурном процессе: на выставке были представлены предметы из Японии из личной коллекции сэра Резерфорда Элкока (1809–1897 гг.), а также экспонаты от других частных лиц. Например, Фрэнсис Говард Вайс (1828–1891 гг.), британский консул в Йокогаме, дополнил экспозицию вазами, изделиями из слоновой кости, посудой, в том числе фарфоровой, и другими предметами. В выставке также участвовали предметы, предоставленные некоторыми обществами: например, от торговой компании Реми, Шмидт и Си (фр. *Remi, Schmidt et Cie*) были представлены образцы сырья для производства шелка и шелковых изделий¹.

Тем не менее подавляющее большинство японских экспонатов были предоставлены именно из личной коллекции сэра Элкока. Занимая должность первого постоянного представителя Великобритании в Японии, Резерфорд Элкок находился в стране с 1859 по 1865 год и успел побывать в Эдо (современный Токио) и Нагасаки, а также в сельской местности. Он не преследовал цель собрать полноценную самостоятельную коллекцию, но часто покупал те или иные предметы искусства и быта в качестве сувениров. В результате этого коллекция, выставленная впоследствии на Всемирной выставке, состояла из предметов разной культурной ценности и различного качества и новизны².

Таким образом, на выставке 1862 года в Лондоне от Резерфорда Элкока были представлены 623 экспоната, из которых 191 относился к лакированным изделиям: мебель, зачастую с резьбой по дереву и инкрустацией, игрушки и другие изделия. Помимо этого, в экспозицию в больших количествах вошли бронзовые предметы искусства, фарфор, ткани, кимоно, драгоценные камни, книги и измерительные приборы³. В контексте впечатления, которое произвела коллекция на представителей западной культуры, нередко отмечается, что в качестве основных черт японского восприятия мира, поразивших посетителей выставки, особенно выделяли чистоту и непорочность как в произведениях с природными мотивами, так и в предметах, связанных с повседневной жизнью людей, даже если они раскрывали понятия эротизма и чувственности⁴.

Список предметов, представленных на выставке, был обширным, однако, как отмечено выше, опосредованное участие Японии не было с ней согласовано. Несмотря на это, событие оказало значительное влияние на даль-

¹ International Exhibition 1862: Official Catalogue of the Industrial Department; printed for Her Majesty's Commissioners. London: Truscott, Son & Simmons, 1862. P. 339.

² Tsoumas J. The Japanese artifacts display at the 1862 Great London Exposition: an overview // *Art Studies*. 2020. № 1. P. 29–30.

³ International Exhibition 1862: Official Catalogue of the Industrial Department. P. 338.

⁴ Tsoumas J. *Op. cit.* P. 30–31.

нейшее развитие внешнего курса страны. Это связано с тем, что в один год с выставкой проходила миссия Такэноути, также известная как первое посольство Японии в Европу (яп. *дайиккай кэнъо: сисэцу*, 第1回遣欧使節) или посольство Японии в Европу в годы Бункю (яп. *бункю: кэнъо сисэцу*, 文久遣欧使節). Члены миссии должны были провести переговоры с западными державами относительно условий неравноправных договоров годов Ансэй (яп. *ансэй-но гокакоку дзё:яку*, 安政五カ国条約), собрать информацию о культуре, устройстве, технологиях западных государств¹ для дальнейшего распространения собранной информации внутри Японии, а также создать о стране благоприятное впечатление и повысить ее авторитет на международной арене.

В рамках дипломатической миссии японские представители в том числе посетили Англию, где были официально приглашены на Всемирную выставку, проходившую в этот момент в Лондоне. На выставке члены миссии увидели павильон, отведенный под японские экспонаты из личной коллекции сэра Элкока и других деятелей. Большая часть членов делегации считала экспонаты старыми, некачественными и выставяющими Японию в невыгодном свете, так как предметы экспозиции не отбирались предварительно и представляли собой вещи разного применения и качества, зачастую являвшиеся свидетельствами жизни небогатых людей; по мнению японцев, это противоречило целям миссии. Несмотря на это, как писал Фукудзава Юкити (яп. *Фукудзава Юкити*, 福澤諭吉), который был одним из переводчиков миссии, японцы признавали и тот факт, что выставка предоставила возможность положить начало культурному обмену между Японией и западными государствами². Таким образом, основываясь на впечатлениях от выставки, члены миссии, а затем и японское правительство осознали необходимость прямого влияния на общественное мнение о Японии представителей западных культур, для чего стране требовалось выйти на международную арену и стать частью мирового культурного процесса.

Несмотря на то, что со стороны Японии была выражена скорее негативная оценка коллекции, участвовавшей во Всемирной выставке 1862 года, это культурное событие можно считать первым знакомством и ступенью к формированию представления о японской культуре у западной широкой публики. Несмотря на значительную технологическую отсталость в сравнении с другими демонстрировавшимися странами, японская культура рассматривалась как традиционная, ремесленная и «чистая». Будучи представленной в специфическом, по мнению японцев, свете, в западном мире она была встречена с энтузиазмом.

¹ Ковальчук М. К. Знакомство с Европой. Миссия Такэноути в Великобритании // *Ежегодник Японии*. 2010. Т. 39. С. 302.

² Кусумото Матико. 1862 нэн дайникай рондон банкоку хакуранкай-ни окэру «нихон» («Япония») на второй Всемирной выставке 1862 года в Лондоне) // *Айти сюкутоку дайгаку ронсю: — бунгакубу • бунгаку кэнкю: хэн. Дай 40 го: // Сборник университета Айти сюкутоку по филологическим исследованиям*. Март 2015. №40. С. 67). 楠元町子. 1862年第2回ロンドン万国博覧会における「日本」// *愛知淑徳大学論集—文学部・文学研究科篇 — 第40号*、2015. 3 —頁67.

Гоголева В. Д. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Общество реформирования театра» в Токио: цели, персоналии и итоги

Период Мэйдзи (1868–1912 гг.) в Японии ознаменовался коренными изменениями, затронувшими различные аспекты жизни страны. Не избежали веяний модернизации и вестернизации и японские традиционные искусства, которые в это время стали считаться пережитками прошлого, не отвечающими требованиям прогресса¹. Однако стремление японцев догнать европейские стандарты «цивилизованности» привело не к отторжению собственной культуры (хотя это также имело место в первые десятилетия периода Мэйдзи), а к ее изменению.

В начале периода Мэйдзи в среде японской интеллигенции и представителей правительственных кругов возникло «Движение за улучшение театра» 演劇改良運動, первым значимым проявлением которого стало создание в августе 1886 года в Токио «Общества реформирования театра» 演劇改良会. Предполагаемые цели данной организации заключались в следующем:

1) искоренить дурные обычаи существовавшего до сих пор театра и создать «хороший театр»;

2) создать профессию автора театральных пьес и превратить ее в почетное занятие;

3) построить концертный зал, который использовался бы для различных театральных постановок, музыкальных концертов и прочего².

Главой «Общества реформирования театра» стал Суэмацу Кэнтё 末松謙澄 (1855–1920) — политический деятель и зять первого премьер-министра Японии Ито Хиробуми 伊藤博文 (1841–1909). Суэмацу был ярким сторонником реформ в театральной сфере и в середине 1880-х гг. (после того как он вернулся с учебы в Великобритании) его идеи были поддержаны Ито Хиробуми и министром иностранных дел Иноуэ Каору 井上馨 (1836–1915), которые стремились улучшить имидж Японии на международной арене и пересмотреть заключенные ранее неравноправные договоры, но перед этим хотели убедиться, что смогут представить западным странам более «цивилизованное» японское общество, чем на момент заключения этих договоров³.

3 октября 1886 года Суэмацу Кэнтё выступил с «Речью о реформировании театра», расшифровка которой позднее была опубликована под названием «Взгляд

¹ Борисова А.А. Японские традиционные искусства и действия измото в период Мэйдзи (1868–1912) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: востоковедение, африканистика*. 2012. № 2. С. 103.

² Ихара Тосно. Мэйдзи энгекиси (История театра периода Мэйдзи) 伊原敏郎 『明治演劇史』, 東京: 早稲田大学出版部, 1933. С. 387.

³ Bergmann A. Nationaltheater in Japan: Transfer einer europäischen Theaterinstitution. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades zum Doktor der Philosophie im Fachbereich II (Japanologie). Deutschland, Trier, 2018. S. 97.

на реформирование театра» 演劇改良意見. В данной речи были более конкретно обозначены цели и задачи созданного им общества. В частности, среди них можно назвать создание нового театра в европейском стиле, в котором зрители сидели бы на стульях, упразднение помоста *ханамити* и театральных чайных домов, обучение актрис и приглашение их на женские роли, ликвидация аккомпанемента *тёбо*, сокращение длительности представлений и перенос их на вечернее время¹. В представленных направлениях реформ можно увидеть стремление приблизить японский театр к европейскому, причем не только во внешнем виде (здание театра, зрительный зал), но и в самих постановках (приглашение актрис, ликвидация аккомпанемента).

Среди участников «Общества реформирования театра» было немало видных деятелей того времени. Среди них можно отметить писателя и театрального критика Ёда Гаккай 依田学海 (1833–1909), «отца японского капитализма» Сибусава Эйити 渋沢栄一 (1840–1931), писателя Фукути Гэнъитиро (Оти) 福地源一郎 (桜痴) (1841–1906). Идеи общества также поддерживали Окума Сигэнобу 大隈重信 (1838–1922), Ивакура Томосада 岩倉具定 (1852–1910) и другие². Однако восприятие общества и его идей не было однозначно положительно. С критикой движения за реформирование театра неоднократно выступал известный просветитель того времени — Фукудзава Юкити 福澤諭吉 (1835–1901). Он заявлял, что «движение за реформу театра бессмысленно, если оно не сопровождается ростом эстетического уровня зрителей»³, и утверждал, что изменения должны происходить медленнее и что современный театр является тем, что хотят видеть люди в современное время⁴.

Несмотря на то, что правительство всячески поддерживало «Общество реформирования театра» и возлагало на него определенные надежды, главным итогом его деятельности можно назвать четырехдневное представление Кабуки перед императором 展覽劇, состоявшееся в апреле 1887 года в резиденции министра иностранных дел Иноуэ Каору. Это событие значительно повысило социальный статус театра Кабуки и его актеров и придало ему общественное признание.

«Общество реформирования театра» осуществляло свою деятельность непосредственно в Токио, однако подобные организации существовали также в Осаке и Киото. Японский театровед Кобицу Мацуо 小櫃万津男, сравнивая результаты деятельности «Общества реформирования театра» в Осаке и Токио, утверждал, что «если итогом работы Общества в Токио стало представление перед императором, то можно сказать, что движение по реформированию во главе с Обществом в Осаке положило начало одному из новых театральных жанров Японии — Симпа 新派 (букв.: новая школа) и в целом способствовало появлению современного

¹ Ихара Тосио. Указ. соч. С. 388–389.

² Там же.

³ Цит. по: Гундзи М. Японский театр Кабуки / Пер. с яп. Б. В. Раскина. М.: Прогресс, 1969. С. 60.

⁴ Toyotaka K. Japanese Music and Drama in the Meiji era. Tokyo: The Toyo Bunko, 1969. P. 222.

драматического театра периода Мэйдзи — Сингэки 新劇 (букв. новая драма)¹. Помимо этого, продолжателем деятельности «Общества реформирования театра» также можно считать «Общество исправления нравов в театральном искусстве», созданное в 1888 году.

Горбаченко А. С. (УрФУ, Екатеринбург)

К методологии оксидентализма: образы Англии начала XX в. в заметках японских путешественников

Данный доклад посвящен теме оксиденталистских образов на примере заметок японских путешественников начала XX в. об Англии. С начала XX в. характер поездок японцев в Англию стал приобретать личные цели — стажировки в английских университетах, повышение квалификации, публикация сборников стихотворений собственного сочинения и т. д. Путешествия совершали в основном японские интеллектуалы, имевшие связь с этой страной или проявлявшие к ней интерес: студенты, преподаватели английского языка, исследователи английской литературы, поэты и писатели. При этом важно отметить, что идентичность японских интеллектуалов в эпоху Мэйдзи формировалась за счет сложного переплетения западных идей, японских традиционных ценностей и японского национализма, который сам являлся продуктом идейного синтеза. В этой связи большой интерес представляет изучение опыта взаимодействия японских интеллектуалов с западной культурной средой, породившего оксиденталистские образы «другого». Для исследования оксиденталистских образов Англии мы обратились к эго-документам (письма, мемуары, дневники) трех японских интеллектуалов — Нацумэ Сосэки, Ногуты Ёнэдзиро, Хирата Токубоку, посетивших эту страну в начале XX в.

Первым из трех интересующих нас персонажей в Англии оказался писатель Нацумэ Сосэки. Он остановился в Лондоне и ни разу из него не выезжал. Культурный шок, вызванный столкновением с новой реальностью, оказал сильное эмоциональное воздействие на писателя. В частности, он испытывал психологический дискомфорт из-за низкого роста и желтого цвета кожи. В заметках Сосэки Англия выступает развитой и современной страной. В то же время образ страны имеет художественный и собирательный характер, будучи составленным за счет многочисленных отсылок к истории, литературе Англии Средних веков и Викторианской эпохи. Это объясняется интересом Сосэки к исследованию английской

¹ Цит. по: Кобицу Мацуо. Осака энгэки кайрёкай то соно сюхэн (Общество реформирование театра в Осака и его окружение) 小櫃万津男. 大阪演劇改良会とその周辺 // *Theatre Studies, Journal of Japanese society for Theatre Research*. 1966. Vol. 8. P. 53.

литературы, которое он не смог до конца осуществить из-за финансовых трудностей. Также для Сосэки Англия ассоциировалась с людьми, с которыми писатель наиболее часто пересекался. Например, учитель Крейг, у которого Сосэки брал уроки, был для писателя «типичным англичанином» (на самом деле, Крейг был ирландцем) — нетерпеливым, зажатым, громким и «чужим». В целом, столкновение с английской реальностью способствовало укреплению у Сосэки его японской идентичности.

Другой японский писатель — Ногуты Ёнэдзиро — прибыл в Англию после девятилетнего проживания в Америке. Первоначальный образ Англии в эго-документах Ногуты имел негативный характер. Он сравнивал Америку и Англию, но отдавал предпочтение первой. Англия была представлена как грязная, бедная страна с запутанной финансовой системой. Когда Ногуты адаптировался к английской культуре, влился в круг английских писателей и театралов и успешно опубликовал сборник стихотворений, оксиденталистский образ Англии принял романтизированный характер. Любой недостаток английской жизни писатель показывал как ее «изюминку», а себя считал проповедником традиционной японской культуры в этой стране.

Хирата Токубоку прибыл в Англию для повышения квалификации преподавателя английского языка. Как и Сосэки, Хирата в своих описаниях делал отсылки к английской литературе и изобразительному искусству периода Средних веков и Викторианского времени. Также Хирата сравнивал Англию с Францией и Италией, в которых побывал во время стажировки. Англия у Хираты — это «деревня Европы»: тихая и красивая, но отнюдь не бедная. Кроме того, интеллектuala затрагивал характерные для английского общества социальные вопросы, проводя параллели с ситуацией в Японии. Англия представлялась Хирате как эталон, развитая страна, тогда как Япония критиковалась из-за своих нерешенных проблем.

Наиболее важным вопросом для японских интеллектуалов в начале XX в. являлись политические интересы Японии на Западе. Несмотря на то, что в текстах можно увидеть обращения к странам Европы (Франция, Италия) и Америке, именно Англию японские интеллектуалы видели ориентиром для Японии в вопросах построения сильной островной империи. Оксиденталистский образ Англии выражался через метафору «обновления» Японии по английскому образцу. Японские интеллектуалы находили истоки прогресса и могущества Англии в ее истории и считали, что, адаптировав английские достижения, Япония тоже вернется к собственному «блистательному» прошлому (до сегуната Токугава), станет «Англией Востока». В конечном счете они верили, что, достигнув геополитических успехов, Япония будет в глазах Англии приниматься за «свою».

Кроме того, к оксиденталистскому образу Англии применима метафора «неприятия». Идеальный образ Англии оказывался во многом разрушенным при взаимодействии с «не такими для японцев» англичанами. Однако японским интеллектуалам пришлось мириться с презрительным отношением местных жителей: цивилизационные достижения Англии оказывались важнее.

В целом здесь имеет место подход к рассмотрению оксиденталистского дискурса как результата адаптации к новой, «западной» реальности, который используется в качестве инструмента для поддержания собственной культурной «восточной» идентичности. В таком случае образ «другого» может принимать полярные вариации. Романтизированный образ «другого» обоснован стремлением подражать и нацелен на критику «своей» действительности. Через идеализацию появляется мнимая надежда на доступ к знаниям «другого», становление «своим» для этого «другого». Напротив, негативный образ «другого» является стратегией выживания, желанием отстоять преимущество «своей» уникальной культуры, оправдаться за отставание и неудачи. Все, что преподносится через негативный мотив образа «другого», не относится напрямую к этому «другому», а представляет лишь олицетворение тех шаблонов, которые невозможно подогнать к системе категорий «своего».

Гофман А. В. (ДВФУ, Владивосток)

Традиции синтоизма как основополагающий фактор формирования концепции сексуальности и ее восприятия в Японии

Япония представляется достаточно раскрепощенной страной в отношении сексуальности — об этом свидетельствуют установленный возраст согласия, который долгое время (1907–2023 гг.) составлял 13 лет, и распространенность порнографических материалов — журналы такой тематики соседствуют с подростковыми изданиями на полках магазинов¹. Подобная лояльность к данной теме является отличительной чертой менталитета конкретного народа и характерна не для многих стран, что заставляет задуматься о причинах соответствующего восприятия.

В ходе исследования было выявлено, что в корне особого отношения к сексуальности лежит традиционная религия синто. Синтоизм глубоко укоренился в повседневной жизни и культуре страны, сформировав уникальные обычаи и мировоззрение японцев. Данная религия не предполагает наличие четко сформулированных заповедей и запретов, следовательно отсутствует и какой-либо кодекс, регламентирующий интимную связь. Более того, согласно памятнику древнеяпонской литературы летописи «Кодзики», в котором описано появление вселенной, первая близость произошла между богами Идзанами и Идзанаги, в результате которой были созданы острова Японии². Из этого следует, что синтоизм изначально не табуировал связь, а напротив, поощрял, представляя слияние тел одухотворенным актом созидания, а не грехом.

¹ 「性交同意年齢」16歳に引き上げ、時効は5年延長 法制審試案 // 朝日新聞。2022。

² Кодзики: записи о деяниях древности. Свиток 1. СПб.: Кристалл, 2000. 608 с.

Кроме того, синтоистские священнослужители издавна являлись частыми посетителями «веселых кварталов», где не только пользовались услугами куртизанок, но и становились их духовными наставниками¹. Рассматривая данный вопрос со стороны духовной практики, необходимо отметить, что для достижения чистоты (что является главной целью последователей) необходимо избавиться не только от привязанности к материальным благам, но и от связей более тонкого порядка — даже страсть к чистоте является зависимостью. Поэтому «тесное общение» священнослужителей с куртизанками воспринималось не как распущенность или слабость, а как религиозный опыт, преследовавший цели духовного совершенства и упрочения особого, недугального состояния сознания².

В итоге рассмотрения данного вопроса было сделано несколько выводов. Во-первых, религия синто является неотъемлемой частью жизни японцев, что повлияло и на мировоззрение народа в целом. Поскольку в синтоизме отсутствует четкая система запретов и заповедей, сексуальные отношения никогда не табуировались данной верой. Более того, согласно мифам, первая близость произошла именно между богами и породила острова Японии, что наделяет связь созидательным и возвышенными смыслами. Во-вторых, священнослужители часто пользовались услугами куртизанок и даже становились их духовными наставниками, что представлялось особой религиозной практикой, направленной на достижение просветления и не считалось безволием и сладострастием.

Катасонова Е. Л. (ИВ РАН, Москва)

Современная японская культура в исследованиях российских ученых

Культурология всегда являлась самой востребованной областью российского японоведения, привлекающей к себе внимание не только профессионалов, но и широкий круг знатоков и любителей Востока. И это вполне оправданно, поскольку без знания основ японской цивилизации с ее многовековыми традициями и ярко выраженным национальным колоритом нельзя понять многие современные реалии и явления жизни этой страны.

При этом, если традиционной японской культурой занималась целая плеяда выдающихся советских японоведов во главе с академиком Н. И. Конрадом, то современная японская культура долгие годы оставалась малоизвестной в нашей стране. Давайте вспомним, кто из советских японоведов-культурологов занимался

¹ Баркова А. Л. Жизнь как произведение искусства: японские куртизанки // *Человек*. 2012. № 3. С. 149–165.

² Штейнер Е. С. Дзен-жизнь: Иккю и окрестности. СПб.: 2006. 283 с.

проблемами современной японской культуры? Их немного. Это — кандидат искусствоведения И. Ю. Генс, посвятившая свою научную деятельность изучению современного японского киноискусства. Ее своеобразной визитной карточкой стала глубокая и весьма смелая для своего времени книга «Бросившие вызов. Японские режиссеры 60–70 годов» (М., 1988).

Куда больше публикаций было посвящено в те годы японскому театру. О современном театральном искусстве много и интересно писала доктор исторических наук Л. Д. Гришелева. В ее монографии «Театр современной Японии» (М., 1977) дается общая картина театрального мира современной Японии. Рассказывается о формировании и развитии каждого из театральных жанров и т. д. И все-таки основное внимание исследователя уделено традиционным театральным формам, перенесенным на современную сцену.

Если добавить к вышеперечисленным монографию кандидата искусствоведения А. С. Коломиец «Современная гравюра Японии и ее мастера» (М., 1974), то на этом заканчиваются практически все наши познания в области современной японской культуры на том этапе развития советского японоведения. Конечно, их в значительной степени дополняют статьи д-ра филол. наук Ким Ле Чуна о современной массовой литературе Японии, написанные в 1980-е годы, которые, несмотря на строгие идеологически выверенные оценки, создали основу для дальнейшего развития этого научного направления.

Точкой отсчета нового постсоветского этапа изучения японской массовой культуры можно считать защиту кандидатской диссертации Ю. О. Биричевской «Творчество Кикути Кана и проблема японской массовой культуры *тайсю бунгаку* в первой половине XX века», которая состоялась в 2001 г. Хотя работа затрагивает главным образом литературный процесс, автор подчеркивает неразрывную связь понятий «массовая литература» и «массовая культура». Впрочем, последней проблемой в дальнейшем и занялась Ю. О. Биричевская, защитив в 2006 г. в стенах Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург) докторскую диссертацию на тему «Природа и социальные функции массовой культуры».

Примерно в это же время к изучению японской массовой культуры подключился и японовед М. Н. Корнилов — старший научный сотрудник ИНИОН. В 2000 г. в сборнике ИНИОН «Человек: образ и существо» выходит его статья «Герои и жанры японской массовой культуры», которая во многих отношениях стала этапной для многих исследователей. Незадолго до этой публикации в 1999 г. филолог и киновед Б. А. Иванов опубликовал первое в России исследование «Введение в японскую анимацию», рассказывающее о возникновении и развитии этого искусства на фоне подробного экскурса в историю японской культуры.

При этом в продвижении этой проблематики на уровень научных исследований еще какое-то время приходилось испытывать определенное сопротивление со стороны некоторых представителей научного сообщества, для которых изучение

манга, анимэ, японских молодежных субкультур и т. д. никак не вписывалось в традиционные рамки академического анализа. Тем не менее даже в достаточно консервативной научной среде вскоре появилось осознание того, что в наши дни понимание японского общества и адекватное восприятие Японии в мире уже невозможно без изучения японской массовой культуры. А с другой стороны, большая армия фанатов этой культуры, буквально в одночасье появившаяся в нашей стране, с жадностью следила за появлением в российских популярных журналах новых публикаций на интересующую их тему, остро нуждалась в профессиональных оценках. Эти задачи я попыталась решить в своей монографии «Японцы в реальных и виртуальных мирах. Очерки японской массовой культуры» (М., 2012).

По сути дела, это было первое комплексное исследование современной массовой культуры Японии. Но совершенно очевидно, что одна книга не может восполнить собой образовавшиеся за долгие годы пустоты в изучении этой сложной и многогранной темы, к разработке которой подключилась целая команда опытных и начинающих исследователей. Среди них в первую очередь следует назвать канд. ист. наук Ю. Д. Михайлову, О. А. Степанову, Е. С. Авдееву и др. На повестке дня большая и актуальная задача — создание Энциклопедии современной японской массовой культуры.

Матвеева О. К. (ИБ РАН; ИКВИА НИУ ВШЭ, Москва)

Документы сокровищницы Сёсоин как исторический источник: характеристика и оптика изучения

Помимо предметов одежды, буддийского культа, оружия и т. п. в знаменитой японской сокровищнице VIII в. «Сёсоин» (正倉院) хранится историческая документация, которую принято называть документами Сёсоин (сёсоин-мондзё, 正倉院文書). Документы Сёсоин являются уникальным феноменом как с точки зрения содержания и ценности для исследователей, так и с точки зрения своей истории.

Общий объем документации составляет около 10 тысяч свитков, датированных VIII веком, что соответствует периоду Нара (710–794 гг.) — времени, когда столицей японского государства был город Нара, а сама страна функционировала в рамках системы рицу-рё (律令) — централизованного законодательства. Представляют они собой внутреннюю и внешнюю делопроизводственную документацию государственного бюро по переписке сутр (сякёдзё, 写経所, иной перевод — «скрипторий»), то есть, являются, так называемой «серийной документацией». Они являются бесценным источником для исследования древней

Японии с точки зрения антропологического и микроисторического подходов, позволяя исследователям не только изучать события и институции эпохи Нара (то, что Ф. Бродель называл «эпидермой истории»), но и реконструировать повседневную жизнь мелких чиновников VIII века, занятых важнейшим для своего времени делом — копированием священных буддийских текстов, защищающих страну.

Скрипториев в VIII в. было много, однако до нас совершенно случайным образом дошли документы лишь одного из них. Сначала этот скрипторий находился при ведомстве по управлению делами государыни-супруги Комё (光明皇后, 701–760), а с 747 г. — при бюро строительства храма Тодайдзи (東大寺), бывшего центром защитной системы буддийских храмов по всей стране. Документация хранилась в специальном архиве при храме, однако в силу неизвестных причин, в конце VIII в., когда государев двор уже покинул город Нара, она была перенесена в сокровищницу при храме Тодайдзи — Сёсоин. Так забытые и никому не нужные документы хранились в сокровищнице вплоть до второй четверти XIX в., пока их не обнаружил ученый “школы национальных наук” (国学, кокугаку) Хоида Тадатому (穂井田忠友, 1791–1847) и провел их первое упорядочивание (整理, сэйри).

С этого момента начался процесс постепенного изучения документов. До 60-х гг. XX в. документация скриптория не особо интересовала ученых — им было интереснее изучать содержание оборотной стороны документов (документация скриптория в силу дороговизны бумаги в VIII в. писалась на оборотной стороне списанных документов из вышестоящих ведомств), которое, как тогда предполагалось, сближало японскую и европейскую древности. И только в 60-е гг. XX в., когда документы вышли в печатном виде, были созданы их первые пленочные фотографии, и вследствие этого у большего числа ученых появился доступ к ним, подход стал меняться. Поворот в изучении документов Сёсоин совершил Минагава Канъити (皆川 完一, 1928–2011) — профессор токийского института историографии. Он стал заниматься документами скриптория и восстанавливать их первоначальный порядок, постепенно открывая богатейший пласт информации о внутреннем мире людей эпохи Нара, их быте и повседневности.

С использованием микроисторической и антропологической оптики нами были изучены 11 документов 754 г., повествующих о «Проекте по переписке “Трех сутр”» (三部經写経事業, санбукёдзигё), изучение которых позволило реконструировать жизнь и деятельность скриптория в середине 50-х гг. VIII в. В результате был восстановлен цикл работ над проектом, его периодизация, заказчик, количество ресурсов, цели, количество работников, их функции, имена, жалование и даже, на основе казусов («казус» как исторической термин), сделано предположение об их мироощущении и складе ума.

Все вышеперечисленное показывает ценность и уникальность документов Сёсоин как исторического источника, изучение которого дает возможность составить примерную картину жизни и деятельности обычных людей Японии VIII в.

Нестерова К. А. (РГГУ, Москва)

Особенности и динамика женского предпринимательства в Японии в XXI в. на основе анализа работ японских и зарубежных исследователей

С начала столетия интерес к женскому предпринимательству в Японии неуклонно растет, как в академических, так и в коммерческих кругах. Однако ввиду того, что женские бизнес-инициативы начали получать широкую финансовую и законодательно-административную поддержку со стороны правительства только в последние десятилетия, мы пока не можем говорить об полноценных монографиях, ввиду их фактического отсутствия. Тем не менее большой исследовательский интерес представляет анализ работ значительного числа японоязычных, а также европейских и азиатских исследователей, посвященных различным аспектам женского предпринимательства в Японии.

В рамках данного исследования автором была предпринята попытка систематизировать и упорядочить изученные работы, в зависимости от методологии, от тематической направленности, от временного отрезка, от подходов к вопросам финансирования женского бизнеса, используемых в рамках конкретного исследования. Особый пласт работ занимают исследования японских ученых, выполненные при американских статистических агентствах. Они обращены непосредственно к предпринимательницам, а не к обобщенной гендерной тематике и вопросам природы бизнес-инициатив японок и их роли в обществе. В качестве основных, выделенных в работе блоков, хотелось бы отметить следующие:

1) исследования, в которых поднимается гендерный дискурс женского предпринимательства, а также исследования, где рассматриваются социально-экономические и исторические особенности японского общества, влияющие на женские предпринимательские инициативы, напрямую сказывающиеся на формировании ролевой модели);

2) работы, освещающие предпринимательскую деятельность японок в XXI веке в рамках государственной политики и политики частных корпораций; результаты данной политики в период 2000–2012 гг., в 2012–2020 гг. во время администрации С. Абэ, за которой последовала целенаправленная и концентрированная политика кабинета Ф. Кисида в вопросах поддержки женщин в рамках инновационного бизнеса;

3) исследования, где рассматривается и анализируется влияние женской предпринимательской деятельности на существующие социально-экономические отношения и институты внутри японского общества;

4) работы, которые позволяют сравнить предпринимательскую деятельность японок с предпринимательской деятельностью женщин в других странах Европы

и Азии, а также исследования позволяющие сопоставить динамику развития и положения женщины в японском обществе в сфере трудовых и предпринимательских отношений на протяжении первых двух десятилетий.

По результатам проведенного анализа автором были выявлены динамика, а также социально-экономические и историко-культурологические особенности женского бизнеса в Японии в настоящее время. Помимо этого, были определены ключевые тезисы относительно дискурса о женском предпринимательстве в Японии на разных уровнях академического и медийно-публичного пространства.

Обзор историографической литературы показал, что русскоязычные исследования сконцентрированы на рынке трудовых отношений, проблемах работающих женщин в Японии, а не на женском предпринимательстве, которое, по-прежнему, остается практически неизученным. Тем не менее нельзя не отметить, что в отечественной и японской историографии большое внимание уделяется вопросам буквальной «встройки» японок в «мужские» корпоративные структуры. Однако в американской и европейской историографии большее внимание уделяется непосредственно тому, какое влияние женщины могут оказать на традиционные институты внутри страны. Они предложили нам более актуальную и детальную информацию о женском предпринимательстве в Японии, а также задачах стоящих перед владелицами бизнеса. Помимо этого, в исследованиях были раскрыты причинно-следственные связи участия японок в предпринимательской среде, начиная с личностных устремлений, заканчивая традиционным наследованием семейных компаний.

Японская историография, представляющая собой самый крупный пласт в данном исследовании, позволила взглянуть на японских предпринимательниц как на новый и динамично развивающийся феномен. Также японские исследователи осветили задачи и ключевые цели женского бизнеса в рамках социально-экономического и историко-культурного контекста японского общества, как, например, специфика совмещения предпринимательства с материнскими обязанностями и прочими гендерными ролями с соответствующим им функциональным наполнением, характерными для японского общества. Большинство японских исследователей рассматривают женское предпринимательство как фактор усиления положения женщины в японском обществе. Согласно проведенному анализу, было замечено, что работы до 2010 г. затрагивают, по большей части вопросы, связанные с общим положением женщины в обществе и трудовых отношениях. Однако начиная со второго десятилетия стало появляться все больше работ, выполненных в рамках государственных институтов и министерств, направленных на всестороннее рассмотрение непосредственно японских предпринимательниц, их реального положения в японском обществе, сопутствующих финансовых и законодательных мер поддержки, что говорит об определенной положительной динамике развития данного феномена.

Овчинникова Л. В. (МГУ, Москва)

Классификация служебных материалов японского генерал-губернаторства в Корее. По материалам личного архива Ф. И. Куликовой (Шабшиной)

Даже в научных исследованиях историка возможно такое понятие, как подарок судьбы. Вдруг оказывается, что случайное приобретение становится поистине сокровищем для будущих изысканий. Моя родственница, Ф. И. Куликова (Шабшина) в период с 1940 по 1946 г. провела несколько лет в Сеуле, где ее супруг был вице-консулом СССР. После капитуляции Японии генерал-губернаторство постаралось уничтожить свои служебные архивы и материалы. Но некоторые из них служащие колониальной администрации припрятали и продали букинистам, где их и сумели приобрести сотрудники Генерального консульства СССР. Эти документы были привезены в Москву, и чемодан с бумагами несколько десятилетий пролежал на антресолях. Оказалось, что большая их часть — не что иное, как служебные издания японских спецслужб. Ф. И. Куликова первая среди отечественных корееведов исследовала некоторые материалы из них, приводила отдельные данные в своих книгах «Очерки новейшей истории Кореи», «В колониальной Корее». Однако без знания японского языка работать ей с этими материалами было трудно. И она передала содержимое заветного чемодана автору этих строк. Вполне очевидно, какую огромную ценность представляют эти архивы для современных историков-востоковедов. Ведь они, словно зеркало, отражают как деятельность японских колониальных властей, так и настроения корейской общественности, ее отношение к японскому колониальному господству, проливают свет на многие вопросы колониальной истории Японии и Кореи.

Автор в течение долгих лет исследовал эти материалы полиции, суда, прокуратуры, изданные в 20–40-е гг. в Сеуле на японском языке. Книги содержат большой фактический материала по рассматриваемому периоду. Их прикладные, чисто прагматические цели, детализированные до мелочей сведения лишь повышают ценность этих книг и брошюр. Исследуемые закрытые издания можно классифицировать как: а) комплексно-аналитические, исследовательские; б) оперативные; в) справочные; г) разные, главным образом обзорные.

К первой группе можно отнести книгу «Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время» («Сайкин-ни окэру тё:сэн дзиан дзё:кё:») (Сеул, 1939 г.). В ней затрагиваются вопросы национально-освободительного движения в Корее, содержатся сведения о его леворадикальном крыле, о лидерах патриотов, их организациях. В книге предприняты попытки периодизации и выяснения особенностей и тенденций развития антиколониальной борьбы. Приведен большой материал о методах ее подавления, о т. н. «идеологических преступлениях», сводки, таблицы, подробные данные о судебных процессах над их участниками.

Интересны материалы книги о корейских религиозных организациях. Отдельная глава в ней посвящена легальным, ненасильственным формам выступлений корейцев за национальную независимость. Раздел книги «Об общественном спокойствии» содержит информацию, указывающую на то, сколь тревожило японскую администрацию состояние умов корейцев, их недовольство политикой колониальных властей. Чрезвычайные меры борьбы с «опасными элементами», включающие не только репрессии, но и создание в колонии различных прояпонских организаций и разложение изнутри патриотических сил, наглядно отражены в книге.

Обширный материал содержится в «Вестниках идеологии» («Сисо: ихо:») (автор проанализировал доступные ему выпуски за 1934 г. № 12, 1936 г. № 6, 1937 г. № 11, 1938 г. № 14 и 16), которые можно отнести к группе оперативных материалов. В них приводятся отчеты прокуратуры Верховного суда касательно «особо важных идеологических преступлений» в Корее, сводки о судебных делах, об арестах членов подпольных групп, «красных» союзов рабочих, крестьян, интеллигенции, ставивших задачи достижения независимости страны. В «Вестнике идеологии» говорится и о настроениях корейцев, проживавших в Японии и Китае, об «опасно мыслящих корейцах», связанных с деятельностью газет, журналов, других средств массовой информации. Опубликованы там и обзорные статьи. В целом, «Состояние общественного спокойствия», являясь как бы комплексным изданием, касается преимущественно общих вопросов корейского национально-освободительного движения, в то время как «Вестники идеологии», предназначенные для оперативной информации, раскрывают механизм действия карательной системы.

Следует подчеркнуть ценность секретных справочных изданий: «Корейская полиция» («Тё:сэн кэйсацу»), Сеул, 1938 г., и «Словарь тайной полиции» («Ко:то: кэйсацу ё:годзитэн»), Сеул, 1935 г. В первой книге приводятся данные о числе и характере правонарушений, об арестах по всем провинциям Кореи за период 20–30-х гг., о боевых действиях корейских партизан. Книга выявляет структуру существовавшего в Корее военно-полицейского режима, системы надзора и сыска, обучения и финансирования аппарата подавления. Другое справочное издание, «Словарь тайной полиции», является своего рода пособием для службы тайного сыска. В нем приведены данные о наиболее крупных корейских патриотических организациях, дается краткая характеристика каждой из них. Интересен приводимый в «Словаре» понятийный аппарат; дается расшифровка таких терминов, как капитализм, классовая борьба, национализм, социал-демократия, национальная независимость. Тем самым из книги можно извлечь не только конкретную информацию, но и уяснить трактовку японскими спецслужбами проблем корейского национально-освободительного движения.

Отнесенные автором к группе обзорных, источники позволяют полнее раскрыть общую обстановку в стране. «Материалы комиссии по изучению чрезвычайных мер генерал-губернаторства» («Тё:сэн сотоку дзикёку тайсакай симонган санкосё») Сеул, 1938 г., куда входят издания: «Общественные учреждения и мероприятия»,

«Движение за возрождение корейской деревни» (под грифом «секретно»), «Внешняя торговля Кореи», «Промышленные ресурсы Кореи», «Справочник по бюджету генерал-губернаторства», «Мероприятия, связанные со спецификой Северной Кореи» (под грифом «сов. секретно») говорят о возросшей роли Кореи в военных планах Японии, о стремлении превратить ее в военно-стратегический плацдарм, а также о большом промышленном строительстве, которое там развернулось.

Важными представляются и публикации *«25 лет управления Кореей» («Сисэй нидзю:гонэнси»), Сеул, 1935 г., «30 лет управления Кореей» («Сисэй сандзю:нэнси»), Сеул, 1940 г., «Обстановка в Корее» («Тё:сэн дзидзё:»), Сеул, 1941 г., 1943 г.* Из этих книг можно почерпнуть сведения о ситуации в Корее и подлинном положении народных масс; о создании там инфраструктуры, о промышленном и железнодорожном строительстве, о развитии образования и культуры, что поможет преодолеть односторонность в общей оценке колониального периода.

Таким образом, служебные издания японской полиции, суда и прокуратуры представляют значительную ценность для исследования японской и корейской истории колониального периода. Во всех группах источников содержится ценная информация о деятельности колониальных властей, о формах и методах управления и контроля в Корее, об особенностях колониальной политики Японии в Азии в целом. Кроме того, исследуемые издания дают информацию о ситуации в самой Корее, о происходящих там социальных, культурных, экономических процессах. Своими материалами источники содействуют и переосмыслению, пересмотру некоторых трактовок прошлых лет, постановке новых проблем. В целом, характеризуя значение служебных изданий японского генерал-губернаторства в Корее, автор полагает, что с введением их в научный оборот вносится весомый вклад в пополнение источниковедческой базы исследований японской и корейской истории 1910–1945 гг.

Османов Е. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Сотрудничество между производителями анимэ и Силами самообороны Японии: основные задачи и тенденции.

В послевоенную эпоху в Японии было снято довольно большое количество фильмов в сотрудничестве с Оборонным ведомством (до 2007 г.) или Министерством обороны (с 2007 г.) и тремя подразделениями Сил самообороны Японии. Данная продукция, помимо попыток реабилитировать военные структуры Японии за преступления, совершенные в годы Второй мировой войны, преследовала и продолжает преследовать цель формирования в японском обществе положительного образа Сил самообороны, повышения привлекательности военной службы

и увеличение числа желающих поступить на службу в хронически испытывающие кадровый дефицит военные структуры Японии.

Как справедливо отмечает заведующая кафедрой японской культурологии имени Коити Такасима Калифорнийского университета в Санта-Барбаре Сабин Фрюстюк, написавшая монографию, анализирующую взаимовлияние массовой культуры и Сил самообороны: «Тенденция развития все более тесных отношений между Силами самообороны и массовой культурой, безусловно, представляет собой особую форму милитаризации, но эта милитаризация стремится представить вооруженные силы не как инструмент ведения боевых действий, а как некую социальную группу, оказывающую помощь населению в различных ситуациях и в первую очередь при природных или техногенных катастрофах»¹.

Рассмотрение связей Сил самообороны с киноиндустрией сравнительно редко становится предметом исследований. На сегодняшний день нет ни одного научного исследования, посвященного сотрудничеству Сил самообороны Японии с видеопродукцией, выходящей за рамки традиционного кино, в числе которых аниме-сериалы и оригинальная видеоанимация (OVA).

В России интерес к данной теме ограничивается публикациями блогеров и небольшими комментариями экспертов. В Японии единственным автором, который непосредственно рассматривает сотрудничество между кинопродюсерами и Силами самообороны, является Норико Судо, профессор университета искусств префектуры Айти, занимающаяся исследованиями в области культурной политики и медийного контента². К сожалению, автор рассматривает исключительно художественное кино, практически не затрагивая анимэ, но тем не менее указанные работы дают хороший анализ общих тенденций, связанных с участием Сил самообороны в съемках.

В качестве примера привлечения японских военных к съемкам фильмов можно назвать сотрудничество Сил самообороны в подготовке жанра фантастических фильмов, в числе которых можно назвать «Спецназ против самураев. Миссия 1549»

¹ Frühstück, S. *Uneasy Warriors: Gender, Memory, and Popular Culture in the Japanese Army*. Berkeley: University of California Press, 2007. P. 148.

² Основные работы данного автора: Судо: Норико. «Бунка сэйсаку» то ситэ но дзэйтай кё:рёку эйга: 1990 нэндай ико: но сакухингун ни миру гэндай насэнаридзуму (Фильмы, созданные в сотрудничестве с Силами самообороны как «культурная политика»: отражение современного национализма в фильмах с 1990 годов) // Контэнцука суру хигаси Адзия: тайсю: бунка/медиа/идентити. (Контент Восточной Азии: массовая культура/медиа/идентичность). Токио: Сэйкю:ся, 2012. P. 47–75.

³ 藤 遙子. 「文化政策」としての自衛隊協力映画——一九九〇年代以降の作品群にみる現代ナショナリズム // コンテンツ化する東アジア: 大衆文化、メディア、アイデンティティ. 東京, 青弓社, 2012.

Судо: Норико. Дзэйтай кё:рёку эйга: «Кё: мо варэ о:дзора ни ари» кара «Мэйтантэй Конан» мадэ (Фильмы, созданные в сотрудничестве с Силами самообороны: от «Сегодня мы все еще в небе» до «Детектив Конан»). Токио: Ооцуки Сётэн, 2013.

⁴ 藤 遙子. 自衛隊協力映画 『今日もわれ大空にあり』から『名探偵コナン』まで. 東京大月書店, 2013.

(戦国自衛隊1549) историей о перемещении во времени, в которой подразделения Сил самообороны путешествуют во времена периода сражающихся провинций¹, и «Годзилла против Биоланта» (ゴジラ vs ビオランテ) 1989 г., в сюжете которого Силы самообороны разработали новое оружие «Супер Икс-2», с помощью которого они должны уничтожить монстров Биоланта и Годзиллу. Также представители Сил самообороны оказывали помощь в подготовке исторического фильма «Атака на Перл-Харбор» («Командующий объединенным флотом Исороку Ямамото») (聯合艦隊司令長官 山本五十六) 2011 г. посвященного организатору нападения на американскую военно-морскую базу Ямамото Исороку. Сюжет фильма рассказывает об истории вступления Японии во Вторую мировую войну и боях вплоть до 1943 года. Главный герой — адмирал Исороку Ямамото, который до последнего момента полагал, что войны с США можно избежать, а возникшие противоречия удастся уладить путем дипломатических переговоров. Несмотря на все усилия, Ямамото получает план нападения на Перл-Харбор, который он должен выполнить.

Основная причина, по которой продюсеры фильмов со спецэффектами обращаются за помощью к Силам самообороны, заключается в создании реалистичных и захватывающих изображений на экране, часто с использованием реальных танков, линкоров, боевых планов и личного состава вооруженных сил.

Две основные цели данного доклада заключаются в следующем: во-первых, будут представлены примеры сотрудничества между производителями анимэ и Сил самообороны. В последние годы это сотрудничество становится все более популярным и часто освещается в средствах массовой информации. Во-вторых, будут рассмотрены причины, по которым в последние годы Силы самообороны активно сотрудничают с производством контента поп-культуры в области фэнтези и художественной литературы с фанатами анимэ.

Рогов Е. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Портретные изображения на японских банкнотах (1872–2024)

История японской иены насчитывает полтора века, а ее появление стало одной из первых реформ эпохи Мэйдзи. За всю историю иены на банкнотах были изображены шестьдесят девять человеческих фигур — среди них как реальные, так и полупоупендарные исторические персонажи. В это же число входят собирательные

¹ Период Сэнгоку дзидай (戦国時代) — период в японской истории со второй половины XV до начала XVII века. Началом периода считается утрата династией Асикага контроля над страной, что привело к децентрализации государственной власти («смута годов Онин» в 1467–1477 годах), а завершением — установление власти дома Токугава (1603).

образы (матросов, рабочих, крестьян), и антропоморфные изображения божеств, которые можно было встретить на ранних японских банкнотах эпохи Мэйдзи.

Автором дизайна первых банкнот стал итальянский гравёр и художник Эдоардо Кьосоне (1833–1898). Его авторству также принадлежит портрет императора Мэйдзи. Примечательно, что ни Муцухито, ни кто-либо из его наследников на японских деньгах не изображался.

На первом выпуске иенowych банкнот, подготовленных в Германии в 1872 году, портретные изображения отсутствовали. Первые портреты появляются на иенowych банкнотах 1873 года выпуска, напечатанных в США. Среди изображений людей на этих банкнотах встречаются как собирательные образы, так и реальные и полумифические исторические деятели, а также антропоморфные изображения синтоистских божеств.

В первой половине XX века, до конца существования Японской империи, на иенowych банкнотах преобладали портреты исторических деятелей древности, которые, согласно официальной японской историографии того времени, стояли у истоков японской государственности. Среди них: Сугавара-но Митидзанэ (845–903), государственный деятель и поэт эпохи Хэйан, Фудзивара-но Каматару (614–669), основатель рода Фудзивара, Вакэ-но Киёмаро (733–799), японский вельможа эпохи Нара, и другие. Реальное существование некоторых из этих исторических личностей современными историками либо отвергается, либо подвергается сомнению (например, Такэути Сукунэ, легендарный государственный деятель I века, или Дзингу, государыня III века, с чьим именем связывают первый японский поход на Корею).

После поражения Японии во Второй мировой войне иконография японской иены претерпела значительные изменения. Новые банкноты должны были отражать демократизацию и либерализацию Японии. Разработка дизайна новых купюр контролировалась американскими оккупационными властями. Известно, что американская администрация заблокировала предложение поместить на японские банкноты изображение Будды, поскольку это противоречило бы новой японской конституции, принятой в 1947 году, согласно которой религия была отделена от государства¹.

Выбор исторических личностей, помещённых на послевоенные японские банкноты, повторял принцип американского доллара — на них были размещены портреты японских политиков и финансистов, известных своими демократическими убеждениями и приверженностью модернизации и реформам. Так, 500 иен 1951 года украсил портрет Ивакура Томоми (1825–1883), вместо синтоистских храмов на купюрах появились изображения Банка Японии и парламента.

Портрет Сётоку Тайси, легендарного регента VI–VII веков при императрице Суико, изображался на японских иенах с 1930 года; он стал единственным историческим персонажем, сохранившим место на японских банкнотах после

¹ Hymans J. E. C. International Patterns in National Identity Content: The Case of Japanese Banknote Iconography // *Journal of East Asian Studies*. 2005. 5(2). P. 315–346.

войны. Банкноты с его портретом выпускались более полувека, до 1984, а имя Сётоку Тайси в массовой японской культуре стало ассоциироваться с деньгами вообще.

В начале 1980-х годов правительство Японии инициировало разработку банкнот с новым дизайном, который должен был соответствовать иконографическим нормам развитых стран и отражать стремление Японии к открытости и интернационализации. Для этого была создана специальная комиссия при Министерстве финансов, изучавшая банкноты Европы и Австралии. Комиссия также анализировала банкноты США, но на этот раз их дизайн сочли «слишком однообразным и слабо защищенным от подделки»¹. В итоге комиссия рекомендовала изменить размер банкнот, чтобы он больше соответствовал мировым стандартам, расширить цветовую гамму и, главное, изменить принцип подбора личностей, которые помещают на банкноты, сместив фокус с политиков на деятелей культуры, науки и просвещения.

В результате, в 1984 году были выпущены новые банкноты с портретами отца современной японской литературы, писателя Нацумэ Сосэки (1867–1916), основателя Токийского женского университета Нитобэ Инадзо (1862–1933), и японского просветителя и основателя университета Кэйо Фукудзава Юкити (1835–1901).

В 2000 году была выпущена банкнота номиналом 2000 иен. Хотя центральной темой ее оформления стало изображение ворот Сюрэймон на острове Окинава, на ней присутствует портрет Мурасаки Сикибу, японской писательницы эпохи Хэйан, автора романа «Повесть о Гэндзи». В 2004 году был обновлен основной номинальный ряд японских банкнот. Их дизайн продолжил принцип, установленный предыдущим выпуском. На купюре в тысячу иен изобразили микробиолога Хидео Ногуты (1876–1928), на пятитысячной — японской писательницы Хигуты Итиё (1872–1896). Появление женщины на банкноте впервые со времен эпохи Мэйдзи стало важным для консервативной Японии жестом признания женских прав. Фукудзава Юкити сохранил свое место на новой купюре в десять тысяч иен.

В 2024 году Банк Японии выпустил новую серию японских банкнот. Она продолжает традицию изображать на банкнотах деятелей науки, искусства и просвещения, заданную предыдущими выпусками. На купюрах поместили портреты микробиолога Китасато Сибасабура (1853–1931), просветительницы Цуды Умэко (1864–1929) и финансиста Сибусава Эити (1840–1931).

Портреты на банкнотах — ключевой элемент их дизайна. Анализ выбора персонажей, помещенных на японских банкнотах, дает более полное представление об эпохе, в которую они были выпущены, об идеологических установках Японского государства, а также об эволюции ценностных и эстетических установок японского общества.

¹ Hymans J. E. C. International Patterns in National Identity Content: The Case of Japanese Banknote Iconography // *Journal of East Asian Studies*. 2005. 5(2). P. 315–346.

Аими Сако (Университет Буккё, Япония)

Характеристика японского общества через призму кадровой системы периода Хэйан

Известно, что древнее общество Японии возникло благодаря привнесению многих культурных ценностей из Китая, в том числе системы *Рицурё*. Однако считается, что уникальная культура Японии возникла в результате подражания китайской культуре начиная с X века, в период *Хэйан*. В частности, можно упомянуть изобретение письменности *Кана* и развитие династической литературы, примером которой является «Повесть о Гэндзи» («*Гэндзи моногатари*»). По этим причинам период *Хэйан* привлекает внимание как источник японской культуры, который актуален и сегодня.

Действительно ли влияние периода *Хэйан* ограничивается культурными аспектами? Влияние аристократического общества периода *Хэйан* могло оказать значительное воздействие на современное японское общество и японский народ в различных аспектах, включая политику, кадровую систему, человеческие отношения и образ мышления людей. В данном докладе я хотел бы рассмотреть особенности кадровой системы хэйанских аристократов. Однако сначала я хотел бы привести интересную историю, позволяющую лучше понять особенности хэйанской аристократии.

В «*Кодзидан 古事談*» рассказывается о двух внуках *Фудзивара-но Митинага 藤原道長*, которые «сожгли свои повозки» из-за давней вражды за назначение и должность. Таким образом, продолжая традиции эпохи Хэйан, они, очевидно, стремились к продвижению по службе и росту своего статуса внутри своего клана.

Статус дворян и бюрократов (чиновников) в период Хэйан в основном обозначался их официальными должностями *Кансёку 官職* и рангами *Икай 位階*. *Кансёку* означает должность, например, министра, а *Икай* — ранг. Ранг указывает на расстояние от императора во время церемоний; в системе *Рицурё* было 30 рангов. Существовало значительное различие между привилегированными классами — дворянами пятого ранга и выше, которые пользовались различными привилегиями, и низшими классами, и это различие усилилось в период *Хэйан*. Высший ранг дворянства, который непосредственно контролировал политику, назывался *Кугё 公卿*. Кроме того, появились и статусные обозначения, основанные на иных принципах, нежели официальный ранг. Например, статус *Тэндзёбито 殿上人* основывался на личных отношениях с императором (отношения хозяина и слуги).

Как же аристократы того времени поднимались по карьерной лестнице? Согласно «*Кансёку хишо 官職秘抄*» (книга, составленная в начале XIII века), наследственное преемство и семейный ранг играли важную роль в продвижении по службе, что свидетельствует о существовании известных путей к успеху в дворянском сословии.

Первоначально бюрократы в государстве *Рицурё* получали повышение по службе в зависимости от количества рабочих дней в году и служебного рейтинга. Однако дворяне пятого ранга и выше были полностью отделены от служебной аттестации, и в середине периода *Хэйан* были установлены различные методы продвижения, которые благоприятствовали дворянам в соответствии с патрилинейным статусом выше ранга *Они* 蔭位 в системе Рицурё. В данном докладе будут рассмотрены два примера таких методов. Мой анализ основан на описаниях в «*Мидо Канпаку ки*», «*Сёюки*» и официальных дополнительных назначениях («*Кугё Бунин*»).

Выводы можно сделать следующие. В целом, система *Нэнро* 年勞 представляла собой метод продвижения по службе, основанный на системе старшинства, и в то же время она способствовала своего рода равенству (поддержанию порядка в группе) и гарантировала механическое продвижение в рамках ограниченной группы аристократической иерархии. С другой стороны, система *Нэнкю* 年給 была кадровой системой, которая зависела от личных отношений с властью имущими (родственные связи, родственные отношения, отношения хозяин-слуга и т. д.), и особенно в случае с *цурё* 受領, имеющими большие экономические преимущества, их связи с властью имущими в значительной степени отражались на кадровых решениях.

Кадровая система аристократического общества периода *Хэйан* увеличивала разрыв в статусе между теми, кто был молод и получил титул *Кугё* 公卿, и остальным населением. Эта тенденция усиливалась в поколениях детей и внуков, поскольку статус и ранг передавались по наследству. В конце концов в Средневековые семейные ранги *кага* 家格 стали фиксированными и наследственными, а круговая структура личных связей, *сонтаку* 村度 (угадывать, что думает хозяин) и интересов становилась все более заметной в обществе с малой текучестью. Таким образом, я полагаю, что не только культура, но и кадровая система периода *Хэйан* оказала влияние на последующие поколения и на сегодняшний день.

Сеитов Р. М. (ЛабВВИОГИ, НГУ, Новосибирск)

Саморепрезентация японских небуддийских организаций в официальных Интернет-ресурсах¹

В начале XX в. в Японии было образовано несколько крупных неорелигиозных организаций, основанных на учении школы Нитирэн. К ним можно отнести Сока гаккай, Рэйюкай и Риссё косэйкай. Эти организации начинали свою деятельность

¹ Исследование проведено в рамках реализации государственного задания Минобрнауки №FSUS-2024-0028 «Аксиологический потенциал буддизма в контексте международных отношений России со странами Восточной Азии: история и современность».

как небольшие религиозные общества, сплоченные вокруг харизматических лидеров, заявлявших о своих сверхъестественных способностях, например, умении общаться с духами или излечивать болезни. После Второй мировой войны происходит значительный рост количества последователей организаций, усиление их политического влияния и распространение за рубеж. Вместе с тем изменяется и образ самих организаций и их лидеров, который они транслируют для широкого круга общественности, в том числе и зарубежной.

Сегодня все три неорелигиозных общества представляют собой крупные организации, задействованные в политической системе страны и имеющие представительства в различных международных межрелигиозных, миротворческих и иных организациях. Кроме того, их лидеры поддерживают контакты на высшем уровне с политическими, общественными и религиозными деятелями других стран. В своей репрезентации они отошли от образа религиозных культов, сплоченных вокруг медиумов и врачей, а вместо этого стали продвигать образ светских обществ, объединенных идеями равенства, взаимопомощи и мира. В различных официальных ресурсах лидеры этих организаций представлены как мыслители, миротворцы, публицисты, просветители.

На сайтах всех трех организаций есть раздел «наша история», где история становления и развития обществ подана в их собственной интерпретации. Часто в ней не показаны конфликты с другими религиозными организациями и школами, или же их описание смягчено и интерпретировано на пользу общества. Так, например, в официальной истории Сока гаккай разрыв с буддийской школой Нитирэн-сёсю показан как «получение независимости от авторитарного и традиционалистского духовенства»¹. Также зачастую история общества делится на периоды, связанные с теми или иными событиями. Например, в официальной истории Риссё Косэйкай выделяются «эпоха проявления истины», «эпоха безграничного проявления сострадания» и т. д.²

Из официальных ресурсов небуддийских обществ также можно узнать их видение буддийской философии и отношение к другим религиям и учениям, их взгляд на те или иные мировые события. Наибольшее внимание уделяется фигурам основателей и лидеров этих обществ: различные публикации зачастую открываются сообщениями лидеров или выдержками из трудов основателей, также им посвящены отдельные страницы и сайты.

Организации по-разному представлены в Интернет-пространстве. Наиболее последовательно продвигает свои взгляды и конструирует свой образ общество Сока гаккай — крупнейшая и наиболее влиятельная из трех. Она единственная имеет русскоязычный сайт³, хотя видимую активность в России или странах СНГ не проявляет. Кроме того, доступны англоязычный сайт с подробной информа-

¹ History of the Soka Gakkai. Soka Gakkai international website. URL: <https://www.sokaglobal.org/about-the-soka-gakkai/our-history.html> (дата обращения: 14.01.2025).

² History. Rissho Kosei-kai international website. URL: <https://rk-world.org/history/> (дата обращения: 13.01.2025).

³ Сока гаккай интернешнл. URL: <https://www.sgi.org/ru/> (дата обращения: 13.01.2025).

цией, а также отдельные сайты, посвященные трем президентам-основателям. При этом сайт, посвященный наиболее влиятельному президенту Икэда Дайсаку, регулярно обновляется даже спустя более чем год после его смерти¹.

Таким образом, можно заметить, что саморепрезентация необуддийских организаций очищена от фактов и событий, которые могли бы скомпрометировать их политическую и международную деятельность.

Серебрякова С. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Луна над ссылкой»: плен глазами японского пленного Русско-японской войны (1904–1905 гг.)

Русско-японская война (1904–1905 гг.) является важнейшим событием в истории двусторонних отношениях наших стран. Несмотря на тяготы войны, отношение к военнопленным обеих сторон является примером гуманизма и сострадания к противнику.

Японоязычных источников, раскрывающих жизнь японских военнопленных в России, немного, что делает их перевод на русский язык и исследование особенно ценными. В статье будет представлен анализ фотографий японского военнопленного фотографа, которые были опубликованы в формате альбома под названием «Луна над ссылкой»² в июле 1907 года в Японии. Упомянутые в работе фотографии взяты с официального сайта электронной библиотеки японского парламента. Отметим, что в России фотографии уже были представлены широкой аудитории на выставке 2018 года «Бамбук и береза. Военнопленные Русско-японской войны 1904–1905 гг.»³, однако отечественных научных работ, посвященных их анализу, найти не удалось.

Одно из немногих упоминаний об альбоме в русских исследованиях встречается в работе Д. В. Стрельцова, посвященной жизни японцев в лагере в селе Медведь, где автор уточняет, что этот фотоальбом автора Ито Кюкитиро, а также подобные материалы в целом введены в японский научный оборот, однако не введены в русский⁴. Действительно, в японской исторической науке исследователи касались

¹ Daisaku Ikeda official website. URL: <https://www.daisakuikeda.org/> (дата обращения: 15.01.2025).

² Хайсё-но цуки. (Луна над ссылкой). 配所廼月 103 卷. // Кокурицу коккай тосёкан дэдзитару корэкусён (Электронная коллекция библиотеки Национального Парламента Японии) 国立国会図書館デジタルコレクション. URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/904062/1/1> (accessed: 11.01.2025).

³ Фотовыставка «Бамбук и береза. Военнопленные Русско-японской войны 1904–1905 гг.» URL: <http://ftp.museum.ru/N71017> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴ Стрельцов Д. В. Японские военнопленные русско-японской войны в Аракчевских казармах Новгородской губернии // *Ежегодник Японии*. 2022. С. 126–127. URL: <https://www.yearbookjapan.ru/jour/article/view/365/348> (дата обращения: 10.01.2025).

этой темы. В своей монографии Фукиура Тадамаса уделяет часть книги этому источнику¹. Таким образом, настоящая статья открывает малоизвестную страницу для отечественной науки в истории плена Русско-японской войны.

Несмотря на то, на обложке альбома не указано имя Ито Кюкитиро (伊藤九吉郎, яп. *Ито: Кюкитиро:*) считается, что снимки были сделаны именно им: высокое качество фотографий говорит о том, что их делал профессионал. Отечественная пресса писала о том, что Ито исполнял обязанности фотографа при штабе армии Куроки и был взят в плен 13 августа (26 августа по новому стилю) 1904 года².

Альбом представляет собой книгу небольшого формата. За время плена было сделано несколько сотен снимков, 86 из которых были отобраны для альбома³. Порядок фотографий можно назвать хронологическим. Во введении к альбому представляется общая информация о том, что пленных разместили в селе Медведь Новгородской губернии. У каждой фотографии есть название и часто небольшое пояснение, которые выделены отдельно от фотографий и занимают несколько страниц в начале альбома. На первой странице после перечня названий идет карта лагеря, на которой отмечены основные места.

Часть фотографий охватывает жизнь пленных в Медведе. Фото № 2–6 и № 8–11 демонстрируют здания, где размещались японские офицеры, нижние чины и русский полк. На них мы видим прочные строения из кирпича. Часть фото показывают различные стороны жизни: лечение пленных (№ 12–14), их досуг: № 16 — большая площадка для занятий спортом, № 18 — аллея для прогулок. На фото № 43–44 показаны спортивные игры японских офицеров; на снимке № 45 изображены пленные, катающиеся на коньках. Изображение № 42 показывает, что для пленных-инвалидов силами других японцев было устроено представление «для утешения», что говорит о большой свободе в выборе досуга пленных.

Отдельно выделим фото № 35–37, изображающие похоронный обряд умерших пленных. Обряд проходил, насколько это было возможно, по японским буддийским традициям. В пояснениях отмечается, что организация и создание необходимых для этого предметов были результатом труда самих пленных.

На фото № 38 запечатлен визит американского вице-консула Томаса Смита в лагерь. Само существование этой фотографии доказывает, что у военнопленных было достаточно много прав, так как они были допущены до фотографирования важных гостей. Интересно также фото № 39. На нем изображены японские медики, китайцы и корейцы. Подпись к фото гласит, что это люди, которых должны были освободить из плена. Японская сторона неоднократно призывала освободить медперсонал, ссылаясь на положения Женевской конвенции 1864 года.

¹ Фукиура Тадамаса хорётати-но нитиросэнсо: (Военнопленные и их Русско-японская война). Издательство NHK, 2005. 吹浦 忠正捕虜たちの日露戦争 日本放送出版協会 2005. С. 79–92.

² *Русский Инвалид*. 1904. № 205. С. 2.

³ Фукиура. Указ. соч. С. 79.

Фотографии № 46–53 показывают общие планы села и близлежащих поселений. Отметим кадры № 54–58, на которых изображены русские люди — офицеры и их семьи и крестьяне, жившие неподалеку. Эти кадры свидетельствуют о доброжелательном отношении русских военных и местного населения к японцам.

На фото № 61–66 фотограф запечатлел пейзажи дороги, по которой пленных везли к западной границе империи, чтобы передать японцев Германии, откуда, согласно послевоенным договоренностям, их доставили в Японию. На последних 20 фотографиях изображен этот путь. Показаны: Берлин, Гамбург (№ 67–68), Суэцкий канал (№ 77–80), остановка в Коломбо (№ 83–85) и прибытие в Кобэ (№ 86).

Таким образом, альбом является ценнейшим источником по теме пленных во время Русско-японской войны, так как позволяет взглянуть на него глазами военнопленного. Некоторые фотографии имеют особую ценность, так как интересны своим существованием, а не только сюжетом. Альбом дает более глубокое понимание темы жизни японских военнопленных в Российской империи.

Синицын А. Ю. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Более полувека истории экспозиции зала «Япония» МАЭ РАН: в ожидании переосмысления и реновации

Ныне действующая экспозиция зала «Япония» МАЭ РАН, находящаяся на первом этаже западного крыла исторического здания Кунсткамеры, была открыта в 1969 г. Ретроспективно ей предшествовали еще две экспозиции, размещавшиеся на втором этаже здания Этнографического музея в Таможенном переулке.

Первая из них была создана в конце XIX — начале XX в. стараниями директора МАЭ В. В. Радлова и этнографа Б. Ф. Адлера. Вторая японская экспозиция открылась в 1920-х гг., в начале Советской эпохи и отражала марксистские концепции народоведения и новые геополитические реалии. В ее создании принимали участие сотрудники МАЭ Л. Я. Шетернберг, Г. О. Монзеллер и А. Е. Глускина. В начале Великой Отечественной войны в связи с угрозой физического уничтожения эта экспозиция вместе с другими экспозициями МАЭ была демонтирована, а предметы убраны в хранилища.

Возможность вновь открыть постоянную экспозицию у музея появилась лишь в конце 1960-х гг. Создателями этой, ныне действующей экспозиции, были Г. А. Гловацкий и Р. А. Ксенофонтова. Эта экспозиция создавалась как своеобразный компромисс между необходимостью соответствия господствовавшей в советской этнографической науке теории культурно-хозяйственных типов,

с одной стороны, с другой стороны — намерением создателей по возможности максимально отразить своеобразие и богатство японской культуры. В результате этого компромиссного подхода одна часть экспозиции была посвящена важнейшим способам традиционной хозяйственной деятельности японцев (рисоводство, рыболовство, шелководство, чаеводство), основным традиционным ремеслам (лаковые промыслы, гончарство, ткачество, плетение); традиционному японскому костюму, жилищу и кухне. Другая часть экспозиции отражала некоторые аспекты японских народных искусств, включая театры Кагура, Но и Кабуки (в т. ч. макеты театральной сцены, театральные костюмы, аксессуары и музыкальные инструменты), чайное действо, искусство энцкэ и окимоно. Отдельные витрины были посвящены традиционным японским религиям (буддизм и синто), традициям японского военного сословия и культуре народа айну, традиционным праздникам.

Экспозиция была примечательна еще и тем, что опиралась на весьма широкие возможности японского собрания МАЭ, а также на целый корпус уникальных манекенов ручной работы, создававшихся с начала XX в. и весьма точно и экспрессивно отражавших специфику японского антропологического типа. Для своего времени эта экспозиция была вполне адекватна и вполне востребована, ибо выполняла задачу научного просвещения советского народа, носила просветительский характер и была ориентирована на школьников и на самые широкие слои трудящихся, не имевших, как правило, другой возможности ознакомиться с культурой Страны восходящего солнца.

Тем не менее в настоящее время остро стоит вопрос о необходимости ее реконструкции в связи с целым рядом накопившихся проблем. Так, фактически все экспонаты и манекены нуждаются в длительных реставрационно-консервационных работах; витрины и экспозиционные шкафы технически и технологически устарели, да и самому залу нужен ремонт. Кроме того, экспозиция нуждается не только в новых, современных технологических решениях, но и прежде всего в новом концептуальном переосмыслении с учетом колоссальных изменений, имевших место как в сознании, запросах и ожиданиях современных посетителей музея на фоне значительной диверсификации их культурологической подготовки, так и в культуре самой Японии.

Кроме того, существующая экспозиция, при всех ее достоинствах, имела и ряд «проблемных аспектов». Один из них — это почти полное отсутствие какой-либо информации как о собирателях японских коллекций МАЭ, так и истории их собирания, что само по себе является весьма важной и очень увлекательной темой. Другая проблема — весьма слабое акцентирование представленных на экспозиции шедевров японского искусства и исторически значимых предметов, которых среди экспонируемых предметов немало.

В настоящее время идут дискуссии о будущем японской экспозиции, сроках демонтажа ныне действующей, времени и месте создания новой, о ее новых принципах и акцентах. Однако в любом случае реновация обязательно будет строиться на весьма впечатляющем экспозиционном потенциале японского собрания МАЭ

и отражать основополагающие принципы этнографического музея — историзм и строгую ориентацию на феномены традиционной народной культуры в ее разнообразии и этнической уникальности.

Торопыгина М. В. (ИВ РАН, Москва)

Обзор источников по истории издательского дела в Японии периода Токугава

История японского книгопечатания периода Токугава — малоисследованная тема в российском японоведении. Единственная монография — книга «Японское искусство книги (VII–XIX века)» Е. В. Завадской — вышла в издательстве «Книга» в 1986 году, то есть почти сорок лет назад, и концентрируется в первую очередь на книжной иллюстрации. Появляющиеся в последнее время отдельные статьи пока не дают сколько-то полной картины. Между тем в Японии книга периода Токугава изучена очень подробно, а в последнее время появилось много новых исследований. Интерес широкой публики к этому вопросу подогреет готовящейся к показу в 2025 году телевизионной исторической драмы, главным героем которой является издатель из Эдо Цутая Дзюдзабуро (1750–1797). Современный этап активных англоязычных исследований начинается в 90-х годах прошлого века с выхода в свет книги английского японоведа Питера Корницкого *The Book in Japan. A Cultural History from the Beginning to the Nineteenth Century*. За прошедшие с этого времени годы вышел целый ряд значимых исследований.

В определенной степени интерес к книге периода Токугава как объекту исследования связан с тем, что книги этого времени стали доступны исследователям благодаря оцифровкам. Парламентская библиотека, университет Васэда, Институт изучения японской литературы и другие японские научные учреждения, как и целый ряд институций в Европе и Америке, обеспечивают свободный доступ ко множеству старых книг.

Настоящее сообщение представляет собой обзор источников по истории издательского дела в период Токугава. Круг этих источников достаточно широк и разнообразен. К таким источникам можно отнести: каталоги выпущенных книг (в том числе каталоги, печатавшиеся в самих книгах); записи издательских гильдий; указы центральной и местной властей, касающиеся книгоиздания; литературные произведения об издании книг; гравюры со связанными с книгой изображениями; записи современников.

Начало коммерческого книгопечатания в Японии относится к 20–30-м годам XVII века. Первооткрывателями многих начинаний в области выпуска и продажи книг являются в это время издатели из Киото. Многие практики, выработанные ими, позже распространяются на другие города (прежде всего Осака и Киото), где

активно развивается книгоиздание. Растущее количество издаваемых книг ведет за собой необходимость в выпуске каталогов. Первые сводные каталоги относятся к 60-м годам XVII века, позже они печатаются постоянно.

Кроме сводных каталогов, источником для изучения деятельности издательств являются рекламные списки выпущенных или готовящихся к печати книг, которые помещаются в конце выпущенных книг, после колофона.

Развитие издательского дела повлекло за собой самоорганизацию книжных торговцев/издателей в гильдии *накама*, которые позже были признаны властями и стали официальными организациями. Именно гильдии были основными регуляторами издательской деятельности в период Токугава. На каждое новое издание издатель должен был получить разрешение от гильдии. Эта практика отражается в записях гильдий, представляющих собой каталоги готовых к выпуску книг.

Работа с каталогами отвечает на множество вопросов, связанных с историей книгопечатания. Материал каталогов дает возможность обсуждения книжного репертуара и приблизительного подсчета соотношения книг в разных категориях. По каталогам можно судить о деятельности отдельных издательств. При работе с данными источниками, однако, необходимо принять во внимание, что не все категории книг включались в каталоги.

Издательское право, существовавшее в период Токугава, возникло из практической деятельности издательств. В самом начале XVII в Японии книги выпускались посредством подвижных литер. В самом конце XVI века типография была привезена из Кореи, и почти одновременно с этим миссия иезуитов также стала выпускать книги. Однако вскоре христианство было запрещено, так что печатни миссии прекратили работу, не успев оказать сколько-то значимого влияния на местное книгопечатание, а выпуск книг с литер стал замещаться ксилографической печатью. Ксилографическая печать — это печать с досок, на которых вырезан текст и/или иллюстрации. Эти доски (*ханги*) и стали предметом, на котором основывалось право дальнейшего издания данной книги. Право было бессрочным. Записи о том, кто владеет досками на данное издание, также велись гильдиями. Доски были предметом купли-продажи. В случае перехода права на издание к другому владельцу это также отмечалось в записях.

Важной функцией гильдий была самоцензура. Через гильдии бакуфу осуществляло контроль над деятельностью издательств. Указы бакуфу, касающиеся книгоиздания, неоднократно выпускались в период Токугава.

Книги, чтение, книгоиздание — все это черты повседневной жизни эпохи Токугава. Вполне естественно, что они находили отражение в литературе и изобразительном искусстве. Авторы популярной литературы *гэсаку* нередко рассказывают об этой деятельности, о которой они были хорошо осведомлены. «Хрестоматийными» произведениями, значительно расширяющими сведения, полученные из других источников, являются такие произведения жанра *кибёси*, как «Кинкин

сэнсэй дзока юмэ» («Второй сон Кинкин-сэнсэй») Санто Кёдэн (1761–1816) и «Атариясита дзихон доя» («Точно в цель! Местный оптовый торговец книгами») Дзиппэнся Икку (1765–1831).

Федянина В. А. (МГПУ, Москва)

«Песни радости» (*хо:раку*) в творчестве Дзиэна

В исследовании анализируется место буддийской поэзии жанра *хо:раку* в поэтическом творчестве монаха Дзиэна (1155–1225), историка и известного поэта.

Дзиэна происходил из рода Фудзивара, рода регентов и канцлеров при государях Японии. Происхождение Дзиэна и его назначение на высшие буддийские должности повлияло на характер его поэтического творчества.

Источником данного исследования стало поэтическое наследие Дзиэна последних лет его жизни, когда стихотворения на японском языке, *вака*, служили средством выражения системы ценностей автора. В этот период Дзиэна создал восемь циклов стихотворений *хо:раку* (*хо:раку хякусю*, «Сто строф *хо:раку*), которые стали подношениями в святилища и один — в буддийский храм.

Основное значение слова *хо:раку* (法楽) — радость и удовлетворение от праведной жизни, от следования Закону Будды. Эта духовная радость противопоставлена радости и удовлетворению от осуществления пяти мирских удовольствий (желаний), возникающие от пяти органов чувств. В Японии ок. IX в. название *хо:раку* получили специально созданные тексты, поизносившиеся при буддийском ритуале подношения предметов (сутр, статуи и т. д.) почитаемым. Постепенно такие ритуалы стали сопровождаться декламацией поэзии *вака*, которая с XII в. стала подноситься также японским божествам¹.

Со временем словом *хо:раку* начали обозначать также подношения буддам и божествам в виде музыки, песен, чтения сутр и т. д. Это слияние поэзии и ритуальной практики обуславливалось развитием доктрин японского буддизма (школы Тэндай и Сингон) и новым пониманием *мантры/дхарани* в японском эзотерическом буддизме. Согласно «теории *дхарани*» семантический переизбыток формы *вака* позволял поэзии выражать истину, демонстрировать всеобъемлющее осознание и понимание мироустройства. В XIII в. японская «теория *дхарани*» предполагала, что японские стихотворения выявляют основополагающие принципы мироздания (*котовари*, также «истинные основы»), поэтому ведут к просветлению и достижению нирваны. Именно такое понимание *вака* определило поэтическое творчество Дзиэна.

¹ Федянина В. А., К. В. Болотская Буддийская традиция и японская поэзия сквозь призму «песен радости» (на материале цикла «Сто строф о временах года» Дзиэна) // *Философский журнал*. 2023. Т. 16. № 4. С. 57–59.

Принципы буддийской метафизики и понимание поэзии в терминах буддийского учения отражены в циклах *хо:раку* у Дзиэна. Особое значение он придает изложению буддийского учения на японском языке. Дзиэн понимал, что «язык не просто культурное наследие, но и ключ к пониманию... культурных изменений»¹ в своей стране. Дзиэн полагал, что японский язык обладает силой и возможностью выразить истины, переданные санскритом и китайским языком.

Циклы «Хатиман хякусю» («Сто строф [божеству] Хатиман» для святилища Хатимана в Ивасмидзу, ок. 1219) и «Касуга хякусю со:» («Наброски ста строф [божеству] Касуга», ок. 1218) излагают некоторые положения буддизма в поэтической форме. В предисловии к «Хатиман хякусю» Дзиэн указывает, что хочет переложить текст сутр на японский язык² (сутры в Японии не переводились и бытовали на китайском языке). В послесловии к «Касуга хякусю со:» поэт пишет, что слагает *вака* об абсолютной (真諦) и мирской истинах (俗諦) и на другие буддийские темы, чтобы поднести их божествам из Касуга, способствующим распространению Закона Будды в стране³.

В «Касуга хякусю со:» Дзиэн использует не цитаты, а теоретические положения буддизма и поясняет их в строфах японской поэзии. Уже сама структура *Касуга хякусю со:*, 15 разделов по 15 темам, отражает важные аспекты доктринального комплекса школы Тэндай⁴.

В других циклах *хо:раку* есть особые разделы и/или отдельные стихотворения, посвященные толкованию буддийского учения: «Песни об учении Будды *сяккё:ка*» в «Сикидай хякусю», «Десять песен о законе Будды» в Касуга хякусю, «Пять строф о буддийском учении» в «Бунсю: хякусю». В остальных циклах — это отдельные *вака*, связанные напрямую с буддийскими темами.

Однако «буддийскими» эти циклы делают не разделы и не отдельные *вака* о буддийском учении, а единство замысла и понимание *вака* как *дхарани*. Само сложение этих циклов, произнесение стихотворений вслух является следованием по пути буддийского учения, способом постижения буддийских истин. Новое понимание значения японской поэзии (*вака* как *дхарани*) делает стихотворения этого цикла не только зеркалом души поэта, но и средством обретения духовного прозрения.

Включение форм японской поэзии *вака* в буддийскую обрядность и развитие поэтической теории на базе буддийской методологии способствовали возникновению нового жанру духовной поэзии, *хо:раку*. Дзиэн внес значительный вклад как

¹ Викулова Л. Г., Ермоленко Г. А., Жукоцкая А. В. и др. Язык, культура, социум: *essentia et existentia*. М.: Книгодел, 2023. С. 16.

² Сю:гёкусю: (Собрание драгоценных жемчужин): в 2 т. / ред. Кубота Дзюн, ком. Исикава Хадзимэ, Ямамото Хадзимэ. Токио, Мэйдзи Сёин, 2008. Т. 1. С. 327.

³ Там же. С. 371–372.

⁴ Османов Е. М., Филиппов А. В., Габитова А. И. и др. Япония: цивилизация, культура, язык. СПб.: Art-Xpress, 2022. 693 с. // *Issues Of Japanology = Вопросы японоведения*. 2022. № 9. С. 76–77.

в развитие самой поэтической теории, так и в поиски новых форм *вака*, «песен радости». Светские темы (природы, любовной лирики) у Дзиэна переосмыслены для передачи опыта от познания учения Будды; поэзия *вака* является средством проповеди буддийского учения, способом постижения истины и достижения просветления.

Филиппов А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

**Дипломат В. Я. Костылев (1848–1918) —
первый в России японовед-историк
и начало деятельности кафедры японской словесности
(ФВЯ, Санкт-Петербургский Императорский университет)**

Изданный в 1888 г. «Очерк истории Японии» Василия Яковлевича Костылева и поныне заслуживает внимания как первый в России профессиональный научный труд по истории Японии. Представленные ниже материалы основаны на материалах архивов Санкт-Петербурга.

С фигурой выпускника ФВЯ Костылева оказалось связано и начало реального функционирования кафедры японской словесности в 1907–1908 гг. Хотя кафедра и была учреждена в 1898 г., однако не могла быть должным образом открыта ввиду отсутствия квалифицированных преподавателей уровня профессора либо доцента. ФВЯ на протяжении ряда лет стремился заполнить эту лауну, готовя такого преподавателя, но эти планы срывались по разным причинам. Преподавание собственно японского языка велось на факультете с 1870-х годов с привлечением японцев из состава дипмиссии в Петербурге, но их научная квалификация не позволяла открыть полноценную кафедру. Еще в канун учреждения кафедры впервые пытались привлечь к преподаванию Костылева (оказавшегося тогда крайне занятым дипломатической службой). Эти надежды смогли реализовать лишь десятилетием позднее, когда Костылев ушел в отставку из МИД и его удалось привлечь к преподаванию как отличного знатока японского языка, истории и культуры Японии.

Родившись в семье священнослужителя, Костылев окончил Архангельскую духовную семинарию, а высшее образование получил на ФВЯ в 1870–1874 гг. (обучался на китайско-маньчжуро-монгольском разряде). В те годы обучение японскому языку на ФВЯ еще не обрело плановости и проходило вместе с обучением и другим языкам. Совершенствование познаний японского языка связано с его назначением в 1874 г. студентом Генконсульства в Нагасаки. За время дипломатической карьеры он продвинулся от коллежского секретаря до действительного статского советника в 1900 г., более полутора десятилетий прослужив русским консулом в Нагасаки.

Лекционные курсы и занятия, которые он вел на ФВЯ, включали грамматику письменного и разговорного языка, историю и географию Японии. Его «очерк истории», изобилующий данными по историческим персоналиям и построенный на материалах японских источников, был опубликован еще во время его службы в МИД. А сотни страниц иных его рукописей, хранящихся поныне в архиве ИВР РАН так и остались не вполне законченными (по географии Японии, истории и географии Кореи и др.). Усилиями Костылева был подготовлен ряд пособий, учебников и словарей по японскому языку, насущную потребность в них в России резко осознали после проигранной Русско-японской войны 1904–1905 гг. Самые значимые из публикаций Костылева по японскому языку — это Грамматика японского разговорного языка, 1908; Упрощенная грамматика японского языка, 1908; Русско-японский словарь разговорного языка, 1914.

Во всех аспектах своей деятельности Костылев зарекомендовал себя как истинный патриот. Проявилось это и в его борьбе за развитие отечественного японоведения, и в критических высказываниях по отношению к преподавателю-японцу Куроно Ёсибуми, работавшему на ФВЯ в те годы.

Деятельность Костылева относится ко временам чуть более ранним, чем появилось поколение тех, кого принято считать классиками отечественного японоведения (Д. М. Позднеев, Е. Г. Спальвин, В. М. Мендрин, С. Г. Елисеев, Н. А. Невский, Н. В. Кюнер, Н. И. Конрад и др.). До последнего времени было принято считать, что не сохранилось и портретных изображений Костылева. Однако недавно таковая фотография (не появлявшаяся в печати свыше столетия) была обнаружена студентами в библиотеке Восточного факультета Санкт-Петербургского госуниверситета. Жизнь В. Я. Костылева завершилась в послереволюционном Петрограде во время голода в 1918 г. Он был похоронен на Смоленском кладбище; место захоронения ныне не идентифицируемо.

Фирсова В. С. (ОЛСАА, БАН, Санкт-Петербург)

Вклад библиотек в развитие женского движения в Японии во второй половине XIX — первой половине XX в.

Вторая половина XIX века отмечена активным вовлечением женщин в жизнь общества и значительным расширением их гражданских прав. Этого невозможно было бы достичь без установления системы женского образования, которая включала открытие учебных заведений разных ступеней для девочек. Если в 1899 г. было 37 школ высшей ступени с учащимися женщинами, то в 1915 г. число школ

уже выросло до 223, а количество девушек-учащихся примерно за этот же период выросло с 8857 до 64 871 чел.¹

Начиная с эпохи Мэйдзи, библиотеки стали еще одним видом образовательных учреждений, помогавшим девушкам и женщинам получать новые знания и повышать таким образом свой образовательный уровень. Известные писательницы того времени Итиё Хигути (樋口一葉, 1872–1896), Юрико Миямото (宮本百合子, 1899–1951), Нобуко Ёсия (吉屋信子, 1896–1973) и др. не только активно пользовались возможностями, предоставляемыми библиотеками, но и оставили в своих произведениях и автобиографических заметках воспоминания о посещении библиотек.

Например, сохранились воспоминания Итиё Хигути о ее занятиях в библиотеке в 1891–1893 гг., куда она ходила вместе со своей подругой. Будущая писательница также фиксировала наименования книг, в основном произведения японской классической литературы, которые она заказывала из фондов².

Сам вопрос женского чтения и образования нередко становился предметом дискуссий на страницах журналов и газет того времени. Однако в целом мало свидетельств того, что общество старалось полностью оградить женщин от чтения, и можно отметить, что библиотеки искали разные подходы, чтобы привлечь читательниц в свои стены. Одним из таких средств стало открытие библиотек исключительно для женщин и женских читальных залов *фудзин тосёсицу* (婦人図書室), где девушки и женщины могли спокойно читать, заниматься самообразованием, не подвергаясь взглядам и насмешкам со стороны читателей-мужчин (описания подобных неприглядных инцидентов сохранились в журналах и газетах того времени). Для многих женщин той эпохи женские читальные залы оказались единственным пристанищем, где они могли спокойно заниматься, получать доступ к литературе, так как зачастую у себя дома им было затруднительно это сделать из-за отсутствия рабочего кабинета и давления членов семьи.

Открытие женских читальных залов оставалось на усмотрении руководства библиотеки, но по имеющейся информации многие библиотеки так или иначе старались организовать читальное пространство для женщин. Особенной популярностью среди жительниц столицы пользовались библиотека в Уэно (предшественница нынешней Парламентской библиотеки Японии), библиотеки Кёбаси и Хибия.

Из воспоминаний писательницы Ёсия Нобуко: «Вначале (видимо, после приезда в Токио. — *Примеч. автора*) я начала ходить в библиотеку Хибия. Маленькая и уютная библиотека будто бы оберегала меня. Женский зал был небольшим, но аккуратным. На столах лежали новые женские журналы. Рядом находилась еще одна комната, где можно было во время перерыва съесть принесенный с собой обед.

¹ Миядзаки М. Сэндзэнки но тосёкан ни окэру фудзинсицу ни цуитэ. Докусё суру дзёсэй о тосёкан ва до: мукаэта ка. (О женских читальных залах в довоенных библиотеках. Как библиотеки встречали читающих женщин) // *Тосёканкай (Мир библиотек)*. Т. 53. № 4. С.434–441.

² Аоки Кадзуо Хигути Итиё но докусё ни цуитэ (О чтении Хигути Итиё) // *Дзёсай дайгаку дзёси танки дайгакубу киё: (Вестник женского факультета неполного высшего образования университета Дзёсай)*. Т. 3. № 1. С. 1–16.

За окном разрослось дерево павлонии. В женском зале было тихо, и там было приятно находиться. Приходящие сюда женщины казались скромными и добрыми. ... После библиотеки Хибия я начала посещать библиотеку Кёбаси, так как хотелось почитать любимые произведения периода Мэйдзи, которых не было в библиотеке Хибия»¹.

Несмотря на то, что женские читальные залы были очень удобны для самих же читательниц, общественная деятель и писательница пролетарской литературы Юрико Миямото отмечала, что она со своими единомышленницами горели желанием избавиться от специализированных женских читален, так как считали их существование проявлением дискриминации. Однако именно в таком читальном зале стала возможной организация женского кружка «Общество роста», участницы которого поддерживали друг друга в учебе, в случае необходимости приходили друг другу на помощь, вместе возвращались поздно вечером из библиотеки по темной дороге и даже выручали друг друга финансово. Позже они также начали издавать свой журнал².

Объединившись на почве общего интереса к чтению и желания достичь новых высот, женщины организовали на базе библиотечных читальных залов объединения взаимоподдержки, которые, несомненно, вносили вклад в изменение и развитие японского общества.

Холод-Мозгунова А. Д. (МГПУ, Москва)

Япония в зеркале современной рекламы

Рекламу часто представляют как «зеркало» общества; по мнению философов-постмодернистов общественное мнение, выражаемое средствами массовой информации, более не отражает позиции населения и все чаще выступает в роли ориентира, с которым масса соотносит свое выражение, принимая на веру предлагаемый миф³. По мнению Р. Барта «миф — это слово»⁴, а вернее — некое сообщение, способ обозначения. Для того чтобы идея стала мифом, ее нужно упростить до состояния считываемого кода, выделив главные отличающие черты. Реклама поступает таким же образом. Товары в рекламе предназначаются определенной группе, субкультуре, выражают сторону характера и, таким образом, создают систему опознавательных знаков, которая транслируется рекламой⁵.

¹ Киёмидзу Сё:дзо: Сэнсо: то тосёкан. Токио: Сираиси сётэн, 1985.

² Фудзимура Миёси Юрико то «Нобирукай». Ару докусё са:куру но рэкиси (Юрико и «Общество роста» — об истории одного литературного кружка) // Сэнсо: то тосёкан (Война и библиотеки) / Киёмидзу Сё:дзо:.. Токио: Сираиси сётэн, 1985. С.107–111.

³ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, 2006. С. 244.

⁴ Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2008. С. 265.

⁵ Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999. С. 206–207.

Как показывают отечественные и зарубежные исследования, реклама является носителем ценностных ориентиров и источником культурологических сведений¹. Рекламу также рассматривают как исторический источник (подробнее тема раскрыта в статье Е. Н. Якутиной²).

Реклама отражает современные веяния — глобальные и локальные, — подчеркивая существующие и еще только формирующиеся тенденции; ее активное и частое появление в СМИ делает рекламу мощным средством воздействия на общество, хотя это влияние в первую очередь преследует экономические цели. Какие же тенденции и ценностные ориентиры можно выделить в японской рекламе в XXI в.?

Один из примеров — феминизм и гендерные роли. В 2010–2012 гг. начинается 4-я волна феминизма, к которой некоторые крупные компании стараются апеллировать в своей рекламе. Так, бренд Dove компании Unilever (Japan) в 2024 г. выпустил рекламу, цель которой — показать, что нет единых стандартов красоты («красота не имеет единого понимания»), однако эта рекламная кампания была воспринята отрицательно многими пользователями сети как пропаганда лукизма: сравнивая себя с представленными устоявшимися стандартами красоты и перечеркнутыми числовыми значениями в рекламе, многие девушки были огорчены, обнаружив несоответствие этим числам и параметрам.

Еще один пример: реклама от производителя готового питания и сервиса доставки продуктов Oisix (2019), которая, по мнению самих создателей, должна была вызывать положительные эмоции и сочувствие у потребителя. В рекламе представлено описание будней матери семейства в период летних каникул и персонаж манги *Crayon Shin-chan* мальчик Синноске Нохара, говорящий следующее: «Когда же каникулы у мамы?», «Каникулы были бы веселее, если бы мама смогла провести их весело». Посыл, и правда, вызвал отклик у многих реципиентов и формирует образ компании, которая заботится о нуждах потенциального покупателя, стремясь облегчить его быт.

Но с другой стороны, этот посыл ложится на благодатную почву, готовую к переменам. Реклама еще не говорит об их необходимости и не призывает ни к чему иному, кроме как благодарить матерей за их труд, ценить его, а не принимать как данность. Это еще не критика общественного порядка, но реклама отражает современную ситуацию — женщины и общество осознают существующее гендерное разделение, не отвечающее современным потребностям, возможностям.

Идеи феминизма пока не проникли в общественное сознание Японии в той степени, чтобы его изменить, однако также показателен пример рекламы Икеи (2021), в которой муж и ребенок традиционно сидят на диване перед телевизором, а жена приносит им еду. Помимо положительных оценок («счастливая семья») реклама вызвала и шквал негативных в контексте неравноправия и разделения труда в соответствии

¹ Агрба А. А. Социальная реклама в Испании и России как культурный феномен: дис. ... канд. культурологии. М., 2019. 189 с.; Иванова А. А. Феномен социальной рекламы в итальянской культуре (конец XX — начало XXI в.): дис. ... канд. культурологии. М., 2022. 237 с.

² Якутина Е. Н. Реклама как исторический источник // *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2017. № 4(16). С. 29–36.

с традиционными (и, видимо, устаревающими) гендерными ролями. Дальнейшее закрепление устоявшихся гендерных ролей в рекламе, по всей вероятности, будет встречено непониманием, хотя в обществе таковое разделение по-прежнему преобладает.

Еще один пример — идея отказа от чрезмерных усилий «ради общественного блага». Если раньше реклама предлагала товары, помогающие соответствовать заданному обществом темпу¹ и прилагать максимум усилий, теперь встречается обратная тенденция. Молодежь не цепляется за рабочее место и легче решается на смену работы, и реклама подхватывает эти настроения. После начала пандемии коронавируса компания *Sybozu* запустила рекламную кампанию со слоганом «Не прилагай слишком много усилий, Япония!», призывая работодателей использовать возможности удаленной работы и высказывая вслух те негативные переживания, которые вынуждены испытывать служащие, каждый день совершая поездки на работу и обратно в переполненном транспорте в разгар эпидемии. Рекламный слоган создает контраст с призывом «Держись! Япония!», который широко использовался после Великого землетрясения в Восточной Японии 2011 г., а также во время проведения олимпийских соревнований и не только. Реклама включает длинный посыл работодателям, суть которого сводится к предложению пересмотреть распорядок в рамках современных возможностей, переведа тех, кого возможно и кто обладает соответствующими навыками, на удаленную работу. Компания *Sybozu* нашла действенный, актуальный на сегодня способ представить свои услуги, однако интересна реакция общества на это предложение, подрывающее традиции трудовой и корпоративной этики: в целом отношение было положительным.

Таким образом, представляется интересной пользовательская оценка рекламных сообщений, которая демонстрирует и выводит на поверхность отношение современного потребителя к демонстрируемым идеям. Как бы ни стремились копирайтеры уловить насущные проблемы и отразить эти идеи при создании рекламы, анализ рекламных сообщений через призму восприятия потребителем дает представление о настоящих тенденциях развития общественной мысли. Можно говорить о рекламе как о зеркале с запоздалым эффектом.

Шарова А. Б. (ИБ РАН, Москва)

Прошлое и настоящее географического сочинения Фукудзава Юкити «Все страны мира»

Фукудзава Юкити (1835–1901) — выдающийся японский просветитель, писатель, переводчик эпохи Мэйдзи (1868–1912). Он является автором сочинения по

¹ Слоганы в рекламе производителей БАДов, повышающих работоспособность «Можешь ли ты сражаться 24 часа?» (Санке, 1989 г.) и «Хочу вернуться домой, но не могу» (Guronsan, 1990 г.).

мировой географии — «Все страны мира» (1869). Книга была настолько популярна, что разошлась тиражом более ста тысяч экземпляров¹. В период Мэйдзи она использовалась на уроках географии в школах в качестве учебного материала². Другими словами, она должна была стать «кирпичиком» в деле взращивания «нового ребенка», а далее — взрослого члена «нового общества», в котором большое место уделялось формированию японского национального самосознания³.

В названии сочинения фигурирует слово «*кунидзукуси*», которое может переводиться как «полный список провинций страны». Считается, что само слово начали употреблять еще в эпоху Муромати (1336–1573). В периоды Токугава (1603–1868) и Мэйдзи оно часто входило в состав названий серий гравюр, учебных пособий, географический карт. Слово «*кунидзукуси*» также могло обозначать шутовское трехстишие, в котором упоминалось название провинции⁴.

Географическое сочинение «Все страны мира» состоит из шести томов. Первый том посвящен Азии. Описания Японии нет. Во втором томе помещено описание Африки, третьем — Европы, в четвертом рассказывается о Северной Америке, в пятом — о Южной Америке и, наконец, в шестом даны общие сведения по физической географии. В первом томе помещена карта мира, а далее в конце каждой книги (кроме последней) читателю предлагается карта описанного в данном томе региона. Последовательно изучая первые пять томов, читатель словно совершает кругосветное путешествие с Востока на Запад⁵.

В предисловии к первому тому Фукудзава Юкити сообщает, что при написании данной книги опирался на английские и американские труды⁶, а не на китайские образцы, как это было принято у его предшественников. В настоящее время известно, что он активно использовал учебное пособие американского географа Самуэля Августа Митчелла (1792–1868) «Новая школьная география Митчелла» (1865). Однако, скорее всего, имеет место авторская интерпретация, а не полное копирование англоязычных оригиналов.

Каждый том «Всех стран мира» очень любопытно организован. За исключением вступления, все страницы разбиты как бы на две части: сверху помещен рассказ о стране, написанный легкой скорописью. В нижней части располагается скорописный текст, однако все равно каждый иероглиф и знак *каны* отделены друг от друга, и, как и в верхней части, подписаны скорописной *фуриганой*.

¹ Камэй Таку. Мэйдзики ни окэру тири кё:ику. Сё:гаку кё:ику о тю:син ни [Географическое образование в период Мэйдзи: на примере младшей школы] // Культурные связи: Сборник статей магистрантов кафедры исследований культур Восточной Азии. 2015. № 4. С. 127.

² Камэй Таку. Указ. соч. С. 133.

³ Байбикова Е. М. Несказочное начало японского детлита: учебные жанры как элемент зарождающейся национальной детской литературы // *Детские чтения*. 2024. С. 107.

⁴ Симонова-Гудзенко Е. К. Географическая карта Японии для неграмотных (1843–1847) // *История и культура Японии*, 11. СПб.: НИУ ВШЭ, 2018. С. 228.

⁵ Байбикова Е. М. Указ. соч. С. 109.

⁶ Фукудзава Юкити. Сэйкай куни дзукуси [Описание стран мира]. Т. I. Токио: Кэйо гидзюку дзо:хан, 1869. С. 5.

Другими словами, можно предположить, что для современников Фукудзава Юкити чтение обеих частей не представляло особой сложности. По содержанию части дополняют друг друга. Кроме того, текст повествования перемежается большим количеством иллюстраций с поясняющими подписями, что именно изображено. Академик Н. И. Конрад (1891–1970) определял «Все страны мира» как «популярный учебник в стихах, где традиционным размером в пять и семь слогов излагаются основные сведения по географии и истории мира», а главную задачу, стоявшую перед автором, он видит в «ликвидации географической неграмотности своих соотечественников»¹.

Парадоксально, но сам Фукудзава Юкити признавался, что не совсем понимал, для кого пишет, и не верил, что его сочинения могут заинтересовать читателей: «Я писал книги просто как рассказы о Западе или как удивительные сказки о странах из сновидений»². Тем не менее его труды оказали большое влияние на его современников и продолжают быть актуальными и сейчас.

Из последних исследований, посвященных Фукудзава Юкити, обращает на себя работа Сайто: Хидэхико «Изучаем мир по “Всемирным странам мира” Фукудзава Юкити»³. Книга была издана в 2017 году сотрудником мемориального центра Фукудзава Юкити при университете Кэйё. Работа была в том числе приурочена к празднованию 150-летия Реставрации Мэйдзи, которое отмечалось в 2018 году. В ней частично сохранен текст оригинала и поэтический слог повествования, а также иллюстрации, украшавшие издание 150-летней давности. Работа дополнена переводом на современный японский язык и комментариями-эссе по каждому тому. Цель расширенного переиздания книги Фукудзава состоит в том, чтобы сравнить описание мира у Фукудзава с тем миром, в котором мы живем сейчас, посмотреть, как трансформировалась стратегия создания образов других стран под влиянием идеологических и политических факторов, что изменилось за это время в восприятии японцами «себя» и «других». Другими словами, эту работу можно воспринимать как яркий пример встраивания географических и исторических сочинений в идеологические рамки того или иного исторического периода.

¹ Конрад Н. И. Очерки японской литературы. М., 1973. С. 308.

² Кобец В. Н. Деятельность и творчество Фукудзава Юкити (из истории японского просветительства). Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1978. С. 52.

³ Сайто: Хидэхико. Фукудзава Юкити но «Сэкай кун дзучуси» дэ сэкай о манабу [Изучаем мир по «Описанию стран мира» Фукудзава Юкити]. Минеруба сэбо: [Издательский дом Минерва], 2017.

Секция XVIII • Section XVIII
Источниковедение и историография Кореи
Historiography and Source Studies of Korea

Акуленко В. С. (Восточный институт ДВФУ, Владивосток)

**Северокорейский подход к изучению сапиентации:
от корейского неантропа к автономному антропогенезу**

Сапиентация, или процесс возникновения современного вида человека *Homo sapiens sapiens*, является одним из важнейших вопросов, над которым работают ученые, изучающие раннюю историю человека. Поэтому неудивительно, что находки ископаемых гоминид в КНДР в 1970-е гг. пробудили у северокорейских ученых интерес к формированию собственных взглядов на этот процесс в рамках Корейского полуострова и прилегающих к нему регионов.

В данной работе представлена попытка изучить процесс формирования современных представлений северокорейских ученых о процессе сапиентации на Корейском полуострове, приведший к появлению теории об автономном развитии корейского неантропа, ставшего предком современных корейцев. В процессе подготовки доклада в качестве источниковой базы были использованы научные статьи, монографии и учебные пособия, написанные северокорейскими учеными.

Начиная с 1970-х гг. в Северной Корее последовательно обнаруживают костяки древних людей. В 1972 г. в пещере на горе Сыннисан (уезд Токчхон, пров. Южная Пхёнан), были обнаружены останки *Homo sapiens sapiens*, жившего в верхнем палеолите около 40–50 тыс. лет назад¹, названные впоследствии «сыннисанским» человеком. Затем в 1973 г. там же обнаружили останки «токчхонского» человека, а в 1977 г. в микрорайоне Тэхёндон, района Рёкпхо, города Пхеньян, — «рёкпхоского». Эти люди, по мнению северокорейских археологов, жили в среднем

¹ Чосон тхонса (сан) (Общая история Кореи. Ч. 1). 1977. С. 7.

палеолите около 100 тыс. лет назад и относились к *Homo sapiens*¹. Чуть позже, в ходе раскопок в 1979–1980 гг. в Мандалли, района Сынхо, города Пхеньян, обнаружили «мандальского» человека, которого, как и найденного ранее «сыннисанского», считают представителем человека современного типа, жившего однако в мезолите около 15 тыс. лет назад².

В результате в 1970-е и 1980-е гг. выходит целый ряд работ, посвященных изучению антропологических особенностей корейцев и сравнению их с физическими особенностями древних обитателей Кореи и жителей соседних стран. Наиболее известными являются работы Пэк Киха в области сравнения антропологических особенностей строения черепа³ и Чан Учжина, изучившего историю формирования корейцев на основе одонтологического материала⁴ и серологического анализа особенностей корейцев и соседних народов⁵.

Таким образом, в 1970–1980-е гг. в КНДР начала постепенно формироваться идея об автономной сапиентации, которая произошла на территории Корейского полуострова и привела к появлению корейского неоантропа, ставшего предком современных корейцев⁶.

Дальнейшие археологические изыскания позволили северокорейским ученым пополнить коллекцию «хвадэским» (Северная Хамгён, уезд Хвадэ, Соксонни)⁷, «рёнгокским» (Пхеньян, уезд Санвон, Рёнконни), «кымчхонским» (Пхеньян, уезд Санвон, Чунни, Кымчхон), «тэхынским» (Пхеньян, уезд Санвон, Тэхынни), «пхунгокским» (Южная Пхёнан, уезд Пукчхан, Пунгонни) и «кымпхёнским» человеком (Южная Пхёнан, уезд Сончхон, Кымпхённи)⁸.

Особенно важное значение приобрела находка «хвадэского» человека (около 300 тыс. лет), которого предлагается считать связующим звеном между *Homo sapiens* и более ранними насельниками Корейского полуострова, относящимся к иным видам человека⁹. Кроме того, на основе присутствия у «рёнгокского» и «сыннисанского» человека ряда архаичных черт, северокорейские ученые

¹ Чосон тхонса (сан) (Общая история Кореи. Ч. 1). 1987. С. 3.

² Там же. С. 4–5.

³ Пэк Киха Чосон сарам мори плёый иллюхакчок тхыкчин (Антропологические особенности костей черепа корейца) // *Коко минсок нонмунчжип* (Сборник работ по археологии и этнографии). 1973. № 5. С. 127–133.

⁴ Чан Учжин. Чосон сарам иппарый инчжокчок тхыкчине кванхан ёнгу (Об антропологических особенностях зубов корейцев) // *Коко минсок нонмунчжип* (Сборник работ по археологии и этнографии). 1979. № 7. С. 42.

⁵ Чан Учжин. Чосон сарамый хёльчхонхакчок тхыкчине кванхан ёнгу (Исследование серологических особенностей корейцев) // *Коко минсок нонмунчжип* (Сборник работ по археологии и этнографии). 1984. № 9. С. 179.

⁶ Сон Енчжон. Очерк корейской истории. Т 1. Пхеньян, 1992. С. 1–7.

⁷ Чосон тхонса (сан) (Общая история Кореи. Ч. 1). 2009. С. 18.

⁸ Чи Хвасан. Тэдонган мунхва (Тэдонганская культура). Пхеньян, 2011. С. 28.

⁹ Чосон тхонса (сан) (Общая история Кореи. Ч. 1). 2009. С. 18.

считают доказанным процесс автономной сапиентации на территории Кореи¹. А исходя из того факта, что именно в долине реки Тэдонган была найдена львиная доля известных в КНДР останков древнего человека, северокорейские ученые приходят к выводу о важнейшем значении этого региона для эволюции человека².

Таким образом, на современном этапе в КНДР долину реки Тэдонган, с центром в районе Пхеньяна, предлагается считать уже не просто центром автономной сапиентации, но и в целом антропогенеза³. Так, по мнению ветерана северокорейской археологии Чан Учжина, появившиеся около 1 млн лет назад в районе современного Пхеньяна древние люди (предположительно *Homo erectus*), затем распространились и в других районах Кореи, свидетельством чему являются палеолитические стоянки времен нижнего палеолита на реках Имчжинган и Кымган⁴.

Асмолов К. В. (ИКСА РАН, Москва)

КНДР в мире постправды: анализ фальшивых новостей о присутствии северокорейских войск в зоне СВО

С осени 2024 г. новости о появлении в зоне СВО северокорейских войск вызывают ажиотаж и часто воспринимаются как доказанные факты. Этот кейс очень важен для источниковедения, демонстрируя, какие трудности могут возникать при проверке новостей в условиях постправды.

Следует особо отметить, что мы не пытаемся ответить на вопрос, есть ли северокорейские военнослужащие в Курской области или нет. Мы анализируем отражение этого вопроса в пропаганде сторон, так как новости такого рода приходят с обеих сторон фронта. При этом все «убойные» доказательства в СМИ Запада и РК имеют украинское (основным источником является т. н. Центр стратегических коммуникаций и информационной безопасности Украины (СПРАВДИ)) или «за-украинское» происхождение (тг-каналы Paragraх или Astra).

Доклад содержит анализ наиболее распространенных вбросов по северокорейской теме, как то:

Многочисленные фото и видео созданы намеренно в плохом разрешении, имеют размытые лица; на них изображены люди азиатской внешности, которых закадровый голос представляет как северокорейцев. Предлагается верить этому

¹ Чосон тхонса (сан) (Общая история Кореи. Ч. 1). 2009. С. 20–21.

² Чи Хвасан. Указ. соч. С. 19–33; Чан Учжин. Чосон минчжогый пальсанчжи Пхёнъян (Пхеньян как место возникновения корейской нации). С. 40.

³ Чи Хвасан. Указ. соч. С. 8.

⁴ Чан Учжин. Чосон минчжогый пальсанчжи Пхёнъян (Пхеньян как место возникновения корейской нации). С. 32–38.

на слово. Сюда же можно отнести данные «со спутника» на которых видны люди, но не их знаки различия.

Информация от разведки Республики Корея, с одной стороны, должна рассматриваться с учетом их «любимой игры»: «угадай, что хочет слышать начальство», а с другой — напоминает аргументацию, которая была использована при поставках боеприпасов: «мы отследили судно, которое идет в Россию». На нем со спутника видны контейнеры, а в них точно ракеты, спецназ и «детеныш Годзиллы». Значительная часть информации при этом «приходит» от украинских «коллег» без возможности альтернативной перепроверки.

Откровенные подделки, когда ресторанный афиша с собачьим мясом наклеивается на банку с тушенкой и выдается за выменянный паек, а похороны маршала Ли Ыль Соля 2015 г. за смерть генерала в зоне СВО. Сюда же оформленные с ошибкой воинские документы, часто без нужных подписей.

Опубликованное СПРАВДИ 19 октября 28-секундное видео, где какие-то люди в какой-то форме стоят в очереди. Северокорейская речь там звучит неразборчиво, и нам, скорее, предлагается поверить, что это корейский. Не случайно CNN прямо пишет: «предполагается, что солдаты говорят по-корейски, хотя из-за низкого качества звука их разговоры не были полностью поняты»¹. Более того, среди людей на фото, включая человека в центре-справа в начале ролика, заметны люди с более темным цветом кожи и чертами лица, нехарактерными для корейцев. С высокой вероятностью на этом видео представители не Северной Кореи, а Непала, факт участия которых в СВО в свое время обсуждался, либо, как считает блоггер Руслан Карманов, перед нами кадры с российско-лаосских учений «Ларос-2024»².

Что касается фотографий стрелкового оружия КНДР, то, как правило, они демонстрируются не в боевой обстановке. И не в ситуации, когда их используют лица, которых можно идентифицировать как северокорейских военнослужащих. Поставки северокорейского оружия в Россию не тождественны вводу войск.

Анкета «Выберите русский размер одежды», якобы рассчитанная на северокорейских военных³, имеет слово «Россия», написанное в южнокорейской орфографии.

Нередко, как в случае со взятием Плехово, Корейской Народной Армии (КНА) приписывают успехи иных частей.

Отдельно отметим, что тему «северокорейского присутствия», включая релевантные фейки, раскручивают с двух сторон. С одной стороны, это украинские и проукраинские источники, ведущие военную пропаганду. С другой — «турбопатриотическая» общественность, некоторые представители которой желают посадить в «один окоп» не только КНА, но и Талибан⁴. Часть таких «военкоров»

¹ <https://edition.cnn.com/2024/10/19/asia/north-korea-ukraine-russia-troops-uniform-intl/index.html> (дата обращения: 15.01.2025).

² <https://t.me/kabezki/4276> (дата обращения: 15.01.2025).

³ <https://en.yna.co.kr/view/AEN20241020001300315> (дата обращения: 15.01.2025).

⁴ Признан в России террористической организацией.

спекулирует на горячей теме, часть пытается сыграть на страхе перед северокорейцами, часть демонстрирует классические паттерны распространения слухов, отчего некоторые элементы баек про бойцов КНА повторяют истории про «белого вьетконговца» или прибалтийских снайперш в Чечне. Тем не менее пропагандистские приемы и уровень компетентности, что в корейских вопросах, что в составлении фальшивок, у них примерно одинаковы.

Однако в мире постправды у каждого из фейков, невзирая на их топорность, есть своя аудитория. Автор не раз отмечал, что большая часть современных фальшивок направлена не столько на то, чтобы переубедить сторонников нейтральной или противоположной точки зрения, сколько на то, чтобы укрепить в вере свою целевую аудиторию, которая и без того особенно не сомневается в подаваемой информации. Очередной фейк — не более чем очередное подтверждение, а что у некоторых фальшивок короткий срок жизни, главное — чтобы их не разоблачили до того, как случится то, что они должны были бы оправдать. В итоге, имея множество технических возможностей разоблачить фейк, сторонники должных взглядов не имеют желания сделать это, отказываясь видеть очевидное.

Это значит, что рассматриваемую тему еще будут эксплуатировать, и каждая сторона будет верить в свое. Проще говоря, любой труп человека азиатской внешности в российской военной форме можно выдавать за северокорейца, которому были выданы поддельные документы. С другой, помня опыт имитации присутствия чеченских бойцов в начале войны на Донбассе, не буду удивлен, если условные буряты и якуты начнут бегать в атаку с криками «Мансе», или вести переговоры на ломаном корейском. И это еще мы не вспоминаем того, что на стороне РФ в СВО принимают участие российские корейцы, часть которых были в КНДР и получили там фирменные значки.

В завершение хочется отметить, что подобный тренд автор считает весьма опасным. Пропагандистские конструкты начинают жить самостоятельной жизнью, и присутствие северокорейцев превращается в факт вне зависимости от того, существуют ли эти конструкты в реальности или нет.

Болтач Ю. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Первые корейские книги в собрании Азиатского музея

В докладе уточняется состав и реконструируется история поступления в ИВР РАН (Азиатский музей) группы корейских письменных памятников, которые относятся к так называемой «коллекции Броссе», то есть упомянуты в рукописном каталоге под названием «Catalogue des livres et manuscrits Chinois, Mandchous, polyglottes, Japonnais et Coréen, de la bibliothèque du Musée Asiatique de l'Acade-

mie Imperiale des Sciences» («Каталог китайских, маньчжурских, многоязычных, японских и корейских рукописей и книг из библиотеки Азиатского музея Императорской академии наук»), составленном академиком М. И. Броссе (СПбФ АРАН. Фонд 789. Опись 1. № 6). Основной текст этого каталога был завершён в 1840 г. и дополнялся отдельными приписками до 1864 г., то есть зафиксированные в этом каталоге памятники, скорее всего, являются самыми первыми корейскими книгами, попавшими в Россию.

Корейские памятники внесены в XVIII раздел этого каталога (№ 78–85 — основной текст каталога, № 86 — приписка). Их идентификация была частично осуществлена в описаниях корейской коллекции ИВР РАН — «Описании письменных памятников корейской культуры» О. П. Петровой (вып. I: М.–Л., 1956; вып. 2: М., 1963) и «Описании письменных памятников корейской традиционной культуры» А. Ф. Троцевич и А. А. Гурьевой (ч. II: СПб., 2009), а впоследствии уточнена и дополнена автором данного доклада. В результате выяснилось, что записям каталога Броссе соответствуют следующие памятники из собрания ИВР РАН:

Сл. XVIII, № 78 (корейский алфавит и «Отче наш» на корейском языке с транскрипцией): АВ ИВР РАН. Разряд 1. Опись 4. № 20. [Пять таблиц, содержащие образцы корейского письма]. Литографированный лист европейского издания.

Сл. XVIII, № 79 (книга «Тысячесловие», написанная китайскими и корейскими письменами): ОРД ИВР РАН. Корейский фонд. Шифр С 49_{1ex}. 千字文 Чхончжамун «Тысячесловие». Ксилограф корейского издания.

Сл. XVIII, № 80 (то же): ОРД ИВР РАН. Корейский фонд. Шифр С 49_a. 千字文 Чхончжамун «Тысячесловие». Ксилограф корейского издания.

Сл. XVIII, № 81 (та же книга — *Цянь цзы вэнь*): ОРД ИВР РАН. Корейский фонд. Шифр С 49_{2ex}. 千字文 Чхончжамун «Тысячесловие». Ксилограф корейского издания.

Сл. XVIII, № 82 (*Лэй хэ* на китайском и корейском языке): ОРД ИВР РАН. Корейский фонд. Шифр С 50. 類류합합 Юхан «Соединение категорий». Ксилограф корейского издания.

Сл. XVIII, № 83 (*Тун мэн сянь*): ОРД ИВР РАН. Корейский фонд. Шифр С 64. 童蒙先習 Тонмон сонсып «Начальное обучение юных отроков». Ксилограф корейского издания.

Сл. XVIII, № 84 (книга, полностью написанная корейскими письменами): ОРД ИВР РАН. Корейский фонд. Шифр С 52. 설인귀전단 Сэль Ингви чён тан «Повесть [о] Сюэ Жэньгуге. [В] одном [томе]». Ксилограф корейского издания.

Сл. XVIII, № 85 (китайская рукопись с некоторыми транскрипциями на корейском языке в начале): ОРД ИВР РАН. Корейский фонд. Шифр D 75. [Китайский вокабуляр с частичным корейским переводом]. Рукопись в тетради китайского производства. Идентификация памятника условная.

Сл. XVIII, № 86 (*Гу цзинь чжи и...*): ОРД ИВР РАН. Китайский ксилографический фонд. Шифр E 128. 古今歷代標題註釋十九史略通攷 Когым ёктэ пхёчже

чусок *синку саряк тхонго* «Общий обзор девятнадцати [династийных] историй [в] кратком [изложении], [охватывающий] основные темы исторических эпох древности [и] современности [с] разъяснением [и] комментарием». Ксилограф корейского издания.

Что касается истории появления этих книг в Азиатском музее, то в каталоге Броссе прямо указано происхождение лишь двух памятников: С1. XVIII, № 84 — из второй коллекции П. Л. Шиллинга (поступление 1838 г.) и С1. XVIII, № 86 — из библиотеки С. В. Липовцова (поступление 1842 г.; провенанс этого памятника дополнительно подтверждается надписью на обложке). Кроме того, в АВ ИВР РАН мы обнаружили документы, содержащие упоминания о памятниках, чьи названия совпадают с названиями корейских книг из «коллекции Броссе», в том числе запись в каталоге собрания П. Л. Шиллинга (АВ ИВР РАН. Фонд 152. Описание 2. № 24, л. 37; № 25, л. 40): «Цянь цзы вэнь. Тысяча букв», а также три карточки в картотеке библиотеки П. Л. Шиллинга (АВ ИВР РАН. Фонд 56. Описание 1. № 112, л. 205, 209, 213): «千字文 Тысячу литерь», «古今歷代 Хронология» и «童蒙先習» (относительно «Хронологии» запись, вероятно, ошибочна, поскольку данный памятник бесспорно происходит из коллекции С. В. Липовцова). Еще о двух корейских памятниках (С1. XVIII, № 82, 85) документальных данных у нас нет, но по непрямым признакам можно предположить, что они также происходят из коллекции П. Л. Шиллинга. Наиболее вероятным источником, откуда эти книги попали к П. Л. Шиллингу и С. В. Липовцову, была Российская духовная миссия в Пекине, сотрудники которой поддерживали тесные контакты с приезжавшими в Китай корейскими дипломатами, причем имеются косвенные аргументы в пользу того, что по крайней мере часть этих книг могла быть выписана из Кореи Н. Я. Бичуриным.

Кукина У. А. (Институт МО, НИИЯ «МИФИ»; ИС ФНИСЦ РАН, Москва)

Корё в период Монгольской империи

Принято считать, что древнее государство Корё (918–1392) находилось в вассальной зависимости от Монгольской империи в период династии Юань (1271–1368)¹. В зарубежной историографии теория о государстве Корё не только как части Монгольской империи, но и как части монгольской цивилизации, уже имеет разработанную концептуальную и методологическую базу². В отечест-

¹ Atwood C. P., *Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire*. NY: Facts on File, 2024. 678 p.

² Buell P. D. *Korea as Part of the Mongolian World: Patterns and Differences // Avrasya Uluslararası Araştırmalar Dergisi*. 2017. Vol. 5(10). P. 137–146; Robinson D. M., *Koryo in Mongol Empire*. The Cambridge History of the Mongol Empire, Cambridge University Press, 2023. P. 679–706; Davaajav G., Otgon T. *Language-History-Culture of Mongolia and Korea on the Issue of Affiliation // Mongolian Diaspora. Journal of Mongolian History and Culture*. 2023. Vol. 3(1). P. 1–14.

венной науке взаимоотношения монголов и корейцев в данный исторический период чаще рассматриваются факультативно, в рамках решения иных научных задач, к примеру — лингво-исторических, с целью обоснования принадлежности корейского языка к гипотетической алтайской языковой семье¹. Дипломатические отношения между монголами и корейцами сегодня наиболее подробно освещены в труде С. О. Курбанова «История Кореи: с древности до начала XXI века»². В российских корееведческих исследованиях внимание акцентируется в первую очередь на тяготах данничества, монгольских вторжениях как «разрушительном»³ вместо «созидательного» монгольской цивилизации с ее уникальной культурой, описанной в трудах монголоведов: А. С. Железнякова⁴, Т. Н. Литвиновой⁵, В. Н. Бадмаева⁶ и др. В то же время, картины периода Корё, представленные в Национальном музее Республики Корея, демонстрируют сюжеты охоты, богато одетых всадников, предметы гардероба членов королевской семьи, характерные для монгольской знати того времени⁷. Особое отношение корёсцев к лошадям и обмен опытом с монголами в культуре коневодства подробно представлены в работе Г. Подолера «Животное культурного ландшафта: лошадь в Сеуле, Южная Корея»⁸.

В корейских источниках обнаружены записи о создании кровнородственных связей между корёсцами и монголами: брак государя Чхуннёнль-вана (кор. 충렬왕, 1236–1308) с дочерью Хубилая — внука Чингисхана, брак государя Конмин-вана (кор. 공민왕, 1330–1374) с дочерью Боротемура, и др.⁹ Отмечается традиция приобретения посредством брака правителями Корё монгольского имени, а их женами — корейского. К примеру, государь Конмин-ван также известен как Баян-

¹ Ким Х. О. Е. Д. Поливанове — русском и советском лингвисте, впервые выдвинувшем гипотезу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков // *Russian Linguistic Bulletin*. 2023. № 6(42). 9 с.

² Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. С. 122–144.

³ Серов В. М. Поход монголов в Корею 1231–1232 гг. и его последствия // Татари-монголы в Азии и Европе. Сборник статей. Под ред. С. Л. Тихвинского. М., 1977. С. 150–165.

⁴ Железняков А. С. Монгольская цивилизация: история и современность. Теоретическое обоснование атласа. М.: Издательство Весь Мир, 2016. 288 с.

⁵ Литвинова Т. Н. Идея монгольской цивилизации как концепт многополюсного мироустройства // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 5. С. 187–191.

⁶ Бадмаев В. Н. Современное монголоведение: от «культурного поворота» к новой картине мира // *Великая степь: исторические исследования*. 2020. № 2. С. 104–111.

⁷ King Kwong Wong on Koryo Under Mongol-Yuan Domination. 27.11.2021. Chinese History Podcast. [Электронный ресурс] URL: <https://www.chinesehistorypodcast.com/e/king-kwong-wong-on-koryo-korea-under-mongol-domination/> (дата обращения: 14.01.2025).

⁸ Podoler G. An animal as a cultural landscape: the horse in Seoul, South Korea // *International Journal of Cultural Policy*. 2024. P. 1–23.

⁹ 충렬왕. 한국민족문화대백과사전. [Электронный ресурс] URL: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0058130> (дата обращения: 14.01.2025).

темур, а его супруга Будшир¹ обозначена в корейских источниках как Индок-тхэху (кор. 인덕태후)².

В фундаментальном исследовании Уильяма Хенторна «Корея: монгольские вторжения» (1963), созданном при содействии южнокорейской интеллигенции, указана важная деталь, в корне меняющая представление о характере взаимоотношений монголов и корёсцев: слово «вассал» (англ. vassal), по мнению автора, может быть использовано лишь для обозначения присутствовавшей во взаимоотношениях иерархии, как наиболее понятное англоязычному читателю, при этом не передающее всей полноты представления о статусе корёсцев в составе Монгольской империи.³ Автор характеризует их скорее как союзнические и взаимовыгодные, нежели подданнические, обращаясь к факту присоединения Корё к Монгольской империи без боя. Хенторн уделил пристальное внимание структурному описанию политического устройства Корё: центрального бюрократического аппарата, монгольских военно-административных органов и колоний на территории Корейского полуострова, инструкций в отношении сдавшихся территорий, и др.⁴

Задачей данного исследования является систематизация знаний о политических, экономических и социокультурных особенностях Корё на основе зарубежных и российских источников с целью поиска ответов на по-прежнему дискуссионные в науке вопросы:

1. Следует ли характеризовать отношения Корё и Монгольской империи как вассальные?
2. Насколько велик вклад монголов в развитие корейской государственности и культуры?
3. Можно ли считать средневековое государство Корё частью монгольской цивилизации?

Курбанов С. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Северокорейская журнальная периодика середины 1950 г. о жизни во время Корейской войны

В настоящем исследовании предпринимается попытка представить восприятие первых недель и месяцев Корейской войны (1950–1953 гг.) *с точки зрения населения и властей самой Северной Кореи*. Для этого используются материалы

¹ В южнокорейских интернет-источниках встречается указание на то, что монгольское имя государыни Индок-тхэху звучало как «Боржигин».

² 노국대장공주. 한국민족문화대백과사전. [Электронный ресурс] URL: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0012654> (дата обращения: 14.01.2025).

³ Henthorn W. E. Korea: the Mongol Invasions. Leiden: E. J. Brill, 1963. 276 p.

⁴ Там же. С. 194–211.

из северокорейских журналов 1950 г. издания, хранящихся в Санкт-Петербурге (РНБ) и Москве (РГБ). Материалы эти являются уникальными и имеющими особую историографическую ценность, поскольку некоторые из номеров этих журналов имеются только в Российской Федерации. Их нет ни в Республике Корея, ни в США¹.

Одним из весьма любопытных журналов за 1950 г., который хранится в собрании РНБ, является журнал «Жизнь молодежи» (*Чхоннён сэнхваль*). Обратимся к его № 7 за июль 1950 года.

Корейская война началась 25 июня 1950 года. Изначально северокорейское командование планировало завершить военные операции и объединить Корейский полуостров к 15 августа 1950 года². Глядя на события в соседнем Китае (Гражданская война 1945–1949 гг.), на Севере не ожидали, что США примут непосредственное участие в боевых действиях.

Несмотря на введение чрезвычайного военного положения и всеобщую мобилизацию, Север полуострова продолжал жить относительно мирной жизнью и надеялся на то, что в скором времени мир наступит на всем Корейском полуострове. В № 7 журнала «Жизнь молодежи» на с. 18–21 была напечатана статья Кан Бука «О воспитательной работе и культурной жизни (школьников) студентов во время каникул». Таким образом, подразумевалось, что во время военных действий и у школьников, и студентов Севера будут каникулы, которые нужно было провести с пользой.

Основная мысль статьи состоит в том, что, хотя занятия в учебных заведениях во время каникул не проводятся, это совсем не означает того, что девушкам и юношам *позволено ничего не делать*.

Конечно, на каникулах группы молодых людей могут отправляться в походы на берег моря, в горы или к известным географическим и историческим объектам с ночевкой³, таким как горы Кымгансан или Мёхянсан. Можно обмениваться делегациями из различных вузов.

Но июль–август 1950 г. — это особое время, когда в центре всего встала война. Слово «война» (*чончжэн*) стало употребляться с первых дней вооруженных столкновений с «марионеточной кликой» южнокорейского президента Ли Сынмана, который, с официальной северокорейской точки зрения, развязал «военную смуту»⁴.

Главной целью войны были объявлены «объединение и независимость» (*тхониль тоннип*), которые, как ожидалось, наступят «скоро», и 15 августа 1950 г. новая объединенная Корея отпразднует 5-летие освобождения страны от японского колониального господства.

В Северной Корее не считали военные операции во имя объединения страны неким «насилием» над населением Южной части [единой] Республики (*Кон-*

¹ Вывод сделан на основе непосредственного изучения автором доклада коллекций Национальной библиотеки Республики Корея и Библиотеки Конгресса США. Информация о северокорейской журнальной периодике 1945–1950 гг. в библиотеках КНДР к настоящему времени не доступна.

² По материалам северокорейской периодики июля 1950 г.

³ *Чхоннён сэнхваль*. 1950. № 7. С. 22.

⁴ Там же. С. 18.

хвагук намбанбу), надеялись на то, что народ Юга добровольно поддержит наступательную операцию Корейской Народной Армии. Об этом, в частности, говорилось и в обращении Ким Ирсена ко всему корейскому народу¹, и в его обращении к населению освобожденного Сеула (формально, по Конституции 1948 г. — столицы КНДР).

Таким образом, война оказала влияние и на студенческие и школьные каникулы. Особое внимание уделялось *идеологической работе*, а также выявлению различных *«реакционных элементов»*, которые не способствовали достижению успеха в великой освободительной войне. В целом основные задачи, которые должна была решить корейская молодежь за два месяца каникул, а также основные виды ее деятельности сводились к следующему:

- Поставить *во главу угла* молодежной активности во время каникул *справедливую войну во имя «объединения и независимости» (тхониль тоннип)* Родины.
- Помогать фронту, укреплять тыл, «выявлять и зачищать беглецов и тех, кто распространяет ложные слухи».
- Заниматься клубной деятельностью (в провинции) и воспитательной работой (среди населения).
- Заниматься исследовательской, культурной, спортивной деятельностью.
- Заниматься работой в библиотеках и читальных залах. Перед молодежью ставилась задача верно (удобно) расставить книги, облагородить библиотечное пространство цветами, сделать библиотеки удобными и привлекательными.
- Читать много литературы: художественную литературу (прозу и поэзию), естественно-научную и общественно-политическую. Из художественной литературы студентам и школьникам были рекомендованы произведения таких писателей как Николай Островский, Михал Шолохов, Александр Фадеев, Максим Горький, Илья Эренбург. Из поэтов — Владимир Маяковский. Из естественно-научной — труды Ивана Мичурина и Ильи Мечникова. Из общественно-политической литературы — труды классиков марксизма-ленинизма, И. В. Сталина и «доклады Ким Ирсена».
- Также студенты должны были изучать сами и распространять среди других верное *понимание того, что есть социализм*.
- В контексте войны студентам и школьникам было рекомендовано ознакомиться с опытом Гражданской войны и Великой Отечественной войны Советского Союза².
- Конечно же, освоение советского опыта не могло происходить без *освоения русского языка*. Студентам и школьникам настоятельно рекомендовалось на каникулах изучать русский язык (*ро-о*) и, в частности, регулярно читать «Комсомольскую правду» (*Кончхон ппырауда*) на русском языке³.

¹ Чхоннён сэнхваль. 1950. № 7. С. 1–5.

² Там же. С. 20.

³ Там же. С. 21.

Все указанное выше должно было происходить посредством активной деятельности разнообразных кружков.

Кроме того, студенты должны были организовывать в клубах, читальных залах, в помещениях для кружков особые места с подборками газет, а также с проигрывателями пластинок и радиоприемниками, так чтобы местное население с помощью студентов было в курсе текущих событий и могло приобщаться к культуре.

Как уже отмечалось выше, военные действия полностью не исключили из школьных и студенческих каникул той деятельности, которая характерна для мирной жизни. О походах и взаимных посещениях учебных заведений уже говорилось выше. Ко всему прочему, студенты должны были приводить в порядок классы, аудитории, лаборатории, готовить их к сдаче очередных вступительных экзаменов и к началу нового учебного года¹, который в то время начинался в Северной Корее в сентябре.

Молодежь, школьники и студенты, отдохнув летом от регулярных занятий, готовились 15 августа 1950 г. торжественно отметить пятилетие освобождения страны и с сентября 1950 г. приступить к обычной мирной жизни — к учебе в школах и высших учебных заведениях.

Никто не ожидал того, что в войну вступят «войска ООН» во главе с США, что боевые действия будут продолжаться до 27 июля 1953 г. и что война не будет формально закончена даже в начале XXI века.

Лобов Р. Н. (РИСИ, Москва)

Шестидесятилетие установления дипломатических отношений между Республикой Корея и Японией: отражение в современном южнокорейском политическом дискурсе

Взаимоотношения между Республикой Корея и Японией в течение длительного времени остаются почвой для оживленных внутривнутриполитических дискуссий. Налицо отсутствие консенсуса не только по вопросам формирования текущей внешнеполитической линии на японском направлении, но и в оценках событий истории двусторонних отношений. В частности, предметом для полемики в Южной Корее остается тема установления дипломатических отношений с Японией и соответствия мер, которые были предприняты в начале 1960-х гг., долгосрочным национальным интересам Республики Корея.

Наиболее последовательными сторонниками укрепления отношений с Японией остаются политики правоконсервативного лагеря и разделяющие их позиции

¹ Там же.

представители экспертного сообщества РК. Период президентской каденции Юн Согёля, опиравшегося на консервативные круги, стал временем оживления политического диалога между Сеулом и Токио, активизации двусторонних южно-корейско-японских контактов во всех сферах, включая внешнюю и оборонную политику, экономику и финансы. Для Юна Согёля оздоровление атмосферы во взаимодействии с Японией стало делом принципа, что и прослеживалось в том числе в его публичных выступлениях.

Например, в памятной речи, посвященной 105-й годовщине Первомартовского движения, глава государства отметил: «Республика Корея и Япония преодолевают инерцию своего болезненного прошлого и вместе движутся к новому миру. Наши страны стали партнерами, разделяющими ценности свободы, прав человека и верховенства закона, имеют общие интересы и сотрудничают во имя мира и процветания во всем мире. (...) Я надеюсь, что в следующем году, когда будут праздновать 60-летие со дня установления дипломатических отношений между Республикой Корея и Японией, появятся возможности для вывода этих контактов на новый уровень в более продуктивной и конструктивной манере»¹.

В дальнейшем, как сообщали СМИ Республики Корея со ссылкой на японское информагентство *Киодо цусин*, высокопоставленный чиновник из Администрации президента РК «выразил позитивное намерение» по поводу подготовки совместного заявления по случаю 60-летия со времени установления дипломатических отношений, в котором бы содержались обещания развивать двустороннее взаимодействие, ориентированное в будущее. Южнокорейское информационное агентство «Рёнхан» в этой связи напомнило о заявлении ректора Корейского государственной дипломатической академии Пак Чхольхи (в интервью японской *Ниппон кэйдзай синмун*) о необходимости создать «видение новой эпохи» в корейско-японских отношениях, которое бы поддержало тем самым дух совместной декларации, принятой президентом РК Ким Дэчжуном и премьер-министром Японии Обути Кэйдзо в 1998 г.²

Вместе с тем под давлением внутри- и внешнеполитических обстоятельств даже в правоконсервативной печати стали появляться материалы, где выражались опасения по поводу перспектив развития отношений с Японией в юбилейный год. В этом контексте примечателен выход редакционной статьи, опубликованной в газете «*Чосон ильбо*» 28 ноября 2024 г. По оценкам обозревателей издания, необходимость налаживания диалога с Токио остра как никогда, и правительство

¹ [전문]尹대통령 제105주년 3·1절 기념사... “한일, 새 세상 향해 함께 나아가” ([Полный текст] Памятная речь президента Юн Согёля по случаю 105-й годовщины Первомартовского движения. «Республика Корея и Япония вместе идут в новое будущее») // 조선일보 (*Чосон ильбо*). 2024.01.03. URL: <https://biz.chosun.com/policy/politics/2024/03/01/RUNZOEWSDFBEVOIC3CSGD7B2U/> (дата обращения: 15.01.2025).

² "대통령실, 내년 한일국교정상화 60주년 공동문서발표에 긍정적" (Администрация президента: позитивная реакция на совместное заявление по случаю 60-й годовщины установления дипломатических отношений между РК и Японией в следующем году) // 연합뉴스 (*ИА Ёнхан*). 2024.12.03. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20240312151700073> (дата обращения: 15.01.2025).

Республики Корея отнеслось с пониманием к японской позиции по спорным историческим проблемам, однако взаимности не нашло. Материал завершается риторическим вопросом: «Как в этой ситуации мы можем открыть путь в будущее для взаимоотношений между РК и Японией?»¹

На фоне внутривластного кризиса в Республике Корея в южнокорейской периодической печати стали появляться материалы, в которых подвергается сомнению целесообразность широкомасштабных празднований по случаю шестидесятой годовщины с момента установления дипломатических отношений между РК и Японией. Показательны, например, размышления на эту тему посла в отставке Ли Хёнчжуна, опубликованные им в издании «Herald Кёнчже». По его словам, проведение торжеств по случаю 60-летия со дня подписания Договора об основах отношений РК и Японии нежелательно из-за внутривластных разногласий по данному вопросу. По оценке отставного дипломата, сам этот двусторонний договор стал камнем преткновения из-за размытости его положений, которые можно трактовать наиболее удобным для сторон способом. Ли Хёнчжун считает основным выгодоприобретателем от этого договора именно Токио, который получил возможность парировать южнокорейские претензии по тем или иным поводам «несоответствием их духу договоренностей 1965 года»².

Соловьев А. В. (НИУ ВШЭ)

Перечитывая «Самгук саги»: некоторые штрихи к портрету историографа

Составленная придворным историографом Ким Бусиком в XII в. летопись «Самгук саги» (三國史記; «Исторические записи Трёх государств») подвергалась самой разнообразной критике практически все время своего существования. Ким Бусика уже в XIII в. упрекали и в недостаточном уважении к автохтонным корейским источникам (Ли Гюбо)³, и в небрежении конфуцианским историографиче-

¹ [사설] 사도 광산 공동 추도 무산, 日本이 양국 협력 해치고 있다 ([Редакционный комментарий] Отказываясь от проведения совместной церемонии траура на шахте Садо, Япония наносит урон двустороннему сотрудничеству) // 조선일보 (Чосон Ильбо). 2024. 25.11. URL: <https://www.chosun.com/opinion/editorial/2024/11/25/VUZKTDHCXBVCHCQNBOVGGQDTMU/> (дата обращения: 15.01.2025).

² [헤럴드광장] 한일수교 60주년, 성대한 기념행사 필요한가 ([Площадь Herald] Так ли важно провести торжественное мероприятие по случаю 60-й годовщины установления отношений между Республикой Корея и Японией?) // 헤럴드경제 (Herald Кёнчже). 2025.10.01. URL: <https://biz.heraldcorp.com/article/10387496> (дата обращения: 15.01.2025).

³ 李康來 [Ли Ганнэ]. 三國史記 典據論 [Источниковедческое исследование «Самгук саги»]. 서울, 1996. С. 269.

ским канон¹. Апогея эта критика достигает у Син Чхэхо в начале XX в.: «Ким Бусиковская идеология служения высшему — Китаю — уничтожила корейскую историографию куда вернее, чем пушки и пожары»².

Неоднозначны и более поздние оценки Ким Бусика. Для краткости здесь приведем одну из самых выразительных: «Ким Бусик и его команда допускали значительные литературные вольности, не позволяя фактам помешать рассказать хорошую историю с доброй моралью»³.

Задача этого доклада — привлечь внимание коллег к некоторым эпизодам «Самгук саги», характеризующим стиль и подход Ким Бусика как историографа.

Для рассмотрения отобраны три фрагмента летописи: итоговое рассуждение Ким Бусика о танско-когурёских войнах, приуроченное к сообщению о кончине танского императора Тай-цзуна (*квон* 22, 649 г.); заключительное рассуждение Ким Бусика об истории Силла (*квон* 12, 935 г.); преамбула Ким Бусика к разделу об одежде в «Разных описаниях» (*квон* 33).

В первом случае, порицая чрезмерную воинственность Тай-цзуна, Ким Бусик критически противопоставляет явно уважаемым им самим классическим историческим трудам (Синь Тан Шу и Цзычжи тунцзянь)⁴ информацию из сочинения известного танского каллиграфа и литератора Лю Гунцзоаня, которое называет «Разными записями» (кит. 小說: *Сяошо*)⁵. Скорее всего речь идет о сочинении под названием 《小說舊聞記 (Сяошо цзювэньцзи)》 (известно также как 舊聞記), сохранившееся лишь в разрозненных и неполных списках. Сочинения типа «Сяошо» — это фактически исторические анекдоты, легковесные и даже где-то вульгарные⁶, однако в данном случае такие «записки» для Ким Бусика становятся источником, более авторитетным, чем династийная хроника или канонический труд Сыма Гуана.

Во втором случае, описывая корёское посольство к сунскому двору, в котором он сам принимал участие, Ким Бусик приводит рассказ состоявшего при храме сунского чиновника Ван Фу о некоей дочери китайского императора, которая стала матерью «первого правителя Восточных заморских земель (Кореи)»

¹ Ch'oe Yǒng-ho. An Outline History of Korean Historiography // *Korean Studies*. 1980. Vol. 4. P. 7; Breuker R. E. Establishing a Pluralist Society in Medieval Korea, 918–1170 // *History, Ideology, and Identity in the Koryŏ Dynasty* / Remco E. Breuker. Brill's Korean Studies Library. Leyden, 2010. P. 325–327.

² 신채호. 「조선역사상일천년래제일대사건(朝鮮歷史上一年來第一大事件)」 в: 《조선사연구초》(朝鮮史研究草). Цит. по: Breuker R. Op. cit. P. 329.

³ McBride R. D. The Structure and Sources of the Biography of Kim Yusin // *Acta Koreana*. 2013. 16(2). P. 502.

⁴ Ким Бусик минимум 30 раз цитирует «Всеобщее зеркало...» в «Основных записях Силла», 36 раз — в «Основных записях Когурё» и дважды — в «Биографиях» (McBride R. D. The Structure and Sources of the Biography of Kim Yusin. P. 506).

⁵ Приводимый в тезисах термин *Сосоль* / *Сяошо* можно переводить и как «Малые рассказы».

⁶ Согласно южнокорейским справочникам, в древнем Китае термином *Сяошо* обозначали неофициальные рассказы о государе и придворных, в которых не отражались конфуцианские нормы поведения.

и «превратилась в духа земли, что вечно обитает на горе Сондосан (仙桃山)»¹. Далее Ким Бусик сообщает о том, что он также «узнал о том, что именно «Восточная богиня» является Духом горы Сондосан, но не узнал о том, в какое время сын ее являлся ваном»².

Ким Бусик не называет имени основателя — речь может идти и о Пак Хёккосе³, и о Тонмёне (мать которого — Восточная богиня — в таком случае становится дочерью речного божества Юхва)⁴, а для М. Н. Пака такая неопределенность говорит о том, что «здесь Ким Бусик несомненно отличает легендарное от исторического и не стремится приурочивать легенду к какому-либо определенному времени»⁵ — то есть об известной методологической строгости историографа. Однако и ту, и другую идентификацию ставит под сомнение замечание Ким Бусика о том, что он «не узнал о том, в какое время сын ее являлся ваном», а даты воцарения и Пак Хёккосе, и Тонмёна Ким Бусику были прекрасно известны и в летописи названы. Таким образом, в этом случае речь может идти о каком-то неназванном, альтернативном первопродке (первооснователе).

Наконец, в преамбуле к разделу об одежде в «Различных описаниях» Ким Бусик вспоминает, как сунский смотритель ворот не смог определить в нем иностранца: «...смотритель... спросил: “Кто [из вас] посланник [страны] Корё?” Получив ответ: “Это я”, он засмеялся и ушел»⁶. Дело было в том, что одеяния корёсцев ничем не отличались от сунских.

На первый взгляд этот эпизод — яркое свидетельство китаефильства Ким Бусика или даже его преклонения перед Китаем. Однако Ким Бусик здесь скорее имеет в виду, что корейцы сумели не просто идеально перенять китайскую культуру, но и восприняли ее едва ли не тоньше и глубже, чем сами современные им китайцы. В подобных эпизодах можно увидеть корни концепции «Малого Китая», которая окончательно оформится несколько позже.

Смех же китайского смотрителя ворот остается загадкой — как трактовать его поведение, совершенно непонятно.

Эти «штрихи к портрету», возможно, ставят даже больше вопросов, чем дают ответов, показывая, что в «Самгук саги» осталось еще много «белых пятен», которые заслуживают самого пристального внимания корееведов.

¹ Ким Бусик. Самгук саги. Летописи Силла / изд. текста, пер., вступ. ст. и коммент. М. Н. Пака. М.: Вост. Лит., 1959, 2001. С. 293.

² Там же.

³ Shultz Edward J., Hugh H. W. Kang (trans.). The Silla Annals of the Samguk sagi. Seongnam: The Academy of Korean Studies Press, 2012. P. 405.

⁴ Breuker R. Op. cit. P. 324–325.

⁵ Ким Бусик. Самгук саги. Летописи Силла. С. 345, коммент. 60.

⁶ Ким Бусик. Самгук саги. Разные описания. Биографии / изд. текста, пер., вступ. ст., коммент., прил. под общ. ред. М. Н. Пака и Л. Р. Концевича. М.: Восточная литература, 2002. С. 53.

Терехин Н. Н. (НИУ ВШЭ)

Три неизвестные работы о корейском крестьянстве: открытия в фондах Российского государственного архива социально-политической истории

В современном отечественном корееведении достаточно подробно исследована его история формирования и развития, о чем свидетельствует десятитомная серия «Российское корееведение в прошлом и настоящем», опубликованная в 2004–2013 годах. Однако и сегодня многие аспекты истории российского корееведения остаются практически не затронутыми, в частности вопрос изучения корейского крестьянства в советских работах 1920–30-х годов. Упомянутой теме посвящен лишь четвертый том обозначенной выше серии, в котором перепечатаны статьи из советских научных и общественно-политических журналов первой половины XX века, уже знакомые отечественным исследователям. При этом новых, неизвестных прежде работ в нем не представлено, что обусловлено рядом объективных и субъективных факторов.

При изучении материалов Российского государственного архива социально-политической истории нам удалось обнаружить три работы, посвященные корейскому крестьянству периода японского колониального господства. Ранее они не были включены ни в один из двух имеющихся библиографических списков корееведческих трудов. Обнаруженные тексты хранятся в 495 фонде «Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ)», 135 описи «КП Кореи», в делах № 153, 202 и 205. Их датируют 1928, 1935 и 1936 годами, а авторами выступают Пак Чинсун, неизвестный исследователь (предположительно Ли Канг), и А. Сольц соответственно.

Первая работа, написанная Пак Чинсуном в 1928 году и предназначенная для ознакомления О. В. Куусинена¹ с корейскими реалиями, озаглавлена «Корейское крестьянство и японский империализм (Очерки по аграрному вопросу и крестьянскому движению в Корее)». Она включает уникальные статистические данные о бюджетах корейских крестьянских домохозяйств, которые не встречаются в других отечественных и зарубежных исследованиях. Автор также приводит интересные выводы о политике так называемой «аграризации», проводившейся японским империализмом на Корейском полуострове. Однако работа ценна не только этим, но и тем, что в ней впервые с марксистских позиций рассматривается вопрос земельных отношений в доколониальной Корее.

Вторая работа, написанная неизвестным автором (предположительно Ли Кангом, о чем свидетельствуют сходство стиля и использование подписи «Ли»), датирована 1935 годом и озаглавлена «Крестьянское движение в Корее». Интерес к этому труду обусловлен двумя ключевыми факторами. Во-первых, именно здесь

¹ Секретарь, член Президиума Исполкома Коминтерна.

в первый и в последний раз в российском корееведении открыто говорится о слабости и ошибках крестьянского движения, а также о его спаде во второй половине 1930-х годов. Во-вторых, данная работа остается единственной, где приводятся точные данные о рационе основной массы корейского крестьянства.

Третья работа, написанная А. Сольцем в 1936 году, представляет интерес не столько разделом о социально-экономическом положении корейского крестьянства в период японского колониального господства (где встречается мало нового), сколько анализом социально-экономической системы доколониальной Кореи. Именно в ней, задолго до исследований М. Н. Пака, подвергаются критическому разбору труды основного корейского марксистского историка Пэк Намуна.

Представленные работы, уникальные по характеру и ценности содержащихся в них материалов, дополняют наше представление о методологических принципах и ключевых выводах советского корееведения. Их введение в научный оборот открывает новые горизонты для углубленного изучения истории российской корееведческой школы и дает возможность по-новому взглянуть на эволюцию ее основных направлений.

Хазизова К. В. (ИСАА МГУ, Москва)

Корёский ван Кочжон: полвека правления, которое никто не заметил

23-й ван Корё Кочжон (1192–1259; имя, использовавшееся до вступления на трон — Ван Чхоль), старший сын вана Канчжона (1152–1213, правил в 1212–1213), был провозглашен наследным принцем в 1212 г., и спустя всего год после смерти отца в 1213 г., взошел на престол в возрасте 20 лет. Он носил титул вана в течение долгих 47 лет, но его правление не было ознаменовано громкими военными победами, радикальными политическими реформами или иными великими достижениями. Напротив, Кочжон остался в истории как один из наименее заметных, «аполитичных» правителей Корё, несмотря на то что середина XIII в. была, пожалуй, самым сложным, нестабильным и противоречивым периодом в истории государства.

Правление Кочжона¹ совпало с крупнейшими проблемами в истории государства: во внутренней политике окончательное господство закрепилось за кланом Убонских Чхве и администрацией военных, во внешней — страна столкнулась с монгольской агрессией. Поскольку Кочжон вступил на престол уже при военном правителе Чхве Чхунхоне (1149–1219), успевшем прочно занять место высшего сановника и, по сути, первого лица государства, у молодого вана не было шансов

¹ Доклад основан преимущественно на материалах летописи «Корёса» (История [государства] Корё), разделы «История домов» и «Биографии».

проявить себя на политическом поприще, и он всю жизнь пробыл в тени военных чиновников.

В начале правления Кочжона, на фоне частичной стабилизации внутренней ситуации в стране разразился первый внешнеполитический кризис: в 1216 г. в Корё вторглись кидани, которых удалось полностью изгнать только спустя три года, однако на смену им пришли монгольские орды Чингисхана. В 1231 г. (18-й год правления Кочжона) в ходе монгольского завоевания Китая произошло очередное, уже гораздо более масштабное вторжение монголов на Корейский полуостров под командованием Саритая, так что по решению Чхве И (сына Чхве Чхунхона, умершего в 1219 г.) в 1232 г. (19-й год правления Кочжона) столица была перенесена на о. Канхвадо, а население северных провинций в целях безопасности было эвакуировано на морские и речные острова.

Так, долгие годы ван Кочжон провел в изоляции на острове¹, окруженный лишь детьми и немногочисленной свитой; вернуться в столичный город Кэгён он смог только в 1259 г., незадолго до смерти. В отличие от большинства правителей Корё, у него была только одна супруга — Анхе тхэху из рода Ю, на которой он женился в 1218 г.; в 1219 г. она родила принца Ван Чжона (будущего вана Вончжона, 1259–1274), позднее — князя Ангён Ван Чхана и принцессу Сухын; умерла в 1232 г. После смерти старшей и единственной жены ван, по сведениям летописи «Корёса»², не имел официальных жен или наложниц.

Не имея возможности заниматься государственными делами, Кочжон посвятил себя буддизму. Ван регулярно посещал храмы и лично участвовал в буддийских церемониях, отдавая предпочтение храмам школы Хваом (кит. Хуаянь), даже декламировал и пел сутры, что было, в принципе, редкостью для правителя. В 1236 г. (23 год правления Кочжона) он, чтобы победить монгольскую армию силой Будды, повелел основать ведомство Тэчжан тогам и инициировал составление нового Свода буддийских сутр — многотомной Трипитаки Кореана (Пхальман тэчжангён), которое заняло 16 лет (1236–1251). Первый вариант Трипитаки начали составлять во время войны с киданьским государством Ляо, продолжили его издание в 1011–1085 гг., однако он был утерян в ходе монгольского нашествия 1231 г., и Кочжон считал, что восстановление Великого свода поможет стране бороться с захватчиками. Это решение было, пожалуй, единственным реализованным волеизъявлением вана за все время его пребывания на троне; при этом важно отметить, что вся работа по изготовлению ксилографов и оттисков была оплачена военным правителем Чхве И³.

¹ Подробнее см., например: *Юн Ёнхёк*. Ёмон чончжэн-гва Канхвадо-сон ёнгу (Изучение Корёско-монгольской войны и крепости на острове Канхвадо). Сеул: Хеан, 2011. 351 с.

² Корёса (История [государства] Корё). Книга 88. Биографии, ч. 1. Супруги и наложницы, разд. 1. Супруги и наложницы Коджона. URL: <https://terms.naver.com/entry.naver?docId=1672520&categoryId=62163&cid=62131> (дата обращения: 15.01.2025).

³ См.: *Ли Джонсин*. Корё сидэ Коджон ёнгу — Чхве И-ваый кванге-рыль сунсим-ыро (Исследование правления корёского Коджона — на примере отношений с Чхве И) // *Хангук инмульса ёнгу (Исследование персоналий Кореи)*. 2005. № 3. С. 89–117.

Некоторые исследователи ставят в заслугу Кочжону то, что в 1259 г., незадолго до смерти, он по собственной инициативе отправил в Монгольское государство наследного принца Ван Чжона с целью провести переговоры и добиться мирного соглашения. К этому времени власть могущественного военного клана Чхве закончилась (правнук Чхве Чхунхона Чхве Ый был убит в 1258 г.), а очередной «временщик» из числа военных чиновников Ким Чжун не был в состоянии полностью контролировать государство и также заигрывал с монголами. Это привело к установлению вассальной зависимости Корё от империи Юань на последующее столетие, однако избавило страну от масштабного вторжения и разорения. Кочжон стал последним правителем Корё, носившим официальный высший титул *лхха* — «Ваше величество».

Таким образом, ван Кочжон хотя и пробыл на престоле дольше всех правителей династии Ван, однако вошел в историю как один из наиболее незначительных и маловлиятельных государей, поскольку в разгар «военного правления» клана Чхве у него не было возможности проявить себя на политическом поприще, и он был вынужден довольствоваться формальной ролью марионетки, которая «царствует, но не правит».

Чеснокова Н. А. (ИКВИА НИУ ВШЭ, Москва)

«Записи Чон Кама» 鄭鑑錄 (Чон Кам нок, XVI–XVII вв.): как до наших дней сохранилась «самая запрещенная книга» Чосона?

Исследование посвящено истории изучения и распространения пророческого текста «Записи Чон Кама» (鄭鑑錄, *Чон Кам нок*) в Корее. Автор неизвестен, как и первоначальная дата составления. Неизвестно также, как первоначально распространялся текст: был ли он рукописный или передавался в устной форме? Написан ли был на *ханмуне*, либо при помощи собственной корейской письменности? Тем не менее неоспорим факт — данный пророческий текст повлиял на многие народные восстания в государстве Чосон (1392–1897), и вплоть до настоящего времени он вдохновляет корейских писателей, религиозных деятелей и даже политиков.

«Записи Чон Кама» — это собрание пророческих сочинений, объединенных единой темой, а именно скорым концом правления династии Ли (1392–1910) и приходом к власти новой династии — Чон. Отдельные пророчества приписываются видным корейским религиозным деятелям и специалистам по гаданиям. В настоящее время сохранились копии «Записей Чон Кама», датируемые XIX–XX вв. Число предсказаний в них разнится. Тем не менее все объединены основным предсказанием, которое и связано с неким Чон Камом 鄭鑑. Известно, что

он чиновник, который хорошо знаком с географической теорией «ветров и вод» (*пхунсу чирисоль*, 風水地理說). Опираясь на данную теорию, он рассуждает о географии Корейского полуострова в беседе с чиновником Ли Симом 李沁. Чон Кам утверждает, что правящая династия Ли обречена, и это не изменить. Более того, это закономерно. Поэтому при ослаблении центральной власти многие амбициозные группы использовали «Записи Чон Кама» для убеждения народных масс и легитимации своих притязаний на власть.

Но использование «Записей Чон Кама» для убеждения народных масс — это только начало пути представленного текста. В нашем исследовании мы выделяем следующие стадии распространения, сохранения и изучения «Записей Чон Кама»: 1) XVII–XIX вв.; 2) изучение произведения корейскими религиозными деятелями и японскими учеными в начале XX в.; 3) изучение и интерпретация текста южно-корейскими религиозными деятелями после Освобождения в 1945 г.; 4) научное изучение произведения, которое началось с 1960-х гг. Четкую границу между периодами трудно выявить, т. к. зачастую процессы шли параллельно.

Проясним, что именно имеется в виду.

Вплоть до конца периода Чосон текст «Записей Чон Кама» считался запрещенным, хотя и был широко известен, что косвенно можно подтвердить на основе упоминаемых в произведениях позднего Чосона присущих «Записям Чон Кама» идеям о важности горы Керёнсан, «десяти местах спасения» и грядущей смене династии. На этом этапе можно говорить прежде всего о постепенном «заражении» идеями пророчества народных масс. Термин «заражение» мы используем, опираясь на методологию анализа распространения идей, предложенную Густавом Лебоном (1841–1931).

Следующий этап — это сохранение и распространение текста благодаря японским ученым и путешественникам в начале XX в. Вплоть до настоящего времени в архивах Японии представлено значительное число поздних копий «Записей Чон Кама». Интерес японцев к корейскому «запрещенному тексту» можно объяснить через возможное желание манипулировать сознанием корейских непросвещенных народных масс для утверждения закономерной смены власти на полуострове. Одновременно с этим к «Записям Чон Кама» обращались корейские религиозные деятели. Процессы шли параллельно и преследовали разные цели, хотя и были ориентированы преимущественно на одну целевую группу.

Наиболее примечательными представляются третий и четвертый этапы — обращение к «Записям Чон Кама» религиозных деятелей Кореи во второй половине XX в. и одновременно изучение его корейскими учеными. Пророчество одновременно находится в «маргинальной» плоскости, т. к. часто используется различными религиозными группами, в т. ч. сектами. Но, с другой стороны, содержание «Записей Чон Кама» и ассоциируемая с ним «народная борьба» начинает во второй половине XX в. восприниматься как составляющая корейской идентичности, что связано с борьбой корейского народа за свою независимость в конце

XIX в. и со становлением теории *пхунсу чирн соль* как одной из характеристик корейского традиционного пространства. В Республике Корея 1960–1970-х гг. при формировании нового «идеологического ядра» нового государства «Записи Чон Кама» оказались востребованы.

Таким образом, используя методологию Густава Лебона о распространении идей в народных массах, мы анализируем выделенные периоды в распространении, сохранении и изучении «Записей Чон Кама» на конкретных примерах и в хронологической последовательности, обращая внимание, как на протяжении веков изменялось отношение к произведению.

Секция XIX • Section XIX
Монголоведение, тибетология, буддология
Historiography and Source Studies of Mongolia,
Tibet and Buddhism

Natalia Mikhailova (Université Laval; SOAS, University of London, London)

**Navigating the Tibet Museum in Dharamsala
as a Historical Source**

For more than sixty years already, Tibetan history has been a virtual battlefield for two major conflicting groups. Since Tibet became a part of the People's Republic of China in 1951 and especially after the immigration of the Fourteenth Dalai Lama to India in March 1959, an increasing number of historical representations have been written in support of either a “pro-Tibetan” or a pro-Chinese view on the history of Tibet. Such conflicting views are exposed in history books or via disseminating information through various media outlets. The recent controversy concerning an attempt to rename “Tibet” to “Xizang” and “Tibetan” to “Himalayan” at the Musée du Quai Branly and the Musée Guimet in Paris¹ may serve as a good example.

In February 2022, a new landmark museum opened at the very heart of Tibetan exile community in Dharamsala, India. In the official introduction to the exposition on the online museum app, a guide named Tenzin starts his tour by saying that he is going “to walk you through the past, present, and future of Tibet and its people”. The Tibet Museum comprises 10 interconnected sections which display a general overview of Tibetan history and culture, the life of the Fourteenth Dalai Lama and the story of his flight into exile, as well as a sizable collection of pictures and stories from contemporary Tibet. The visitor is impressed not only by its modern and well-thought space planning but also by

¹ E.g., see Tsering Shakya. Tibet Must Stand! URL: https://blogs.soas.ac.uk/china-institute/2024/12/11/tibet-must-stand/?fbclid=IwZXh0bgNhZW0CMTEAAR2-gdJISh_AedHuEa8IJPcQl6XJqg-AhsU8tY8OS-6nDNyjMc4N6OXoVhec_aem_hjRgBUx1qmKgnz_vEU4BMg (accessed: 17.12.2024).

the persuasive narrative of “Tibetan independence” through a detailed exposition with accompanying materials both in Tibetan and English (a mobile phone app, brochures, points with audio and visual support of the narrated stories). Despite the fact that the Tibet Museum was established by the Central Tibetan Administration (CTA) in India, it claims its right to voice the “true story” of all Tibetans from the standpoint of a unified independent Tibetan nation — a concept denied in the PRC where the Tibetans are regarded as inseparable members of the grand Chinese family of nations.

Having undertaken a field trip to Dharamsala in February 2023, I aim to use the collected data and tools of critical discourse analysis to deconstruct the state-in-exile master narrative created in the Tibet Museum from several angles: textual, visual, audio, and psycho-emotional. The present paper will explain who worked on establishing the museum collection, how the form and content of the exposition contribute to the CTA’s promotion of Tibetan nationalist ideology, and why the presented “truth” must be contextualized to see a more balanced picture of the Tibetan historical past and present.

Алексеев К. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Совмещение мотивов, или о том, как Нейджи-тойн напоил чаем свирепых охотников

Жизнеописание странствующего проповедника Нейджи-тойна (1557–1653) является одним из ярчайших образцов монгольской агиографии. Оно было составлено в 1739 г. и впоследствии издано ксилографическим способом в Пекине.

Среди описаний чудес, совершенных проповедником, есть эпизод о том, как Нейджи-тойн напоил чаем из маленького котелка множество чахарских охотников¹. В основе этого сюжета лежит распространенный в мировой словесности мотив неисчерпаемого или умножаемого блага (в первую очередь еды и питья)².

Буддизм неоднозначно относится к демонстрации «сверхъестественных» способностей³. Тем не менее уже ранние буддийские тексты содержат описания чудесных свершений, в том числе сюжеты насыщения множества людей малым количеством пищи. Так, например, в двенадцатой главе тхеравадинского трактата «Висуддхимагга» (V в. н. э.) рассказывается история о том, как Будда накормил всю

¹ Altanorgil (ed). *Öbör boyda-yin namtar*. Mongyol surbulji bičig-ün kömörge 1. *Öbör mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a*, 2010. P. 40–41.

² См., например, Thompson S. *Motif-Index of Folk-Literature: A Classification of Narrative Elements in Folk-Tales, Ballads, Myths, Fables, Mediaeval Romances, Exempla, Fabliaux, Jest-Books, and Local Legends*, rev. and enl. edn. 6 vols. Bloomington, Indiana University Press, 1955. Nos. 1652–1, 1652–2.

³ О специфике отношения буддизма к демонстрации чудес см., например, Gethin R. *Tales of Miraculous Teachings: Miracles in Early Indian Buddhism* // Graham H. T. (ed.). *The Cambridge Companion to Miracles*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011. P. 216–234; Granoff P. *The Ambiguity of Miracles. Buddhist Understandings of Supernatural Power* // *East and West*. 1996. 46(1/2). P. 79–96.

общину монахов одной чашей риса¹. Аналогичные истории содержатся в других буддийских канонических текстах, а также в агиографической литературе².

После демонстрации чуда Нейджи-тойн произносит проповедь о грехе убийства, в результате которой охотники обещают больше не промыслять зверя в местах пребывания святого. Эта часть сюжетного блока восходит к распространенному в буддийской литературе мотиву обращения на праведный путь персонажа с неподобающим занятием (охотника, мясника и т. д.). Аналогичные сюжеты содержатся в «Жизнеописаниях восьмидесяти четырех сиддхов», а также составляют главу об обращении свирепого охотника в «Гурбуме Миларепа» (изд. 1488 г.)³.

Таким образом, рассматриваемый сюжетный блок в жизнеописании Нейджи-тойна образован совмещением проекций двух распространенных в буддийской литературе мотивов. Их взаимообусловленность в сюжете достигается за счет того, что в качестве целевой аудитории для демонстрации чудесных способностей центрального персонажа выведены не обычные люди, а охотники, чье занятие осуждается буддийской традицией.

Варенов А. В. (НГУ, Новосибирск)

Чжурчжэньская жена Чингисхана и три средневековые картины об отъезде девушек на чужбину

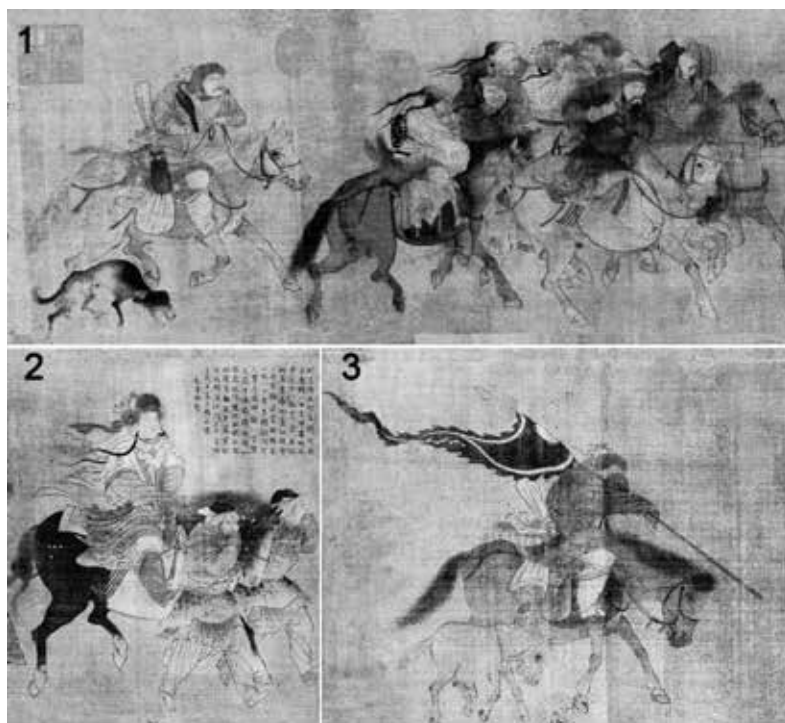
Чжурчжэньская принцесса княжества Ци (岐国公主 *Циго гунчжэ*, точные даты рождения и смерти неизвестны) была четвертой дочерью седьмого цзиньского императора Вэй-шао-вана (卫绍王, гг. правл. 1208–1213). Считается, что Ваньянь Юнцзи был нерешительным, неспособным к управлению страной и не умел разбираться в людях, что его в итоге и погубило. Он вступил на престол в 1208 г., а незадолго до этого, в 1206 г., монгольский вождь Темуджин был провозглашен Чингисханом. В 1211 г. он начал войну против Цзинь⁴.

¹ Bhikkhu Ñāṇamoli (tr.). *The Path of Purification (Visuddhimagga)* by Bhadantācariya Buddhaghosa. Colombo: Buddhist Publication Society, 2010. P. 396.

² См., например, эпизод из краткого жизнеописания махасиддхи Канхапы в «Жизнеописаниях восьмидесяти четырех сиддхов» (XII в. н. э.). Dowman K. *Masters of Mahāmudrā: Songs and Histories of the Eighty-Four Buddhist Siddhas*. SUNY Series in Buddhist Studies. Albany [N. Y.]: State University of New York Press, 1985. P. 126.

³ Chang G. (transl.). *The Hundred Thousand Songs of Milarepa*. Vol. I. Boulder & London: Shambhala Publications, 1977. P. 275–286.

⁴ Ваньянь Юнцзи. URL: <https://baike.baidu.com/item/完颜永济/6891441> (дата обращения: 21.01.2023). (На кит. яз.)

Ил. 1. Картина Чжан Юя «Вэньцзи возвращается в Хань»

В 1211 г. Ваньянь Юнцзи разжаловал военачальника Хушаху (胡沙虎), отвечавшего за оборону Западной столицы чжурчжэней (совр. Датун大同), но бросившего город на произвол судьбы. Через год, в 1213 г., Ваньянь Юнцзи простил Хушаху и призвал его для обороны Средней столицы (Яньцзин, совр. Пекин), где находился императорский двор. Хушаху и там пренебрегал своими обязанностями. Когда в августе 1213 г. Ваньянь Юнцзи попытался урезонить Хушаху, тот поднял мятеж, захватил столицу и сверг императора с престола, вскоре отравив его. В сентябре 1213 г. Хушаху сделал новым императором Сюань-цзуна (宣宗, г. правл. 1213–1224). Месяц спустя Хушаху был убит¹.

Осенью 1213 г., пока происходили описанные выше драматические события, монгольское войско подступило к Средней столице чжурчжэней. Сюань-цзун вступил с монголами в переговоры о мире, и в марте 1214 г. соглашение было подписано. Одним из условий снятия осады оказалось предоставление Чингисхану невесты из рода чжурчжэньских императоров. На тот момент среди дочерей действующего и бывших цзиньских императоров имелось семь незамужних девушек. Выбор пал на принцессу Ци, дочь убитого незадолго до того Ваньянь

¹ История Золотой империи / Пер. Г. М. Розова, коммент. А. Г. Малявкина. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. С. 196–200.

Ил. 2. Картина Гун Сужань «Мин фэй покидает заставу»

Юнци (Вэй-шао-вана). Принцесса согласилась поехать на север к монголам ради спасения родины¹. Мать девушки, дама Циньшэн из рода Юань (钦圣夫人袁氏 *Циньшэн фужэнь Юань ши*), сопровождала ее в Монголию². Монголы называли новую ханшу «принцесса-императрица» (公主皇后 *гунчжэ хуан-хоу*), а Чингисхан относился к ней очень хорошо. Детей у принцессы Ци не было, но она прожила долгую жизнь. Она была еще жива в нач. 1260-х³.

Мы считаем, что отъезд принцессы Ци в Монголию нашел отражение в трех живописных произведениях, созданных в XIII в. Полотно Чжан Юя «Вэньци возвращается в Хань» рассказывает о восточно-ханьской поэтессе Цай Янь (Цай Вэньци), выкупленной у сунну в начале III в. н. э. Приписываемый Гун Сужань свиток «Мин-фэй покидает заставу» иллюстрирует полулегендарную историю о Ван Чжаоцзюнь, наложнице западно-ханьского императора Юань-ди, которая в последней трети I в. до н. э. была выдана замуж за вождя сунну. Повод для создания картины «Кочевники» Ху Хуаня точно не известен. Все три картины объединяет общий сюжет — конная процессия с девушкой в качестве главного персонажа, движущаяся вперед навстречу холодному зимнему ветру.

¹ Циго гунчжэ. URL: <https://baike.baidu.com/item/岐国公主/5164307> (дата обращения: 21.01.2023). (На кит. яз.)

² Циньшэн — титул наложницы пятого ранга в империи Цзинь. Циньшэн фужэнь. URL: <https://baike.baidu.com/item/钦圣夫人/15650133> (дата обращения: 21.01.2023). (На кит. яз.)

³ Циго гунчжэ. URL: <https://baike.baidu.com/item/岐国公主/5164307> (дата обращения: 21.01.2023). (На кит. яз.)

Ил. 3. Картина Ху Хуаня «Кочевники»

Печальная судьба юной цзиньской царевны, сначала потерявшей отца, а потом почти сразу после этого отправленной на чужбину, совсем как восточно-ханьская Цай Янь, могла вдохновить Чжан Юя вскоре после событий 1213–1214 гг. написание картины о Цай Вэньци. В момент создания полотна надежда на общий реванш чжурчжэней и возвращение принцессы Ци еще не угасла окончательно¹. Его более поздняя бумажная копия, приписанная Гун Сужань, при сохранении даже в деталях общей композиции, уже явно намекает (через образ служанки с *пипой*) на пожертвовавшую собой, по версии «Бяньвэнь о Ван Чжаоцзюнь», ради блага страны, наложницу Мин (Мин-фэй), которая назад в Китай никогда не вернулась². Но у этой истории, возможно, есть и еще более поздняя живописная интерпретация.

Известная нам история замужества принцессы Ци и данные о ее жизни у монголов позволяют предположить, что картина «Кочевники» могла быть написана по ее заказу в середине XIII в. и изображать ее собственную свадебную процессию. Выходящая замуж девушка — это принцесса Ци, которая идет рядом со своей матерью дамой Циньшэн, сопровождающей ее в Монголию. Мать и дочь показаны в одеждах жен монгольской знати, видимо, с учетом их текущего на момент создания картины статуса. Замыкающий процессию мужчина в шапке с красным верхом, с узды коня которого свисает красная кисть, может быть либо монгольским посланом, либо самим будущим мужем принцессы — Чингисханом.

¹ Варенов А. В., Пан Т. А. Средневековая китайская картина «Кочевники» и проблема ее атрибуции // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2022. Т. 21. № 4. *Востоковедение*. С. 28–29, 31–33. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-21-41.

² Ван Чжаоцзюнь бяньвэнь. URL: <https://baike.baidu.hk/item/王昭君變文/54131469> (дата обращения: 21.01.2023). (На кит. яз.)

Таким образом, все три рассмотренные картины могли в художественной форме отражать одно и то же событие, произошедшее в 1214 г. Свитки Чжан Юя и Гун Сужань являлись аллегориями. Через древние аналогии (хотя и оснащенные реалиями текущего дня в виде одежды изображаемых фигур, особенностей убранства их коней и т.п.) они символически намекали на современное живописцам событие. Картина «Кочевники», напротив, задумана как вполне реалистическая, хотя, возможно, задним числом слегка и приукрашивающая действительность в плане трактовки одежды главных персонажей.

Галданова О. А. (Государственный музей Востока, Москва)

Границы стиля: к историографии монгол зураг

Монгол зураг (монг. «монгольская живопись», «монгольская картина») является одной из важнейших страниц в истории монгольского искусства и, естественно, является героем множества публикаций, посвященных монгольской живописи XX в. Однако при том, что описание стилистических признаков *монгол зураг* от текста к тексту в целом совпадает, некоторые аспекты этого явления характеризуются исследователями по-разному. Так, К. А. Чутчева уже отмечала¹ существование нескольких версий определения *монгол зураг* в советской историографии. Во-первых, разные авторы относили это явление к разным категориям: Н. В. Кочешков и И. И. Ломакина называли *монгол зураг* стилем, Т. В. Сергеева — течением, Д. Майдар использовал термин «жанр», а сама исследовательница определяет *монгол зураг* как направление. К этому следует добавить, что эта неопределенность категории *монгол зураг* прослеживается и в современных публикациях, причем, «стиль», «направление», «течение», «манера» могут чередоваться и внутри одного текста. Кроме того, несколько примеров словно обходят конкретику, называя *монгол зураг* просто «национальной монгольской живописью», «монгольской художественной традицией» и т. д.

Во-вторых, К. А. Чутчева выделяет две версии о времени зарождения *монгол зураг*, по одной из этих версий, изложенной Т. В. Сергеевой, его сложение связано с серединой 1950-х гг., временем работы У. Ядамсурэна и А. Сэнгэцохио; по версии И. И. Ломакиной точкой отчета следует считать творчество Б. Шаравы и других мастеров начала XX в. Добавим, Н. В. Кочешков «сдвигал» пору зари стиля к XII–XIII вв.², более того, создается впечатление, что он относил к *монгол*

¹ Чутчева К. А. Изобразительное искусство Монголии XX века в контексте влияния русской художественной школы: дис. ... канд. иск.: 17.00.04 / Чутчева Ксения Александровна. Барнаул, 2006. С. 51–52.

² Кочешков М. Н. Монгольская национальная живопись и ее традиции // *Искусство*. 1973. № 12. С. 48.

зураг все изобразительное искусство, созданное монголами, пропитанное народными духом, пробивающимся даже сквозь буддийский изобразительный канон. Б. Ринчен писал о *монгол зураг* как о многовековой традиции, чьими приемами Шарав передал современность¹. Но все же сейчас основными являются идеи о зарождении *монгол зураг* в начале XX в. (или на рубеже XIX–XX вв.) при непосредственном участии Б. Шаравы² или в середине — конце 1950-х гг.³, хотя здесь иногда в качестве «первой ласточки» упоминаются работы Д. Манибадара 1940-х гг.⁴

Определенный разброс идей наблюдается в вопросе корней *монгол зураг*. В том, что основой стиля служит буддийская изобразительная традиция (в этой связи эпизодически вспоминается и аппликативная икона), исследователи в основном единодушны. Тогда как в отношении дополнительных источников авторы предлагают разные варианты: народное искусство (иногда уточняется, что это декоративно-прикладное искусство или народные картинки); творчество Б. Шаравы (если исследователь ведет отсчет *монгол зураг* с 1950-х); влияние национальных традиции Китая (*гохуа*) и Кореи (*чосонхва*)⁵; древние традиции (наскальные изображения⁶, культура хунну⁷, «глубокая архаика»⁸); особое мировоззрение монголов, обусловленное объективными факторами их образа жизни и среды⁹.

¹ Ринчен Б. Монгольская национальная живопись «монгол дзураг» // Ринчен Б. Из нашего культурного наследия: сборник статей. Улан-Батор, 1958. С. 66.

² Цултэм Н.-О. Монгольская национальная живопись «монгол зураг». 1986; Альфонсо Н. Г. «Монгол зураг». Время поиска, эксперимента, открытий // *Воронцово поле*. 2021. № 3. С. 71; Виноградова Н. А., Каптерева Т. П., Стародуб Т. Х. Традиционное искусство Востока. Терминологический словарь. М., 1997. С. 223; Сосор О. Эволюция художественной культуры и искусства Монголии // *Евразийство и мир*. 4/2014. С. 79; Бавуужав Н. Дүрслэх урлагийн дээжис. Улаанбаатар, 2000; Чутчева К. А. Указ. соч.; Монголын дүрслэх урлагийн нэвтэрхий толь. Улаанбаатар, 2018. Х. 216; Медянцева Т. В. Картина Марзан Шаравы «Праздник кумыса» (опыт искусствоведческого анализа) // *Вестник алтайской науки*. 2012. № 2. С. 89–92; Мелехова К. А. Роль художественных традиций в искусстве Монголии // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016. № 6(68). Ч. 2 С. 131–134; Иккерт Т. В. Живопись Шаравы в контексте евразийских тенденций // *Манускрипт*. Т. 12. Вып. 10. Тамбов, 2019. С. 253.

³ Atwood, C.P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. 2004. P. 391. Tsultemin, U. Mongol Zurag: Nyam-Osoryn Tsultem and Traditional-style Painting in Mongolia // *Orientations*. 2017. P. 139.

⁴ Atwood C. P. The art and architecture of Mongolia // *The arts in Eastern Central Asia*. 2005. P. 727; Сергеева Т. В. Традиции и современность в монгольской живописи // *Искусство*. 1981. № 7. С. 52.

⁵ Иккерт Т. В. Живопись Шаравы в контексте евразийских тенденций // *Манускрипт*. Т. 12. Вып. 10. Тамбов, 2019. С. 255–256.

⁶ Цултэм Н.-О. Монгольская национальная живопись «монгол зураг». 1986.

⁷ Баяртөр Б. Монгол уран зураг. Улаанбаатар, 2008.

⁸ Стиль монгол-зураг и русский лубок: общее и особенное // *Искусство Сибири и Монголии XX — начала XXI в.: очерки истории и теории*. Монография / под ред. М. Ю. Шишина, С. М. Белокуровой, Д. Уранчимэг, Е. В. Макаровой. Барнаул, 2018. С. 16.

⁹ Баяртөр Б. Монгол уран зураг. Улаанбаатар, 2008.

Интересна идея Т. В. Сергеевой, однако никем в последствии не поддержанная, выделить в отдельный стиль картины с панорамным изображением «целого калейдоскопа»¹ действий, показанных с высоты птичьего полета.

Выше уже упоминалось единодушные исследователей в описании визуальных характеристик *монгол зураг* — авторами подчеркивается плоскостность, четкий контур, декоративность цвета и рисунка и т. д., а различия могут выражаться лишь в дополнительных или опущенных нюансах, которые в целом на сути не сказываются. Вместе с тем когда дело доходит до примеров, то в некоторых случаях границы стиля приобретают почти аморфный характер. Так, порой создается впечатление, что любое произведение монгольского художника с явным контуром изображенным объектов, линейным рисунком или локальным цветом может быть отнесено к *монгол зураг*. Например, к *монгол зураг* было отнесено творчество Г. Дунбурээ, С. Тугс-Оюун², и других художников³. Кроме того, представляется, что по тем же признакам наличия контурного рисунка и декоративного цвета обнаружены черты в картине Жамсарана «Весна на Орхоне» (1962)⁴, в творчестве Чогсома⁵ и Амгалана⁶.

Дробышев Ю. И. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Идеологические аспекты монголо-корейских отношений в XIII в.

Подчинение Кореи прошло несколько этапов, показательных с точки зрения изменений монгольской имперской идеологии. В 1216–1218 гг. в Корею вторгались кидани. Первое нападение удалось отбить, но второе фактически было подавлено монголами, которые потребовали от Кореи помощь провиантом. При этом они вели себя на корейской земле как хозяева, а монгольские посланцы не придерживались правил этикета, однако настаивали на признании своего государства «старшим братом», а корейского, соответственно, «младшим»⁷. Такая модель взаимоотношений хорошо известна в Восточной Азии. В ней нет нетерпимости к чужой свободе.

¹ Сергеева Т.В. Традиции и современность ... С. 54.

² Стиль монгол-зураг и русский лубок... С. 26.

³ Нехвядович Л. И. и Мелехова К. А. Проблема преемственности и развитие традиций монгол-зураг в современной художественной культуре Монголии // *Вестник КемГУКИ*. 2021. 57. С. 232.

⁴ Прокофьев О. Современное искусство Монголии // *Искусство*. 1964. № 11. С. 51.

⁵ Виноградова Н. Вот она, Монголия! // *Искусство*. 1969. № 1. С. 52; Сергеева Т. В. Традиции и современность... С. 56.

⁶ Сергеева Т. Выставка «Искусство Монголии» // *Искусство*. 1977. № 1. С. 53; Сергеева Т. В. Традиции и современность... С. 54. Виноградова Н. Вот она, Монголия... С. 56.

⁷ Koryōsa Chōryō: Essentials of Koryō History. Vol. II / Tr. by E.J. Shultz and Hugh Kang. Seoul: Jimoondang, 2014. P. 250, 251, 253.

В 1219 г. монголы обложили Корею данью. По существу, это был узаконенный грабеж, продолжавшийся до начала 1225 г., когда возвращавшийся монгольский посол был убит на границе неизвестными. Контакты между странами были прерваны на шесть лет, вслед за чем началось вторжение монгольских войск. За это время в Монголии сменился верховный правитель, а внешнеполитическая доктрина приобрела более четкие очертания. Возможно, именно тогда произошла ее формализация, выразившаяся в постулировании идеи мирового господства, которая проистекала из понятия об избранности монгольского хагана самим Небом.

В 1231 г. ван Коджон получил послание от хагана Угэдэя, начинающееся словами «Сила Неба! Слова, сказанные с Неба...»¹ По всей видимости, это искаженная формулировка «Силой Вечного Неба!» — квинтэссенция «монгольского империализма», с которой начинались указы великих ханов. Эта короткая фраза должна была дать понять каждому, что изложенные требования исходят, по сути, от самого Неба и подразумевают их безоговорочное исполнение. На этом идеологическом фундаменте монголы выстраивали свою империю. При этом представляется очевидным, что выступать от имени Неба имеет смысл тогда, когда военная сила на твоей стороне. В хаганском послании от 1233 г. мы опять сталкиваемся с мифологемой Неба: «И когда тех, кто были посланы к вам дать наставления и указания Вечного Неба и призвать вас, вы осмелились убить их...»²

До поры монголы не собирались включать Корею в свою империю и добивались лишь признания покорности и выполнения некоторых условий: отправки наследника престола в заложники, выплаты дани. Их планы менялись в последние годы правления Мункэ, а вскоре произошло несколько важных событий. В 1258 г. был убит Чхве Ый — последний представитель клана Чхве, фактически управлявшего страной и выступавшего против подчинения монголам. Коджон, напротив, стремился к миру с кочевниками, но купить его можно было лишь ценой признания покорности, в знак чего он отправил своего сына Ван Чона к Мункэ, но тот умер раньше, и Ван Чон направился к Хубилаю, который усмотрел в этом визите волю Неба. Коджон скончался тем же летом. Хубилай утвердил Ван Чона на престоле Кореи, и он вошел в историю как ван Вонджон.

Хубилай рано попал под влияние китайских чиновников, без которых ему было бы сложно управлять приобретенными землями. На основании текстов указов, выпущенных от его имени после узурпации власти в 1260 г., можно полагать, что он практически сразу облачился в халат китайского императора. Уже в 4-м месяце он отправил в Корею письмо, адресованное первому министру Ким Инджуну, который обладал в стране фактической властью: «Из всех под Небом, кто не покорился, есть только твоя страна и Сун»³. Китаецентристская перспектива здесь совершенно очевидна. В 6-м месяце в Корею был послан новый указ Хубилая,

¹ Ledyard G. Two Mongol Documents from the Koryōsa // *Journal of the American Oriental Society*. 1963. Vol. 83. No. 2. P. 228.

² Koryōsa Chōryo. P. 298; Henthorn W. E. Korea: The Mongol Invasions. Leiden: Brill, 1963. С. 76.

³ Henthorn W. E. Op. cit. P. 153.

разрешающий корейцам в одежде и головных уборах следовать прежним обычаям. По-видимому, этот покровительственный тон, приличествующий истинному «Сыну Неба», который выступал гарантом сохранения глобального миропорядка, должен был подтвердить, что центр ойкумены по-прежнему находится в Китае, но теперь он воплощен в фигуре монгольского самодержца.

Хубилай начал действовать мягко, однако уже в 1262 г. отправил указ с напоминанием, что Чингисхан наложил на покорившиеся народы обязательства: отправить к монгольскому двору заложников, предоставить регистры населения, создать почтовые станции, собрать войско для службы монголам и обеспечить продовольствием монгольскую армию. В 1268 г. было добавлено требование принять полномочного монгольского наместника. Внешняя политика монголов коррелировала с внутренними изменениями, среди которых можно особо отметить процесс синизации государственных институтов. В 1264 г. Хубилай сделал столицей империи Даду, а в 1271 г. провозгласил династию Юань.

На примере монголо-корейских отношений XIII в. можно наблюдать динамику монгольского мирового порядка в Восточной Азии. На начальном этапе, когда монголы не имели здесь решающего преимущества и еще не планировали покорять Корею, они прибегали к образу «старшего» и «младшего» братьев. Затем, когда главный враг — империя Цзинь — был повержен, уверенные в своем небесном предназначении монголы требовали от корейского вана безусловного подчинения. В годы правления Мункэ они уже нацелились на силовое включение Кореи в состав империи. Однако вскоре Хубилай сменил степную риторику на китайскую, но почти сразу ввел в нее жесткие требования вассалитета.

После 1274 г. монгольская политика сделала новый поворот, приведший к превращению Кореи в «государство-зятя», а ее правителей — в марионеток благодаря навязанной системе династических браков. В 1276 г. были введены монгольские ритуалы и одежда, и вскоре Юань запретила корейским ванам использовать храмовое имя. Эти трансформации отразились в монгольской имперской доктрине, которая оставила след в том числе и в корейских источниках.

Петрова М. П. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Современная проза Внутренней Монголии: темы, проблемы, образы

Внутренняя Монголия — это автономный район на севере Китая с населением в 24 млн человек и площадью 1 183 000 кв. км. Согласно переписи 2020 г. монголы составляют 17,11 %, ханьцы 79,54 % населения региона.

С момента образования Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ) в 1947 г. этот регион считается относительно стабильным, и многие считают

его успешной моделью китайской ассимиляции. Исследователи отмечают, что основные проблемы Внутренней Монголии носят в большей степени социально-экономический, а не политический характер.

Монголы современного Китая подверглись двойному влиянию китайской политики. Во-первых, для многих из них кочевое скотоводство традиционно является характерным способом производства и основой жизнедеятельности, так что преобразования в экономической организации этого сектора оказали своеобразное влияние на монгольское общество. Во-вторых, различия в государственной политике в отношении монгольской национальности вызвали значительные изменения в их культурной и религиозной жизни.

В 2023 г. в Улан-Баторе вышел большой сборник повестей и рассказов писателей Внутренней Монголии. Все тексты были переложены на кириллицу с традиционного вертикального монгольского письма, которым до сих пор пользуются монголы КНР. В книгу вошли 37 повестей и рассказов 25 авторов конца XX — первой трети XXI в.

На страницах своей прозы современные авторы АРВМ отразили как элементы традиционной духовной культуры кочевников-скотоводов, так и новшества, неизбежно проникающие в их жизнь с развитием цивилизации. Время действия в большинстве рассказов и повестей — 80-е годы XX — начало XXI в. Место действия — степь или пустыня на севере КНР.

Такие прозаики, как Цахар Алтан-Очир, М. Асар, Аянга, Дашноровын Батнасан, Гэрэлцогт, Га. Шаравжамц, В. Сарангэрэл и другие в своих произведениях представили яркие образы монголов Китая, их проблемы и чаяния, чувства и эмоции. Среди острых социальных проблем, затрагиваемых этими авторами — переселение монголов, традиционно занимавшихся кочевым скотоводством, в оседлые поселения, изъятие пастбищных земель и превращение их в пашни (рассказ Васамтаны Сарангэрэла «Тэнгэр ой» /«Небесный лес»/), охрана окружающей среды (рассказ Ц.Алтан-Очира «Эрийн тэнгэр» /«Бог мужчины»/) и другие.

Скрынникова Т. Д. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Маркер киян/кият в идентификационных практиках Тайной истории монголов (XIII в.)

Поскольку основная задача текстов монгольских летописей — прославление древности происхождения правящего рода Чингис-хана, то специального исследования требует проблема формирования властной элиты и механизм трансляции верховной власти.

В *Тайной истории монголов*, рассказывающей о приходе Темуджина к верховной власти у монголов и об объявлении его Чингис-хаганом, нет эксплицитного изложения складывающихся в монгольском обществе властных отношений. Имплицитные данные *Тайной истории монголов* позволяют реконструировать модели властных отношений в монгольском кочевом обществе и показать, какое место во властной иерархии занимал маркер *киян/кият*. Хотя в *Тайной истории монголов* нет мифологического нарратива, повествующего о появлении этого имени первопредка — Киян, как в *Сборнике летописей* Рашид ад-дина, контекст использования этого этнофора по отношению к непосредственным предкам Чингисхана, безусловно, позволяет отнести их к наивысшему статусу в иерархии властной элиты монгольского мира.

Насколько значимой была принадлежность к клану *киян/кият*, свидетельствует сообщение Ата Малика Джувейни, который служил у монгольских правителей Северной Персии и который писал в 1260 г.: «Монгольские племена и роды многочисленны; но самыми знаменитыми сегодня стали кияты, возвысившиеся над другими благодаря своему благородству и величию, вождями которых были предки и прародители Чингисхана и от которых он ведет свой род»¹. Принадлежность к клану служит основанием легитимности претензий претендента, в том числе и Чингисхана, на власть, когда наряду с харизматическим обоснованием достижения власти используются и традиционные механизмы ее трансляции, то есть правила наследования.

В докладе внимание уделяется не только тем персонам, кто удостоился упоминания в *Тайной истории монголов* с этнонимом *киян/кият*, приобретавшим авторитет через присвоение имени, но и тем, кто принадлежал к правящей элите монгольского общества, но не был отмечен анонимным автором этим этническим маркером. В *Тайной истории монголов* акцентируется потестарный сюжет повествования — продинастически ориентированный метанарратив, зафиксированный в генеалогии, что способствовало формированию представлений о монгольской идентичности.

Смирнова М. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Эллипсис субъекта в письменном тексте на тибетском классическом языке

Исследование, представленное данными тезисами, посвящено анализу эллипсиса и различных видов субституции субъекта в тибетском языке, выполненному

¹ Ата-Мелик Джувейни. Чингисхан. История Завоевателя Мира (Genghis Khan: The History of the World Conqueror). Пер. с текста Мирзы Мухаммеда Казвини на английский язык Дж. Э. Бойла, с предисловием и библиографией Д. О. Моргана / Пер. с англ. Е. Е. Харитоновой. М.: Издательский Дом Магистр-Пресс, 2004. С. 25.

на материале *джатаки* «О том, как Махасаттва отдал тело тигрице», второй главы «Сутры о мудрости и глупости» (тиб. mdzangs blun zhes bya ba'i mdo). Несмотря на то, что подлежащее, как средство выражения синтаксических валентностей, более обязательно, чем прочие члены предложения¹, эллипсис субъекта является весьма распространенным явлением в текстах на классическом тибетском языке.

Знание правил эллиптического сокращения имеет важное практическое значение для изучения тибетского языка. Предложения в тибетском письменном тексте достаточно длинные. В исследуемом тексте содержатся только два простых предложения, которые состоят из примерно 6–10 слов, а самое длинное предложение *джатаки* включает около 90 слов². Длина предложения соответственно влияет на число субъектов, осуществляющих действия. Поскольку синтаксические правила построения текстов на тибетском языке не являлись предметом системного изучения, а тексты, с которыми сталкиваются обучающиеся, как правило, представляют специфическую для них языковую картину мира, определение референтов сокращенных субъектов становится весьма нетривиальной задачей.

Джатака о царевиче Махасаттве имеет рамочную композицию: основной сюжет-рамка и притча-рассказ Будды. Объектом анализа в данном исследовании были все клаузы в рамке (62 клаузы в 12 предложениях) и притче (127 клауз в 24 предложениях), т. е. любые группы, в том числе и непредикативные, вершиной которых является глагол (полнозначный, связка или номинализированный). Цитаты, за исключением рассказа-притчи, исключались из анализа и маркировались как прямое дополнение при глаголах говорения.

Субституция субъектов местоимениями в *джатаке* достаточно редкое явление (не более 3 % от общего числа клауз). Все местоимения выступали в роли анафорических субститутов и относились к указательным. Характерной чертой синтаксиса данного текста оказалось то, что антецедент местоимения не обязательно должен стоять в предшествующей клаузе или даже предложении.

Синонимичные слова и выражения при обозначении субъектов встречаются также редко. Их использование скорее указывает на главных акторов сюжета рамки и притчи: Будду (тиб. bcom ldan 'das 'Бхагаван', sangs rgyas 'Будда'); царевича Махасаттву (тиб. sras tha chung 'младший сын', rgyal bu tha chung 'младший царевич', nu bo 'младший брат', rgyal bu 'царевич', rgyal bu sems can chen po 'царевич Махасаттва', lha 'божество'), его братьев (тиб. phu bo gnyis 'два старших брата', rgyal bu gnyis 'два царевича') и родителей (тиб. pha ma, pha ma gnyis).

Исследование подтвердило широкое распространение эллипсиса в тибетском письменном тексте: количество сокращенных субъектов либо было сопоставимо с количеством выраженных ($S_{\text{Рамка}}=31$; $[S_{\text{Рамка}}]=26$), либо превышало его

¹ Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001. С. 174.

² Неточный подсчет количества слов в тибетских предложениях связан с тем, что в ситуации отсутствия графического деления слов в тибетском письме статус некоторых лексических единиц тибетского языка до сих пор не определен, поскольку многие из них занимают промежуточную позицию между морфемой и словом.

($S_{\text{Притча}}=59$; [$S_{\text{Притча}}$]=62). В половине случаев субъект опускается в одной или нескольких клаузах, непосредственно следующих за клаузой, где он был назван. В остальных случаях требования к эллиптическому контексту менее строгие. Около 20 % составляют предложения, где встречается и выраженный, и эллиптированный субъект, но не в соседних клаузах. Такой же процент составляет эллипсис субъекта, при котором последний раз субъект назывался в предшествующем предложении. Имеются также и случаи, когда между субъектом и клаузой, где он сокращен, находится более одного предложения, однако доля их значительно меньше (5–7 %). Процент разных видов эллипсиса совпадает для основного сюжета (рамки), и для притчи.

Грамматический контекст, т. е. формы глаголов, обозначающих действия субъектов, наиболее часто употребляемые в данном тексте, в основном не демонстрируют системной корреляции с видами эллипсиса. В качестве исключения, можно назвать следующую выявленную закономерность: если в клаузе с названным субъектом глагол маркирован формантами деепричастий *-nas* или *-Ste*, и в следующей клаузе/ах он не меняется, он всегда сокращается.

В нескольких клаузах отсутствие субъекта трактовалось не как эллиптическое сокращение, а как вариант синтаксических «невидимок» или синтаксических нулей. К таким случаям были отнесены неопределенно-личные клаузы, где субъект представляет собой неназванную группу лиц (с возможностью идентификации по контексту и без нее); своего рода безличные клаузы, где действие осуществляется совокупностью неназванных неидентифицируемых предметов; а также клаузы с инкорпорированным актантом.

Цеденова С. Н. (Элиста)

Об индо-тибетских повествовательных традициях в ойратской литературе

Ойратская литература, предыстория которой связана с общемонгольской, чрезвычайно разнообразна по своему содержанию и идейно-эстетическому уровню.

В составе ойратской литературы имеются как собственные произведения, так и произведения, переведенные в разные эпохи с санскрита, тибетского, монгольского и других языков. И связано это с распространением буддизма среди монгольских народов. «С конца XVI столетия начинается монгольское возрождение, которое идет под духовным руководством тибетского буддизма. Довольно быстро возрождается у монголов литература; она удовлетворяет новые жизненные запросы монгольского общества, создает новые, помогает старым высказываться в буддийском духе», — писал Б. Я. Владимирцов¹.

¹ Владимирцов Б. Я. Работы по литературе монгольских народов. М., 2003. С. 323.

В 1648 г. ойраты обрели свою национальную письменность, созданную Зая-Пандитой на основе монгольской. С переводов Зая-Пандиты и его учеников начинает складываться собственно ойратско-калмыцкая литература. В этот период начинают складываться и распространяться качественно новые литературные формы. Это различные сборники джатак, комментарии к разного рода произведениям, намтары, повести и т. д. Через перевод в ойратскую литературу пришли произведения индийской и тибетской повествовательной прозы. «Рамаяна», «Субхашида», «Двадцать пять рассказов Веталы», «Арджи-Борджи хан», «Панчатантра», «Ключ разума», «Море притч», «Гесер», «Повесть о Белой таре», «Повесть о Молон тойне», «Повесть о Чойджид-дагини», «Алмазная сутра», «Повесть о Гусю-ламе», «Повесть об Ушандара-хане» и др., бытуя в монголоязычной среде, видоизменялись, адаптировались и становились собственно монгольскими.

Повествовательные произведения, сложившиеся под влиянием индо-тибетских традиций, составили обширный пласт ойратско-калмыцкой литературы. Среди этих сочинений нет таких, которые бы в полном объеме базировались на каком-нибудь одном индийском или тибетском произведении. Буддийские монахи не только записывали индийские и тибетские повествования, но и видоизменяли их в соответствии с нуждами проповеди буддизма, а также слагали новые истории подобного рода. Обычно в них присутствуют новеллы из разных памятников. Они как бы «перетекают» из одного сочинения в другое, дублируются, смешиваются и т. д. Так, индийский сказочный сборник «Двадцать пять рассказов Веталы», попав в Тибет, подвергся значительной переработке и переделке. У монгольских же народов этот сборник известен под названием «Волшебный мертвец». «Монгольский сборник сказок “Сидди-Кюр” несет на себе уже очень ясный отпечаток буддизма. Моральный закон ответственности, воздаяния за совершенные поступки не забыт и ярко выставляется в сказках «Волшебного мертвеца»¹.

Значительное место среди переводных произведений занимает «Гесер». Сказание о Гесере получило широкое распространение среди монгольских народов. Это сочинение существует в тибетских, монгольских, бурятских, ойратских версиях. Ойратская версия памятника практически полностью совпадает с пекинской версией, изданной ксилографическим способом в 1716 г. Гесер — искоренитель десяти зол в десяти странах света и тот идеальный герой, о котором мечтал народ.

Среди произведений повествовательного жанра ойратской литературы большой пласт составляют произведения «популярного буддизма». Это «Повесть о Молон-тойне», «Повесть о Чойджид-дагини», «Повесть о Белой таре», «Повесть о Гусю-ламе», «Повесть об Ушандара-хане» и др. В некоторых из них рассказывается о «хождениях в буддийский ад». В «Повести о Молон-тойне» повествуется о путешествии Молон-тойна по аду в поисках матери, которая попала туда за земные грехи, и спасении ее из ада. В «Повести о Белой Таре» мать отправляется

¹ Владимирцов Б. Я. Работы по литературе монгольских народов. М., 2003. С. 232.

на поиски сына. В «Повести об Ушандара-хане» рассказывается о милосердии, доброте и щедрости главного персонажа — царевича Ушандары. Герой с радостью отдает нуждающимся все, чем он владеет, и даже расстается с самым дорогим для него — своими детьми.

Таким образом, широкое распространение буддизма среди монгольских народов, повлекшее перевод огромного пласта канонической и неканонической буддийской литературы, оказало благотворное влияние на развитие их литератур. Переводная литература, попав в новую среду, не только успешно прижилась, но и тесно взаимодействовала с местной литературой и фольклором, стимулируя появление оригинальных сочинений, соединивших собственные и заимствованные традиции.

Шутова М. А. (ЛабВИОГИ, НГУ, Новосибирск), Сеитов Р. М. (ЛабВИОГИ, НГУ, Новосибирск), Филатов С. В. (ЛабВИОГИ, НГУ, Новосибирск)

Контакты забайкальских буддистов с Монголией во второй пол. XIX — нач. XX в. (на материалах Государственного архива Забайкальского края, г. Чита)¹

В 1764 г. по указу Екатерины II был учрежден пост главы буддистов Восточной Сибири и Забайкалья, что можно рассматривать как признание буддизма одной из государственных религий Российской империи и легитимацией его священнослужителей в Восточной Сибири и Забайкалье (как географическом регионе). В официальных документах и межведомственной переписке Российской империи буддизм до нач. XX в. называли «ламайской верой», а верующих — «ламаитами», на этой территории была распространена его тибето-монгольская форма, что было обусловлено географически и исторически сложившимися тесными отношениями с территорией преимущественно Внешней Монголии, являвшейся до 1911 г. наместничеством Цинской империи.

Однако спустя век в отношении населения недавно образованной Забайкальской области² началась политика христианизации. Некоторые представители православного духовенства, например, Вениамин, епископ Селенгинский (1862–1868 гг.), рассматривали буддизм в качестве не только конкурента в духовном простран-

¹ Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки № FSUS-2024-0028 «Аксиологический потенциал буддизма в контексте международных отношений России со странами Восточной Азии: история и современность».

² Имеется в виду административная единица Российской империи, образованная в 1851 г., граничившая по югу с Монголией, а с востока — с Маньчжурией. Приблизительно совпадает границами с современными Республикой Бурятия и Забайкальским краем.

стве, но и как противника в создании мировоззренческого единообразия, причем принятие крещения рассматривалось им едва ли не обязанностью некрещенных для становления верноподданными империи¹. В 1853 г. царское правительство выпустило Положение о ламаистском духовенстве в Восточной Сибири, где строжайше запретило строить новые дацаны помимо уже существующих, а также ограничило рост числа лам, утвердив постоянное количество не облагаемых налогом буддийских священнослужителей из расчета один лама на 200 прихожан². В условиях действия Положения взаимодействие буддистов Забайкалья с ламами из Внешней Монголии и Тибета приобрело проблемный характер, что заметно на примере официальных документов 2-й пол. XIX в. из фондов Государственного архива Забайкальского края.

Так, в донесении к и. о. губернатора Забайкальской области от 14 августа 1870 г. и. о. Читинского окружного исправника пишет, что им был отдан приказ Урульгинской и Агинской степным думам объявить всем ламам, находившимся в их ведомстве, чтобы они не имели никаких недозволенных законом сношений с монгольским духовенством и чтобы они, как и главы инородческих селений, не позволяли монгольским ламам вести богослужение в пределах России. Этот приказ основывался на предписании военного губернатора Забайкальской области от 28 июня 1867 г. (текст отсутствует в ГАЗК). В случае нарушения им угрожали строгим взысканием, которое, однако, в тексте документа не конкретизируется. Согласно этому же документу, должностным лицам было велено наблюдать за ламайским духовенством на подотчетных территориях, чтобы предотвратить их поездки в Монголию без надлежащего разрешения начальства³.

Однако при этом предписывалось не нарушать интересы местной пограничной торговли, развитие которой представляло предмет особой заботы российского правительства⁴.

Несмотря на запрет свободных контактов, религиозные связи с Монголией продолжались в различных формах. Из ходатайства к Приамурскому генерал-губернатору от съезда забайкальских бурят, составленного 14 июня 1905 г., становится известно, что буряты все это время закупами за границей статуи будд и книги на монгольском и тибетском языках, однако их предписывалось отправлять в Санкт-Петербург для цензурного просмотра, что было экономическим бременем для местных верующих⁵.

Религиозные связи с Монголией поддерживались и в начале XX в. После смягчения законоположений относительно иноверцев отношение официальных

¹ Амоголонова Д. Д. Политика христианизации бурятского населения Российской империи в конце XIX — начале XX века / Д. Д. Амоголонова // *Научный диалог*. 2022. Т. 11. № 1. С. 351.

² Коллектив авторов. Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2008. С. 16.

³ ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 16353. С. 7, 7 об.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же. Ф. 1П. Оп. 1. Д. 1056. С. 28.

имперских институтов к религиозным контактам с Монголией стало меняться. По различным ходатайствам от 1912–1913 гг. можно установить, что буддийские священнослужители из Забайкалья нередко отправлялись в Ван-курень в Монголии, чтобы послушать проповеди монгольских лам, оформляя для этого официальный отпуск на 3–4 месяца. Монгольское духовенство также приглашалось для чтения проповедей в Забайкальскую область с разрешения местных властей¹. Однако по имеющимся документам неясно, было ли связано с провозглашением Монголией независимости и усилившейся поддержкой, оказываемой ей Российской империей.

О прочности контактов говорит и участие буддийского духовенства с российской стороны в депутации в Ургу в 1913 г. В составе депутации были три человека, в том числе один ширетуй (настоятель монастыря). В сообщении от российского императорского генерального консула в Монголии сообщалось, что их принял монгольский Богдо-хан, а они преподнесли ему одобренный иркутским генерал-губернатором поздравительный адрес на куске желтой шелковой материи по случаю обретения независимости от Китая и восшествия на престол. Богдо-хан был очень тронут, даровав всем членам депутации титулы и ордена².

Основываясь на изученных нами документах из фондов ГАЗК, можно сделать вывод, что, несмотря на ограничительную политику российских властей, забайкальский буддизм сохранял отношения с Монголией, опираясь на глубокие исторические и идеологические связи.

Яхонтова Н. С. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Сравнение русского и калмыцкого текстов «Русско-калмыцкого календаря»

В начале XX в. в Астрахани было предпринято издание «Русско-калмыцкого календаря». По инициативе Управления калмыцким народом, которое в тот период возглавлял С.А. Козин, в Астрахани в 1910 г. была организована небольшая типография, в которой с 1911 по 1918 г. печатался этот календарь. Это был небольшой, но важный шаг в интегрировании калмыцкого населения в общероссийское культурное и экономическое пространство. Подробности о деятельности С. А. Козина и пересказ содержания календарей содержатся в статье И. В. Лиджиевой «Типографское дело в системе управления калмыцким народом начала XX в.».

Калмыцкий текст на «ясном письме» был набран двумя видами шрифтов: «большим» и «мелким», которые были отлиты в начале XIX в. по инициативе Россий-

¹ См., напр., ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д.5079. С. 42, 49, 50, 113, 176.

² См., напр., там же. С. 173, 173 об., 256.

ского библейского общества для издания переводов Нового Завета на калмыцкий язык. «Мелкий» шрифт начиная с середины XIX в. стал широко использоваться также для издания научных работ — таких как грамматики А. Попова и А. Бобровникова, хрестоматии и словарь А. М. Позднеева, которые печатались в типографиях Казанского университета и Императорской академии наук в Санкт-Петербурге. В календаре бóльшая часть текстов набрана «мелким» шрифтом, а «большим» шрифтом — наиболее важные тексты (например, обращение к читателям в первом календаре, за 1911 г.) и немногие заголовки. По стилю последний шрифт похож на «большой» шрифт начала XIX в., но имеет и явные отличия от него. Именно этот шрифт использовался при издании перевода А. М. Позднеева Нового Завета в конце XIX в. в Петербурге. Эти два шрифта были пределом типографских возможностей печати на «ясном письме». Возможности набора русского текста не идут ни в какое сравнение с калмыцким. Особенно это заметно в рекламных объявлениях, русский текст которых набран литерами разных размеров, использование их чередования, варьирование величины пробелов, выделения жирным или курсивным шрифтом и т. д.

Очевидно, что русский текст в календарях был основным, что заметно и по сокращению и упрощению его в калмыцком переводе. В большой степени это вызвано отсутствием в калмыцком языке политических, экономических, религиозных и торговых терминов. По этой же причине в калмыцком тексте много заимствований из русского, в записи которых используются буквы галика.

Секция XX • Section XX

Секция африканистов: «Чтения памяти Д. А. Ольдерогге»

African Studies: "In Memoriam of D.A. Olderogge"

*Valodzkin A. A. (Institute of History of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk)*

**Region-making around the Great African Lakes:
myth or reality?**

It is by no means strange to find the notion of the Great African Lakes region in the context of African nature and geography studies. Nevertheless, since the beginning of the XXI century this purely geographic entity gradually entered into the field of international relations as well. It can be found both in the official documents of international organizations and in academic publications. However, they differ even in the defining which states should be included into the region. For instance, G. M. Sidorova in her works usually limits the Great African Lakes region to the three former Belgian possessions in Africa: the Democratic Republic of Congo, Rwanda and Burundi¹; while the UN documents include in it also Uganda and Kenya². Surprisingly, both sources omit Tanzania — the only state that borders all the three Great African Lakes. This makes us to question: if there are sufficient reasons to draw this region on the (geo)political map of Africa? And why no sources related to postcolonial history of the above mentioned countries referred to this entity until the end of the XX century?

¹ Сидорова Г. М. Вооруженные конфликты в районе Великих африканских озер и преступления против человечности / Г. М. Сидорова // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2016. № 1 (764). С. 118–129.

² Страны региона Великих африканских озер встали на путь мирных преобразований // *Новости ООН*. 9 марта 2007. URL: <https://news.un.org/ru/story/2007/03/1102501> (дата обращения: 11.01.2025).

Two prominent scholars of neo-regionalism, O. Waever and P. Joenniemi, argue in their paper that regions in international relations should not be regarded as something “natural and eternal”. According to them, regions are dynamic structures created by human activities, where “natural” geographical and cultural borders could be merely one out of several possible region-building factors, such as trade routes and patterns of economic cooperation, Great Powers’ rivalry and local reactions to it¹. This leads to the conclusion that all regions are localized not in space only, but in time as well. Consequently, to prove relevance of some regional entity we should trace back the roots of the region-building process and find its drivers.

If we look into pre-colonial history of the countries situated around the Great African Lakes, we would not find any political structure controlling the whole of this region or at least large part of it. Yet there was one very substantial consolidating factor, namely spreading of the Swahili language in the XIX century from East African coastal area into the hinterland as far as the Eastern parts of what is now the Democratic Republic of Congo, where Swahili slave-traders even clashed with Belgian colonizers in the 1890s. Apart from these Muslim traders, the spread of Swahili language was also supported by Christian missionaries who used it to make their preaching understandable for wider audience.

But the “scramble for Africa” divided this territory first between three metropolis empires: Britain, Belgium and Germany, though the former two divided colonial possessions of the latter after the World War I. This colonial division had different consequences for the countries situated around the Great African Lakes. While British colonies, protectorates and mandate territories in East Africa were tightly linked into one economic and infrastructure complex which facilitated their socio-economic development and regional integration, Belgian rule in Congo and Rwanda-Burundi was marked with backwardness and inconsistency which led to the outbreak of violent conflicts in these countries as soon as colonial rule ended.

Over the first two decades of independence, colonial legacy continued to determine division of the region in two parts: Eastern English-speaking (Tanzania, Kenya and Uganda) and Western Francophone (Rwanda, Burundi and Congo/Zaire) sections. They did not interact much with one another and had different trajectories of development. Tanzania, Kenya and Uganda were downshifting from integrated economy and plans to establish political federation during common struggle for independence. Attempts of regional integration in form of the East African Community of 1967 collapsed a decade later due to growing contradictions, paving the way for the Kagera War between its two former members, Tanzania and Uganda. Francophone countries, on the contrary, managed at that stage to prevent escalating of the Hutu and Tutsi conflict into a regional war, and even established relatively successful Economic Community of the Great Lakes Countries in 1976.

¹ Waever O., Joenniemi P. Region in the Making — A Blueprint for Baltic Sea Politics // The Baltic Sea Region: Conflict or Co-operation? Region-Making, Security, Disarmament and Conversion / Ed. Ch. Wellmann. Kiel, 1991. P. 15.

The first signs of these two parts merging together appeared in the late 1980s — early 1990s. One of them was an alliance between two insurgency leaders — Y. Museveni and P. Kagame, who later became Presidents of Uganda and Rwanda respectively. Another step was mediation of Tanzania in resolving the Hutu — Tutsi conflict that resulted in conclusion of the Arusha Accords of 1993. Finally, the 1994 genocide in Rwanda and Burundi caused large numbers of refugees to neighboring countries and created preconditions for the I and II Congo Wars, thus making personal links between Y. Museveni and P. Kagame to transform into alliance of Uganda and Rwanda consolidating their actions during these wars.

Thus, internationalization of the Hutu and Tutsi conflict played a crucial role in building the Great African Lakes region. Slightly later it was complemented with reestablishment of the East African Community in 2000, this time including both English-speaking and Francophone countries of the region.

Абалян А. И. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Кризис эфиопской системы этнофедерализма

На сегодняшний день Эфиопия является единственной страной с этнофедеративной системой государственного устройства, закреплённой на конституционном уровне.

Этнический принцип построения федерации, основывающийся на признании «национализма меньшинств» через предоставление им территориальной автономии, в середине 1990-х гг. в Эфиопии считался действенным алгоритмом сглаживания горизонтальных неравенств и других этнических противоречий. Создание переходным правительством Эфиопии в 1994 г. девяти автономных регионов: Тыграй, Афар, Амхара, Оромия, Сомали, Бенишангул-Гумуз, Штат наций, национальностей и народов Юга, Гамбелла и Харари и двух городов федерального подчинения, Аддис-Абеба и Дыре-Дауа вместо четырнадцати исторических провинций было призвано обеспечить равное представительство этнических групп во всех ветвях власти, однако именно в этой плоскости проявилось наибольшее расхождение между конституционными нормами и некодифицированными практиками в рамках эфиопского федерализма. Наделённые *de jure* равными правами, различные регионы федерации серьёзно различались по своим политическим и экономическим возможностям в реализации этих прав.

В первую очередь это связано с развитием асимметричной модели федерализма в Эфиопии, которая начиная с 1995 г. характеризовалась высокой степенью централизации и функционировала, скорее, как унитарное государство с авторитарным режимом правления.

Во-вторых, отчетливо проявлялось социально-экономическое неравенство регионов, связанное как с разрывом между урбанизированным населением крупных

городов, сельскими жителями и скотоводами-кочевниками, так и с многочисленными инфраструктурными ограничениями. Это неравенство влечет за собой как угрозы политической ответственности региональных властей, так и асимметричное региональное взаимодействие, с явным перевесом в пользу более богатых развитых регионов севера и центра страны.

В-третьих, отличительной чертой политической системы Эфиопии являлась роль Верховного Конституционного Суда, который косвенно выбирается верхней палатой парламента, где все (признанные) этнические группы страны, согласно ст. 61 (2), должны иметь как минимум одного представителя, с добавлением одного места за каждый миллион населения. Данный принцип стал дополнительным источником неравенства этнических сообществ, серьезно различающихся по численности населения. Кроме того, критерии выбора этнических групп, которые получили право на самоопределение и формирование регионального штата, были далеки от объективности, отвечая в большей степени политическим интересам федеральной правящей элиты.

В-четвертых, этническая политика вплоть до 2019 г. формировалась не на уровне официальных институтов федерации, а в рамках доминирующей в политическом поле страны политической партии «Революционно-демократический фронт эфиопских народов» (РДФЭН) и ее союзников. Это же касалось и обеих палат федерального парламента, Палаты Федерации и Палаты народных представителей, а также региональных законодательных органов, где политические «советники», в основном этнические тиграи, представляющие федеральное правительство, в реальности полностью определяли политические процессы в региональных штатах.

Таким образом, основной парадокс эфиопской модели федерализма 1995–2018 гг. заключался в закреплённом Конституцией неравенстве представительства этнических групп в пользу крупных этносов в федеральных органах власти *de jure*, и одновременно лишения и этих этносов возможности реализации своих прав *de facto* в результате монополизации властного ресурса *тиграи*. Интересна также стратегия легитимизации «правления меньшинства» посредством секьюритизации двух крупнейших этносов Эфиопии — *оромо* и *амхара*, изображения их как социетальной угрозы для культуры и идентичности «наций, национальностей и народов» Эфиопии и экзистенциальной угрозы для федерации в целом.

Диспаритет региональных штатов Эфиопии обусловливался еще целым рядом факторов: различными историческими и географическими условиями их формирования; этнической и лингвистической неоднородностью состава населения; искусственностью административных границ штатов (в особенности на юге страны); языковым доминированием амхарского как рабочего языка федерации; отсутствием права на самоопределение ряда этнических групп; неравенством доступа непризнанных аборигенных народностей юга к современной инфраструктуре и модернизации и т. д.

Таким образом, система «этнического федерализма» привела к признанию культурных и лингвистических прав различных этнических сообществ Эфиопии,

однако не создала условий для превращения региональных штатов в реальные политические автономии. Федеральная система, закреплённая в Конституции 1995 г., в ходе ее имплементации *de facto* не сформировала ни одного из ключевых признаков федерализма, включая субнациональную региональную автономию, многопартийную систему, защиту прав меньшинств, соблюдение гражданских свобод и верховенство закона.

Реформы или, скорее, обещания реформ правительства Абия Ахмеда, которые позволили экспертам по государственному управлению классифицировать существующий в Эфиопии режим как «конкурентную автократию», по сравнению с «избирательным авторитаризмом» эпохи РДФЭН под руководством НФОТ, не устранили институциональных дефектов эфиопского федерализма. Насильственно навязанное властями разделение страны вдоль этнических границ, в особенности в сочетании с автократическим управлением, привело к нарастающей политизации этничности и использованию локальными элитами ее мобилизационного потенциала для сохранения и расширения собственной власти, провоцируя развитие «каскадных» межэтнических конфликтов, угрожающих самому существованию государства.

Аброськина Е. В. (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург)

Музейная африканистика в судьбах А. В. Шмидта и Д. А. Ольдерогге

Основные концепции показа культуры народов Африки в Музее антропологии и этнографии принадлежат двум ученым-востоковедам — А. В. Шмидту (1894–1935) и Д. А. Ольдерогге (1903–1987). В конце XIX — начале XX в. в отечественной науке сложилась тенденция расширения египтологических исследовательских интересов. Так, известный ученый и основатель кафедры египтологии Б. А. Тураев (1868–1920) активно интересовался вопросами эфиопской культуры и языка, не выходя при этом за рамки изучения истории средневекового христианского Востока. Ряд участников тураевского египтологического кружка (И. Л. Снегирев, А. В. Шмидт) и более позднего египтологического кружка при ЛГУ (Д. А. Ольдерогге) прошли путь трансформации собственного интереса — от египтологии к африканистике. И если Д. А. Ольдерогге справедливо считают отцом отечественной африканистики, то об интересе А. В. Шмидта к африканским культурам нам практически ничего неизвестно. Однако оба эти исследователя оказались в стенах МАЭ и оба стали авторами и руководителями строительства первых экспозиций.

Археолог и востоковед А. В. Шмидт недолго проработал в МАЭ, где короткое время служил заведующим Отделом Африки вплоть до своего ареста в 1925 г. В этом же году в связи с реэкспозицией Кунсткамеры открывается и экспозиция

по этнографии народов Африки, на которой были представлены предметы культур народов Западной, Восточной и Центральной Африки. А. В. Шмидт возглавил строительство экспозиции в 1925 г. Он к тому времени имел значительный опыт музейного строительства: А. В. Шмидт служил в Отделении древностей Государственного Эрмитажа, затем работал хранителем музея древностей Пермского университета, заведовал археологическим отделом Пермского краеведческого музея. С 1923 г. он состоял в Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Возможно, именно давние тесные связи Азиатского музея и МАЭ послужили тому, что А. В. Шмидт поступил на службу в качестве заведующего Отделом Африки. Благодаря имеющемуся опыту А. В. Шмидт формирует структуру экспозиции по региональному принципу, а экспонаты в витринах располагает согласно распространенному археологическому принципу, задачей которого было продемонстрировать эволюцию одной формы. Так, в витринах, помимо антропологических манекенов, были расположены предметы одного типа, формирующие эволюционный ряд (наконечники для стрел, копья, набедренные повязки, керамические сосуды).

В строительстве экспозиции участвовал и поступивший в 1925 г. на службу в музей Д. А. Ольдерогге. Он только окончил обучение в секции языков и культуры Древнего мира факультета общественных наук Ленинградского государственного университета. Его основной интерес лежал в области египтологии, вместе с И. М. Лурье, М. Э. Матье (женой Д. А. Ольдерогге), Ю. П. Францевым, М. А. Шер он участвовал в работе египтологического кружка при университете. Председателем кружка была ученица А. Эрмана и Б. А. Тураева Н. Д. Флиттнер. Участники кружка, по мнению И. А. Ладынина, считали Ольдерогге «наиболее сведущим и способным в такой важнейшей составляющей египтологии, как собственно древнеегипетский язык»¹. Он поступил на работу в Отдел Африки МАЭ, где начал работать под руководством ученика Б. А. Тураева А. В. Шмидта. В октябре 1927 г. Л. Я. Штернберг направляет его в длительную командировку в Европу для изучения африканских коллекций в музеях, налаживания научных связей. Как пишет А. Б. Давидсон, Д. А. Ольдерогге учился у Лео Фробениуса, Дидриха Вестермана и других немецких африканистов². Сеем предположить, что именно эта длительная командировка повлияла на окончательный выбор Д. А. Ольдерогге между египтологией и африканистикой.

В 1929 г. Д. А. Ольдерогге возглавляет Отдел Африки, а спустя десять лет инициирует строительство новой экспозиции «Западная Африка». Несмотря на название, на экспозиции были представлены экспонаты и из разных частей континента, а карты и информационные щиты рассказывали об Африке в целом.

¹ Ладынин И. А. «Своевременный феодализм»: образ Древнего Египта в работах Д. А. Ольдерогге 1920-х гг. // *SCRIPTA ANTIQUA. Вопросы Древней истории, филологии, искусства и материальной культуры*. Т. 7. 2019. С. 439–440

² Давидсон А. Б. Судьба Дмитрия Алексеевича Ольдерогге // *Африканистика в России: прошлое и настоящее*. К 120-летию Дмитрия Алексеевича Ольдерогге. СПб., 2023. С. 29.

Эта экспозиция отличалась от предыдущей по ряду пунктов. Во-первых, сузился фокус показа: от всеобщего до западноафриканского культурного ареала. Во-вторых, эта экспозиция была куда более политически нагруженной и идеологически конкретной: помимо общей антиколониальной и антиимпериалистической концепции, которая нашла свое отображение в подборе и размещении предметов, ряд лозунгов был помещен в качестве этикетажа и экспликаций. Во многом это было связано и с последствиями первого музейного съезда 1930 г., и с учреждением в музее Просветительского отдела.

Таким образом, судьба обоих востоковедов-древнистов — и А. В. Шмидта, и Д. А. Ольдерогге — оказалась связана с Отделом Африки в Музее этнографии и антропологии. Обладая значительным опытом в области истории и музеологии, они встали у истоков отечественного музейного показа африканских культур, заложив его основные подходы.

Балезин А. С. (Институт всеобщей истории РАН, Москва)

Намибийские «дети ГДР»: к проблеме поиска идентичности (1979–1990)

Жестокая бомбардировка лагеря намибийских беженцев Кассинга на территории Анголы 4 мая 1978 г., когда погибли, по некоторым подсчетам, до тысячи женщин и детей, показала, что они не защищены от атак ЮАР. Поэтому в 1979 г. лидер освободительного движения СВАПО и будущий президент Намибии Сэм Нуйома попросил ГДР принять 200 намибийских детей дошкольного возраста (от 4 до 6 лет) в сопровождении 20 намибийских женщин. Таким образом дети должны были быть изъяты из зоны досягаемости постоянных бомбардировок расистского режима ЮАР.

Нуйома обратился именно к ГДР, поскольку это государство поддерживало СВАПО начиная с 1960-х гг. Он мотивировал эту просьбу рядом соображений: намибийские дети смогут уже на ранней стадии их жизни ознакомиться с достижениями социалистического государства, контакты с ГДРовскими детьми будут крайне полезны юным намибийцам, сопровождающие их взрослые, наряду с обучением профессии воспитателя детского сада, смогут получить знания о системе воспитания в ГДР и помочь в составлении и претворении в жизнь образовательных программ СВАПО. ГДР поначалу согласилась принять 80 детей и 15 африканских воспитательниц сроком на 2 года и разместить их в бывшей партийной школе в Беллине — старинном замке в маленькой деревне на севере ГДР. Замок стал домом для детей СВАПО.

Первые 80 намибийских детей прибыли в ГДР 19 декабря 1979 г., эта группа позже получила название «семьдесятдевятников». Однако потом было решено

принять еще несколько партий маленьких намибийцев. В результате расширения программы в ГДР между 1979 и 1990 г. воспитывалось и обучалось около 430 детей бойцов СВАПО.

Достигшие школьного возраста дети обучались по облегченным программам школ ГДР, но у них были занятия по истории родного края и уроки культурного воспитания, где преподавали намибийский учителя. Однако процесс обучения и воспитания маленьких намибийцев имел свои трудности, особенно на начальном этапе: намибийские воспитательницы не имели педагогического опыта и знаний, а немецкие первое время испытывали проблемы с взаимопониманием с намибийцами.

Важно отметить, что в большинстве случаев наказания детей, в том числе и физические, осуществлялись черными женщинами, а немецкие воспитатели и учителя были в большинстве дружелюбны, и маленькие намибийцы и намибийки, лишенные родительского тепла, привязывались к ним. Они называли немецких женщин мамами и думали о них как о матерях. Немецкие учительницы и воспитательницы отдавали маленьким намибийцам свое душевное тепло и зачастую свое свободное время.

Немецкие воспитательницы прилагали большие усилия к тому, чтобы намибийские дети научились говорить по-немецки. Для этого они читали им, в частности, немецкие сказки и пели немецкие песни. Более того, немецкие учителя и воспитатели передали детям и немецкий образ мышления в его ГДРовском варианте. Большую роль в этом играло и телевидение. Детские телепередачи были для воспитанников удовольствием — так же как суровым наказанием за проступок воспринимался запрет смотреть телевизор.

С другой стороны, дети не утрачивали связь с родной культурой и родной страной, говорили между собой на родном языке, ошиамбо, чтобы не быть понятыми немцами. СВАПО заботилась о политическом воспитании «будущей элиты новой Намибии»: функционеры организации и ее бойцы в ходе многочисленных мероприятий рассказывали о борьбе Намибии за свободу. Все дети стали «пионерами СВАПО», их учили ориентироваться в лесу, оказывать первую помощь раненым. Проводились даже ночные военные игры, особенно в летних лагерях. Позже молодые намибийцы стали членами Молодежной лиги СВАПО.

Все же через определенное время «дети ГДР», как они позднее отмечали сами, больше принадлежали к немецкой культуре и автоматически все менее к родной — намибийского народа овамбо.

Объединение Германии и провозглашение независимости Намибии повлекли за собой возвращение «детей ГДР» в Намибию. В Намибии был создан Родительских комитет из людей, выражавших опасение, что СВАПО держит детей в ГДР против их воли. Эта идея активно использовалась в развернувшейся в Намибии избирательной кампании основным соперником СВАПО — партии Демократический альянс Турнхалле (ДТА). Одновременно резко ухудшилось отношение немцев к намибийцам. 25 августа 1990 г. основную группу «детей ГДР» самолетом отправили в Виндхук.

Страна, в которую они попали, никак не совпадала с представлением, которое сформировалось у них во время пребывания в ГДР в результате навязывания европейского образа Африки и пропаганды СВАПО. В африканских кварталах Виндхука их поразили грязь и нищета. 425 «лидерам завтрашнего дня» выдали на обозведение таблетки от малярии, поролоновый матрас, свернутый в трубку, одеяло и 50 рандов стартовых денег.

Родители и все окружение рассматривали вернувшихся как аутсайдеров, представляли как «нашу немецкую дочь (сына)». Этому способствовала также частичная потеря ими родного языка ошиамбо. С соотечественниками они говорили на «ошинемцем». Они не хотели ехать в места проживания родителей — Овамбленд на севере Намибии, жить в сельской местности. Многие из них испытали острое желание вернуться в Германию.

Для «детей ГДР» вновь острой стала проблема поиска идентичности: кто же они на самом деле? Иногда черные, иногда белые? Какой цвет они бы предпочли? Почему их превратили в белых, если хотят теперь видеть черными? Почему часть «завтрашней элиты» оказалась в отдаленных уголках страны?

Судьбы «детей ГДР» сложились по-разному. Часть из них сумели найти свое место в свободной Намибии, другие предпочли под разными предлогами вернуться в Германию, кто-то осел в третьих странах.

Банщикова А. А. (Институт Африки РАН, Москва)

Португальское присутствие на островах Занзибарского архипелага в раннее Новое время: устная традиция и памятники

Португальская экспансия в Индийском океане в кон. XV — нач. XVI в. н. э., целью которой было открытие морского пути в Индию и налаживание торговли индийскими пряностями, в особом представлении не нуждается. Известны сообщения о жестокости португальских мореплавателей и плохом обращении с местными жителями там, где они останавливались для пополнения припасов или за другими надобностями, как, впрочем, и в самой Индии, где они также пользовались весьма дурной славой. Побережье Восточной Африки и прилегающие острова — в частности, Занзибар, Пемба, Килва Кисивани в составе современной Объединенной Республики Танзании — стали их зависимыми территориями, с которых взималась дань, и перевалочными пунктами, где существовали также небольшие колонии и миссии. Археологически в регионе четко фиксируются португальские форты и одна из церквей, с меньшей уверенностью — фактории, складские помещения и загородные жилые и хозяйственные комплексы.

Ил. 1 и 2. Погребения шарифов в лесу Нгези на севере Пембы, заснятые вскоре после регулярного подновления. Слева — погребение «большого, старшего» шарифа, справа — «меньшого, младшего». Скорее всего, представления о старшем и младшем шарифах обусловлены размерами самих погребений. В настоящее время это обычные бетонные плиты с арматурой внутри, стоящие, видимо, на месте более древних несохранившихся памятников. (Фото автора)

Однако совершенно неожиданно в ходе полевого исследования, посвященного исторической памяти об арабо-суахилийской работоторговле XIX в. в островной и материковой Танзании, на острове Пемба была зафиксирована устная традиция о прибытии португальцев и связанные с ней памятники: два погребения *шарифов* (суах. «уважаемый мусульманин»; ил. 1 и 2) в лесу Нгези на севере острова и погребение женщины в Витонгоджи на его восточном побережье (ил. 3).

Истории, рассказываемые об этих погребениях, фактически идентичны. Когда появились португальцы (интересно, что в рассказе одного из респондентов это звучало как «когда появились христиане», то есть из всех возможных отличительных признаков пришельцев, таких как цвет кожи, язык, одежда, вооружение, корабли, очевидным образом другая культура, для него было важно только то, что португальцы не были мусульманами), шариф побежал от них через лес, но выбился из сил и понял, что они его догонят. Тогда он взмолился Аллаху, чтобы земля разверзлась перед ним и его поглотила: так и произошло. Про второго шарифа и женщину из Витонгоджи история такая же: они так не хотели попадать в руки португальцев, что взмолились Аллаху, и земля их поглотила.

Сохранение исторической памяти о приходе португальцев фактически через 500 лет после событий — тем более по сути негативной исторической памяти, когда португальцы оказываются всесокрушающим внешним врагом, с которым местное сообщество не имеет возможности бороться, уповает только на молитву и, по сути, предпочитает гибель, — вызывает большой интерес. Акцент в рассказе некоторых респондентов на то, что прибыли тогда именно христиане-иноверцы, еще раз подчеркивает и без того ощутимый гораздо более замкнутый, изолированный

Ил. 3. Погребение женщины в Витонгоджи на восточном побережье Пембы. Форма современного бетонного памятника с нисходяще-восходящими ступенчатыми стенами копирует один из видов средневековых суахилийских погребений. Стена на заднем плане защищает памятник от сильных береговых ветров. Ранее рядом находилась поясняющая табличка, в которой указывалось, что женщина занималась на берегу сбором раковин, когда белые люди — португальцы — сошли со своих кораблей. Далее сказано, что местные жители настолько боялись белых, что, если не было возможности избежать встречи с ними, они молились Богу, чтобы тот разверз землю и они могли «утонуть» в ней, только бы не оказаться с чужаками лицом к лицу. (Фото автора)

и традиционалистский характер мусульманского сообщества Пембы (по сравнению с космополитичным Занзибаром и мейнлендом с христианским большинством)¹.

Вероятнее всего, сохранению подобных воспоминаний о португальцах именно на Пембе (не на соседнем острове и не на мейнленде, где они тоже высаживались) способствовала специфика последующих внешних угроз и колонизации: запоминается либо самый страшный враг, либо «последний по времени» враг. Когда оманские арабы перехватили португальскую сферу влияния в этой части Индийского океана и начали переселяться в регион, Занзибар стал столицей, метрополией, лучшие земли которой теперь переходили к новым хозяевам, а местные жители с них вытеснялись². На Пембе же такого не происходило: при переселении оманцев

¹ См. подробно Банщикова А. А., Брындина В. Н., Иванченко О. В. Между цепями и книгой: историческая память об арабо-суахилийской работорговле XIX века в островной и материковой Танзании. М.: Институт Африки РАН, 2024.

² Sheriff A. Slaves, Spices, and Ivory in Zanzibar: Integration of an East Africa Commercial Empire in the World Economy, 1770–1873, London: James Currey, 1987. P. 57; Glassman J. War of Words, War of Stones. Racial Thought and Violence in Colonial Zanzibar. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2011. P. 32–34.

землепользование оставалось общим; и отношение современных афротанзанийцев к аработанзанийцам на острове также гораздо лучше (можно отметить, что во времена этнических чисток и кровавых событий Занзибарской революции число погибших арабов на Пембе также было на порядок меньше¹). Соответственно, арабы как враги и колонизаторы региона на острове не запомнились; но при этом колониальное владычество англичан, европейских колонизаторов следующей эпохи, здесь тоже ощущалось весьма относительно. Поэтому остались предания о последнем значительном внешнем враге — португальцах.

Белецкий С. Б. (ИЯз РАН, Москва)

Способы выражения каузатива и декаузатива в языке гого (банту, Танзания)

В данной работе на материале анкеты (Dom / Kanijo / Bar-el / Petzell, 2020)² для языка гого (банту, G11, Танзания, ок. 1 млн носителей) анализируются способы выражения отношений каузатива и декаузатива в простой каузативной конструкции, состоящей из двух ситуаций (Недялков, Сильницкий 1969)³:

$$(A) \text{ каузатив}_{Sub} + V(T)^{n+1} + \text{каузат}_{Obj} \leftrightarrow (B) \text{ каузат}_{Sub} + V(T)^n,$$

где ситуация B – исходная или результирующая (содержит исходный не/декаузативированный глагол), ситуация A приводит к осуществлению ситуации B (содержит каузативный или каузативированный глагол), $V(T)$ – (транзитивированный [в понимании (Good, 2005)⁴]) глагол (переходный или непереходный), n – валентность глагола, Sub – формальный субъект, Obj – формальный объект, отношения $A \rightarrow B$ — каузатив, отношения $B \leftarrow A$ — декаузатив.

В имеющихся описаниях языка гого (Cordell, 1941; Großerhode, 1997; Rugemalira, 2019⁵) проблематика каузативных отношений рассматривается обзорно и ограничивается анализом примеров трех каузативных суффиксов $-Vs-$, $-Vz-$, $-y-$ (где $V = e, i$), первый из которых является непродуктивным и вытесняется двумя другими. Лексические, аналитические каузативы, а также процессы декаузатива

¹ Coulson A. Tanzania: A Political Economy. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 168.

² Dom, Sebastian; Kanijo, Ponsiano; Bar-el, Leora; Malin Petzell. Questionnaire on causative-anti-causative verb pairs. 2020. URL: <https://zenodo.org/record/3886605#.ZA3fC3bPIPY> (дата обращения: 12.03.2023).

³ Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология морфологического и лексического каузативов // А. А. Холодович (ред.) Типология каузативных конструкций. Л.: Наука, 1969. С. 20–60.

⁴ Good J. Reconstructing morpheme order in Bantu: The case of causativization and applicativization. In: Diachronica 22:1. 2005, 3–57.

⁵ Cordell O. T. Cigogo grammar [Manuscript], 1941; Großerhode R. Ton und Druck im Gogo. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktordgrades. Universität Bayreuth, 1997; Rugemalira J. Srufi ya Kigogo. Dar es Salaam: Dar es Salaam University press, 2019.

не анализируются. Данная работа призвана заполнить этот пробел путем систематизации и расширения данных.

В трактовке распределения каузативных суффиксов в гого мы исходим из предложенной Дж. Гудом модели расширенной основы глагола в прабанту (Good, 2005), которую автор реконструирует как последовательность двух каузативных морфем, между которыми может появляться суффикс аппликатива: *-ic- *-id- *-i-. Последний в этой цепочке суффикс автор предлагает называть транзитивом, поскольку он вводит объект контактной каузации. Транзитив зачастую вызывает ассимиляцию (фрикативизацию, палатализацию) предшествующего согласного. Данные суффиксы могут нанизываться друг на друга (двойная каузация), а также на лексикализованные формы глагола, порождая тем самым многообразие алломорфов каузатива на синхронном уровне.

Материал анкеты, словарная выборка (Rugemalira, 2009¹) и данные корпуса-коллекции сказок (50) позволили выявить следующие способы каузации и декаузации в языке гого.

I. Способы каузации

1) лексический: *-nyanya* и *-pya* ‘жечь-гореть’, *-hulaga* и *-fwa/-tajika* ‘убить-умереть/упокоиться’, *-pitula* и *-badilika* ‘меняться’, *-anika* и *-nyala* ‘развесить-сушиться (о белье)’, *-kongga* и *-yundya* ‘кружить (букв. обманывать)-кружиться (на карусели)’, *-pandya* и *-onjezeka* ‘поднять-увеличиться (о зарплате)’, *-mala* и *-kondya* ‘закончить/ся (о работе)’, *-seletya* и *-biduka* ‘катить вниз-катиться вниз’, *-poza* и *-gona* ‘заморозить-замерзнуть (букв. заснуть)’, в том числе за счет лабильности: *-tula* ‘расколоть/ся’, *-bena* ‘сломать/ся’, *-anza* ‘начинать/ся’, *-kong'hola* ‘собирать/ся’;

2) морфологический:

2.1) суффикса *-y-*, не влекущий ассимиляцию предшествующего согласного: *-zimya* ‘тушить (огонь)’ от *-zima* ‘гореть (об огне)’, *-itya* ‘остановить (машину)’ от *-ima* ‘стоять’, *-seletya* ‘катить вниз’ от *-seleta* ‘катиться вниз’;

2.2) суффикса *-y-*, влекущий ассимиляцию предшествующего согласного: *-poza [pol-y-a]* ‘заморозить’ от *-po(l)a* ‘остыть’, *-funza [fund-y-a]* ‘обучать’ от *-fund* ‘объяснять’, *-meyya [me-l-y-a]* ‘наполнять’ от *-meta* ‘быть полным (о сосуде)’;

2.3) суффикс *-Vs-* (непродуктивная модель): *sinjisa [sind-is-a]* ‘валить (деревья)’ от **sinda* ‘брать верх’ (на синхронном уровне бессуффиксальная основа вытеснена глаголами *-suma*, *-wopa*);

2.4) суффиксы реверсива *-ul-* и реверсива-статива *-uk-* с транзитивом (непродуктивные модели): *-lugulula balafu / siagi* ‘растопить мороженое / сливочное масло’ от **-lugula* ‘?’, *-hemusa [hem-uk-y-a] malenga* ‘кипятить воду’ от **-hema* ‘?’.

3) аналитические конструкции с помощью глагола *-noza* ‘делать’ и глаголов волеизъявления в индикативе и каузируемого глагола в оптативе/конъюнктиве:

¹ Rugemalira, Josephat Muhozi. Cigogo: kamusi ya Kigogo-Kiswahili-Kiingereza: Kiingereza-Kigogo, Kiswahili-Kigogo. Dar es Salaam: Chuo Kikuu cha Dar es Salaam, 2009.

- (1) *Mu-tuka uvizice [u-vizik-ile] ninga n-o-u-noz-a*
 CL3-машина CL3-сломаться-PFV но 1SG-FUT-CL3.ОМ-делать-FV
u-kol-el-e.
 CL3-проходить-APPL-OPT
 ‘Машина сломалась, но я ее починю [сделаю так, что она будет на ходу].’

II. Способы декаузации

1) детранзитивизация в случае исходно непереходного глагола: *zimya-zima* ‘гасить-гаснуть (об огне)’;

2) стативизация транзитивированной формы в случае неконтролирующего субъекта:

- (2) *Mi-bici i-ku-sinj-is-ik-a.*
 CL4-дерево CL4-PRSNT-упасть-CAUS-STAT-FV
 ‘Деревья повалены [ветром].’;

3) рефлексивизация транзитивированной формы в случае контролирующего субъекта:

- (3) *Ma-fupa ge [ga=i] tu-hoko w-ono w-a-ben-ek-a*
 CL6-кость CL6-GEN=AUG CL 3-рука CL3-REL CL3-PST-ломать-STAT-FV
gelunza [ga-a-i-lund-y-a]
 6-PST-REFL-собирать-TRANS-FV
 ‘Кости руки, которая была сломана, соединились [врачом].’;

4) аппликативизация в случае нетранзитивированного переходного глагола:

- (4) *Ø-Simu ya [ya-a] Komba yajilila [ya-a-ajil-il-a].*
 CL9-телефон CL9-GEN Комба 3SG-PST-не_хватать-APPL-FV
 ‘Телефон Комба потерялся.’

5) замена транзитивированного реверсива на стативный реверсив в случае, когда каузатом выступает мягкая субстанция (напр., жидкость):

- (5a) *Komba kahemusa [ka-ka-hem-uk-y-a] ma-lenga.*
 Комба 3SG-NARR-?-REV-STAT-TRANS-FV CL6-вода
 ‘Комба вскипятил воду.’

- (5b) *Ma-lenga g-a-hem-ul-a.*
 CL6-вода 6-PST-?-REV-FV
 ‘Вода вскипела.’

Блинова Е. В. (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль)

Профессиональная реализация африканцев в Лондоне на рубеже XIX–XX вв.

К концу XIX в. африканцы в значительной мере успешно интегрировались в близкую им социально-профессиональную среду Лондона. Некоторые эксплуатировали свое африканство, другие, напротив, более стремились к ассимиляции. На рубеже XIX–XX вв. африканцы стали работать в больницах (медицинские сестры и братья), в ателье (портные), водителями автобусов. Появились африканцы-счетоводы: сьерра-леонец Колин Грэхем работал бухгалтером¹. Медицинские специальности привлекали африканцев. Prestиж медицинских профессий возрос к началу XX в., и появление дипломированных врачей среди африканцев — Эрнест Райт (1892–1955), выходец из Сьерра-Леоне — свидетельствует о том, что врачебная деятельность давала неплохие доходы. Африканцы интегрировались в сферу права. Джозеф Кейсли-Хейфорд (1866–1930), выходец с Золотого Берега, — юрист, журналист, политик — в 1893 г. окончил Кембриджский университет, получив специальность юриста. В 1896 г. он приступил к юридической практике в Лондоне. Дж. Кейсли-Хейфорд являлся сотрудником лондонского «Внутреннего темпла», одного из четырех «Судебных иннов» (английская школа по подготовки барристеров). Генри Сильвестр Уильямс (1869–1911), выходец из Тринидада, в 1895 г. окончил юридический факультет Лондонского королевского колледжа, став первым в Великобритании практикующим чернокожим адвокатом, а в 1906 г. вошел в адвокатский совет одного из административных районов Лондона².

Характер профессии начала обретать общественно-политическая деятельность африканцев. Африканцы интересовались наукой и бизнесом. Натаниэль Фадипе (1893–1944), родом с Золотого Берега, стал первым чернокожим выпускником престижной Лондонской школы экономики. Джон Элдред Тэйлор (1880–1924), сын священника из Сьерра-Леоне, в 1911 г. перебрался в Лондон, где занимался политической деятельностью и предпринимательством. Литературная деятельность оставалась одной из сфер профессионального интереса. Ее диверсификация связана с развитием публицистики и СМИ. Склонные к творческой деятельности африканцы прекрасно сознавали ангажированность занятий журналистикой в обществе, где чернокожие стремились к консолидации, самореализации и разрушению стереотипов. Основной целью ставилось развенчание мифа о «дикости» африканцев.

¹ Working Life in London // Black Londoners 1800–1900 [Electronic resource]. URL: <https://www.ucl.ac.uk/equiano-centre/projects/black-londoners-1800-1900> (дата обращения: 07.07.2019).

² Ngcukaitobi T. The Land is Ours: South Africa's First Black Lawyers and the Birth of Constitutionalism. Cape Town: Penguin Books, an imprint of Penguin Random House, 2018. 312 p.

Список успешно реализовавших себя африканцев искусстве пополнился именами музыкантов, актеров театра и кино, писателей. Вершиной музыкальной профессиональной деятельности африканцев на рубеже веков являлся выдающийся музыкант, композитор, профессор Сэмюэль Кольридж-Тэйлор (1875–1912). С. Тэйлор окончил Королевский музыкальный колледж в 1894 г., занимал должность профессора композиции в лондонском колледже Тринити, работал с лучшими оркестрами и хорами Великобритании, выступал на конкурсах скрипачей. Он дважды выиграл престижный для своего времени приз Александра Лесли в 1895 г. и 1896 г., много гастролировал.

Афроамериканцы в Лондоне тоже активно заявляли о себе. Берт Уильямс (1874–1922) и Джордж Уолкер (1873–1911) приводили лондонскую публику в восторг, вызывая гомерический хохот и умиление своим участием в популярных на рубеже веков водевилях. Ампула Б. Уильямса было узнаваемым. Как правило, выступая в потертом сюртуке и туфлях нарочито большего размера, он представлял образ простодушного и доверчивого простака, тотального «неудачника», обманутого судьбой¹. Резонанс был велик. В 1903 г. «везунчики» выступили в Букингемском дворце перед высшей аристократией и королем Эдуардом VII (1841–1910).

Первый британский фильм с участием чернокожих появился в 1912 г. Это сериал «Приключения Дика Турпина — короля разбойников». Сценарий написал африканский драматург и актер Эрнест Тримминхем (1880–1942). Он и стал главным героем картины и первым афро-британским киноактером². Функции литературного агента и импресарио киноленты взял на себя общественный и политический деятель, журналист Дузе Мохаммед Али (1866–1945).

Британский конформизм во многом способствовал всплеску творческой активности африканцев в Лондоне. В результате в последней четверти XIX — начале XX в. появились новые сферы занятости — юриспруденция, бизнес, журналистика, экономика, киноиндустрия. Просвещение и образование способствовало пробуждению расового сознания. Африканцы, реализуя себя в профессии, постепенно избавлялись от комплекса неполноценности, преследовавшего их веками. И, если ранее они намеревались «стать (быть) как белые!», на рубеже XIX–XX вв. и в следующем XX столетии появилась возможность достичь успеха на профессиональном поприще, несмотря на множественные проявления сегрегации и дискриминации. Профессионализация способствовала расслоению африканцев. Не все могли получить образование и специальность. Однако благодаря чернокожим селебрити были сломаны стереотипы восприятия африканцев лондонцами. Ангажированность в рамках профессии вывела на передний план борьбы тех, кто выступал с идеей консолидации чернокожих и борьбы за свои права.

¹ Bourne S. Speak of Me as I Am. The Black Presence in Southwark since 1600. London: London Borough of Southwark, 2005. P. 36–39.

² Ramdin R. Reimagining Britain: Five Hundred Years of Black and Asian History. London: Pluto Press, 1999. P. 183–184.

Брындина В. Н. (Институт Африки РАН, Москва)

Первые десятилетия работы Миссии университетов в Центральной Африке на Занзибаре (1864–1882): официальные публикации и архивные материалы

Танзания — страна со смешанным религиозным составом, в целом отличающаяся устойчиво хорошими исламо-христианскими отношениями и достаточным уровнем межрелигиозной толерантности. Поскольку с 1967 г. подсчет численности приверженцев различных религий в подчеркнуто светском государстве не ведется, мы можем оперировать лишь данными международных неправительственных организаций; так, на 2020 г. в стране насчитывалось порядка 55,3 % христиан и 31,6 % мусульман¹. При этом на полностью мусульманском Занзибаре (имеет статус полуавтономии в составе объединенной республики), где христиане составляют абсолютное меньшинство — 1,7 %, ситуация гораздо более специфична². Политизация религии — процесс, ставший очевидным после введения многопартийной системы в 1992 г., привел к атакам на священнослужителей, поджогам и погромам в местах локального проживания христиан³ в ситуации, когда распространение христианства и миссионерская деятельность на острове протекали под покровительством султана, христианское меньшинство пользовалось многолетним заслуженным уважением, а впечатляющие соборы и церкви — англиканская церковь Иисуса Христа и католический собор св. Иосифа — стали неотъемлемой частью пейзажа Стоун Тауна. Это актуализовало необходимость изучения межконфессиональных отношений на острове и в стране в целом, в том числе обращения к историческим корням этого вопроса. Англиканская миссия университетов в Центральной Африке (УМСА) работала на острове в период с 1864 по 1964 г. и сделала очень много для построения гармоничных отношений с мусульманским сообществом и его элитой (католическая миссия появилась раньше, но по

¹ ARDA Religious Adherents 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://thearda.com/world-religion/national-profiles?u=219c#S_2 (дата обращения: 17.01.2025).

² Olsson H. Going to War: Spiritual Encounters and Pentecostals' Drive for Exposure in Contemporary Zanzibar // Lauterbach K., Vähäkangas M. (eds.). Faith in African Lived Christianity: Bridging Anthropological and Theological Perspectives. Brill, 2020. P. 253.

³ Helman B. E., Kaiser P. J. Religion, Identity and Politics in Tanzania // *Third World Quarterly*. 2002. Vol. 23, № 4. P. 695–696; Rukyaa J. J. Muslim–Christian Relations in Tanzania with Particular Focus on the Relationship between Religious Instruction and Prejudice // *Islam and Christian–Muslim Relations*. 2007. Vol. 18, № 2. P. 189; Poncian J. Christian-Muslim Relations in Tanzania: A Threat to Future Stability and Peace? // *Research on Humanities and Social Sciences*. 2015. Vol. 5, № 3. P. 58; Nkoko R. N. Accounting for the 1990–2013 Christian-Muslim conflicts in Tanzania. PhD. Thesis. Dar-es-Salaam: Open University of Tanzania, 2017. P. 11–13; International Crisis Group. Violence in Zanzibar's Knife-edge Election // International Crisis Group. 2019. P. 1–16; Berkley Center for Religion, Peace, and World Affairs at Georgetown University 2019. Faith and Development in Focus: Tanzania. P. 19.

большей части перенесла свою деятельность на мейнленд)¹. На сегодняшний день большая часть того, что мы знаем о деятельности УМСА на Занзибаре, известна нам из опубликованных мемуаров миссионеров, а также из много-томной истории миссии, составленной ее сотрудниками. Поскольку эти труды в первую очередь предназначались для знакомства европейской публики с успехами миссионерской деятельности в Восточной Африке, то проблемы и трудности, с которыми сталкивались миссионеры, реальная специфика их работы в арабизированном мусульманском регионе оставались за рамками этих публикаций, а читатель получал лишь некое идеализированное и обобщенное представление о предмете².

В докладе на материалах архивных источников, хранящихся в Занзибарском национальном архиве и в библиотеке Уэстона (часть Бодлианской библиотеки, Оксфорд), рассматривается работа УМСА на Занзибаре в период деятельности двух первых епископов — Уильяма Тозера (с 1864 по 1873 г.) и Эдварда Стира (с 1874 по 1882 г.). Этот период стал основополагающим для столетней работы миссии не только на островах Занзибарского архипелага (с 1897 г. она начала работу на острове Pemba), но и в континентальной части современной Танзании. Архивные материалы, главным образом корреспонденция миссионеров, а также официальные документы, опубликованные миссией, позволяют дополнить и углубить идеализированную картину, представленную в ее публикациях. Они позволяют понять, какими были условия, в которых прибывшие европейцы начинали свою работу; проследить отношения христианских миссионеров и мусульманской элиты Занзибарского султаната в период, когда он еще не являлся британским протекторатом; выявить особенности формирования основных направлений миссионерской работы в сфере образования, здравоохранения, а также подготовки священников и учителей из числа африканцев. В архивных материалах также нашли отражение трудности, с которыми столкнулась миссия, что позволяет выявить их влияние на изменение ее курса, который изначально был вдохновлен деятельностью и заветами Давида Ливингстона.

¹ Chesworth J, Liebst M. *Universities' Mission to Central Africa* // Thomas D., Chesworth J. (eds.). *Christian-Muslim Relations: a Bibliographical History*. Vol. 19. Sub-Saharan Africa and Latin America (1800–1914). Leiden, Boston: Brill, 2022. P. 384–394.

² Heanly R. M. *A memoir of Edward Steere. Third missionary bishop in central Africa*. London, 1888; Anderson-Morshead A. E. M. *The history of the Universities' Mission to Central Africa, 1859–1898*. London: Universities' Mission to Central Africa, 1899; Wilson G. H. *The history of the Universities' mission to Central Africa, 1859–1935*. London: Universities' mission to Central Africa, 1936.

Буркова В. Н. (ИЭА РАН, Москва), Бутовская М. Л. (ИЭА РАН, Москва),
Кавина А. (St John's University of Tanzania, Dodoma, Tanzania)

Мужские и женские роли в семье и социуме (на примере студентов из Танзании)

Во многих культурах нормативные ожидания для мужчин и женщин различаются, так же как и варьируют принятые в обществе нормы родительского поведения. Установки относительно отцовства в основном формируются концепциями мужественности, которые относятся к убеждениям и практикам вокруг роли мужчин в семье и обществе и ожиданий от них¹. В традиционных обществах различия между поведением мужчин и женщин являются частью адаптивных практик, сформированных по принципу оптимизации распределения ролей в социуме и способствующих его успешному выживанию и процветанию.

Проблема равенства между полами занимает не последнее место в общественном пространстве Танзании. Правительство в последние десятилетия приняло меры, направленные на расширение прав женщин в разных сферах. Однако официальная статистика сообщает о сохраняющемся гендерном разрыве в оплате труда, насилии в отношении женщин и неравномерном распределении прав на имущество между мужчинами и женщинами². Европейская концепция «хорошего» отца также малоприменима к африканским реалиям — представители африканских обществ считают, что определяющей характеристикой «хорошего отца» является его статус кормильца семьи, роль воспитания и ухода за ребенком уходит на второй план³.

Цель данного исследования — оценка представлений о распределении мужских и женских ролей в семье и социуме и отцовская забота по оценкам студентов из Объединенной Республики Танзания. Общая выборка составила 369 человек (212 муж., 157 жен.). В исследовании была использована короткая версия опросника «Отношение к женщинам»⁴, описывающая роли и модели поведения во всех основных областях деятельности, и короткая версия опросника «Отцовская забота»⁵, в которой респонденты оценивали заботу отца (эмоциональную и инструментальную поддержку, а также спектр родительских обязанностей).

¹ Petts R. J., Shafer K. M., Essig L. Does Adherence to Masculine Norms Shape Fathering Behavior? // *Journal of marriage and family*. 2018. Vol. 80(3). P. 704–720.

² TNBS SIGI. Social Institutions and Gender Index. SIGI Tanzania survey Report. 2022. URL: https://www.nbs.go.tz/uploads/statistics/documents/en-1705486734-SIGI_Tanzania_Survey_Report.pdf (accessed: 15.12.2024)

³ Alsager A., McCann J. K., et al. “Good fathers”: Community perceptions of idealized fatherhood and reported fathering behaviors in Mwanza, Tanzania // *PLOS Glob Public Health*. 2024. Vol. 4(7), no e0002587.

⁴ Spence J. T., Helmreich R., Stapp J. A short version of the Attitudes toward Women Scale (AWS) // *Bulletin of the Psychonomic society*. 1973. Vol. 2(4). P. 219–220.

⁵ Cabeza De Baca T., Figueredo A.J., Ellis B. J. An Evolutionary Analysis of Variation in Parental Effort: Determinants and Assessment // *Parenting*. 2012. Vol. 12(2–3). P. 94–104.

Результаты исследования показали, что представления студентов из Танзании о том, что должна и не должна делать женщина в танзанийском обществе, не имеют значимых половых различий. Танзанийская молодежь в большинстве ответов демонстрирует стремление к полному равенству между полами, в особенности это касалось вопросов доступа к равным возможностям в области образования и работы. Однако отметим, что речь идет о самой продвинутой части общества — молодых образованных городских танзанийцах из достаточно обеспеченных семей (имеющих возможность учиться в университете). На данные представления не влияли ни религия, ни место проживания респондента до 18 лет — городские и деревенские жители любых конфессий имели одинаковые установки о мужских и женских ролях.

Значимое влияние имели: 1) фактор развода родителей ($F = 4,427$; $p = 0,036$) — те респонденты, которые жили в неполных семьях, имели более традиционные взгляды на распределение ролей между мужчинами и женщинами в обществе. 2) семейный достаток во время детства респондента ($F = 2,374$; $p < 0,001$) — у мужчин уровень оценок по фактору «Равенство полов» был выше (более феминистский взгляд) в очень бедных семьях, тогда как у женщин, наоборот, высокие оценки по равенству полов были в тех семьях, где был достаток.

Факторы отцовской заботы также оказали значимое влияние на представления о равенстве полов: при большей вовлеченности отцов в ежедневные заботы о детях наблюдался более высокий уровень равенства полов ($F = 9,159$; $p = 0,003$). Что касается менее регулярных родительских обязанностей отца (например, совместные прогулки, занятия спортом, знакомство отца с интересами ребенка, с кругом его друзей, его успеваемостью), они также оказывали значимое влияние ($F = 2,341$; $p < 0,001$) на фактор «Равенство полов», однако имели противоположные направления для мужчин и женщин: у женщин высокий уровень равенства полов был связан с высоким уровнем заботы отца, тогда как у мужчин высокий уровень равенства полов был связан с низким уровнем заботы отца. Вневременные родительские обязанности отца имели наименее значимое влияние ($F = 1,911$; $p = 0,043$) — при большей вовлеченности отцов наблюдался более высокий уровень равенства полов. Уровень образования отца был положительно связан с уровнем регулярных родительских обязанностей отца ($F = 11,980$; $p < 0,001$).

Таким образом, результаты опроса студентов из Танзании, являющихся одной из самых современных и образованных групп населения, демонстрируют высокие показатели по всем вопросам гендерного равенства, более традиционная позиция наблюдается у тех, кто рос в неполных семьях, и у тех, кто рос в семьях с более низким достатком. Ежедневный уход за детьми в большинстве продолжают осуществлять женщины, а увеличение регулярной отцовской заботы связано с повышением уровня образования отцов и достатка.

Работа подготовлена в соответствии с планом НИР Института этнологии и антропологии РАН (тема «Ультрасоциальность человека: биосоциальные и кросскультурные аспекты»).

Бутовская М. Л. (ИЭА РАН, Москва), Дронова Д. А. (ИЭА РАН, Москва),
Бутовский Р. О. (ВНИИ «Экология» Минприроды России, Москва)

Традиционализм или неотрадиционализм: как масаи видят будущее в контексте своей идентичности¹

В рамках доклада будут рассмотрены представления школьников-масаев, проживающих со своими родителями в пределах особо охраняемой природной территории Нгоронгоро (ООПТ) с начала ее образования в 1959 г.² Ученики-масаи в период школьных занятий преимущественно проживают в школах-интернатах и проводят время в домохозяйствах родителей и других родственников только в период школьных каникул и праздников. Большинство учительских коллективов в таких школах составляют преподаватели-танзанийцы немасайского происхождения. Занятия в школах ведутся на суахили и английском языке. В рамках данного исследования мы предположили, что школьники старших классов представляют собой наиболее продвинутую группу в плане общей информированности и установок на современные глобальные ценности и перспективы.

Материалы для данного доклада были собраны в июне 2021 г. в поселении Эндолен, расположенном на территории ООПТ и в его окрестностях. В опросе приняли участие 186 школьников, средний возраст которых составил 14,6 г. В среднем каждый из них имел 3 братьев и 3 сестер. В каждом домохозяйстве этих школьников насчитывалось в среднем по 26 коров и 41 козе/овце. Большинство респондентов (66,2 %) никогда не были за пределами Нгоронгоро, однако почти половина имела родственников, работающих вне ООПТ. Большинство респондентов хотели бы остаться в Нгоронгоро после окончания школы, при этом, 83,6 % школьников заявляли, что хотели бы продолжить образование за пределами Нгоронгоро. И, как бы в подтверждение готовности к такому обучению, 95,5 % школьников сообщали, что владеют другими языками, помимо маа. Лишь 10,3 % школьников имели мобильные телефоны, но при этом подавляющее количество домохозяйств, из которых происходили респонденты, имели солнечные батареи (74,4 %).

Большинство респондентов демонстрировали традиционные установки в отношении семьи и брака, отвечая на вопросы матримониального характера. Так, они полагали, что в среднем одна женщина должна иметь 6 детей. Оптимальный возраст вступления в брак для юношей 21,5 года, а девушек 21 год. При этом, по мнению школьников, возраст вступления в брак для мальчиков допустим в пределах от 12 до 40 лет, а для девочек от 11 до 40 лет. Большинство респондентов

¹ Исследование выполнено в соответствии с планом НИР «Ультрасоциальность человека: био-социальные и кросскультурные аспекты» ИЭА РАН.

² Бутовская М. Л., Бутовский Р. О. Масаи на охраняемой территории Нгоронгоро: устойчивое развитие и традиционность // *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 1. С. 57–65.

отмечали необходимость пребывания мальчиков в статусе моранов (51,1 %), 16,3 % не были уверены в этом, а 32,3 % школьников вовсе отрицали необходимость такого опыта. Лишь 32,1 % опрошенных мальчиков не имели собственного копья и не считали необходимым его наличие. Традиционную одежду носили 86,2 % опрошенных и сообщали, что она им очень нравится. Масайские традиции знали 83,4 % опрошенных, в том числе масайские сказки. 93,8 % респондентов говорили, что готовы оказывать помощь другим масаям, если те оказываются в беде. Еще больше среди них было тех, кто выразил уверенность в необходимости подчиняться старшим (97,9 %).

В докладе мы планируем обсудить полученные данные в свете установок на традиционность у современных масаев и перспектив сохранения масайской культуры в будущем в рамках современного танзанийского общества.

Ванюкова Д. В. (Государственный музей Востока, Москва)

Коллекция африканского искусства и ремесла в собрании Этнографического музея Казанского университета: история формирования и экспонирования

В истории формирования коллекции предметов искусства и ремесла стран Африки южнее Сахары, которая хранится в Этнографическом музее Казанского (Приволжского) федерального университета, можно четко выделить два этапа. Первые поступления, сформировавшие «старую» часть собрания в составе 209 единиц оружия, украшений, элементов традиционной утвари и одежды, ритуальных объектов, приходится на 1902–1912 годы, а в 2011 году музей получил в дар 98 художественных изделий, преимущественно масок и скульптуры, выполненных уже в середине — второй половине XX века.

Столетний разрыв между этапами пополнения африканской коллекции дает возможность увидеть, как изменчив во времени процесс музейного собирательства, оптика которого во многом сформирована состоянием научного знания о «других» культурах и их носителях, специализацией собрания и объективными возможностями пополнения фондов. Благодаря определенным стратегиям отбора, компоновки и репрезентации предметов в музейном пространстве формируются обобщенные представления о континенте, и «образы Африки» южнее Сахары начала XX века и начала века XXI различаются очень заметно.

Характерной особенностью большинства первых коллекций является скудное (часто полностью отсутствующее) описание предметов: редко указывается не только этническая принадлежность, но и страна происхождения, не говоря уж о точном указании места приобретения и имени автора. До признания т. н. *l'art*

negre в 1906–1907 годах, когда европейские художники-авангардисты открыли для себя африканские маски и скульптуру, эти произведения не выделялись в общей массе этнографических материалов, экспонируясь в череде морд для ловли рыбы, «поясов стыдливости», элементов вооружения, корзин и обуви. Выборки предметов, часто прошедших через руки ряда перекупщиков, грешили огромными лакунами, а образ Африки, «каталогизированной» в музеях, оказывался не более чем фантомом.

Коренным образом изменившиеся за прошедшее столетие подходы к изучению традиционных культур Африки южнее Сахары и принципы музейного собирательства позволяют формировать коллекции художественных музеев, активно используя возможности африканского рынка в исследованиях вопросов авторства, аутентичности произведений, дифференциации и социальной организации столичных и деревенских художественных мастерских, влияния покупательского спроса на наполняемость антикварных рынков определенными типами произведений. Требования аутентичности и ритуальной значимости к вновь поступившим образцам этнографических коллекций также сталкиваются с изменчивостью и гибкостью изучаемых традиционных культур, которые впитывают и перерабатывают внешние влияния, размывая критерии оценки предметов и вновь меняя «образ» Африки в глазах собирателя и посетителя музея.

*Власенкова Е. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург),
Живодерова П. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)*

Образ Усмана дан Фодио в учебной литературе Северной Нигерии

Религиозный деятель, учитель, лидер джихада фульбе, движения «за чистоту веры», охватившего обширную территорию, ныне входящую в состав Северной Нигерии, имам или предводитель мусульман, шеху, повелитель правоверных — все эти определения относятся к выдающейся фигуре, оставившей яркий след в истории Западной Африки — Усману дан Фодио. Особый интерес для исследователей может представлять образ Усмана дан Фодио, сформированный в учебной литературе на языке хауса, так как, во-первых, этот образ отражает официальную доктрину государства, а во-вторых, формирует определенные общие представления у школьников, изучающих историю Нигерии в соответствующих учебных заведениях. В докладе анализируются тексты на языке хауса из школьных учебников, изданных в 1979 и 2005 годах.

Учебник 1979 года с характерным названием «Предки» (на языке хауса «*Mazan jiya*») подробно описывает жизненный путь Усмана дан Фодио, его становление как лидера мусульман. В этом учебнике помимо истории самого шеху, уделя-

ется пристальное внимание и истории его ближайших родственников — брата Абдуллахи, сына Мухаммада Белло и дочери Наны Асмау. Учебник 2005 года дает скорее общие культурные и исторические зарисовки хаусаязычного населения XIX века, общие сведения о традициях, истории самих хауса, религиозных лидерах, ремеслах и т. п. Согласно этим учебникам, Усман дан Фодио не хотел быть правителем и иметь отношение к управлению государством, что, вероятно, было одной из причин его популярности среди различных слоев населения городов-государств хауса.

В докладе авторы приходят к выводам о, возможно, излишней сакрализации фигуры Усмана дан Фодио. Составители нигерийских учебников большое внимание уделяют биографии семьи шеху, описанию исторических событий, проводят интересные, как представляется, аналогии, напоминающие жизнь пророка Мухаммада. В текстах достаточно много религиозной составляющей, осуждения языческих верований и рассуждений о неправильности правления сарки¹ Гобира, злейшего врага Усмана дан Фодио, однако совершенно отсутствует информация о возможных, не связанных с религией, причинах движения соратников шеху.

Воеводский А. В. (НИУ ВШЭ, ИВИ РАН, РАНХиГС, Москва)

Взаимоотношение Китая с национально-освободительными движениями Юга Африки в оценках советских дипломатов во второй половине 1960-х гг. (по материалам Российского государственного архива Новейшей истории)

Советско-китайские отношения в годы холодной войны привлекают высокий интерес исследователей в последние годы. Это во многом связано с отходом от преимущественно биполярного видения международных отношений в послевоенное время. Несмотря на очевидное доминирование в военном и политическом плане в 1945–1989 гг. двух супердержав, СССР и США, без анализа роли и участия в международных отношениях других стран невозможно полноценно изучать их историю во второй половине XX века.

Одним из важнейших игроков на международной арене был Китай. В данном докладе автор не будет говорить о сути и причинах советско-китайского раскола конце 1950-х — начала 1960-х гг. Об этом существует значительной пласт зарубежной и отечественной научной литературы (см. работы X. Y. Li Dunhui, L. M. Lüthi, S. Radchenko, Ю. М. Галенович, Б. Т. Кулик и др.). Однако исследований, посвященных влиянию советско-китайского раскола на ситуацию в странах Африки,

¹ Sarki — яз. хауса «правитель, царь, глава города, вождь».

крайне мало. В связи с этим следует выделить работу J. Freedman «Shadow Cold War: The Sino-Soviet Competition for the Third World» (2015).

Для СССР политика Пекина, направленная на дискредитацию советской политики в странах третьего мира и, в частности, в странах Африки, стала серьезным вызовом. Тем более что КНР обращалась к той же аудитории, что Москва, и использовала схожую антиколониальную и антиимпериалистическую фразеологию. Только делала это настолько напористо и агрессивно, что СССР вынужденно оказывался часто в оборонительной позиции. Ситуация осложнялась еще и тем, что в странах Африки плохо себе представляли суть и причины возникших противоречий в коммунистическом блоке. Особенно от этой ситуации страдали национально-освободительные движения Юга Африки, которые сильно зависели от внешней военно-технической и финансовой помощи. Китай и СССР рассматривались ими в качестве ее главных поставщиков.

Как свидетельствуют архивные документы, с начала 1960-х гг. советско-китайский конфликт приобретал все более острую форму и вышел далеко за пределы собственно коммунистического блока. По данным ГРУ Генерального штаба МО СССР, КНР стремилась превратить Танзанию в одну из своих главных опорных баз в Африке. В 1966 г. ряд китайских правительственных делегаций посетили Танзанию. В свою очередь, несколько танзанийских правительственных делегаций выезжали в КНР. В августе 1966 г. было подписано соглашение о поставке Китаем Танзании стрелкового и легкого артиллерийского вооружения для вооруженных сил Танзании, а также для повстанческих движений в Южной Родезии (Зимбабве), ЮАР и других странах Африки. Согласно условиям соглашения, оружие, предназначенное для национально-освободительных движений, должно было складироваться на территории Танзании, а затем переправляться в Замбию, где были созданы учебные пункты по подготовке повстанцев. Кроме того, Танзания получила от КНР беспроцентный заем в размере 1,1 млн фунтов стерлингов на военные нужды. В соответствии с соглашением о займе Китай направил в Танзанию специалистов для подготовки подразделений полиции и резервистов¹.

Особое внимание, которое уделялось в советских документах Танзании, объяснялось тем, что эта страна являлась одним из важнейших центров организации и поддержки национально-освободительных движений Юга Африки. В Дар-эс-Саламе располагалась штаб-квартира Комитета освобождения ОАЕ. В Танзании (Морогоро) находился руководящий центр АНК Южной Африки. Помимо этого АНК имел свое постоянное представительство в Дар-эс-Саламе в составе четырех человек во главе с М. Пилисо. Дар-эс-Салам также являлся местопребыванием национально-освободительной организации ФРЕЛИМО. Эта организация имела также свое постоянное представительство на юге Танзании в г. Мбея. Правительство Танзании не признавало никаких других организаций из Мозамбика

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 302. Л. 289–300.

и не разрешало им находиться в Танзании. Центр народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО) также был размещен в Дар-эс-Саламе.

Исходя из политики содействия всем африканским антиколониальным организациям, правительство Танзании разрешило также обосноваться в Дар-эс-Саламе центру националистической организации Южной Африки — Панафриканскому конгрессу.

По оценкам советских дипломатов, Пекин всеми силами пытался оторвать националистические организации от СССР и других европейских социалистических стран: «Они стремятся увлечь за собой экстремистские и анархистские течения в национально-освободительном движении трескучими “архи-революционными” фразами»¹.

С другой стороны, выявилась тенденция у ряда лидеров национально-освободительного движения использовать советско-китайские расхождения в целях получения наибольшей денежной помощи со стороны КНР, СССР и других социалистических стран. Имелись примеры коррупции среди этих лидеров. При этом советские дипломаты признавали тот факт, что КНР поставила значительное количество оружия для передачи африканским бойцам².

Тем не менее ресурсы и возможности Китая были ограничены. Большое влияние на его возможности оказала «культурная революция», в ходе которой, по данным советского посольства в Танзании, ряд стран Африки практически прекратили официально или фактически отношения с КНР. Пекин сохранял отношения лишь с 13 странами Африки. Сократилось число официальных делегаций между КНР и странами Африки, были сокращены научно-технические и культурные связи с КНР. В ходе «культурной революции» были отозваны почти все послы КНР и значительная часть сотрудников посольств³. Новый этап участия КНР в африканской политике начинается после XIX съезда КПК (1969), когда, достигнув определенной внутренней стабилизации, Китай снова стал активизировать свою деятельность в странах Африки.

Гавристова Т. М. (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль)

Нигерия: проза жизни и поэзия истории⁴

Точкой отсчета истории Нигерии, крупнейшего по численности населения государства Африки, формально считается 1914 г., когда по воле британских влас-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 305. Л. 166.

² Там же. Л. 167.

³ Там же. Оп. 61. Д. 488. Л. 163–164.

⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–00439, <https://rscf.ru/project/25–28–00439>.

тей два протектората: Южная и Северная Нигерия — были объединены. Более столетия прошло с тех пор. 1 октября 1960 г. Нигерия получила независимость. И хотя нигерийский историк Аде Аджайи (1929–2014), а вслед за ним и другие рассматривали колониализм как «эпизод» в истории страны и континента, клубок противоречий, возникший на стыке эпох (в преддверии и после обретения суверенитета), все еще существует.

В пределах постколониальной реальности есть множество разнообразных политических, экономических, конфессиональных, экологических, социальных, культурных, региональных проблем, корни которых уходят в прошлое. К их изучению обращались ученые, писатели и публицисты. Одним из тех, кому удалось наиболее точно характеризовать происходящее, стал Ачилл Мбембе (род. в 1957 г.), автор сборника эссе «О постколонии» (2000 г.). Нигерия в нем не была предметом специального исследования, а только упоминалась, но все происходящее в стране вполне соответствовало ситуации на континенте в целом.

Выбор Нигерии в качестве объекта исследования определен, по крайней мере, двумя важнейшими факторами. Во-первых, тем, что в силу этнического, конфессионального и культурного многообразия за ней закрепилась репутация «Африки в миниатюре», что делает ее изучение особенно важным. Во-вторых, нигерийцы: Чинуа Ачебе (1930–2013), чья поэзия документальна, а проза поэтична; лауреат Букеровской премии Бен Окри (род. в 1959 г.) и его собрат по перу Теджу Коул (род. в 1975 г.) — оба блестящие мастера стиля; писательница Чимаманда Нгози Адичи (род. в 1977 г.), автор известного эссе «Об опасности одной-единственной истории» (2009 г.); историк Тойин Фалола (род. в 1953 г.) и другие, кого Воле Шойинка (род. в 1934 г.), лауреат Нобелевской премии и создатель уникальной автобиографической прозы и публицистики, в одной из своих публичных лекций образно назвал «детьми» Геродота, многократно обращались к изучению историко-культурного наследия своей страны и ее народов. Благодаря им Нигерия обрела репутацию «страны историй» и крупнейшей литературной державы, хотя сами нигерийские исследователи считают, что изучение истории в настоящее время находится в состоянии кризиса.

В рамках одного доклада невозможно перечислить все те произведения, на страницах которых велась репрезентация истории Нигерии. Однако некоторые назвать нужно, чтобы понять, как осмысление реальности (проза жизни) трансформируется в историю на уровне академической науки и нон-фикшн. В английском языке жанры дифференцируются (*history*, *story*), что тем не менее не препятствует актуализации их роли по мере того, как они становятся частью исторического сознания. Таковы труды Т. Фалолы¹, Т. Коула² и других.

¹ Falola T. *Decolonizing African Studies*. New York, 2022; Falola T. *Ibadan: Foundation, Growth and Change. 1830–1960*. Ibadan, 2012; Falola T. *A Mouth Sweeter than Salt: An African Memoir*. Ann Arbor, 2004.

² Cole T. *Known and Strange Things: Essays*. London, 2016. Cole T. *Black Paper: Writing in a Dark Time*. Chicago, 2021.

Особую роль в процессе ретрансляции истории играют воспоминания и художественные тексты, в которых синтезированы свидетельства автора и очевидцев о событиях прошлого и настоящего. Именно они являются наиболее востребованными. Их жанры различны: от автобиографии и автопсихологии до автогеографии и автоэтнографии — и зависят от степени близости авторов к документированной действительности. В значительной мере подобные произведения являются аутентичными, хотя их генный субстрат формировался под влиянием извне и включил в себя целую «библиотеку». На ее полках исследования Мишеля Фуко (1926–1984) и Эдварда Вади Саида (1935–2003), Кваме Энтони Аппиа (род. в 1954 г.) и А. Мбембе соседствуют с литературными произведениями Марселя Пруста (1871–1922), Джеймса Джойса (1882–1941), Винфрида Георга М. Зебальда (1944–2001), Владимира Набокова (1899–1977), Джона М. Кутзее (род. в 1940 г.) и других.

Обращение к текстам позволяет вычлениить события и явления, о которых наиболее часто пишут нигерийцы: работорговля и колониализм; деколонизация и провозглашение независимости; гражданская война 1967–1970 гг. и эмиграция. Мрачная картина породила схожие аллюзии: «зона», «зверинец», «выгребная яма», «открытая рана», мать, «пожирающая» или «убивающая» своих детей, обозначив доминирующие черты образа Нигерии на исходе XX века.

В повести «Каждый день — для вора» (2007 г.) Т. Коула крупнейший мегаполис континента Лагос предстает как площадка для совершения преступлений¹. В эссе «Дом, чужой дом» (2011 г.), опубликованном в журнале «New Yorker», описывая Нигерию 1990-х гг., писатель отмечает: «Мы столкнулись с более медленной катастрофой: коррумпированный правящий класс, разваливающиеся институты, вооруженные ограбления, плохие университеты, отчаяние»². Позднее он неоднократно обращался к ситуации в стране и, обладая информацией, собранной на основе анализа массы источников (устных и письменных), в прозе, эссе, твитах затрагивал наиболее болезненные проблемы постколониального бытия. В их числе насилие и бессилие, беззаконие и произвол властей, расизм и цивилизаторские проекты, «нигерийские письма» («419») и преступления Боко Харам — все то, что делает его произведения своеобразным продолжением ставшей хрестоматийной книги А. Мбембе и одновременно ее антитезой. Но если А. Мбембе в своих трактовках «постколонии» тяготел к «афропессимизму» (травматическое сознание препятствует скорым переменам), Т. Коул, напротив, питает надежды на светлое будущее, мотивируя свою точку зрения тем, что нигерийцы, которые, как известно, ощущают себя одной из самых «счастливых» и самых «верующих»³ наций, трансформируют таким образом прозу жизни в поэзию истории.

¹ Cole T. Every Day is for the Thief. London, 2014.

² Cole T. Home. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2014/12/22/home-16> (accessed: 05.01.2025).

³ Cole T. Every Day is for the Thief. P. 142.

Нигерийские интеллектуалы динамично и последовательно разрушают клише, существующие в отношении истории Нигерии и Африки, благодаря изучению проблем идентичности и аутентичности, культурного транзита, исторической памяти и преемственности традиций. В поле их зрения находятся история Ифе, Лагоса, Ибадана, интеллектуальная и культурная история. Ее ретрансляция на массовом уровне способствует эволюции исторического сознания и в определенном смысле несет в себе мессианский характер, трансформируясь в подобие госпела, в границах которого хоровое пение является неотъемлемой частью жанра, но именно солисты демонстрируют виртуозность владения голосом и способность импровизировать на заданную тему.

Значение подобных коммуникаций (на уровне читательской аудитории, публичных встреч, в сети) невозможно переоценить. Ключевую роль в них играют ученые (Т. Фалола и др.) и писатели (Т. Коул и др.), которые вслед за предшественниками, через Слово, обращенное к каждому конкретному человеку, ведут свой народ по пути деколонизации.

Глухов Я. А. (Институт Африки РАН, Москва)

Колониальные истоки постколониальной интеграции в Восточной Африке (1880–1960-е гг.)

Современная региональная экономическая интеграция стран Африки¹ унаследовала колониальный фундамент, заложенный европейскими империями на рубеже XIX–XX вв. Восточноафриканское сообщество², первый раз созданное независимыми Кенией, Танзанией и Угандой в 1967 г. и возрожденное в 1999 г., — один из интеграционных блоков, демонстрирующий наиболее крупные результаты по объединению государств в Африке в единое экономическое и политическое пространство³. На данный момент в ВАС остается еще большое количество проблем, вызванных интеграцией восточноафриканских колоний в русле политики Британской и Германской империй. Их понимание является необходимым шагом для последующего создания процветающей и безопасной Восточной Африки.

«Раздел» Африки в Берлине ускорил ожесточенное соперничество на рубеже XIX–XX вв. Разрабатывались проекты, направленные на соединение заморских регионов, что позволило бы эффективнее управлять ими из Лондона (Угандийский

¹ Глухов Я. А., Дмитриев Р. В. Современная региональная экономическая интеграция стран Африки // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2024. № 4. С. 16–27. DOI: 10.32326/18115942_2024_4_16.

² East African Community (EAC). URL: <https://www.eac.int/> (дата обращения: 09.01.2025).

³ Глухов Я. А. Перспективы роста экономики Танзании за счет членства в ВАС и САДК // *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 12. С. 42–48. DOI: 10.31857/S0321507524120057.

экспресс) или Берлина (Усамбарская, Танганьикская центральная линия). Железнодорожное строительство как в английских, так и в немецких колониях было жизненно необходимо для осуществления вертикальной интеграции африканских хозяйств с экономиками метрополий. Такие проекты встречали массовое сопротивление со стороны африканцев — вспыхивали десятки крупных восстаний, которые с большой жестокостью подавлялись колониальными администрациями¹. Впервые только к 1922 г. официально вся территория стран-основателей ВАС стала частью одной колониальной империи, что стало причиной значительно более интенсивной экономической интеграции в Восточной Африке, однако только в интересах Лондона в соответствии с монополистическими принципами процветания метрополии за счет эксплуатации заморских земель.

Первым шагом экономической интеграции в британских колониях было создание в 1900 г. общей таможи для Кении и Уганды в порту Момбасы. В 1917 г. был создан полный таможенный союз между двумя протекторатами, к которым поэтапно интегрировалась Танганьика: в 1922 г. был введен общий внешний тариф, в 1923 г. — свободный обмен отечественной продукции с Кенией и Угандой, в 1927 г. — интеграция Танганьики в экономическое пространство Восточной Африки.

Валютный союз Восточной Африки в рамках колониальной системы фактически сформировался в 1919–1921 гг. (официально Занзибар присоединился к нему только через 15 лет, в 1936 г.). Созданный в 1919 г. Валютный совет Восточной Африки, находящийся в Лондоне, стал обладать правом эмиссии². В 1920 г. Валютный совет заменил в Кении, Уганде и Танганьике рупию на восточноафриканский флорин, в 1921 г. флорин был заменен на восточноафриканский шиллинг с портретом короля Георга V на аверсе. В 1936 г. произошла полная валютная интеграция всех территорий — на Занзибаре был официально введен шиллинг.

Эти несколько десятилетий, когда выстраивалась и гармонизировалась монетарная политика в Восточной Африке, являются прецедентом возможного введения единой валюты в уже независимых государствах в границах Восточноафриканского сообщества. Только в XXI в. валютный союз будет создаваться не с целью удержания колониальных земель Великобританией, а во имя процветания и равноправного развития всех государств-партнеров.

Конференция губернаторов Восточной Африки, впервые созванная в 1926 г., была создана британской колониальной администрацией в качестве консультативного органа. Как консультативный орган без исполнительной и законодательной власти Конференция играла ограниченную роль в решении проблем интеграции восточноафриканских колонизируемых земель в Британскую империю. Однако во время Второй мировой войны через Секретариат Конференции губернаторов были созданы региональные советы для работы с производством военного времени.

¹ Apuuli K. P. A Search for Political Integration in East Africa Community (EAC) // *GGW Africa Symposia Issue*. 2023. № 1. P. 13.1–13.16.

² Cuhaj G. S. *Standard Catalog of World Paper Money. General Issues 1368–1960*. 12-е изд. Iola: Krause Publications, 2008. P. 1223. ISBN: 978–0-89689–730–4.

В 1948 г. Конференция губернаторов была преобразована в Высокую комиссию Восточной Африки — единый исполнительный орган Кении, Уганды, и Танганьики, поддерживаемый сопутствующим законодательным органом — Центральным законодательным собранием. С конца 1940-х по начало 1960-х гг. на территории Восточной Африки в составе Британской колониальной империи работали единые политические институты, таможенный союз и валютный союз, что подразумевало совместную собственность на инфраструктуру, централизованное налогообложение, а также множество других региональных органов и услуг¹. Беспрецедентный уровень интеграции² был достигнут британцами вопреки массовым сопротивлениям — африканцы ежегодно выступали против односторонней и эксплуататорской политики.

В разгар деколонизации, в 1961 г., представители Кении, Уганды и Танганьики в Лондоне основали Восточноафриканскую организацию общих услуг, которая заменила колониальный аналог, со штаб-квартирой в Найроби³. В 1964 г. президенты восточноафриканских государств Ньерере, Оботе и Кениата подписали Найробийскую декларацию, в 1965 г. — Кампальское соглашение, чтобы сохранить региональные взаимосвязи. В 1967 г. было впервые создано Восточноафриканское сообщество, заложившее первый реальный опыт⁴ интеграции независимых Кении, Танзании и Уганды.

Головизнин М. В. (Российский университет медицины, Москва)

Александр Сергеевич Пушкин как стимул африканского политического и культурного самосознания XXI века

В 2017 году 180-я годовщина смерти А. С. Пушкина была широко отмечена на африканском континенте, о чем, в частности, свидетельствует филателия. Серии почтовых марок и блоков в ознаменование этой даты были выпущены не только в Эфиопии (что не вызывает удивления в связи с наиболее старой версией происхождения прадеда поэта Абрама Ганнибала), но и в таких странах, как Мозамбик, Экваториальная Гвинея и др., далеких географически от Эфиопии.

Правда, в академической пушкинистике «абиссинская версия» африканских корней Пушкина, научная доказательная база которой подвергалась критике

¹ Gladden E. N. The East African Common Services Organization // *Parliamentary Affairs*. 1963. XVI (4). P. 428–439. DOI:10.1093/oxfordjournals.pa.a054027. ISSN 0031-2290.

² Olatunde J. C. B. Ojo, Orwa D. K., Utete C. M. B. African International Relations. London: Longman, 1985.

³ Godfrey Mwakikagile. Nyerere and Africa: End of an Era. Pretoria, Dar Es Salaam: New Africa Press, 2007. P. 128.

⁴ Горохов С. А., Агафошин М. М., Дмитриев Р. В. Миграционный кризис в регионе Восточной Африки // *Восток (Oriens)*. 2023. № 1. С. 50–62. DOI: 10.31857/S086919080023788-3.

еще в начале прошлого столетия, в последние годы явно уступает первенство «чадско-камерунской версии». Это связано с работами бенинского русиста Д. Гнамманку, представившего убедительные доказательства, что город Лагон, указанный А. Ганнибалом в качестве места рождения, находился не в Абиссинии, а в бассейне озера Чад на территории современного Камеруна.

Последнее обстоятельство, впрочем, не уменьшило внимание к Пушкину в странах Африканского рога. Более того, Пушкин стал одним из факторов политического и культурного противостояния Эфиопии и Эритреи, которое обострилось в конце XX века и не затухает до сих пор. Обе страны, апеллируя к «абиссинской генеалогии Ганнибала», считают поэта «своим», соревнуясь в установке памятников, наименовании улиц и площадей и в культурно-политических мероприятиях, происходящих вокруг этого. Как показывают новостные ленты, обе страны пытаются вовлечь в эти мероприятия сотрудников российских дипломатических миссий.

Интересно, что в странах Центральной и Западной Африки интерес к Пушкину проявляется в несколько иной плоскости. «Чадско-камерунская версия» генеалогии Пушкина пробудила внимание к его творчеству в среде писателей и поэтов, пишущих на французском языке, далеко не только в Камеруне. В Сенегале, Конго и других странах этого обширного региона стали распространяться переводы произведений Пушкина, появились литературные жанры «романа в стихах» и другие, восходящие к пушкинскому наследию.

Что же касается самой фигуры Абрама Ганнибала, то и на Западе, и на Востоке Африки в центре внимания находятся описанные А. С. Пушкиным факты его биографии; прежде всего те, которые показывают, что он был не только крестником, но и товарищем российского императора, сумел окончить престижное учебное заведение в Париже, дослужился до высоких чинов в российской армии в те годы, когда в Новом свете еще имело место «рабство негров». Особо отмечается, что последний прискорбный факт ничуть не мешал А. С. Пушкину гордиться своим африканским предком.

Головкин Н. М. (МАН РАН, Санкт-Петербург)

Элементы суахилийского народного ислама в восприятии восточноафриканских улемов: пример молитвы Албадири

Суахилийская исламская традиция исторически отличалась глубоким мистицизмом и большим количеством магических (sihiri), колдовских (uchawi) и знахарских (uganga) практик. Процесс исламизации не вытеснил до конца многие традиционные верования и политеистические представления жителей восточноафриканского побережья, и ислам, по выражению А. А. Жукова, «тонкой пленкой

покрыл древние местные представления», образовав с ними своеобразный синтез¹. Среди многих обрядов и ритуалов одним из наиболее известных и в то же время противоречивых является молитва Албадири (*суах.* Albadiri или Halbadiri, от *араб.* Ахл ал-Бадр, люди Бадра).

Текст молитвы представляет собой некоторые аяты из Корана вместе с перечислением имен участников битвы при Бадре во времена Пророка Мухаммада. Чаще всего Албадири используется в качестве молитвы об отмщении. Корректное прочтение молитвы вместе с совершением соответствующего ритуала приводит, как принято считать среди суахилийцев, к умственному расстройству обидчика. Тем не менее следует заметить, что Албадири может использоваться также и в качестве защитной молитвы от злых духов или для избавления от сглаза.

Согласно суахилийской традиции, сила, заключенная в тексте Албадири, принадлежит ангелам, чье вмешательство сыграло решающую роль в обеспечении победы войск Мухаммада против мекканцев во время битвы при Бадре². Представление о мощи текста настолько велико в регионе, что нашло отражение и в политике. К примеру, в 2004 г. один из представителей занзибарской оппозиционной партии CUF (Civic United Front) пригрозил прочитать Албадири против членов правящей партии CCM (Chama cha Mapinduzi), если те не положат конец коррупции, пообещав, что министры «свалятся мертвыми»³.

Широкое распространение ритуала и его мощные свойства не могли не привлечь к себе внимание местных мусульманских реформистов. С конца XIX в. некоторые мусульманские ученые суахилийского побережья, под влиянием таких мыслителей «исламского модернизма» и панисламизма, как Рашид Рида, Мухаммад Абдо и Джамалуддин ал-Афгани, активно критиковали местные исламские сообщества за общее «невежество» в религиозных вопросах, а также использование магических ритуалов, которые, по мнению реформистов, попадали под определение «ширк» (*суах.* shirki, язычество) и «бид'а (*суах.* бидаа, новшество/ суеверие). Албадири, таким образом, становилась объектом мощной критики реформистов. Тем не менее некоторые из них (например, Абдалла Салех ал-Фарси) допускали использование Албадири в качестве тавассуля при условии, что у читающего текст «чистые» намерения и молитва используется исключительно ради ее защитных свойств⁴.

Данный доклад посвящен дискуссии, существующей в мусульманских кругах Восточной Африки касательно Албадири. На материалах интернет-публикаций местных шейхов и периодических мусульманских изданий на языке суахили

¹ Жуков А. А. Культура, язык и литература суахили. Л., 1983. 152 с.

² Larsen K. Where humans and spirits meet: the politics of rituals and identified spirits in Zanzibar. New York, 2008. 184 p.

³ Добронравин Н. А. Письменная магия в религиозной и политической практике африканских мусульман // ред. Андреева Л. А., Саватеев А. Д. Религиозный опыт народов Тропической Африки: психологические и социокультурные аспекты. М., 2012. 268 с.

⁴ Van de Bruinhorst G. C. Raise your voices and kill your animals: Islamic discourses on the Idd el-Hajj and sacrifices in Tanga (Tanzania): authoritative texts, ritual practices and social identities. Amsterdam, 2007. 584 p.

анализируется восприятие местными улемами молитвы Албадири и народного ислама как явления в более широком смысле.

Грибанова В. В. (Институт Африки РАН, Москва)

Образование в Мозамбике: очерк истории развития и анализ современных проблем

Проблема преодоления последствий колониализма и неоколониального влияния на различные стороны жизни африканских стран в последнее время приобрела особое значение. Одной из важнейших задач современного развития стала необходимость достижения не только политического или экономического, но и культурного суверенитета и, как его составной части, — суверенитета в области обучения, а также поддержка национальных языков. Главной составляющей этого процесса является создание по-настоящему независимой, ориентированной на национальные нужды системы образования.

Колониальное образование в Мозамбике формировалось по образцу метрополии, его характерной особенностью было почти полное отстранение представителей коренного населения от просвещения. Существенной преградой для доступа африканцев к обучению были нехватка школ и дефицит их финансирования, низкий уровень преподавания, расовая дискриминация. Показательна была категория «ассимилированных» граждан-африканцев, получивших статус коренного жителя Португалии. Португальские власти провозглашали, что они не проводят политику сегрегации в отношении коренного населения, а наоборот, стремятся к «всеобщей ассимиляции». Тем не менее неграмотный африканец не мог стать «ассимилированным» и получить португальское гражданство и все связанные с ним блага. В стране был высочайший процент неграмотности среди коренного населения – 99 %, и к 1956 г. в Мозамбике насчитывалось всего 4,5 тыс. «ассимилированных туземцев»¹.

Стимулом к развитию образования африканцев послужило начало вооруженной борьбы за независимость. Португальское правительство пошло на уступки в социальной сфере и в числе прочего увеличило количество учебных заведений, расширило контингент учащихся, упразднило контроль церкви над системой образования, сделав его светским. Коренное население получило возможность обучаться вместе с белыми в любом учебном заведении. Но это осталось формальностью: на практике у африканцев была возможность получать образование только в рамках так называемой адаптивной школы: 2-летний подготовительный курс изучения португальского языка и 3-летняя элементарная начальная школа, которые находились в ведении религиозных миссий и знакомили коренное население с португальским языком, культурой и историей Португалии².

¹ Макаров Ю. С. Мозамбик. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1959. С. 20.

² Chimbutane F. Education and Citizenship in Mozambique: Colonial and Postcolonial Perspectives // *The Multilingual Citizen*. December 2018. P. 98–119. DOI: 10.21832/9781783099665-008.

В Мозамбике уже в ходе борьбы за независимость под руководством Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) на освобожденных территориях начала складываться система обучения, основанная на революционно-демократических принципах. Среди первых декретов нового мозамбикского правительства — законы о национализации всех частных и миссионерских учебных заведений и о создании единой государственной системы народного образования. Религиозное обучение упразднилось, а в учебные программы включалось идейно-политическое и трудовое воспитание; обучение объявлялось бесплатным на всех уровнях. Преподавание в старших классах продолжалось на португальском языке, но в начальных классах сельских школ и на курсах ликвидации неграмотности обучение проводилось на национальных языках, имеющих письменность: тсонга, шона, шангаан, ширенго.

В период независимого развития Мозамбик достиг заметного прогресса в ликвидации неграмотности населения и построении системы всеобщего образования. С 1983 г. первая ступень начального образования являлась обязательной. К этому году число учащихся начальных школ выросло до 1,5 млн (с 672 тыс. в 1975 г.), количество таких школ составило 5,8 тыс. В 1977–1983 гг. количество средних школ выросло с 33 до 136, а число учащихся с 43 до 105 тыс. человек¹.

Но тяжелая ситуация, связанная с боевыми действиями в результате гражданской войны и интервенции, стала важнейшим препятствием на пути экономического и социально-политического развития, в том числе и сферы образования. Помимо всех трудностей для процесса обучения, связанных с войной, школы в Мозамбике часто становились целями для атак РЕНАМО. Уровень грамотности населения упал с 20 % в 1983 г. до 14 % в 1990-м². После окончания войны (1992 г.) ситуация немного улучшилась, и к 1998 г. уровень грамотности населения достиг 40 %; при этом грамотных мужчин было в 2 раза больше, чем женщин³.

Национальное законодательство в области образования Мозамбика представлено Конституцией Республики (1990), Законом о национальной системе образования (1992), определяющим основные принципы ее функционирования, Законом о высшем образовании (2009). Наряду с этим существуют различные законодательные и нормативные акты. В декабре 2018 г. был пересмотрен Закон о национальной системе образования, вследствие чего обязательное бесплатное образование увеличено с семи до девяти лет. Таким образом, обязательное бесплатное обучение охватывает 6-летнюю начальную школу и первую ступень средней школы (7–9-й классы). За последние годы Мозамбик добился значительного прогресса в области образования. Однако почти 2 млн детей младшего школьного возраста не посещают занятия, более трети учащихся прерывают обучение до 3-го класса и менее половины оканчивают начальную школу.

¹ Народная Республика Мозамбик. Справочник. Отв. ред. Н. И. Гаврилов. М.: Наука, 1986.

² Mungazi D. A., Walker L. K. Educational Reform and the Transformation of Southern Africa. Westport, Conn.: Praeger, 1997. P. 84.

³ Higher Education in Mozambique: A Case Study // Mario M. et al. Higher Education in Africa. Oxford: James Currey, 2003. P. 17.

В докладе анализируется современное состояние образования в Мозамбике, реформы в этой сфере и корни проблем, мешающих достижению страной культурного суверенитета, частью которого является развитая, подлинно национальная система образования.

*Григорьева С. В. (Нижегородский государственный университет,
Нижний Новгород)*

«Долгая Ашиниана»: Ашиновская авантюра в художественной и научной литературе кон. XIX — нач. XXI в.

Достаточно большой интерес исследователей, публицистов, писателей к личности Н. И. Ашинова и его аванюре позволяет говорить о таком феномене отечественной культуры как «Ашиниана», под которой понимается совокупность произведений литературы различных жанров, посвященных биографии Николая Ивановича и его деятельности. В связи с этим целью доклада является анализ данного наследия.

В развитии «Ашинианы» можно выделить несколько этапов. Первый относится к концу XIX в. Именно в этот период появляются первые произведения, в которых участники и современники событий старались осмыслить попытку русского освоения Красноморского побережья Африки¹. Деятельность и биография Николая Ивановича стали предметом пристального внимания российской прессы, которая непрестанно следила за приключениями «вольного казака», тем более что некоторые видные редакторы и публицисты (М. Н. Катков, И. А. Аксаков и др.) были с ним лично знакомы и протезировали его проекты. Отдельные зарисовки и характеристики «колоритного терского казака» мы находим в творчестве Н. С. Лескова², Г. И. Успенского³ и др. мастеров художественного слова.

Вторая волна интереса к данной теме возникает в 70–80-е гг. XX в. Советские писатели искали и находили малоизвестные сюжеты российской истории, облекая их в художественную форму. Здесь следует упомянуть историческую миниатюру В. С. Пикуля «Вольный казак Ашинов»⁴ и повесть Ю. В. Давыдова «Судьба

¹ Волгин. Ф. В. В странах черных христиан (Очерки Абиссинии). СПб., 1895; Николаев А. Абиссинская миссия архимандрита Паисия и Н. И. Ашинова. Рассказ участника экспедиции. Одесса, 1889; Федоров В. Абиссиния. СПб., 1889; Кази-бек Ю. Братья-богатыри (из воспоминаний об экспедиции Н. И. Ашинова в Абиссинии) // *Природа и люди*. 1894. № 47. С. 752–754; № 48. С. 770–771; № 49. С. 786–787; и др.

² Лесков Н. С. Вдохновенные бродяги. Собр. соч. М., 1903. Т. 1. С. 111–146; Лесков Н. С. О вольном казаке // *Петербургская газета*. 1888. 3 февраля; Лесков Н. С. Неоцененные услуги. Отрывки из воспоминаний // *Знамя*. 1992. № 1. С. 159.

³ Успенский Г. И. Наброски об Ашинове и Буланже // Глеб Успенский. Материалы и исследования. М.–Л., 1938.

⁴ Пикуль В. С. Вольный казак Ашинов / Исторические миниатюры: в 2 т. Т. 2. 1991. С. 262–270.

Усольцева»¹. Эти работы имели под собой основательную источниковую базу. Авторы опирались на материалы прессы, архивные документы, мемуаристику и публицистику, своим литературным творчеством погружали читателя в эпоху, используя терминологию и стилистику XIX в. Большие тиражи этих произведений и популярность в СССР исторических книг позволили значительному количеству советских людей узнать о деяниях Николая Ивановича в Африке.

Третья волна «Ашинианы» приходится на постсоветский период. Открытие архивов, рассекречивание документов, пересмотр традиционных для советской исторической науки догм и положений позволили историкам нарисовать более объективную и полную картину ашиновской авантюры. Появлению исследований предшествовала серьезная научно-исследовательская работа, вылившаяся в подготовку и защиту ряда кандидатских диссертаций конца 1990-х — начала 2000-х гг.², в которых так или иначе затрагивалась ашиновская попытка основания русской колонии Новая Москва. Ученые взглянули на события в разных плоскостях. Книга А. В. Луночкина³ представляет собой первую попытку написания полноценной биографии «вольного казака». В работах С. В. Григорьевой⁴ ашиновская попытка водворения в Африке рассмотрена в контексте особенностей внешней политики Российской империи последней трети XIX в. А. Ю. Полунов рассматривает экспедицию Ашинова с точки зрения «народной монархической инициативы»⁵. Исследование А. В. Хренкова⁶ посвящено ярким личностям, вписавшим свои имена в историю российско-эфиопских отношений.

В постсоветский период была проделана большая работа в направлении поиска и публикации новых исторических источников⁷, которые проливают свет на некоторые подробности организации и последствия предпринятых Ашиновым экспедиций. Среди подобного рода исследований можно отметить статью Е. В. Гусаровой⁸, которая ввела в научный оборот малоизвестные документы ИВР РАН и отдела рукописей РНБ, монографию И. П. Сенченко, построенную на

¹ Давыдов Ю. В. Судьба Усольцева. М., 1973.

² См. диссертации Виноградовой, С. В. Григорьевой, А. В. Луночкина, Е. В. Морозова, А. В. Хренкова и др.

³ Луночкин А. В. «Атаман вольных казаков» Николай Ашинов и его деятельность. Волгоград, 1999.

⁴ Григорьева С. В. Русско-эфиопские отношения: страницы прошлого. Н. Новгород, 2014; Григорьева С. В. Н. И. Ашинов: африканская эпопея «атамана вольных казаков» // Слава и забвение: парадоксы биографики. СПб., 2014. С. 504–523.

⁵ Полунов А. Ю. Народная монархическая инициатива в представлениях консерваторов 1880-х гг. (к истории абиссинской экспедиции Н. И. Ашинова) // *Христианское чтение*. 2020. № 2. С. 143–152.

⁶ Хренков А. В. Русские в Африке: путешественники, разведчики, авантюристы. М., 2024.

⁷ См., например: Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. — 1917 г. М., 1999; Российско-эфиопские отношения в XIX — начале XX в. Сборник документов / сост. А. В. Хренков. М., 1998.

⁸ Гусарова Е. В. Воспоминания капитана Нестерова об экспедиции Н. И. Ашинова в Абиссинию // *Кунсткамера*. 2019. № 4(6). URL: https://journal.kunstkamera.ru/archive/2019_4/gusarova_e_v_vospominaniya_kapitana_nesterova_ob_ekspedicii_n_i_ashinova_v_abissiniyu (дата обращения: 15.01.2025).

широком использовании материалов АВПРИ¹, сочинение филолога М. Л. Вольпе² опирающееся на широкий пласт российской и, что особенно важно, зарубежной мемуаристики и публицистики конца XIX в.

Таким образом, как показывает практика, ашинская авантюра уже более столетия остается предметом пристального внимания исследователей. Тема приобрела междисциплинарный характер, вышла за рамки научного поля и стала хорошо известна российской читающей публике.

Громов М. Д. (Американский международный университет, Кения)

Мвенда Мбатиа и кенийская литература для молодежи

Мвенда Мбатиа (род. 1964), один из ведущих авторов в современной кенийской литературе на суахили, известен прежде всего как создатель реалистических романов, описывающий в своих произведениях актуальные проблемы современного кенийского общества.

В последнее десятилетие Мбатиа открыл новую грань своего писательского мастерства, написав серию книг, адресованных молодежной аудитории, причем книги представляют разные жанровые формы. «Пришествие спасителя» (Majilio ya mkombozi, 2016) — «современная сказка», героями которой являются пятнадцатилетние школьники; «Убежище Силоны» (Kimbilio la Silona, 2021) — повесть о проблеме насильственного брака; «Мечты сбудутся» (Njosi yapata mtenzi, 2018) — роман о молодом человеке, выбравшем работу в правоохранительных органах.

Характеризуя идейные и художественные особенности книг Мбатиа, рассчитанных на молодежную аудиторию, автор сообщения приходит к выводу, что книги Мбатиа поднимают кенийскую суахилиязычную литературу для молодежи на новый уровень, используя новаторские художественные средства и освещая темы, многие из которых впервые появляются в молодежной литературе Кении.

Громова Н. В. (ИСАА МГУ, Москва)

Концептуальное пространство лексемы *тоуо* в суахили

Предметом анализа в данной статье является комплексный анализ семантики и синтаксических контекстов употребления одного из важных концептов мировой культуры ‘сердце’.

¹ Сенченко И. П. Российская империя и Абиссиния (Эфиопия). Архивы истории. СПб., 2023.

² Вольпе М. Новая Москва. Авантюристы в Эфиопии. М., 2023.

Бантуская лексема ‘сердце’ представлена в протобанту двумя основами¹: *Tema* (с.с. 1738) и *Yoю* (с.с.2144), рефлексy той и другой основы обнаруживаются практически во всех современных языках банту различных зон. Одновременное бытование двух синонимов в одном языке встречается реже, и одним из таких языков с дистрибуцией обеих лексем является суахили.

Обе лексемы *тоуо* и *mtima* относятся к 3/4-му классу, при этом лексема *тоуо* может также образовывать множественное число по нормам 10-го класса.

Все современные словари языка суахили фиксируют значение обеих лексем ‘сердце’. Однако в библейских текстах отмечается использование обеих лексем в пределах одного текста, при этом лексеме *mtima* приписывается общее значение ‘внутренности’ с конкретизацией ‘почки, печень, сердце’²: ‘нутро, утроба, средоточие, нутровая середина’). *Mtima* редко используется в современном суахили, ср. название канадской кардиологической благотворительной организации *MTIMA* на языке чичева в Малави и *Taasisi ya MOYO* ‘Институт Сердца’ на языке суахили в Танзании.

Семантическая модификация в суахили концепта *тоуо* отличается широким спектром значений: 1) сердце как анатомический орган; 2) душа, душевное состояние; 3) характер, нрав; 4) дух, воля; 5) мужество, храбрость; 6) стимул, энтузиазм; 7) эмпатия, доброта; 8) сердцевина, центр чего-либо. При этом все эти значения имеют также и свои собственные эквиваленты. В других языках банту (ньямвези *тооуо*, лингала *totema*, ганда *omwoyo / omutima*, сукума *nwoyo* и др.) лексема ‘сердце’ обладает примерно таким же спектром значений, например, в языке лингала семантическое поле этой лексемы кроме основного значения включает такие значения, как ‘совесть, нрав, характер, дух, душа’.

В Словаре русского языка³ под номером 2. приводится значение ‘этот орган как символ средоточия чувств, переживаний, настроений человека’, которому соответствуют значения 3–7 в языке суахили. В суахили не выделяется самостоятельное значение ‘гнев, раздражение’.

Особенности семантических интерпретаций суахилийской лексемы *тоуо* обусловлены (как и в русском языке и в других языках банту) представлением об анатомии и физиологии сердца как центрального органа человеческого тела.

При анализе контекстуальных актуализаций лексемы *тоуо* в языке суахили обнаруживается высокая степень ее валентности, т. е. доступна сочетаемость с глаголом, прилагательным, местоимением, числительным и предлогами, что свойственно разряду имен существительных.

Кроме того, лексема *тоуо* активно участвует в образовании фразеологических единиц (70 из 3797 единиц) и встречается в поговорках (7 из 1227 пословиц)⁴.

¹ Guthrie M. Comparative Bantu. Vol. 3. London, 1971.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. IV. С. 174.

³ Словарь русского языка. Т. IV. С. 80.

⁴ Wamitila K.W. Kamusi ya misemo na nahau. Longhorn; Nairobi; Kampala; Dar es Salaam, 2000; Kamusi ya methali. Longhorn; Nairobi; Kampala; Dar es Salaam, 2001.

Таким образом, лексико-семантические и семантико-синтаксические особенности концепта *тоуо* ‘сердце’ реализуются как доминанта эмоциональной картины мира носителей языка суахили.

Гусарова Е. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Сефир Антиохийский в «Хронике» Иоанна Никиуского

Настоящее исследование посвящено личности Севира (Северуса) Антиохийского, почитаемого как святой некоторыми Восточными церквями и, в частности, Эфиопской.

Антиохийский патриарх Сефир жил во второй половине V — первой половине VI в. и получил известность как антихалкидонит. Он неоднократно упоминается в эфиопском Синаксаре. Ценно наличие описания событий с его участием в тексте Хроники Иоанна Никиуского, памятника, составленного епископом г. Никиу Иоанном в Египте в VII в. (по всей видимости, на греческом), а затем переведенного на арабский и, наконец, в самом начале XVII в. — на эфиопский язык.

Поиск и сравнение источников на эфиопском языке геэз, в которых упоминается Сефир Антиохийский, позволило провести параллели между «Хроникой Иоанна Никиуского» и эфиопской церковной литературой и выявить ценные особенности этих повествований. Кроме того, анализ представления некоторых святых, почитаемых в Коптской и Эфиопской Церквях, в исторических компиляциях и сопоставление их с соответствующими памятниками житийной литературы показали в этом ключе связь двух традиций, исторической и церковной, в лоне монофизитства.

Проведенное исследование убедительно доказывает высокую значимость источников на языке геэз для церковной истории и агиографии, во всяком случае в лоне Коптской и Эфиопской Церквей.

Давыдов А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Санго-русская фонетическая интерференция

Для говорящих на санго (адамава-убангийская семья) освоение русской фонетики затруднено из-за межъязыковой фонетической интерференции. Фонетическая система санго представлена в двух таблицах ниже.

Неназализованные		Назализованные	
i	u	ĩ	ũ
e	o	ẽ	õ
ɛ	ɔ		
	a		ã

	Билабиальные	Дентальные	Палатальные	Велярные	Лабиевелярные	Глоттальные
Глухие смычные	p	t		k	kp	
Звонкие смычные	b	d		g	gb	
Пренасализованные смычные	nb	nd		ng	ngb	
Глухие щелевые	f	s				h
Звонкие щелевые	v	z				
Пренасализованные щелевые	mv	nz				
Носовые сонанты	m	n	ɲ			
Сонанты	w	r/l	y			

Система гласных санго, состоящая из семи фонем, типична для региона. Назализованные среднезакрытые и среднеоткрытые гласные (ɛ-ɛ̃ и ɔ-ɔ̃) не противопоставлены. Из русских гласных только /i/ не имеет прямого соответствия в санго и требует специальных упражнений для освоения. Также сложности вызывает произнесение аллофонов русских гласных в разных позициях, поскольку в санго гласные практически не имеют аллофонов и произносятся одинаково в любой позиции.

Санго и русский различают согласные по глухости/звонкости и по способу образования (смычные/фрикативные). В санго есть двухфокусные лабиевеляризованные согласные (/kp/, /gb/, /ngb/) и пренасализованные согласные, отсутствующие в русском языке. Русские палатализованные согласные, за исключением /nʲ/ (приблизительно соответствующей /ɲ/ в санго), не имеют аналогов в санго. В целом следующие согласные санго имеют более или менее точные соответствия в русском языке: /p/, /t/, /k/, /b/, /d/, /g/, /f/, /s/, /v/, /z/, /m/, /n/, /ɲ/, /j/.

Вопрос о фонемном статусе /r/ и /l/ в санго остается открытым. Некоторые лингвисты, основываясь на отдельных минимальных парах (*ngɔ́lɔ* ‘ловушка для рыбы’ — *ngɔ́rɔ* ‘окружать’, *mbúlu* ‘порошок’ — *mbúru* ‘масличная пальма’), считают их отдельными фонемами. Другие рассматривают их как аллофоны одной фонемы, находящиеся в дополнительной дистрибуции: /l/ встречается только в начале слова, а /r/ — только между гласными. В русской речи говорящих на санго /r/ часто заменяется на /l/ или /v/.

В санго возможны только открытые слоги (V и CV). Закрытые слоги отсутствуют. Несмотря на это, произношение русских согласных в конце слова обычно

не вызывает трудностей у носителей санго, за исключением [r]. Звук [r] часто редуцируется или опускается, при этом предшествующий гласный может стать долгим. Например, слово ЦАР может произноситься как /tsaɪ/, /tsa:/, /saɪ/ или /sa:/, а бар — как /baɪ/ или /ba:/. Описанное обуславливает трудность постановки русских согласных [r], [rʲ], [l], [lʲ] сангофонам.

Носителям санго сложно освоить русский глухой заднеязычный фрикативный согласный /x/, который часто заменяется смычным /k/: например, *хорошо* произносится как /karaʃó/, а *отдыхаю* — как /addikayu/.

Другие трудности в освоении русской системы согласных включают следующее.

Слияние /ʃ/ и /ɕ/. Оба звука часто произносятся как палатальный /ʃʲ/, что создает сильный акцент и приводит к неразличению пар слов, таких как *шит* — *цит*, *прошение* — *прощение*, *щёлк* — *щёлк*.

Слияние /tɕ/ и /ts/. /ts/ часто заменяется на /tɕ/, что приводит к неразличению пар *цех* — *чех*, *плац* — *плач*.

Слияние /ts/ и /s/. /ts/ заменяется на /s/, что приводит к неразличению пар типа *цвет* — *свет*.

Примечательно, что многие типичные фонетические ошибки носителей санго совпадают с ошибками носителей других африканских языков, что позволяет предположить возможность широких обобщений относительно интерференции между различными африканскими языками и русским.

Добронравин Н. А. (МЭ РАН, Санкт-Петербург)

Африканские переписи населения: колониальное наследие и неокOLONИализм¹

Особое место среди постколониальных источников по истории и этнографии Африки занимают материалы переписей населения. Литература, посвященная демографической политике африканских стран, миграциям, этноконфессиональным и этнополитическим проблемам континента, обширна. В то же время и в отечественных, и в зарубежных публикациях переписям населения обычно уделяется мало внимания. Между тем материалы переписей населения (опросные листы, инструкции для переписчиков, официальные публикации результатов) составляют важную группу источников, требующих особого подхода к их изучению.

В частности, материалы переписей населения таких стран, как Мавритания, Сенегал, Мали и Нигер (бывшие владения Франции, с абсолютным доминированием ислама) демонстрируют общие и национальные черты в подходах к религиозным меньшинствам, включая мигрантов.

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 25–28–00672.

Во всех этих странах (как и в других странах Африки) в материалах переписей населения не рассматривались общие определения религии/конфессиональной принадлежности. Как правило, учитывались рекомендации по составлению опросников, представленные в документах международных организаций. Вероятно, так в анкетах появилась формулировка ответа «без религии» (*sans religion*), по-видимому, для учета атеистов, слабо представленных в рассматриваемых странах. В Мали и Нигере в переписях учитывались мусульмане, католики, протестанты и анимисты. Представление об однозначности конфессиональной (и этнической) аффилиации — один из примеров колониального/европейского наследия в Африке. К колониальному наследию, вероятно, также следует отнести отдельный учет католиков и протестантов, а не христиан в целом.

Большинство рассматриваемых стран — светские государства, как и бывшая метрополия. В этой связи представляют интерес различия в подходах к вопросу о религии в переписях населения во Франции и в ее бывших колониях. В XIX в. во Франции учитывались только четыре конфессии (католики, реформаты, лютеране, иудеи). Затем стали учитывать респондентов, не принадлежавших к «списочным» исповеданиям. После 1905 г., вопрос о религии исчез из французских переписей. Действующее законодательство запрещает сбор и обработку информации о религиозной принадлежности и этническом происхождении граждан. Такой подход радикально отличается и от африканского, и от российского.

В отличие от метрополии, в колониях Франции и в XX в. учитывалась конфессиональная и этническая принадлежность населения. После 1960 г., когда все колонии в регионе Сахеля получили независимость, вопрос о религии сохранился в большинстве переписей населения. Исключение составляла лишь Мавритания, официально провозглашенная исламской республикой еще в 1958 г. Фактически немусульманское население в Мавритании есть (возможно, не только среди мигрантов), но официально его, если судить по материалам переписей, не существует. В Сенегале с колониального времени отдельно учитывались приверженцы четырех суфийских тарикатов, затем в опросные листы были добавлены шиитские и салафитские организации. Однако итоги учета теперь не публикуются, доступ к ним имеют лишь заинтересованные государственные структуры.

В современных переписях рассматриваемых стран четко различаются «этнические группы» и «национальности» (гражданство — только для иностранцев). Список этнических групп, как и в колониальную эпоху, не является открытым, очевидно, предполагается однозначная этническая идентичность, что далеко не всегда соответствует действительности.

Все рассматриваемые страны унаследовали от бывшей метрополии трехчастные девизы (по аналогии с французским «Свобода — Равенство — Братство»): «Честь — Братство — Справедливость» (Мавритания), «Один народ — одна цель — одна вера» (Мали и Сенегал), «Братство — Труд — Прогресс» (Нигер). Однако вопросы о религии и этничности в переписях населения едва ли укрепляют декларируемое национальное единство.

Изучение материалов переписей населения позволяет утверждать, что в данной сфере сохраняется неокOLONиальное положение рассматриваемых африканских стран, связанное с их финансовой зависимостью от бывшей метрополии, а теперь и от новых доноров. Почти все переписи населения в рассматриваемых странах проходили с привлечением зарубежного финансирования. Например, в Мали перепись населения 2022 г. финансировали, помимо международных организаций, Нидерланды, Швеция, Норвегия и Германия, техническую поддержку оказывало Бюро переписи населения США. В Мавритании перепись 2000–2001 гг. финансировали, в частности, Европейский Союз (42 %), правительство Мавритании (9 %) и японское агентство развития JICA (4 %).

Теоретически сведения о конфессиональной и этнической принадлежности населения африканских стран (включая мигрантов) можно использовать не только в сугубо политических целях, но и для планирования международного сотрудничества в сфере развития экономики, образования, здравоохранения.

*Дронова Д. А. (ИЭА РАН, Москва), Бутовская М. Л. (ИЭА РАН, Москва),
Бутовский Р. О. (ВНИИ «Экология» Минприроды России, Москва)*

Роль образования как фактора развития современного танзанийского общества¹

Танзания является одной из стран мира, приверженных достижению целей устойчивого развития, принятых Генеральной Ассамблеей ООН, в рамках которых образование представляется ключевым ресурсом инвестирования в молодое поколение. Это позволит обеспечить наличие квалифицированного, компетентного, образованного трудоспособного населения для содействия социально-экономическому развитию страны, а в глобальном смысле межгосударственного взаимодействия внесет вклад в движение к более безопасному, устойчивому и взаимозависимому миру. На Генеральной Ассамблее ООН 10 декабря 1948 года принята Всеобщая декларация прав человека, статья 26 которой гласит о праве каждого человека на образование, в том числе бесплатное начальное и общее. Далее в 2000 году Генеральной Ассамблеей ООН разработаны Цели развития тысячелетия до 2015 г., одним из направленных декларирующих борьбу с бедностью за счет повышения уровня и охвата населения доступным школьным образованием. В продолжение начатой работы в 2015 году приняты Цели в области устойчивого развития до 2030 г.

¹ Исследование выполнено в соответствии с планом НИР «Ультрасоциальность человека: био-социальные и кросскультурные аспекты» ИЭА РАН.

В соответствии с достижением Цели номер 4 в области устойчивого развития¹, которая требует от правительств обеспечить, чтобы каждый человек «получал бесплатное, справедливое и качественное начальное и среднее образование», Танзания, как и другие страны Восточной Африки — Кения² и Уганда³, приняли ощутимые усилия и взяли на себя обязательства в области начального и среднего образования. В 2015 г. в Танзании была отменена плата за обучение в начальной и средней школе согласно политике поощрения всеобщего начального и среднего образования. С одной стороны, эти меры улучшили ситуацию с возможностью получать образование детям независимо от финансового положения их семьи. Это подтверждают и цифры: мы видим резкий скачок процента детей, получающих образование. Чистый показатель охвата школьным образованием увеличился с 69,1 % в 2002 году до 83,3 % в 2022 году. Среди девочек этот показатель вырос несколько больше (с 69,9 % до 85,4 %) по сравнению с мальчиками (с 68,3 % до 81,2 %).

Но, с другой стороны, в системе школьного образования появился ряд новых проблем, в том числе из-за увеличившегося количества учеников. Директора школ оказались не готовы к ведению финансового учета; инфраструктура школьных помещений не способна пропустить увеличившийся поток школьников; недостаточное количество преподавательского состава; родители отказываются принимать участие в жизни школы, ссылаясь на факт бесплатного образования; недостаточное финансирование для покрытия всех нужд образовательного процесса⁴. С подобными проблемами сталкивались и в соседней Кении⁵.

В докладе также будут рассмотрены факторы, препятствующие получению образования. В частности, акцент будет сделан на женском образовании, так как жизнь девочек в большей степени регламентирована традиционными культурными нормами в противовес мальчикам, которые имеют большую свободу выбора и менее подвержены контролю со стороны семьи и общества.

¹ Генеральная ассамблея ООН. Резолюция 25 сентября 2015. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/291/92/pdf/n1529192.pdf> (дата обращения: 15.01.2025).

² Khamati M. J., Nyongesa W. J. Factors Influencing the Implementation of Free Secondary Education in Mumias District, Kenya // *Journal of Social Science for Policy Implementation*. 2013. Vol. 1. P. 32–47; Muindi M. M. Impact of Free Secondary Education on Quality of Secondary Education in Katanga, Yatta District- Machakos County, Kenya. Unpublished master dissertation, Kenyatta University, 2011. URL: <https://ir-library.ku.ac.ke/server/api/core/bitstreams/ce78dd3c-e372-4f47-9933-eb2b12171b2b/content> (дата обращения: 15.01.2025).

³ Asankha P., Yamano T. Impacts of universal secondary education policy on secondary school enrollments in Uganda // *Journal of Accounting, Finance, and Economics*. 2011. Vol. 1(1). P. 16–30.

⁴ Lucumay L. S., Matete R. E. Challenges facing the implementation of fee-free education in primary schools in Tanzania // *Heliyon*. 2024. Vol. 10(2). e24172. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e24172.

⁵ Cheruto K. L., Benjamin K. W. Management challenges facing implementation of free primary education in Kenya: a case of Keiyo district // *Journal of Education Administration and Policy Studies*. 2010. Vol. 2(5). P. 71–76.

Емельянов А. Л. (МГИМО, Москва)

Посольство в Европу 1836–1837 гг. и его последствия для Малагасийского государства

К середине 30-х годов королева Малагасийского государства Ранавалуна I приняла решение отправить посольство в Европу. Вместо верительных грамот посольство получило письма «к Королю Англии» и «к Королю Франции», оба датированы 24 июня 1836 года. 28 февраля 1837 года малагасийцы прибыли в Лондон. После нескольких официальных и неофициальных встреч Великобритания предложила заключить договор. 17 марта малагасийское посольство предоставило ответ, который, по сути, являлся контрпроектом. Англичане пытались открыть весь остров для торговли и распространения христианства, малагасийцы — ограничить европейцев несколькими подконтрольными портами, не желая никого допускать во внутренние районы государства без предварительного разрешения.

23 марта послы прибыли в Париж. 2 апреля состоялась протокольная встреча с министром иностранных дел графом Моле, на следующий день — с Луи-Филиппом. 23 мая посольство покинуло Францию и в сентябре прибыло на Мадагаскар. При прощании граф Моле передал письмо за подписью Луи-Филиппа с уверениями в дружбе, желании развивать торговлю и с просьбами о праве собственности на Мадагаскаре. Оно начиналось: «Великой и известной женщине — королеве хувов Ранавалумандзаке». 27 июля Райнихару, фаворит королевы, написал Луи-Филиппу, что Ранавалуна I не «королева хувов», что она владеет всем островом и что ее официальный титул — «Королева Мадагаскара», и порекомендовал официальным и частным лицам во Франции больше не допускать подобных ошибок.

После отъезда малагасийского посольства из Европы Великобритания продолжала предпринимать дипломатические акции, направленные на заключение нового или возобновление действия старого договора с Малагасийским государством, чтобы сохранить свое присутствие на Мадагаскаре и обеспечить Маврикий продовольствием, рабочей силой и обширнейшим рынком сбыта промышленных товаров. По-видимому, в Лондоне считали, что посольство либо не имело достаточных полномочий, либо боялось гнева королевы, приняв что-либо, выходящее за пределы полученных инструкций, и решили вступить в переписку с Ранавалуной I и ее приближенными, чтобы добиться желаемого результата.

12 марта 1838 года Райнихару дает подробный ответ на английские предложения. «Лорду Пальмерстону. Вот что я хочу сказать вам. Я получил письмо, которое вы написали Королеве Мадагаскара по поводу Андрианцитухайны и его спутников. И Королева Мадагаскара приказала мне написать вам, чтобы вы могли передать эти слова Королю Англии». Райнихару утверждал, что дружба между правителями и народами двух государств неизменна и не нуждается в подтверждении; вывоз рабов за пределы острова давно прекращен и у малагасийской стороны нет намерений возобновлять его; заход английских судов и торговля регулируется малагасий-

скими законами, которые не будут меняться; любой желающий может поселиться на острове, получив разрешение соответствующих властей. Он категорически возражает против возвращения миссионеров и распространения христианства.

Несмотря на практическое отсутствие результатов, посольство в Европу открыло возможность для Малагасийского государства установить прямые контакты с руководителями ведущих стран Европы и использовать противоречия между ними для сохранения своей независимости.

Желтов А. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Термины родства и языковые контакты: некоторые особенности языков нигер-конго

Хотя базовые термины родства обычно относятся к устойчивому базовому слою лексики, материал языков нигер-конго демонстрирует случаи влияния на терминологию родства внешнеязыковых, связанных с культурными контактами, факторов. В докладе предполагается рассмотреть три интересных случая подобного влияния:

- 1) изменение функций арабских заимствований в суахили, подстраиваемых под местную типологию систем терминов родства;
- 2) особенности французского заимствования в конголезский вариант суахили слова *papa* «папа, отец»;
- 3) пример влияния на франкоязычный дискурс африканцев местной номенклатуры родства.

Суахили демонстрирует интересное явление, связанное с типологией систем терминов родства. Суахилийская культура, существующая в тесном взаимодействии африканских и арабских культурных элементов, адаптировала большое число арабских заимствований, в том числе и в лексике языка суахили: например, термины для «дяди со стороны отца» — *ami*, и для племянника по отцовской линии — сына брата отца — *binamu*. Эти термины органичны для арабской системы терминов родства суданского типа, но входят в противоречие с характерной для систем родства бантуязычных народов ирокезской бифуркативной системой, в которой брат отца обозначается тем же термином, что и отец — суахилийское *baba* для брата отца существует параллельно с арабским термином. Как отмечено в исследовании Дж. Л. Брейна¹, в материковом суахили, менее подверженном арабскому влиянию, но испытывающем большее воздействие окружающих языков банту, происходит адаптация термина *binamu* к ирокезской системе: полностью

¹ Brain J. L. Switch in Meaning in Swahili Kinship Terminology // *American Anthropologist*. Vol. 68. P. 1244–1245. URL: <https://anthrosource.onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1525/aa.1966.68.5.02a001> (дата обращения: 12.07.2019).

меняется исходное значение «сын брата отца» — этот термин используется для любых кросс-кузенов, как мужского, так и женского пола. Это говорит о сильном влиянии социальных реалий на язык и на семантику заимствований, которые подстраиваются под местную систему, меняя свое значение. Подобный семантический переход является дополнительным аргументом в пользу первичности ирокезской системы родства для суахили и соседних с ним восточных банту.

В варианте суахили, на котором говорят в районе города Гома (ДРК) существует отсутствующее в стандартном (литературном) суахили заимствование *papa* (< фр.), которое используется только при референции к отцу говорящего «мой отец», для других лиц посессора используются стандартные формы *baba yako* «отец твой», *baba yake* «отец его/ее». Подобный супплетивизм форм посессива с этой лексемой нехарактерен ни для французского, ни для стандартного суахили, но характерен для соседних с городом Гома языков банту, например, киньяруанда: *data* — «мой отец», *so* — «твой отец», *se* — «его/ее отец». Таким образом, язык заимствует слово из одного языка (французского), а типологические особенности структуры терминов родства — из другого (киньяруанда).

Влияние местных особенностей терминов родства сказывается на дискурсе африканцев и при переходе на другой языковой код (интервью футболиста из Сенегала на французском языке). На вопрос: «Сколько у тебя братьев и сестер?» — он ответил: «2 старшие сестры и 4 старших брата», и только при уточняющем вопросе: «То есть ты самый младший?» — он упомянул младших сиблингов: «Нет, у меня есть еще 2 младшие сестры и брат». В данном случае проявилась особенность многих языков нигер-конго, в которых фиксация по полу актуальна только для старших сиблингов, но не релевантна для младших и нейтральных к возрасту. Причем эта терминологическая особенность была перенесена и на французский язык.

Системное изучение функционирования терминов родства является важным, как для лучшего понимания возможностей культурного межязыкового влияния, так и для понимания внутриязыковых механизмов в их динамике.

Завьялова О. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Легенды о «шуточном родстве»

Важным источником основных правил и традиций рассматриваемой общности является Хартия Манден, или Хартия Курукан Фуга. Она сама по себе — реконструированный из устной традиции документ. В ней есть статья, говорящая о «шуточном родстве»; однако в ней есть разграничение понятий *sinankunya* (шутливые отношения) и *tanamanɛgɛnu* (договор крови, дословно «взаимный запрет»). Сами информанты также говорят, что синанкунья — это и есть запрет, такой же как с животным или растением-тотемом.

Именно о происхождении этих отношений я встретила несколько легенд. У всех них есть общий мотив — один отрезает часть своей плоти и спасает тем самым второго от голода. Это действие делает их *тана*, запретом друг для друга.

Первая легенда упоминается в эпосе о Сундьяте: Сундьята Кейта спасает так от голода своего гриота Куъяте, так как хозяин обязан накормить гриота в первую очередь. В самом эпосе не говорится, что именно этот поступок стал основой синанкунья между ними, однако эти два рода — самые известные синанку друг для друга.

Вторая легенда объясняет синанкунья между народами бозо и догонами, третья — между Камара фина и обычными Камара. Легенда, касающаяся Камара, скорее легенда о происхождении джаму у фина, но их отношение с Камара именно тана. Камара не считают их родственным народом. В легенде же о догоне и бозо говорится, что они родные братья, синанкунья между ними особо сильное.

Есть и другое синанкунья между Кейта и догонами, основанное, по легенде, также и на том, что они братья, и на том, что ссора между ними была из-за невесты Кейта (старшего брата), что также ведет нас к некоторому родству по крови. Аналогичная легенда о Травеле и Дьябате повествует о том, что они были братья и что они пытались овладеть одной женщиной (Соголон Конде). Последние легенды не являются официальным объяснением именно синанкунья, а скорее происхождения джаму, тем не менее эти легенды касаются синанкунья. Благодаря этой легенде также объясняется синанкунья Конде, Травеле, Дьябате. Так или иначе, все эти синанкунья связаны с родством истинным или приобретенным (согласно легендам).

Иногда, однако, сами носители оговаривают, что настоящая причина в другом (легенда, касающаяся родства между догонами и бозо): доверие ребенка одного — другому, смерть и возрождение их детей.

Традиция пытается объяснить устойчивые связи между определенными родами, народами. На языках манден род, народ, клан, потомки одного человека называются одним словом *si*, то есть разницы между этими понятиями они не видят и вводят их в одну систему родства.

Зданевич А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Определение векторов развития государств Африки южнее Сахары в современной архитектуре многополярного мира

Необходимость поиска и фиксации векторов развития государств Африки южнее Сахары (далее — АюС) определяется запросами и вызовами современности, напряженностью геостратегического противостояния крупных акторов, в том числе и на африканском континенте, структурными изменениями архитектуры международных отношений, затронувшими первую четверть XXI века.

Среди прочих необходимо выделить направления, в рамках которых государства Африки могли бы поступательно развиваться, шаг за шагом встраиваясь в упомянутую архитектуру многополярного мира:

Индустриализация — один из ключевых факторов развития. Странам АюС необходимо развивать промышленную инфраструктуру, улучшать инвестиционный климат в странах региона, создавать прозрачную законодательную базу, сокращать административные расходы для бизнеса, снижать уровень коррупции и посредством общих усилий противодействовать зарождению новых и течению затянувшихся вооруженных конфликтов на континенте, чему, в определенном смысле, может способствовать следующий этап.

Региональная интеграция становится одним из ключевых инструментов, позволяющих комплексно решать проблемы, стоящие перед странами региона, в числе которых стоит упомянуть политическую нестабильность, проблему недоедания у значительной части населения, правовое неравенство, безработицу и другие.

Развитие финансовых технологий. Африканские государства проявляют повышенный интерес к данной сфере, которая по темпам развития, как это ни парадоксально, обгоняет другие технологические секторы экономики материка. Особенно бурными темпами развиваются цифровое сопровождение финансовых транзакций и клиент-ориентированный сервис банковских услуг.

Развитие альтернативных энергетических инициатив и встраивание в создание альтернативных международных транспортных коридоров заслуживают упоминания в числе основных. На современном этапе мы вынуждены констатировать отсутствие благоприятных условий, политических инициатив и эффективной нормативно-правовой базы стран региона в данной сфере, что не способствуют этому процессу.

Способны ли страны Африки южнее Сахары играть важную роль в современной архитектуре многополярного мира? Этот вопрос заслуживает того, чтобы остановиться на нем особо.

На современном этапе развития мировой экономики страны АюС активно диверсифицируют свою внешнеэкономическую деятельность, что способствует укреплению государственных институтов и повышает уровень геостратегической интеграции.

Факторы, определяющие роль стран АюС, сводятся к следующим:

Потенциал государств-лидеров, к числу которых относится ЮАР — член блока БРИКС+, одна из самых экономически развитых стран на континенте, сохраняющая и транслирующая готовность к сотрудничеству с Пекином и Москвой, крайне ограничен. ЮАР в перспективе могла бы выполнять роль локомотива в процессе интеграции региона в число растущих внутриконтинентальных и международных инициатив, направленных на развитие и выход из экономического, финансового и энергетического кризиса, однако целый ряд факторов препятствует этому. Ключевой в этой связи представляется коррупционная составляющая и серьезная зависимость управленческого звена от внешних факторов, определяемых главным образом инструментами дипломатического, экономического и финансового давления со стороны США и Великобритании.

Влияние ключевых игроков. Несмотря на активное влияние США и бывших стран-метрополий (в частности, Великобритании), страны АюС постепенно формируют региональные союзы и переходят в зону влияния других государств, при все более возрастающей роли Китая. Однако с неизбежностью приходится констатировать недостаточность данных инициатив и определить в качестве основного запрос на обеспечение динамичной коллективной защиты интересов стран региона от внешних факторов (санкционное и дипломатическое давление), которую в свою очередь могло бы обеспечить расширение сотрудничества в рамках блока БРИКС+.

Диверсификация внешнеэкономической деятельности. Государствам региона необходимо максимально диверсифицировать экономическую политику, чтобы обеспечить экономическую безопасность и возможность повышения своего влияния в регионе и мире.

Подтверждением стремления к интеграции в многополярную модель развития и залогом стратегического характера упомянутых инициатив стали решения о создании Африканского экономического сообщества (в 1991 году), образование Африканского Союза и Африканской архитектуры мира и безопасности APSA (в 2002 году). И если первые два инструмента сотрудничества и интеграции хорошо известны, то последний хотя и неплохо изучен, однако становится предметом обсуждения не столь часто в силу его недостаточной эффективности, вызванной зависимостью от внешних источников финансирования.

Совместная работа государств африканского континента и региона АюС над преодолением ключевых проблем политического и экономического развития является залогом успеха. Создание набора эффективных и автономных институтов, законодательных инструментов, инициатив и процедур, направленных на содействие миру и преодоление одного из ключевых препятствий развитию — возникновение и течение вооруженных конфликтов на континенте представляется необходимым на современном этапе. Особо стоит отметить, что все вышесказанное осуществимо лишь в теории — до той поры, когда независимые государства региона АюС окажутся способными обеспечить собственную автономность, опираясь на человеческий и минерально-сырьевой ресурсный потенциал, энергетику и связь, смогут обеспечивать надежность границ государств и безопасность внутри оных, получат равное по статусу право голоса в рамках международных организаций.

Иванова Л. В. (ИВИ РАН, Москва)

Эфиопские семейные ценности в контексте глобальной культуры (на примере оромо)

В Эфиопии проживают около 100 различных народностей, и оромо, говорящие на кушитском языке, составляют более трети населения страны. Насчитывается

несколько десятков групп и кланов оромо, проживающих в разных областях Эфиопии и говорящих на диалектах языка оромо. В докладе автор исследует базовые представления оромо, без учета региональных особенностей, и использует наиболее часто встречаемое употребление/написание местных терминов и понятий оромо. Несмотря на свою многочисленность и проживание преимущественно в центральных районах страны, на протяжении нескольких веков оромо подавлялись как в политическом, социальном, так и культурно-бытовом плане, титульным этносом амхара, вследствие чего они были вынуждены не только стесняться, но и опасаться проявления своих национальных особенностей. С начала 1990-х гг. после образования Федеральной Демократической республики, конституция которой гарантировала равные права всем народам Эфиопии, оромо как внутри страны, так и за ее пределами в поисках самоидентичности начали активно возрождать сохранившиеся в народной памяти традиции и ритуалы, некоторые из них, как, например, гада — система общественно-политического устройства оромо, — были включены в список культурного наследия ЮНЕСКО, а ежегодное празднование «дня благодарения» оромо — иррееча — стало одним из символов культуры Эфиопии и туристической достопримечательностью.

Семейные ценности, определяющие в дальнейшем мировосприятие человека, являются основополагающими. Для оромо, как традиционного общества, обычаи и ритуалы продолжают играть большую роль даже в молодежной среде, где далеко не все могут объяснить их значение. Семейные ценности видоизменяются вместе с общественным развитием, древние ритуалы получают новые интерпретации, расставляются по-иному приоритеты. Оромо известны своей системой возрастных классов гадаа, составляющей основу воспитания мальчиков, юношей, регулирующей права и обязанности зрелых мужчин и гарантирующей достойный статус пожилым. Помимо этой системы параллельно существуют женские традиционные институты и группы взаимопомощи, защищающие права женщин, исключенных из системы гадаа. Представление о роли женщины, и соответственно — роли мужчины, а также традиционные представления о семейных отношениях у оромо планируется проиллюстрировать произведениями народного жанра, анализом традиционного морального кодекса оромо (*safuu*), концепции «проклятие-благословение» (*eebbaa-abaarsaa*) и др.

В патрилинейном обществе оромо женщины и девочки считаются чужаками и аутсайдерами (*halagaa*), так как традиционно после замужества они покидают свой родной дом. И тем не менее именно женщины считаются связующим элементом семьи и общества, им приписывается сакральная сила и именно через них молитвы и просьбы доходят до бога (*Waaqa*). *Nyaanni soogidda malee, manni dubartii malee hin bareedu* — дом без женщины, как еда без соли, гласит пословица оромо.

У оромо практикуется около 10 способов заключения брачных отношений, пользующихся разной степенью популярности, которые требуют четкого соблюдения особых церемоний. Традиционные институты, основная цель которых состоит в поддержании общественного баланса, способствуют решению проблем

бездетных семей и сирот как с помощью проведения ритуалов, так и организацией того или иного способа усыновления.

В докладе предполагается осветить проблемы взаимодействия традиционных институтов защиты прав человека и государственных правовых организаций, консультационных служб по вопросам семьи и брака, а также влияние распространяющихся западных/европейских ценностей на традиционное представление о правах и обязанностях супругов и их детей. Отдельно будет затронута проблема медиации семейных конфликтов и эволюции прав женщин на примере нескольких практических ситуаций, в частности отношения к так называемому «женскому обрезанию», практикующемуся среди оромо.

Семейные ценности особо важны для оромо, проживающих в диаспоре по всему миру. Каким образом меняются их представления при столкновении с иными ценностями, моральными и правовыми нормами других этнических групп? Отвечая на эти вопросы, автор предлагает поразмышлять о существовании аналогичных институтов урегулирования семейных проблем, трансформации традиционных семейных ценностей в российском обществе и расстановке приоритетов для сохранения идентичности в будущем.

Кайгородов Г. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Бамана-французское переключение кодов

С ростом уровня грамотности и образования (преимущественно на французском языке), а также активной интеграции Мали в мировые процессы, частота использования французского в речи молодежи по сравнению с показателями прошлого столетия заметно выросла. Взаимное влияние этих двух крупных языков (бамана и французского) приводит к билингвизму городского населения, лингвистическими последствиями которого является переключение кодов (далее ПК). Это явление подразумевает внезапное, спонтанное переключение говорящего с одного языка на другой язык и обратно в процессе разговора или написания текстов.

По структуре ПК может осуществляться на всех языковых уровнях: лексемы, синтагмы и даже морфемы. Также не редки случаи, когда говорящий полностью переключается на другой язык и продолжает дискурс только на нем. ПК может быть адаптированным (под грамматику, синтагматику, фонетику и т. д. матричного языка (с которого говорящий переключается)) или неадаптированным.

На выбор языка в полиязычном обществе очевидным образом влияет сфера используемого языка. Также встречаются ПК, мотивированные какой-либо функцией (например, для включения иноязычного собеседника в диалог (или исключения), постановки смыслового ударения в высказывании или же демонстрации принадлежности к социальной или этнической группе).

В ходе полевых исследований в Мали в 2024 году мне удалось записать большое количество диалогов в разных локациях и в разных ситуациях, общая продолжительность записанного материала составляет примерно 5 часов. Выборку текстов я разбил на 3 крупные категории, а именно:

1. Спонтанная речь. В данном разделе рассматривается спор носителей языка и неформальное обсуждение. Примерно в таком ключе строится казуальная речь людей в нейтральной обстановке.

2. Деловая речь. В этой категории проанализирована запись диалога в офисе нотариуса в центре столицы Бамако. Это пример речи в формальной, рабочей обстановке.

3. Монологи о традиционном искусстве. Сюда включены записи рассказа о ткани боголан из мастерской Ndomo и экскурсии по залам постоянной экспозиции в Национальном музее Мали.

Данные измерения наиболее широким образом представляют языковую действительность Республики Мали. Анализ был направлен на выявление основных структурных закономерностей бамана-французского ПК, а также попытку обнаружить метаязыковые факторы, влияющих на ПК и определить мотивацию переключения.

В результате анализа семи устных текстов выявлены ПК на трех языковых уровнях: уровень лексем, уровень синтагм, уровень предложений. В речи малийцев регулярно встречаются французские междометия и вводные конструкции, маркирующие новый квант информации или эмоционально-волевою реакцию на окружающую действительность (*bon, quoi, voyez-vous, maintenant* и т. д.). На синтаксическом уровне зафиксированы переключения как на целых высказываниях (сложных и простых предложениях), так и, например, только на одном простом предложении в составе сложного. Нередки случаи, когда говорящие спонтанно полностью переключаются на французский язык и продолжают дискурс только на нем. ПК на уровне синтагмы чаще встречаются в роли обстоятельств, например, *dans la rue* ‘на улицу’. Также нередки сочетания французских существительных и числительных (*trois part pareilles* ‘три равные доли’). ПК на уровне лексемы встречаются на существительных, глаголах, союзах, числительных, реже на местоимениях. При ПК на существительных французские лексемы без проблем встраиваются в грамматическую структуру предложения и не требуют дополнительной адаптации. При ПК на глаголах говорящие используют инфинитивную форму французского глагола и встраивают ее в грамматическую структуру предложения с помощью суффиксов или других показателей конструкций как с обычным глаголом. Проблема дифференциации заимствований и лексических ПК в языке бамана требует введения дополнительных формальных критериев.

Определить, было ли мотивировано ПК или нет, не всегда представляется возможным, но неосознанные ПК заметно преобладают. Также говорящие руководствовались директивной, фатической, метаязыковой, и референциальной

функциями. Маркеры ввода речи на французском языке и формальные границы между языками отсутствуют. Это говорит о формальном равенстве языков в речи населения больших городов, отсутствии четкой диглоссии в этой среде.

На основе результатов анализа можно предложить следующие гипотезы, для проверки которых требуются более широкие статистические данные:

1. Частота ПК в деловой речи > частота ПК в спонтанной речи > частота ПК в речи об истории и культуре.

2. Частота ПК в диалоге, в котором участвуют иностранцы > частота ПК в диалоге между носителями бамана.

3. В диалоге между малийцами и иностранцами металингвистическая функция наиболее частотная. Между малийцами — референциальная.

4. Экспрессивность и эмоциональность повышает частоту ПК.

5. Говорящий, для которого матричный и встроенный язык не являются родными, склонен подстраивать выбор кода под носителя.

Так как в этой работе была рассмотрена только речь жителей крупных городов, в дальнейших исследованиях следует проанализировать речь населения провинций и деревень. В более широкую выборку текстов также должны войти записи речи малийцев разных возрастов (особый интерес представляет детская речь), профессий, полов.

Помимо устной речи, следует рассмотреть ПК и в письменных текстах, например, в газетах и социальных сетях. В данном разделе интерес вызывают орфографические особенности и явление калькирования.

Куликов А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Объектная индексация в пассивных глагольных конструкциях языка суахили

В языке суахили морфологический пассив выражается с помощью присоединения суффикса *-w-* к основе глагола, например, пассивной формой от глагола *-pig-a* 'бить' является *-pig-w-a* 'быть побитым'. Основными функциями суахилийского пассива являются субъективизация второстепенного аргумента (не подлежащего) и устранение агенсной группы из переднего плана высказывания: *nyumba zi-li-jeng-w-a na wafanyakazi* 'дома строились рабочими'.

В языке суахили в предложениях с пассивными конструкциями агенсная группа употребляется с коннективным предлогом *na*: *a-li-pig-w-a na mtu* 'он был избит человеком'¹. Во всех найденных мною исследованиях, рассматривающих специфику выражения актантных отношений в пассивных конструкциях языка

¹ Аксенова И. С., Топорова И. Н. Введение в бантуистику (Имя. Глагол). М.: Наука, 1990. С. 159.

суахили, сообщается, что существует запрет на объектную индексацию любого аргумента в глагольных конструкциях с суффиксом пассива *-w*¹.

В ходе полевых исследований, проведенных в Танзании в 2024 году, удалось установить, что в суахили присутствует несколько глагольных конструкций с суффиксом пассива, в которых возможна индексация объекта. Их можно разделить на два вида:

- пассивные формы от фразовых глаголов, позволяющие индексировать существительные, являющиеся частями этих фразовых глаголов;
- морфологически пассивные формы, воспринимающиеся как транзитивные и позволяющие индексировать пациенса.

Глагол *-pig-a* ‘бить’ образует со многими существительными фразовые глаголы, смысл которых определяется значениями существительных, например, глагольная конструкция *-pig-a simu* означает «звонить по телефону» (а не «бить телефон»), *-pig-a kadi* — «показывать карточку (в футболе)» (а не «бить карточку»). В обоих этих примерах существительное *simu* является частью фразовых глаголов *-pig-a simu* и *-pig-a kadi*, а не объектом глагола *-pig-a*, так как всегда занимает позицию справа от *-pig-a*, не уступая ее аргументам, даже прямому дополнению, которое в языке суахили имеет «привилегированную» синтаксическую позицию: сравним *a-li-m-pig-a simu Saidi* ‘он позвонил Саиду’ (букв. ‘1SG-PST-3SG.OBJ-бить-FV телефон Саиди’) и *a-li-mw-ony-esh-a mwalimu kitabu* ‘он показал учителю книгу’ (букв. ‘1SG-PST-3SG.OBJ-видеть-CAUS-FV учитель книга’), где в первом примере *simu*, являясь частью фразового глагола *-pig-w-a simu*, занимает максимально близкую к глагольной конструкции позицию и стоит перед реципиентом (прямым дополнением) *Saidi*, в то время как во втором примере пациенс (косвенное дополнение) *kitabu* ‘книга’ следует за реципиентом (прямым дополнением) *mwalimu* ‘учитель’ при индексации в глаголе реципиента.

Глагол *-pig-w-a* ‘быть побитым’, являющийся пассивом от *-pig-a* ‘бить’, при сочетании с существительным *simu* ‘звонок’ образует фразовый глагол со значением «получить звонок». В конструкции с глаголом *-pig-w-a (simu)* может индексироваться существительное, являющееся частью фразового глагола: *a-li-i-pig-w-a ø-simu na Saidi* ‘ему позвонил Саиди’ (букв. ‘3SG.SBJ-PST-9CL.OBJ-бить-PASS-FV 9CL-телефон CONN Саиди’)². Глагол *-pig-w-a* при сочетании с существительным *kadi* образует фразовый глагол *-pig-w-a kadi* ‘получать карточку’. В конструкциях с этим глаголом может также индексироваться существительное, являющееся частью фразового глагола: *ø-kadi nyekundu a-li-yo-i-pig-w-a Vidal* ‘красная карточка,

¹ Громова Н. В. К вопросу о языковой норме в современном суахили // Исследования по языкам Африки. Вып. 5. М.: Институт языкознания РАН, 2015. С. 73; Mursell J. Object marking in Swahili is topic agreement // *Jezikoslovlje*. 2018. Vol. 19. No. 3. P. 445; Seidl A. The Discourse Function of Object Marking in // CLS 33: The Main Session, 1997. P. 376.

² Magai J. Inspekta asimulia walivyofukua fedha ardhini nyumbani kwa marehemu // *Mwananchi*. 20.11.2023. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mwananchi.co.tz/mw/habari/kitaifa/inspekta-asimulia-walivyofukua-fedha-ardhini-nyumbani-kwa-marehemu-4439856> (дата обращения: 11.01.2025).

которую получил Видаль’ (букв. 9CL-карточка красная 3SG.SBJ-PST-9CL.REL-9CL.OBJ-бить-PASS-FV Видаль’). Таким образом, глагол *-pig-w-a* при сочетании с некоторыми существительными образует фразовые глаголы, которые в ряде случаев позволяют индексировать существительные, являющиеся их частями.

Глагол *-ele(-)w-a*, морфологически являющийся пассивом от *-ele-a* ‘быть ясным’, всегда используется как транзитив со значением ‘понимать’: *ni-me-ku-ew-a* ‘я тебя понял’ (букв. ‘1SG.SBJ-PRF-2SG.OBJ-понимать-FV’, а не ‘1SG.SBJ-PRF-2SG.OBJ-быть ясным-PASS-FV’)¹. Хотя в глаголе *-ele(-)w-a* и присутствует суффикс пассива *-w-*, нельзя назвать его (глагол) стандартной формой страдательного залога от *-ele-a*, так как в противном случае его лексическое значение должно было бы являться пассивом от «быть ясным». Можно предположить, что из-за редкого употребления глагола *-ele-a* его морфологический пассив *-ele-w-a* претерпел некоторые лексические изменения и стал восприниматься как транзитив со значением «понимать», что трудно объяснить регулярными синтаксическими трансформациями.

Глагол *-shind-w-a* ‘быть побежденным’ является стандартным пассивом от *-shind-a* ‘побеждать’: *ni-me-shind-w-a na wewe* ‘я побежден тобой’ (букв. ‘1SG.SBJ-PRF-побеждать-PASS-FV CONN ты’). Однако в ряде контекстов этот глагол при наличии объекта (прямого дополнения) воспринимается как транзитив со значением «не справляться с кем-то/чем-то»: *ni-me-ku-shindw-a* ‘между мной и тобой все кончено’ (букв. ‘1SG.SBJ-PRF-2SG.OBJ-не_справиться_с-FV’, а не ‘1SG.SBJ-PRF-2SG.OBJ-побеждать-PASS-FV’)²; *a-li-li-shindw-a ø-gari lake* ‘он не справился с управлением своего автомобиля’ (букв. ‘3SG.SBJ-PST-5CL.OBJ-не_справиться_с-FV 5CL-автомобиль его’, а не ‘3SG.SBJ-PST-5CL.OBJ-побеждать-PASS-FV автомобиль его’)³.

Опираясь на полученные результаты, можно сделать вывод о том, что в суахили присутствует ряд глагольных конструкций, в которых суффикс пассива *-w-* не блокирует индексацию объекта. Во-первых, в этом языке есть как минимум несколько фразовых глаголов с глаголом *-pig-a*, пассивные формы которых позволяют индексировать существительные, являющиеся частями этих фразовых глаголов. Во-вторых, в суахили присутствует ряд глаголов, которые морфологически относятся к пассивным формам из-за наличия суффикса *-w-*, но используются как транзитивные и, следовательно, позволяют индексировать объект. Как правило, такие транзитивы имеют производное от активной формы лексическое значение, но которое не совпадает со значением стандартной пассивной формы: инфинитив *-shind-a* ‘побеждать’, пассив *-shind-w-a* ‘быть побежденным’, транзитив *-shindw-a* ‘не справляться с кем-то/чем-то’.

¹ Musiba A.E. *Kufa na Kupona*. Dar es Salaam: Mkuki na Nyota Publishers, 2018. P. 122.

² Dulla Makabila Furahi. 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/mMsr-XdExhA> (дата обращения: 11.01.2025).

³ Athumani R. Ajali yaua watatu Handeni // *Mwananchi*. 01.09.2022. [Электронный ресурс] 8URL: <https://www.mwananchi.co.tz/mw/habari/kitaifa/ajali-yaua-watatu-handeni--3933854> (дата обращения: 11.01.2025).

Куценков П. А. (ИВ РАН, Москва)

Средневековые арабоязычные письменные источники об архитектуре и искусстве Мали

Первые более или менее полные сведения об архитектуре и городской застройке на территории Мавритании, на границе с современной Республикой Мали, содержатся в «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» Ал-Бакри:

Город Гана — это два города на равнине. Один из них — город, в котором живут мусульмане, большой город; в нем имеется двенадцать мечетей. <...>.

Город же царя расположен в шести милях от этого; он называется ал-Габа. Между обоими городами находятся сплошные жилые кварталы; постройки сделаны из камня и дерева ас-синт. <...> Вокруг царского города арочные постройки и рощи <...>¹.

У Ал-Бакри имеется еще один фрагмент, в котором, судя по описанию, речь может идти о монументальной скульптуре:

Когда идущий из страны Куку идет на запад по берегам реки, он прибывает в царство, которое называется Дамдам. Жители [его] съедают тех, кто попадает к ним. У них есть главный царь и другие [цари] под его рукой. В их стране есть большая крепость, над которой стоит идол в облике женщины, которого жители обожают и к которому совершают паломничество².

В искусстве Мали и всего Западного Судана памятники традиционной монументальной каменной скульптуры не зафиксированы, но, разумеется, нельзя исключать, что таковая существовала в прошлом. Однако, скорее всего, «идол в облике женщины» представлял собой характерное для Мали природное образование: отдельно стоящую скалу, в которой при известной доле воображения можно разглядеть антропоморфные черты. Такие природные формы встречаются на территории страны повсеместно, от гор Хомбори и нагорья Бандиагара до Страны манде. Кроме того, этот рассказ, вероятно, записан с чужих слов — об этом говорят некоторые географические неточности и явно баснословное упоминание о каннибализме.

Очень интересное описание церемонии при дворе мансы Сулеймана оставил Ибн Баттута. Он впервые описал действо, в котором принимали участие «священные шуты» коредуга, а также маски, в которых те выступали:

Когда бывает день праздника и дуга заканчивает свою игру, приходят поэты (а они называются «ал-джула»... единственное число от него — «дьяли»). Каждый из них входит, [находясь] внутри изображения, сделанного из перьев и похожего на шишак; к личине приделана голова из дерева, а на ней красный клюв, как будто это голова известной

¹ Арабские источники X–XII веков по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары. Подготовка текстов и переводы В. В. Матвеева и Л. Е. Куббеля. Ленинград: Ленинградское отделение издательства «Наука», 1965. С. 181.

² Там же. С. 188.

птицы. Поэты становятся пред султаном в этом смешном виде и произносят свои стихи. Мне сообщали, что их стихи — нечто вроде увещевания, в нем они-де говорят государю: «Вот это — ал-банби, на коем ты пребываешь. На нем сидел такой-то из царей, а из его благородных деяний [было] то-то, некий [царь] совершивший такие-то дела. Делай же ты [тоже] такое добро, которое бы вспомнили после тебя!» Затем старший из поэтов поднимается на ступени ал-банби и кладет свою голову на грудь султану, потом он всходит на верх ал-банби, кладет голову свою на правое плечо государя, затем на левое говоря что-то на их языке, потом спускается¹.

В «Тарих ал-фатташ» также есть фрагмент, который находит аналогию в современных этнографических источниках: «И обнаружили они, что у жителей Гао нет султана, кроме большой рыбы, выходящей к ним в час восхода солнца и принимающей их в час заката; а затем жители возвращаются в свои дома»². Речь, скорее всего, идет о нильском окуне (*Lates niloticus*), «восходящем» на восходе и закате во время утреннего и вечернего жора. Этот фрагмент из «Тарих ал-фатташ» дополняет «Тарих ас-Судан»: «Сатана представлялся им в образе большой рыбы, которая являлась им над водой в Реке в определенные промежутки времени; в носу же ее было кольцо»³. Из этих отрывков следует, что в Средние века на Нигере бытовали религиозные представления, в общем, схожие с теми, что сейчас существуют у бозо, марка (сонинке) и бамбара. С ними связаны церемонии с участием марионеток, то есть вполне возможно их существование и в древности.

Сведения из арабоязычных письменных памятников становятся понятными только в сочетании с археологическими и этнографическими источниками. Так, раскопки Соишира Такезава и Мамаду Сиссе в Древнем Гао (север современного города Гао) и Гао-Саней (в семи километрах к западу от Гао), предпринятые в 2001–2004 гг., подтвердили сведения арабских источников о двух городах⁴. Сообщение Ибн Баттуты, вероятно, является первым упоминанием масок на территории современной Республики Мали, да еще и в контексте описания церемонии, в которой явно принимали участие священные шуты коредуга. Упоминание же в «Тарих ас-Судан» рыбы «с кольцом в носу» вызывает ассоциации с современными марионетками (существуют марионетки, изображающие нильского окуня) и косвенно подтверждает сообщение лидера общества Соголон Йайа Кулибали о том, что традиция церемоний с их участием существует с глубокой древности⁵.

¹ История Африки в древних и средневековых источниках. Хрестоматия. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Под редакцией О. К. Дрейера. Составители С. Я. Берзина и Л. Е. Куббель. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. С. 363.

² Суданские хроники. Редактор Першиц А. И. Переводчик Куббель Л. Е. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. С. 35.

³ Суданские хроники. С. 151.

⁴ Takezawa S., Cisse M. Discovery of the Earliest Royal Palace in Gao and Its Implications for the History of West Africa (Découverte du premier palais royal à Gao et ses implications pour l'histoire de l'Afrique de l'Ouest) // *Cahiers d'études africaines*. 2012. Vol. 52. No. 208. P. 813–844.

⁵ Завьялова О. Ю. Марионетки и их связь с духами (Мали) // *Вестник антропологии*. 2024. № 2. С. 181.

Лазарев А. В. (ГАУГН, Москва)

Советские учителя в Танзании в 1960–1980-х гг.: трудности работы и жилищно-бытовые условия. (По архивным материалам ГАРФ)

27 января 1969 года СССР и Танзания после переговоров оформили контракт № 50760 о командировании советских преподавателей для работы в танзанийских средних учебных заведениях. После подписания контракта первая группа советских учителей общим числом двадцать человек вылетела в Танзанию 8 февраля 1969 года. Контракт действовал на протяжении 1970–1980-х годов и был единым для всех последующих командируемых советских учителей.

В процессе работы в танзанийских школах советские преподаватели столкнулись с рядом трудностей. Они отмечали отсутствие межпредметной связи и логической последовательности в подаче учебного материала, недостаток учебного времени для преподавания предмета, отсутствие единых стандартизированных учебников в соответствии с учебной программой. Одной из самых серьезных проблем, с которой приходилось считаться буквально всем советским учителям, стала устаревшая методика преподавания в танзанийских школах. В учебном процессе отсутствовали многие привычные для советской системы образования вещи, такие как ответ у доски, устный опрос, систематическое решение задач, проверочные и контрольные работы, дополнительные занятия. Преобладал лекционный способ обучения, что склоняло учеников к обычному зазубриванию лекционных материалов и учебников без какого-либо осмысления написанного.

Поэтому преподаватели повсеместно применяли советские методы преподавания. Вводились устный опрос и ответы у доски, организовывались контрольные, практические и проверочные работы в письменном виде, велось систематическое решение задач, составлялись задачи с использованием местного материала, организовывались дополнительные занятия для отстающих учеников, велась индивидуальная работа со студентами, а также использовались наглядные пособия, диафильмы и диапозитивы. Советские учителя организовывали тематические кружки для улучшения восприятия преподаваемого предмета.

Танзанийские средние учебные заведения на протяжении всей профессиональной деятельности советских учителей испытывали нехватку учебного оборудования и материала. Часто отсутствовали специально оборудованные кабинеты. По этой причине проведение практических и лабораторных работ было чрезвычайно затруднено.

Усилиями советских учителей танзанийские школы активно снабжались учебным инвентарем и оборудованием, включающим в себя учебники, задачки и методические пособия на английском языке, слайды, таблицы, канцелярские приборы, диафильмы, диапозитивы и др. Делалось это тремя путями: поставка учебного оборудования и материала в танзанийские школы с вновь прибывавшими советскими преподавателями, ремонт старого материала и оборудования,

изготовление учебного инструментария по инициативе советских преподавателей на практических занятиях с учениками.

Жилищно-бытовые условия советских учителей были в целом хорошими, но не без проблем. Проживали специалисты либо в квартирах, либо в домах с приусадебным хозяйством. Для передвижения пользовались преимущественно общественным транспортом или мотоциклами, так как покупка личных автомобилей была сильно затруднена финансово-валютным кризисом в Танзании. Отмечались проблемы с недостаточным питанием, решавшиеся организацией собственных огородных хозяйств и закупкой дефицитных товаров в кооперативном магазине Дар-эс-Салама. Имелись проблемы с качеством медицинского обслуживания и отдаленностью аптек и госпиталей от мест работы специалистов.

Советские учителя проделали большую работу в деле развития танзанийского среднего образования. В ходе своей деятельности они столкнулись с множеством трудностей, которые были вынуждены преодолевать. Но общим для всех специалистов было то, что они справлялись со своими задачами и доказали, что успешно могут даже не в самых выгодных условиях достигать поставленной цели — улучшения работы системы танзанийского образования.

Жилищно-бытовые условия советских учителей были более чем удовлетворительными, но сильно зависели от внутриэкономической обстановки в Танзании. Существовала тенденция на ухудшение условий жизни советских специалистов что напрямую коррелировало с политико-экономическим состоянием Танзании.

Лисенкова А. Д. (СПбГУ, СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург)

Отношения Европейского союза и стран Африки, расположенных южнее Сахары, в области энергетики и климата: от нормативной силы к стрессоустойчивости и стратегической автономии¹

Согласно концепции Й. Мэннерса, нормативная сила (НС) — «идейное воздействие международной идентичности» Европейского союза. Предполагается, что привлекательность данных норм должны осознать сами участники мировой политики. ЕС основан на нормах, и это стимулирует его для международной нормативной деятельности. Более того, ЕС — это не то же, что и его члены, потому его нормативный образ более благоприятен ввиду отсутствия прямой ответственности за колониальное прошлое. Нормы делятся на «ключевые» (мир, свобода

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00672, <https://rscf.ru/project/25-28-00672>.

и др.) и «второстепенные» (устойчивое развитие и др.)¹. Энергетика и климат коррелируют с нормами в области устойчивого развития. В чистом виде НС — про идеологическое, нежели материальное или физическое продвижение. На практике в НС разные стимулы². Более того, ЕС скорее ищет альтернативы из-за отсутствия доступа к некоторым другим формам силы, в т.ч. «жесткой» (военной).

Государства ЕС имеют право сами выбирать источники для энергобаланса, но обязаны не забывать про ВИЭ, энергоэффективность и выбросы. Согласно Внешней энергетической стратегии ЕС (2022 г.), главный приоритет — «зеленый» переход, но его не провести одномоментно, потому требуются диверсификация и новые связи в области «чистого» водорода и «переходного» природного газа. Поставки нефти тоже возможны. Кризис в отношениях с РФ в наибольшей степени стимулирует ЕС ускорить темпы диверсификации, для которых и до 2022 г. климат использовался как благородный предлог. Можно также выделить экологические мотивы, влияние социального активизма, проблемы экономической конкуренции (одновременный переход на дорогостоящую циркулярную экономику во избежание экономического отставания) и стремление к «климатическому лидерству». Объединение нацелено на глобальный «переход» и повышение «стрессоустойчивости» с достижением «стратегической автономии». Приоритетными партнерами в Африке южнее Сахары обозначены Нигерия, Сенегал, Ангола в области СПГ, а Намибия в сфере «зеленого» водорода. Однако статистически доля их газовых поставок невелика, тогда как водородная энергетика пока почти не представлена в энергобалансе ЕС.

Энергетика в соглашениях Европейского союза и стран Африки, расположенных южнее Сахары, впервые была упомянута в Первой Ломейской конвенции 1975 г., где речь шла об инфраструктуре и финансировании. Во Второй Ломейской конвенции 1979 г. появилась профильная энергетическая глава с положениями о технической помощи, обучении и др., а также о «совместной эксплуатации природных ресурсов». В Третьей Ломейской конвенции 1984 г. были прямые отсылки к защите окружающей среды. Изменение климата напрямую не упоминалось, в отличие от сокращения нефтяного импорта, развития ВИЭ, уменьшения потребления энергии и др. Устойчивое развитие и раздел «Окружающая среда» очерчены в Четвертой Ломейской конвенции 1989 г., а в последней версии Соглашения Котону 2010 г. изменение климата помещено в преамбулу. Так сформировалась база, основанная на климатических приоритетах с акцентом на «зеленой» энергетике, энергосбережении, энергоэффективности, циркулярной экономике и т. д. В Соглашении Самоа 2023 г. тенденции сохранились.

Трансляция норм о постыдности использования традиционной энергетики — инициатива ЕС. Хотя Африка в большей степени испытывает влияние изменения климата, ее население волнуют другие темы (безработица, здраво-

¹ Manners J. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*. 2002. Vol. 40, Iss. 2. P. 235–258.

² Manners J. The Concept of Normative Power in World Politics // DIIS Brief. 2009. P. 1–5.

охранение и др.), а у правительств отсутствуют необходимые финансы. ЕС готов спонсировать только «зеленые» проекты (например, порядка 50 через «Глобальный портал»), хотя само объединение продолжает покупать и невозобновляемые ресурсы (например, уголь в ЮАР). Особенно актуально это в период энергетических кризисов, где дешевый уголь — лучший вариант. Правда, его инфраструктуру тоже надо обновлять, чтобы не создавать новые кризисы. К тому же страны региона уже сейчас нуждаются в надежном энергоснабжении, тогда как «зеленый» переход — долгий процесс, да и африканские климатические амбиции вызывают сомнения. Нехватка внутренних финансов вынуждает реализовывать те меры, на которые даются деньги, на бумаге соглашаясь на новые ценности. Искренность подобных решений вызывает сомнения. Тогда как в случае отсутствия финансирования маловероятно, что о НС велась бы речь.

Элементы НС присутствуют в отношениях Европейского союза и стран Африки, расположенных южнее Сахары. Однако они основаны на безвыходном положении африканских государств, готовых принять подобный формат неокOLONиального влияния. Ситуацию для ЕС осложняет конкуренция за регион с более консервативными игроками. Можно обратиться к концепции стрессоустойчивости (перед внешними энергетическими вызовами), однако и она имеет внешнее направление, касающееся стрессоустойчивости партнеров. Здесь экологическая проблематика присутствует, оставляя вопросы к ее эффективности, но экономические и социальные основы устойчивого развития явно нарушены. ЕС реализует свою внутреннюю стрессоустойчивость в т. ч. и через принуждение африканских игроков. Напоследок следует обратиться к концепции открытой стратегической автономии, последние годы актуальной не только в области обороны. Так, ЕС хочет быть стрессоустойчивым, самостоятельным и влиятельным на международной арене, прибегая к диверсификации сотрудничества и распространяя всеми возможными способами свои идеологические приоритеты, в т. ч. в области энергетики и климата.

Львова Э. С. (ИСАА МГУ, Москва), Прозоров М. Н. (галерея «Диалог», Москва), Тарасова Л. А. (галерея «Диалог», Москва)

Народы Бельгийского Конго в фотографиях К. Загурского и зарисовках А. Яковлева (1927–1940 гг.)

В наши дни все чаще к изучению истории и антропологии африканских народов привлекаются визуальные материалы (гравюры, зарисовки, дагерротипы и фото, буклеты и листовки, и т. п.). Некоторые из них уже вошли в научный оборот, другие еще ждут своего часа. К последним относятся, в частности, фото К. Загурского и зарисовки А. Яковлева народов Бельгийского Конго, сделанные в межвоенный

период. Этот период истории страны (ныне ДРК) освещен. Оба автора — бывшие подданные Русской империи, волей судьбы оказавшиеся за пределами Родины¹.

Казимир Остоя Загурский (Casimir Ostoja Zagourski, 1883–1944), бывший летчик, оказавшись после Гражданской войны в Польше, затем эмигрировал в Бельгийское Конго, прожив там до начала Второй мировой войны. Там он открыл собственное дело (фотография и книготорговля). Нередко он на самом высоком уровне выполнял заказы колониальной администрации. Его работы публиковались как в Конго, так и в Бельгии, и во французской прессе. В 1930 г. его работы были представлены на Всемирной выставке в Антверпене.

Он задумал и осуществил целый цикл «Исчезающая Африка». К. М. Загурский прошел (частично пролетел) большую часть страны до северо-восточных границ и Руанды). Цикл состоял из нескольких сот фотографий. Сколько их было всего — не ясно, но сейчас известно около 400. В 2001 году итальянским издательством «Скира» был опубликован альбом «Загурский. Исчезающая Африка»².

Не будучи ни историком, ни антропологом, Загурский не всегда называет этнонимы, указывая лишь географические названия. Тем не менее он сумел показать типичную картину жизни местных народов. Так, большая подборка посвящена социализации (инициации; шрамирование и ритуальное калечение; прически и украшения, свойственные определенным социальным ступеням и т. п.). Другая группа отражает хозяйственную деятельность (плетение, гончарство, ткачество и вышивку тканей, оружие) и половозрастное разделение труда. Отдельные фотографии демонстрируют властные отношения (от вождей разного ранга до клерков колониальной администрации). По его фотографиям видно, как, с одной стороны, традиционные элементы культуры сохраняются, с другой — десакрализуются и изменяются. Наследие Казимира Загурского стало дополнительным источником для изучения жизни местного населения в межвоенный период, и в этом его значение и уникальность.

Александр Евгеньевич Яковлев (1887–1938) был известным петербургским художником, неоднократным участником многих выставок. Выехав еще до Первой мировой войны во Францию, он более не вернулся на родину. Заслужив популярность в этой стране, он в 1924 г. был приглашен автомобильным концерном «Ситроен» в экспедицию по Африке. Целью ее была реклама автомобилей, способных преодолевать трудности тропических зон, и художник должен был фиксировать путь по континенту. Экспедиция в составе четырех экипажей проделала путь от Западной Африки до Мадагаскара, посетив северо-восточную часть Бельгийского Конго. По возвращении в Европу в Париже была организована большая выставка африканских картин А. Яковлева. А позднее вышел большой том его записок с публикацией зарисовок «Черный рейд»³. Среди них немало

¹ Ронин В. Русское Конго, 1870–1970. Т. 1–2. М.: Дом Русского Зарубежья; Русский путь, 2009.

² Zagurski. L'Afrique disparue. Dans la collection de Pierre Loos. / E. Bassani. Intr. P. Loos. Milano: Skira/Seuil, 2001.

³ Яковлев А. Черный рейд. М.: Искусство — XXI век, 2017.

касается народов азанде и мангбету. В отличие от Загурского, его интерес был обращен не на бытовые детали, а на наиболее выигрышные с точки зрения художественного воплощения.

Доклад сопровождается презентацией фотографий К. Загурского и А. Яковлева¹.

Макеева Н. В. (ИЯз РАН, Москва)

Инкорпорация как стратегия определения имени в языке конабере (манде)

В докладе будет рассмотрена примечательная с типологической точки зрения стратегия оформления именных атрибутов в языке конабере. Конабере (ISO 639 bbo) является северной разновидностью макроязыка бобо мадаре, принадлежащего к группе бобо-самого западной ветви семьи манде. На конабере говорят в регионах Сегу и Сикассо на юге Мали и в провинции Банва в Буркина-Фасо около 60 000 человек². Исследование, результаты которого будут представлены в докладе, проведено на материале диалекта деревни Мафуне, расположенной в Мали.

В конабере прилагательное в атрибутивной функции располагается в постпозиции к определяемому существительному, при этом последнее выступает в так называемой неавтономной форме. Неавтономная форма существительного в зависимости от его флективного класса совпадает с формой единственного (1) или множественного числа (2), либо образуется от одной из них посредством различных фонологических операций, приводящих к усечению основы (3, 4):

(1a) <i>sáá</i> метла 'метла'	(1б) <i>sáá-rí</i> метла-PL ³ 'метлы'	(1в) <i>sā-keēli</i> метла.NA-старый 'старая метла'
(2a) <i>digi</i> перо 'перо'	(2б) <i>dāgi</i> перо.PL 'перья'	(2в) <i>dāgf-yii</i> перо.NA-большой 'большое перо'
(3a) <i>pāā</i> навес 'навес'	(3б) <i>pāā-li</i> навес-PL 'навесы'	(3в) <i>pā-gbēeri</i> навес.NA-большой 'навес большой'

¹ Коллекция открыток и фотографий, Галерея «Диалог».

² Eberhard D. M., Simons G. F., Fennig C. D. Ethnologue: Languages of the world. 22nd ed. Dallas, TX: SIL International, 2019.

³ NA — неавтономная форма существительного, PL — показатель множественного числа.

(4a) <i>sùj'</i>	(4б) <i>sòj'</i>	(4в) <i>sò-gbàni</i>
человек	человек.PL	человек.NA-другой
'человек'	'люди'	'гость, иностранец'

Существительное выступает в неавтономной форме только в двух типах определительных конструкций: существительное + существительное и существительное + прилагательное. В обоих типах в неавтономной форме выступает первый элемент конструкции, который в первом случае служит определением, а во втором — определяемым. Неавтономность начального элемента комплекса позволяет рассматривать его как композит и говорить об инкорпорации прилагательного в словоформу существительного. Об этом свидетельствует и ряд других фактов. Так, в рамках атрибутивного комплекса существительное, находящееся в препозиции к прилагательному, выступая в неавтономной форме, не участвует в противопоставлении по числу, множественное число маркируется на прилагательном. Множественное число в конабере образуется при помощи целого ряда суффиксальных моделей и моделей, использующих внутреннюю флексию. Выбор модели обусловлен лексически, однако частично связан со структурой и семантикой исходной основы. Прилагательные с морфологической точки зрения ведут себя так же, как существительные, и используют те же модели образования множественного числа. В атрибутивном комплексе множественное число не только выражается на основе прилагательного, но и выбор самой модели оказывается частично обусловлен структурой адъективной, а не именной основы. Кроме того, суффиксальные показатели множественного числа гармонируют с основой прилагательного по признаку продвинутости корня языка, или [ATR] (от англ. Advanced Tongue Root) (5б, 6б), в то время как внутри самого атрибутивного комплекса гармония не распространяется с одной основы на другую (5а, 6а):

(5a) <i>jó-sáǵí</i>	→	(5б) <i>jó-ség-éè</i>
вода.NA-горький		вода.NA-горький-PL
'горькая вода'		'горькие воды'
(6a) <i>bāǵí-kúrū</i>	→	(6б) <i>bāǵí-kúrō</i>
болезнь.NA-плохой		болезнь.NA-плохой.PL
'серьезная болезнь'		'серьезные болезни'

Помимо суффиксального показателя множественного числа, справа от адъективной основы может располагаться суффикс диминутива, не употребляющийся самостоятельно с прилагательными, но гармонирующий по признаку [ATR] с основой прилагательного, которая непосредственно ему предшествует. Наконец, атрибутивный комплекс имеет характерную для существительных синтаксическую дистрибуцию.

Важно отметить, что инкорпорация прилагательного в словоформу существительного является продуктивной и единственной стратегией оформления именных атрибутов в конабере. Хотя иногда и встречаются случаи лексикализации, эта стратегия является потенциально возможной для всех существительных и прилагательных и функционально служит аналогом адъективной именной группы. Несмотря на типологическую редкость этого явления, оно, по-видимому, является достаточно распространенным в языках Западной Африки. Среди языков манде об инкорпорации адъективного атрибута в словоформу существительного можно говорить в сонинке, а также в бамана и других языках манден. Также она отмечается в ряде языков гур и сенуфо¹. Таким образом, исследование данного явления в языке конабере вносит вклад в представление о данной стратегии оформления именных атрибутов в языках Западной Африки как об ареально-типологическом паттерне.

*Мильто А. В. (Ярославский филиал Финансового университета
при Правительстве РФ, Ярославль)*

Феномен постколониальных комиксов: особенности, сюжеты, преимущества

За несколько десятилетий графическая форма повествования прошла путь от вульгарного, смехотворного, глупого жанра потребительской субкультуры до серьезного литературного произведения. Комиксы не только стали одними из самых продаваемых в мире, но и получили признание и уважение критиков, стали восприниматься в качестве разновидности высокого искусства, для которого характерны сложные сюжетные линии и погружение в *глубины* человеческой психологии. Изучение графических произведений подразумевает применение множества различных подходов к чтению и анализу исторических и современных событий, выявлению культурных следов, которые они оставляют.

Совмещение визуального и вербального контента, письменного слова с изображением дает возможность сгладить языковые различия, стереть разрывы между поколениями, преодолеть культурные и национальные границы. Оценив по достоинству возможности, предоставляемые графической формой повествования, постколониальные авторы воспользовались ею для реабилитации колониального прошлого, конструирования национальной идентичности, репрезентации своего опыта и восстановления недокументированной истории субалтернов.

В основе постколониального комикса сочетаются на первый взгляд несочетаемые элементы. Комиксы полагаются на визуальный ряд стереотипов и упрощений.

¹ Creissels D., J. Good. Current issues in African morphosyntactic typology // Güldemann Tom (Ed.). The Languages and Linguistics of Africa. Berlin: Mouton De Gruyter, 2018. P. 712–821.

В то время как центральным звеном постколониальных исследований является деконструкция (развенчание) сложившихся стереотипов. Просматривая комиксы, читатели должны связать предыдущее изображение с последующим, заполнить пробелы между картинками, чтобы создать непрерывность повествования. Необходимость учитывать то, что осталось «за кадром», настраивает читателей на процесс репрезентации историй второстепенных персонажей, которые оказались отодвинуты на задний план. В этом их цель совпадает с задачей авторов постколониальных исследований — дать голос угнетенным и обездоленным, восстановить их в правах, продемонстрировать их важность и значимость в общественных процессах.

Среди комиксов, стремящихся уловить голоса и опыт колонизированного подчиненного населения, выделяются работы Джо Сакко («Палестина»¹), Шона Тана («Прибытие»²), Андре и Натана Трантраалов («Перекрестки»³), Жана-Филиппа Стассена («Гости Гибралтара»⁴), Паэ — псевдоним Патрика Эссоно Нкуны («Жизнь Паэ»⁵), Маржан Сатрапи («Персеполис»⁶) и др. В центре внимания авторов: вопросы миграции, адаптации, дискриминации, поиска идентичности, актуальные для жителей бывших колоний в Азии и Африке. Африканские авторы комиксов тяготеют к двум жанрам: автобиографическим графическим романам, которые фокусируются на повседневном быте и жизненном опыте, и журналистским исследованиям, выдвигающим на первый план проблемы постколониального насилия.

Все более востребованным в графической индустрии становится обращение к гендерной проблематике. Постколониальные комиксы задокументировали историю женских социальных движений в Африке, проблемы гендерного насилия, вопросы становления идентичности. И хотя среди художников комиксов наблюдается мужское доминирование, творчество авторов-женщин становится все более заметным. Знаменательным событием стало вручение награды на ежегодном международном фестивале комиксов в Ангулеме франкоивуарийской писательнице Маргарите Абуэ в 2006 г. за графический роман «Айя»⁷, написанный в сотрудничестве с иллюстратором Клеманом Убрери. М. Абуэ стала первой африканкой, получившей такую престижную премию.

Новые технологии, интернет, искусственный интеллект и электронные устройства для рисования и чтения стимулируют активное распространение графических текстов. Производство комиксов становится менее затратным и более доступным

¹ Сакко Дж. Палестина / Пер. с англ. под общ. ред. В. Шевченко. М.: Бумкнига, 2016. 296 с.

² Tan Sh. The Arrival. New York: Arthur A. Levine Books/ Scholastic, 2007. 128 p.

³ Benson K., Trantraal A., Trantraal N., Marais A.E. Crossroads: I Live Where I Like: A Graphic History. New York: PM Press, 2021. 168 p.

⁴ Stassen J.-P. Les visiteurs de Gibraltar // *XXI*. № 1. 2008. P. 156–185.

⁵ Pahé. La vie de Pahé. Vol. 1. Bitam. Genève: Paquet, 2006. 64 p.

⁶ Сатрапи М. Персеполис / Пер. с англ. под общ. ред. А. Зайцева. М.: Бумкнига, 2014. 356 с.

⁷ Aboutet M., Oubrerie C. *Aya of Yop City. Montreal, Quebec: Drawn & Quarterly, 2007. 132 p.*

для авторов, позволяя все громче звучать новым голосам. В мире, в котором границы четко обозначены и регулируемы, создатели графических произведений содействуют формированию глобальной культурной общности, состоящей из изображений, способных проникать сквозь барьеры и препятствия. Растущее признание постколониальных комиксов во всем мире не только отражает его культурное разнообразие, сложившееся в результате изменений в миграционных схемах за последние десятилетия, но и демонстрирует несомненную ценность визуального последовательного искусства, наряду с литературой и кино, предлагающего богатые возможности для художественного выражения, фиксации происходящих событий, репрезентации незадокументированной истории.

Михалевич Е. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Африканское направление внешней политики России и Китая как инструмент обеспечения технологического суверенитета стран Африки¹

Политика России и Китая в рамках БРИКС, кроме всех прочих направлений, в том числе предполагает поддержку стран Африки в их стремлении к достижению технологического суверенитета и противодействию западному неоколониализму. В условиях глобальных изменений, нарастающей конкуренции и экономической зависимости африканских стран от Запада, а также возвышающейся роли объединения БРИКС на международной арене, актуальным становится изучение вопроса, каким образом сотрудничество между Китаем, играющим доминирующую роль в объединении ввиду большей доли ВВП², и Россией, активно продвигающей идею о расширении БРИКС, может способствовать развитию независимости африканских государств.

Как известно, страны Африки рассматривают развитие передовых информационных технологий в качестве основного драйвера, способного обеспечить устойчивый социально-экономический рост. Однако при этом, не имея для развития указанных технологий прочной финансово-технологической базы, они прибегают к помощи все тех же стран коллективного Запада, тем самым попадая в зависимость от западных технологий и стандартов. Соответственно решение задачи обеспечения технологического суверенитета является одним из ключевых факторов для обеспечения полной деколонизации африканских государств.

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 25–28–00672.

² BRICS Expansion, the G20, and the Future of World Order // Carnegie Endowment for International Peace. URL: <https://carnegieendowment.org/research/2024/10/brics-summit-emerging-middle-powers-g7-g20?lang=en> (accessed: 26.11. 2024).

Политическое объединение БРИКС, включающее Бразилию, Россию, Индию, Китай и Южноафриканскую Республику, а с 2024 года и ОАЭ, Иран, Египет, Эфиопию, предоставляет странам-участницам платформу для диалога и сотрудничества. Так, на саммите БРИКС в ЮАР в 2023 году Президент России Владимир Путин подчеркнул важность создания многополярного мира, где страны развивающегося мира смогут самостоятельно определять свой путь развития¹. Председатель КНР Си Цзиньпин на том же саммите говорил о необходимости совместной работы для наращивания технологий и знаний, чтобы преодолеть барьеры для технологического и экономического роста и независимости². Принятые резолюции на саммите БРИКС 2023 года, включая «Декларацию саммита БРИКС», подчеркивают необходимость поддержки стран с развивающейся экономикой в области технологий и инноваций³.

Кроме заявлений первых лиц и подписания совместных деклараций, Китай и Россия активно развивают проекты, направленные на поддержку технологического суверенитета в Африке. Взять, к примеру, китайскую инициативу «Один пояс, один путь»⁴: эта программа включает значительные инвестиции в инфраструктуру, что предоставляет странам Африки доступ к современным технологиям и возможностям для развития местной экономики. Примеры успешных проектов включают строительство железных дорог и портов⁵. Что касается отечественных инициатив, то Россия предлагает африканским странам сотрудничество в таких областях, как энергетика, сельское хозяйство и технологии. Важным шагом стал форум «Россия — Африка», который прошел в 2019 году⁶, на котором были подписаны соглашения о сотрудничестве в сфере технологий и образования⁷. Также стоит сказать и об российских инициативах по поставкам вооружений и технологий в страны Африки для обеспечения безопасности.

¹ Видеообращение к участникам Делового форума БРИКС // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72085> (дата обращения: 22.08.2023).

² Си Цзиньпин принял участие в 15-м саммите БРИКС и выступил с важной речью // Ministry of Foreign Affairs of PRC. URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/wjdt/wshd/202308/t20230825_11133002.html (дата обращения: 24.08.2023).

³ Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности, Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23 августа 2023 года // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/ (дата обращения: 24.08.2023).

⁴ Belt and Road portal // YiDaiYiLu. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/project> (accessed: 30.12.2024).

⁵ Chinese Loans to Africa: The Economist Gets It Wrong // The China-Africa research initiative blog. URL: <http://www.chinaafricarealstory.com/2024/09/chinese-loans-to-africa-economist-gets.html> (accessed: 26.12.2024).

⁶ Итоги Саммита и Форума 2019 // Саммит Россия-Африка. URL: <https://summitafrica.ru/archive/2019/summit-outcomes/> (дата обращения: 30.12.2024).

⁷ Декларация первого саммита Россия — Африка // Саммит Россия — Африка. URL: <https://summitafrica.ru/about-summit/declaration-2019/> (дата обращения: 30.12.2024).

Кроме этого, еще одним перспективным направлением является создание совместных технопарков и исследовательских центров в Африке. Например, китайский Проект цифровизации в рамках инициативы «Цифровой шелковый путь» и российская программа по развитию искусственного интеллекта.

По направлению образовательных программ и обменов и Россия, и Китай предоставляют стипендии для студентов из Африки в области STEM (естественные науки, технология, инженерия, математика)¹, что способствует подготовке квалифицированных кадров в области науки и технологий.

В заключение, изучив направления политики стран БРИКС по установлению технологического суверенитета стран Африки, становится понятным, что все страны-участницы БРИКС придерживаются точки зрения, что неокOLONиализм представляет собой серьезную угрозу для независимости африканских стран. Политика России и Китая в данном регионе в первую очередь направлена на создание альтернативных экономических и политических связей. Одной из первоочередных задач является именно установление технологического суверенитета стран Африки от Запада. Россия и Китай предлагают новые модели сотрудничества, основанные на взаимовыгодных условиях. Это включает в себя двусторонние соглашения о свободной торговле, которые снижают зависимость африканских стран от западных рынков, технологические и научные инициативы, проекты по цифровизации и развитию искусственного интеллекта.

Морозенская Е. В. (Институт Африки РАН, Москва)

Организация социально-экономических исследований в постколониальной Африке: формы и направления

Тематика проводившихся в африканских колониях экономических исследований чаще всего диктовалась интересами метрополий, стремившихся изучать и оценивать ресурсный потенциал континента. Например, сельскохозяйственные исследования касались преимущественно возможностей повышения доходов плантаторов от производства таких экспортных культур, как какао, кофе, чай, каучук, хлопок, плоды масличной пальмы, сахарный тростник. После получения африканскими странами независимости западные концепции их экономического развития стали замещаться новыми подходами к исследованиям и более широкой тематикой.

¹ Россия предлагает расширить спектр международных образовательных программ со странами Африки // Минпросвещения России. URL: <https://edu.gov.ru/press/7335/rossiya-predlagaet-rasshirit-spektr-mezhdunarodnyh-obrazovatelnyh-programm-so-stranami-afriki/> (дата обращения: 30.12.2024).

В 1960-х гг. в африканских национальных университетах появились исследовательские институты, специализировавшиеся преимущественно на анализе текущих проблем хозяйственного развития в соответствии с целями государственного регулирования. Среди них — институты исследований развития (*The Institute for Development Studies*) в университетах Дар-эс-Салама (Танзания) и Найроби (Кения), Нигерийский институт социально-экономических исследований (*The Nigerian Institute of Social and Economic Research*) в университете Ибадана, а также кафедры экономических исследований в университетах Уганды, Эфиопии, Сенегала, Камеруна, Ганы и др.

С 1970-х гг. началось продвижение межафриканских исследований, отсутствовавших прежде из-за малочисленности и разобщенности местных ученых. На региональных конференциях, проводившихся Восточноафриканским советом социальных наук, сессиях Конференции социальных наук южноафриканских университетов и ряде других стали впервые рассматриваться результаты сравнительных межстрановых исследований, проводившихся на основе анализа имеющегося производственного потенциала, использования методов научного прогнозирования и планирования.

Начало нового этапа в развитии экономической мысли на континенте было связано с созданием в 1973 г. Совета по развитию исследований в области социальных наук в Африке, КОДЕСРИА (*CODESRIA*) — независимой панафриканской неправительственной исследовательской организации со штаб-квартирой в Дакаре, Сенегал. В его создании принимали непосредственное участие Африканский институт экономического развития и планирования, ИДЕП (*The African Institute for Economic Development and Planification, IDEP*) и Панафриканский институт развития (*L'Institut panafricain de developpement*). Главными задачами КОДЕСРИА были объявлены «пересмотр существующих ортодоксальных концепций развития» и «поиск новых идей, альтернатив и перспектив развития африканского континента» в целях преодоления стагнации и экономического упадка.

К концу 1970-х гг. Совет создал 10 межнациональных рабочих групп под руководством известных африканских ученых — для проведения исследований по следующим комплексным темам: демографическая политика и экономическое развитие; социология развития; сельскохозяйственное развитие; междисциплинарный подход к планированию развития; индустриализация и распределение доходов; особые проблемы закрытых и менее развитых стран; экономическое сотрудничество и интеграция в Африке; валютные проблемы Африки; государственный сектор и развитие в Африке; технологическая политика в Африке¹. До настоящего времени ориентирами КОДЕСРИА в сферах интеллектуального и институцио-

¹ Evgenia V. Morozenskaya. The decolonization of economic research in Africa // International Russia-Tanzania Conference “The place of Africa in the world: the past and the present”. Dar es Salaam, Tanzania, 1–3 March 2024. Book of Abstracts / ed. Dmitrii Bondarenko. Moscow: IAS RAS, 2024. P. 83–85. ISBN 978-5-91298-299-6.

нального развития являются Устав (*CODESRIA Charter*) и Стратегический план (*Strategic Plan*), а издаваемый на шести языках «Бюллетень *CODESRIA*» играет немаловажную роль в популяризации социальных наук.

С начала XXI в. на континенте вновь активизировались попытки отстроить собственные национальные, региональные и общеконтинентальные механизмы для управления научно-исследовательской деятельностью. Хотя Африка в целом сильно отстает в сфере НИОКР, однако в узкоспециализированных областях значительное число стран имеют конкурентоспособные научные школы мирового уровня (безусловными лидерами здесь являются Египет и ЮАР)¹.

Значительный вклад в теоретическую и прикладную экономику вносит основанный в 1991 г. известным африканским ученым А. Адедеджи Африканский центр развития и стратегических исследований (*African Centre for Development and Strategic Studies, ACDESS*) в Нигерии. Важное место в его трудах занимают вопросы государственного управления, развития финансов и денежного обращения, разработки стратегии социально-экономического развития. Превратившись за годы независимости в междисциплинарный научный и аналитический центр, *ACDESS* проводит разнообразные исследования — от ключевых теоретических и стратегических проблем (например, внешнего долга) до прикладного экономического анализа отдельных отраслей.

Экономическая мысль в Африке, прошедшая ряд этапов в своем становлении, в настоящее время все чаще сосредотачивается на выработке актуальной стратегии социально-экономического развития континента. Хотя продолжается «утечка мозгов» из университетов стран Африки южнее Сахары, это отчасти компенсируется притоком зарубежных ученых (их количество за период с 1991 по 2005 г. возросло втрое)². Создание новых исследовательских центров и заметный рост уровня публикационной активности африканских ученых способствуют увеличению научного потенциала Африки и расширению возможностей для экономического сотрудничества с РФ.

Морозов Е. В. (Институт Африки РАН, Москва)

Государственный секретарь Эфиопии Альфред Ильг и Россия (по материалам российских архивов)

Правители Эфиопии конца XIX — первой половины XX в. стремились приглашать на службу представителей нейтральных, а не колониальных держав,

¹ Кузнецов А. В. НИОКР в Африке // Сфера услуг в Африке. (Коллективная монография) / Отв. ред. Е. В. Морозенская. М.: Институт Африки РАН, 2024. 438 с. Гл. 10. ISBN 978-5-91298-309-2.

² Научно-технологический потенциал современной Африки. (Коллективная монография) / Отв. ред. Е. В. Морозенская. М.: Институт Африки РАН, 2022. 278 с. Заключение. ISBN 978-5-91298-277-4.

поскольку они не несли угрозу суверенитету страны. Эта традиция была заложена императором Менеликом II. Одним из самых важных его советников стал швейцарец Альфред Ильг. Он родился 30 марта 1854 г. в Фрауэнфельде. С 1873 по 1876 г. он учился на инженера в Швейцарской высшей технической школе Цюриха¹. В 1879 г. специалистом заинтересовался молодой правитель эфиопской области Шоа негус Менелик. Он принял Ильга радушно и поручил заниматься различными техническими вопросами. Инженер строил дома, водопроводы и мосты. Постепенно Ильг стал выходить за рамки сугубо технических вопросов и начал вникать во все дела Менелика. Выучив амхарский, он стал переводчиком, главой протокола, политиком и дипломатом. Деятельность Ильга во многом способствовала модернизации Шоа, а после вступления Менелика на императорский трон и всей Эфиопии².

В период итальянской агрессии 1895–1896 гг. А. Ильг занял активную позицию по защите суверенитета Эфиопии. Он оказывал поддержку действиям отряда Российского общества Красного Креста, направленного в эту африканскую страну, спроектировал и построил здание госпиталя³.

В 1897 г. Менелик назначил А. Ильга государственным секретарем с пожалованием ордена «Звезда Эфиопии». Швейцарец тщательно собирал документы о внутренней и внешней политике Эфиопии и копировал все письма, проходившие через его руки⁴.

В этот же период были установлены российско-эфиопские дипломатические отношения, главой российской миссии в Эфиопии был назначен действительный статский советник П. М. Власов. 12 февраля 1898 г. он был принят Менеликом для обсуждения политических вопросов. Переводчиком служил А. Ильг. Император отметил, что всецело ему доверяет и что швейцарец от его имени «вел переговоры с представителями Италии, Франции и Англии, и у меня не имеется лица, надежнее его; так как разговор наш не должен переходить за стены этой комнаты, то ответственность за сохранение такового в тайне мы можем возложить всецело на него»⁵.

К сожалению, отношения Ильга с российским посланником не сложились ввиду сложного характера последнего и его желания оказывать влияние на эфиопскую внешнюю политику. Как отмечал Власов, «главными причинами

¹ Keller C. Alfred Ilg — Sein Leben und sein Wirken als schweizerischer Kulturbote in Abessinien. Frauenfeld, 1918. S. 10–14.

² Bairu Tafla. Menilek's Dipomatic Front: The Role of Alfred Ilg in Events Leading to the Conflict // ADWA-Victory Centenary Conference (Addis Ababa, 1996). Addis Ababa: Institute of Ethiopian Studies of Addis Ababa University, 1998. P. 13–33.

³ Донесение Н. К. Шведова в Главное управление РОКК. 2 марта 1897 г. // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 153. Л. 472–477 об.

⁴ См.: Bairu Tafla. Ethiopian Records of the Menilek Era — Select Amharic Documents from the Nachlass of Alfred Ilg, 1884–1900. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2000.

⁵ П. М. Власов — М. Н. Муравьеву. 15 февраля 1898 г. // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 142. Л. 25.

перемены послужили интриги г. Леонтьева (*российского советника Менелика. — Е. М.*) совместно с г. Ильгом, вызвавшие неудовольствие против нас Императора за то, что одновременно с прибытием нашим сюда прекратились из России такие крупные пожертвования, как оружие и патроны, получаемые Эфиопиею ранее. Г-м Леонтьеву и Ильгу удалось внушить Менелику мысль, что никому и ничему другому, как мне и моему индифферентизму к Эфиопии, следует приписать как прекращение даров из России, так и оставление без ответа возбужденных им чрез мое посредство ходатайств о высылке ему канонерок и инструкторов для артиллерии»¹. В феврале 1900 г. Власов был отозван.

В 1902 г. Государственный совет принял решение об учреждении в Эфиопии постоянной российской миссии во главе с министром-резидентом. На этот пост был назначен К. Н. Лишин. Отношения Ильга с этим дипломатом сложились гораздо удачнее, нежели с Власовым².

Болезнь Менелика, усиление давления на Эфиопию европейских держав, закончившееся разделом этой страны на сферы влияния Великобритании, Франции и Италии в 1906 г., интриги знати привели к ослаблению позиций Ильга при императорском дворе. В этот период он сблизился с временным поверенным в делах России в Эфиопии С. А. Лихачевым. Швейцарец конфиденциально информировал последнего о закулисной составляющей внешней политики, а также передал ему копии договоров, заключенных с Германией и Австро-Венгрией³. Ильг вышел в отставку в 1907 г., вернулся в Швейцарию и поселился в Цюрихе, где умер в возрасте 61 года 7 января 1916 г.

Таким образом, вся внешняя и внутренняя политика Эфиопии в течение нескольких десятилетий в значительной степени решалась при участии А. Ильга. В этой ситуации было очень сложно сохранить политический нейтралитет, непредвзятость, личную и финансовую репутацию, однако Ильг справился. Вся его деятельность была направлена на благо Эфиопии, а не какой-либо европейской державы. Политику России он поддерживал ввиду общности их интересов по сохранению сильной и единой Эфиопии. Богатая коллекция, долгие годы собираемая Ильгом, составила около 300 предметов, и включает керамику, одежду, украшения, оружие и музыкальные инструменты. С 2003 г. она выставлена в Этнографическом музее в Цюрихе⁴.

¹ П. М. Власов — М. Н. Муравьеву. 28 июня 1899 г. // АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 147. Л. 52.

² К. Н. Лишин — В. Н. Ламздорфу. 27 марта 1903 г. // АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 158. Л. 46–47 об.

³ С. А. Лихачев — В. Н. Ламздорфу. 17 апреля 1906 г. // АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 167. Л. 52–52 об.

⁴ См. каталог: Biasio E. Majesty and Magnificence at the court of Menilek — Alfred Ilg's Ethiopia around 1900. Zurich: Verlag Neue Zürcher Zeitung, 2004.

Москвитина (Сиим) А. Ю. (МАЭ РАН; ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

***Nyumba njema si mlango fungua uingie ndani:* актуальные символические и декоративные элементы в традиционной архитектуре Занзибара**

Особенности оформления дверных проемов — характерная черта городской архитектуры Занзибара и городов суахилийского побережья (Кения, Танзания, Мозамбик). Двери со скульптурной резьбой — выразительный элемент городского ландшафта в Восточной Африке. Именно двери, а не дома, частью которых они являются, считаются объектами культурного наследия. В докладе рассматривается ареал распространения явления, история возникновения традиции и ее нынешнее состояние, технологии изготовления, практическая и символическая функция дверей в восточноафриканской культуре. Занзибарские двери делятся на типы в зависимости от формы, орнаментации и характера надписей; в названиях типов отражена информация об этнокультурной идентичности их изготовителей и владельцев. Доклад основан на полевых материалах и музейно-экспозиционной практике.

В период расцвета Занзибарского султаната на входах в городские дома устанавливались декорированные двери из ценных пород дерева в знак демонстрации высокого статуса владельцев. В настоящее время в историческом центре Занзибара (Стоун Таун) сохранилось более тысячи дверей, занесенных в муниципальный реестр. Двери различаются по стилям и периодам: в первой половине XIX в. преобладали прямоугольные «арабские» и их упрощенная разновидность — «суахилийские» двери, в конце XIX в. в моду вошли «индийские» («гуджаратские»), позже появился смешанный стиль. На многих, особенно «индийских», дверях есть ряды выпуклых металлических набоек (умбонов) либо шипов. Это характерный элемент архитектуры эпохи Моголов: острые выступы на воротах крепостей выполняли защитную функцию как препятствие для атак кавалерии и боевых слонов. Впоследствии их предназначение свелось к декоративному и магическому: они символизировали неприкосновенность дома как личного пространства.

Дверные наличники, притолоки и арочные наддверные панели декорированы художественной резьбой: растительным орнаментом и изображениями ваз с цветами и фруктами, кипарисов, пальм, подсолнухов, гроздей винограда, ананасов, а также животных (павлинов либо львов). Композиция, когда лев расположен у лап павлина, ассоциируется с ‘аламом Имама Хусейна: павлин символизирует бессмертие, лев — Имама ‘Али. Контуры фигуры павлина с расправленным и заостренным сверху хвостом ассоциируются с изображаемым на ‘аламах Ашуры кипарисом, важнейшим символом бессмертия у шиитов, а также рукой Фатимы (хамсой).

Вариативные сочетания базовых элементов орнамента могли иметь не одно символическое значение. Условное изображение звеньев цепи могло означать, что собственник дома — рабовладелец, пальма, роза или ладанное дерево говорили

о принадлежности дома плантатору или торговцу специями, что коррелирует с социальной иерархией плантационно-рабовладельческого общества в XIX в. Более убедительным представляется толкование этих элементов через универсальные образы, прижившиеся в мусульманском искусстве (пальма — знак изобилия, цветок лотоса и розетка — знак плодородия и процветания, ладан — знак благополучия и чистоты, цепь — безопасности и замкнутости). Интерпретации символов, однако, не представляются убедительными и актуальными. Маловероятно, что в период расцвета занзибарской архитектуры верили в защитный потенциал условных изображений, представленных в этих орнаментах; функция металлических шипов, умбонов и резных изображений свелась к чисто декоративной. И все же в декоре дверей остаются детали, охранная сила которых не подлежала сомнению. И это арабские надписи.

В картушах и прямоугольных рамках на притолоках дверей можно часто увидеть цитаты из Корана и формулы охранных молитв. В этих резных надписях представлены образцы разных классических почерков и каллиграфических шаблонов. Надписи либо их отсутствие — это наиболее индивидуализированный элемент двери. Варианты орнаментов для дверей не так разнообразны, как кажется на первый взгляд; в разных частях города можно найти десятки практически одинаковых, типовых дверей. Хотя тексты надписей тоже выбирают из стереотипного набора изречений и молитвенных формул, можно варьировать их количество, решать, какие из них наиболее эффективны в охранной функции. Если при выборе орнамента больше руководствуются эстетическими предпочтениями и стоимостью исполнения, то при выборе охранного текста важную роль играет также религиозный прагматизм. На многих дверях можно увидеть специально выделенные под надписи рамки и картуши с расчищенной для надписи поверхностью, по каким-то причинам оставшиеся незаполненными. Но это косвенно указывает, что именно надписи делались в последнюю очередь по личному выбору и решению заказчика.

Защитные молитвы могут быть представлены в разных формах, необязательно в виде вырезанного на двери текста. В современном городском пространстве можно увидеть много способов оформления входа в дом и своего рода декоративного и символического дополнения старинных дверей. Если на двери нет резной надписи, ее могут написать краской сверху на стене либо в пустующих участках, не заполненных резным орнаментом. Написанную краской надпись можно закрасить и сделать новую. Даже если надпись имеется, ничто не мешает нанести сверху дополнительные тексты по желанию. Также можно увидеть наклеенные на створки дверей листки бумаги либо стикеры с охранными формулами. Как бы ни были нагружены символическими значениями орнаментальные мотивы, никому не придет в голову рисовать их на стенах ни для красоты, ни для защиты. А коранические формулы актуальны всегда. Кроме того, именно надписи в арабской графике могли маркировать и христианскую религиозную идентичность владельцев здания (например, библейские цитаты на языке суахили в арабской графике в оформлении церковных дверей).

Нестерова Е. С. (Институт Африки РАН, Москва)

Позиция южноафриканской партии Демократический Альянс по вопросу о зимбабвийской миграции в ЮАР

Уже в течение многих лет серьезная проблема миграционного кризиса в ЮАР, вызванного обилием потоков легальных и нелегальных мигрантов, беженцев и просителей убежища (преимущественно из Зимбабве¹) остается нерешенной, что привлекло внимание южноафриканских оппозиционных партий (некоторые из которых, как Демократический Альянс, по итогам всеобщих выборов 2024 г. вошли в состав правительства национального единства (ПНЕ)).

Наиболее непоследовательным представляется подход второй крупнейшей партии в стране², Демократический Альянс (ДА). Еще в 2000-х гг. выступая за облегчение доступа международных рабочих на рынок ЮАР (цель состояла в создании благоприятной для бизнеса и привлекательной на интернациональном уровне среды для международных инвестиций³),⁴ ДА в 2007 г.⁵ выдвинул призыв (вновь партия вернулась к нему в 2019 г.⁶) об отправке всех зимбабвийских беженцев в лагеря беженцев (*refugee camps*)⁷. При этом, партия считала «экономическими беженцами» всех зимбабвийских мигрантов⁸. Исходя из политики ДА,

¹ Vanyoro K. The political Work of Migration Governance Binaries: Responses to Zimbabwean “Survival Migration” at the Zimbabwe-South Africa Border // *Refugee Survey Quarterly*. 2023 (42). P. 286–312. P. 287. URL: <https://doi.org/10.1093/rsq/hdad006> (дата обращения: 30.12.2024); Mangena F. Open border issues, crime and xenophobia in South Africa: some ethical insights // *JOCAP*. 2020. P. 29. URL: <https://jocap.domuni.eu/jocap/article/view/open-border-issues-crime-and-xenophobia-in-south-africa> (дата обращения: 08.12.2024).

² Monyani M., Mongae Mm. Africa: South Africa’s GNU Faces an Uphill Battle on Migration Policy // *ISS Today*. 07.10.2024. Institute for Security Studies (Tshwane/Pretoria). URL: <https://issafrica.org/iss-today/south-africa-s-gnu-faces-an-uphill-battle-on-migration-policy> (дата обращения: 04.01.2025).

³ Для ДА как для бизнес-ориентированной партии приоритетом является максимальное извлечение прибыли от использования иностранных работников при минимизации затрат, выделенных на выплату зарплат.

⁴ Heÿn H. M. Einflussmöglichkeiten von Oppositionsparteien im einparteiodominanten politischen System Südafrikas. Dissertation. Freie Universität Berlin. Berlin, Juni 2009. S. 78. URL: https://refubium.fu-berlin.de/bitstream/handle/fub188/893/Dissertation_Hans_Maria_Heyn.pdf (дата обращения: 22.12.2024).

⁵ DA-govt spat over Zim refugees continues // *Mail&Guardian*. 18 July, 2007. URL: <https://mg.co.za/article/2007-07-18-dagovt-spat-over-zim-refugees-continues/> (дата обращения: 22.12.2024).

⁶ Hirsch A. South Africa country study: migration trends, policy implementation, and outcomes. Migration governance reform in Africa program. January, 2024. 3rd MIGRA Report. / New South Institute. Government and Public Action. P. 28. URL: <https://nsi.org.za/wp-content/uploads/2024/01/South-Africa-Country-Study-%E2%80%93-Migration-trends-02-12-2023-V5.pdf> (дата обращения: 07.01.2025).

⁷ Culbertson P. E. Xenophobia: the consequences of being a Zimbabwean in South Africa. American University in Cairo. 2010. AUC Knowledge Fountain. P. 24. URL: <https://fount.aucegypt.edu/etds/2081/> (дата обращения: 13.12.2024).

⁸ Culbertson P. E. Op. cit. P. 24.

размещение в лагерях мыслилось не на временной, а фактически, на бессрочной основе¹, что автоматически превращало зимбабвийцев в глазах партийцев в людей второго сорта.

В дальнейшем курс на неприязненное отношение к приезжим был взят на вооружение бывшим членом ДА, в прошлом мэром Йоханнесбурга Х. Машабой. Он позволил себе ряд резких заявлений в отношении мигрантов, а также обвинил их в нагнетании криминогенной обстановки² и ухудшении жилищного кризиса³ в г. Йоханнесбург, что привело к маршам протеста со стороны зимбабвийцев и вызвало негативную реакцию посольства Зимбабве⁴.

В то же время позицию ДА нельзя назвать жесткой. В 2018 г. в своем «Иммиграционном плане» партия открыто осудила антииммигрантский настрой и объявила категорически неприемлемой идею возведения стен на границе с Зимбабве⁵. ДА также заявил о стремлении отменить введенные в 2020 г. положения, криминализирующие участие в политической деятельности беженцев и просителей убежища, а также запрещающие им выступать против репрессивных режимов без соответствующего разрешения министра внутренних дел⁶.

ДА давно придерживался точки зрения на необходимость предоставления зимбабвийцам-владельцам разрешений на проживание, ведение рабочей и учебной деятельности (*Zimbabwe Exemption Permit (ZEP)*), вида на жительство⁷, а как в до-⁸, так и в послевыборный⁹ период бывший лидер партии ДА Х. Зилле озвучила предложение по предоставлению им гражданства (подчеркнув важность задачи обеспечения должного пограничного контроля¹⁰, а после заявив в одном

¹ DA-govt spat over Zim refugees continues.

² Chaskalson J. Mashaba has incited xenophobia, says immigrants' spokesperson // *GroundUp*. 23.02.2017. URL: <https://groundup.org.za/article/mashaba-has-incited-xenophobia-says-immigrants-spokesperson> (дата обращения: 26.12.2024).

³ ЮАП сегодня. (Колл. монография). М.: Институт Африки РАН, 2020. С. 68.

⁴ Zimbabweans join protest against "xenophobic" Johannesburg mayor // *Nehanda Radio*. 21.12.2016. URL: <http://nehandaradio.com/2016/12/21/zimbabweans-join-protest-xenophobic-johannesburg-mayor/> (дата обращения: 26.12.2024).

⁵ Landau L. B. South Africa's Democratic Alliance plays populist immigration card // *The Conversation*. 22.10.2018. University of the Witwatersrand, Johannesburg. URL: <https://theconversation.com/south-africas-democratic-alliance-plays-populist-immigration-card-105222> (дата обращения: 26.12.2024).

⁶ Opportunity beyond borders. The DA's position on migration. P. 20. URL: <https://press-admin.voteda.org/wp-content/uploads/2022/03/Opportunity-beyond-borders-Policy-Summary-2.pdf> (дата обращения: 04.01.2025).

⁷ Ibid. P. 21.

⁸ SA Main Opposition Promises ZEP Holders Citizenship // *ZimEye*. 27.03.2024. URL: <https://www.zimeye.net/2024/03/27/sa-main-opposition-promises-zep-holders-citizenship/> (дата обращения: 08.01.2025).

⁹ Muonwa J. Zimbabwean migrant workers contribute immensely to South African economy, must regularise ZEP permits and stay — Democratic Alliance // *New Zimbabwe*. 05.06.2024. URL: <https://www.newzimbabwe.com/zimbabwean-migrant-workers-contribute-immensely-to-south-african-economy-must-regularise-zep-permits-and-stay-democratic-alliance/> (дата обращения: 08.01.2025).

¹⁰ SA Main Opposition Promises ZEP Holders Citizenship.

из широко разошедшихся интервью о «неразумности» решения «бездумного» изгнания мигрантов-рабочих¹) за ценный вклад зимбабвийских рабочих в государственную экономику, не забыв упомянуть о наличии многих высококлассных специалистов-зимбабвийцев в стране и необходимости привлечения еще большего их числа².

Новый министр иностранных дел Л. Шрейбер (ДА) с первых шагов обозначил промигрантскую позицию партийцев: расширил льготы для мигрантов, ожидающих решения по визам, и предоставил отсрочку по срокам обновления ZEP³, введя запрет на задержание, арест и депортацию держателей ZEP⁴ и взяв на себя обязательство по ликвидации задержки в рассмотрении 300 тыс. заявлений на приобретение визы к концу 2024 г.⁵ С целью стимуляции рынка труда он также упростил переход для владельцев ZEP на общие рабочие визы⁶.

С одной стороны, позиция Демократического Альянса ориентирована, помимо привлечения высококвалифицированной рабочей силы из Зимбабве, на приглашение низкоквалифицированных зимбабвийских работников (которым требуется платить меньше, нежели южноафриканцам). С другой — партию беспокоит вопрос нелегальной иммиграции из сопредельного государства, что обуславливается во многом материальными соображениями (незаконные мигранты не платят деньги в казну). Это позволяет ДА лавировать с нормами международного права, ссылаясь на необходимость обеспечения благополучия мигрантов, беженцев и просителей убежища, а также, предоставляет возможность ставить вопрос о легализации статуса отдельных категорий мигрантов (как в случае с торговцами⁷) с целью оживления экономики.

¹ Muonwa J. Zimbabwean migrant workers contribute immensely to South African economy, must regularize ZEP permits and stay — Democratic Alliance.

² Ibid.

³ Monyani M., Mongae Mm. Africa: South Africa's GNU Faces an Uphill Battle on Migration Policy.

⁴ Hirsch M., Chirume J. Last minute reprieve for Zimbabwe Exemption Permit holders // *GroundUp*. 29.11.2024. URL: <https://groundup.org.za/article/minister-extends-zimbabwe-exemption-permit-to-2025-at-the-eleventh-hour/> (дата обращения: 08.01.2025).

⁵ Leon Schreiber // *Mail&Guardian*. 20.12.2024. URL: <https://mg.co.za/report-cards/cabinet-report-cards-2024/2024-12-20-leon-schreiber-home-affairs/> (дата обращения: 08.01.2025).

⁶ Verkiesings 2024: Wat die groot politieke partye sê oor immigrasie // *Vuka.news*. URL: <https://vuka.news/af/onderwerp/demokrasie/verkieings-2024-wat-die-groot-politieke-partye-oor-immigrasie-s-%C3%AA/> (дата обращения: 08.01.2025).

⁷ За некоторыми торговцами-зимбабвийцами, пересекающими границу с ЮАР с целью ведения бизнеса, ДА предложил закрепить легальный статус с целью обеспечения непрерывности притока товаров, что лишний раз демонстрирует поддержку партийцами интересов бизнеса. DA Immigration Plan. 15.10.2018. 16 p. P. 9. URL: <https://press-admin.voteda.org/wp-content/uploads/2018/10/DA-Immigration-Plan-15-October-2018.pdf> (дата обращения: 02.01.2025).

Панцеров К. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Технологический суверенитет как фактор обеспечения деколонизации стран Африки к югу от Сахары: проблемы и перспективы¹

Передовые информационные технологии на протяжении долгого времени рассматриваются африканскими странами в качестве ключевого инструмента, который способен придать новый импульс развитию их экономики, сделав ее более инновационной.

Но глобальное информационно-технологическое доминирование США в мире дает нам возможность сделать вывод о том, что в настоящее время как огромные массивы информации, так и сами технологии распространяются весьма неравномерно. Таким образом, мы можем видеть все признаки информационно-технологической асимметрии, которую следует определить, как неравномерное распределение информации и технологий по всему миру. Сегодня можно наблюдать следующую ситуацию — информация, большие данные и сами передовые информационные технологии сосредоточены в наиболее развитых странах мира, которые накапливают информацию и новые знания, а затем экспортируют их в другие регионы планеты.

Можно попытаться объяснить природу этой асимметрии тем фактом, что указанные технологии появились в основном в США, а американские IT-компании продолжают оставаться крупнейшими производителями компьютерной техники. Отдельно следует сказать и об оптоволоконной подводной кабельной системе, которая представляет собой разветвленную систему подводных кабелей, которые соединяют континенты в единую сеть и формируют тем самым глобальный коммуникационный хребет. Однако все эти линии связи коммутируются преимущественно в США, в которых находятся крупнейшие центры обработки данных, которые обслуживают в том числе и африканский информационный рынок. Все это дает возможность США продолжать оставаться крупнейшим IT-хабом и практически полностью контролировать мировые информационные потоки.

Страны же Африки не располагают надлежащими ресурсами для создания на своей территории развитой информационно-телекоммуникационной инфраструктуры и осуществления цифровой трансформации своей экономики. В результате, чтобы достичь сегодняшнего уровня технологического развития западных государств, страны субсахарской Африки вынуждены обращаться за финансовой и технологической помощью к своим более развитым западным партнерам, что неизбежно приводит к увеличению их зависимости от западных технологий.

Современный уровень технологического развития ставит перед африканскими государствам новые вызовы. Сегодня ведущие мировые державы повышенное

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 25-28-00672.

внимание уделяют разработкам в сфере искусственного интеллекта (ИИ). Однако несмотря на то, что за последние 10 лет странам Африки удалось добиться значительных успехов в этом направлении, перед ними все еще стоит целый ряд серьезных проблем: это и обеспечение широкополосного высокоскоростного доступа к сети Интернет, и подготовка высококвалифицированных ИТ-специалистов, и создание ИИ-лабораторий и центров обработки данных, и разработка отечественного программного обеспечения.

Особое внимание при этом следует обратить на создание сети центров обработки данных и отечественного программного обеспечения (ПО). Дело в том, что в настоящее время на континенте наблюдается крайняя диспропорция распределения центров обработки данных по континенту. Сегодня в Африке южнее Сахары их около 60. При этом большинство из них расположены в ЮАР и принадлежат не африканским компаниям, а зарубежным ИТ-гигантам, таким как Microsoft, IBM, Amazon.

Что касается проблемы разработки отечественного ПО, то в настоящее время приходится констатировать, что основными поставщиками ПО для стран Африки продолжают оставаться Microsoft и другие западные корпорации, лицензии которых, как правило, не предполагают или вернее даже прямо запрещают вносить какие-либо изменения в программный код компьютерных программ.

Понятно, что для решения перечисленных выше задач требуются прочные финансовая и технологическая базы, которыми страны Африки по понятным причинам не обладают. В результате в основе любых технологических новаций, которыми так гордятся африканские государства, зачастую лежат западные технологии, а крупнейшие мировые ИТ-компании, такие как Microsoft, IBM и Google, под предлогом внедрения и локализации своих инновационных технических решений в ИТ-сектор стран Африки стремятся прочно закрепиться на перспективном африканском рынке. С одной стороны, это действительно приводит к появлению передовых технологий в Африке, но с другой — ставит под угрозу технологический суверенитет африканских стран.

При этом вопрос, каким образом следует решать указанную проблему, остается открытым. На сегодняшний день очевидно одно — африканским странам при создании национального информационно-коммуникационного пространства следует отказаться от идеи универсальности западных ценностей и стандартов и постараться не идти по пути их простого копирования, а попытаться создать инновационную экономику, которая была бы максимально адаптирована к потребностям африканских граждан. Решение этой задачи видится в создании благоприятных условий для проведения собственных НИОКР в сфере ИКТ в Африке.

Но проблема заключается в том, где африканские страны смогли бы найти достаточно денег для проведения этих исследований. Очевидный ответ на этот вопрос — через привлечение частных инвестиций. Но если эти НИОКР будут осуществляться исключительно на средства иностранных, преимущественно западных, инвесторов а в их основе будут лежать западные технологии, то все

они в конечном счете превратятся в новый и очень эффективный инструмент сохранения западного влияния в регионе.

В этой связи правительствам африканских стран следует продумать механизмы привлечения к решению этой задачи всех заинтересованных сторон: академические круги; бизнес, гражданское общество; политиков и регулирующие органы. Но самое главное — это вовлечение в IT-проекты местных, африканских инвесторов. Только в этом случае представляется возможным организовать эффективный обмен опытом и поиск оптимальных решений с целью удовлетворения конкретных местных и региональных потребностей.

*Поздняков К. И. (LLACAN, Париж, Франция),
Выдрин В. Ф. (INALCO-LLACAN, Париж, Франция)*

Лексическая и фонологическая реконструкция пра-нигер-конго: на пути к пра-нигер-конго

В последние 15–20 лет в вопросе о генетической принадлежности семьи манде к нигеро-конголезской макросемье возобладал скептический подход¹, что нашло отражение в авторитетных базах данных, таких как Glottologue и WALS. При этом каких-либо серьезных аргументов против включения манде в нигер-конго, не известных ранее, выдвинуто не было. Такая ситуация побудила нас к проведению экспертной оценки этого вопроса.

Нашей исходной целью была проверка гипотезы Джозефа Гринберга об общем происхождении языков манде с другими языковыми семьями, принадлежность которых к нигер-конго не вызывает сомнения у исследователей. Мы сравнили лексику пра-банту, представленную в Bantu Lexical Reconstructions², с лексикой языков манде, представленной в Comparative lexical database of Mande languages³.

В результате исследования показано следующее:

- В своем подавляющем большинстве сближения между манде и банту, упомянутые в работе Дж. Гринберга⁴, оказались надежными.

¹ Dimmendaal G. J. Africa's verb-final languages. In Bernd Heine & Derek Nurse (eds.). *The linguistic geography of Africa*, 272–308. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2008; Güldemann T. Historical linguistics and genealogical language classification in Africa // Tom Güldemann (ed.). *The languages and linguistics of Africa*. (The World of Linguistics. 11). P. 58–444. Berlin-Boston: De Gruyter Mouton, 2018.

² Bastin Y., André C., Kankawa E. M., Tilo C. S. Bantu lexical reconstructions 3 / Reconstructions lexicales bantoues 3. 2002. URL: <http://linguistics.africamuseum.be/BLR3.html> (accessed: 15.01.2025).

³ Vydrin V. Comparative lexical database of Mande languages. 2000. URL: <http://cormand.huma-num.fr/mandecomp/interface.php> (accessed: 15.01.2025).

⁴ Greenberg J. H. Studies in African linguistic classification. Part 1. Introduction; the Niger-Congo family // *Southwestern Journal of Anthropology*. 1949. 5(2). P. 79–100.

- В модифицированном 100-словном списке Сводеша общая лексика пра-манде и пра-банту составила 53 %. Такой высокий показатель является неопровержимым доказательством генетического родства между этими двумя семьями, а значит — принадлежности семьи манде к нигеро-конголезской макросемье.
- Дополнительным доказательством родства является сам факт того, что пра-языки семей среднего уровня оказываются существенно ближе друг к другу, чем современные языки-потомки. Такое схождение пра-языков соответствует модели генетического древа: чем больше времени прошло с момента разделения общего пра-языка, тем больше различаются языки-потомки.
- Общее количество выявленных сравнительных серий в манде и в банту равно 176; кроме того, в список включены 26 корней пра-манде, потенциальные когнаты которых обнаружены в других семьях нигеро-конголезской макросемьи (сравнение с которыми проводилось нами значительно менее тщательно, чем с банту). Реконструируемые корни, рефлексy которых представлены в этих сериях, могут считаться основой общего нигеро-конголезского корневого фонда.
- Каждая сравнительная серия была оценена по 6-балльному индексу надежности. Этот индекс включает в себя следующие факторы: распространенность рефлекса в семье банту (надежными признавались корни, представленные не менее чем в 8 зонах из 16), распространенность рефлекса в семье манде (надежными признавались корни, представленные в обеих ветвях семьи, или в 5 и более группах западной ветви), фонетическая надежность рефлексов, семантическая близость рефлексов, наличие рефлексов в языках семьи бенуэ-конго вне банту, наличие рефлексов в других семьях нигеро-конголезской макросемьи. Более половины всех обнаруженных сравнительных серий получили оценку 5 или 6, и лишь небольшая часть получила 3 балла (серии, не набравшие 3 баллов по индексу надежности, в наш список не включались).
- Были установлены регулярные фонетические соответствия между начальными согласными пра-манде и пра-банту, что позволило нам предложить предварительную реконструкцию начального консонантизма пра-нигер-конго:

Таблица 1. Предварительная реконструкция нигеро-конголезских начальных согласных

*p	*t		*k	*kp
*b	*d	*j	*g	*gb
*f		*s	*x	*xw
*ɸ	*d'	*y'	*g'	
*w		*y	*y	

Попов В. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

К дискуссии о концептах «племя», «вождество» и «раннее государство» в современной африканистике

В докладе рассматриваются различные трактовки концептов «племя (tribe)», «вождество (chiefdom)» и «раннее государство (early state)». В зарубежной политической антропологии «племя» определяется как сегментарная политическая структура, в которой каждый сегмент (как по линии общинных, так и по линии родовых/клановых институтов) экономически независим, а лидерство носит личный характер и не предполагает каких-либо формализованных должностей (аппарат управления в целом отсутствует). В эволюционистских схемах племя обычно помещается между первобытной общиной и вождеством.

В советской этнологии в целом и в этнологии Тропической Африки в частности преобладали этнический и социальный конструктивизм, экстраполировавшие в прошлое умозрительные модели марксистской теории первобытности. «Племя» декларировалось как первобытный этнопотестарный (этносоциальный) институт, сочетавший первичную форму этнической общности (в рамках известной триады «племя — народность — нация») и потестарную организацию. Однако к концу XX в. была осознана терминологическая неоднозначность понятия «племя», то есть понятие «племя» потеряло свою былую концептуальность.

В настоящее время российские этнологи, в том числе и африканисты, избегают использовать концепт «племя» и применяют термин «этнос» и его производные («этническая общность», «этническая группа» и др.), а также понятие «народ», не имеющих стадияльной привязки и не вызывающих ассоциаций с первобытностью.

В политической антропологии Африки «племя (потестарное племя)» стали заменять термином «вождество». Вместе с тем и концепт «вождество» не столь однозначен и эвристичен. Фактически, вождество — это промежуточная (между общиной и ранним государством) форма социополитической организации с централизованным управлением и наследственной иерархией вождей и знати, где существует социальное и имущественное неравенство, однако нет формального и тем более легального репрессивного аппарата.

Большинство исследователей считают вождество универсальной стадией в эволюции политических организаций, что часто приводит к «подгонке» конкретного материала под «модный» концепт. Иными словами, вождествами или их аналогами стали определять любые раннеполитические образования (включая и ранние государства), в которых наблюдаются признаки социальной иерархии и наличие потестарного аппарата.

Попова К. И. (ИНИОН РАН, Москва)

Христианские миссии в Африке как объект изучения в работах восточногерманского историка Х. Лота

Хайнрих Лот, один из самых крупных историков-африканистов в ГДР, на протяжении нескольких десятилетий своей научной работы занимался темой христианских миссий в Африке, их взаимосвязи с колониализмом и влиянии на африканцев. Проследить его взгляды на эту проблематику можно при изучении работ разных лет. Поднятые Х. Лотом вопросы стали дискуссионными среди историков колониализма. Так, с 1980-е гг. в своих работах ему оппонировал западногерманский историк Хорст Грюндер¹.

В первой работе, посвященной христианскими миссиям в Африке и опубликованной в 1960 г.², Х. Лот показывает роль христианских миссионерских обществ начиная с XV в. Он формулирует тезис о том, что именно христианские миссии с начала своего проникновения в Африку подготавливали почву для дальнейшего колониального раздела, обосновывая это тем, что именно христианские общества первыми приобретали землю и создавали свои хозяйственные предприятия. Вокруг них вырастала необходимая инфраструктура и развивалась торговля товарами и ресурсами, получаемыми за счет труда африканцев. Также именно миссионеры внедрили экономику монокультур, например, хлопок в Уганде или какао в Гане. На миссионерских плантациях использовался принудительный труд местных жителей. Также он разбирает пример немецких миссий, которые на протяжении второй половины XIX века лоббировали завоевание Германией тех земель, где они действовали, а затем выступали посредниками и переводчиками между колониалистами и местными вождями. Приводит он и схожие примеры действий католических миссий в интересах других государств.

Х. Лот описывает обращение в христианство как инструмент получения миссиями рабочей силы и как инструмент влияния на африканцев. Он считает, что христианские школы и в современное ему время (конец 1950-х гг.) служат инструментом управления образованием, приводя в пример ЮАР. Характеризуя деятельность миссий в XX в., он считает их главной задачей антикоммунистическую пропаганду и попытки сгладить националистические настроения, выдвигая возможности для сотрудничества африканцев с церковными организациями. Эта работа во многом представляет собой актуальную для ГДР политическую риторику антиимпериализма и антиколониализма, подкрепленную историческими фактами о работе миссий.

¹ Gründer H. *Christliche Mission und deutscher Imperialismus: eine politische Geschichte ihrer Beziehungen während der deutschen Kolonialzeit (1884–1914) unter besonderer Berücksichtigung Afrikas und Chinas*. Paderborn Ferdinand Schöningh, 1982.

² Loth H. *Kolonialismus unter der Kutte*. Berlin, 1960.

В 1985 г. Х. Лот возвращается к теме христианских миссий в книге «Между Богом и хлопком. Берлинская конференция 1884/85 гг. по разделу Африки и критика колониализма христианскими миссиями»¹. В ней он опровергает однозначность своих более ранних тезисов и приводит аргументы в пользу того, что в кайзеровской Германии существовало христианское движение, включавшее и миссионеров, которое выступало против колониализма. Автор приводит цитаты из документов, которые он исследовал в Потсдамском колониальном архиве. Он рассматривает возникновение и циркуляцию антиколониального дискурса миссионерских обществ до и во время Берлинской конференции, а также антиколониальные действия христианских кругов до начала Первой мировой войны. Он отражает критику рабства и работорговли, принудительного труда и в целом жестокого обращения с африканцами со стороны части миссионеров. Также он приводит примеры поддержки некоторыми миссионерами антиколониальных восстаний в Африке. В этой работе Х. Лот сам акцентирует внимание на том, что исследование многих аспектов колониализма, в том числе и деятельности христианских миссий, нуждается в дальнейшей разработке и говорит о том, что оценка деятельности христианских миссионеров должна стать более разнообразной.

Работы Х. Лота представляют интерес для историографического изучения и отражают динамику взглядов восточногерманского исследователя на протяжении 25 лет: от работы, политически ангажированной и во многом агитационной, до углубленного исторического исследования на основе архивных документов. Тема распространения религий по Африке затрагивалась и в других работах Х. Лота, что делает его вклад в изучение этой проблематики достаточно объемным для того этапа развития историографии колониализма в Африке.

Прохоров К. Н. (ИЯз РАН, Москва)

Глагольная морфонология и гармония гласных в языке ампар-кора²

Ампар-кора («язык догон», «язык ампар»), далее — *ампар*) является родным языком для жителей 20 деревень, 19 из них расположены в сельской коммуне Пиняри (фр. *Pignari*) в регионе Мопти (*Région de Mopti*). Коммуна Пиняри расположена в западной части Страны Догонов — исторической области на востоке Республики Мали в районе плато Бандиагара и долины Сено.

¹ Loth H. Zwischen Gott und Kattun: die Berliner Konferenz 1884/85 zur Aufteilung Afrikas und die Kolonialismuskritik christlicher Missionen. Berlin: Union Verlag, 1985.

² Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 24–28–01774 «Малоописанные и неописанные языки Республики Мали и Буркина-Фасо: бобо и ампар-кора».

В настоящем исследовании используются данные диалекта деревни Нандо, собранные автором в ходе лингвистических экспедиций в 2012, 2014, 2022 и 2024 гг. На сегодняшний день база данных включает более 1300 глоссированных примеров и более 1400 лексических единиц с аудиофиксацией.

В центре внимания работы находится гармония гласных по признаку продвинутости корня языка (*advanced tongue root*, далее — ATR), ограниченная в ампарии гласными среднего подъема. Такая «средняя», не полная гармония по [ATR] типична для языков догон в целом (ср. Heath 2008, 2016, McPherson 2013, Плунгян 2000¹) и характерна для большого числа западноафриканских языков (Rolle et al. 2020: 137)².

В ампарии представлена прогрессивная и регрессивная гармония гласных. Первая из них проявляется наиболее ярко в процессе образования форм перфектива, у которых алломорф конечного гласного основы выбирается по признаку [ATR] корневого гласного. Регрессивная гармония обнаруживается в императивных формах, у которых конечный гласный основы *a* или *o* не сочетается корневыми [-ATR] гласными *ε*, *ɔ*, что приводит к их замене на [+ATR] *e* и *o*.

Прогрессивная гармония носит ограниченно автоматический характер. Ее лексические ограничения связаны: (1) с наличием в ампарии основ с корневыми *i* *b* *u*, которые, как и в большинстве языков догон, могут требовать как [+ATR], так и [-ATR] алломорфа; (2) с наличием односложных основ, у которых отсутствует корневой гласный. Данные ограничения указывают на наличие в языке 2 лексических гармонических классов [-ATR] и [+ATR]. При сопоставлении форм перфектива и императива также обнаруживается третий гармонический класс. Основы данного класса имеют корневой гласный *a* и при образовании перфектива выбирают [+ATR], а при образовании императива — [-ATR] алломорф конечного гласного. Такой гибридный, фонетически неинтерпретируемый статус *a*-класса, также указывает на ограниченно автоматический характер прогрессивной гармонии.

Не во всех случаях прогрессивная гармония может быть охарактеризована, собственно, по признаку [ATR]. При образовании императива конечный гласный основы выбирается в зависимости от корневого гласного: [-ATR] основы и A-основы требуют *a*, а [+ATR] основы — *o*. При этом гласные *a* и *o* фонологически не противопоставлены по этому признаку. Более того, при образовании перфектива, *a* в качестве триггера гармонии ведет себя как [+ATR] гласный, так же, как и *o*. Однако процесс выбора алломорфа при образовании императива структурно схож с [ATR] гармонией в перфективе и по этой причине его следует признать частью той же системы.

¹ Heath J. A Grammar of Jamsay. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2008; Heath J. A grammar of Donno So or Kamma So. Language Description Heritage. 2016; McPherson L. A Grammar of Tommo So. Berlin; Boston: De Gruyter, 2013; Плунгян В. А. Морфонологические процессы в языке догон // В. А. Виноградов (ред.). Основы африканского языковедения: Морфемика. М.: Восточная литература, 2000. С. 291–299.

² Rolle N., Lionnet F., Faytak M. Areal patterns in the vowel systems of the Macro-Sudan Belt // *Linguistic Typology*. 2020. Vol. 24. No. 1. P. 113–179.

Важной особенностью прогрессивной гармонии является ее «глубинный» характер в сравнении с другими процессами чередования гласных. В императиве прогрессивная гармония у [-ATR] основ требует конечного гласного *a*. Регрессивная же гармония вызывает чередования $\varepsilon \rightarrow e$, $\sigma \rightarrow o$ в корне [-ATR] основ при таком оформлении императива, что указывает на то, что прогрессивная и регрессивная гармония применяются последовательно.

Регрессивная гармония, напротив, может пониматься как автоматический фонологический процесс, четко увязанный с признаком [ATR]. При этом следует учитывать, что в ампаре можно говорить только о регрессивной [+ATR] гармонии. В собранных данных, случаи чередования корневого гласного вида $e \rightarrow \varepsilon$, $o \rightarrow \sigma$ под влиянием конечного гласного отсутствуют.

На оформление глагольных основ по правилам прогрессивной и регрессивной гармонии накладываются «поверхностные» процессы элизии гласных на стыке морфем. Элизия не является гармоническим процессом. Формы, образовавшиеся в результате элизии, могут носить дисгармонический характер.

Савельева Д. И. (Институт истории СПбГУ, Санкт-Петербург)

Эфиопия и Нубия в «Хронике» Иоанна Никиуского¹

«Хроника» Иоанна, епископа египетского города Никиу, написанная, по всей видимости, на греческом языке в конце VII в., дошла до нас только в переводе на язык геэз, сделанном в 1601 г. с несохранившегося арабского перевода оригинала. «Хроника», будучи памятником ранневизантийской историографии, представляет собой описание всеобщей истории от сотворения мира до арабского завоевания Египта, свидетелем которого явился ее автор. Несмотря на то, что ученые в основном обращались к сочинению коптского хрониста при изучении истории ранней Византии, прежде всего рассматривая его как уникальный источник по арабскому завоеванию Египта, «Хроника» содержит в себе немало других ценных исторических данных, о чем свидетельствуют неизвестные по другим источникам сюжеты. Среди таких сюжетов — упоминания Эфиопии и Нубии в тексте «Хроники», которые будут рассмотрены в данном докладе. На наш взгляд, пристальное внимание к отдельным эпизодам позволяет рассматривать «Хронику» как единое оригинальное произведение.

Сюжетов об Эфиопии и Нубии в сочинении значительно меньше, чем об упомянутом выше Египте. Однако наличие подобных сюжетов позволяет определить источники, на которые мог опираться Иоанн Никиуский при составлении своей «Хроники». Принято считать, что основным таким источником была

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22–18–00493, выполняемый на базе Санкт-Петербургского государственного университета.

всемирная «Хронография», составленная Иоанном Малалой в VI в., что, в целом, подтверждается отдельными эпизодами об Эфиопии и Нубии. Это в основном касается мифологических сюжетов и библейской истории.

При этом уже в сюжете об Александре Великом и его завоеваниях Иоанн Никиуский явно отходит от текста Иоанна Малалы, посвящая треть повествования о македонском царе царице Кандаке. Здесь мы видим, что коптский епископ называет Кандаку царицей Абиссинии, в то время как Малала, который, в свою очередь, вероятно, мог использовать «Роман об Александре», локализует ее царство в Индии. Отметим, что при этом Иоанн Никиуский считает, что абиссинцы и индийцы живут по соседству, упоминая также в одной из глав существование «страны эфиопов», которая включала в себя три индийских и четыре абиссинских царства. Из этого следует, что коптский епископ опирался на рассказ о царице Кандаке из другого источника, сведения которого показались ему более убедительными. В данном случае мы можем осторожно предположить, что Иоанн Никиуский мог почерпнуть такую информацию из Деяний святых Апостолов (Деян. 8:27), где упоминается другая Кандакия как царица Эфиопская, либо из источника, который включал в себя эти сведения.

Особый интерес также представляют эпизоды об участии абиссинских и нубийских войск в сражениях, включая рассказ из сочинения Иоанна о персидском царе Камбизе (530–522 гг. до н. э.), а также отдельные сюжеты о Нубии и Эфиопии, которые считаются уникальными в связи с отсутствием первоисточника, которым мог пользоваться автор всемирной «Хроники».

Сидорова Г. М. (Дипломатическая академия МИД России, Москва)

Политика Франции в Африке в эпоху глобальных перемен

Доклад посвящен современному этапу взаимодействия экс-метрополий (на примере Франции) и африканских государств. Цель исследования заключается в выявлении особенностей новой волны деколонизации в странах Западной и Центральной Африки и анализе африканской политики Франции.

В XXI столетии политика Франции в Африке претерпела значительные перемены. Традиционные связи, которые были установлены республикой с далеким континентом еще в XIX веке, заметно ослабли. Это связано не только с формированием нового международного пространства, но и с тем фактором, что политические элиты африканских государств стали грамотными и прагматичными. Концептуальные основы зависимости африканских государств от Франции были заложены генералом Шарлем де Голлем еще в 1950-х гг. Он создал некое объединение — Французский Союз с последующим его преобразованием в Свободную

ассоциацию, что позволяло и дальше сохранять контроль над колониями¹. «Будущее ста десяти миллионов мужчин и женщин, живущих под нашим флагом, состоит в федеративной форме государственного управления», — писал политик². Такая федерация создавала иллюзию свободы африканцев, на деле же была предтечей зарождавшегося неокOLONИализма. После предоставления независимости многим африканским народам в 1960 году главным лозунгом Франции стал тезис «Уйти, чтобы остаться!». По меткому высказыванию академика А. О. Чубарьяна, «это не просто метафора, а суть политического подхода, и сегодня он сохраняет свое значение и силу»³.

1960 год, год Африки, когда большинство стран континента освободились от колониальной зависимости, стал новым рубежом в африканской политике Франции. Среди ближайшего окружения де Голля нашелся грамотный и умный идеолог, который заложил основы новой африканской политики. Это был Ж.Фоккар и его «инструмент» «Франсафрик», с помощью которого Франция еще долгие годы использовала так называемые «привилегированные» отношения с Африкой для своего блага и обогащения. В результате этой политики прямое колониальное господство заменилось контролем над всеми жизненно важными сферами деятельности африканских государств. Франция получила эксклюзивное право, как на разработку африканских недр, так и на местные рынки сбыта. По словам одного из французских дипломатов, «“Франсафрик” — это не объединение и не союз государств, это некоторое понимание того, что бывшие французские колонии в Африке, точнее их лидеры, имеют особые отношения с лидерами Франции и могут рассчитывать на помощь Парижа даже в самые трудные для себя времена»⁴. Французский политик, экономист по образованию, основатель неправительственной организации «Выживание» (Survie) Ф. Х. Вершав, посвятивший свою жизнь разоблачению неокOLONИализма, в своей книге «Черное молчание: Кто остановит Франсафрик» характеризует эту систему как мафиозную, называет ее «практикой поддержки диктатур, государственных переворотов и политических убийств, а также хищений средств и незаконного финансирования политических партий»⁵. «Франсафрик», — утверждают французские исследователи, — это «система господства, которая сочетает в себе официальные, известные, видимые механизмы, принятые на себя государствами, и оккультные механизмы, часто незаконные, иногда преступные, которые всегда остаются нераскрытыми»⁶.

¹ De Gaulle Ch. Memoires de guerre. T. 8. Paris: Pocket, 2011. 640 p. P. 179–180.

² De Gaulle Ch. Discours et messages. Paris: Ed. Plon, 2014. T. 2. P. 9.

³ Чубарьян А. Уйти, чтобы остаться. Александр Чубарьян о том, почему история колониализма опять актуальна. 3 февраля 2023. URL: <https://dzen.ru/a/Y9zqnVeUuQp16fCR?ysclid=m46s26kjoc333834986> (дата обращения: 02.12.2024).

⁴ Зубков Н. Франция продолжает "доить" колонии в Африке // *Коммерсантъ власть*. 19.09.2011. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7361918> (дата обращения: 07.12.2024).

⁵ Verschave F.-X. Noir silence: qui arrêtera la Françafrique? Paris: Ed. des Arènes, 2000. 597 p.

⁶ Borrel T., Boukari-Yabara A., Collombat B. L'Empire qui ne veut pas mourir. Une histoire de la Françafrique. Paris: Seuil, 2021. 1008 p.

На протяжении десятилетий власти Республики реставрировали свою африканскую политику, приспособляясь к новым геополитическим условиям. «Пальму первенства» удерживать становилось все сложнее, поскольку на африканском континенте появились новые игроки, способные конкурировать с Францией. Попытку оправдания внешней политики Пятой Республики в Африке предпринял и президент Э. Макрон. В своей книге «Революция», переведенной на русский язык, он пишет: «Я вижу Африку как землю обетованную, где мы должны заявить о наших амбициях и содействовать их осуществлению»¹. Однако, кроме демагогических заявлений, целостной картины концепции не получилось.

Более полувека Франции удавалось удерживать африканские государства в орбите своих интересов, однако, по всей видимости, настала пора перемен. Вполне можно согласиться с высказыванием о том, что наступил «кризис идей — отсутствие у французских властей какой-либо внятной стратегии действий на долгосрочную перспективу»².

В 2024 году появилось одно любопытное издание. Это — книга бывшего французского посла в России Ж. де Глиньясти под пессимистичным названием «Франция, сбившаяся с компаса дипломатия»³. Надо заметить, что откровения «без прикрас» официального лица, дипломата по поводу поиска новых путей французской дипломатии стали весьма неожиданными для отечественных исследователей. Ж. де Глиньясти признает, что международный авторитет Франции заметно ослаб, что надо в корне менять политику, чтобы восстановить славное прошлое республики. «Она [Франция. — Г. С.], — пишет он, — не может больше поддерживать безопасность ни в Европе, ни в тех регионах мира, где еще пользуется влиянием <...> Она находится в весьма деликатных отношениях с франкофонскими странами Африки⁴, с большей частью европейских стран-членов Евросоюза, а также со странами Магриба»⁵. В главе «Париж больше не может адаптироваться к мультиполярности в Африке» Посол уточняет, что французские политики стали избегать упоминания «Франсафрик», которое раньше было ключом к взаимопониманию и «братским» отношениям с африканскими государствами. А отечественный исследователь В. Р. Филиппов назвал события 2020-х годов в Африке «началом конца “Франсафрик”»⁶.

¹ Макрон Э. Революция. (Пер. с фр., коммент. Ф. Юрковича). М.: Издательство Московского университета, 2019. С. 203.

² Чихачев А. Ю. Африканская стратегия Эммануэля Макрона глазами экспертно-аналитического Сообщества Франции // Африканский вектор внешней политики Франции: трудное расставание с «Франсафрик». Институт Европы РАН. М.: Институт Европы РАН, Весь Мир, 2024. С. 18.

³ De Glinasty J. France, une diplomatie déboussolée. Paris: Ed. L'Inventaire. 2024. 205 p.

⁴ Термин «франкофония» был впервые употреблен в 1880 году французским географом Онезимо Рекло, который давал научную классификацию жителей планеты по языку.

⁵ Glinasty J. de. France, une diplomatie déboussolée. Paris: Ed. L'Inventaire. 2024. P. 11.

⁶ Филиппов В. Р. Африканская политика президента Франции Э. Макрона: хроника действий и эволюция идей (2017–2022 гг.). М.: ИАФР РАН, 2023. С. 135.

Таким образом, африканская политика Франции в XXI столетии не выдерживает критики. Меняется мир, меняется коренным образом отношения между государствами. Африканские страны и их лидеры прагматично подходят к выбору партнеров, и Франция — не единственное государство, с кем они намерены сотрудничать в обозримом будущем.

Суетина Ю. Г. (ИСАА МГУ, Москва)

Зоонимы в паремиологии хауса

Каждый народ в своей речи наряду со словами и словосочетаниями использует и устойчивые фразы, одну из разновидностей которых составляют паремии — пословицы и поговорки. Как и другие языки, язык хауса весьма богат пословицами и поговорками. Они широко используются в как в письменной, так и в устной речи.

В качестве материала для данного сообщения был использован сборник пословиц и поговорок хауса, собранных английским ученым А. М. Кирк-Грином и изданный в Нигерии в 1966 году¹. Сборник содержит 500 пословиц и поговорок с их переводом на английский язык. Сборнику А. М. Кирк-Грин дал название “Hausa ba dabo ba ne”, что переводится на русский язык как «Хауса — не фокус», т. е. хауса — это нечто настоящее.

Из этих 500 пословиц и поговорок зоонимы отмечены в 91. Большая часть из них — это названия домашних животных: собака, коза, козел, баран, верблюд, осел, кролик, конь, мышь/крыса, а также домашних птиц — курица, цыпленок, утка, а также немногочисленных диких животных.

Наиболее часто в паремиях хауса встречаются зооним «собака» (16 раз). Этот зооним очень часто встречается в паремиях хауса, но крайне редко в качестве главного действующего лица.

An aiki kare, kare ya aiki wutsiya? («Послали собаку, а собака посылает хвост?»). Эта поговорка употребляет в том случае, когда кто-то хочет переложить порученное ему дело на другого. Если видят что-то удивительно, то говорят: “Abin tamaki, kare na tallan tsire!” («Удивительно, собака торгует жареным мясом!») или “Sarautar Allah kare a bakin zomo!” («Власть Аллаха — собака в пасти кролика»).

“A dauki kare ran farauta?” («Взять собаку в день охоты») или ее вариант “A ciyad da kare ran farauta?” («Кормить собаку в день охоты»), что соответствует русской пословице «На охоту ехать — собак кормить», делать что-либо в последнюю минуту.

Две другие пословицы подчеркивают подчиненный характер собаки: “Alhakin kare ne mai shi ya kan bi” («Долг собаки — следовать за своим хозяином») и “Ba karenka yunwa ya bi ka” («Оставь собаку голодной, и она пойдет за тобой»).

¹ Kirk-Green A. M. Hausa ba dabo ba ne. Ibadan: Oxford University Press, 1966.

Из диких животных наиболее часто встречается в паремиях хауса гиена. Это может быть объяснено тем, что в отличие от льва или леопарда, которые не приближаются к жилищу человека, гиена по ночам подкрадывается к стоянкам фульбе или к деревням хауса. В некоторых паремиях гиена противопоставляется собаке: “Birnin kura ba a sa kare dillanci” («В городе гиены не поручают собаке торговать»), “Kura da kare ba su gama mazauni” («Гиена и собака не живут вместе»), “Ganin gida kare ya kan zargi kura, amma ba a daji ba” («Видя дом, собака оскорбляет гиену, но не в саванне»).

Гиены часто нападают на домашний скот и это нашло свое отражение в следующей пословице: “Da kukan kura da bacewar akwiya duk dāya ne” («Вой гиены и пропажа козы — одно и то же»). Другая пословица с зоонимом «гиена» синонимична по своему значению пословице “Ba a ba kare tallar tsire” («Собаке не поручают торговлю мясом»): “Ba a ba kura ajiyar nama” («Гиене не дают мясо на хранение»). И вот еще забавная пословица, в которой упоминается гиена: “Ba rikida kura ke da wuya ba, a yi wutsiya” («Не трудно превратиться в гиену, трудно обзавестись хвостом»). Эта пословица трактуется так, что легко что-либо начать, но трудно закончить. Русская поговорка «Лиха беда начало» является антонимом к поговорке хауса.

Зооним «козел» встречается в паремиях хауса только один раз: “A ranar tsafi bunsuru ne kudi” («В день жертвоприношения и козел — деньги»). Эта пословица напоминает о тех временах, когда хауса были язычниками, поклонялись идолам и приносили им в жертву черного козла.

Зооним «конь» встречается в паремиях хауса 7 раз. Например, “Doki dāya a fage ya fi gudu” («(Если) на поле один конь, (то) он самый быстрый»), “Gwanin doki wanda ke kansa” («Знаток коня тот, кто на нем»), т. е. тот, кто ездит верхом; “Tsohon doki ya fi sabon takalmi” («Старый конь лучше новой обуви»).

«Осел» встречается пять раз. На ослах хауса ездят, на них же перевозят различные грузы. Отсюда и поговорки “Mai jaki ya fi mai takalmi” («Имеющий осла лучше имеющего обувь»), т. е. («Лучше ездить на осле, чем ходить пешком»); “Nutun jaki da kaƙa a kai” («Отдых осла с грузом на спине»). Но традиционные правители хауса не могут ездить на ослах, поэтому существует и поговорка “Abin kunya sarki kan jaki!” («Позор сарки на осле!»).

Зооним «слон» упоминается 4 раза: “Wurin barnar giwa ba a kula da barnar biri” («Там, где ущерб нанес слон, не обращают внимание на ущерб, нанесенный обезьяной»), “Sawun giwa ya taka na rakumi” («След слона перекрывает след верблюда»). Имеется в виду, что всегда найдутся люди, которые либо выше тебя по положению, либо по богатству.

Из диких животных, помимо гиены чаще всего — 6 раз — упоминается в паремиях обезьяна: “Ko an kashe biri, ya riga ya yi barna” («Даже если обезьяну убили, она все равно нанесла ущерб»). “Ko biri ya karye, ya hau rumbu” («Даже если обезьяна сломала (лапу), она все равно заберется в зернохранилище»), “A fede biri har wutsiya” («Выложить всю правду»).

Из домашней птицы наиболее часто упоминается курица: “Mai hankali ya kan ba kaza ruwa ko da damuna” («Умный дает курице воду даже в дождливый сезон»), “Kwai a baka ya fi kaza a akurki” («Лучше яйцо во рту, чем курица в курятнике»). Эта поговорка соответствует по смыслу русской «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». У хауса можно часто слушать выражение “A bar kaza cikin gashinta!” («Оставь курицу в ее перьях!»), т. е. «Не буди лихо, пока спит тихо».

В паремиях хауса встречается и зооним «рыба»: “Kifi a ruwa sarki ne” («Рыба в воде — сарки»), “Kifin gijiya ba ya jin dadi” («Колодезная рыба (или рыба в колодце) не является счастливой»).

Татаровская И. Г. (Институт Африки РАН, Москва)

Языковая политика колониальных властей Франции и Бельгии на примере языков лингала и санго

Процесс колонизации африканского континента был начат испанцами и португальцами в XV–XVI вв. Следом за ними на континент устремились представители и других европейских государств. Во время европейского колониального правления была провозглашена языковая политика, которая в дальнейшем сказалась на развитии местных языков. Каждая метрополия проводила свою языковую политику в Африке. Противоречивые подходы к языковой политике были обусловлены тем, что европейские миссионеры, колониальные чиновники и поселенцы имели разные мнения относительно того, как управлять своими подданными.

Французы считали свой национальный язык самым «культурным языком» и искренне полагали, что он выполняет цивилизаторскую миссию, поэтому колониальная администрация не поощряла изучение африканских языков. Следовательно, французский язык во французских колониях стал единственным официальным языком управления, образования и культуры. По мнению танзанийского исследователя Мохаммеда Хасана Абдулазиза следствием такой языковой политики стало то, что «африканские языки в районах, управляемых французами, были наименее развиты, если вообще развивались, на момент обретения независимости. Большинство из этих языков даже не приобрели орфографической системы»¹. Языковая политика Бельгии в Конго имела много общего с политикой англичан и немцев. Благодаря либеральному настрою бельгийского короля Леопольда II христианские миссионеры изучили и описали ряд языков коренных народов Конго. Они составили грамматики, словари, сделали переводы Библии. Миссионеры в церквях вели проповеди на местных языках и преподавали на них азы грамотности в начальной

¹ Abdulaziz M. H. The History of Language Policy in Africa with Reference to Language. Choice in Education // Towards a multilingual culture of education. 2003. P. 185. URL: <https://scholar.archive.org/work/qveipjmqm5aqreb4vtvzyb7qy/access/wayback/http://ahero.uwc.ac.za/index.php?module=cshe&action=downloadfile&fileid=81806115511891518112218> (дата обращения: 11.03.2024)/

школе. Однако эта благовидная на первый взгляд картина имела много невидимых внутренних изъянов.

Пример языка лингала и санго хорошо показывает, в чем заключалась языковая политика Франции и Бельгии и какую роль сыграли в ней христианские миссионеры. Язык лингала не обязан своим существованием естественному речевому сообществу. Лингвоним лингала является неологизмом, детищем католических миссионеров из Конгрегации Непорочного Сердца Девы Марии. Он появился на рубеже XX в. и постепенно утвердился благодаря многочисленным публикациям протестантских и католических миссионеров, которые стремились сделать его языком церкви и образования. Язык лингала, «улучшенный» миссионерами, и лингала, на котором говорили народы Конго, развивались параллельно.

В этом отношении история языка лингала схожа с историей языка санго в ЦАР. Лингвисты считают, что язык санго появился в XIX в. на основе языка нгбанди. Французские колониальные власти никогда не использовали этот язык в административных целях, в отличие от церкви. Миссионеры Римско-католической церкви и миссионеры нескольких протестантских миссий выбрали из нескольких местных языков язык санго для пропагандирования Слова Божия африканцам. В церкви прихожан знакомили с устным санго с помощью песнопений, проповедей, объявлений и публичного чтения отрывков из Библии. Во второй половине XX в. усилия по евангелизации были весьма плодотворными, в результате чего в ЦАР оказался самый высокий процент евангелистов в Африке.

Многие исследователи языка санго утверждают, что к XX в. практически вся литература на этом языке была религиозного характера. Исключение составляли написанные и изданные миссионерами несколько учебников, букварей и словарей языка санго. Однако каждая миссия имела свое видение языка, не существовало единого стандарта. Литература на санго нерелигиозного характера выходила редко. Это были главным образом буклеты по здравоохранению и сельскому хозяйству. Все эксперименты по внедрению санго в учебный процесс провалились. Э. Каран утверждает, что это связано с отсутствием надлежащей подготовки учителей, отсутствием поддержки правительства и финансирования. Однако главная причина, по мнению ученого, заключалась в беспокойстве родителей по поводу того, что дети не сдадут экзамен на знание французского языка и не получат разрешение на работу, не связанную с тяжелым трудом¹.

Поскольку летопись языка лингала и санго началась в колониальное время, описание и изучение их истории тесно связано с историей колониализма в Африке. В настоящее время наследие языковой политики бывших стран-колонизаторов воспринимается на африканском континенте отрицательно, однако и политика в области развития местных языков, проводимая в постколониальный период лидерами независимых африканских государств, была мотивирована в первую очередь политической целесообразностью, а не рациональным подходом.

¹ Karan E. Writing system development and reform. A process. Dakota, 2007. P. 252.

Туряница Д. А. (Институт Африки РАН, Москва)

«Цветное» население Южной Африки в общественно-политической жизни страны на рубеже XXI в.: источники по теме работы

Южная Африка является уникальной страной с разнообразной культурой и населением. В ЮАР проживают люди разного происхождения: черные, белые, индийцы и так называемое «смешанное» население — «цветные». Цветные представляют собой сообщество, которое сложно отнести однозначно к черным или белым. Более того, они во многом не являются «смешением» тех и других, что создает особую, ни на что не похожую группу людей. Происхождение цветных связано с появлением белых колонистов и их связями с автохтонным (койсанским) населением, а также рабами, завезенными из Юго-Восточной Азии, Африки и других стран. Таким образом, сформировалось сложное многогранное сообщество цветных. Большинство из них — приверженцы христианства, однако есть и узкая группа, которая относит себя к мусульманам. Они известны как капские малайцы.

Цветные проживают в основном в провинции Западный Кейп и частично в соседних провинциях — Северный и Восточный Кейп. Здесь важно подчеркнуть, что согласно последней переписи населения ЮАР от 2022 г., цветные являются самым многочисленным меньшинством в Южной Африке¹. Ранее это место занимали белые. Что касается провинции Западный Кейп, то по разным дополнительным подсчетам эта группа населения занимает от 40 до 50 % населения провинции. Это нехарактерно для других провинций, где преобладает (черное) африканское население. Такая демографическая ситуация не может не влиять на процессы, происходящие в этой провинции и ее столице — Кейптауне. Так, на первых выборах после отмены режима апартеида в 1994 г. Западный Кейп стал единственной провинцией, где Африканский национальный конгресс — партия национально-освободительного движения — не добился большинства. Кроме того, на протяжении последних пятнадцати лет Западным Кейпом руководит (ранее) оппозиционная к АНК партия Демократический альянс.

Еще одним негласным подтверждением проблем внутри сообщества цветных по итогу всеобщих выборов 2024 г. стала неожиданная для всех активизация малых т. н. «цветных» партий. Например, один из их руководителей Гейтон МакКензи, глава партии Патриотический альянс, вошел в созданное Правительство национального единства (ПНЕ) Сирила Рамапосы в качестве министра спорта, искусства и культуры.

Несмотря на противоречивый характер термина (на языке африкаанс *Bruinmense* и на английском *Coloureds*), большинство цветных нейтрально к нему относятся. Однако есть и те, кто называет этот термин наследием архитекторов апартеида и не

¹ StatsSA. Census 2022. Statistical Release. URL: https://census.statssa.gov.za/assets/documents/2022/P03014_Census_2022_Statistical_Release.pdf (дата обращения: 15.01.2025).

желают его использовать. Есть и те, кто, изучая прошлое своей семьи, требуют отменить название «цветные», заменив его на «койсанские народы». Существует также и новая тенденция, которая частично решает эту сложность. Часть цветных гордо называет себя «культурно» цветными, но «политически» голосуют как черные южноафриканцы.

Учитывая сложный характер темы работы, автор не стал ограничиваться исключительно источниками, относящимися напрямую к истории и политике Южной Африки, а использовал междисциплинарный метод исследования. Пристальное внимание было обращено на академические и публицистические работы на английском и на языке африкаанс, написанные непосредственно представителями общины и касающиеся разных гуманитарных предметов: истории, политики, филологии, социологии. Использовались и визуальные источники, такие как виртуальные материалы мем-сообщества *Vannie Kaap*, онлайн-портала *Bruinou* и онлайн-канала *Coloured Mentality*. Отдельно были рассмотрены работы молодых южноафриканцев цветного происхождения. В своих материалах эти молодые ученые ставили новые исследовательские вопросы и расширяли научную проблематику. В результате, грань между источником и историографией становится все более размытой.

Усачева В. В. (Институт Африки РАН, Москва)

Медиастратегия России в Африке и противодействие стран Запада

За последние годы Россия предприняла ряд усилий по возвращению инвестиций и бизнеса в Африку, но, к сожалению, не все эти шаги получили должную информационную поддержку. Вопрос о присутствии российского информационного продукта на африканском континенте и африканского — в Российской Федерации неоднократно поднимался многими экспертами, политиками, представителями СМИ.

У России могут быть проблемы с имиджем среди африканской политической и деловой элиты, отчасти из-за того, что Россия мало представлена в Африке по сравнению с советской эпохой. Большинство африканских СМИ получают свои глобальные новости от ведущих западных СМИ, которые, в свою очередь, имеют неприятную и давнюю привычку всегда изображать Россию в качестве авторитарного режима, иногда бандита, как было написано в одном «уважаемом» издании — «мирового гопника» (*world's bogeyman*).

Россию обвиняют в том (и это общий нарратив), что она подрывает западное влияние, делает авторитаризм «нормальным» и даже эффективным, тем самым подрывая представления о демократии, и перекраивает сложившуюся систему международных отношений.

Успехи или даже просто активность России в Африке заставляет страны Запада пересматривать собственную политику на африканском континенте. Сложность современной ситуации требует от Запада по мнению аналитиков более «горизонтального и менее вертикального подхода к сотрудничеству», который, с одной стороны, должен оставаться принципиальным, но с другой — быть неоснованным на условиях. «Таким образом, западная помощь в сфере безопасности должна в конечном счете служить политическим целям, соответствующим ценностям и принципам трансатлантического сообщества, однако необходимая осмотрительность должна проявляться вверх по течению через политику контроля над вооружениями и вниз по течению через сопровождение и мониторинг — но не на этапе переговоров или политического взаимодействия, чтобы снять ощущение, что западная поддержка является политически мотивированной разменной монетой»¹.

Основной вызов в сфере информации на африканском континенте для России будет в попытках создания под эгидой Запада новых панафриканских СМИ, которые будут проводить «африканскую точку зрения», с африканскими интересами, но учитывая достижения западной демократии и гражданского общества.

России необходимо активизировать программы подготовки специалистов в области СМИ, курсов повышения квалификации. Именно занимаясь образованием журналистов и редакторов многие десятилетия Запад подчинял и по-прежнему подчиняет себе и своей идеологии информационную сферу в странах Африки.

Западные страны активно готовятся (судя по их аналитическим центрам) к противостоянию в информационном поле Африки с Россией. Любопытно, что они предлагают вспомнить времена холодной войны, когда на вооружение были взяты методы работы СССР — активные мероприятия (active measures). Работа велась средствами СМИ (ТАСС, «Новости», «Московское радио», «Известия», «Правда» и информационные отделы посольств), поддерживалась на культурно идеологическом уровне — Общества дружбы и другие общественные или политические организации, группы влияния. Главное, что подчеркивают западные критики, советская активность была, с одной стороны, иерархической, с другой — адаптивной.

С развитием мобильного интернета в Африке общение активно проходит в мессенджерах, в которых образуются группы поддержки России, сообщества с разным количеством участников, от 300 и больше. Борьба с Россией в социальных сетях протекает под лозунгом борьбы с дезинформацией. Любая независимая или не поддерживающая западные нарративы точка зрения маркируется как дезинформация и пропаганда Кремля.

Усиление влияния с помощью социальных сетей, по мнению западных наблюдателей, — один из ключевых аспектов медиастратегии России в Африке. Оно используется для того, чтобы посеять сомнения и укрепить доверие к альтернативным источникам новостей. И, в отличие от предыдущих кампаний, российские

¹ Drain M., Dolbaia T. Russia is still progressing in Africa. What's the Limit? / Centre for Strategic and International Studies. August 2023. URL: <https://www.csis.org/analysis/russia-still-progressing-africa-whats-limit> (accessed: 12.12.2023)

сети все чаще сотрудничают с местными акторами в африканских странах, чтобы лучше «замаскировать» свою деятельность. Интересно, что большая часть контента, распространяемого российскими СМИ в социальных сетях, не является «фальшивыми новостями», признают они, но в большинстве случаев носит поляризующий характер, разделяющий общество.

По мнению западных аналитиков (нужно отметить, южноафриканских в том числе), российская медиастратегия для Африки фокусируется на неконфликтных, не вызывающих противостояние нарративах. Социальные медиа играют критическую роль в компаниях российского влияния, представляя альтернативные западным точки зрения, «чтобы посеять сомнения и спровоцировать поиск правды на альтернативных новостных платформах». Российская стратегия заключается в использовании усталости от западных медиа и нарративов, Россия сотрудничает с местными деятелями в африканских странах, продвигая собственные нарративы и учитывая их взгляды и ценности.

В докладе анализируются основные направления медиастратегии России в Африке, ограничения и сложности, направления противодействия российской информационной политике со стороны стран Запада.

*Французов С. А. (ИВР РАН; Институт истории СПбГУ,
Санкт-Петербург)*

Принцип тетрархии в эфиопском Судебнике Фатха нагаст

Вплоть до падения монархии в Эфиопии в 1974 г. основой ее законодательства считался средневековый Судебник Фатха нагаст («Слава царей»), переведенный (а не переложенный!) в XVI в. с «Книги церковных канонов», которую составил по-арабски к 1238 г. коптский ученый и церковный деятель Абу-л-Фада'ил Ибн ал-'Ассал ас-Сафи. Глава IV этого сочинения посвящена институту патриаршества: II "Fetha Nagast" o "Legislazione dei re". Codice ecclesiastico e civile di Abissinia / Pubblicato da I. Guidi. Tradotto e annotato da I. Guidi. Roma: Tipografia della Casa editrice italiana, 1897. (Pubblicazioni scientifiche del R. Istituto Orientale di Napoli, T. II). P. 21–29.

(الشيخ الصفي أبو الفضائل ابن العسال ، المجموع الصفوي ، كتاب القوانين ... ، اعتنى بنشره وشرح مواده وإضافة تذييلات عليه الفقير الى رحمة مولاه جرجس فيلوثاؤس عوض ، الطبعة الأولى ، مصر : مطبعة التوفيق ، [١٩٠٨] ، ص. ١٩–٢٩).

Считалось, что патриархов во Вселенской Церкви не может быть ни больше, ни меньше четырех, причем они должны занимать престолы Римский, Александрийский, Эфесский (позже переместившийся в Константинополь) и Антиохийский. В докладе рассмотрены причины установившегося различия между данной тетрар-

хий и признаваемой халкидонитами пентархией, то особое положение, которое занимали в этой системе предстоятели Салоник, Иерусалима, Багдада, носившие титул католикоса. Кроме того, показано, как коптам, не имевшим собственной государственности, удавалось на протяжении полутора с лишним тысячелетий держать под контролем церковные структуры Эфиопского христианского государства, низводя местную церковь до положения рядовой митрополии, официально лишенной какой-либо автономии.

Фролова Н. С. (ИМЛИ РАН, Москва)

Три женских портрета на фоне Африки: англоязычные поэтессы Тропической Африки

Бытует мнение, что четкое разделение на гендерную литературу — удел незрелых литературных систем, признак чего-то отсталого в культурном плане недоразвившегося, словесности, находящейся на ранней стадии своего становления. Недаром все мы отчетливо понимаем цену явлению под названием «женские романы» (они же «розовые»), когда подразумевается массовая словесность, как правило короткие повести или рассказы или слезливые романы о любви с ходульными персонажами и шаблонными сюжетными ходами, иногда написанными, кажется, как под копирку. Такое явление характерно для всех практически литературных систем, причем авторами таких литературных упражнений вовсе необязательно являются женщины. При этом как правило присутствие на обложке женского имени невольно настраивает читателя на определенное снисходительное отношение. Африканский континент не является здесь исключением. Среди сотен достойных имен мужчин-литераторов едва ли назовешь хотя бы двадцать женских. Тем более интересным становится тот факт, что поэтессы Тропической Африки выделяются на фоне мужской писательской братии как не менее сильные авторы. Собственно романисток едва наберется единицы, а поэтическое творчество — сильная сторона именно женщин-авторов Тропической Африки.

В данном докладе рассмотрим три поэтических портрета — творчество угандийки Сьюзан Кигули (р. 1969), кенийской экспат-поэтессы Мисере Муго (1942–2023) и звезды нигерийской поэзии Promises Okikwe (р. 1970).

Все три пишут или писали на английском языке, принадлежат к двум поколениям писательниц, каждая по-своему переживает личную и общественную драму, которую ей выпало пережить у себя на родине. Для Кигули — это диктаторские режимы Оботе и Иди Амина, для Муго — социально-политическая нестабильность Кении, тюремное заключение и вынужденная эмиграция, для Окекве — гражданская война, военные перевороты, трайбализм, религиозная

нетерпимость. Общественно-политическая ситуация в творчестве каждой откликается глубоким переживанием, и при этом характеризуется уникальной поэтической системой, или набором изобразительно-выразительных средств. В докладе особенности и художественные достоинства поэтики трех поэтесс рассматриваются через призму их личностного переживания, выраженной в особенной стилистике творчества каждой, тем самым превращая пресловутую «женскость» творчества из виньетки ущербности в несомненное достоинство, являющее женское крыло поэзии Тропической Африки в подчеркнуто выигрышном свете.

Холматова П. С. (МЭ РАН, Санкт-Петербург)

Адаптация устных традиций народа хауса в цифровом пространстве

Устные традиции народа хауса, включающие в себя народные сказки, пословицы, поэзию, песни и исторические повествования, являются одним из важнейших элементов его культурной самобытности. Однако появление цифровых технологий изменило способы сохранения, передачи и потребления этих традиций. Интеграция цифровых технологий в культурную практику может привести к сохранению и более широкому распространению этих традиций, но она также может привести к потенциальной потере аутентичности и культурного и исторического контекста.

Социальные медиаплатформы, такие как Facebook, YouTube и TikTok, стали популярным местом для распространения устных традиций хауса. Там представлены анимированные версии традиционных народных сказок, что делает их доступными для молодой, технически подкованной аудитории. Эти платформы позволяют рассказчикам охватить более широкую аудиторию, преодолевая географические границы. Анимация стала одним из инструментов адаптации устных традиций хауса к цифровому пространству. Например, нигерийская анимационная студия Spine TV создала серию анимационных народных сказок хауса, таких как «Zomo The Rabbit», которые доступны на YouTube и других платформах. В этих мультфильмах традиционные сюжеты сочетаются с современными визуальными эффектами, что делает их привлекательными как для детей, так и для взрослых. Все чаще стала появляться анимация, созданная при помощи искусственного интеллекта. Визуальные и слуховые элементы цифрового повествования могут усилить эмоциональное воздействие устных традиций, делая их более запоминающимися для аудитории.

Усилия по оцифровке устных традиций хауса привели к созданию онлайн-архивов и баз данных. Например, проект Hausa Language Resource, осуществ-

вляемый Гамбургским университетом, содержит полную коллекцию народных сказок, пословиц и поэзии хауса в аудио- и текстовом формате. Эта инициатива не только сохраняет эти традиции, но и делает их доступными для академических исследований и образовательных целей. Аналогичным образом, Африканская инициатива по созданию сборников рассказов оцифровала ряд народных сказок хауса, сделав их доступными для преподавателей и студентов по всей Африке. Эти цифровые архивы играют важнейшую роль в обеспечении долгосрочного сохранения устных традиций хауса, особенно в условиях глобализации и культурной гомогенизации.

Центральную роль в поддержании и распространении этих традиций играют сказители *mai tatsuniya*, являющиеся своего рода хранителями культурных знаний и основным каналом передачи устных традиций. В цифровом пространстве роль рассказчика претерпела значительные изменения. На смену традиционному рассказчику часто приходят создатели контента, аниматоры или представители социальных сетей, которые адаптируют устные традиции хауса для онлайн-платформ. Возможно, эти цифровые рассказчики не обладают таким же культурным авторитетом, как традиционные сказители, но они играют важнейшую роль в обеспечении доступности устных традиций хауса для глобальной аудитории. Традиционные рассказчики полагаются на непосредственное взаимодействие лицом к лицу, что позволяет получать немедленную обратную связь и динамичное взаимодействие с аудиторией. В отличие от них, цифровые рассказчики работают в опосредованной среде, где аудитория зачастую пассивна и географически разбросана. Такой сдвиг может привести к потере общинных и интерактивных аспектов, которые являются центральными для традиционных рассказов. Кроме того, цифровые рассказчики часто отдают предпочтение фактору развлечения и виральности, что может привести к упрощению или искажению традиционных жанров. Несмотря на эти различия, цифровые рассказчики получают все большее признание как важные культурные посредники, преодолевающие разрыв между традицией и современностью в сохранении устных традиций хауса.

Одной из главных проблем адаптации устных традиций хауса к цифровому пространству является потенциальная потеря аутентичности. Традиционное повествование — это общинное занятие, которое основано на прямом взаимодействии между рассказчиком и аудиторией. Использование цифровых платформ, хотя и расширяет сферу применения этих традиций, может лишить их культурной и эмоциональной стороны. Коммерциализация устных традиций также может привести к искажению информации. Например, некоторые каналы и приложения на YouTube отдают предпочтение развлекательной ценности, а не культурной точности, что приводит к искажению традиционных сказаний. Такая тенденция чревата тем, что традиции превращаются в товар, лишенный своего первоначального смысла и значения. Цифровой разрыв остается серьезным препятствием для повсеместной адаптации устных традиций хауса. Многие

сельские общины, где эти традиции наиболее ярки, не имеют доступа к Интернету и цифровым устройствам. Такое неравенство ограничивает возможности этих общин участвовать в сохранении и распространении своего культурного наследия в цифровом формате.

Адаптация устных традиций хауса к цифровому пространству — это комплексный и непростой процесс. С одной стороны, цифровые технологии предлагают новые способы сохранения, распространения и возрождения этих традиций, обеспечивая их выживание во все более глобализованном мире. С другой стороны, переход на цифровые платформы рискует подорвать аутентичность и общинный характер этих традиций.

Хохолькова Н. Е. (Институт Африки РАН, Москва)

Декolonизировать — нельзя африканизировать: африканские интеллектуалы о проблеме трансформации науки и образования¹

Наследие колониализма и «асимметрии власти»² продолжают оказывать влияние на самые разные аспекты жизни стран и народов Африки. В условиях усиления информационного аспекта развития культуры проблемы неравноправия все более отчетливо проявляются в процессах, связанных производством, воспроизводством и трансляцией знаний. Современные африканские интеллектуалы, в числе которых историки, философы, экономисты и культурологи продолжают рассуждать и дискутировать о способах реорганизации науки и образования. Одной из очевидных составляющих дебатов, разворачивающихся на страницах книг и журналов, а также на различных академических площадках, стала дилемма, связанная с определением принципа, которым следует руководствоваться в ходе преобразований. Ее суть сводится к формулировке «деколонизировать (–) нельзя (–) африканизировать», смысл которой участники обсуждения определяют постановкой знака препинания.

Вышеозначенная дилемма, как и сама проблема переустройства системы производства знаний, не нова. Однако в последнее десятилетие она приобрела особую остроту. Поводом для актуализации дискуссий о трансформации науки и образования стало развернувшееся в 2015 г. в Университете Кейптауна и вызвавшее широкий резонанс движение #Rhodesmustfall. В то же время обсуждения стали одновременно частью и следствием совокупности культурных поворотов, свершив-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00439, <https://rscf.ru/project/25-28-00439>.

² Arowosegbe J. O. African Scholars, African Studies and Knowledge Production on Africa // *Africa*. 2016. Vol. 86. № 2. P. 324.

шихся в последней трети XX в. и включивших в себя помимо постколониального интерпретативный, рефлексивный, пространственный и другие повороты¹.

С середины XX в. лидеры африканских государств, общественно-политические деятели и представители академической среды, в числе которых нигерийский политолог Клод Аке (1939–1996), ганский философ Квази Виреду (1931–2022), сенегальский ученый Шейх Анта Диоп (1923–1986), угандийский философ и юрист Дани Набудере (1932–2011), первый президент Ганы Кваме Нкрума (1909–1972), первый президент Танзании Джулиус Ньерере (1922–1999), обращались к проблеме разработки новых принципов, методов и подходов в изучении и преподавании истории и культуры африканского континента. В XXI в. их дело продолжили современные интеллектуалы: нигерийский философ Адешина Афолаян, южноафриканский философ Эфраим Гвараванда, камерунский философ и политолог Ахилл Мбембе, зимбабвийский историк Сабело Ндлову-Гатшени, камерунский антрополог Фрэнсис Ньямнджо, нигерийский историк Тоин Фалола.

В настоящее время, как и шестьдесят лет назад, одна часть представителей интеллектуального сообщества призывает к «африканизации» и «индигенизации» академического пространства, в то время как другая — отвергает такой подход, называя его «ретрогрессией»² и высказывая опасения относительно возможных результатов его применения — изоляции и маргинализации науки в Африке. В рамках доклада предполагается проследить динамику дискуссии, проанализировать позиции современных мыслителей и обозначить ключевые тенденции развития науки и образования в странах Африки южнее Сахары.

Шатохина С. А. (СПбГПМУ, Санкт-Петербург)

Локативные конструкции с существительными, обозначающим «место», в языке тсвана

Язык тсвана (S31 по классификации Гасри) относится к южным банту и распространен на территории Ботсваны и в некоторых провинциях ЮАР. Как и другие языки банту, тсвана характеризуется наличием системы именных классов. Существует ряд работ, посвященных как грамматике языка и именным классам в общем, так и локативам в частности. В более ранних исследованиях указывается, что в тсвана представлено три локативных класса с продуктивными

¹ Бахманн-Медик Д. Культурные повороты и новые ориентиры. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

² Mbembe A. Decolonizing Knowledge and the Question of the Archive. URL: <https://wiser.wits.ac.za/system/files/Achille%20Mbembe%20-%20Decolonizing%20Knowledge%20and%20the%20Question%20of%20the%20Archive.pdf> (accessed: 13.01.2025).

морфологическими процессами, что выделяет язык из числа других южных¹. Однако в дальнейшем данный факт был пересмотрен в пользу суждения о том, что анализируемые локативные маркеры в языке тсвана являются не префиксами локативных классов, а дейктическими локативными наречиями, которые полностью утратили связь с локативными классами².

На синхронном уровне развития языка тсвана в системе именных классов выделяется только один класс, соответствующий реконструируемому локативным классам банту. Его формальный показатель *χv-* соответствует также инфинитивному 15-му классу, что дает основание при глоссировании маркировать его как класс 15/17. Рефлексы 16-го и 18-го классов также представлены, однако согласования по именным классам не зафиксировано³.

В исследовании, посвященном локативам в тсвана и их статусу в инверсионных конструкциях, приводятся данные о том, что в настоящее время существует две лексические единицы, имеющие значение «место» — *golo* (*χv-l̥*) и *felo* (*fil̥*). Указанные существительные относятся к 17 классу⁴. Следует отметить, что результаты анкетирования носителя языка тсвана позволяют констатировать отсутствие примеров употребления лексической единицы *golo*. В свою очередь лексема *felo* представлена во всех контекстах с префиксами 5-го и 6-го класса *le-* (1) и *ma-* (2) соответственно.

(1) *Le ke le-felo lame*
 LOC это 5CL-место 5CL-мой
 Это мое место

(2) *0 tla bona ma-felo a toropo e*
 Вы FUT смотреть 6CL-место город этот
 Вы увидите все места этого города

Кроме того, в языке тсвана функционируют локативные маркеры *-ng* (*-ŋ*) и *go-* (*χv-*), использование которых регулируется принадлежностью существительного к определенному классу. Показатель *-ng* (*-ŋ*) может быть присоединен к существительному, относящемуся к любым классам, кроме 1a/2a, в то время как *go-* (*χv-*) используется во всех других случаях⁵. Формы *lefelo/mafelo* также могут маркироваться локативным показателем *-ng* (*-ŋ*) (*lefelong/mafelong*).

¹ Cole D. T. An Introduction to Tswana Grammar. London; New York: Longmans, Green, 1955; Demuth K., Mmusi S. Presentational focus and thematic structure in comparative Bantu // *Journal of African Languages and Linguistics*. 1997. 18. P. 1–19.

² Creissels D. Tswana locatives and their status in the inversion construction // *Africana Linguistica*. 2011. 17. P. 33–52.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

Шипилов А. Ю. (ИВИ РАН, Москва)

Советско-китайское соперничество в Западной Африке в 1970-е гг. на примере Бенина и Гвинеи

Советско-китайское соперничество, начавшееся в 1960-е гг., затронуло не только двусторонние отношения, но и отразилось на других социалистических государствах, а также развивающихся странах, заинтересованных в некапиталистическом пути развития и внешней поддержке соответствующих реформ. Африканские страны почти сразу же после разрыва Москвы и Пекина стали ареной их активного идеологического и политического противостояния. Многие государства, политические партии и национально-освободительные движения были вынуждены выбирать сторону в данном противостоянии, однако значительная часть советских партнеров в Африке (включая таких значимых, как лидер Ганы Кваме Нкрума и президент Гвинеи Ахмед Секу-Туре) предпринимала активные действия не только для сохранения отношений с обеими социалистическими странами (и лавирования между ними с целью получения помощи), но и для общего преодоления советско-китайских разногласий.

В 1970-е гг. у СССР и КНР появились новые союзники в регионе, а внутривнутриполитические изменения в обоих государствах (в первую очередь в Китае) привели к изменению характера противостояния в Африке. Американско-китайское сближение способствовало формированию негласной общей позиции по наиболее острым конфликтам на юге Африки (в первую очередь в Анголе). Тем не менее в Западной Африке соперничество СССР и Китая за влияние на страны, декларирующие марксистско-ленинскую политическую ориентацию, продолжилось и затронуло в первую очередь Гвинею и Дагомею/Бенин (а также, в меньшей степени, Мали).

Материалы отечественных архивов (в первую очередь Российского государственного архива новейшей истории), а также западноафриканские документы (из посещенных автором Национальных архивов Бенина, содержащих государственную и партийную документацию периода нахождения у власти в стране Матье Кереку) демонстрируют продолжающееся нежелание западноафриканцев делать выбор между двумя претендентами на лидерство в международном коммунистическом движении. Кроме того, Бенин во второй половине 1970-х гг. демонстрировал более выраженную симпатию к КНР (Матье Кереку неоднократно цитировал в своих речах Мао Цзэдуна при отсутствии аналогичных ссылок на советских лидеров, первый крупный зарубежный визит вне Африки совершил в Пхеньян, Пекин и Бухарест и лишь в 1986 г. посетил Москву).

В целом этот период отличается более спокойной динамикой соперничества в сравнении с 1960-ми годами, однако содержательные разногласия двух

стран продолжили быть источником возможностей для западноафриканцев продемонстрировать собственную независимость, в том числе и от советских союзников.

Яковлев А. И. (ЯГПУ, Ярославль)

Функционирование слов-реалий в восточноафриканском художественном тексте (на примере рассказа Дж. Нансубуга Макумби “Let’s Tell This Story Properly”)

Дженнифер Нансубуга Макумби родилась в Кампале в 1968 г. Проведя детство и получив квалификацию бакалавра в Исламском университете в Уганде, в сентябре 2001 года она приняла решение обучаться в Великобритании. Говоря о романе «Кинту», вышедшем в 2014 году, критики отмечали, что Дж. Макумби — сродни исследователю, «изучающему архивы, задающему вопросы об именах, местах, выражениях, исторических событиях» (здесь и далее перевод наш. — *А. Я.*)¹.

В том же году журнал “Granta” опубликовал рассказ Дж. Макумби “Let’s Tell This Story Properly” («Расскажем эту историю должным образом»)². По словам писательницы, рассказ повествует о тех последствиях, которые возникают, когда люди оказываются оторванными от своих корней, оказываются вне привычной им окружающей среды³. Дж. Макумби старалась воссоздать ритм луганда, намеренно добавляла слова из этого языка, так как в английском языке не было нужных эквивалентов; для писательницы история народа ганда отражается «в названиях обычаев, мест... людей»³.

Такой творческий подход писательницы объясняет, почему в тексте рассказа обнаруживаются слова-реалии. Реалия — это предмет материальной культуры, разнообразные факторы, такие как государственное устройство страны, история и культура данного народа и т. д., при этом реалия-слово является знаком, при помощи которого такие предметы-референты — получают свое языковое обличье⁴. Следует отметить, что Дж. Макумби не просто использует реалии для обозначения

¹ Brady A. In Kintu, a Look at What it Means to be Ugandan Now // *LitHub*. May 15, 2017. URL: <https://lithub.com/in-kintu-a-look-at-what-it-means-to-be-ugandan-now/> (accessed: 15.01.2025).

² Makumbi J. Let’s Tell This Story Properly // *Granta*. June 12, 2014. URL: <https://granta.com/Lets-Tell-This-Story-Properly/> (accessed: 15.01.2025).

³ Oral Tradition Pays Off for Jennifer Makumbi // *The EastAfrican*. June 20, 2014. URL: <https://www.theeastafrican.co.ke/magazine/Oral-tradition-pays-off-for-Jennifer-Makumbi-/434746-2355262-sh3e84/index.html> (accessed: 15.01.2025).

⁴ Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. С. 7.

референтов, но также подвергает их трансформациям и встраивает их в широкий лингвостилистический контекст.

Первая реалия, обращающая на себя внимание читателя, — имя главной героини *Nnameya*. Оно образовано при помощи гендерно обусловленного префикса “*nna-*”, но для персонажей из Великобритании словообразовательная мотивация не является очевидной: они называют героиню *Nnam*, подвергая корневую морфему финальному усечению. Имя героини используется автором рассказа в качестве одного из средств создания саспенса: полная, неусеченная лексема используется только представителями культуры ганда: в ремарке отца и в прямой речи брата героини в сопровождении двух модальных структур (“*I think you need to be strong Nnameya*” — «**Я думаю, тебе следует быть сильной, Ннамейя**»). Фраза брата подвергается полному повтору уже в прямой мысли Ннамейи после того, как героиня узнает о втором браке мужа. Здесь она выделяется курсивом и становится частью фигуры сравнения в конструкции нереального повествования (“... *You need to be strong Nnameya as if she had an alternative.*” — «**Тебе следует быть сильной, Ннамейя, — как будто у нее был выбор.**»), что подчеркивает отношение героини к самой себе как к сильной женщине, готовой справиться с ударами судьбы.

Названия британских праздников также трансформируются и становятся смысловыми центрами лингвостилистических фигур. Упоминание Пасхи приобретает иронический оттенок в прямой презентации мыслей героини, когда она описывает кончину своего мужа (“*The more shame because it was Easter. Who dies naked on Easter?*” — «**Еще более стыдно, ведь это была Пасха. Кто умирает голым на Пасху?**»). Здесь лексема, обозначающая реалию британской культуры, оказывается в составе парцеллированной конструкции и риторического вопроса, которые соединяются друг с другом при помощи эпифорического повтора.

Лексема, обозначающая Рождество, обнаруживается в заключительной части рассказа в составе перечисления, где описываются выброшенные главной героиней фотографии (“*She has taken all the photographs that had been on the walls — wedding, birthdays, school portraits, Christmases...*” — «**Она взяла все фотографии, которые висели на стенах: свадьбы, дни рождения, школьные портреты, рождественские вечеринки...**»). Фигура метонимии позволяет писательнице использовать лексемуokkaзионально — во множественном числе, в результате чего значимость этого события в сознании героини будто бы нивелируется; при этом множественное число отмечает также продолжительность нахождения героини в оковах несправедливого брака.

Похожим образом фигура перечисления используется в диалоге между одной из сестёр Ннамейи и ее свекром. Пренебрежительно говоря о западной жизни, он перечисляет разные города Великобритании и США (“*Manchester, London, New York, they are like flies to me: I can't tell male from female*” — «**Манчестер, Лондон, Нью-Йорк — для меня они как мухи. Не поймешь, где женщина, а где мужчина**»). Бессоюзное перечисление здесь сопровождается фигурой сравнения, в которой

область источника представлена насекомым, что способствует передаче отрицательного отношения героя к западным мегаполисам.

Интересно лингвостилистическое оформление, в котором используется единственная общественно-политическая реалия — наименование группы людей, эмигрировавших за пределы Уганды в западные страны (*“The women looked like former, nkuba kyeyo — the broom swinging economic immigrants to the West.”* — «Женщины выглядели, как нкуба кйейо — размахивающие метлой экономические иммигранты в странах Запада.»). Здесь реалия¹ также оказывается в составе фигуры сравнения, но уже сама становится областью источника, что позволяет передать оценку героиней тех женщин, которые пришли на помощь главной героине. Хотя в Уганде к ним относятся с пренебрежением, для героини они являются женщинами, сильными духом и богатыми жизненным опытом, полученным в результате жизненных перипетий.

Всего методом сплошной выборки в рассказе можно выделить 38 реалий, 20 из которых относятся к предметам культуры ганда, а 18 — к жизни главной героини в Манчестере. Примерно равное соотношение реалий, представляющих культуру Британии и Уганды, свидетельствует о желании писательницы создать образ главной героини, которая является современной женщиной-космополитом, существующей на стыке двух культур и являющейся представительницей обеих одновременно.

Януш Я. Б. (эксперт МК РФ, Санкт-Петербург)

Денежное обращение в Сьерра-Леоне в XIX в.

В 1791 г. компания Сьерра-Леоне для обращения в Сьерра-Леоне выпустила следующие монеты: 1 доллар, 50, 20, 10 и 1 цент, с ориентацией на португальское колониальное обращение. Доллар компании был равен 10 макутам, 10 центов — одной макуте. Монеты компании служили только для внутреннего обращения и были выпущены в незначительном количестве. В 1807 г. Сьерра-Леоне была передана в управление имперскому правительству. С ростом торговли стала сказываться нехватка монеты. В 1814 г. фирма “McCauley and Babington”, которая обладала монопольным правом на торговлю с колонией, ввезла в Сьерра-Леоне токены номиналом в 1 пенни в количестве 50 000 штук. Позднее в Сьерра-Леоне постепенно установилась, как и в большинстве британских колоний, денежная система, основанная на использовании серебряной монеты испанских колоний номиналом в 8 реалов, так называемого испанского доллара.

¹ Nkuba kyeyo // Oxford English Dictionary. URL: https://www.oed.com/dictionary/nkuba-kyeyo_n?tl=true (accessed: 15.01.2025).

В 1822 г. в Лондон была отправлена заявка на определенное количество медных монет, чтобы восполнить дефицит разменной монеты. Предполагалось прислать британские 1 пенни, ½ пенни и фартинги. Однако выяснилось, что это создаст трудности в связи с фиксированным курсом испанского доллара в 4 шиллинга 8 пенсов (именно по этому курсу испанский доллар выдавался британским войскам в колонии). Было заявлено, что нецелесообразно введение только медных монет без серебряных.

25 марта 1825 г. было принято Постановление Совета (Order in Council) о законном обороте британских монет в колониях, с тем чтобы со временем создать единую стерлинговую зону для метрополии и колоний. Было признано, что невозможно ограничиться обращением лишь британских монет из-за распространенности в Сьерра-Леоне, как и в других местах, испанских резанных (cut) монет. Из Лондона были присланы штемпели, маркированные WR под короной (William Rex), для надчеканки резанных испанских монет, чтобы сделать их законным средством платежа. Старые резаные испанские монеты были изъяты, и были выпущены надчеканенные монеты в четверть испанского доллара. Кроме них были надчеканены монеты в 4 реала (1/2 испанского доллара). Декларация от 30 марта 1832 г. сделала только такие монеты законным платежным средством.

Администрация колонии запросила имперское правительство либо о поставке монет 3 и 1½ пенса (чеканились для британских колоний), либо об отдельной чеканке, которая уже использовалась для некоторых английских колоний. Казначейство настаивало на замене надчеканенных испанских монет британскими, но затем согласилось отправить в 1836 г. в Сьерра-Леоне на 1000 фунтов стерлингов монет в 3 пенса и на 500 фунтов стерлингов монет в 1½ пенса. В колониальном правительстве полагали, что мелкие серебряные монеты принесут наибольшую пользу освобожденному населению Африки. Но опыт показал, что они не стали популярны ни среди торговцев, ни среди африканского населения. Поскольку резаные ¼ доллара быстрее стирались, чем целые доллары, то обычной практикой стал отказ принимать более легкие стертые монеты, что вызвало сложности в денежном обращении.

83 076 изношенных резанных монет ¼ испанского доллара были отправлены в Англию на переплавку. Из них было начеканено монет на сумму 4205 фунтов стерлингов 18 шиллингов. Эта сумма и временный государственный займ были использованы для поставки в Сьерра-Леоне 9000 фунтов стерлингов в британских серебряных монетах (2500 фунтов стерлингов по 1 шиллингу, 2500 фунтов стерлингов по 6 пенсов, 2000 фунтов стерлингов по 3 пенса и 2000 фунтов стерлингов по 1½ пенса). При получении британских монет из метрополии была издана Декларация от 7 января 1839 г., в которой говорилось, что начиная с 12 января все резаные части долларов перестают быть легальной монетой в колонии. На 31 января 1839 г. было выплачено 6255 фунтов стерлингов 3 шиллинга 6 пенсов за изъятые резаные монеты.

19 февраля 1839 г. Комиссариат сообщает о дублонах и долларах как о стандартной валюте, но также упоминает, что некоторое количество бразильских монет в 960 рейсов обращается по принятому в народе курсу. Королевский монетный двор установил их средний вес в $414 \frac{1}{6}$ гран, включающий $375 \frac{1}{25}$ гран чистого серебра, или на $1 \frac{1}{35}$ гран больше, чем испанский доллар.

Для западного побережья Африки было издано два Постановления Совета от 10 июня 1843 г. Первое отменило Постановление от 1825 г. в отношении колоний и владений Ее Величества в Сьерра-Леоне, на реке Гамбия, в Кейп-Косте и других местах западного побережья африканского континента, в то время как второе Постановление Совета установило следующие курсы для обращения иностранных монет одновременно с фунтами стерлингов:

Дублон Испании, Мексики и др. — 3 фунта стерлингов 4 шиллинга;
 20 франков Франции — 15 шиллингов 10 пенсов;
 Доллар Испании, Мексики и др. — 4 шиллинга 2 пенса;
 5 франков Франции — 3 шиллинга 10 $\frac{1}{2}$ пенса;

Согласно постановлению, любое платежное предложение указанными монетами должно было считаться законным платежным предложением и приниматься таким же образом, как если бы это платежное предложение было сделано в действующей монете Соединенного Королевства.

Таким образом, стандартной валютой Сьерра-Леоне был фунт стерлингов, образовавшийся одновременно с вышеуказанными иностранными золотыми и серебряными монетами, разрешенными к обращению наряду с фунтом. Постановлением Совета и Декларацией от 30 июня 1852 г. законное обращение на западном побережье Африки было разрешено и для золотых монет США, по курсу Орел (10 долларов) за 41 шиллинг.

Местные Декларации от 12 января 1867 г. и 1 августа 1871 г. легализовали для обращения в этих колониях соверены монетного двора в Сиднее. Однако золотые монеты не смогли удержать свои позиции в конкуренции с серебром.

В 1879 г. в результате снижения цены серебра относительно золота испанский серебряный доллар создал проблемы для торговли на западном побережье Африки и в Вест-Индии. Официальная стоимость испанского доллара в Сьерра-Леоне была 4 шиллинга 2 пенса, хотя в реальности он едва стоил 3 шиллинга 8 пенсов, что побудило торговцев в значительном количестве ввозить испанский доллар. В начале 1880 г. были приняты необходимые меры, чтобы предотвратить переход колонии на серебряный стандарт. Постановлением № 2 от 1880 г. было установлено, что испанский доллар должен перестать быть законным платежным средством в Колонии в течение 3 дней (впоследствии срок увеличили до 13 дней). Выкуп происходил по старому номиналу — 4 шиллинга 2 пенса. Общая стоимость выкупа составила около 26 000 фунтов стерлингов.

К 1880 г. первоначальная неприязнь туземцев к бронзовым монетам исчезла и уже не было никаких трудностей с такими монетами в обращении. Наряду с английскими в ходу остались монеты не только Франции, но и других стран,

входящих в Латинский монетный союз: Бельгии (также 5 франков) и Италии (5 лир). В 1882 г. количество 5-франковых монет, находившихся в обращении, оценивалось около 20 000 фунтов стерлингов, в то время как количество британских монет — на сумму более 30 000 фунтов стерлингов, но основная их масса находилась у населения и не участвовала в денежном обращении.

В 1907 г. началась чеканка монет для четырех британских колоний, объединенных в Британскую Западную Африку. В 1913 г. был создан Западноафриканский Валютный Совет (West African Currency Board) и введен в обращение западноафриканский фунт равный фунту стерлингов метрополии. Таким образом, Сьерра-Леоне, Нигерия, Гамбия и Золотой Берег окончательно вошли в стерлинговую зону. Западноафриканский Валютный Совет просуществовал до 1961 г.

Секция XXI • Section XXI
Литература стран Азии и Африки
Literatures of Asia and Africa

Абилова З. А. (Институт рукописей имени Мухаммеда Физули НАНА,
Баку, Азербайджан)

**Жанр *мактал* и его место
в азербайджанской литературе**

Согласно представлениям мусульман, шахидство — это высшая ступень рая. Достижение этой высшей ступени выпало и на долю Имама Хусайна — сына 'Али. Хотя история отражения событий в Кербеле в письменной литературе древняя, стремление к мученичеству, борьба за веру и убеждения всегда сохраняют свою первоначальную значимость.

История произведений, написанных о шахидстве, древняя. Их называют литературой жанра *мактал*. *Мактал* — слово арабского происхождения, означающее «место убийства». В религиозной литературе так называются произведения о мученической гибели Имама Хусайна и его соратников. Трагедия, случившаяся в Кербеле 10-го числа месяца мухаррам 61-го года хиджры (680 г. н. э.), привела к созданию нового жанра в литературе — *мактал*. После событий в Кербеле многочисленные «плачи», написанные арабскими, персидскими и тюркскими поэтами, отражали горечь гибели Хусайна, внука Пророка, и его сподвижников.

Произведения жанра *мактал* пишутся в повествовательном стиле и носят эпический характер. В них раскрываются родословные корни героя, показывается его сознательный путь к трагическому концу.

Развитие и широкое распространение жанра *мактал* в литературе тюркоязычных народов, наряду с арабской и персидской литературой, также привело

к появлению значимых произведений на эту тему. Художественно-исторические произведения таких авторов, как Мухаммед Физули, Аббасгулу Ага Бакиханов, Абдулькарим Ага Бадкуби и Мир Мохсун Навваб, в жанре *мактал* более фундаментальны и сохраняют все характеристики классической традиции, в то же время отражая особенности того периода, когда они были написаны.

Ранним *макталем* в азербайджанской литературе является произведение «Шухада-наме» («Книга мучеников») Мухаммада б. Хусайна Катиба Нишати. Это перевод на тюркский язык «Раудат аш-шухада» («Сад мучеников») Хусайна Ва'иза Кашифи, выполненный по приказу сефевидского правителя шаха Тахмасба I и указанию ширазского судьи Гази-хана сына Сару Шейха (по другим сведениям, судьи Сархана Зу-л-Кадара). Единственная известная научному миру рукопись произведения хранится в Институте рукописей имени М. Физули НАНА (М-259/13659). Переписка рукописи была завершена в 945/1539 году в городе Шираз.

Среди образцов азербайджанской мактальной литературы — героический эпос «Хадикат ас-су'ада» («Сад счастливых») Мухаммеда Физули занимает особое место. В произведении, отражающем трагедию Кербелы, где кровь одержала победу над мечом, демонстрируется и проповедуется протест человека против духовного и физического рабства, готовность пожертвовать своей жизнью на этом пути. В Институте рукописей имени М. Физули имеется большое количество рукописных копий произведения, состоящего из введения, десяти глав (*баб*) и заключения (*хатиме*). Указано, что произведение было составлено для османского султана Сулеймана I (1494–1566).

Еще одним образцом литературы жанра *мактал* является произведение Аббасгулу Ага Бакиханова (1794–1847) «Рийад ал-кудс» («Сады святости»). Единственная копия произведения, написанная автором на родном языке, хранится в хранилище Института рукописей. А. А. Бакиханов составил произведение, включающее предисловие (*дибаче*), четырнадцать глав (*баб*) и *хатиме*. Переписчик рукописи Мешхеда Оджагверди оглы Мирза Хагверди Карабаги долгое время работал писарем карабахского хана Мехдигулу-хана (отца Хуршидбану Натаван). Богатейший личный архив, научное и художественное наследие А. А. Бакиханова, великого мыслителя, просветителя, первого ученого-историка Азербайджана, хранится в Институте рукописей имени М. Физули НАНА.

Мактал занимает особое место в творчестве Мира Мохсуна Навваба. Гаджи Мир Ахмед оглы Агамирзаде Карабаги Мир Мохсун Навваб родился в Шуше в 1833 году и прожил интересную жизнь; он скончался в возрасте 86 лет в 1919 году. Особое место в его творчестве занимает *мактал* «Маса'иб-наме» («Книга бедствий»). Произведение, состоящее из *дибаче* и 23 небольших разделов, на 155 листах, хранится в Институте рукописей имени М. Физули под шифром Б-569/6788. Составитель в заключении пишет: «Пусть будет известно, что «Маса'иб-наме» вначале была на персидском языке и была распространена среди народа. В «Маса'иб-наме» много необоснованных мнений и лжи. Поэтому

его слуга Навваб Мир Мохсун Агамирзаде Карабаги перевел эту книгу с персидского на турецкий и удалил все лишние выражения»¹.

Как и многие мусульманские авторы, Хаджи Ага Мирза Абдулькарим Ага Бадкуби (1867–1961) в своем творчестве уделил этой теме особое внимание и посвятил свое произведение «Гульзар-и Хусайни» борьбе Имама Хусайна за ислам и его мученической кончине на этом пути. Автограф произведения хранится в личной библиотеке автора. Произведение состоит из *дибаче*, введения, двенадцати глав и *хатиме*. В труде также говорится о нравственности и достоинстве, простоте Хусайна, его отношении ко всем независимо от положения людям. Помимо этого, отражены также мнения и приведены повествования известных ученых и деятелей культуры того времени.

Брылёва Н. А. (КрасГАУ, Красноярск)

«Скрытые мотивы»: литературные и драматические произведения в романе «Сон в красном тереме»

Список литературных и драматических произведений, отдельных актов музыкальных драм, представленный в романе Цао Сюэ-циня «Сон в красном тереме» обширен. В романе мы можем встретить разнообразные музыкально-драматические жанры, начиная от южной музыкальной драмы (南戲 *нань-си*) и юаньских смешанных представлений (元雜劇 *юань цзацзюй*) до популярнейших куньшаньских напевов (昆山曲 *куньшань цюй* или 昆曲 *куньцюй*) т. н. «изящной» музыкальной драмы (雅部 *я-бу*) и нарождающейся «пестрой» музыкальной драмы (花部 *хуа-бу*). Особняком стоят пьесы «Пионовый павильон» (牡丹亭 *мудань тин*) Тан Сяньцзу (湯顯祖 1550–1616) и «Западный флигель» (西廂記 *сисян цзи*) Ван Шифу (王實甫 1250–1307). Эти произведения упоминаются в романе как в музыкальном воплощении, так и в литературном. Использование такого количества театральных постановок и пьес не случайно, т. к. посредством этого в романе раскрывается «скрытый» смысловой пласт, который значительно расширяет глубину понимания блестящего замысла Цао Сюэ-циня. Так что же представляют собой подобные «скрытые мотивы»?

Многие исследователи отмечают, что посредством пьес и литературных аллюзий, в романе как бы предсказывается судьба тех или иных героев или семейств. Самый известный из подобных примеров это «Гуй-фэй выбирает пьесы во время ее встречи с семьей». Так определенный набор актов из разных музыкальных драм трактуется как намек на упадок семьи Цзя, смерть самой Гуй-фэй и исчезновение Бао-юя.

¹ Навваб, Мусейбнаме. Рукопись Б569. Институт Рукописей имени Мухаммеда Физули НАНА. 1556.

Но это не единственный пример. Так, в главе 29, в даосской Обители Чистой пустоты (清虛觀 *цин сюй гуань*) по велению гуй-фэй должны будут совершить 3-дневный благодарственный ритуал-жертвоприношение о спокойствии и благополучии. Кроме этого, в храме должны были пройти театральные представления и все семейство Цзя собралось посмотреть их¹. По традиции, во время больших или религиозных праздников в храмах устраивали театральные представления для божеств. Для этого в храме были специальные театральные подмостки, расположенные напротив главного зала, где и проходили эти выступления. До сих пор, а особенно на юге Китая можно встретить множество храмов с такими подмостками. Косвенно на то, что представление разыгрывалось все же для божеств указывает и то, что выбор пьес проводила не Матушка Цзя (что было бы логично, т.к. она самая старшая), а божества, о чем и сообщает Цзя Чжэнь².

Вскоре Цзя Чжэнь вернулся [и] сказал:

— Божества выбрали пьесы, первая «Белая змея». Матушка Цзя спросила: «Что это за история?» Цзя Чжэнь сказал: «История о [том, как] ханьский Гао-цзу отрубил голову змее».

— Вторая — «Полная подставка дощечек [для записей]». Матушка Цзя кивнула головой и сказала: «Вторая [пьеса] тоже пусть будет. Раз уж божества [решили], пусть так остается». Вновь спросила о третьей пьесе. Цзя Чжэнь ответил:

— Третья это «Сон о Нанькэ». Матушка Цзя услышала [и] ничего не сказала.

[Перевод Н. Б.]

一時，賈珍上來回道：「神前拈了戲，頭一本是《白蛇記》。」賈母便問：「是什麼故事？」賈珍道：「漢高祖斬蛇起首的故事。第二本是《滿床笏》。」賈母點頭道：「倒是第二本也還罷了。神佛既這樣，也只得如此。」又問第三本。賈珍道：「第三本是《南柯夢》。」賈母聽了，便不言語。³

Как мы видим, были выбраны три пьесы: «Белая змея», «Полная подставка дощечек [для записей]» и «Сон о Нанькэ». Интересна расшифровка этой сцены: обращает на себя внимание то, что матушка Цзя с энтузиазмом восприняла известие о двух первых пьесах. Услышав про «Белую змею», мы с большой вероятностью вспомним «историю о Белой змее», описанную Фэн Мэнлуном (馮夢龍 1574–1646)⁴. Но здесь речь идет о сюжете, взятом из Исторических записок (史記

¹ Цао Сюэцинь. Сон в красном тереме. В 3 т.; т. 1 / Пер. с кит. В. Панасюка; Редкол.: Л. Делюсин и др.; вступ. ст. Гао Мана; ред. пер. С. Хохлова; стихи в пер. И. Голубева; примеч. И. Голубева и В. Панасюка. М.: Худож. лит., Ладомир, 1995, С. 417.

² К сожалению, в тексте перевода В. Панасюка эта существенная деталь переведена неверно: «Мы только что тянули жребий...» В тексте оригинала написано: «神前拈了戲...» — «Божества взяли/выбрали пьесы...» Далее в тексте будет представлен перевод, сделанный автором статьи.

³ 曹雪芹. 紅樓夢. (Цао Сюэцинь. Сон в красном тереме). URL: <https://ctext.org/hongloumeng/ch29> (дата обращения: 10.01.2025). (На кит. яз.)

⁴ Прodelки Праздного Дракона: Двадцать пять повестей XVI–XVII веков / пер. с кит. Д. Воскресенского; ред. кол.: Г. Гац [и др.]. М.: Художественная литература, 1989, С. 459–502.

ши цзи) Сыма Цяня (司馬遷 145–86 г. до н. э.). Там говорится о том, как Лю Бан (будущий император Гао-цзу, основатель Хань) убил Белую змею, и, осознав свое предназначение, позже основал новую династию¹. Подобно Лю Бану, основателю династии, здесь намекается на возвышение семьи Цзя. Следующая пьеса «Полная подставка дощечек [для записей]» — История о военачальнике и политическом деятеле эпохи Тан (618–907) Го Цзы-и (郭子儀 697–781) и его сыновьях и зятях, которые все были высокопоставленные чиновники. Традиционно это метафора процветания и долголетия в семье.

Интересна реакция Матушки Цзя на третью пьесу — «Сон о Нанькэ»². История о том, как человек уснул под деревом и попал в удивительное государство, где он правил, прожил много лет, но проснувшись понял, что это был лишь сон. Услышав о выборе пьесы Матушка Цзя промолчала, что очень показательно. Дело в том, что здесь показан своеобразный вид гаданий на будущее, который до сих пор можно встретить в даосских и буддийских храмах. И если в предыдущих пьесах «говорилось» о благополучии и расцвете семьи, то последняя намекала на то, что все это только сон. Не стоит забывать, что это все происходило в рамках ритуала о спокойствии и благополучии.

Не менее интересна линия, связанная с пьесами «Западный флигель» и «Пионовая беседка». Через них автор показывает отношения Бао-юя и Дай-юй, намекая на то, что их чувства созвучны персонажам пьес. И мы понимаем, что эти два персонажа — скрытые бунтари, не согласные с правилами и стремящиеся сделать все по-своему.

Таким образом, пьесы и драмы, представленные в романе, дают нам возможность взглянуть на роман под новым углом.

Букатая А. М. (БГУ, Минск)

Интерпретация концептов «власть» и «насилие» в романе Мо Яня «Смерть пахнет сандалом» (莫言《檀香刑》)

Осмысление концепта «власть» и его различных компонентов широко представлено в искусстве в целом и в художественной литературе в частности. Наряду с большим количеством определений остановимся на одной из наиболее функционально значимых характеристик власти, которая представляется репрезентативной именно в контексте литературно-критического анализа, — власть

¹ 司馬遷. 史記. (Сыма Цянь. Исторические записки). URL: <https://ctext.org/shiji?searchu=斬蛇> (дата обращения: 10.01.2025). (На кит. яз.)

² Пьеса Тан Сянцзу «Сон о Нанькэ», 1600 г.

как способ обеспечения распределения ресурсов. И тогда *власть* жизненно необходима (в обществе, семье и т. д.), а одно из последствий власти для человека, облеченного ей, — ответственность. Роман Мо Яня «Смерть пахнет сандалом» (2001) исключительно показателен с точки зрения осмысления природы власти. В нем можно выделить целый ряд аспектов, каждый из которых заслуживает отдельного внимания, как то: проблема легитимности власти, конфликт личности и власти, конфликт общества и власти (перефразируем, власть и народ), власть в контексте оппозиции «свой – чужой». Кроме того, поле «власти» включает *закон, цзюньцзы, наказание*, а из последнего проистекает проблема корреляции *наказание/насилие/ пытка*.

Интерпретация этих вопросов требует не только и не столько анализа поэтико-стилевых особенностей художественного текста, сколько обращения к культурологическому и социально-историческому методам.

Концепт «власти» непосредственно связан с концептом «управление», а в китайской политической традиции это соотносится с концепцией «гуманного управления» (仁政)¹, которое исходит из *жэнь* (仁 гуманность, человеколюбие) и тезисом о «добродетельном правлении» (德治), который опирается на *дэ* (德 моральную силу, добродетель), и речь идет о *добродетели* и *гуманности* правителя, а шире — представителя правящей элиты, который традиционно ассоциируется с образом *цзюньцзы* «благородного мужа», как в общественно-политическом, так и в культурном, и в литературном, и в обиходно-бытовом дискурсах. В современном контексте данный образ *цзюньцзы* как представителя правящей элиты сопоставим с образом чиновника *гуань* (官), представителя бюрократического аппарата, кадрового работника *ганьбу*, который личным примером должен транслировать народу морально-этический образец поведения. Народ же «должен почитаться в качестве основного», что закреплено еще в древних философских трактатах конфуцианской словесности². Представляется продуктивным рассматривать образы уездного Цянь Дина и мятежника Сунь Бина как представителей соответственно *гуань* и *минь* (民 народ). Однако учитывая финал романа (убийство из сострадания), интерпретировать образы Цянь Дина и Сунь Бина как антагонистические следует с аккуратностью.

Проистекая из концепта власти, в романе образ чиновника периодически подвергается критике и словно растождествляется с властью: «狗官，你道貌岸然假惺惺，说什么为民去请命 <...> 俺摩摩拳，擦擦掌，棒打昏官不留情³» («Пес-чиновник, изображаешь верх добродетели, когда говоришь, что будешь просить за народ <...> Руки чешутся беспощадно избить невежественного чиновника⁴»).

¹ Аллаберт А. В. Культурные коды китайского социализма. М.: «Шанс», 2021. С. 16.

² Там же. С. 24.

³ 莫言. 檀香刑 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kanunu8.com/book3/8254/> (дата обращения: 13.01.2025).

⁴ Мо Янь. Смерть пахнет сандалом / пер. с кит. И. Егорова. М.: Эксмо, 2024. С. 232.

В целом в романе прослеживается исконная необходимость природы власти и вторичность природы чиновника-бюрократа.

Актуально упомянуть некоторые культурологические классификации, которые рассматривают место китайской культуры на шкале базовых ценностей, и где отображаются взаимоотношения между народом и властью. Так, Г. Хофстеде, наряду с прочими оппозициями предлагает рассматривать культуру с точки зрения длины дистанции между населением и властью. А Ш. Шварц задается вопросом, к какому из полюсов (иерархия или равноправие) более склонна каждая культура для обеспечения социально ответственного поведения¹. В китайской культуре эта дистанция была и остается большой, «расстояние» между героями романа Цянь Динем и Сунь Бином велико, несмотря на то, что уездный регулярно декларирует свою мотивацию к действиям, обусловленную чаяниями народными. А для решения общественно-политических конфликтов и соблюдения порядка, гармонии в Китае конца династии Цин необходимо придерживаться иерархии на различных уровнях.

Возникает вопрос, какое место в подобной модели занимает система поощрений и наказаний, а далее — насколько наказание сопряжено с насилием. А отсюда проистекает необходимость осмысления роли исполнителя наказаний. Показательно, что в романе разведены роли палача (исполнителя, мастера в своем деле, практически художника, творческой личности) (Чжао Цзя) и представителя власти (уездного Цянь Дина). И если Сунь Бина можно обозначить протагонистом, то место антагониста периодически меняется или даже занимается двумя.

Так, на уровне системы персонажей квинтэссенцией сложности взаимодействия закона/власти и наказания/насилия выступает «треугольник» Сунь Бин — Чжао Цзя — Цянь Дин. В данных взаимоотношениях усматривается попытка отобразить и актуализировать своеобразный комплекс китайских политических традиций.

Важнейшее место в образно-символической системе романа занимает *сандал* (檀香). Он выступает атрибутом и символом власти и насилия, казни, пытки одновременно. Исключительно значительное место занимают описания кресла из сандалового дерева исполнителя наказаний Чжао Цзя, подаренного ему самой Цыси за мастерство совершенных казней. Так, данное кресло, будучи символом власти, тронем, этой власти не тождественно, но с нею неразделимо. Кроме того, Чжао Цзя были подарены и сандаловые четки. Казнь, вынесенная в название романа, производится с помощью колец из сандала, вываренных в котле вместе с пищей, объединяя, таким образом, и то, что питает, и то, что пытается; и то, что убивает, и то, что призвано продлить жизнь.

¹ Боревская Н. Е., Торопцев С. А. Китайская культура во времени и пространстве. М.: ИД «Форум», 2010. С. 329–330.

Вдовина А. О. (КФУ, Казань)

Особенности использования элементов буффонады при киноадаптации сатирического текста: на примере романа Азиза Несина «Яшар ни жив, ни мертв»

Азиз Несин признается одним из самых ярких турецких писателей республиканского периода литературы Турции. Его произведения отличаются острой сатирой на общественную, политическую и экономическую ситуацию в стране во второй половине XX века, что до сих пор привлекает внимание широкой публики. Поводом для появления интереса к его произведениям послужил не только резкий характер его литературных высказываний, но и острый авторский юмор. В юмористических романах и рассказах Азиза Несина высмеивается неприглядная действительность. Его герои — это обычные люди, сталкивающиеся с государственным безразличием, бюрократией и издержками неэффективно работающей системы.

Азиз Несин использует привычные для сатирического жанра средства: преувеличение, заострение, окарикатуривание, олицетворение или оживотнивание, иронию, особые речевые средства языка (например, для Несина характерно частое использование сравнения). Однако, эти средства у Несина имеют национальную окраску. Даже когда описываемые им проблемы носят универсальный характер, они оформляются с помощью ярких культурных отсылок, символов, иронизированием над турецким бытом, традициями и историей.

Вполне естественный интерес публики к произведениям писателя нашел выражение и в более современных видах искусства. 70–80-е годы XX века многие называют золотым периодом для развития турецкого кинематографа, тогда же были сняты юмористические фильмы, ставшие впоследствии культурным достоянием страны. Произведения Азиза Несина, как уже проверенный на публике материал, легко адаптировались под любой формат (многие работы писателя выходили в разных формах: аудиокнига, роман, фильм, спектакль). Экранизация романа «Яшар ни жив, ни мертв» (тур. «Yaşar Ne Yaşar Ne Yaşamaz», 1975) стала одним из наиболее ярких хитов кинопроката того периода. Однако, остается вопрос, насколько кино, рассчитанное на массового зрителя, способно передать авторские идею и форму, затрагивающие серьезные общественные проблемы страны.

Стоит заметить, что режиссер фильма «Яшар ни жив, ни мертв» Эргин Орбей постарался передать содержание романа Азиза Несина как можно более точно. Однако вполне закономерно, что кинопроизведение не может оперировать теми же приемами, что и литературный текст. Как и любое другое кино, оно в первую очередь использует изобразительные символы, дополняет их звуковыми приемами, авторской игрой и операторской работой. Буффонада, которую можно считать приемом актерской игры, свойственным юмористическому жанру, также используется в фильме Орбея. Ее можно считать одним из самых успешных

способов возбуждения зрительского интереса, но ее назначение — высмеивание конкретных характеров.

В результате исследования отдельных элементов буффонады в кинофильме и их сравнения с литературными сценами мы приходим к выводу, что особенность кинопроизведения Орбея заключается в использовании буффонады для портретизации персонажей, которые в произведениях Азиза Несина выступают жертвами неэффективно работающей системы. Если острая сатира в романе заключается в гротескизации недееспособности власти и бюрократии, что заставляет читателей сопереживать персонажам, поскольку они видят в этих персонажах самих себя, то нелепость персонажей в кинофильме вызывает у зрителя смех иного характера. Зрителя не столько шокирует недееспособность системы, изображенной Яшаром, сколько бестолковость и никчемность персонажей, которые вообще едва ли способны функционировать в обществе.

Карякина М. В. (ФФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Книга Притч: к вопросу о составе и статусе книги на разных этапах ее бытования

Еврейская версия Книги Притч, известная по Масоретскому тексту (МТ), носит составной характер, который был сглажен в версии книги, известной по версии Септуагинты (LXX). Представляется, что особенности литургического употребления этой книги в Православной церкви отражает представление об авторстве и структуре каждой из частей Книги Притч.

В своей еврейской версии Книга Притч состоит из ряда разделов, обозначенных заголовками, которые в большинстве случаев указывают автора или составителей данного раздела. Эти разделы различаются также по объему, характеру, стилю и тематике. Всего в еврейской Книге Притч 6 заголовков: 1.1, 1.10, 24.23, 25.1, 30.1 и 31.1. Предполагается, что ядром этого сборника является самая большая коллекция — собственно «Притчи Соломона» (1.10–24.22). К этой коллекции присоединены коллекции поменьше: «Вот еще слова мудрых» (24.23–34), вторая большая коллекция «Вот еще притчи Соломона, которые собрали люди Езекии, царя Иудейского» (25.1–29.27), «Слова Агура» (30.1–33) и «Слова Лемуила» (31.1–9). Сборник открывается введением, озаглавливающим его как «Притчи Соломона, сына Давидова, царя Иудейского» (1.1–9), и завершается заключением — Похвалой добродетельной жене, символизирующей мудрость (31.9–31).

Греческая версия (Септуагинта, LXX) Книги Притч существенно отличается от еврейской: в греческом тексте есть пропуски и добавления отдельных стихов, изменена и внутренняя структура книги. Практически все заголовки книги удалены, оставлены только первый, открывающий книгу (1.1), и заголовок 25.1,

который, впрочем, был изменен таким образом, чтобы подчеркнуть его вторичный характер по отношению к заголовку 1.1. В 25.1 еврейское מִשְׁלֵי מְלֵכָה אֲשֶׁר אָמַר передано с помощью греческого αὐτὰι αἱ παιδείαι σαλωμῶντος αἱ ἀδιάκριτοι. Кроме того, существенному изменению подвергся и порядок текста во «вторичных» коллекциях, входящих в Книгу Притч. Порядок текста в LXX таков (нумерация глав и стихов следует МТ): 1.1–24.22, 30.1–14, 24.23–34, 30.15–33, 31.1–9, 25.1–29.27, 31.10–31, то есть коллекция Агура, разбитая на две части, а также коллекция Лемуила, избавленные от имен своих авторов, присоединены к окончанию первой коллекции Соломона. Очевидно, эти изменения заголовков и перестановки текста были сделаны для того, чтобы сборник стал более однородным¹. Неясно, были ли эти изменения инициативой переводчиков или же перед ними лежала другая редакция еврейского текста. Э. Тов отмечает, что Книга Притч является примером того, что часто невозможно определить, существует ли зависимость между текстами МТ и LXX или речь идет о ранних параллельных редакциях².

Такая значительная вариативность текста, по-видимому, отражает канонический и литургический статус Книги Притч в иудаизме III–I вв до н. э. Эта книга относилась к категории Писания (Кетубим), и по-видимому, не использовалась за богослужением и не имела еще статуса, сравнимого со статусом Торы или Пророков, чьи тексты к этому времени уже стабилизировались³. Однако стремление сделать из сборника коллекций притч различного происхождения единую книгу, восходящую к одному автору — авторитетному Соломону, может отражать стремление придать этой книге более значимый статус.

Как известно, христианская церковь приняла еврейские Священные Писания в версии LXX. Предпринимались христианские ревизии LXX и правки вторичных христианских переводов по еврейскому тексту (например, Вульгата является такой правкой старолатинского перевода), но все же именно LXX чаще всего цитируется и раннехристианскими писателями и она же отражена в древнейших христианских кодексах — Ватиканском, Синайском, Александрийском и Ефрема.

Хотя отождествление Христа с Премудростью произошло еще в апостольской церкви и паремия «Премудрость создала себе храм» (9.1–11) читается на Богородичных праздниках, самые ранние данные о том, что Книга Притч читается последовательно (*lectio continua*), датируются лишь IX в.: в старейших греческих профитологиях приводятся ветхозаветные чтения Великого поста — Исаии, Бытия и Притч⁴. В рамках этих чтений Книга Притч прочитывается в наибольшем объеме — на 2/3, тогда как книги Исаии и Бытия — на 1/3. Возникает вопрос, каким

¹ Швинхорст-Шёнбергер Л. Книга Притчей // Введение в Ветхий Завет / Под ред. Эриха Ценгера (Серия «Современная библистика»). М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2008. 802 с. С. 483–494.

² Tov E. The text-critical use of the Septuagint in biblical research. Third edition, completely revised and expanded. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2015. P. 221.

³ Коэн Шей Дж. Д. От Маккавеев до Мишны. М.: Книжники, 2014. С. 206–207.

⁴ Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 177.

образом осуществлялась выборка текстов, читаемых или не читаемых за богослужением. А. А. Алексеев считает, что во-первых, из lectio continua исключались паремии, читаемые в другие дни церковного года, а во-вторых, исключались и «нескромные сюжеты» — например, истории о сомнительных поступках патриархов или описание уловок прелюбодейной жены (Пр. 7.1–27). Однако обращает на себя внимание тот факт, что в случае с Книгой Притч из чтения за богослужением исключен не только указанный отрывок, но и все «вторичные» тексты Книги: греческие профитологии (и копирующие их славянские паремийники) включают лишь Притч. 1.1–24.5 и 31.10–31, то есть только Введение, Первую коллекцию Книги Притч (она прочитывается полностью, за исключением последних 17 стихов) и Заключение Книги (Похвала добродетельной жены/мудрости). Таким образом, вторичные коллекции («Вот еще слова мудрых», «Притчи Соломона, собранные мужами Езекии», «Слова Агура» и «Слова Лемуила») в богослужебные чтения не входят.

Можно предположить, что несмотря на все усилия редакторов (переводчиков LXX) сгладить границы между коллекциями и представить сборник притч как единую книгу, восходящую к самому Соломону, сохранилось представление о том, что с конца главы 24 и до начала Похвалы жене (31.10) текст книги не настолько авторитетен. Более того, заголовок 25.1 «Вот наставления Соломона несомненные, которые собрали люди Езекии, царя Иудейского» воспринимались как начало совершенно новой книги, что отражено, например, в заголовках первого полного славянского списка Книги Притч (F.I.461, РНБ). Таким образом, понимание состава и композиции Книги Притч и литургический статус этой книги (то есть использование этой книги за богослужением) тесно связаны и менялись на протяжении истории. Если сохраняя заголовок 25.1, редакторы/переводчики LXX хотели подчеркнуть, что вторая часть книги, хоть и восходящая к Соломону, все же не так авторитетна, как первая, то это им удалось, и их посыл считали христианские составители паремийных чтений.

Кнорозова Е. Ю. (БАН, Санкт-Петербург)

Вьетнамские традиционные романы: поэзия и проза

Классические формы средневекового романа в разных странах Европы и Азии имеют между собой много общего¹. Романы писались в стихах и в прозе. По словам П. В. Гринцера, традиционный роман и новый роман — не два жанра, а два типа одного и того же жанра².

В отличие от прочих стран дальневосточного культурного ареала, во Вьетнаме традиционные прозаические романы были только исторические, а бытовые, авантурные романы отсутствуют. Сочинения появились под влиянием китайских

¹ Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику романа. М., 1986. С. 163.

² Гринцер П.А. Две эпохи романа // Избранные произведения. Древнеиндийская литература. Т. 2. М., 2008. С. 181–228. С. 222–223.

многоглавных романов, где композиция глав генетически восходит к творчеству народных сказителей. Вьетнамские романы писались стандартным *вэньянем* (*ханванем*). Д. Н. Воскресенский отмечает, что в Китае история постоянно соотносилась со словесностью, причем главную роль, как правило, играла история. Влияние истории проявляется также в относительно большом объеме понятийной терминологии, которая установилась в прозе¹.

Термин традиционной китайской историографии *и тун чжи* (вьет. нят тхонг ти) — «сводное описание», употреблявшийся в историко-географических описаниях *фанчжи*, — использован в названии одного из первых вьетнамских романов — «Сводного описания династии Ле» (XVIII в.). Появление книги, созданной Нго Тхи Ти, Нго Тхи Нямом и другими авторами из рода Нго под влиянием китайского исторического романа-хроники, ознаменовало рождение нового жанра во вьетнамской прозе.

Основой этого сочинения послужили современные авторам события, связанные с восстанием Тэйшонов (1788–1802), падением князей Чинь и династии Ле (1428–1788). Как дополнение к этому произведению Нго Зяп Дау написал роман «Записки о возвышении императорского Вьета» (1904). В романе «Записки о заслугах Южной династии» (1719) Нгуен Кхоа Тиема изображены распри феодальных домов Чиней и Нгуенов. В конце XVIII — начале XIX в. Ву Суан Май написал роман «Весны и осени Вьет Лама». В нем рассказывается о падении династии Хо (1400–1406), борьбе с китайскими захватчиками и освобождении страны (начало XV в.). Роман помечен словосочетанием «весны и осени» (вьет. суан тху, кит. чунь цю), в древнем Китае хроники царств имели название «Чуньцю» — «Весны и осени».

В 1914–1917 гг. известный вьетнамский политический деятель и литератор Фан Бой Тяу написал исторический роман «Чистосердечная история Чунг Куанга». Действие книги происходит в начале XV в., когда Вьетнам был захвачен китайцами, и повествует о повстанцах, борющихся против китайской оккупации. Интерес к историческим романам сохранился у вьетнамских писателей и в XX в., когда произведения стали создавать на основе латинизированной письменности, используя европейские жанры. Подобные произведения присутствуют в период Обновления (конец XX в.) и в современной литературе начала XXI в.

Вьетнамские романические поэмы-*чуены* бытовали как в устной, так и в письменной форме. Устойчивый комплекс мотивов: встреча — разлука — поиск — обретение является архетипической композиционной моделью не только мифа, но и древнейших повествовательных жанров в их совокупности². Комплекс встреча — разлука — поиски — обретение составляет круговое движение, выражающее тождество героя с самим собой³.

¹ Воскресенский Д. Н. К вопросу о взаимосвязи истории и литературы в Китае // Воскресенский Д. Н. Литературный мир средневекового Китая: китайская классическая проза на байхуа. М., 2006. С. 126–136. С. 129, 132.

² Гринцер П. А. Две эпохи романа // Избранные произведения. Древнеиндийская литература. Т. 2. М., 2008. С. 181–228, 191.

³ Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику романа. М., 1986. С. 132.

Сюжет ряда вьетнамских поэм строится в соответствии с архетипическим комплексом, например, «История Фам Конга и Кук Хоа», «История Фам Тая и Нгок Хоа». Архетипический комплекс может сохраняться, но в конце идеального счастья не наступает. Поэма «Киеу» Нгуен Зу (начало XIX в.) завершается тем, что Киеу вступает в брак с Ким Чонгом, но супруги поддерживают только дружеские отношения. Можно провести аналогию с «Рамаяной»: после победы над Раваной и освобождения Ситы Рама отправляет Ситу в изгнание, поэма завершается описанием окончательной разлуки Рамы с Ситой.

В поэмах народов Юго-Восточной Азии присутствует и такая структура: юноша и девушка влюбляются — следует разлука — новая встреча и смерть. Счастливый конец отсутствует во вьетнамской поэме «Стихи об ароматной туфле» неизвестного автора (XV–XVI вв.). Юноша Ли и красавица Чыонг любят друг друга. Опоздав на свидание, Ли от расстройства умирает.

Архетипическая модель не соблюдается в *чуенах*, связанных с буддизмом и даосизмом. В середине XIX в. Ву Куок Чан написал повествовательную поэму «Удивительная встреча в Битькау». История главного героя — Чан Ту Иена, считалась неофициальной биографией даосского наставника. В анонимном *чуене* «Куан Ам Тхи Кинь» повествуется о человеке, который прожил праведную жизнь и постиг путь к спасению. Будда возродил его в образе девушки. Ее жизнь была добродетельной, она перенесла много страданий, и Тхи Кинь стала бодисатвой Куан Ам (Гуаньинь).

Как отмечает Е. М. Мелетинский, сказка взаимодействовала со средневековым романом очень широко и являлась тем каналом, по которому романтический эпос вообще взаимодействовал с фольклорной и народной культурой¹. Волшебная сказка «Тхатъ Сань» — одна из самых популярных во Вьетнаме. Этот фольклорный сюжет лег в основу одноименной повествовательной поэмы, созданной в конце XVIII — начале XIX века анонимным автором. Вероятно, во вьетнамских *чуенах* можно найти связь с аграрной мифологией, с культами плодородия.

Кузнецов А. А. (ИСАА МГУ, Москва)

Заглавия стихов в художественном мире Нима Юшиджа (1897–1960)

В эпоху посттрадиционалистского типа художественного сознания² функциональную роль играет «рамочный текст» (он же «паратекст»), к которому относятся

¹ Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику романа. М., 1986. С. 146.

² О типах художественного сознания см. Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика: литературные эпохи и типы художественного сознания (сборник статей). М.: Наследие, 1994. С. 3–38.

имя (или псевдоним) автора, заглавие и подзаголовки, эпитафии, посвящения и другие компоненты, которые в совокупности моделируют определенные читательские ожидания¹. Автор, организовывающий раму своего художественного текста, как правило, заключает в ней итог своей рефлексии над собственным творением. Хотя в лирике название стихотворения не является обязательным, автор может подобрать заглавие, которое способно «резонировать» с его творческим замыслом.

Как следует из «Полного собрания стихотворений»², практически все произведения Нима Юшиджа (как в классической форме, так и в «свободной» форме — перс. «*āzād*») снабжены заглавиями (перс. «*onvān*»). Гипотетически некоторые стихотворения, приводимые в данном издании, могут быть озаглавлены не самим поэтом, а Сирусом Тахбазом как издателем и составителем книги. В любом случае заглавия как «концентраты художественного замысла» предваряют знакомство читателя с авторской концептосферой, поскольку автор или издатель выбрал их в качестве «аккумулятора» идеи того или иного произведения. Большинство заглавий можно распределить по шести крупным группам:

(I) «*Природные*» заглавия, содержащие названия объектов и явлений природного мира. Первая категория заглавий (самая многочисленная) отражает длинный ряд природных образов, которые следует признать одной из основ художественного мира Нима Юшиджа. Это «Лисица и петух» (перс. «*Rubāh-o-xorus*»), «Волк» (перс. «*Gorg*»), «Тутовый шелкопряд» (перс. «*Kerm-e abrišom*»), «Смерть птички каколи» (перс., маз. диалект. «*Marg-e Kākoli*»), «Старая сова» (перс. «*Joqd-i pīr*»), «Ранний цветок» («*Gol-e zudras*»), «Маленький родник» (перс. «*Češte-ye kuček*») и многие др.

(II) «*Темпоральные*» заглавия, содержащие указания на временные промежутки. Вторая категория задает в тексте координаты течения времени. Основой для наиболее частотного образа в этой категории выступает прежде всего концепт «ночи» (напр., «Холодной зимней ночью», перс. «*Dar šab-e sard-e zemestāni*»), но есть указания и на иные периоды, например, сезонные («Весна», перс. «*Bahār*»).

(III) «*Антропологические*» заглавия, содержащие социальную характеристику человека, описание среды его обитания, предметную сферу его повседневной деятельности. Данная категория заглавий отражает различные стороны преимущественно провинциального уклада жизни: например, «Лодка» (перс. «*Qāyeq*»), «Колокол» («*Nāqis*»). Сюда же примыкают и характеристики человеческой личности, связанные с его жизнью в обществе, напр.: «Мать и сын» (перс. «*Mādar-i-vo pesar-i*»), «Кузнец» («*Āhangar*») и др.

¹ О термине см. подробнее: Введение в литературоведение / под ред. Чернец Л. В. Т. 1. М.: Юрайт, 2020. С. 198–212; Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. Николюкин А. Н. М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 848–853.

² См.: Нима Юшидж. Полное собрание сочинений / Сост.: Сирус Тахбаз. Тегеран, 1371/1992. 902 с. (На перс. яз.).

(IV) «Психологические» заглавия, содержащие указания на душевные состояния или иные ментальные аспекты человеческого бытия. Четвертый класс заглавий отражает эмоции, ощущения и душевные переживания как неотъемлемые компоненты человеческого бытия. Спектр внутренних процессов описывает палитру разнообразных состояний сознания (и подсознания) людей: от положительных эмоций до тягостных переживаний, напр.: «Кто плачет? Кто смеется?» (перс. «*Ke mixandad? Ke geriyān ast?*»), «О, удрученный влюбленный» (перс. «*Ey āšeq-e fesorde...*») и др.

(V) Заглавия, содержащие имена собственные, указания на конкретных личностей или уникальных существ. Данная категория позволяет реконструировать круг общения автора, выделить в нем ключевые фигуры: «Художнику Аржанги» (перс. «*Be Ressām-e Aržangi*»), «Мой отец» (перс. «*Pedar-am*»), «Нима» (перс. «*Nimā*»). Также примечательны стихотворения, посвященные историческим личностям и религиозным деятелям: «В описание весны и добродетелей Господина праведных ‘Али (да приветствует его Господь)» (перс. «*Dar vasf-e Bahār-o manqabat-e Mowlā-ye motaqiyūn ‘Alī [‘aleyh as-salām]*»). К этой группе примыкают заглавия, содержащие имена главных героев «Манели» («*Māneli*»), а также мифологических персонажей «Пери» (перс. «*Pariyān*») и др.

(VI) «Жанровые» заглавия. Данная категория заглавий отражает либо авторское восприятие жанровой принадлежности собственного сочинения. Например, «Стихотворение» (перс. «*Še ‘r*»), «Неновая история» (перс. «*Dāstān-i na tāze*»). Заглавия данного типа также могут содержать имена собственные и в классификации могут быть отнесены также к V категории, напр.: «Оплакивание Эшки» (перс. «*Dar resā ‘-e ‘Ešqi*»), «Поэма для Шахрияра» (перс. «*Manzume be Šahriyār*») и др.

Таким образом, заглавия служат «порталом» в художественный мир Нима Юшиджа. Названия выделяют ключевые образы, в которых находит воплощение авторский замысел — как в прямой, так и в аллегорической трактовке. Часть заглавий основана на концептах эмпирического познания: природные объекты и явления (смена дня и ночи, животные, птицы, растения, погодные явления, ландшафт и т. д.), элементы быденного уклада человеческой жизни (лодки, свечи, дома, селения; солдаты, кузнецы, пастухи и т. д.) и т. п. Из абстрактных феноменов мира человека в заглавия вынесены прежде всего эмоции, которые, естественно, не лишены связи с материальной сферой бытия — радость, плач, память, сон и пр.

Лекарева Е. П. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Диалог с Другим в бенгальской литературе начала XX в.

Конец XIX — начало XX в. ознаменованы в истории бенгальской мысли возникновением процессов переосмысления национального духовного наследия,

вызванных активным взаимодействием в первую очередь с западной культурой, ценностями, институтами. Важной составляющей этого процесса стало формирование определенных представлений о Другом благодаря диалогу с которым становилось возможным более чуткое понимание Себя и Своего и, как следствие, открытие основ национальной, культурной и духовной идентичностей, что было особенно важным в условиях становления и крепчания национально-освободительного движения в Индии того времени. В этом смысле исключительный интерес для исследователя представляет творчество известных классиков бенгальской литературы Рабиндраната Тагора (1861–1941) и Шоротчондро Чоттопадхья (1876–1938). Неравнодушные очевидцы, а порой и деятельные участники движения за независимость, они, хотя и желали одного, придерживались разных взглядов в отношении будущего Индии. Идеиные и духовные искания писателей наглядно проявляются в их произведениях — а именно в романах «Дайте дорогу» (1926) Ш. Чоттопадхья и написанных отчасти в ответ на него «Четырех частях» (1934) Р. Тагора, — в которых образ Другого, хотя и не выражен явно, тем не менее играет ключевую роль в развитии повествований, задавая направление идейным поискам главных героев и актуализируя проблему их самоопределения в условиях сложной политической, социальной и культурной обстановки.

В результате сравнительно-сопоставительного анализа упомянутых произведений было выявлено, что идея Другого неизменно обнаруживает себя в семантическом пространстве текстов в рамках реализации таких базовых пар оппозиций, как «насилие/ненасилие», «долг/свобода выбора», «традиция/отказ от нее», «свой чужой», и оказывается, таким образом, заложенной в самой основе повествований. Формированию как образа Другого, так и диалога с ним, нашедшего яркое и полное отражение в художественной плоскости романов, также в значительной степени способствует и наличие политического дискурса, благодаря которому реализуются его характерные черты. Так в романе «Дайте дорогу» итогом взаимодействия с Другим является, выражаясь терминами, предложенными отечественным индологом Т. Г. Скороходовой, открытие *страдающего* Другого в лице обездоленных и бедных рабочих и крестьян Индии, а также Другого-*врага* и *ближнего* Другого, место которых занимает колониальная власть¹. Герои Р. Тагора же обнаруживают рядом с собой, с одной стороны, *необходимого* Другого, «с которым можно и нужно вести диалог и у кого не зазорно учиться» и, с другой — *чужого* Своего, далекого во всех отношениях².

Диалог с Другим, в свою очередь, актуализирует проблему самоопределения персонажей в условиях непростой социально-политической обстановки, результатом которой становятся поиски основ идентичности. При этом если герои Ш. Чоттопадхья стремятся отыскать основы *национальной общности* индийского народа в кризисную эпоху, то для персонажей Р. Тагора важнее и актуальнее оказывается *духовная основа* для единства общества.

¹ Скороходова, Т. Г. Понимание Другого и диалог в философии Бенгальского Возрождения. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2022. С. 10, 21.

² Там же. С. 19.

Все это позволяет сделать вывод о крайней значимости и текстообразующей роли образа Другого и диалога с ним в романах Ш. Чоттопаддхая «Дайте дорогу» и Р. Тагора «Четыре части».

Мещерская Е. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Символика жемчуга в восточнохристианских литературах

Художественную структуру любого христианского текста во многом определяют символы. Их использование диктовалось главной целью автора — раскрыть отношения между миром видимым и невидимым, а основным источником в понимании связи двух миров являлось Священное Писание. Уже в Ветхом Завете многие простые лексемы приобретают другой, символический смысл. Но тенденция к символизму текста усилилась с внедрением в иудаизме практики аллегорического толкования Библии. Для иудаизма, в свою очередь, образцом послужили работы античных филологов александрийской школы, искавших символические смыслы в любом тексте. Как правило, символом становилось слово, обозначающее какой-то предмет обыденной жизни. Но с помощью его интерпретации в нужном направлении формировался новый, сложный, в том числе и богословский концепт. Христианская традиция восприняла этот литературный прием от иудейской практики аллегорического толкования библейских текстов. Однако тенденция к символизму христианских текстов усилилась после того, как христианство, сделав Ветхий Завет частью своего Священного Писания, ввело принцип прообразовательного или типологического толкования Библии, когда предметы, события и явления ее ветхозаветной части стали рассматриваться как прообразы или типы новозаветной истории.

Можно назвать множество примеров-символов, получивших развитие в произведениях христианской литературы — вино, хлеб, вода живая, якорь, виноградная лоза, агнец и т. д. Высокий стандарт символического толкования был задан Иисусом Христом, когда Он в эпизоде Тайной вечери (Мф. 26:17–29; Мк. 14:12–25; Лк. 22:7–30; Ин. 13–17) обозначил хлеб и вино, употребляемые на трапезе, Своими Телом и Кровью.

В докладе будут рассмотрены примеры одного из самых любимых символов христианских авторов — жемчуга. Жемчуг привлекал средневековых писателей загадочностью своего происхождения, рассматривался ими как высшее мерило чистоты, святости и духовной ценности. В Новом Завете символика жемчужины раскрывается в Евангелии от Матфея (Мф. 13:45–46) в притче о купце, который продает все свое имение и покупает всего лишь одну, но очень ценную жемчужину — Царство Небесное.

Но христианская литература знает и другие примеры использования этого символа. Мы рассмотрим несколько текстов, представив их в хронологическом порядке, в которых жемчуг обозначает душу человека:

1. Гимн о жемчужине из апокрифических «Деяний Иуды Фомы апостола». Он есть в сирийской и греческой версиях этого произведения и датируется II — нач. III в.¹

2. Рассказ об умершем, но чудом воскресшем карфагеняnine из «Хроники» византийского историка Георгия Амартола (IX в.) на греческом языке².

3. Рассказ о смерти полоцкого князя Изяслава Васильковича из «Слова о полку Игореве» на древнерусском языке (XII в.).³

Наше исследование показывает, что символ «душа — жемчуг» берет свое начало в гностическо-манихейской образной системе⁴.

Наиболее полно символика жемчуга раскрывается в творчестве сирийского писателя IV в. Ефрема Сирина. Для него жемчужина станет символом, в котором сосредоточено все христианское вероучение. В цикле гимнов Ефрема Сирина «О вере» пять (81–85) посвящены жемчугу и имеют в рукописях надписание «ал-маргарита»⁵.

У Ефрема Сирина мы видим евангельскую трактовку символа «жемчужина — Царство Небесное». Жемчужиной Ефрем Сирин обозначает основу христианского вероучения — Священное Писание. Описание жемчужины, инкрустированной в серьгу, дает Ефрему Сирину возможность нарисовать символическую картину распятия Иисуса Христа. Через описание ловли жемчуга он раскрывает сущность миссионерской деятельности апостолов. Но главное то, что, используя символику жемчуга, он раскрывает догмат о Воплощении, где жемчуг — непорочность Девы Марии, а христианская Церковь с Сыном-Христом — внутри нее.

При таком разнообразии интерпретации символа жемчуг в произведении Ефрема Сирина нигде не используется символ «жемчуг — душа». Нам представляется, что это не случайно, поскольку весь цикл «О вере» направлен против гностиков и манихеев. И Ефрем Сирин демонстрирует, что ему чужда образная

¹ Wright W. Apocryphal Acts of the Apostels. London: Williams and Norgate, 1871. Vol. 1. P. 204–209; Lipsius R.-A., Bonnet M. Acta apostolorum apocrypha. Lipsiae: H. Mendelssohn, 1903. T. 2. P. 219–224.

² Georgii monachi Chronicon / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1904. Vol. 2. P. 682. В славянорусском переводе: Истрин В. М. Книги времени и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. 1. Текст. Российская Государственная Академическая типография: Пг., 1920. С. 440.

³ Слово о полку Игореве. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1985. (Библиотека поэта. Большая серия. Изд-е 3). С. 32.

⁴ Мещерская Е. Н. Деяния Иуды Фомы (культурно-историческая обусловленность раннесирийской легенды). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 117–122; Мещерский Н. А., Мещерская Е. Н. «Жемчужна душа» в «Слове о полку Игореве» // Исследования по древней и новой литературе. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1987. С. 147.

⁵ Des Heiligen Ephraem des Syrerers *Hymnen de Fide* / Hrsg. E. Beck. (CSCO Vol. 154, SS T. 73), Lovanii: in Aedibus E. Peeters. 1965. P. 248–262.

система этих еретиков. Для нас же этот факт является косвенным подтверждением происхождения символа «жемчуг — душа» из гностическо-манихейской среды.

Николаева М. В. (ИВ РАН, Москва)

Средиземноморские мотивы в поэзии Хусейна Насруллы

Незаурядная личность журналиста, литератора, поэта, философа и общественного деятеля Хусейна Насруллы (1957–2012) может сегодня стать ответом на острые вопросы духовной самоидентификации художника в современном мире. Он родился в местечке ат-Тыба на Юге Ливана, с детства писал стихи, учился философии и социологии в Ливанском университете, работал журналистом, занимался политикой, был корреспондентом, редактором и директором культурных разделов арабских газет «Ал-Фунун» (Кувейт), «Ар-Рияд» и «Ал-Ватан» (Саудовская Аравия), «Ал-Маукиф аль-арабий» (Никосия, Кипр), «Аз-Заман» (Оман), ливанских периодических изданий «Ал-Хадаф» и «Ан-Нахар», «Ал-Кифах ал-Арабий» и др., освещал деятельность ряда мыслителей, литераторов, политических деятелей арабского мира и классиков мировой литературы на радио и телевидении, в программе «Саут ал-джабаль» (голос гор) и других ресурсах. В его передаче «Творцы без границ» на радиостанции «Голос России» проходили беседы крупнейших литераторов, поэтов, критиков, философов, религиозных деятелей. Поэзия, проза, публицистика Х. Насруллы наполнены серьезными размышлениями о современном кризисе секуляризма и религиозного сознания («Кризис религиозного и светского сознания» (Бейрут: Дар ал-Фараби, 2010 г. и другие труды).

Как журналист и литератор Х. Насрулла стал заметным медийным лицом ливанской и арабской журналистики, членом Союза ливанских редакторов и писателей. В 2009 г. он переехал в Москву, где основал ежемесячный журнал на русском и арабском языках с символическим названием «Ал-Мутауассет», «Средиземноморье», отдавая дань этому центральному региону, на берегах которого зародились основы всех цивилизаций современного мира. Издание было официально зарегистрировано в Российской Федерации 30 ноября 2009 г. Журнал сотрудничал с ведущими российскими СМИ, ВШЭ, медийными и образовательными центрами (например, с московским пресс-клубом ЦДРИ, январь 2007¹).

Хуссейн Насрулла стремился укреплять культурные связи между арабским миром и Россией. Журнал «Ал-Мутауассет» превратился в своеобразный мост взаимопонимания между арабскими (ливанскими) и российскими журналистами

¹ Сараев Ф. А. В гостях — необычайные и полномочные... // *Литературная газета*. 01.01.2007. URL: <https://lgz.ru/article/v-gostyakh-chrezvychaynye-i-polnomochnye/> (дата обращения: 15.01.2025).

и писателями. Он задавался острыми вопросами о судьбах современной цивилизации и национальной судьбе арабов, осуждал продвижение идеи о том, что европейцы должны взять на себя задачу просвещения «отсталых и неразумных народов»: «Мы кажемся нацией, которая боится встречи со своей реальной индивидуальностью... арабы потеряли свою весну еще до того, как распустились ее цветы»¹.

В таком тревожном контексте совсем по-особому звучат слова Х. Насруллы-поэта. Глубокое проникновение в потаенную суть самых острых и актуальных проблем современности его политического дискурса может быть объяснимо особой поэтичностью его мировосприятия. Именно такое обостренное ощущение века со всеми его катаклизмами, античеловечностью и неизбежностью — тот творческий фон, на котором вырисовывается личный портрет этого незаурядного человека — ливанца, левантинца Средиземноморья, гражданина мира. В посмертном издании избранных стихотворений Х. Насрулла собраны образцы поэтического творчества из трех циклов: «Наполнись светом ночи как светильник» (Имтали би-л-лейл мисла мисбах, 1984), «Ложе души» (Асас ар-рух, 1989) и «Раковины на суше» (Асдаф ала-л-барр), законченный в 1992 году. Двухязычный русско-арабский сборник стихов был издан в Москве по инициативе брата и духовного наследника поэта-издателя Хасана Насруллы и представлен в Союзе писателей России в декабре 2013 г.

Лейтмотив глубоких размышлений поэта — мучительный поиск своего места в противоречивом мире реальности, и места своего маленького народа в неумолимом процессе движения истории. Эти вопросы наиболее остро встают в стихотворениях, посвященных раздумьям о современности («Слезы бури», «Гимн веку» и другие из сборника «Раковины на суше» (Асдаф ала-л-барр)). Экзистенциальная тревога, мучительные попытки понять жестокие смыслы исторических судеб, калечащих жизни отдельных людей, определение подлинного места и призвания человека в современном мироустройстве, дисгармония, разлад духовных устремлений и чудовищной логики бессмысленного самоистребления — основные мотивы его поэтических произведений. В них звучат средиземноморские мифологемы аграрного общества, морские образы, идеи цикличности времени, смены сезонов накладываются на сюрреалистическую стилистику и экзистенциальное чувство трагического одиночества художника XX — начала XXI столетия.

Здесь присутствует множество характерных и взаимосвязанных комплексов референтных детерминант Средиземноморского «терруара», характерных для ливанской поэзии, отражающей глубинные мифологемы национальной идентичности: группа соляных мотивов и аграрные циклы Средиземноморья; мифологический образ богини Астарты (Иштар) — вечной женственности Богоматери с (мертвым!) ребенком; группа Логоса, где родная земля предстает как родина

¹ Наср-аллах Х. Не соблазняться силой // *Аль-Мутауассет*. 15.05.2010. № 4. С. 2–3

первого в истории человечества финикийского Алфавита, книги (Библиос), первоисточник истины, знания; атлантизм — образ моря, морской стихии как метафора человеческого пути — преодоления, путешествия в бесконечность, горизонталь, в неведомое «за Геркулесовы Столбы»; и наконец, сложный концептуальный комплекс мотивов Времени и Вечности, где все исчезает, и ничто не возрождается, в рамках которого столь остро звучат размышления об утраченной идентичности.

Расулева Н. А. (ТашГУВ, Ташкент, Узбекистан)

Образ «Китая будущего» в научно-фантастических романах конца Цин и раннего периода Китайской Республики

Образ «Китая будущего» появился в фантастических романах конца Цин и начала Китайской Республики. Это было обусловлено поиском авторами идеальной страны и изменениями в творческих формах и способах мышления, которые сделали «Китай будущего» возможным в романах данного периода. Писатели использовали модели зарубежных научно-фантастических романов, сочетали их с местным культурным контекстом и строили национальный образ будущего.

Развитие издательской индустрии в конце Цин обеспечило условия для расцвета романного жанра. Внедрение западной культуры дало позднецинским романистам новые методы и мотивацию. В этот период Китай переживал период столкновения старого и нового, китайской и западной культур. Формировалось новое сознание. Мир усложнялся. Чтобы представить будущий Китай, писатели стали использовать рассказы о путешествиях и снах, в них направляли героев в «будущее», чтобы создать необыкновенное воображаемое пространство.

Основным элементом научно-фантастических романов является «наука», и для построения «будущего Китая» необходимо создать сюжетное пространство, отличное от реальности. Путешествие — это форма, которая может связать реальность с будущим. «Использование путешественников в качестве главных героев в романах началось на рубеже XIX–XX, роман стал жанром, достойным внимания»¹. Новые романисты используют движение персонажей для перемещения между различными сценами, чтобы достичь будущего времени и пространства. «Китай будущего» в этих романах должен происходить в будущем, вдали от текущего времени и пространства, несет в себе «новое качество». Он отличается от реального мира.

¹ 陈平原.中国现代小说的起点——清末民初小说研究[M]. 北京:北京大学出版社2005:236.

Так, например, «*Новые записки на камне*» 《新石头记》 помещают Цзя Баоюя в разное время и пространство. Баоюй появляется в 26-й год Гуансюя и обнаруживает в современном Шанхае спички, западные корабли и велосипеды, электрическое освещение и другие западные новшества. В этом воображаемом пространстве он видит передовые технологии: в медицине, образовании, военной промышленности и торговле.

Душа «Я» в «*Новом господине Фало Тане*» 《新法螺先生谭》 отделяется от тела, устремляется в сторону обширной Солнечной системы, посещает лунный мир, подземный Китай, Меркурий, Венеру и т. д. Она воплощает два архетипа ученых Цин: «Фаустовское желание превзойти устоявшийся жизненный опыт и знания и Прометееву страсть к самопожертвованию ради блага всего человечества»¹. Вернувшись обратно в Китай, Фало изобретает технологию «мозгового электричества», но поскольку она делает ненужной традиционную керосиновую и электротехническую промышленность, треть населения остается без работы и изгоняется. Путешествия Фало символизируют размышления интеллектуалов конца Цин об их положении в то время. Путешествие по зарубежным странам помогает познакомиться с передовыми знаниями.

«С изменением географических представлений методы повествования в романах конца Цин неизбежно будут корректироваться и меняться сознательно или бессознательно»². Писатели начали осознавать различия в структуре китайских и западных романов и менять повествование в романах, упрощать их структуру. В поздних научно-фантастических романах повествовательный элемент в основном опирался на путешествие. Здесь во многом сказалось влияние переведенных произведений Ж. Верна и других западных фантастов.

В Китае проза о путешествиях известна со времен Мин. В «*Путешествии в Утопию*» 《乌托邦游记》 любовь автора к странствиям и сомнения в отношении цивилизованных стран Запада побуждают его отправиться на поиски Утопии, но ее он не достигает.

Когда позднецинские фантасты создавали «будущий Китай», их акценты были разными. Кто-то представлял революционные партии, кто-то — консерваторов. Одни имели панорамное воображение, охватывали политику, армию, образование, промышленность и т. д., другие мыслили фрагментарно. Но у них есть сходство в повествовательных приемах. Например, действие романа обычно происходит в определенном периоде времени в будущем, а затем рассказ ведется ретроспективно, реальность и будущее пересекаются. Например, в романе «Новый Китай» Лу Шиэ использует сны, чтобы показать потрясающие изменения, которые произошли в Китае через 40 лет после принятия Конституции.

¹ [美]王德威. 被压抑的现代性[M]. 北京:北京大学出版社, 2005. P. 337.

² 李森. 中华文艺复兴论3[M]. 广州:花城出版社, 2016. P. 04.

Для рассказа о «будущем нового Китая» авторы используют «будущее совершенное время». При совершении перехода от настоящего к будущему прибегают к сновидениям.

Прием сна был знаком традиционной китайской литературе и прежде («Волшебное изголовье», «Пионовая беседка», «Ван Чу Сян встретил богиню во сне»). Фантасты конца Цин использовали сны для построения картины процветающей и могущественной страны, контрастирующей с реальностью. В «Романе о лунной колонии» Лун Мэнхуа несколько раз посещал во сне лунный мир. В этом романе заметно увлечение интеллектуалов идеями равенства и демократии.

Показ будущего научно-технического прогресса вызывает большие трудности у фантастов. Их романы обычно демонстрируют больше фэнтези и меньше науки.

Любая история происходит в определенной системе временных и пространственных координат. С популяризацией западной астрономии и географии традиционная концепция времени и пространства в Китае изменилась. Старая концепция рухнула, а новая еще перестраивалась. «Воображение требует двух основных условий. Одно — овладение и изменение концепции времени, а другое — изменение концепции пространства»¹.

Концепция времени и пространства, основанная на философии Возрождения и классической механике Ньютона, существенно отличается от традиционного китайского «циклического» взгляда на время и китаецентричного мировоззрения. В 1898 г. Ян Фу перевел «Эволюцию и этику» Т. Гексли, познакомил Китай с теорией эволюции Дарвина. Новое представление о времени пробудило у китайцев интерес к будущему и к новой концепции пространства. В научно-фантастических романах Цин и Китайской Республики писатели придают большое значение новой трактовке времени и пространства, и развитие романного жанра в этот период проходило под сильным влиянием этих концепций.

Рейснер М. Л. (ИСАА, Москва)

«Термины» идентификации «нового стиля» (*tarz-i tāza*) в персоязычной газели XVI–XVII вв.

Стиль персоязычной поэзии XVI–XVII вв., который в терминологии, предложенной крупным иранским поэтом и филологом Малек ош-Шо‘ара Бахаром (1886–1951), стал названием «индийским», имеет внутреннюю самоидентификацию в поэтической практике этого времени.

¹ 李欧梵.西学东渐——晚清文学中的乌托邦想象[J].关东学刊.2018(02).P. 54–55.

В творчестве большинства стихотворцев, активно продвигавших идеи стилистического обновления поэзии, он получил наименование «нового стиля» (*tarz-i naw*) или «особой манеры» (*šīve-yi xaṣ*). Эти словосочетания встречаются у многих известных авторов обозначенного периода независимо от того, в какой части «Большого Ирана» они жили и творили. Классический персидский в качестве языка изящной словесности в ту эпоху был распространен на огромной территории, в которую входили Иран, Средняя Азия, Афганистан, Северо-Западная Индия и ряд других регионов. Центром притяжения литературных сил в период XVI–XVII вв. был двор Великих Моголов (правили 1526–1857), что и позволило Бахару в его известных трудах связать стиль эпохи с индийским культурным ареалом.

При несомненном лидировании литературного центра, находившегося в Северо-Западной Индии, поэтический стиль, который в иранистике принято называть «индийским», был распространен далеко за пределами этого региона. В том или ином виде его признаки фиксируются не только в стихотворных текстах на персидском языке, но и в произведениях на других языках (тюркских, урду, пушту и др.).

Как обозначение самого стиля как «нового», «особого», не похожего на стиль предшественников, так и ключевые лексические конструкции, определявшие его качества, в среде его приверженцев оказались общими, выработанными в ходе их совместной литературной деятельности. Многие поэты-обновители общались между собой и лично, и в форме обмена стихами и составления «ответов» (*javāb, tatābu*¹) на произведения друг друга. Свои поэтические собрания они нередко устраивали в кофейнях и хвалебно отзывались друг о друге в стихах. Особенно много таких упоминаний в газелях Саиба Тебризи (Исфахани, 1601–1677), одного из признанных корифеев «нового стиля». В одной из своих газелей ярко передано настроение таких дружеских встреч:

Прекрасен тот **кружок** (*gurūh*), где все опьянены речами друг друга,
От кипения мысли они — багряное вино друг для друга.

<...>

Осыпают они всех лепестками **красочных полустиший** (*miṣrā'-yi rangīn*),
Благодаря **свежей мысли** (*fikr-i tāza*) они — розы в саду друг для друга.¹

Газель в этот период являлась наиболее продуктивной формой поэтического творчества, а потому именно она и послужила материалом для анализа в данном исследовании. Кроме того, мотивы авторской рефлексии, в рамках которых вырабатывались образные средства и способы репрезентации «нового стиля» или «особой манеры», в газели, как правило, группируются вокруг авторской «подписи» (*taxalluṣ*) и локализуются в концовке стихотворения, что значительно облегчило процесс собирания материала.

¹ <https://ganjjoor.net/saeb/divan-saeb/ghazalkasa/sh3913>. Здесь и далее переводы стихотворных цитат выполнены автором настоящей публикации.

Поэт упоминает не только своих единомышленников из числа современников, но тех поэтов, которых считает обновителями, по стопам которых он пошел: «Это газель — ответ на ту, что сложит наш ‘Урфи. // Тысячи свечей сгорели, а собрание [поэтов] осталось»¹.

В таких кружках на поэтических собраниях, а также в ходе переписки и практики составления ответов на произведения друг друга, поэты, которые придерживались новой стилистической манеры, сформировали общие образные обозначения результатов своей литературной деятельности, из которых можно составить своеобразный «словарь терминов». Ключевой характеристикой совершенной поэтической речи становится эпитет «красочная» (*rangīn*), который прилагается и к терминам, обозначающим смысл высказывания (*ma ‘nī* — мотив, *mažmūn* — тема, *xiyāl* — фантазия), и словесное выражение поэтической идеи (*lafz*). Столь же частотным в употреблении оказывается эпитет «новый», «свежий» (*tāze*), который прилагается не только к самому термину «стиль», но и к поэтической мысли (*fikr-e tāza*), как это видно из приведенного ранее фрагмента газели Саиба. Новизна ассоциировалась с необычностью. «Инаковость» поэзии нового стиля по отношению к предшествующей традиции была заявлена в и самом его наименовании — «особая манера», и устойчивых эпитетах — «чужой, странный, диковинный» (*garīb*), «незнакомый» (*bīgāne*). Еще одно свойство нового стиля описывалось через эпитет «изошренный» (букв. «изогнутый, скрученный, изви- вающийся»). И, наконец, стихам этого стиля должна быть присуща утонченность, они должны быть изящными (*nazok*).

Повторяемость перечисленных определений стиха у разных авторов газелей XVI–XVII вв. является свидетельством общности их теоретических воззрений, выражаемых посредством мотивов авторской рефлексии. На протяжении веков мотивы «поэта и поэзии», являвшиеся частью репертуара самовосхваления (*faxr*), служили в персидской поэзии способом выражения теоретических и литературно-критических взглядов. В отношении ряда положений поэтики это был единственный способ внесения изменений в заимствованную арабскую систему науки о поэзии (*‘ilm aš-ši‘r*), поскольку она не обладала необходимыми инструментами для описания некоторых характеристик присущих персоязычной поэтической практике.

Этот способ теоретизирования, закрепившийся традиции, создал необходимую почву для приверженцев «нового стиля» и позволил поэтам XVI–XVII вв. не языком терминов, а языком образов сформулировать единую для них всех и четко осознанную литературную платформу. В этом смысле сумма высказываний поэтов, творивших в «особой манере», может быть расценена как один из подвидов литературного манифеста, который в данном случае явился результатом коллективного творчества и своеобразным соглашением между единомышленниками.

¹ <https://ganjooor.net/saeb/divan-saeb/ghazalkasa/sh1768>. ‘Урфи Ширази (1555–1590) — один из признанных мастеров «нового стиля». Переехал из Ширази в Индию, где и прожил до конца своих дней.

Садокова А. Р. (МГУ, Москва)

Японский сюжет о рыбаке Урасима-Таро: от народной сказки к современной литературе

В японской культурной традиции одним из самых известных фольклорных сюжетов является сюжет о рыбаке по имени Урасима-Таро, который попал в Подводное царство (Дворец Дракона), провел там всего три дня, а вернувшись, обнаружил, что на земле минуло триста лет. Нарушив запрет не открывать заветный ларец, он превратился в старца и умер. Интересно, что этот не самый сложный и увлекательный сюжет на протяжении многих веков будоражил сознание японцев, обрастал новыми деталями и получал неожиданные интерпретации. Как сказка, он имел много вариантов по всей стране, в которых финал был разным. Все зависело от предпочтения сказочника. Некоторые стремились сохранить древнее знание, другие, ссылаясь, что слышали именно так, а не иначе, давали слушателям надежду на благополучный исход дела: старость, но не смерть.

Впервые упоминания о рыбаке и обитателях Подводного царства встречаются в первых письменных памятниках Японии VIII в.: в этнографо-географическом своде «Танго-фудоки», в мифологическом своде «Нихон сёки» и в поэтической антологии «Манъёсю». Все эти памятники были созданы на протяжении примерно тридцати-сорока лет, но уже в них видно значительное изменение сюжета: от упоминания того, что рыбак женился на девушке, которая на самом деле была черепахой, до полноценной версии гибели героя, который не смог противостоять времени.

История Урасима-Таро способствовала созданию особого синтоистского культа героя. В Японии есть несколько храмов, место нахождения которых считается связанным с Подводным царством, а сам герой обожествлен. Также издавна в разных районах Японии бытовало большое количество топонимических преданий, связанных с этим сюжетом и предлагающих иные версии его завершения.

Отзвуки печальной истории Урасима-Таро можно обнаружить и в японской литературе. В начале XX в. в качестве философских размышлений об эпохе и переменах в жизни сюжет обрел новое звучание в произведениях Кода Рохана, Симадзаки Тосона, Мори Огая. Новые его интерпретации все чаще появляются и в современной японской литературе. Достаточно вспомнить роман известной современной японской писательницы Оба Минако (1930–2007) «Урасимасо» («Трава Урасима», 1977). В романе делается акцент на том, что бедный рыбак, вернувшись на землю, не нашел никого из родных и близких. Примерно такие же чувства испытывает героиня романа по имени Юкиэ. После долгого пребывания на Аляске, она возвращается в Японию и обнаруживает там совершенно незнакомое и чуждое ей окружение, хотя она-то, в отличие от Урасима-Таро, оказывается в своем времени и среди родных и, казалось бы, близких ей людей.

Новый взгляд на историю Урасима-Таро предлагает и Сасэ Хитоси, автор только что вышедшего романа «Сёва кара яттэкига урасима-таро-но кокай ки» («Записки о переменах с Урасима-Таро, явившегося (рожденного) в эпоху Сёва», 2024 г. (эпоха Сёва — 1926–1989 гг.)). Основная идея романа заключается в том, что нельзя сдаваться, а надо на любые перемены стараться смотреть с оптимизмом.

Появление произведений, в названии которых присутствует имя Урасима-Таро, и блестящая попытка современных авторов по-новому интерпретировать идею старинного предания, поместив ее в совершенно иные жанровые и жизненные условия, лишний раз свидетельствует о необычайной жизнестойкости этого сюжета в японской культуре. Очевидно, что даже спустя века этот сюжет остается не только известным и любимым, но и чрезвычайно востребованным.

Санина К. Г. (ДВФУ, Владивосток)

Образ американской женщины в рассказе Нагаи Кафу «Пробуждение» в контексте репрезентации концептуальной диады *ути* / *сото*

Сборник рассказов японского писателя Нагаи Кафу (1879–1959) «Повесть об Америке» (Америка моногатари, 1908) представляет широкий диапазон взаимодействия сторон в рамках основополагающей для японцев в контексте восприятия себя, своей страны и внешнего мира концептуальной диады *ути* (свой, японский) / *сото* (чужой, внешний, в данном случае — американский)¹. Актуальность изучения данной темы базируется на непреходящем значении данной дихотомии для понимания менталитета японцев. Научная новизна представленного исследования заключается в том, что рассказы сборника «Повесть об Америке» не были подробно изучены в данном контексте ни в отечественном, ни в западном японоведении.

Рассказ «Пробуждение» (Нэдзамэ) демонстрирует распространенный в «Повести об Америке» вариант взаимодействия *ути* и *сото*, когда первое представлено мужчиной-японцем, а второе — женщиной-иностранкой. В данном случае *ути* представлено главным героем рассказа Савадзаки Сабуро, а *сото* — молодой, недавно овдовевшей американской женщиной миссис Деннинг. При первом знакомстве Савадзаки очарован миссис Деннинг — налицо попытка сближения *ути* и *сото*, причем обе стороны явно в этом сближении заинтересованы, но вскоре миссис Деннинг перестает выходить на работу. Савадзаки случайно встречает ее на улице недалеко от ее дома, и они

¹ Санина К. Г. Дихотомия *ути* / *сото* и инверсия гендерных ролей в рассказе Нагаи Кафу «Длинные волосы» // *Дальневосточный филологический журнал*. 2024. Т. 2. №1. С. 44–51.

отправляются на прогулку на набережную реки Гудзон. Миссис Деннинг посвящает Савадзаки в личные подробности своей жизни и обещает выйти на работу, однако на рабочем месте не появляется, что вызывает у Савадзаки «вспышку агрессивного патриотизма»¹ — он уверен, что миссис Деннинг обманула его, посчитав глупым японцем. Когда злость отступает, Савадзаки начинает осознавать, что во время того разговора миссис Деннинг, возможно, неспроста так доверительно с ним общалась. Герой понимает, что, по всей видимости, упустил возможность сближения с американкой. Чтобы убедиться в верности своих подозрений, он отправляется домой к миссис Деннинг, где узнает от ее бывшей квартирной хозяйки о том, что миссис Деннинг вела весьма предосудительный образ жизни — после смерти мужа она не могла удержаться ни на одной работе, и в итоге начала приводить домой мужчин.

Примечателен контраст описания образа жизни миссис Деннинг со слов ее мужа и в изложении ее квартирной хозяйки. Миссис Деннинг говорит, что ее муж воспринимал ее лень и нежелание работать как нечто сродни поведению восточных красавиц: «Он говорил, что я не создана для работы как остальные американские женщины. Муж считал, что я — как турецкая или персидская красавица, одетая в легкие одежды, дремлющая весь день в своем огромном доме под журчание воды, плещущейся в фонтане»². Квартирная хозяйка миссис Деннинг описывает ее образ жизни более жестко: «Когда ее муж был жив, они оба жили здесь на пятом этаже, но она каждый день проводила в беспорядке как вонючая проститутка, в то время как молодые замужние женщины из округа работали в магазинах или подрабатывали на дому, трудились изо всех сил, и только она жила как бездомное животное, не прибираясь даже в собственном доме»³. Кафу создает резкий контраст восприятия стиля жизни миссис Деннинг, проводя границу между тем, как воспринимал ее образ Савадзаки в начале знакомства (соблазнительная женщина, которую сложно забыть) и после того, как узнал о том, что она подрабатывает проституцией (аморальное существо).

В финале рассказа Савадзаки присутствует на вечеринке в узком кругу в честь его возвращения в Японию после трех лет пребывания в США, и один из гостей, увлеченно коллекционирующий фотографии обнаженных красавиц, показывает главному герою рассказа недавно приобретенные «несравненные шедевры»⁴, на которых Савадзаки узнал миссис Деннинг. Если отъезд Савадзаки на родину ставит фактическую точку в его отношениях с американским *soto*, то эта сцена ставит в этих отношениях точку эмоциональную — главный герой «Пробуждения» глубоко разочарован в своих несостоявшихся отношениях с миссис Деннинг. Эти несложившиеся отношения символизируют невозможность адекватного взаимодействия Савадзаки с американским *soto* в принципе, не зря на его прощальной вечеринке присутствуют только японцы — за три года пребывания в США он не завел близких друзей-американцев.

¹ Нагаи К. Америка моногатари (Повесть об Америке). Токио, 2000. С. 167.

² Там же. С. 166.

³ Там же. С. 168–169.

⁴ Там же. С. 170.

Также необходимо отметить символизм названия рассказа — используя слово «пробуждение», *нэдзамэ*, Кафу подчеркивает иллюзорность надежд Савадзаки на сближение с американским *сото*, которое символизирует образ миссис Деннинг, и горечь прозрения при осознании невозможности сближения. В этом же ключе можно трактовать тот момент, когда после доверительного разговора на набережной реки Гудзон миссис Деннинг не выходит на работу в офис Савадзаки, и через какое-то время герою рассказа начинает казаться, что этот разговор был «сценой из романа, чем-то, что не могло с ним случиться»¹. В итоге этого «пробуждения» Савадзаки приходит к следующему выводу: «Нет в мире общества, настолько морально разложившегося, как американское. Можно сказать, что ни одна женщина там не сохранила целомудрия перед лицом жизненных трудностей. Это место не предназначено для длительного проживания благородного человека»².

Таким образом, очевидно, что в рассказе «Пробуждение» представлен тип взаимодействия японского *ути* и *сото*, при котором *ути* представлено мужчиной-японцем, а *сото* — женщиной-американкой. Образ американки миссис Деннинг представлен дуалистично — на начальном этапе, когда сближение *ути* с ней возможно, она представляется герою соблазнительной, томной, незабываемой женщиной; после осознания невозможности сближения она воспринимается как аморальное существо, и это дуалистичное восприятие экстраполируется на США в целом.

Сторожук А. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Основные своды «Странных историй из Кабинета Неудачника» Пу Сун-лина

Собрание рассказов об удивительном известнейшего китайского новеллиста Пу Сун-лина (蒲松齡, 1660–1715), известное как «Странные истории из Кабинета Неудачника» (聊斋志异), не было издано при жизни писателя и поэтому не имеет утвержденной автором структуры или определенного им количества входящих в свод произведений. Это обстоятельство породило в китайской литературной традиции весьма своеобразную ситуацию, когда одно из известнейших и наиболее востребованных собраний не имеет четко регламентированного деления на свитки (*цзюани*), главы и пр., и существует несколько равноправных вариантов такой группировки, представленных в исторически сложившихся подборках.

¹ Нагаи К. Америка моногатари (Повесть об Америке). Токио, 2000. С. 167.

² Там же. С. 171.

Новеллы Пу Сун-лина при его жизни были известны весьма небольшому кругу друзей и литературных единомышленников, которым писатель посылал свои произведения в обмен на интересные истории из народного фольклора тех провинций, где они оказались по долгу службы. Сам Пу Сун-лин за всю жизнь лишь один раз покинул родную провинцию Шаньдун, поэтому сведения о преданиях из других уголков Китая он черпал именно таким образом — через активную переписку с друзьями. Те же, получив рукописи его новелл, зачастую оставляли их в собственных архивах или иногда делились с приятелями, давая сделать копии. В результате устоявшегося свода «Странных историй» при жизни писателя не возникло; есть лишь сведения о некоем сборнике 1679 года, к которому сохранилось авторское предисловие, но ни его структура, ни вошедшие в него новеллы неизвестны, равно как неясно, кому это собрание было подарено. Наличие предисловия («Ляо Чжая собственного написания», 聊斋自志) позволяет ряду исследователей считать, что к этому времени свод новелл был завершен, что спорно и не подтверждается имеющимися сведениями, а при более детальном рассмотрении этими сведениями и опровергается.

Как следствие, собрания новелл начинают появляться после смерти писателя; энтузиасты собирают имеющиеся в их распоряжении произведения и создают различного объема и различной структуры собрания. Первый полный список новелл появляется в 1751 году, благодаря усилиям эрудита и ценителя творчества Пу Сун-лина Чжан Си-цзе (張希傑, 1689–1763). Свое жилище он назвал «Кабинетом чеканящего снежинки» (кит. Чжу-сюэ Чжай, 鑄雪齋), и созданный им свод по этому имени начинает называться «Чжусюэчжайским». Чжан Си-цзе собрал все имевшиеся в доступности рукописи и своды, объединил их воедино, разделил собрание на 12 свитков (*цзюаней*) и сохранил результат в виде целостного рукописного корпуса, в который вошло более 400 произведений. В хранящемся в библиотеке Пекинского университета списке их насчитывается от 474 и еще 14 (по другим критериям подсчета — 15) непоименованных, то есть всего около 488 рассказов, в зависимости от того, выделены ли продолжения и дополнения как отдельные новеллы или нет.

Кроме Чжусюэчжайского также очень важным сводом является 24-*цзюаневый* рукописный корпус (聊斋志异二十四卷抄本), созданный, вероятнее всего, в 1750–1765 годах, хранящийся в Шаньдунском Народном издательстве (山东人民出版社); при неполноте представленных в нем новелл он ближе всего к рукописным авторским вариантам.

Третьим из важнейших корпусов является Чжусюэчжайский свод, первое печатное издание «Странных историй». Обычно его датируют 1765 годом, что не совсем верно. В предисловии стоит датировка — 11-й месяц 30-го года Цянь-луна (乾隆), то есть вторая половина декабря 1765 года или начало января 1766, поэтому, строго говоря, раньше 1766 года появиться эта книга не могла. Напечатан свод был ксилографическим способом с резных досок, состоял из 16 *цзюаней*, входило в него 415 новелл плюс «Собственное написание»; впрочем, многие из 415 новелл были в двух и более частях, и если считать каждую из них за отдельное произведение,

то количество их будет много больше, приближаясь к Чжусюэчжайскому сборнику. В XX веке были обнаружены собственные рукописи Пу Сун-лина с прежде неизвестными текстами, и отсутствовавшие в Цинкэтинском своде новеллы из разных источников в более поздних переизданиях были восполнены: появился раздел «Дополнения» (补遗), в которые стали включать не вошедшие первоначально новеллы.

Именно Цинкэтинский свод становится наиболее популярным и наиболее востребованным для продаж: только в конце XIX — начале XX века в Шанхае он был переиздан более 50 раз: и с иллюстрациями, и с комментариями, и с красными точками и пр. В то же время классическим для изучения, особенно после 1950-х годов, становится Чжусюэчжайский корпус, именно по дополненному последующими находками Чжусюэчжайскому своду каждая новелла получает общепринятый сегодня порядковый номер, именно он лежит в основе поздних академических комментированных публикаций.

Сегодня полный текст «Странных историй из Кабинета Неудачника» публикуется как в Чжусюэчжайском, так и в Цинкэтинском вариантах, но доля первого заметно больше.

Стрельцова Л. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Даймонд Шамшер Рана — основоположник непальского исторического романа

Даймонд Шамшер Рана (1918–2011) принадлежал многочисленной семье Рана, которая более столетия контролировала политическую жизнь Непала. Его происхождение восходит к младшему брату Джанг Бахадура Рана (1817–1877), Бир Шамшеру (1885–1901). Четырнадцатый сын Бир Шамшера — Шер Шамшер, губернатор Палпы, был дедом Даймонда Шамшера. Именно он дал писателю экзотическое европейское имя. Даймонд Шамшер, как и многие представители его семьи, начал свой жизненный путь со службы в непальской армии. В 1947 г. присоединился к оппозиционной фракции при непальском дворе, был арестован и приговорен к смертной казни. В результате вмешательства многочисленных родственников он был помилован, однако его военная карьера прервалась. В 1954 г. присоединился к Непальскому конгрессу, активным членом которого оставался до 1987 г. За время своей политической деятельности он был в тюрьме девять раз. Самый долгий период был во время правления короля Махендры: с 1960–1966 гг. Именно в тюрьме он написал свой самый известный роман «Seto bagh» (Белый тигр, 1970). Его перу также принадлежат «Басанти» (1948), «Pratibaddh» (Идейный, 1977), «Анита» (1986) и продолжение «Белого тигра» — «Satprayas» (Настоящая попытка, 1991).

Роман «Басанти»¹ был опубликован в Индии, в Бенаресе, из-за того, что правящая коалиция в семье Рана полностью контролировала печать в Непале того времени. «Басанти» — первый непальский роман, основанный на исторических событиях. В его центре — любовная история, участниками которой являются как вымышленные, так и реальные исторические персонажи. Роман описывает драматические и трагические события, предшествовавшие приходу к власти Джанг Бахадура, основателя династии непальских наследных премьер-министров. Это убийства Матхабар Сингха Тхапы (1798–1845), первого мукхтияра Непала, и Гаган Сингха Бхандари (1796–1846), фаворита младшей королевы Раджья Лакшми Деви (1814–1900 (?)). Гибель последнего привела к «резне в Коте», кровавому перевороту 1846 года, когда было убито около пятидесяти представителей влиятельных непальских родов.

Второй роман «Белый тигр»² был написан во время повторного заключения Даймонда Шамшера. Этот роман принес писателю известность и был переведен на хинди, английский, французский и японский языки. В центре «Белого тигра» — Джагат Джунг, старший сын Джанг Бахадура. В романе раскрывается его любовная история, борьба за власть после смерти отца и последующая гибель от рук братьев Джанг Бахадура.

В обоих романах отображены причины, которые привели к расцвету и гибели династии Рана. Как признавал сам автор, жанр исторического романа был выбран им не случайно, поскольку позволял открыто говорить о проблемах, актуальных для непальского общества и в XX веке. Необычна и сама тема романов: после восстановления правления династии Шахов в непальской литературе было принято негативно характеризовать как период правления династии Рана, так и самих ее представителей. Даймонд Шамшер в своих романах попытался предоставить достаточно объективную картину произошедшего. Выведенные им характеры обладают глубиной и многогранностью.

В силу специфики непальской историографии достаточно трудно установить как подлинные причины происходивших событий, так и их точную последовательность. Даймонд Шамшер в интервью утверждал, что опирался на истории, которые рассказывались в его семье о ее выдающихся представителях. Он не обращался к официальным документам. В связи с этим часто встает вопрос об историчности его романов. Среди исследователей нет единого мнения: некоторые считают, что в их основе лежит значительная часть вымысла, другие, наоборот, предлагают их рассматривать не столько как художественные, сколько как биографические произведения.

Даймонд Шамшер остается значимой фигурой в непальской литературе. Его произведения пользуются большой популярностью и по сей день. На основе вышеупомянутых романов были сняты два одноименных художественных фильма, получивших признание как у критиков, так и у публики.

¹ Diamond Shumsher Rana. Basanti. Kathmandu, Ratna Pustak Bhandar, 2013.

² Diamond Shumsher Rana. Seto bagh. Kathmandu, Ratna Pustak Bhandar, 2012.

Струкова М. И. (ННГУ, Нижний Новгород)

Отражение политических воззрений Нур Мухаммада Тараки (1917–1979) в его литературных произведениях

В настоящее время в распоряжении отечественных исследователей есть достаточно обширная источниковая база, по большей части введенная в научный оборот, позволяющая проанализировать и оценить характер политики правительства ДРА в 1978–1979 г. Она включает партийные документы ЦК КПСС, протоколы встреч советского партийного руководства с афганским лидером, тексты выступлений Н. М. Тараки. Значительную группу составляют опубликованные мемуары советских государственных деятелей, политических и военных советников, дипломатических работников.

В докладе речь пойдет о таком специфическом пласте исторических источников, как произведения художественной литературы. Известно, что Нур Мухаммад Тараки, создатель Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), первый президент провозглашенной 27 апреля 1978 г. Демократической Республики Афганистан, был талантливым литератором, писателем и поэтом. Он считается основоположником афганской реалистической прозы. Поскольку его произведения затрагивают проблемы современной ему действительности периода 1940–1970-х гг. и основаны на его собственном жизненном опыте, они могут рассматриваться как исторический источник, отражающий не только афганские реалии того времени, но и взгляды представителей части афганского общества на проблемы своей страны и пути их преодоления.

В качестве исторических источников нами были проанализированы три повести Тараки, опубликованные в переводе с пушту издательством «Прогресс» в 1980 г.¹ В этот сборник вошли три повести: «Скитания Банга» (1958), «Спин» (1958) и «На заработки» (1962). Наиболее значительная из них — «Скитания Банга». В основу ее сюжета положено широко распространенное в старом Афганистане явление — уход безземельного крестьянина от непосильных податей, голода и нищеты в далекий чужой город в поисках лучшей доли. Так, девятнадцатилетний герой повести Банг, получив благословление муллы, отправляется в Кандагар, а герой повести «На заработки» Тор после демобилизации из армии в поисках лучшей доли отправляется с попутным караваном в Пуштунистан. И тот и другой встречают в большом городе рабочих, общественная деятельность которых вдохновляет молодых людей на поиски путей к справедливости, и можно предположить, что эти герои примкнут к рабочему движению. Идея повести «Спин» — это обличение, фальши, лицемерия и коррупции власть имущих. Сюжет, основанный на ситуации дележа имущества умершего деревенского богача, очень ярко иллюстрирует использование общинной верхушкой системы традиционных связей в своих корыстных интересах.

¹ Тараки Нур Мухаммед. «Скитания Банга» и другие повести / пер. с пушту. М.: Прогресс, 1980. 235 с.

Литературные произведения Нур Мухаммада Тараки — это важный источник по новейшей истории Афганистана, дающий яркий и реалистический срез жизни афганского общества 1940–1970-х годов, которое представляло собой конгломерат племен со своей внутренней иерархией, живущих по традиционным законам исламского права в рамках феодальных социально-экономических отношений. Произведения Тараки в этом плане можно сравнить с документальным кино, фиксирующим картины жизни и быта его соотечественников.

В повестях Тараки главными героями являются представители наиболее обездоленной части населения страны — это сельские жители, почти сплошь неграмотные безземельные крестьяне, батраки, поденщики, кочевники-скотоводы, составляющие и в наши дни большинство населения страны. Это молодые люди, которые стремятся использовать все доступные им возможности для улучшения своей жизни, повышения своего благосостояния. В уста этих людей автор вкладывает слова о необходимости перемен в жизни, о справедливости и равенстве, о ликвидации эксплуатации, об улучшении жизни народа.

Особое внимание автора обращено на рабочих, чем подчеркивается отличие последних от других слоев городского трудящегося населения. Рабочие предстают смелым, решительным сообществом, способным противостоять безудержной эксплуатации. Такое восприятие указывает на знакомство автора с классовой теорией Маркса, которую он фактически пытался применить к афганским реалиям.

В произведениях Тараки четко прослеживаются его представления о путях и методах построения новой жизни для афганского народа. Взгляды писателя проявляются во вполне определенной последовательности событий, изложенных в заключительной части повести «Скитания Банга», доработанной после 1978 г. Эта последовательность следующая: просвещение трудящихся, изучение ими соответствующей политической литературы с пропагандой социалистических идей, создание партии — авангарда борьбы за построение справедливого государства и общества, приход этой партии к власти и осуществление реформ, которые должны покончить с феодальными пережитками и неравенством путем «передачи средств производства — фабрик, земли, банков — в руки народа». Именно такую схему пытался реализовать Нур Мухаммад Тараки в своей политической деятельности с момента создания в 1965 г. Народно-демократической партии Афганистана до апрельских событий «саурской революции» 1978 г. и последовавших за ними реформ. Однако афганские реалии оказались не такими, о каких писал Маркс, и поэтому взятый за образец «советский вариант» социализма оказался неосуществим в Афганистане по объективным причинам, в первую очередь в силу племенного (кланового) характера социальной структуры. А непонимание того, что одни лишь реформы не могут в одночасье изменить общество и что неграмотный сельский бедняк может воспринять кардинальные преобразования в стране как покушение на традиционные жизненные устои, стало причиной и личной трагедии Нур Мухаммада Тараки, убитого бывшими соратниками, и причиной начавшейся гражданской войны.

Суворов М. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Два романа о крахе марксистского движения в Йемене

Марксистское движение появилось в Йемене в 1950-е годы, а в 1969 году, вскоре после обретения Южным Йеменом независимости от Великобритании, оно стало ведущей политической силой в этой части страны, создавшей репрессивный государственный режим, ставивший своей целью построение коммунистического общества. Марксистскому государству были присущи такие черты, как бесправие личности, диктатура марксистской идеологии, преследование инакомыслящих, низкое качество жизни, товарный дефицит и т. п. Еще одним примечательным явлением в этом государстве была непрестанная борьба за власть внутри самой правящей верхушки, жертвами которой пали очень многие. Последний виток этой борьбы привел в 1986 г. к кровавой бойне, в которой погибло около 20 тыс. человек и которая стала началом заката марксизма в Йемене. Все это описывается в романе Ахмада Зейна «Фрукты для ворон» (2020), действие которого происходит в Адене накануне бойни 1986 года. Повествование в нем ведется от лица партийного функционера среднего звена, который постепенно приходит к полному разочарованию в марксистской идее. Автор с чрезвычайно высокой степенью достоверности изображает жизнь Южного Йемена в те годы.

События 1986 года заставили южнотийменское правительство искать пути объединения Южного Йемена с Северным, и в 1990 г. это объединение свершилось. В объединенном государстве марксистская Йеменская социалистическая партия начала терять свой политический вес и в 1994 г. в вооруженном конфликте с самой влиятельной йеменской партией, Всеобщим народным конгрессом, потерпела тяжелое поражение и фактически прекратила свое существование. Эти события описаны в романе Бушры ал-Мактари «В краю безвестном» (2012), герои которого, репрессированные марксисты, с горечью переосмысливают свой жизненный путь. Роман отличается высокой степенью психологизма, поскольку повествование по большей части представляет собой внутренний монолог героев.

Два этих романа в своей совокупности создают полную и достоверную картину деятельности марксистов в Йемене и дают читателю понимание того, почему марксистское движение в этой стране потерпело крах.

*Сулеймонова Х. М. (Ташкентский государственный университет
узбекского языка и литературы им. А. Навои, Ташкент)*

«Раса'илу-л-Хаваразми» как важный памятник арабской эпистолярной литературы

Эпистолярный жанр в его различных формах считается одним из древнейших жанров в мировой литературе. Эпистолярная литература, возникшая вследствие необходимости обмена информацией между различными группами и обществами,

развивалась в двух направлениях. Первое направление включало эпистолярные элементы, содержащиеся внутри определенных художественных произведений (письмо, сообщение и т. д.), а второе было направлено на создание руководства для усовершенствования эпистолярного жанра или поддержки его развития. К таким руководствам могут относиться сборники писем различного содержания. При исследовании и анализе подобных тем очень важно различать эти два направления и корректно толковать цели и замысел автора или писателя.

Эпистолярный жанр в арабской литературе, составляющей значительную часть культуры Востока, прошел длительный путь развития. Его становление связано с возникновением ислама и созданием арабского халифата. На землях, где распространился ислам, вследствие усиления социально-политических потребностей государственного управления сформировались административные системы в виде канцелярий (диванов), где секретари (катибы) вели обширную переписку с центром и между собой.

Катибы дивана считались доверенными лицами правителя, обладавшими особыми полномочиями. Они играли активную роль не только в литературной и научной жизни страны, но и в социально-политических процессах. Писари занимались внутренней и внешней политикой государства, обеспечивали оперативное исполнение указов, укрепляли внешние связи и готовили различного рода письма и дипломатические документы. В результате в арабской литературе появился новый жанр — расаил (письма, послания), который стремительно развивался. Вскоре у жанра расаил возникли различные разновидности, такие как султаният, ихваният, тауки'ат.

Для написания расаил различного содержания катибы обращались к множеству источников. Составление готовых руководств, которые помогали бы писарям быстро создавать точные, понятные и вместе с тем художественно насыщенные письма, стало актуальной необходимостью. Поэтому эпистолярные жанры арабской литературы развивались одновременно в практическом и теоретическом аспектах. С одной стороны, создавались расаил, с другой — разрабатывались теоретические и методологические основы их написания. Большой вклад в развитие как практического, так и теоретического аспектов расаил внесли такие выдающиеся авторы как Саиб ибн Аббад (938–995), Ибн ал-Амид (ум. в 970 г.), Абу Бакр Аббас ал-Хорезми (935–993), Абу Мансур ас-Са'алиби (961–1038), Бади' аз-Заман ал-Хамадани (969–1008). Позднее, в эпоху мамлюков в Египте, энциклопедии мусульманских ученых также создавались преимущественно для писарей диванов с целью повышения их профессиональной квалификации и мастерства.

Выдающийся филолог и поэт из Хорезма, Абу Бакр Аббас Хорезми, внес значительный вклад в формирование и развитие жанра расаил в арабской литературе. Его труд «Раса'илу-л-Хаваразми» представляет собой собрание писем, адресованных различным историческим личностям, включая эмиров, наместников, визирей, а также ученых и поэтов. Письма создавались как отклик на определенные исторические события, такие как победы, продвижение по службе, трагические происшествия или поражения. Это позволяет рассматривать «Раса'илу-л-Хава-

разми» не только как важный объект филологического анализа, но и как источник для исторических исследований.

«Раса'илу-л-Хаваразми» включает 156 посланий, которые условно делятся на категории султанских (султанят) и братских (ихванят) писем. Автор не ограничился традиционным панегириком (мадхом), направленным на восхваление правителей, но также использовал свои послания как инструмент наставления, рекомендаций и, в отдельных случаях, выражения критики.

Одним из примечательных примеров является письмо, адресованное правителю Хорезма из династии Афригидов, Абу Абдаллаху Мухаммаду. В этом письме Хорезми отмечает:

«Хорезмийцы являются лучшими торговцами среди людей. Однако если они берутся за перо, они пишут; если же они берутся за меч, то сражаются».

С точки зрения Хорезми, правитель должен обладать следующими качествами:

«Он является лидером общины, принимает на себя ответственность, решает сложные задачи, является сердцем власти, поэтому и занимает первое место на троне».

И добавляет *«Праведный правитель не может иметь неправедных подчиненных, и наоборот, праведные подчиненные не могут иметь неправедного правителя».*

Таким образом, труд «Раса'илу-л-Хаваразми» представляет собой не только литературное произведение, но и ценный источник для исследования политической культуры, социальной структуры и интеллектуальной мысли эпохи Хорезма.

На сегодняшний день рукописи произведения «Раса'илу-л-Хаваразми» хранятся в рукописных коллекциях Германии, США, Франции, Турции и ряда арабских стран.

Посредством писем, содержащихся в «Раса'илу-л-Хаваразми», можно оценить литературные и эстетические ценности того времени, а также формы и художественные особенности эпистолярных жанров, отражающих реальную историческую эпоху и социально-культурную атмосферу. Абу Бакр Хорезми с его произведением стал основоположником художественного и стиливого обновления эпистолярного жанра в арабской классической литературе, тем самым значительно способствуя его развитию.

*Сухова Е. Ф. (Нижегородская епархия, Нижегородское благочиние,
Нижний Новгород)*

Влияние традиций литературы Востока на русскую поэзию 80-годов XX века (на примере «Зерафшанского дивана» Федора Сухова)

История, литература Востока часто привлекала русских поэтов от Пушкина, Гумилёва, Есенина до современных авторов. Мы остановимся на восточной теме в творчестве поэта-фронтовика Федора Сухова.

Федор Григорьевич Сухов, русский поэт, родился в 1922 году в Нижегородской области, в 1941 году мобилизован и отправлен в г. Ташкент в Пехотное военное училище, полтора года обучался в нем, по окончании в 1942 году в звании лейтенанта отправлен на Воронежский фронт командиром противотанкового взвода. Тогда состоялась первая встреча молодого поэта со Средней Азией, ее средневековыми памятниками, ее древней литературой. Первое стихотворение старшего лейтенанта Федора Сухова опубликовано во фронтовой газете «Красная армия» 6 апреля 1944 года. Вернувшись с войны в 1946 году, Ф. Сухов стал печататься в горьковских газетах и решил связать свою жизнь с поэзией. В 1949 году он поступил в Литературный институт им. М. Горького, окончил его с отличием в 1954 году и стал работать литературным сотрудником газеты «Сталинградская правда», в 1957 году принят в члены Союза писателей СССР.

В 1959 году поэт вновь путешествует по Средней Азии, побывал в древних городах Бухаре и Самарканде, тогда он ближе познакомился и подружился с узбекскими, таджикскими и туркменскими поэтами, которые помогали ему изучать персидскую поэзию. На Восток поэта тянуло давно. Знакомство с поэзией мусульманского ренессанса произошло еще в Литинституте, где тогда преподавали лучшие в стране литературоведы и языковеды и обучались студенты из стран Азии и Африки. Древняя и современная персидская и арабская поэзия широко издавалась в СССР, многие советские поэты занимались переводами и создали великолепные стихотворения, часто превосходившие по мысли и красоте слога оригиналы их современных авторов.

Первое стихотворение Ф. Сухова, связанное с Востоком, было посвящено событиям в Ираке, оно так и называлось. Что знал тогда советский человек, да и поэт, о Ближнем Востоке, только то, что там льется кровь и страдают от рук империалистов арабские братья-трудящиеся. Сухов ни слова не пишет о бедных угнетенных жителях Ирака, а представляет современный Ирак, как сказочный сад Шехерезады, в котором убивают первую любовь.

К СОБЫТИЯМ В ИРАКЕ

В сказочном саду Шехерезады
Пролилась несказочная кровь –
Оружейные глухие залпы
Убивают первую любовь.

Губят весь твой сад, Шехерезада,
Губят так, что в страх бросает, в дрожь...
Как же ты, далекая, без сада,
Без любви, без сказок проживешь?

22 марта 1963 г.

Сухов никогда не занимался переводами, почти не знал восточных языков, в основном, читал Рудаки, Хафиза, Саади, Айни, Навои в переводах. В 1988–1989 гг. Ф. Сухов подолгу живет в Душанбе и Ташкенте, продолжает изучать

персидскую поэзию, на основе которой и создает свой цикл стихов «Зерафшанский диван», который публикует в последней своей двадцать пятой книге «Мать-и-мачеха», вышедшей в Москве в 1989 году.

В 1990 году поэт приплывает на теплоходе «Башкирия» в Турцию в Стамбул и в Латакию, в Сирию, здесь он проведет неделю, создаст несколько стихотворений, посвященных Ближнему Востоку. Поэт смог сравнить Среднюю Азию в СССР и страны Ближнего Востока, понять, как трагично, когда народы отрывают от древней культуры, от религии предков.

В 2023 году эти циклы стихов вошли в книгу Ф. Сухова «Я с вами, милые мои», выпущенную к 100-летию юбилею поэта в Н. Новгороде. Вдохновленный величественной историей Востока, прекрасной персидской и арабской поэзией, он стилизует свои стихи под касыды и повествует читателю и о волшебных садах Зерафшана, и о Чингисхане, пытавшемся уничтожить их: *Чингис-хан надвигался, угрюмо / На Хиву он взирал, на Ургенч / Он топтал Самарканд, он раскосо / На своем возвышался седле, как / Повелитель мира — Тамерлан* проявляет великую милость к / Соловью плененного *Шираза* / — поэту Хафизу. Поэт отвечает грозному владыке: */ Белый свет — мой дом, моя обитель*». */ «Да благословит тебя Аллах!» — так сказал великий повелитель.* Ф. Сухов пытается напомнить читателям, что поэты выше властителей, они несут мир народам, а не бойню: */ Дабы люди были бы людьми, / Дабы звери больше не зверели,* они чтут Аллаха: *Неистовый грохочет Магомет, / Увещевает сурами Корана, / Как будто избавляет белый свет / От черной лжи, от черного обмана.*

Таким образом, Ф. Сухов, уходя от цензуры, дает оценку тем событиям, которые привели к распаду Советского Союза, разделили народы среднеазиатской и восточноевропейской частей страны, а ведь эти народы уже взаимнопроникновенно наполнились общей культурой. Народы среднеазиатской части были обмануты своими предводителями, особенно теми, кто мирное учение ислама обратил в разрушительную силу.

/ Страшит, пугает Шахразаду / Неугомонная гроза. Кто это? Что это? / Это разбойно соловьи / Свистят — да на весь Гулистан! — // «Гляди, — говорит мне великий провидец [Алишер Навои], — Как золото слепнет, теряет себя...» / — Федор Сухов тревожится за судьбу Средней Азии, ему больно, что опять раздор, смута пришли в благословенный край, но вскоре его утешает народный праздник Навруз, и он создает стихотворение, точно используя образец касыды:

Белолико и розоволико
По Дюрменю гуляет Навруз.
Ни собачьего лая, ни крика,
Лишь улыбка девчоночьих уст.
Белолико и розоволико
По Дюрменю гуляет Навруз.

Поэт верит, что все пройдет — / *Подобреют, просветлеют люди, / Верую — все сбудется, все будет* / — и в Гулистан придут мир и покой.

Интересное стихотворение создает поэт на земле прекрасной Сирии 25 июня 1990 года в Латакии.

Всяк человек милосерд, добросерд,
Всяк своего превозносит пророка,
Да не унизит свой посох пророк!
Не зарастет диким терном дорога,
Что на родной возвращает порог.

Ф. Сухов радуется любому проявлению доброты в людях, он понимает, как близки народы друг другу, их объединяет мечта о мире, о его красоте и божественном наполнении.

Терехов А. Э. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Рукопись «Ле сянь чжуань» 列仙傳 из собрания ИВР РАН в контексте коллекций жизнеописаний даосских бессмертных

Рукопись «Ле сянь чжуань» 列仙傳 («Жизнеописания выдающихся бессмертных») из собрания ИВР РАН (ф. NOVA, H53) представляет собой собрание биографий даосских персонажей, в традиции определяемых словом *сянь* 仙 («бессмертные», «небожители»). Она была создана во второй половине эпохи Цин (1644–1912) и в настоящее время состоит из 14 томов, содержащих 209 жизнеописаний, каждое из которых сопровождается иллюстрацией. Объем жизнеописаний строго фиксирован — каждое из них состоит из 288 знаков. Подавляющее большинство историй заимствовано из более ранних сочинений, в первую очередь — из изданного в 1600 г. иллюстрированного сборника «Ле сянь цюань чжуань» 列仙全傳 («Полное [собрание] жизнеописаний выдающихся бессмертных») в 9 *цюанях*, приписываемого книжнику эпохи Мин (1368–1644) Ван Ши-чжэню 王世貞 (1526–1590) и содержащего 517 жизнеописаний; из этой же работы заимствован и ряд иллюстраций.

Тем не менее рукопись представляет собой больше, чем просто собрание более ранних текстов: поскольку объем каждого жизнеописания необходимо было привести к единому знаменателю, они подверглись серьезному редактированию — некоторые из них сокращались, а некоторые, напротив, дополнялись (иногда весьма значительно). Кроме того, ряд биографий значительно отличается от своих прототипов по содержанию, вплоть до того, что в отдельных случаях сохраняется только имя героя, а время и обстоятельства его жизни оказываются

совершенно иными. Наконец, несколько жизнеописаний в более ранних источниках не обнаруживаются и либо восходят к каким-то малоизвестным или утраченным сочинениям, либо вообще сочинены составителями рукописи.

Для того чтобы определить место этой рукописи в ряду подобных сочинений, необходимо кратко рассмотреть историю их развития.

Первым сборником биографий бессмертных считается сочинение «Ле сянь чжуань» 列仙傳 («Жизнеописания выдающихся бессмертных») в двух *цзюанях*, содержащее 70 жизнеописаний небольшого объема (от 40 до 190 знаков). Традиция приписывает его авторство сановнику и ученому эпохи Хань (206/202 до н. э. — 220 н. э.) Лю Сяну 劉向 (77–6 до н. э.), однако в современной науке эта атрибуция подвергается сомнению.

Следующей заметной коллекцией биографий бессмертных является «Шэнь сянь чжуань» 神仙傳 («Жизнеописания божественных бессмертных») Гэ Хуна 葛洪 (283–343 гг.). Нынешняя версия этого текста из 10 *цзюаней* содержит 84 жизнеописания, однако в процессе передачи она могла быть подвергнута серьезной переработке.

Впоследствии, в эпохи Шести династий (220–589), Тан (618–907) и Пяти династий и Десяти царств (907–960) был создан целый ряд сочинений подобного рода, подавляющее большинство которых, однако до наших дней не дошло и сохранилось лишь в извлечениях.

Все перечисленные выше работы представляют собой по большей части оригинальные сочинения, а включенные в них биографии не повторяют друг друга.

К эпохе Сун (960–1279) число жизнеописаний бессмертных достигло нескольких сотен, что привело к необходимости их систематизации. Первая попытка такого рода была предпринята в антологии «Тай-пин гуан цзи» 太平廣記 («Обширные записи [годов правления под девизом] Тай-пин [син-го]»), составленной в 977–978 гг. Она состоит из 500 *цзюаней*, поделенных на 92 раздела, первые два из которых — «Шэнь сянь» 神仙 («Божественные бессмертные», 55 *цзюаней*) и «Нюй сянь» 女仙 («Женщины-бессмертные», 15 *цзюаней*) — как раз посвящены биографиям бессмертных. В них собрано в общей сложности 344 жизнеописания из более чем 60 собраний. Кроме того, ряд биографий из более ранних источников содержится в составленной в 1017–1021 гг. даосской антологии «Юнь цзи ци цзянь» 雲笈七籤 («Семь отделов облачного хранилища»).

Первым большим сводным сочинением, специально посвященным жизнеописаниям бессмертных, стала работа Чжао Дао-и 趙道一 (XIII в.) «Ли ши чжэнь сянь ти дао тун цзянь» 歷世真仙體道通鑑 («Всеобщее зеркало воплотивших Дао-Путь совершенных бессмертных минувших эпох») в 53 *цзюанях*, включающая 746 жизнеописаний бессмертных с древности до конца Сун. Также им было создано сочинение «Ли ши чжэнь сянь ти дао тун цзянь хоу цзи» 歷世真仙體道通鑑後集 («Последующее собрание [жизнеописаний, дополняющих] “Всеобщее зеркало воплотивших Дао-Путь совершенных бессмертных минувших эпох”») в 6 *цзюанях*, в котором собрано 120 жизнеописаний бессмертных-женщин. Также Чжао Дао-и

приписывается сборник «Ли ши чжэнь сянь ти дао тун цзянь суй бянь» 歷世真仙體道通鑑續編 («Продолжение “Всеобщего зеркала воплотивших Дао-Путь совершенных бессмертных минувших эпох”») в 5 *цзюанях*, содержащий 34 жизнеописания бессмертных, живших в империях Цзинь (1115–1234) и Юань (1271–1368).

В качестве примеров более поздних собраний подобного рода можно привести «Гуан ле сянь чжуань» 廣列仙傳 («Расширенная [версия] “Жизнеописаний выдающихся бессмертных”») Чжан Вэнь-цзе 張文介 (XVI в.) в 7 *цзюанях*, содержащее 296 жизнеописаний, «Ли дай шэнь сянь ши» 歷代神仙史 («История божественных бессмертных минувших династий») Ван Цзянь-чжана 王建章 (1645–1718) в 8 *цзюанях*, содержащее 466 жизнеописаний, и уже упоминавшееся выше «Ле сянь цюань чжуань». Все они представляют собой именно компиляции: более ранние тексты включены в них в первоизданном виде.

Таким образом, в истории жизнеописаний бессмертных можно выделить два этапа: первый (от Хань до эпохи Пяти династий и Десяти царств) характеризуется составлением оригинальных историй, а второй (от Сун до Цин) — преимущественно составлением компилятивных сборников. Безусловно, на втором этапе появлялись и новые жизнеописания (посвященные, преимущественно, недавним современникам), однако они чаще всего добавлялись к уже существующим.

В этом отношении рукопись «Ле сянь чжуань» из собрания ИВР РАН является уникальной: с одной стороны, она представляет собой собрание более ранних текстов, но с другой — приводит их в значительно отредактированной форме, что отличает ее от других работ второго этапа.

Тун Цзинтао (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Взаимодействие литературы и истории в романе «Белый снег, черные вороны» Чи Цзыцзянь

На примере романа Чи Цзыцзянь «Белый снег, черные вороны»¹ в качестве фона рассматривается эпидемия чумы в Фуцзядяне (Харбин), что позволяет провести конкретный анализ взаимодействия литературы и истории.

1. История служит материалом и фоном для литературы

Литературное воспроизведение реальных событий. Реальный процесс появления, распространения и предотвращения чумы, в основе которого лежит эпидемия, подробное описание незнания и страха людей в условиях эпидемии, краха обще-

¹ 迟子建. 《白雪乌鸦》. 北京: 人民文学出版社, 2010年. [Чи Цзыцзянь. «Белый снег, черные вороны». Пекин: Издательство «Народная литература», 2010]; Чи Цзыцзянь. «Белый снег, черные вороны» / пер. с кит. яз. А.А. Родионов. СПб.: Гиперион, 2024. 288 с.

ственного строя и т. д.¹, как видно, закладывает сюжетную основу и реалистический тон романа, придает произведению мощную заразительную силу.

Создание атмосферы времени. Всестороннее изображение социального ландшафта Харбина, такого как архитектурный стиль, рыночная торговля, фестивали и другие мультикультурные элементы, подчеркивает его ключевую роль в повышении читабельности романа и создании яркого фона для понимания читателем истории.

2. Литературное воспроизведение и интерпретация истории

Детальное воспроизведение исторических сцен. Во время чумы Фу Цзядянь тонко и детально обрисовывает сцены: безлюдные улицы, жалкое состояние больных, загруженные больницы и мертвая тишина карантинной зоны. Так автор помогает читателям воспринять реальную атмосферу города во время чумы².

Персонажи истории. Изображены персонажи У Ляньдэ, Юй Исин, Ван Чуньшэнь и другие представители разных сословий, и через их опыт противоэпидемических действий, реакции официальных властей и жизни людей взаимодействие между историей и людьми интерпретируется с индивидуальной точки зрения, подчеркивая сложность и многообразие истории.

3. Литература дополняет и обогащает историю

Фокус на индивидуальной судьбе и эмоциях. Глубокое проникновение во внутренние переживания героев: страх, надежду, печаль и стойкость, сосредоточение на семейных конфликтах, добавление человеческого тепла и эмоциональной глубины в изучение истории, а также расширение перспективы понимания исторических личностей.

Изучение человеческой природы и исторической культуры: показывая региональный фольклор, религиозные верования, традиционные навыки и смешение этнических культур, анализируя человеческую природу, стоящую за ними, открывая новые горизонты культуры и человеческой природы для исторических исследований и подчеркивая природу культурного наследия и эволюции истории.

4. Передача и распространение исторической памяти в литературе

Пробуждение исторической памяти. Благодаря литературному повествованию, воспроизводящему инцидент с харбинской чумой, автор напоминает забытую

¹ 郭旭东, 曹漪那. 被建构的隐喻: 瘟疫史的文学书写——以《白雪乌鸦》为例. 河南大学学报(社会科学版) [Го Суйдун, Цао Ина. Конструированные метафоры: литературное изложение истории чумы — на примере «Снежного ворона» // Журнал Хэнаньского университета (издание по общественным наукам).] 2021. 61(02). С. 113–119.

² 王艳荣. 历史记忆的诗性言说——以迟子建《白雪乌鸦》为例. 文艺争鸣. [Ван Яньжун. Поэтическая речь исторической памяти — на примере «Белый снег, черные вороны» Чи Цзыцзянь // *Вэньчжэньминь*.] 2012. (12). С. 97–99.

историю, помогает читателям вспомнить прошлые страдания и усилия, в то же время создает историческое зеркало для нынешнего времени, подчеркивает уникальную ценность литературы для пробуждения памяти¹.

Содействие наследованию истории и культуры. Распространение региональной культуры, противостояние чуме, стимулирование осознания любви к культуре и ее защиты, а также содействие наследованию истории и культуры показывают ключевое значение литературы в продолжении процесса истории и культуры.

Улангина А. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Потеря родины как одна из ключевых тем эмигрантской литературы (на примере романа «Выстрел дробью» Ин'ам Качачи)

Эмигрантская литература представляет собой особый пласт произведений, отражающих опыт утраты, разлуки и поиска идентичности. Арабская литература миграции является ее ярким представителем, так как многочисленные ближневосточные конфликты последних десятилетий, а также экономические и политические кризисы привели к тому, что миллионы людей оказались в изгнании, образовав многочисленные диаспоры по всему миру. В Ираке, в частности, толчками к эмиграции населения послужили режим Саддама Хусейна (1979–2003), Ирано-иракская война (1980–1988), вторжение в страну США и союзников в 2003 г., война с ИГИЛ (2014–2017), а также экономический кризис и общее ухудшение условий жизни.

Иракская писательница и журналистка Ин'ам Качачи (род. 1952) живет в Париже с 1979 г. Она пишет на арабском языке, три ее романа в разные годы были номинированы на Международную премию в области арабской литературы. Роман «Выстрел дробью» (2013), вошедший в шорт-лист премии в 2014 г., рассказывает историю иракской семьи, члены которой разбросаны по всему миру. В нем Качачи затрагивает темы вынужденной миграции, потери родины, разлуки с семьей.

Арабское название романа — *tishārī*. Это слово в Ираке используется для обозначения выстрела картечью, а также дробления, рассеивания. Именно так представляется автору процесс эмиграции, когда люди из одной деревни, одной семьи оказываются в разных концах света. Главная героиня романа — Худа, хирург из Ирака, вынужденная покинуть родину. В начале романа она сравнивает своих родных с органами, которые хирург вырезал и раскидал по разным

¹ 杜连东. 重聚记忆中的历史碎片——迟子建《白雪乌鸦》历史表达的独特性. 哈尔滨师范大学社会科学学报. [Ду Ляньдун. Воссоединение исторических фрагментов в памяти: уникальность исторического выражения в «Белый снег, черные вороны» Чи Цзыцзянь // Журнал общественных наук Харбинского педагогического университета.] 2011. 2(01). С. 131–134.

часовым поясам, и задумывается, у кого из них уже настало утро, а у кого еще ночь. Переезд в Канаду для Худы означает не только физическое переселение, но и потерю корней, утрату прежней идентичности и невозможность воссоединения с близкими. Травма, связанная с эмиграцией, показана также через брата Худы, Александра — он создает электронное кладбище онлайн, где собирает вместе своих родных, похороненных в разных странах.

Через рассказ о своих героях Качачи говорит о судьбе иракских эмигрантов в целом. Она поднимает вопросы о ностальгии, памяти и связи с историческим прошлым — ключевые для эмигрантской литературы. История Худы отражает коллективную судьбу людей, оказавшихся в изгнании, показывает, что эмиграция — это не только географическое перемещение, но и глубокий психологический кризис.

Роман «Выстрел дробью» демонстрирует, как литература становится способом осмысления опыта эмиграции, выражая тревоги, надежды, внутренние метания человека, оказавшегося вне привычного культурного пространства. Это произведение является важным примером эмигрантской литературы, раскрывающим тему утраты родины через личную историю. В нем Ин'ам Качачи удалось не только художественно передать частную трагедию, но и показать глобальный контекст миграции, ставший реальностью современного Арабского мира.

Фомичева С. В. (Санкт-Петербургская Евангелическая богословская академия, Санкт-Петербург)

Письмо Мара бар Серапиона (I в. н. э.) как источник по конструированию сирийской идентичности в Римской империи

«Письмо Мара бар Серапиона» — без преувеличения, одно из самых интригующих произведений, написанных на сирийском языке. Своей достаточно широкой известностью оно обязано в первую очередь самым ранним нехристианским упоминанием об Иисусе, как о «мудром царе»-законодателе, убитом иудеями. Однако это далеко не единственное примечательное место в этом ценнейшем источнике. По содержанию это увещательное письмо, «духовное завещание», которое автор, как явствует из языка, сириец по происхождению, видимо, принадлежащий к элите эллинистического государства Коммагена, пишет своему сыну, находящемуся на учебе где-то на чужбине. Вероятно, речь идет о каком-то значимом образовательном центре в Малой Азии. Отметим, что это вполне правдоподобно: элита подчиненных Риму государств нередко отправляла детей получать классическое образование. Мара бар Серапион пишет письмо, находясь в большой беде: в 72/73 г. н. э. его родина, вследствие подозрения на заговор с парфянским царем, подвергается

нападению Римской империи, царь Антиох IV (которого Мара, однако, явно не упоминает) и элита Коммагены попадают в плен. Бедственное положение автора, видимо, диктует тему сочинения: текст проникнут идеей губительной силы времени, которая подчиняет себе всех, не давая возможности реализоваться планам человека. Мара превозносит мудрость как единственное неотъемлемое качество человека, в отличие от всех других, преходящих, и подчеркивает необходимость мужества и стойкости в любых жизненных перипетиях.

Традиционно большинство исследователей определяли данный источник, как «греческий» и «отражающий философию стоиков»¹. Мы же, развивая идеи Дэвида Ренсбергера², считаем письмо уникальным памятником, свидетельствующим о возникновении «варварской», сирийской идентичности в условиях Римской империи I в. н. э. Мара бар Серапион предпринимает дерзкий проект, сравнимый, по нашему мнению, с деятельностью его современника, такого же «варвара», Филона Александрийского (25 г. до н. э. — ок. 50 г. н. э.): сириец намеренно объединяет арамейскую «премудрость» (כְּלִמָּתָא) (аналог еврейского מוֹסֵר) и греческую философию (فلسفة), создавая универсальное этическое послание. Так, Мара явно объединяет концепцию времени как губительную для человека структуру из библейской книги Екклесиаст с эллинистическим подходом, требующим стойкости и мужества перед лицом жизненных обстоятельств, отраженным, например, в трактате Филона «О том, что каждый добродетельный человек свободен».

Письмо предлагает немало интересных тем для исследователя, но в данном докладе мы сосредоточимся на попытке анализа двух серий парадигм, представленных в этом источнике. Нашей целью является выявить, что значили для Мары упомянутые в них имена философов, исторических деятелей, царей и др., как они связаны с содержанием текста. Прежде всего с точки зрения риторики обе серии представляют собой градации. Первая серия состоит из девяти примеров (Дарий I, Поликрат; Ахилл, Агамемнон, Приам; Архимед, Сократ, Пифагор, Паламед). По нашему мнению, их можно условно разбить на три группы по признаку упоминаемых в них свойств/событий, связанных с этими личностями (царство, благополучие; физическая крепость, жена, потомство; искусство, мудрость, учение, блестящая ученость): царство (Дарий и Поликрат), физическое благополучие (Ахилл, Агамемнон, Приам) и мудрость (Архимед, Сократ, Пифагор, Паламед).

Как видим, каждая из последующих групп длиннее предыдущей. По крайней мере, третья группа явно содержит наибольшее количество имен. Это вполне согласуется с главной идеей текста об особой роли премудрости, единственном непреходящем человеческом качестве. Вторая серия парадигм (Пифагор, Сократ, «мудрый царь» иудеев (т. е. Иисус)) также представляет собой градацию, на сей раз

¹ McVey K. A Fresh Look at the Letter of Mara bar Sarapion to his Son // V Symposium Syriacum, 1988. Ed. R. Lavenant. *Orientalia Christiana Analecta*. 1990. 236. P. 261–2.

² Rensberger D. Reconsidering the Letter of Mara bar Sarapion // *Aramaic in Postbiblical Judaism and Early Christianity: Papers from the 2004 NEH Summer Seminar at Duke University*. Ed. Eric M. Meyers and Paul V. M. Fleisher. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2010. P. 7.

формальную: каждый последующий пример длиннее предыдущего на несколько слов. Поэтому самым главным для Мары примером в этом ряду представляется третий, т. е. пример об Иисусе. Это также согласуется с интенцией письма. Дело в том, что Мара явно сопоставляет случившиеся с ним и его родиной обстоятельства с ближайшим по времени знаменательным событием — казнь Иисуса и последовавшим за ней рассеянием иудеев после разрушения Второго Иерусалимского Храма в 70 г. Эксплицитно сирийский интеллигент смирно уповает на человеколюбие римлян и выражает свою лояльность империи, что весьма правдоподобно. Элита Коммагены всегда была настроена скорее проримски. Однако имплицитно Мара угрожает римлянам: если они проявят насилие к пленникам из Коммагены и к самому Маре — мудрецу, их ждет такое же Божественное наказание, как и иудеев.

Из серий парадигм можно выявить много других важных сведений. Так, в первой из них упоминается негреческий деятель — великий персидский царь Дарий I (521–486 гг. до н. э.). По нашему мнению, его упоминание совсем не случайно. Дело в том, что именно к этому царю возводит свою родословную со стороны отца царь Коммагены Антиох I (ок. 69–36 до н. э.). Это следует из надписи в знаменитом святилище Немрут Даг, которое этот царь-реформатор построил около 50 г. до н. э. Таким образом, Мара бар Серапион упоминает ключевую для своей страны историческую фигуру.

Таким образом, на этих и других примерах в нашем докладе мы попытаемся показать, как сирийский писатель создает маркеры своей идентичности, как он использует ключевые фигуры из исторического прошлого, вписывая свою родину в контекст важных исторических и культурных событий. Письмо Мары бар Серапиона дает нам уникальную возможность заглянуть в лабораторию мысли сирийского интеллигента, «варвара» в Римской империи, осознающего свою особую культурную и языковую идентичность.

Фролова М. В. (МГУ, Москва)

***Manusia Harimau*: мифологема тигра-оборотня в фольклоре, литературе и кинематографе Индонезии**

Массовая культура Индонезии располагает целой экосистемой уникальных текстов о тиграх-оборотнях (*manusia harimau*) как о колдунах, способных к превращению в тигра через магический обряд, или как о людях, получивших магическое умение по рождению. В ряде народных нарративов, зафиксированных на островах Суматра, Ява и Бали, говорится о «науке» (*ilmu*, т. е. о приобретенном по собственному желанию магическом знании) и о «наследстве» или «проклятии» (*warisan/simpanan, kutukan/sumpah*, т. е. умениях, переданных от близкого родственника). Истории о таких тиграх имеют гибридный характер: это и повество-

вания, дошедшие до нас в остаточной изустной передаче, и письменные тексты, имеющие хождение в Интернет-пространстве (*Internet-lore*).

Ряд литературных текстов, как традиционных, так и современных, выстроены на сюжетообразующей мифологеме человека-тигра. Например, это известное в Индонезии и Малайзии предание о принцессе горы Леданг (реальная гора высотой 1276 м, в наши дни находится в Национальном парке Гунунг-Леданг в малайзийском штате Джохор), отраженное в средневековых малайских мифо-исторических хрониках «Малайские родословия» (*Sejarah Melayu*, другое русское название «Династия султанов», XIV–XVII вв.), «Тигр-оборотень» С. Б. Чандры (*Sundawa Badrul Chandra, Manusia Harimau*, 1978), «Человек-тигр» Эки Курниавана (*Eka Kurniawan, Lelaki Harimau*, 2004), «Ночь тысячи адов» Интан Парамадиты (*Intan Paramaditha, Malam Seribu Jahanam*, 2023). В 2004 году по мотивам этой легенды был снят эпический исторический романтический фильм в жанре фэнтези на малайском языке «Легенда горы Леданг» (*Puteri Gunung Ledang*, режиссер Со Теонг Хин, *Saw Teong Hin*).

В фильме 1989 года «Порча 2: Женщина-тигр» (*Santet 2: Wanita Harimau*, индонезийского киносценариста и режиссера Сисворо Гаутамы Путра, *Sisworo Gautama Putra*, годы жизни: 1938–1993) с Сюзанной, культовой актрисой хорроров 1980-х годов, и в популярном молодежном телесериале 2014–2015 годов «Тигр-оборотень» (*Manusia Harimau*, режиссер Бамбанг Ираван, *Bambang Irawan*, 1932–1979) сценарии содержат ключевую сюжетную схему о превращении человека в тигра.

Малайзийский литературовед Назри Бахрави (*Nazru Bahrawi*) назвал подобные тексты «оборотнями»; это художественные произведения современных форматов, которые трансформируют и перерабатывают первоначальные мифологемы. Тексты из устного фольклора, рукописей, «оборачиваются» переводом на современный индонезийский язык художественной литературы и кино, обеспечивая непрерывность традиции и создавая современные актуальные версии вечных образов фольклора, что способствует конструированию национальной индонезийской идентичности.

Ходжаева Р. У. (ТашГУВ, Ташкент, Узбекистан)

Макамы аз-Замахшари в контексте средневековой арабоязычной словесности в Центральной Азии

В IX–XII вв. в одном из регионов Центральной Азии — Мавераннахре наблюдается расцвет научной и художественной литературы на арабском языке. Мыслители региона внесли большой вклад в подъем мусульманской культуры этого периода, «Мусульманского ренессанса» (по определению Адама Меца). Именно в этот период учеными региона были созданы выдающиеся труды в области точных и естественных наук, а также в области истории, философии, филологии и других

гуманитарных наук. Научная литература этого времени достаточно хорошо изучена востоковедами всего мира и переведена на многие языки. Что же касается литературы, которую можно отнести к художественной, то она менее исследована и заслуживает детального анализа со стороны ориенталистов.

Художественная литература процветала в таких городах Мавераннахра как Самарканд, Бухара, Шаш, Гургенч, которые считаются крупнейшими центрами исламской цивилизации. Именно здесь были созданы многие литературные памятники, вошедшие в фонд мировой литературы. Литераторы региона создавали произведения во многих жанрах: в прозе — расаил (послания), адаб, макама, рихла, кисса, ривайа, хитаба и т. д.; в поэзии — касыда, китъа, риса, газаль и др., и внесли достойный вклад в развитие арабской литературы. Многие видные ученые Мавераннахра, такие как Абу Бакр ал-Хорезми, Ибн Сина, Абу Рейхан ал-Бируни, Махмуд аз-Замахшари успешно сочетали глубокие научные изыскания с литературной деятельностью.

Так знаменитый ученый-филолог Абу Бакр ал-Хорезми на литературном поприще прославился в жанре «братских посланий» (расаил ихванийя), а великий философ и медик Ибн Сина своими повестями и лирикой. Из прозаических произведений Ибн Сины наибольшую известность получила повесть «Хайй ибн Йакзан», имеющая философский характер и рассказывающая о духовном совершенствовании человека в труде и поиске знаний на отдаленном острове. Повесть оказала влияние как на мусульманский мир, так и на читателей за его пределами: можно проследить ее влияние на роман арабо-испанского философа и литератора Ибн Туфейла (1110–1185), имеющий то же название и распространившийся в Европе в переводе на латинский язык, а позже и на другие европейские языки. В определенной степени он повлиял на становление жанра «воспитательного романа» в Европе в эпоху Просвещения, ярчайшим образцом которого является «Робинзон Крузо» Д. Дефо, воспевающий созидательный труд и разум человека.

Таким же ярким образцом арабоязычной словесности в Мавераннахре являются макамы аз-Замахшари, знаменитого ученого-филолога из Хорезма, которого наделяли такими эпитетами как «Гордость Хорезма», «Сосед Аллаха», «Учитель арабов и неарабов». Научные труды аз-Замахшари достаточно хорошо изучены, что же касается его литературных произведений, таких как «Макамат аз-Замахшари», «Атвак аз-захаб» («Золотые ожерелья»), «Навабиг аль-калим» («Изящнейшие слова») и пр., то они не получили должного научного освещения, хотя пользуются вниманием арабоязычных читателей.

Эти литературные произведения имеют нравственно-этический характер, включают в себя небольшие назидательные рассказы и истории, поэтические вставки, пословицы и поговорки. Язык этих произведений служит эталоном арабского средневекового литературного языка и его поэтики. Макамы аз-Замахшари занимают особое место в творческой биографии автора: они были написаны в Мекке, и рукопись была преподнесена ее правителю эмиру Абу-л-Хасану Али ибн Ваххасу.

Макамы аз-Замахшари отличаются от макамов классиков этого жанра: Бади аз-Замана аль-Хамадани и Абу Касима ал-Харири, которые представляли собой плутовские новеллы развлекательного характера. В макамах аз-Замахшари изменена сама функция произведения: она заключается в совершенствовании человека с тем, чтобы сформировать из него правоверного мусульманина, отвечающего как требованиям исламского вероучения, так и общечеловеческим ценностям, выработанным на основе жизненного опыта многих поколений. По представлениям аз-Замахшари, правоверный мусульманин должен постоянно стремиться к познанию, быть сведущим в науках, быть добродетельным во всех отношениях, постоянно самосовершенствоваться. При углубленном знакомстве с 50 макамами аз-Замахшари перед читателем открывается удивительный мир, совмещающий словесное воплощение религиозных принципов с нравственными обязательствами человека в целом.

Аз-Замахшари вовсе не сухой моралист-дидактик, напротив, в своих макамах он показывает, с каким иногда трудом человек приходит к высоким нравственным ценностям и истинной вере, автор сочувствует ему и старается помочь наставлениями. В макамах ощущаются глубоко личностные исповедальные размышления автора, присутствуют черты автобиографичности. Не случайно все свои макамы аз-Замахшари начинает с обращения к молодому собеседнику по имени Абу-л-Касим, т. е. к самому себе в молодости, и передает ему жизненный опыт уже зрелого человека, который считает необходимым «стремиться к совершенству», о чем говорится в макаме «Благодарность».

Макамы аз-Замахшари дают возможность познакомиться с духовным миром этого выдающегося мыслителя средневековья, в котором мы видим органичное сочетание ученого-филолога (алима) и литератора (адиба).

Хотулева А. В. (БГУ, Минск)

Роль и место гонконгской прозы в контексте китайской литературы

Одной из наиболее актуальных проблем современного литературоведения является вопрос о границах национальных литератур. Это, разумеется, во многом связано с процессами глобализации и миграции, что приводит к тесному взаимодействию различных культурных парадигм на одной территории. Понятие «национальное» в рамках поликультурного пространства теряет четкие границы. Таким образом, становится трудно отнести некоторых писателей к той или иной национальной литературе, поскольку язык текстов, национальность автора и место его проживания (или рождения) не могут выступать в качестве однозначных классификаторов. Современное литературоведение вынуждено искать иные пути

осмысления и определения границ национальных литератур. Данная ситуация актуальна не только для американской или западноевропейской литератур, но и для китайского сегмента, поскольку термин «китайская литература» часто включает в себя гонконгскую и тайваньскую. Однако при более детальном изучении обнаруживается, что ситуация не так однозначна. В результате своеобразных длительных историко-культурных процессов гонконгская и тайваньская литературы приобрели свою специфику, которая не позволяет рассматривать их в контексте *только* китайской литературы. Требуется более широкий подход, включающий в том числе и междисциплинарное осмысление литературных процессов в Гонконге и на Тайване.

В данном докладе мы предложим несколько точек зрения на определение того, чем является гонконгская литература, а также предпримем попытку описать ее специфику, которая затрудняет однозначное понимание и трактовку подобных мультикультурных и, возможно, транскультурных литератур.

Первая точка зрения заключается в том, что гонконгскую литературу следует рассматривать как продукт постколониальности. Однако в результате более пристального изучения можно обнаружить, что постколониальная теория в европейском понимании не работает с гонконгской литературой. Постколониальность гонконгцев можно понимать только в контексте противостояния китайскому национализму, что нарушает базовый принцип о том, что колония борется за возрождение национальной культуры. Таким образом, можно отметить, что понимание литературы Гонконга как исключительно постколониальной, является слишком узконаправленным и не освещает всю ее специфику.

Вторая точка зрения предлагает рассмотреть гонконгскую литературу в контексте китайской, подчеркивая их сходство и различие в рамках основных литературных направлений и тенденций. Предполагается, что гонконгская литература не может быть отделена от китайской в качестве самостоятельной единицы, однако следует отметить, что у материковой китайской литературы был совершенно иной путь развития под влиянием социалистических идей; в то время как гонконгская литература фактически началась с переосмысления западноевропейских жанров и направлений. Помимо этого, у гонконгских авторов была возможность обращаться как к опыту всех мировых литератур, так и к опыту традиционной китайской литературы. Это повлияло на развитие и трансформацию жанров, которые на материке не разрабатывались. К примеру, жанр уся, который позже попадет в Китай, набирая популярность в рамках интернет-литературы. Таким образом, можно проследить, что гонконгская литература не только самодостаточно развивалась, но и оказала некоторое влияние на материковую литературу Китая.

Третья точка зрения предполагает попытку рассмотреть гонконгскую литературу как национальную. В результате осмысления понятия «гонконгская идентичность» можно сделать вывод о том, что «национальное» в привычном нам определении не может отразить аксиологические представления современных гонконгцев. В силу того, что идентичность гонконгцев формировалась

в транскультурном пространстве, одной из главных ценностей выступает *космополитизм*. Таким образом, национальное утрачивает первостепенное значение и отходит на второй план, что не позволяет рассматривать гонконгскую литературу только в данном контексте.

Четвертая точка зрения подытоживает все названное выше, делая акцент на том, что на данном этапе мы не можем прийти к однозначному пониманию того, чем является гонконгская литература. Таким образом, вероятно, нам требуется отдельный термин, который позволил бы уйти от политического дискурса, но сохранял бы культурно-историческую связь с самим Китаем, а также отделил гонконгскую и тайваньскую литературу от трактовки как исключительно «китайских». Одним из вариантов является термин «синофонный», предложенный исследовательницей Ши Шумэй. Широта такого термина позволяет определять *синофонной* вообще всю литературу, написанную вне Китая, но имеющую связь с материком, как, к примеру, литература китайского зарубежья.

Все эти точки зрения, разумеется, не исключают и иных трактовок гонконгской литературы. Например, можно было бы предпринять попытку рассмотреть ее в контексте *постнациональной литературы*, делая акцент именно на космополитических ценностях гонконгцев. Однако в данный момент теория о постнациональных литературах не разработана достаточно четко и однозначно.

Следует сделать вывод о том, что гонконгская литература, несмотря на сложности с ее определением, представляется интересным объектом для исследований, в особенности для междисциплинарного рассмотрения. Литература Гонконга тесно связана с традициями классической китайской литературы, однако она предпринимает самостоятельные попытки осмыслить и отыскать прошлое Гонконга, собственную *субъективность*. Как правило, исследователи стремятся найти «восточное» и «западное», отказывая гонконгской литературе в праве на целостность и самодостаточность. Очевидно, что мы имеем дело со сложной фрагментарной идентичностью, которая не является однозначно китайской или европейской, что осложняет задачу в определении роли и места такого рода литератур как в контексте мировых литератур, так и в контексте китайской.

Цой И. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Хилинг-литература как южнокорейский тренд первой четверти XXI в. Камерные пространства как место действия в хилинг-романах

В докладе речь пойдет о таком литературном тренде в Южной Корее, как хилинг-литература.

В статье исследователя Ли Чура обобщается текущее состояние хилинг-контента на корейском издательском рынке с середины 2010-х гг. и анализируются

особенности и ограничения целительного дискурса в бестселлерах, посвященных хилинг-контенту¹.

Автор магистерской диссертации Ким Муёп анализирует три основные тенденции в чтении бестселлеров с 2000 г. и приходит к выводу: читатели стали читать о том, что отвечает потребностям времени, и это особенно заметно в популярности хилинг-литературы². Это не только корейский тренд, но и в целом общемировой.

Для южнокорейского общества XXI в. по-прежнему характерны высокая степень конкуренции и продвижение по карьерной лестнице, успешность и социальный статус, в связи с чем у корейцев наблюдается повышенное чувство тревожности и подавленности.

По словам корейской исследовательницы Ким Миён, появление хилинг-литературы и социальные явления тесно связаны; общество обращалось к исцеляющей литературе в периоды сильного социального давления, усталости в отношениях, где отсутствует общение, или чувства тревоги и страха из-за непредсказуемых кризисов или катастроф³. Корейские писатели чутко улавливают общественные настроения и обсуждают те или иные перемены или трансформации в обществе.

Надо сказать, что для литературного сообщества Южной Кореи пишущая интеллигенция — это люди с активной гражданской позицией, которые открыто транслируют те или иные идеи. Идеологическая проза (влияние масштабных исторических событий второй половины XX в.) к началу XXI в. постепенно переходит в пространство социально-культурных трансформаций (изменения в институте семьи, переход к обществу потребления).

На первый план выходит литература о каждодневной повседневности во всех ее проявлениях. Наблюдаются дегероизация персонажей и сущностная деидеологизация современной литературы. То, что условно принято называть элитарной или интеллектуальной прозой, к первой четверти нынешнего столетия все чаще дополняется литературой, дающей «утешение», имеющей целительный эффект. Такого рода литература рассчитана на массового читателя, и согласно статистике,

¹ 김용출. 위로 건네는 '힐링소설' 대세... 세계무대 K문학 위상 공고히 [S 스토리-2023 한국문학 결산] [Ким Ёнчхуль. «Целительные романы» входят в моду... укрепляя статус корейской литературы на мировой арене [S Story-2023 Korean Literature Wrap-up]]. URL: <https://www.segye.com/newsView/20231201512641> (дата обращения: 05.01.2025). (На кор. яз.)

² 김무엽. 베스트셀러의 변화양상과 독서 경향 : 2000년 이후 한국 베스트셀러를 중심으로 [Ким Муёп. Изменения в бестселлерах и тенденциях чтения: фокусируясь на корейских бестселлерах с 2000 года]. URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/detail?nodeId=T13734538> (дата обращения: 08.01.2025). (На кор. яз.)

³ Kim, Mi-Young. A Comparative Study of Healing Novels in Korea and Japan — With a focus on Kim Ho-yeon's *The Inconvenient Convenience Store* and Machida Sonoko's *The convenience store with the sound of the sea*. 김미영. 한국과 일본의 힐링 소설 비교 연구 — 김호연의 『불편한 편의점』과 마치다 소노코의 『바다가 들리는 편의점』을 중심으로. [Ким Миён. Сравнительное исследование хилинг-романов в Южной Корее и Японии — роман Ким Хоёна «Магазин шаговой недоступности» и Соноко Магида «Магазинчик со звуком моря»]. 한국현대문예비평학회. 한국문예비평연구 *Academic journal*. 2024.06. No.82. P. 227–262 (36 pages). URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE11973212> (дата обращения: 05.01.2025). (На кор. яз.)

представленной южнокорейским книжным магазином Кёбо Мунго, в основном это читательницы в возрасте от 20 до 40 лет¹. Как правило, такие произведения создают сравнительно молодые авторы, которые родились позже случившихся исторических потрясений прошлого века. Это не означает, что авторы, считающиеся в Корее классиками, перестали творить. Тем не менее для нынешней читательской аудитории, уставшей от навязываемой обществом идеи успешности, актуальными становятся произведения, в которых герои отнюдь не успешные люди, но при этом обладают массой других нравственных достоинств. Это персонажи, которые проживают повседневность, работая и каждодневно решая разные бытовые проблемы.

Произведения хилинг-литературы объединяет одно сходство — выбор места действия, а именно выбор «камерных» пространств, в которых герои проживают свои жизни: работают и общаются. Почему? Акцент в повествованиях на такие камерные пространства, как, например, небольшой книжный магазин, аптека, фотостудия, шоколадная лавка, прачечная, продуктовый магазинчик, не случаен. Об этом пишет в своей статье корейский исследователь Чон Накхён: пространственные истории, объединяющие повествование и пространство, могут играть роль целительного опыта². Как маркеры обыденной бытовой повседневности, это пространства, в которых на первый взгляд ничего неординарного и необычного произойти не может. Однако именно здесь герои естественным образом знакомятся и постепенно вступают в отношения. Здесь нет спешки и гонки за успехом, жесткой конкуренции (ср. с офисными пространствами), поэтому героям удается поговорить по душам и искренне поделиться своими сложностями. Хилинг-литература полюбилась корейским читателям и за то, что такие книги можно читать медленно, не спеша, останавливаясь и прерываясь.

В большинстве случаев структура хилинг-романов такова, что отдельные их части или главы — это жизненные истории героев. Оказавшимся в таких местах в силу жизненных обстоятельств персонажам можно «быть, а не казаться». Возможно, таких героев в современном корейском обществе посчитали бы неудачниками, однако утешение от прочтения романов и состоит в том, что герои не заикливаются на этой мысли, а пытаются проживать жизнь на свой лад.

¹ Lee Jura. Current Status of Healing Contents and Characteristics of Healing Novels in Bestsellers of the 2020s.

이주라. 2020년대 베스트셀러에 나타난 힐링 콘텐츠의 현황과 힐링 소설의 특징 [Ли Чура. Современный статус хилинг-контента и характеристики хилинг-романов в бестселлерах 2020-х годов] // The Association of Popular Narrative. *Journal of Popular Narrative. Academic journal*. 2024.06. Vol. 30, No. 2. P. 69–104 (36 pages). URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE11970952> (дата обращения: 08.01.2025). (На кор. яз.)

² Jung Nak Hyun. Relationship between Space Storytelling and Healing Experiences. 정낙현. 공간 스토리텔링과 힐링경험의 연관성 [Чон Накхён. Связь между пространственным повествованием и опытом исцеления]. 한국지역문화학회. *지역과문화 Academic journal*. 2022.12. Vol. 9, No. 4. P. 1–28 (28 pages). URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE11270772> (дата обращения: 08.01.2025). (На кор. яз.)

Секция XXII • Section XXII
Языки стран Азии и Африки
Languages of Asia and Africa

Xing Yun (St Petersburg University, St Petersburg)

A Comparative Study on the Relationship of Part-of-Speech of Inverse Morpheme Words in Chinese and Japanese

This study examines the relationship between part-of-speech in inverse morpheme words in Chinese and Japanese. Inverse morpheme words are a unique linguistic phenomenon where vocabularies in both languages are composed of the same characters but with reversed order. For example, 心/心 心/心 *ài xīn/xīn ài* in Chinese and 物産/産物 *bussan-sanbutsu* in Japanese. These words reflect distinctive features of vocabulary formation in both languages and indicate their mutual influence during language contact. Through a review of the previous research, it can be observed that comparative studies on inverse morpheme words in Chinese and Japanese have been conducted from the scope of formation, semantic, classifications, and the causes of formation. From a cross-linguistic perspective, studies on the corresponding relationship of their parts of speech are relatively few.

The research utilized the “Modern Chinese Dictionary (7th Edition)” and the “Shinmeikai Japanese Dictionary (7th Edition)” as primary reference materials. The study focused on the reciprocal inverse morpheme words in Chinese and Japanese. The extraction process involved identifying *kanji* words in the *Morden Chinese Dictionary*, reversing their order, and then looking up the reversed forms in the *Shinmeikai Japanese Dictionary*. A total of 62 pairs of inverse morpheme words were extracted and applied with statistical analysis.

The study revealed several key findings: 1. Partial consistency in part-of-speech correspondence was the most common relationship, accounting for 64.5 % of the cases. This suggests a significant degree of flexibility in grammatical transformation between Chinese and Japanese while maintaining some structural similarities. When Chinese words functioned as verbs, their Japanese counterparts often exhibited both

noun and verb properties, indicating an expanded range of part-of-speech usage in Japanese. 2. Complete correspondence in parts of speech occurred in approximately 22.6 % of cases, with noun-noun correspondence being the most frequent (10 cases). 3. Only 12.9% of the inverse morpheme word pairs showed completely different parts of speech, highlighting distinct usage patterns. In cases of complete discrepancy, two main patterns emerged: Chinese verbs corresponding to Japanese nouns, and Chinese adjectives corresponding to Japanese words with both noun and verb usages.

These findings highlight the complex relationship between Chinese and Japanese vocabularies, particularly in terms of part-of-speech functions. It is also providing valuable insights into the linguistic evolution and adaptation of shared vocabulary between the two languages.

Айман Аль-Амин Яхья Бабикер (Судан)

Категория рода в арабском языке и языке фула: сравнительное исследование

Целью данной статьи является изучение и сопоставление категории рода в арабском языке и языке фула, что позволит лучше понять специфику этих двух языков. Автор следовал историческому, описательному и сравнительному методу. Для анализа был собран материал из различных источников: книги, периодика, аудиоматериалы и собственные наблюдения. Среди этих источников — книга «*Ал-хисн ар-расин фи-с-сарф*» устаза Абдаллаха Данфодио (ум. в 1829 г.), «Фонетика языков исламских народов Африки (хауса — фула — суахили)» ал-Амина Абу Манга, а также ряд суданских и региональных университетских диссертаций.

Среди этих диссертационных сочинений: Абу Гаиш «Использование арабских имен существительных, встречающихся в языке фула, при обучении арабскому языку тех, у кого арабский не является родным» (речь идет о преподавании арабского языка неарабговорящим студентам в Судане), диссертация Абдаллаха Адама Джангту «Особенности языка фулани», представленная к защите в Центр исследований нигерийских языков и литературы при Университете Байеро в Кано, и др.

Историки разошлись во мнениях относительно происхождения народа фула. Существует традиционная точка зрения, что это — потомки Фута, сына Хама, сына Ноя, упоминаемого в Библии один раз под именем Фут и еще один раз под именем Фул. В Библии также упоминается, что они живут к западу от Нила, т. е. в современной Ливии. Подобная теория имеет определенный смысл, поскольку они называют себя Fulbe, а суффикс -бе является показателем множественного числа. Среди имен, под которыми этот народ известен — Fulani, Fulani, Fulana, Fulaata, Pulaar и др. Они называют свой язык Fulfulde. Отмечается, что все имена совпадают по корню — Ful. Среди названий городов — Fut Toro, Fut Guro Ŋooro, Fut Jallo и другие. Все это указывает на связь с именами/ этнонимами Фут и Фул, упомянутыми в Библии.

Однако с уверенностью можно сказать, что представители этого народа не имеют единого физического происхождения, поскольку результаты генетических исследований выявили среди них несколько генетических линий, включая E-M2, E-M33, T, R M 173, R1b, E1b1b и другие, что указывает на существование первоначального ядра, в которое в дальнейшем влились многочисленные «притоки», образовавшие в результате ту общность, которая сегодня известна как народ фула.

В лингвистическом плане, несмотря на давнее взаимодействие со своими африканскими соседями и с арабами, язык фула имеет свою специфику. Как известно, арабский язык принадлежит к семитской ветви афразийской языковой макросемьи; имена существительные в ней обычно классифицируются по признаку рода — мужской и женский. В свою очередь, язык фула относится к нигеро-конголезской макросемье, в которой существительные классифицируются по системе именных групп и семантических полей. Таким образом, в языке фула нет категории мужского и женского рода; существительные классифицируются по определенным именным группам, которые определяются строгими правилами, и каждая группа относится к определенному семантическому полю.

Язык фула содержит 25 именных групп, одни из которых относятся к единственному числу, другие — ко множественному, к именам одушевленным и к неодушевленным и др. В качестве примера можно привести «группу O», которая относится к единственному числу имен одушевленных, например: Neddo o — человек, Gainaako o — пастух, Laamiido o — правитель и т. д.; «группу dam», которая относится к жидкостям, например: Ndiyam dam — вода, Kosam dam — молоко, Yiiyam dam — кровь и т. д.; «группу nge», связь между словами которой мифическая, например: Nagge nge — корова, Yiite nge — огонь, Naange nge — солнце. Слов последней группы немного; некоторые исследователи ограничиваются только этими тремя, но мы обнаружили и другие примеры.

Арабский язык и культура распространились в Африке вследствие распространения ислама, так что африканцы на протяжении длительного времени связывали арабов и ислам, пока те не стали рассматриваться как две стороны одной медали, что усугубило влияние арабского языка на все языки мусульманской Африки, включая язык фула.

Изучающие язык фула и арабский ожидаемо сталкиваются с рядом проблем, таких как затруднения в различении схожих групп существительных в языке фула, таких как ndi, nde, ngol, ngal, различении мужского и женского рода в арабском языке, а также трудности в произношении некоторых звуков в обоих языках. Решение этих проблем требует концентрации усилий для разработки соответствующих программ преподавания языка и затем обучения студентов по этим программам под руководством квалифицированных преподавателей.

Автор видит необходимость дальнейших лингвистических исследований языка фула как самостоятельного явления, а также в контексте языков соседей — как иных языков Африки, так и арабского языка, оказавшего на фулфулде огромное влияние.

Алексеева М. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Референциальный выбор в устном дискурсе на языке иврит: опыт систематизации на материале корпусных данных

Объяснение сложного механизма референции находится в рамках когнитивно-ориентированного подхода к процессу порождения речи, согласно которому выбор того или иного референциального выражения, т. е. референциальный выбор, зависит от когнитивной системы человека и прежде всего от такого механизма, как рабочая или кратковременная память. Принципы референциального выбора и критерии, описывающие уровень активации референта в сознании участников дискурса, исследовали многие лингвисты¹, но эти вопросы все еще являются дискуссионными. При упоминании референта говорящий может использовать полные и редуцированные референциальные выражения, включая «анафорический нуль». Причем если референт в рабочей памяти говорящего (и по предположению говорящего также в рабочей памяти адресата) «высоко активирован», то выбор делается в пользу редуцированного референциального средства, хотя выбор тем не менее остается вероятностным².

Важным вопросом становится также определение степени корреляции между референциальным статусом и определенностью/неопределенностью именной группы. Некоторые исследователи даже рассматривают «определенный» как разновидность «референтного»³. Однако в более подробных классификациях различаются ситуативная, анафорическая и ассоциативная определенность, выделяемые в зависимости от типа информации, на основе которой адресат идентифицирует референт.

Целью данного исследования стала попытка систематизации данных об основных принципах и особенностях референциального выбора в устном дискурсе на языке иврит, собранных на основании анализа данных корпуса современного разговорного иврита COSIH (cosih.com).

В процессе работы помимо интонационной разметки, существующей в *Corpus of Spoken Israeli Hebrew (COSIH)*, автором была выполнена также референциальная разметка, отвечающая задачам данного исследования. А именно: в анализируемых

¹ Можно привести в пример работы Chafe W. L. *Language and Consciousness* // *Language*. 1974. Vol. 50(1). P. 111–133; Prince E. *Toward a taxonomy of given-new information* // *Radical pragmatics* / ed. Peter Cole. New York: Academic Press, 1981. P. 223–255; Gundel J. K., Hedberg N., Zacharski R. *Cognitive Status and the Form of Referring Expressions in Discourse* // *Language*. 1993. Vol. 69(2). P. 274–307; Кибрик А. А. Фокусирование внимания и местоименно-анафорическая номинация // *Вопросы языкознания*. 1987. № 3. С. 79–90; и др.

² Кибрик А. А., Добров Г. Б., Залманов Д. А., Линник А. С., Лукашевич Н. В. Референциальный выбор как многофакторный вероятностный процесс // *Материалы международной конференции «Диалог 2010»*, Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Т. 9(16). М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 173–180.

³ Givón T. *Syntax: an introduction*. Vol. 1. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 441.

отрывках дискурса были выбраны аннотируемые элементы, указаны элементы, связанные отношением кореферентности, и в каждом случае отмечен тип референциального выражения: полное (имена нарицательные, имена собственные, именные группы с модификаторами), редуцированное, например, анафорические местоимения, «анафорический нуль».

Анализировались также возможные факторы референциального выбора, такие как: первое/непервое упоминание референта, одушевленность, грамматическая роль, тип именной группы, расстояние между анафорой и антецедентом.

В результате проведенного анализа были сделаны следующие выводы. Маркирование конкретно-референтного статуса в современном иврите, как и во многих других языках, осуществляется прежде всего с помощью определенного артикля (*ha-*). При этом в корпусе можно найти примеры как ситуативной и анафорической, так и (реже) ассоциативной определенности. Конкретная референция чаще всего в спонтанной устной речи иврита при первом упоминании маркируется референциальным выражением в форме имени нарицательного с определенным артиклем или имени собственного, хотя встречаются случаи употребления именных групп с определенным детерминативом или притяжательным суффиксом. Однако определенный артикль может оформлять не только конкретно-референтные именные группы, но также и неконкретно-референтные, включающие в себя универсальные и родовые именные группы. Последующие упоминания в спонтанной речи оформляются в подавляющем большинстве случаев при помощи анафорических местоимений, которые могут отстоять от антецедента на достаточно большое расстояние, в том числе на расстояние 1–6 интонационных групп.

На основании рассмотренных данных, были выявлены основные факторы, которые, по-видимому, в наибольшей степени влияют на референциальный выбор говорящего в спонтанной речи на языке иврит (первое/непервое упоминание, одушевленность, грамматическая роль), получены статистические данные о наиболее распространенных типах референциальных выражений в устном дискурсе, а также была предложена схема-визуализация частотно реализуемых кореферентных отношений в спонтанной речи на языке иврит.

Бадмацыренова Н. Б. (ВИ, Бурятский государственный университет, Улан-Удэ)

Зоонимия монгольского словаря «Мукаддимат ал-Адаб»

Язык монгольской части четырехязычного словаря ал-Замахшари «Мукаддимат ал-Адаб» представляет собой типичный пример монгольской речи периода XII–XIV вв., поскольку данный языковой материал, равно как и данные других памятников того времени, характеризуется начальным спирантом [h] и явлением выпадения интервокального [g] в комплексах *ayū*, *egü*.

Монгольский языковой материал словаря представляет собой особую ценность, так как насчитывает несколько тысяч лексических единиц, и, что важно для лексикологии и синтаксиса, многие слова даны в составе словосочетаний. Целью настоящей работы является определение пласта зоонимической лексики монгольской части словаря «Мукаддимат ал-Адаб». Наши наблюдения показали, что корпус зоонимических единиц словаря равен примерно 300 наименованиям.

Анализ монгольской части «Мукаддимат ал-Адаб» и современных монгольских языков выявил обширный пласт общемонгольской зоонимической лексики.

Так, в словаре представлены как родовые наименования: *adūsun* «скотина», *siba ūn* «птица», *jiyasun* «рыба» *simul* «муха», так и видовые наименования: *morin* «лошадь», *temēn* «верблюды», *qonin* «овца», *ūker* «бык», *ima ān* «коза». Наблюдения над языком словаря показали наличие наименований как домашних, так и диких животных: *miš* «кошка», *noqai* «собака», *činā* «волк», *arslan* «лев».

Лексические единицы, обозначающие сельскохозяйственных животных, относящихся к традиционным 5 видам скота, имеют широкую градацию наименований по возрасту, полу, масти: *ingen* «верблюдица», *botayan* «верблюжонок», *ge ūn* «кобылица», *dāyan* «жеребенок», *γunan ūker* «трехлетний бык», *dōnen ūker* «четырёхлетний бык», *ala* «пегий», *čabdar* «соловый».

Наряду с общемонгольскими единицами, в монгольской части словаря встречаются заимствования, чаще всего являющимися кальками из чагатайского языка: МАА *γarluyaç*, ДТС *qarlıyač* «ласточка», МАА *keklik* «тетерев», ДТС *keklik* «куропатка», МАА *čayan*, ДТС *čayan* «скорпион».

Возможным заимствованием из китайского языка является единица МАА *lūsa* ЭСМЯ *luusa* [кит. ?] халх., бур. луус, калм. лус, луус, мнгр. лӯса мул.

В словаре зафиксирован случай употребления эвфемизма *ötege* «медведь», ЭСМЯ *ötege*, калм. өтг старик; халх. өтөг, калм. (эвфем.) медведь; бур. (диал.) үтөө бии (ebei) бабушка, үтөө эсэгэ (ešige) дед. ◇ → Кирг. өтөгөн (эвфем.) медведь. В данном случае возможно табуирование единицы «медведь» путем переноса значения слова «старый», однако словарь данное значение закрепляет за единицей *ötegü*.

Для словаря характерно употребление единиц *juļjayan*, *kūčūk*, *kūken*, *kū ūn* в значении детеныша каких-либо животных: *köwerčkenü juļjayan* «детеныш голубя», *čināyin kūčūk* «волчонок», *kūken taqi`ā* «цыпленок», *mišin kū ūn* «котенок».

Сравнительный анализ зоонимической лексики языка «Мукаддимат ал-Адаб» и монгольских языков показал, что существует определенная и довольно значительная часть общемонгольских единиц, не подвергшихся фонетическим и семантическим изменениям. Другую же, большую, часть наименований животных составляют тюркские заимствования. Наименьший количественный показатель дают единицы, претерпевшие семантические изменения. Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что анализ монгольского материала четырехъязычного словаря ал-Замахшари «Мукаддимат ал-Адаб» и монгольских языков свидетельствует о формировании зоонимов в эпоху тюрко-монгольской и древнемонгольской языковой общности.

Беседина А. С. (Санкт-Петербург)

Особенности передачи эмфазы при переводе художественной литературы с русского языка на персидский язык (на материале повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи»)

Эмфаза — одна из важнейших категорий коммуникативной структуры предложения. Согласно определению Т. Янко, она выражает эмоции говорящего, связанные с ненормативными явлениями жизни¹. Будучи тесно связанной с категориями экспрессивности и контраста, эмфаза занимает значимое место в риторике и художественной литературе².

Данный доклад посвящен вопросу передачи эмфазы в контексте перевода художественной литературы с русского языка на персидский язык. Объектом исследования выступили варианты лексических и синтаксических средств выражения эмфазы, встречающиеся в повести Ф. М. Достоевского (1821–1881) «Белые ночи» и ее переводе на персидский язык, выполненном С. Хабиби (р. 1941). Предметом исследования стали способы выражения эмфазы в персидском языке. В качестве материала исследования был использован перевод повести «Белые ночи»³, опубликованный издательством «Našr-e māhi» в Тегеране в 2024 г. Цель исследования состояла в том, чтобы описать и классифицировать лексические и синтаксические средства передачи эмфазы, задействованные С. Хабиби при переводе повести «Белые ночи» на персидский язык.

В ходе исследования нам удалось прийти к следующим выводам:

1. Несмотря на распространенность в персидском языке семантического повтора как средства выражения эмфазы⁴, С. Хабиби в ряде случаев отказывался передавать эмфазу, выраженную в русском языке лексическим повтором, при помощи аналогичного лексического повтора; при этом он не компенсировал утраченное коммуникативное значение при помощи других средств (возможно, для благозвучия). Ср. «небо было такое звездное, такое светлое небо...» — «āsmān be qadr-i por setāre-o rawšan bud...».

2. В некоторых случаях эмфаза, выраженная в тексте повести Ф. М. Достоевского лексическими средствами, например, при помощи интенсификатора, передана (и в отдельных случаях усилена) в переводе повести на персидский язык при помощи расщепленного предложения — характерной для персидского языка эмфатической конструкции «in... ast ke...»⁵. Ср. «это тоже молодой вопрос,

¹ Янко Т. Е. Просодические средства эмфазы // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 658–668.

² Попова И. Д., Волков В. С. К проблеме содержания терминов «экспрессия», «эмоция», «эмфаза» // Вестник Камчатского государственного технического университета. 2009. С. 153–156.

³ Dāstārfski F. Šabhā-ye rawšan. Tehrān: Našr-e māhi, 1402.

⁴ Rafi'ei D. Ravešhā-ye ta'kid-e kalame dar zabān-e fārsi // 'Olum-e adabi. 1394. S. 7, š. 12. S. 147–164.

⁵ Rasex-Mahand M. Barrasi-ye anvā'ye ta'kid dar zabān-e fārsi // Zabān-o zabānšenāsi-ye. 1384. Š. 1. S. 1–19.

любезный читатель, очень молодой...» — «in ham porseš-i-st ke faqat dar del-e yek javān momken-ast padid āyad. dar delhā-ye xeyli javān...».

3. Как писали Ш. Ибрагимшарифи и А. И. Галичев, определенную сложность в переводе с русского языка на персидский язык представляет собой перевод русских частиц, в частности, частиц «же» и «уж»¹. В некоторых таких случаях они опущены (ср. «но как же, в кого же?» — «četur? ‘āšeq-e ki?»), в иных — переданы при помощи слов, принадлежащих к другим частям речи (например, наречия или выделительного артикля *gā*), или при помощи устойчивых словосочетаний (ср. «и тут же сделал ей отеческий выговор» — «va fi-l-majlas albatte pedarāne bābat... malāmateš kardam»; «ведь вот уж мне двадцать шесть лет...» — «bebinid, man bist-o šēš sālām-ast...»).

Таким образом, переводчик художественной литературы неизбежно сталкивается с проблемой отсутствия в целевом языке (в данном случае в персидском языке) тех же средств выражения эмфазы, что существуют в исходном языке (в данном случае в русском языке). Эти сложности и обуславливают смысловые потери и переводческие трансформации при переводе с одного языка на другой. Тем не менее, несмотря на разницу между средствами выражения эмфазы в русском и персидском языке, персидский язык располагает средствами, позволяющими компенсировать подобные потери.

Виноградова Т. И. (БАН, Санкт-Петербург)

Макет слога Гу В. М. Алексеева — боковая ветвь будущего БКРС

«Макет слога Гу»² известен всем, кто занимается историей китайско-русских словарей, он упоминается во многих работах, но мало кто написал о нем отдельно. Только Б. Л. Рифтин уделил «Макету» страницу текста в статье «О синологических словарях и справочниках, старых и новых», дополняющую архивную «Рабочую библиографию китаиста» В. М. Алексеева³.

¹ Ибрагимшарифи Ш., Галичев А. И. Трудности перевода русских частиц на персидский // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2022. № 4. С. 47–58.

² Китайско-русский словарь: Пробный макет словаря, содержащий: а) предисл. ред. и тезисы к составлению Словаря, б) слог ГУ (китайск. иероглифы, чтение которых передается в условной рус. транскрипции буквами ГУ) по тексту Словаря / Сост. коллективом китаистов Ин-та; под ред. акад. В. М. Алексеева; Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения. М.; Л.: изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948 (Ленинград). 84 с.

³ Рифтин Б.Л. О синологических словарях и справочниках, старых и новых // Алексеев В. М. Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая. СПб.: БАН, Альфарет, 2010. 502, [1] с.: портр. (Rara orientalia). С. 278–371.

«Макет...» состоит из двух частей: теоретической под названием «Тезисы о современном двуязычном словаре современного иностранного языка с применением их к словарю китайско-русскому» и практической собственно словарной части. Похоже, издание мало кто видел, ибо в нынешнем Институте восточных рукописей до сих пор хранится существенная часть тиража в 850 экземпляров. Макет должен был рассылаться всем заинтересованным лицам бесплатно, в книгу вложен лист с опросником, подписанный Алексеевым как главным редактором словаря: 4 основных вопроса и приглашение высказать свое мнение по любому возникшему у читателя вопросу.

Принцип организации — слоговой, внутри слога — в порядке русского алфавита транскрипций. Известно, что считались хорошо разработанными еще слоги *бао* и *вэй* (И. М. Ошаниным). Изначально Алексеевым планировался словарь по графической системе, на варианте которой построен четырехтомный БКРС. «Транскрипционно-алфавитная система» была принята после многих споров как наиболее удобная и современная. Предполагалось, что в большом словаре будут вспомогательные указатели по ключам и по графической системе¹.

Даются не только сочетания по первому слогу *гу*, но и те, где этот слог расположен на втором месте. Слова-слоги размещены по частоте их употребления: «по мере их встречаемости и на клавиатуре китайской пишущей машинки»². Транскрипция — унифицированная Алексеевым «палладица», разработанная применительно к передаче звуков пекинского диалекта.

Рифтин считает, что в словарь вошли «все иероглифы с чтением *гу* и все сочетания с ними»³. Слогов с чтением *гу* в «Макете...» 68, они пронумерованы и заключены в квадратную рамку. В БКРС включено 88 иероглифов с чтением *гу* в полных формах. Число же сочетаний гораздо больше.

Словарная часть открывается иероглифом 古 ‘древний’, на его примере рассмотрим, как устроена схема словаря:

- 1) номер ключа и количество добавочных черт, в круглых скобках;
- 2) римская цифра, указывает на группу значений или часть речи;
- 3) транскрипция и тон (арабской цифрой над транскрипцией);
- 4) переводы;
- 5) синонимы и антонимы;
- 6) стрелка ← → отсылает к иероглифу с похожим значением, в данном случае к 故;
- 7) номер в «Тысячесловии» «Цянь цзы вэнь» 千字文, в данном случае 738.

Далее — биномы с этим иероглифом на первом месте, иероглиф заменен вертикальной чертой |. После отчеркивания двумя горизонтальными линиями

¹ Китайско-русский словарь... С. 22.

² Там же. С. 23.

³ Рифтин Б. Л. О синологических словарях... С. 285.

следуют биномы, где слог *гу* в данном значении расположен на втором месте: *бузу* 不古 — ‘несерьезный (поэт), несолидный’.

Затем указано второе значение слога: фамилия Гу, разные фамильные сочетания 古孫 Гусунь, и две японских фамилии Фурута 古田 и Фурусе 古莊.

Завершается статья описанием *гу* 古 как транскрипционного знака.

В отличие от БКРС не указывается рифма. Текст набран двумя колонками. В конце словарной части приведены два варианта компоновки: в один столбец на листе с транскрипцией в первой или во второй колонке.

О содержательном наполнении словаря. Во вводной статье заявляется: «Наш современный словарь китайского языка есть прежде всего советский словарь, ибо в него, как в новое, особое предприятие, впервые введена марксистская терминология и материал, расписанный по текстам произведений классиков марксизма и отдельных произведений советской литературы и публицистики...»¹. Длинный список того, что было расписано для словаря и как итог: «Словарь наш... подготавливает учащегося к основному этапу учебы — к освоению китайского учебника»². Современность лексики, отобранной для словаря, декларируется на протяжении вводной статьи многократно, правда, отмечается, что знакомство с новой китайской лексикой остановилось в 1941 г.³, а в некоторых архивных документах даже фигурирует 1939 г. Оправданию «элементов традиции» в словаре посвящен отдельный параграф⁴.

Реальность: во всем тексте словаря не нашлось ни одного словосочетания, которое можно было бы отнести к советской, марксистской или просто современной актуальной лексике. Конечно, слог с чтением *гу*, наиболее частотными знаками в котором являются иероглифы со значением «древний», может служить неким оправданием, но ведь там много и других иероглифов. Может также возникнуть подозрение, что слог *гу* не случайно был выбран первым для презентации словаря. Словарь более всего — цинский, много имперских реалий и причудливо высокопарной лексики.

Не исключено, что все указанное было расписано на самом деле, но инкорпорировать в словарь, отталкивающийся от «Цыхая» 辭海, «Цьюаня» 詞源 и старых двуязычных европейских словарей, не смогли или не захотели. Так что действительность могла быть хуже, чем провальная рассылка и малое количество отзывов на словарь. В 1949 г. работы над Большим русско-китайским словарем были приостановлены в пользу скорейшего выпуска Малого китайско-русского словаря, уже под руководством И. М. Ошанина.

¹ Китайско-русский словарь... С. 17.

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 37.

⁴ Там же. С. 29–35.

Воронина Л. А. (МГПУ, Москва)

Проблемы классифицирования комбинаторных изменений звуков в потоке речи на корейском языке

Корейский язык в отечественных вузах постепенно набирает популярность, но для его качественного преподавания, особенно на языковых профилях, не все вопросы представляются решенными. К перечню таких наименований относятся проблемы классифицирования комбинаторных изменений звуков в потоке речи.

Под комбинаторными изменениями звуков понимаются явления аккомодации, ассимиляции (в том числе диэрза и гаплогогия) и диссимиляции.

Процессы *аккомодации* в корейском языке — это, во-первых, закон обнуления нейтрализации и, во-вторых, палатализация, где к первому из них относятся случаи, когда импловзивные [конечнослоговые] согласные, соединяясь с последующей гласной, утрачивают дифференциальные признаки, а ко второму — случаи смягчения согласных перед нейтральным гласным и йотированными звуками. Проблема с описанием случаев аккомодации заключается в том, что разные авторы одни и те же фонетические изменения относят к разным явлениям, например, корейские ученые говорят о том, что [≡] в сочетании с последующим [0] или любым йотированным гласным палатализуется¹. Однако отечественные ученые называют такое явление ассимиляцией². Нельзя отрицать, что ряд ученых считают палатализацию одним из видов ассимиляции³, но, поскольку палатализация возникает в результате взаимодействия звуков разного типа, т. е. только между согласными и гласными, а ассимиляция, наоборот, только между звуками одного типа [или гласными, или согласными], то утверждение о том, что рассматриваемое явление, будучи палатализацией, относится к одному из видов ассимиляции, представляется ошибочным.

С классифицированием случаев *ассимиляции* также возникают нерешенные вопросы. Например, у исследователей широко принято рассматривать гармонию гласных⁴ отдельно от явлений ассимиляции⁵, хотя сингармонизм, по нашему мнению, как раз и является дистактной (или дистантной) ассимиляцией, когда происходит уподобление гласных в аффиксах гласному корню. Виды же ассимиляции вызывают сомнение относительно известной представленности в корейском языке т. н. «взаимной» ассимиляции, под которой в теории языка подразумевают расподобление двух одинаковых звуков (или диссимиляция) или двух похожих

¹ Ли Иксоп Ли Санок, Чхэ Ван. Корейский язык. М., 2005. С. 104.

² Новикова Т. А., Иващенко Н. В. Учебник корейского языка. Начальный курс. М., 2001. С. 27.

³ Ли Иксоп Ли Санок, Чхэ Ван. Корейский язык. С. 103.

⁴ «Хунмин чонъым», изложенный простым и всем понятным языком / Пер. с кор. В. Д. Аткин; под ред. В. В. Верхоляк, Хан Бёнсок. Сеул, 2010. С. 45.

⁵ Карпека Д. А. Грамматика корейского языка: в 3 т. Т. 1. СПб., 2018. С. 36–38.

по месту образования звуков: в качестве примеров приводятся случаи взаимодействия звуков [ㄱ], [ㄷ] и [ㅂ] с [ㄷ], хотя они не являются ни одинаковыми звуками, ни похожими по месту образования, где исключение составляют [ㄷ] и [ㄷ] — последние все-таки могут претендовать на таковые, т. к. имеют одинаковое место образования (альвеолы).

В корейском языке, насколько известно автору, про диссимиляцию никто никогда ничего не писал, но это не значит, что ее нет, например, очень похожей на диссимиляцию выглядит общепринятая среди корейцев т. н. полная прогрессивная ассимиляция на стыке двух [ㄷ] ([걸리다]), но в отличие от подобного явления в русском языке — имеется в виду влияние [л] на [р] — в корейском языке она контактная. Или, например, то, что принято считать полной регрессивной ассимиляцией в корейском, когда после [ㄴ] [ㄷ] вместе с предыдущим звуком вместе звучат как [л] ([한류]), больше всего походит на диссимиляцию, т. к. ни /ㄴ/ в конечнослоговой позиции, ни /ㄷ/ в начальнослоговой позиции звука /л/ не обозначают. Диссимилятивную основу имеют чаще всего и эпентезы, или вставки дополнительных, неэтимологических согласных или гласных звуков. В корейском языке эпентеза при заимствовании прежде всего имеет место в начале слога с начальной /ㄷ/, которая может и выпадать, и появляться, например, имя 이오녕 произносится /이오령/. И нам, к сожалению, не известны четкие правила ее движения.

В контексте ассимиляции в научной литературе по корейскому языку ничего не говорится ни про гаплоглогию как таковую, ни про диэрезу в случаях кластера, когда максимальное количество согласных, следующих друг за другом в слоге, — три, но произноситься могут только два. Причем выпадению, в отличие от русского языка, не всегда подвергается средний согласный: из возможных трех согласных, следующих друг за другом, выпадать может либо первый, либо второй согласный — сравните, например, 읽다 /익따/ и 앓다 /안따/. В кластерах т. н. первой группы (ㄱ, ㅋ, ㆁ, ㆁ, ㆁ, ㆁ, ㆁ, ㆁ, ㆁ)¹ при соприкосновении с последующим согласным² [начальный согласный звук следующего слога] диэрезой является второй согласный из трех следующих друг за другом звуков, а в кластерах т. н. второй группы (ㆁ, ㆁ, ㆁ) — первый. Скорее всего, выпадение в кластерах т. н. второй группы связано со специфическим отношением носителей корейского языка к /ㄷ/: корейский /ㄷ/ является одноударным и, следовательно, очень трудно воспроизводимым в начальной позиции слога (или «невозможный в начале слова»³). В связи с этим при заимствовании новых слов из европейских языков действовал запрет на начальную ㄷ, а в случае с китайскими заимствованиями /ㄷ/ либо строго заменялось на ㄴ (= /ㄴ/), например, в слове *старик* (노인 老人), либо вообще опускалось, если далее шел гласный /ㅜ/ или любая йотированная гласная, например, в слове *история* (역사 歷史).

¹ Воронина Л. А. Простой корейский: Сборник упражнений и заданий по практике речи. СПб., 2017. С. 106.

² Кроме случаев аспирации, т. е. когда после ㅋ, ㆁ, ㆁ следует /ㅎ/.

³ Ли Иксон Ли Санок, Чхэ Ван. Корейский язык. С. 104.

Таким образом, следует подчеркнуть необходимость проведения исследований явлений аккомодации, ассимиляции и диссимиляции в корейском языке для устранения указанных выше проблем с созданием классификации комбинаторных изменений звуков корейского языка.

Ганбаатар Цэнд-Аюуш (Московский государственный лингвистический университет, Москва)

Просодия коммуникативных интоном в монгольском языке: экспериментально-фонетическое исследование

Современный монгольский язык представляет собой интересный объект для экспериментальных исследований, особенно в области фонетики и просодии. Как отмечают С. Мөөмөө и Ш. Лувсанвандан, интонация является ключевым средством различения смыслов и эмоций в монгольском языке, определяя ее как «душу языка»¹.

Основной целью данного исследования является анализ просодических характеристик коммуникативных интоном монгольского языка на примере повествовательных, вопросительных, повелительных и восклицательных предложений. Особое внимание уделяется выявлению закономерностей, связанных с изменением частоты основного тона (F0), интенсивности и длительности высказываний.

Для достижения поставленной цели был проведен эксперимент с участием 10 носителей халхаского диалекта монгольского языка (5 мужчин и 5 женщин) в возрасте от 20 до 86 лет. Испытуемым было предложено прочитать 90 предложений различных типов, что позволило собрать 900 фонографических записей. Анализ данных проводился с использованием программы PRAAT, что обеспечило измерение ключевых параметров:

- 1) частота основного тона (F0);
- 2) интенсивность;
- 3) длительность.

Результаты исследования. Анализ записей подтвердил, что все типы предложений в монгольском языке обычно начинаются с высокой частоты основного тона, после чего следуют нисходящие или восходящие показатели. В результате проведенного эксперимента были сформулированы следующие выводы:

Основная характеристика интонации современного монгольского языка. Все типы предложений начинаются с высокой частоты основного тона (F0), после чего интонация принимает нисходящее направление. Это характерное свойство наблюдается во всех типах высказываний, представленных в эксперименте, и может считаться особенностью монгольского языка.

¹ Мөөмөө С. «Монгол хэлний аялгыг судлах тухай асуудалд», Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал, II болт, УБ., 1977, 102–104-р тал.

Повествовательные предложения. Интонация повествовательных предложений обычно носит нисходящий характер. Однако, если предложение содержит ключевое слово, важное для передачи смысла, на нем наблюдается повышение F_0 , что создает мелодический максимум интонации. Эмоциональное выражение адресанта в таких предложениях, как правило, остается спокойным и ровным.

Вопросительные предложения с вопросительным словом. Интонация таких предложений начинается на уровне средней частоты основного тона, повышается на вопросительном слове, а затем снижается к концу высказывания.

Вопросительные предложения без вопросительного слова. Независимо от наличия вопросительного слова, большинство предложений в монгольском языке начинается с высокой частоты F_0 . Исключением может быть лишь ситуация, связанная с «логическим ударением».

В монгольском языке есть частица, выражающая эмоцию адресанта. Иными словами, такая частица речи позволяет выражать мысли сильнее и выделяет значение/силу предыдущего слова. В связи с этим считается, что высокий уровень F_0 приходится на это слово.

Вопрос с восклицанием. Вопросительные предложения с элементами восклицания демонстрируют высокий уровень F_0 на вопросительном слове, что является максимальной частотой основного тона в предложении. Интонационные графики могут варьироваться в зависимости от позиции вопросительного слова.

Интонация уточняющих вопросов. Уточняющие вопросы имеют два основных интонационных типа. Первый напоминает повествовательные предложения: F_0 начинается на высоком уровне и плавно снижается. Второй тип характеризуется высоким началом F_0 , а затем резким повышением интонации на последнем слове или на вопросительной частице.

Интонация повелительных предложений. Интонация повелительных предложений варьируется в зависимости от цели высказывания и намерений говорящего. Она может быть эмоционально насыщенной или сдержанной в зависимости от контекста.

Восклицательные предложения. Интонация восклицательных предложений демонстрирует разнообразные формы, включая элементы повествовательных, вопросительных и повелительных интонаций. Часто на ключевых словах наблюдается повышение F_0 , что подчеркивает их значимость.

Дербишева З. К. (КРСУ, Бишкек), Казакбаева А. С. (КРСУ, Бишкек)

Языковая картина мира в кыргызском восприятии

Проблема соотношения языка и этноса в данном исследовании была рассмотрена с позиций когнитивной лингвистики, которая позволила раскрыть язык как

креативную лабораторию, фиксирующую опыт познания мира этносом. Язык представляет собой социокультурный архив этноса. Учитывая, что язык состоит из лексики и грамматики, обе эти системы в разной степени участвуют в формировании языковой картины мира. Перед нами была поставлена задача составить языковой портрет кыргызского этноса. Для решения этой задачи мы главным образом опирались на словарь, то есть на лексические ресурсы кыргызского языка, которые вывели нас на ключевые концептосферы, позволившие очертить основные контуры портрета кыргызского этноса.

1. «Жизненные ценности».
2. «Пространство и движение».
3. «Время».
4. «Родственные узы».
5. «Этноязыковой портрет».
6. «Женщина».
7. «Эмоции».
8. «Слово».

Концептосфера — это сложная когнитивная структура, которая формируется из ряда концептов и представляет сумму знаний и информации по определенному факту, явлению. Каждый из концептов в рамках той или иной концептосферы был изучен с точки зрения языковой вербализации в кыргызском языке. В своем исследовании мы ограничились основным языковым материалом, представленным в лексикографических источниках. Таким образом, номинативное поле концепта в предлагаемом анализе включало лексические номинации, фразеологические единицы и устойчивые сочетания, а также паремиологические выражения (пословицы, поговорки).

Жизненные ценности кыргыза. Философия жизни кыргыза зиждется на следующих представлениях: сама жизнь воспринимается как благодать, и в то же время присутствует осознание неизбежности испытаний и других превратностей жизни, граничащее с идеями фатализма.

Основные жизненные приоритеты кыргыза связаны с социально-нравственными представлениями народа. В вербальной памяти народа остались запечатленными такие категории, как любовь к родной земле, вера в справедливую власть, в мудрого лидера. Нравственные установки отражают каноны надлежащего поведения в рамках этнического сообщества, то есть быть всегда вместе с народом, умение быть готовым к любым испытаниям, почитать старшее поколение.

Культурные традиции также нашли полноценное отражение в лексико-фразеологическом корпусе кыргызского языка. Кыргызские обычаи и обряды, связаны с жизненным циклом человека, с рождением детей, сватовством, свадьбой, похоронно-поминальными ритуалами, знанием родословной до седьмого колена, сохранением традиций кочевой жизни.

Языковое восприятие пространства. Языковая интерпретация пространства в кыргызском сознании подтверждает теорию Льва Гумилева о том, что «Характер

культуры складывающейся народности определяется вмещающим ландшафтом» (Л. Гумилев). Тот языковой репертуар, который мы имеем, позволяет значительно уточнить наши представления о среде, в которой жил кыргызский этнос, об их хозяйственной деятельности и др. Состав ландшафтной лексики в кыргызском языке прежде всего отражает опыт освоения горного пространства. Так, характерной чертой пространственной лексики кыргызского языка является детальная градация именованных фрагментов горного ландшафта. В кыргызском языке насчитывается более сотни слов, обозначающих горный ландшафт. Напротив, равнинный ландшафт представлен тремя десятками лексем, и совсем скудна лексическая номинация лесного ландшафта — менее десятка наименований.

В процессе концептуализации горного пространства кыргызское языковое сознание выделяет такие когнитивные признаки, которые легли в основу вербализации горного ландшафта: *пространственное соположение, степень наклона, характер поверхности, форма, размер, высота, пригодность к использованию, пригодность к прохождению, степень крутизны, отсутствие простора, удобство использования, мера доступности*. Используя эти данные, кочевники определяли пригодные к проживанию места.

Концепт «Пространство» неразрывно связан с концептом «Движение». Многовековой опыт жизни в постоянном движении, перекочевки с одного места на другое наложил свой отпечаток на процесс языковой концептуализации. Номинативная плотность концепта «Движение» в кыргызском языке довольно высокая: насчитывается более 20 первообразных (непроизводных) глаголов, которые детализируют движение в объемном пространстве: по горизонтали в разные стороны, по вертикали вверх и вниз. Этот список дополняется изобразительной лексикой, выражающей различный характер движения по склонам гор, по хребтам, по воде, верхом на лошади.

Языковое восприятие времени. Сквозь призму языковой репрезентации концепта «Время» можно раскрыть суть понимания категории времени. Концепт «Время» в кыргызском языке имеет многослойную структуру (измерение времени, фиксация времени, интерпретация возраста и др.). Использование названий диких животных для наименования месяцев у кыргызов дает основание для лингвистического подтверждения исторической локализации кыргызского этноса в географических ареалах, где в изобилии водились дикие животные.

Особенности образа жизни кочевника-скотовода могут создавать особый облик «рутины», и с позиции стороннего наблюдателя их время представляется менее событийно насыщенным и более предсказуемым. Однако для самого человека оно неизбежно рутинизируется и наполнение внутреннего времени соотносится с обыденным жизненным укладом. В повседневной жизни кыргызов измерение времени осуществлялось через такие рутинные составляющие жизни, как дойка кобылиц, приготовление пищи и т. д.

Концептуализация времени в кыргызском языковом сознании связана со значимостью прошлого, ценностью настоящего, зыбкостью будущего.

Родственные узы. Языковая концептуализация обозначила аксиологическую значимость таких когнитивно-семантических сфер, как иерархия в семейных отношениях, особая этика отношений между родственниками, уважение к старшему поколению, пожизненная опека детей родителями.

Дмитриев С. В. (ИВ РАН, Москва)

Frumenta tangutica: злаки и бобовые в тангутско-китайском глоссарии «Своевременный перл в ладони» (1190)

Тангутское государство (*phôn¹ mbm² lhjə² liɛ² / n(ь)хон мбин лхйэ лйе* 禿尾隴穀, Великое государство Высокой Белизны / Белого и Высокого, в китайских источниках — Западное Ся (*Си Ся* 西夏)) существовало в IX–XIII вв. (de jure — в 1038–1227 гг.) на территориях совр. пров. Нинся (хуэйский автономный район сохранил в своем названии (Нинся 寧夏, Усмиренное Ся) воспоминание о некогда существовавшем здесь государстве), Ганьсу, частично Синьцзяна, Цинхая, Шэньси и Внутренней Монголии, а также некоторых южных районов Монгольской Республики.

Тангуты (самоназвание ми (*緜鞬 mi² ndzɯwo² / ми ндзйво* или *緜鞬 mi² nɕaɯ² / ми нйаы*), а также лхйве *𐰚𐰆 lhjwe¹*) — народ, сформировавшийся к X в. на базе нескольких групп, пришедших на эти земли в VII–VIII вв. из северо-восточного Тибета (Амдо) в эпоху Тан; тангутский язык (возможно, существовало несколько достаточно близких диалектов), вероятно, можно отнести к распространенным ныне в западной Сычуани языкам цянской подгруппы сино-тибетской семьи; из ныне живущих представителей ближе всего к нему хорпа (особенно восточные диалекты), некоторые группы носителей которого даже называют себя минья.

Тангутам удалось создать самобытную культуру, являющуюся замечательным образцом культуры Шелкового пути, многое взявшей у соседей, но сумевшей сохранить самостоятельность и оригинальность. Удивительным наследием тангутской культуры является тангутская письменность, введенная в обиход в 1038 г.; многие ученые считают ее самой сложной и хорошо задокументированной иероглифической письменностью из известных нам.

В 1227 г. Тангутское государство было уничтожено Чингисханом; тангутские элиты в основном нашли себя на службе Монгольской империи Юань 元 (1271–1368), а тангутский язык входил в число престижных языков имперской верхушки. Активно продолжалось печатание тангутских книг (прежде всего буддийских), воздвигались стелы, на которых тангутские надписи соседствовали с монгольскими, уйгурскими, китайскими, тибетскими, санскритом.

Однако, видимо, ликвидация государства уже тогда стала одной из причин постепенной ассимиляции тангутов и вытеснения тангутского языка из повседневного

обихода; в первую очередь это касалось обычных тангутов — земледельцев, кочевников, горожан, неспособных войти в число имперских элит. Многие тангуты смешивались с китайскими и мусульманскими группами, уже в описании тангутских городов у Марко Поло их жители ничем особенным не отличаются от иных жителей империи.

Тяжелый удар был нанесен по тангутам после крушения Юань, во время минского завоевания территорий бывшего тангутского государства — многие города были уничтожены, оставшиеся тангуты рассеяны. Последними островками сохранения языка стали монастыри. Самый поздний известный нам датированный памятник, содержащий тангутский текст (стелы с дхарани в г. Баодин 保定, Хэбэй), датируются 1502 г. — видимо, к этому времени носителей языка и письменности тангутов оставалось совсем немного; трудно сказать, говорили ли на нем к этому времени или он оставался только языком религиозных текстов. Вскоре язык исчез окончательно.

Часть тангутской знати, видимо, бежала в Тибет и дальше — к тангутскому правящему дому возводили свой род, например, правители гималайского княжества Сикким, некоторых тибетских владений. Этноним миньяг མི་རྒྱལ་ по отношению к некоторым амдским племенам, частично занявшим тангутские территории, использовался тибетцами вплоть до XVIII в.; монголы именовали тангутами тибето-монгольские племена тибетского пограничья. Скорее всего, кровь тангутов действительно течет в жилах тибетцев Кукунора, хуэй-цзу Нинся и алашаньских ойратов.

К счастью, тангутский язык и тангутскую письменность удалось вырвать из лап забвения, прежде всего благодаря удивительным находкам Монголо-Сычуаньской экспедиции Петра Кузьмича Козлова (1863–1935), сделанным в 1908–1909 гг. в «мертвом городе» Хара-Хото (ныне АР Внутренняя Монголия), обнаруженном незадолго до этого бурятским исследователем Цокто Гармаевичем Бадмажаповым (1879–1937). В ходе раскопок на территории самого города¹, а также неподалеку от городских стен — в т. н. «знаменитом суббургане» были найдены тысячи тангутских, китайских, тибетских, сирийских ксилографов и рукописей, которые были отправлены в Санкт-Петербург: осенью 1909 г. они были доставлены на хранение в Русское географическое общество, весной 1910 г. перемещены в этнографический отдел Русского музея (ныне Российский этнографический музей), а весной 1911 г. переданы в Азиатский музей (ныне ИВР РАН).

Особую роль в дешифровке тангутской письменности и языка сыграл тангутско-китайский глоссарий «Своевременный перл в ладони тангутского и китайского языков» (*mi² ʒa¹ ngwu¹ ndzje¹ mbju¹ pja¹ ngu² nje² / ми (р)жа нгву ндзье мбу (х)пья нгу нье* 緜綾那纒瓊花解絞; *Фань-хань хэ-ши чжан-чжун чжу* 番漢合時掌中珠 («Варварско-китайский своевременный перл в ладони»)), впервые опубликованный в 1190 г. Наличие китайских переводов тангутских терминов (а также

¹ В тангутское время он назывался ʒje² pja¹ 緜瓊 (р)Жйеня, букв. Черная вода — по названию протекающей неподалеку реки, удивительным образом почти сохранившей свое тангутское название в монгольском наречии местного населения — ныне она именуется Эдзин-гол.

нотация тангутской фонетики, содержащаяся в глоссарии) позволило составить первые словники тангутского языка, данные «Перла» широко использованы во всех современных словарях тангутского языка. Однако, несмотря на такую известность, глоссарий очень мало изучен как таковой, что крайне обидно, поскольку перед нами не просто список слов и выражений, но и, судя по предисловию, попытка создать максимально репрезентативный и всесторонний тезаурус тангутской культуры.

На нескольких предыдущих конгрессах нами был представлен раздел глоссария, посвященный съедобным травам и овощам. За ним, на л. 156–16а, следует гораздо более важный раздел, посвященный злакам и бобовым. Именно этот раздел мы и рассмотрим в нашем докладе.

Дубровченко М. Ю. (ДВФУ, Владивосток)

Функционирование прецедентных феноменов в политическом дискурсе КНР

Явление прецедентности получило широкое распространение в последние годы. Большинство исследований посвящено художественной литературе, но все чаще анализируется в других дискурсах: политическом, научном, публицистическом, рекламном, педагогическом и бытовом¹.

В разные годы разными специалистами, занимающимися изучением проявления прецедентности в различных типах дискурса, были предложены классификации функций прецедентных феноменов (ПФ). При ряде расхождений в работах исследователей также прослеживаются и общие направления.

Изучив классификации ПФ, предложенные В. Н. Базылевым², Е. А. Нахимовой³, Д. Б. Гудковым⁴, С. Л. Кушнерук⁵ и Г. Г. Слышкиным⁶, и выделив в них схожие направления, в данной работе мы предложили классификацию, базирующуюся на вышеуказанных. Она включает эстетическую, эвфемистическую, оценочную, моделирующую, парольную и людическую функции.

Частотность проявления этих функций зависит от типа дискурса. В нашем исследовании мы сосредоточимся на политическом дискурсе (ПД) КНР. Поскольку КНР

¹ Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007.

² Базылев В. Н. Политик в интеллектуальном контексте эпохи // Политический дискурс в России. 6: материалы постоянно действующего семинара. М., 2002.

³ Нахимова Е. А., Указ. соч.

⁴ Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999.

⁵ Кушнерук С. Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006.

⁶ Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.

является значимым игроком на мировой политической арене, а Си Цзиньпин — влиятельным политическим деятелем, анализ его выступлений (а в последствии анализ выступлений и других политических деятелей КНР) на предмет прецедентности представляет интерес и способствует пониманию риторики Китая. В нашем исследовании мы сосредоточились на выступлениях председателя КНР Си Цзиньпина 2024 года. В ходе анализа мы выявили примеры упомянутых функций.

Проявление эвфемистической функции мы можем увидеть в высказываниях, касающихся текущей мировой обстановки, процесса исторического развития и современного положения дел в стране:

- 当前，世界上还有一些地方处在战火硝烟之中 (В настоящее время в мире еще есть места, охваченные пожаром войны и окутанные дымом сражений (т. е. места военных конфликтов);
- 中俄关系四分之三个世纪的风雨历程… (Ветер и дождь (т. е. трудности и преграды), через которые прошли Россия и Китай за три четверти века дипломатических отношений).

Также были выявлены и ПФ, наделенные парольной функцией, т. е. направленные на то, чтобы подчеркнуть общность говорящего и слушателей. Подобные ПФ выявлены нами в высказываниях, обращенных как к гражданам материкового Китая, так и к жителям Тайваня, Гонконга и Макао, а также к представителям других стран.

- 祖国统一是历史必然，两岸同胞要携手同心，共享民族复兴的伟大荣光。(Объединение родины — это историческая необходимость, [поэтому] соотечественникам с обоих берегов Тайваньского пролива нужно идти вперед рука об руку и разделить великую славу национального возрождения);
- 赓续传统友谊，践行“更快、更高、更强——更团结”的奥运格言，携手开创中法合作新时代，共同谱写人类命运共同体新篇章！(Продолжать дружеские традиции, придерживаться Олимпийского девиза «Быстрее, выше, сильнее — вместе» для того, чтобы начать новую эпоху китайско-французского сотрудничества и вместе написать новую главу истории Сообщества единой судьбы человечества).

Оценочной функцией наделены ПФ, упоминающиеся в речах разной направленности. В них Си Цзиньпин, например, дает оценку как деятельности граждан страны (а также их достижениям), так и отношениям с другими государствами:

- 辛勤劳作的农民，埋头苦干的工人，敢闯敢拼的创业者 (Выполняющие тяжелую работу крестьяне, трудящиеся не покладая рук рабочие, готовые пойти на риски предприниматели);
- 中俄关系具有不可替代的重要意义 (Российско-китайские отношения обладают важным значением исключительного характера).

ПФ, выполняющие эстетическую функцию, чаще всего встречаются в речах, приуроченных к праздничным событиям. Например, значительное количество подобных ПФ было выявлено нами в речах по случаю наступления Нового года и праздника Весны Чуньцзе:

- 希望全国人民振奋龙马精神，以龙腾虎跃、鱼跃龙门的干劲闯劲，共同书写中国式现代化建设新篇章。(Надеюсь, что жители всей страны будут преисполнены духа дракона и лошади¹, и с энтузиазмом и напористостью, подобным тем, что есть у взлетающего дракона, прыгающего тигра², и карпа, перепрыгнувшего ворота дракона³, напишут новую главу в истории китайской модернизации).

ПФ, наделенные юридической функцией, практически не представлены в речах Си Цзиньпина. Нами было выявлено лишь несколько случаев, например:

- “村超”、“村晚”活力四射 («Деревенская суперлига» и «деревенские новогодние концерты» проводятся с большим энтузиазмом).

В своем высказывании Си Цзиньпин упоминает сокращенное название спортивного мероприятия, которое часто упоминается жителями страны (сокр. от 乡村足球超级联赛 — деревенская футбольная Премьер-лига), а также неофициальное название мероприятий, которые проводятся в поселениях в канун праздника Весны Чуньцзе. Вероятно, введены для того, чтобы подчеркнуть сопричастность с жителями сельской местности.

ПФ являются неотъемлемой частью ПД Китая. При этом, упомянутые ПФ наделены различными функциями. Наиболее распространены эвфемистическая, парольная, оценочная и эстетическая функции. При этом несколько реже встречаются ПФ, выполняющие юридическую функцию.

Данное исследование — это один из первых этапов изучения особенностей функционирования ПФ в ПД Китая. Результаты работы способны сыграть значительную роль в процессе понимания политических процессов разных стран, выявления используемых политиками тактик и стратегий, а также и улучшения политической коммуникации.

*Дудченко Г. Б. (АНОО «Невский институт языка и культуры»,
Санкт-Петербург)*

Фонологическая сторона формирования русско-китайского пиджина в 90-е годы XX в.

На примере города Суйфэнхэ автор рассматривает пиджин, возникший на границе России и Китая в начале 90-х гг. XX в.

До конца 80-х гг. XX в. граница между СССР и КНР была практически закрытой в течение более четверти века. После ее открытия в общении между гражданами двух соседних стран выработался определённый контактный язык.

¹ Обр. полны сил и энергии.

² Обр. живо и весело.

³ Обр. успешно сделать карьеру.

Есть основания рассматривать его именно как пиджин. В нём ярко выражены общепринятые социолингвистические критерии данного понятия – он использовался преимущественно в торговле, применялся в равной степени носителями обоих языков, контактирующие не изучали языки друг друга, но стремились к тому, чтобы их понимали. В формировании спонтанно возникавшего средства общения были задействованы и подвержены изменениям слова из обоих языков – и китайского, и русского. Происходило редуцирование лексики и грамматики языков, в словарном составе оказалось отчётливо выражено явление полисемии, активно применялись устойчивые словосочетания.

Лексические единицы пиджина примерно поровну подразделяются на те, которые взяты из китайского языка, и те, которые имеют русскоязычное происхождение. Люди, вступившие в международное общение, изначально не владели языками друг друга и, как правило, не стремились их дальше осваивать. Но потребность в общении с проявлением эмоций у них была, поэтому «на паритетных началах» произошёл отбор лексических единиц из двух языков.

На примере анализа таких слов русского и китайского языков, как 预付款 *yùfùkuǎn* ‘предоплата, аванс’; друг, корефан и 朋友 *péngyǒu* ‘друг, приятель’, поясняются причины отбора одних единиц и отказа от других. Отдельное внимание уделяется метаморфозам, связанным с появлением в пиджине слова *помогай*, этимологии выражения *супер минимум*, а также бытованию слова *надо*, произносимого носителями китайского языка как *nada* или *nade*.

При вхождении в русско-китайский пиджин слов и фраз из китайского языка также происходили определенные изменения. Для того, чтобы быть использованными носителями русского языка, они получали соответствующее фонетическое оформление. Слово «сколько» постоянно используется в торговле, и китайские продавцы в Суйфэньхэ осваивали его одним из первых. Но в середине 90-х гг. оно было в ходу наряду с фразой из пиджина [doɪʃe siɡə] в разных вариантах — [doʃe dziɡə], [doʃao siɡa] и т. д. Возможных причин его отбора из китайского языка в пиджин могло быть несколько.

Среди прочих лексических единиц, пришедших в пиджин из китайского, следует назвать возглас *камбэй*, указательное выражение 这个 *zhège* ‘это, этот’, благодарность 谢谢 *xièxiè* ‘спасибо, благодарю’, слово *куня* (как «гендерный аналог» слова корефан), оценочная лексика 好 *hǎo* и 不好 *bùhǎo*, произносимый как «пухао», а также такие лексические единицы, как 吃饭 *chīfàn*, *юани* в значении ‘деньги; платный’, отрицание 没有 *méiyǒu*, в пиджине звучавшее как *мия* или *мио*, в значении ‘нет, не имеется’.

Интересно проследить дальнейшую судьбу русско-китайского пиджина, столь неожиданно возникшего в первой половине 90-х гг. XX в. Жители Суйфэньхэ и приезжавшие в город на заработки граждане КНР из других мест провинции Хэйлуунцзян, вступая в контакт с россиянами, переходили от пиджина к русскому языку. Не владея им на уровне носителей и при этом допуская в речи некоторые слова из пиджина, они формировали своеобразный идиолект, или «интерязык».

Говорящий на нём в отличие от пользователя пиджина стремится овладеть языком и говорить на нём правильно.

По нашим наблюдениям, относящимся к 20-м гг. XXI в., русско-китайский пиджин в Суйфэньхэ уже практически не применялся. Тем не менее, русско-китайский пиджин 90-х гг. XX в., распространившийся на приграничных территориях, в международном общении сыграл весомую роль. Благодаря ему люди имели возможность приезжать в приграничные города, вести куплю-продажу, эмоционально проявлять лучшие чувства друг к другу. В завершение хочется выразить надежду на то, что пример данного пиджина найдёт своё место в теории и истории контактных языков, будет задействован в дальнейших исследованиях.

Емельченкова Е. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

К вопросу об «артиклезации» современного китайского языка

В докладе обсуждается материал современного китайского языка на предмет выявления и анализа способов выражения значений, стандартно относимых в лингвистике к категории детерминации, понятийной категории, определяющей выбор объекта как конкретного носителя какого-либо свойства или множества носителей (класса) данного свойства (обозначаемого существительным или именной группой).

Все грамматики, написанные до середины 80-х гг. XX в., единодушно позиционировали китайский язык как безартиклевый, т. е. как не имеющий специализированных средств выражения значений определенности или неопределенности именной группы, однако за последние три-четыре десятилетия взгляды лингвистов на статус этого языка в части передачи различных референциальных значений были пересмотрены. Связано это было, во-первых, с расширением научной базы типологических описаний естественных языков и представлений об артиклевых системах, встречающихся в языках мира, а также углублением исследования средств выражения категории детерминации в современном китайском языке. Все чаще и громче в лингвистическом сообществе поднимается вопрос об «артиклезации» китайского языка, в доказательство приводятся данные как современного языка, так и в диахронии¹.

¹ 张伯江, 方梅. 汉语功能语法. 南昌: 江西教育出版社, 1996 [Чжан Боцзян, Фан Мэй. Функциональная грамматика китайского языка. Наньчан: Цзянси цзяоюй чубаньшэ, 1996.]; 方梅. 指示词“这”“那”在北京话中的语法化 // 中国语文, 2002, (4): 343-356 [Фан Мэй. Грамматикализация демонстративов 这 ‘этот’ и 那 ‘тот’ в пекинском диалекте // Китайский язык, 2002. № 4. С.343-356]; 张振亚. 现代汉语“这/那”研究——从语义到语法, 篇章及语法化. 北京大学博士学位论文, 2009. [Чжан Чжэнья. Исследование 这 ‘этот’ и 那 ‘тот’ в современном китайском языке: от семантики к грамматике, дискурсу и грамматикализации. PhD dissertation. Пекин, Пекинский университет, 2009.]

Кроме хорошо знакомого по материалу западноевропейских языков противопоставления двух артиклей – определенного и неопределенного, встречаются и другие варианты устройства артиклевых систем, когда в языке присутствует только один – определенный или неопределенный артикль. В Азии такие системы представлены, например, в хинди, монгорском, индонезийском языках, где имеется только неопределенный артикль, или в языке атайл, где реализован только определенный артикль¹.

В упрощенном виде можно описать классические двухартиклевые системы как состоящие из показателей определенной и неопределенной детерминации. Функцией определенного артикля является актуализация именной группы (существительного), демонстрация идентифицируемости или единственности называемого объекта в данной коммуникативной ситуации, тогда как неопределенный артикль маркирует факт существования объекта без возможности его идентификации, выражая лишь отнесение к классу объектов с аналогичными свойствами. По факту функционирования артиклей в естественных языках не унифицировано и имеет свои особенности, описание которых по-прежнему далеко от полноты и исчерпанности, в связи с чем новые данные об устройстве референциальной системы китайского языка требуют нового обсуждения.

Проведенные исследования языкового материала показывают, что процессы грамматикализации, коснувшиеся наиболее частотных средств выражения категории детерминации в китайском языке, действительно схожи с теми тенденциями, которые были описаны в уже ставших классическими типологических работах Дж. Гринберга² и Т. Гивона³.

Так, в китайском языке счетный комплекс, включающий числительное — *yī* ‘один’ и счетное слово, по своему функционированию очень близок к контекстам употребления неопределенного артикля в артиклевых языках. Как было показано в работах Чэнь Пина⁴, это референциальное выражение прошло все стадии грамматикализации — от указания количества до генерических контекстов, типичных для неопределенного артикля.

В большинстве артиклевых языков определенный артикль восходит к демонстративам, причем чаще из имеющегося арсенала дейктических слов источником для него служит местоимение отдаленного указания (дистального).

¹ Атлас языковых структур WALS. URL: https://wals.info/combinations/38A_37A#2/25.5/149.0 (дата обращения: 15.01.2025).

² Greenberg Joseph. How does a language acquire gender markers? // Joseph H. Greenberg (ed.). *Universals of Human Languages*. Volume III: Word Structure. Stanford: Stanford University Press, 1978. P. 47–82.

³ Givón Talmy. On the development of the numeral “one” as an indefinite marker // *Folia Linguistica Historica*. 1981. 2(1). P. 35–53; Givón Talmy. *Syntax. A Functional-Typological Introduction*. Vol. I. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1984. Vol. II. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1990.

⁴ Chen Ping. Identifiability and Definiteness in Chinese // *Linguistics*. 2004. 42(6). P. 1129–1184; Chen Ping. Indefinite determiner introducing definite referent: a special use of ‘yi ‘one’+ classifier’ in Chinese // *Lingua*. December 2003. Volume 113, Issue 12. P. 1169–1184.

В докладе обсуждаются доводы в пользу заявляемой «артиклезации» китайского языка и аргументы против таковой. Показано, что степень грамматикализованности у показателей неопределенности значительно выше, чем у демонстративов 这 *zhè* ‘этот’ и 那 *nà* ‘тот’, позиционируемых как этимоны показателей определенности, что свидетельствует о неравномерности процесса «артиклезации» в данной системе для разных маркеров. В этой связи пока вряд ли имеются основания говорить о наличии определенного артикля в современном китайском языке, тогда как для счетного комплекса с числительным — 一 *yī* ‘один’ можно считать путь семантической эволюции от простого количественного значения к референциальному (качественному) уже пройденным.

Зелтынь Л. А. (НИУВШЭ, Москва)

Мальтийский язык как свидетельство языковой детерминанты семитских языков

Изучение арабских диалектов рассматривается в качестве одной из актуальных задач современной лингвоарабистики, предметом исследования которой, в числе прочего, является специфика речевого поведения арабоязычных обществ, особенности и перспективы развития разговорных форм арабского языка. В докладе планируется представить и проиллюстрировать новые данные и результаты, полученные в ходе исследования современного мальтийского языка, который прошел путь от арабского диалекта к национальному языку, получившему статус государственного языка Евросоюза, сохранив уникальные отличительные характеристики языков семитского строя. Доклад является развитием изучения фактов мальтийского языка (письменных текстов, относящихся к различным функциональным стилям, устной речи жителей островов Мальтийского архипелага, отдельных лексических и фразеологических единиц, в том числе наиболее выразительных с точки зрения сохранения траектории эволюции языка топонимов и онимов), результаты которого были опубликованы в статьях «Особенности функционирования арабских имен собственных в современном мальтийском языке на примере *KuNYat(un)* и ‘*iSM(un)*» (2013) и «Мальтийский язык – от арабского диалекта к национальному языку» (2014).

Результаты исследования подтверждают, что детерминанта (в терминологии Мельникова Г. П.) семитских языков в целом и арабского языка в частности настолько устойчива, что сохраняется в мальтийском языке через почти тысячелетие развития последнего в изоляции от материнского языка, в окружении языков иных языковых групп и семей, даже несмотря на неблагоприятные для него социолингвистические обстоятельства. Сущностные характеристики арабского языка проявляются во всех ярусах языковой системы мальтийского

языка, однако имеют специфический характер, что автор и планирует продемонстрировать на примерах современных мальтийских текстов и отдельных лексических единиц.

Важным источником информации об эволюции мальтийского языка явились культурные артефакты и фрагмент текста трактата ал-Химйари «*Ар-Рауд ал-ми'тар фи хабар ал-актар*» (XV в.), описание которых планируется представить в докладе.

Ибрахим И. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Аналитический подход к использованию коллокаций при преподавании перевода текстов общественно-политической тематики с японского языка на русский

Об актуальности понятия коллокации достаточно много пишут в последнее время в применении к методикам преподавания иностранного языка. В научный оборот вошли такие производные от коллокации понятия, как коллокационная компетенция, коллокационная осведомленность. Термины, которые характеризуют уровень владения языком и в определенной степени являются целевыми показателями как для обучающихся, так и для преподавателей. Коллокации определяются в целом как устойчивые словосочетания с различной степенью спаянности компонентов, что позволяет отнести к ним как фразеологизмы и идиомы, так и сочетания слов, имеющих статистически подтвержденную тенденцию встречаться в одном дискурсе и относящихся к одному семантическому полюю.

В работах японских исследователей, посвященных преподаванию иностранных языков, в последние годы часто используют заимствованный термин *корокэ:сён* от английского *collocation*, и это относительно новый термин. Однако в работах по японской лингвистике уже более полувека оперируют понятием *рэнго* — дословно «связанные слова» или словосочетание.

Если для европейских языков трактовка понятия «словосочетание» вопросов не вызывает, то с восточными, в частности с японским языком все обстоит не так просто. Выделение слова в японском языке, из-за того, что он агглютинативный, довольно долго оставалось нерешенной проблемой. Деление на знаменательные и служебные слова (далее, СС) приводило к дискуссиям о том, считать ли словосочетанием, например, комбинацию СУЩ + Падежный послелог, и в некоторых работах японских исследователей эту комбинацию как раз именовали рэнго. Если придерживаться такого подхода, то коллокации в японском языке можно условно разделить на две группы: грамматические и семантические. Грамматические коллокации, как для комбинаций СУЩ + СС, так и для ГЛАГОЛ/ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ + СС),

определяются валентностью и семантикой глагола либо прилагательного, следующего за существительным, а не самим существительным. Тогда в комбинации «*тосёкан-НИ тикай*» («близко к библиотеке») на первый взгляд две коллокации: грамматическая «*тосёкан-НИ*», и семантическая «*тосёкан-НИ тикай*». Однако использование падежного послелога (датива) *НИ* при этом обусловлено не существительным *тосёкан* («библиотека»), а прилагательным *тикай* («близкий»). И это дает нам основание выделять как грамматическую коллокацию «*НИ тикай*», а не «*тосёкан-НИ*». Таким образом, можно сделать вывод, что в грамматических коллокациях высокой степени спаянности обладают комбинации СС + ГЛАГОЛ/ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ.

Говоря о семантических коллокациях, необходимо отметить, что основным определяющим фактором здесь является степень спаянности компонентов. Именно он позволяет разграничить простые словосочетания и семантические коллокации. Сильная степень спаянности характеризует, помимо фразеологизмов, поговорок и идиом, слова, относящиеся к одному семантическому полю, а также словосочетания, в которых один элемент определяет семантику всего словосочетания при том, что второй элемент несет лишь функциональную нагрузку, типа «*рэнраку-о тору*» («связаться», дословно «взять связь») или «*ниои-га суру*» («пахнуть», дословно «запах делает»).

Систематизированное изучение коллокаций особенно важно при работе с текстами общественно-политической и экономической тематики. С одной стороны, эти тексты насыщены актуальной лексикой и терминологией, относящейся к определенным семантическим полям. С другой стороны, их характеризует определенная заформализованность и клишированность, понимание которых и определяется коллокативной компетенцией. В качестве особенности текстов СМИ на японском языке часто отмечают эллипсис ряда падежных послелогов и формализаторов. Частным случаем такого эллипсиса можно считать появление сложных слов, состоящих из 4 иероглифов, но по сути являющихся словосочетанием. Например, «*кэйдай дзё:кё:*», вместо «*кэйдай-НО дзё:кё:*» («экономическая ситуация»), где происходит эллипсис послелога родительного падежа.

Предсказуемо, основную трудность представляют для обучающихся коллокации, не имеющие эквивалентов, либо имеющие отличающуюся от родного языка сочетаемость. Чаще всего, но не всегда такие языковые несоответствия объясняются семантикой составных элементов (иероглифов) слов в коллокации. Определенные явления, очевидно, поддаются систематизации и обобщению. В частности, японские существительные присоединяют словообразовательные суффиксы с исходными значениями «цвет» (*-сёку*), «сила» (*-рёку*), «степень» (*-до*), «чувство» (*-кан*), «процент» (*-рицу*). В таких случаях семантика суффиксов будет определять, какие глаголы или прилагательные образуют коллокацию с данным существительным. Например, существительное «*кики*» («кризис») может использоваться с суффиксом *-кан* («чувство»), что никак не повлияет на перевод на русский язык. Однако, *кикикан* используется с такими глаголами, как

цунору («становиться интенсивнее»), *такамару* («повышаться, расти»), *идаку* («лелеять»), *моцу* («иметь»), *кандзиру* («чувствовать»), и с прилагательными типа *такай* («высокий»), *оокий* («большой»). В то же время слово *кики* сочетается с совсем другими глаголами: *норикоэру* («преодолеть»), *дассюцу суру* («вырваться из»), *кайкэцу суру* («разрешить»), *мукаэру* («столкнуться»), *синкокука суру* («усугубиться»), и только с одним предикативным прилагательным *цуйёй*. При этом высока сочетаемость с полупредикативными прилагательными типа: *ооки-на* («большой», вместо предикативного *оокий* с тем же значением, *тайхэн-на* («ужасный»), *синкоку-на* («глубокий»). Очевидно, что семантика базового компонента коллокации или даже одного элемента в этом компоненте влияет как на семантическую, так и на синтаксическую сочетаемость.

Таким образом, выделение факторов, определяющих состав коллокации, способствует систематизации подачи материала в процессе обучения, что способствует более эффективному и быстрому формированию коллокационной компетенции и осведомленности, чем простое заучивание слов и словосочетаний.

Кагирова В. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

О двух формах «пассива» в современном грузинском языке

В современном грузинском языке наблюдается типологически нетривиальная ситуация наличия двух морфологически отличных друг от друга форм пассива: суффиксальной и префиксальной.

В статье рассмотрены последовательно морфологические характеристики и особенности спряжения, происхождение, семантика префиксального и суффиксального пассивов.

Выбор префиксального показателя *-i-* или суффиксального показателя *-d-* для пассива зависит от тематического суффикса презентной основы активной формы¹. Суффиксальный пассив образуется только от глаголов с суффиксом *-eb-* переходной (каузативной) модели спряжения *a- ___ -eb:* *a-ket' -eb-s* *делает* > *ket' -d-eb-a* *делается*. Префиксальный пассив образуется от глаголов со всеми остальными тематическими суффиксами (*-ob-*, *-av-*, *-am-*, *-i-*), а также без суффиксов: *ser-s* *пишет* — *i-ser-eb-a* *пишется*, *xat-av-s* *рисует* — *i-xat-eb-a* *рисуется*. Существенно, что в этом случае глагол может быть и непереходным (*s'xovr-ob-s* *живет* — *i-s'xovr-eb-a* *живется*).

Отличие префиксального *-i-* от суффиксального *-d-* заключается также в том, что первый является многофункциональным показателем, а второй выступает только в одной функции — образование «пассивных» форм.

¹ Руденко Б. Т. Грамматика грузинского языка / Труды института востоковедения. № XXXI. М.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 138–142.

С точки зрения диахронии показатель *-i-* связан с категорией версии (указание на действие в пользу субъекта). Суффиксальный показатель *-d-* развивается из «динамизирующего» показателя аориста стативных глаголов¹.

Различия в спряжении префиксального и суффиксального пассивов наблюдаются в формах аориста и оптатива. Так, в аористе формы префиксального и суффиксального пассива получают разные окончания в 1-м и 2-м лицах (*-e-* для префиксального пассива, *-i-* для суффиксального).

С точки зрения семантики «пассивные» формы объединяют в себе довольно разнообразный спектр значений (ср. русские глаголы на *-ся*). В разной терминологии, для префиксального пассива помимо чисто пассивного выделяются декаузативное (совмещенное с потенциалисом), автокаузативное (=рефлексивное) и антипассивное (=депонентное) прочтение². Что касается семантики суффиксального пассива, отдельно для них отмечается только тенденция к инхоативному прочтению³.

Анализ материала производился с помощью Национального корпуса грузинского языка (<http://gnc.gov.ge/gnc/concordance>). Поискový запрос [*features = («V» «Pass» «<S>» «Pres»*)] выдал 5017 форм. Из них затем вручную были отобраны формы суффиксального и префиксального пассивов и произведен статистический анализ частотности употребления глагольных лексем в той или иной пассивной форме. Суффиксальное пассивное оформление получили 149 глаголов, префиксальное — 235. Лидирующими по частотности (от 20 вхождений и выше) среди суффиксальных пассивов оказались: *brundeba возвращается*, *grzeldeba длится*, *mt'avrdeba заканчивается*, *brazdeba сердится*, *č'erdeba останавливается*, *t'avdeba завершается*, *ket'deba делается*, *lurždeba синеет*, *magrdeba твердеет*, *berdeba стареет*. Среди суффиксальных пассивов (от 30 вхождений и выше) — *icqeba начинается*, *iųimeba улыбается*, *iųureba смотрит*, *iųureba погибает*, *ik'c'eva превращается / ведет себя*, *ibadeba рождается*, *it'vleba считается*, *ixedeba смотрит(ся)*, *izrdeba растет*, *imaleba прячется*.

¹ Мачавариани Г. И. К вопросу о генезисе суффиксального типа страдательного залога в картвельских языках. (на груз. яз.). [Электронный ресурс]. URL: <https://kartvelologybooks.tsu.ge/uploads/book/008.pdf> (дата обращения: 14.01.2025); Шанидзе А. Г. Основы грамматики грузинского языка / А. Г. Шанидзе. Соч. в 12 т. Т. III. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1980. (на груз. яз.). С. 354–355.

² Asatiani R. An Algorithm Defining the Choice of 'Active~Passive' Formal Paradigms in Georgian // Logic, Language, and Computation. 12th International Tbilisi Symposium, Tbilisi 2017, Lagodekhi, Georgia, September 18–22, 2017. Revised Selected Papers. [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/313884701_An_Algorithm_Defining_the_Choice_of_'ActivePassive'_Formal_Paradigms_in_Georgian (дата обращения: 14.01.2025); Мацавариани М. V. Stative, resultative, passive and perfect in Georgian // Typology of Resultative constructions / ed. by V.P. Nedyalkov. Typological studies in language. Vol. 12. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin Publishing company, 1988. P. 259–276; Rostovtsev-Popiel A. Subjects of decreased control in Kartvelian anticausatives. [Электронный ресурс] URL: https://www.eva.mpg.de/fileadmin/content_files/linguistics/conferences/2015-diversity-linguistics/RostovPopiel_handout.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

³ Tuite K. Deponent verbs in Georgian. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mapageweb.umontreal.ca/tuitekj/publications/deponents-tuite.pdf> (дата обращения: 29.12.2024).

Из перечисленных форм только две могут рассматриваться как пассив (*ket'deba делается, it'vleba считается*). В остальном как суффиксальные, так и префиксальные формы обладают в основном декаузативной (*mt'avrdeba заканчивается, icqeba начинается*) и рефлексивной (*brundeba возвращается, imaleba прячется*) семантикой. При этом только среди префиксальных форм встречаются т. н. депоненты — пассивные глаголы с активной семантикой, (пасс. *i-qiŋ-eb-a смотрит* vs. акт. *u-qiŋ-eb-s смотрит на него*). В свою очередь, семантика «становления» (*luŋzdeba синеет, magrdeba твердеет, berdeba стареет*) в большей степени характерна для суффиксальных форм (в связи с их отыменным происхождением), однако не может быть ограничена только ими (ср. префиксальный *i-zrd-eb-a растет* vs. суффиксальный *did-d-eb-a увеличивается* и др.).

Инхоативная семантика как специфичная для суффиксальных пассивов в пределах презентных форм выборки из корпуса не выявляется, однако в форме аориста употребительны суффиксальные пассивные формы от основ, в норме образующих префиксальный пассив. Ср.:

sad i-laparak-eb-a sup't'a k'artuli? — префиксальная форма

Где говорят на чистом грузинском? (букв. Где говорится чистый грузинский?)

qvelas gvainteresebs, romel enaze laparak-d-eb-a — суффиксальная форма, редко встречается)

Всех нас интересует, на каком языке он заговорит (букв. начинает говорить)

msop'lios' alaparakda k'art'ulad — суффиксальная форма, часто встречается

И мир заговорил по-грузински!

Вопрос о корреляции с активными формами, по-видимому, в этом случае различается следующим образом:

активный *laparak-ob-s* говорит \Rightarrow префиксальный пассив *i-laparak-eb-a* говорится (на языке говорят)

\Downarrow каузатив *a-laparak-eb-s* заставляет говорить \Leftrightarrow суффиксальный пассив *laparak-d-eb-a* начинает говорить

Таким образом, две «пассивные» формы в современном грузинском языке обладают сходным набором семантики и функций, выражают пассивное, антикаузативное и рефлексивное значения, находятся в отношениях дополнительной дистрибуции с точки зрения корреляции с активными формами. Однако суффиксальный и префиксальный пассивы отличают правила образования аориста и опатива, формы имеют разные источники происхождения, суффиксальный пассив статистически менее частотен, чем суффиксальный, в отличие от последнего не обладает способностью образовывать депоненты, однако обладает специфической способностью передавать инхоативное значение. В целом грузинский глагол характеризуется продуктивной и подвижной морфологией, благодаря которой одна и та же основа, вписанная в разные морфологические и синтаксические модели, приобретает самый разнообразный спектр значений.

Каменецкая А. Б. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

К вопросу о категории падежа в традиционной арабской грамматике

Изучение категорий *раф* ' , *насб* и *джарр* в арабской грамматической традиции выявляет интересные особенности, связанные с их интерпретацией и классификацией. В частности, в арабской грамматике отсутствует термин, который бы обобщал эти категории в понятие, аналогичное европейскому «падежу». На это указывает, среди прочих, Д. В. Фролов: «Привлекает внимание отсутствие общего понятия, под которое подводилось бы понятие определяемое»¹. Н. В. Юшманов приводит и другие примеры отсутствия обобщающего термина в арабской грамматике: «Есть арабские термины для каждой детали языка, но нет терминов для падежа, наклонения, породы и прочих важных категорий»². Очевидно, что традиционная арабская грамматика обладает иной концептуальной структурой, нежели европейские грамматические теории.

Вопрос о сущности категории «падеж» в арабском языке имеет несколько аспектов. Во-первых, обращает на себя внимание неравнозначность отношений между тремя основными падежами. Представляется, что *джарр*, который уподобляют генитиву в западной языковедческой традиции, стоит особняком в филологических построениях арабских ученых. Это заметно и в терминологии. Так, У. Райт (очевидно, приводя суждения арабских грамматистов) указывает, что *раф* ' и *насб* — это 'алам ал-фа 'илийа и 'алам ал-маф 'улийа соответственно, а *джарр* — это 'алам ал-идафа³. Такое различие позволяет предположить, что *джарр* не входит в ту же грамматическую оппозицию, а выполняет особую синтаксическую роль.

Во-вторых, кажется интересной другая сторона вопроса терминологии. У. Райт в «Грамматике арабского языка» объясняет названия падежей: *раф* ' он переводит как «the raising (of the voice)» [повышение (голоса)], *насб* — как «the uplifting or elevation (of the voice)» [повышение или возвышение (голоса)], а для *джарра* в этой связи приведено дополнительное название, *хафд*, то есть «the depression (of the voice)» [понижение (голоса)]⁴. Похожее наблюдение приводит В. Гезениус в разделе «Грамматики иврита», посвященном изменению имен в сопряженном состоянии: «The construct state is not strictly to be regarded as a syntactical and logical phenomenon, but rather as simply phonetic and rhythmical, depending on the circumstances of the tone» [Сопряженное состояние не следует рассматривать

¹ Фролов Д. В. Способы определения понятий в традиционной арабской грамматике // Проблемы арабской культуры. М., 1987. С. 176.

² Юшманов Н. В. Введение в семитское языковедение // Работы по общей фонетике, семитологии и арабской классической морфологии. М., 1998. С. 72.

³ Wright W. A Grammar of the Arabic Language (Vol. 1) // Cambridge: Cambridge University Press, 1896. P. 235,

⁴ Там же.

исключительно как синтаксическое или логическое явление — скорее, оно является фонетическим и ритмическим, зависящим от особенностей интонации]¹. И У. Райт, и В. Гезениус обращают внимание на фонетический аспект флексии имен. Так, говоря о падежах арабского языка, следует учитывать и его просодические особенности.

В-третьих, отсутствие термина «падеж» в арабском языке представляется логичным, если принять, что термин *и'раб*, который встречается уже в трактате Сибавейхи², объединяет в себе по меньшей мере падеж и наклонение. Известно соответствие падежных окончаний и окончаний наклонений глагола, а кажущаяся асимметрия *джарра* и усеченного наклонения, возможно, подкрепляет гипотезу об особом месте *джарра* в системе арабских падежей.

Анализ категорий *раф'*, *насб* и *джарр* раскрывает своеобразие арабской грамматической традиции, где частные языковые явления исследуются вне привычных для европейской лингвистики обобщающих концепций. Это поднимает вопрос о роли просодии в формировании грамматических категорий и позволяет иначе взглянуть на сущность падежей в арабском языке. Понимание таких особенностей может открыть новые пути как для создания более точной разметки лингвистических корпусов арабского языка, так и для совершенствования подходов к его преподаванию.

Кириллова А. А. (АО «А-Лифт», Москва)

Рыба-кит: интерпретация именной группы *dāg gādōl* по тексту Книги Пророка Ионы (2:1)

Образом, который в первую очередь ассоциируется с Книгой Пророка Ионы, входящей в раздел «Пророки» Ветхого Завета (Танаха), является сам пророк во чреве кита, и этот образ воспроизводится как вербально, так и визуально (в качестве иллюстрации для последнего утверждения можно привести, к примеру, икону «Святой Иона, извергаемый китом»³ из собрания Омского государственного историко-краеведческого музея). Этот устойчивый образ зиждется на библейском тексте, процитируем ниже Синодальный перевод:

Иона 2:1: И повелел Господь большому киту поглотить Иону; и был Иона во чреве этого кита три дня и три ночи.

¹ Gesenius W. Gesenius' Hebrew Grammar / E. Kautzsch (ed.). Transl. Arthur E. Cowley. 2nd ed. Oxford: Clarendon, 1910. P. 247.

² Гиргас В. Ф. Очерк грамматической системы арабов. Санкт-Петербург. 1873. С. 55.

³ Икона «Святой Иона извергаемый китом», XVIII в.; дерево, масло, темпера; место хранения — Бюджетное учреждение культуры Омской области «Омский государственный историко-краеведческий музей» (ОМК-1364). URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=5963512> (дата обращения: 15.01.2025).

Между двумя версиями — еврейским текстом и Синодальным переводом — существует терминологическое различие: в переводе упоминается кит, в то время как в оригинальном тексте речь идет о большой рыбе (*dāg gādōl*). Ниже приведем цитату из эталонного текста BHS с дословным переводом на русский язык:

Иона 2:1: wayman yhw̄h dāg gadōl libloaʕ ʔāt-yōnā wayhī yōnā bimʕē haddāg šəlōšā yātīm ūšəlōšā leylōt

Велел Г-дь большой рыбе проглотить Иону; был Иона во чреве рыбы три дня и три ночи.

Далее мы попытаемся понять, почему возникло подобное противоречие, для чего рассмотрим прочие переводы Танаха.

Так, в Вульгате (Ион 2:1) используется словосочетание *piscem grandem*:

Вульгата — Иона 2:1: Et praeparavit Dominus piscem grandem ut deglutiret Jonam: et erat Jonas in ventre piscis tribus diebus et tribus noctibus.

Термин *piscem* (от *piscis*) переводится как «рыба»¹ (что отразилось в итальянском *pesce*²); таким образом, латинский текст полностью соответствует оригиналу.

В Септуагинте засвидетельствован термин κήτει μεγάλω, который также можно перевести как «большая рыба», при этом слово κήτος в классическом словаре Лидделла-Скотта трактуется как ‘any sea-monster or huge fish’³, что подчеркивается определением μεγάλω (Nom. μέγας) — ‘great, strong’⁴.

В качестве примера перевода Ветхого Завета на другие европейские языки можно взять английский текст the King James Bible, а также два текста на шведском языке — Gustav Vasas Bibel / Karl XII’s Bibel и Bibel 2000. Работа над английским переводом Библии, впоследствии получившим название the King James Version, началась в 1604 г. и была завершена к 1611 г., при этом перевод осуществлялся непосредственно с древнееврейского и арамейского языков (применительно к Ветхому Завету)⁵. В данной версии интересующий нас стих передается следующим образом:

*Jonah 1:17: Now the LORD had prepared a great fish to swallow up Jonah. And Jonah was in the belly of the fish three days and three nights*⁶.

Что касается переводов Библии на шведский язык, то необходимо обратиться, прежде всего к текстам Библии Густава Васы (Gustav Vasas Bibel, 1541 г.) и Библии Карла XII (Karl XII’s Bibel, 1703 г.). Библия Густава Васы была первым полным

¹ Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М: Издательство «Русский язык», 1976. С.772.

² Pesce [Интернет-страница]. URL: <https://www.treccani.it/vocabolario/ricerca/pesce/> (дата обращения: 15.01.2025).

³ Liddell, H. G., Scott, R. Greek-English Lexicon. New York: Harper & Brothers, Franklin Square, 1883. P. 805.

⁴ Ibid. P. 928.

⁵ Gasparyan S. The Historical Background of the King James Bible // Armenian Folia Anglistika. 2020. Vol. 16, Issue 2(22). P. 74–89. URL: https://www.researchgate.net/publication/347104712_The_Historical_Background_of_the_King_James_Bible (дата обращения: 15.01.2025).

⁶ The King James Version of the Bible. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/10/pg10-images.html#Jonah> (дата обращения: 15.01.2025).

переводом священного текста на шведский язык, при этом осуществлялся он на основе Библии Лютера и Вульгаты¹. Обратимся к самому концу 1-й главы:

*Och HERREN förskaffadhe en stoor fisk til at upsluka Jona*².

В отличие от упомянутых выше текстов, новый перевод Библии на шведский язык, известный как Bibel 2000 и опубликованный в 1999 г., осуществлялся с Танаха, однако полученный вариант отличается от своих предшественников, пожалуй, лишь стилистически:

Jona 2:1: Herren lät en stor fisk sluka Jona. I tre dagar och tre nätter var Jona inne i fiskens buk³.

Таким образом, во всех рассмотренных выше европейских переводах используется одна и та же лексема — fish / fisk. Это слово является общегерманским термином со значением «рыба»⁴; более того, этимологически эта лексема связана с латинским piscis, который мы уже видели в Вульгате.

Согласно имеющимся историческим сведениям, в основе Синодального перевода лежит именно древнееврейский текст, однако термин «кит» засвидетельствован в Елизаветинской Библии, текст которой выверялся по Септуагинте. Таким образом, вариант Синодального перевода мог сформироваться под влиянием Библии на церковнославянском языке, это своего рода отпечаток Перевода 70 Толковников.

Кiryухина Л. В. (ИГУ, Иркутск)

«Цзин цы янь ши»: понятийный аппарат описания употребления служебных слов

«Цзин цы янь ши» (кит. 《經詞衍釋》 «Расширенное толкование лексики канонов», автор — У Чаньин 吳昌瑩) является лексикографическим памятником XIX в., который посвящен толкованию служебной лексики взъянъя. К его появлению сложилась определенная традиция описания лексических единиц, не выражающих знаменательного значения (появление первого словаря такого рода относится к XIV в.), что позволит изучить понятийный аппарат, применяемый автором, как отражающий характерные для китайской национальной филологии черты. Кроме того, словари служебных слов (и «Цзин цы янь ши» как их

¹ Bibelns historia i Sverige [Интернет-страница]. URL: <https://www.bibeln.se/bibelns-historia-i-sverige> (дата обращения: 15.01.2025).

² Gustav Vasas bibel. Uppsala, 1541. S. CXXI. URL: https://archive.org/details/SWEGVB_DB_SHS/page/n487/mode/1up (дата обращения: 15.01.2025).

³ Bibel 2000 [Интернет-ресурс]. URL: <https://www.bibeln.se/bibel/B2000/JON.2> (дата обращения: 15.01.2025).

⁴ Orel V. A Handbook of Germanic Etymology. Leiden-Boston: Brill, 2003. P. 103.

репрезентант) представляют особый интерес для исследований в области истории развития грамматической мысли Китая, поскольку являются единственным в рамках традиционной филологии видом специальных работ, отражающим достижения ученых в области грамматики.

В 1798 г. появляется работа «Цзин чжуань ши цы»¹ (кит. 《經傳釋詞》 «Толкование лексики канонов и комментариев») Ван Инъчжи 王引之, в которой автор рассматривает лексику произведений времен Чжоу, Цинь и Западная Хань, лексические единицы распределены по десяти разделам в соответствии с классификацией начальных согласных Шоу Вэня 守溫, общее количество словарных статей — 160². В 1873 г. выходит «Цзин цы янь ши», в которой У Чанъин использует тот же принцип организации словарных статей, что и Ван Инъчжи, однако добавляет еще один раздел (補遺 *буи* ‘дополнение’), включающий 23 словарные статьи. Также дополнены толкования лексики: в «Цзин цы янь ши» сначала приводится пояснение из «Цзин чжуань ши цы», затем У Чанъин дает свое расширенное описание, сопровождаемое примерами.

Отдельно отметим, что наиболее распространенный способ толкования лексических единиц — 直訓 *чжи сюнь* ‘прямое толкование’ (или эквивалентный³): А, 猶В也。А, 猶 В е. ‘А — все равно что В’. Также могут использоваться конструкции 若……之類 *жо... чжи лэй* ‘подобно...’, 或作…… *хо цзо...* ‘также выступает в качестве...’ и др.

Для обозначения ‘служебных слов’ автор использует 詞 *цы* с некоторым предшествующим уточняющим определением.

Обратимся к словарным статьям⁴ и рассмотрим используемый автором словарь инструментарий, который связан с употреблением служебных слов в предложении/фразе.

- 對文 *дуйвэнь* ‘противопоставление’: две или более фразы противопоставляются друг другу.

(1) 哭死而哀, 非爲生者也; 經德不回, 非以干祿也; 言語必信, 非以正行也⁵.
Ку сы эр ай, фэй вэй шэн чжэ е; цзин дэ бу хуэй, фэй и гань лу е; янь юй би синь, фэй и чжэн син е. ‘Оплакивать умерших и скорбеть по ним — это не то, что делается для живых; быть добродетельным и не отступать [от этого] — это не то, что делается для продвижения по службе; непременно быть искренним, [когда] говоришь, — это не то, что делается для [мнения окружающих] о правильности [своих] поступков’. Противопоставлены фразы, начинающиеся с 爲 *вэй* и 以 *и*.

¹ 王引之. 經傳釋詞. 南京: 鳳凰出版社, 2016.

² Кириухина Л. В. Служебные слова в словаре «Цзин чжуань ши цы» (к вопросу о грамматической терминологии) // *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2021. № 2(41). С. 106.

³ Гурьян Н. В. Первый китайских словарь «Эрья»: опыт историко-филологического исследования. М.: Издательство ВКН, 2014. С. 123.

⁴ 吳昌瑩. 經詞衍釋. 北京: 中華書局出版, 1956.

⁵ Там же. С. 6.

(2) 夫火烈，民望而畏之，故鮮死焉；水懦弱，民狎而玩之，則多死焉¹。
Фу хо ле, минь ван эр вэй чжи, гу сянь сы янь; шуй но жо, минь ся эр вань чжи, цзэ до сы янь. ‘Огонь беспощаден, люди испытывают страх, [лишь] увидев его, поэтому редко гибнут [в огне]; вода мягка, люди относятся к ней легкомысленно, забавляются, поэтому часто гибнут [в воде]’. Здесь противопоставлены два явления: огонь и вода, вследствие разного к ним отношения со стороны людей получаются разные результаты, результат показан при помощи союзов 則 *цзэ* и 故 *гу*.

(3) 自少之多，自微至著也²。*Цзы шао чжи до, цзы вэй чжи чжу е.* ‘От большего к меньшему, от незначительного до очевидного’. В данном примере противопоставлены 之 *чжи* и 至 *чжи*: их значения схожи, синтаксические позиции аналогичны.

互文 *хувэнь* ‘параллельное построение’: фразы дополняют друг друга (в отличие от 對文 *дуйвэнь*, когда синонимичные лексические единицы могут употребляться, например, для того, чтобы избежать повтора).

(4) 頎而長兮。抑若揚乎³。*Ци эр чан си. И жо ян си.* ‘Как [ты] строен и высок! Как прекрасно чело!’ Для параллельного построения используются 而 *эр* и 若 *жо*.

- 連文 *ляньвэнь* ‘объединение’ / 複文 *фувэнь* ‘повторение’ (в «Цзин чжуань ши цы» использовался вариант 連言 *ляньянь*): морфемы со схожим значением и употреблением объединяются и образуют единое целое (в отличие от 對文 *дуйвэнь* морфемы следуют непосредственно друг за другом).

(5) 其抑亦將卒以祚吳乎? ⁴ *Ци и и цзян цзу и цзо У ху* ‘Или в конце концов осчастливит [царство] У?’ Союзы 其 *ци* и 抑 *и* – иллюстрация объединения. У Чаньин также приводит такие примеры: 曷何 *хэ хэ* ‘какой? как?’, 克堪 *кэ кань* ‘мочь, быть в состоянии’, 克能 *кэ нэн* ‘мочь, быть в состоянии’.

Обозначения для перечисленных выше явлений могли быть представлены и в иной форме. Например, для 對文 *дуйвэнь* могли быть варианты: 相對爲文 *сян дуй вэй вэнь* ‘противопоставляются и образуют текст’, 相對成文 *сян дуй чэн вэнь* ‘противопоставляются и составляют текст’, 互對成文 *ху дуй чэн вэнь* ‘взаимно противопоставляются и составляют текст’ и проч. Кроме того, каких-либо дефиниций в «Цзин ши янь ши» не представлено. То есть понятийный аппарат не характеризуется использованием полноценного терминологического инструментария (термины должны обладать такими признаками, как дефинированность, устойчивость формы, однозначность и др.⁵). Это может быть свидетельством того, что система понятий находится на стадии формирования.

¹ 吳昌瑩。經詞衍釋。北京：中華書局出版，1956。С. 156.

² Там же. С. 171.

³ Там же. С. 125.

⁴ Там же. С. 88.

⁵ Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А., Молчанова М. А. Еще раз к вопросу об определении термина // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 722–723.

Крамарова С. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Небазовые конструкции причины в индонезийском языке

Под базовыми конструкциями причины здесь понимаются конструкции, в которых причина выполняет функцию обстоятельства и вводится причинными союзами и предлогами. Такие конструкции используются в индонезийском языке чаще остальных. К ним относятся сложноподчиненное предложение и конструкция с именным обстоятельством.

Помимо базовых конструкций причинное отношение выражается в небазовых конструкциях, в которых причина имеет функцию подлежащего, дополнения, сказуемого (или его части) и/или в них не используются маркирующие средства — союзы и предлоги.

Будут рассмотрены следующие небазовые конструкции причины — «бессоюзное сложное предложение», «предложение, осложненное предикативной группой в функции обстоятельства», «предложение с причиной — подлежащим», «предложение с причиной — дополнением» и «предложение с причиной — частью сказуемого».

Все рассматриваемые конструкции объединяет отсутствие средств маркировки причины (предлогов и союзов), фиксированность относительного положения причины и следствия и использование определенной лексики.

В «бессоюзных сложных предложениях» с отношением причины между клаузами причина находится в постпозиции к следствию (1).

- (1) I Negara tidak ada di rumah, dia pergi ke Sinabun bersama
Art Negara NEG быть PREP дом он идти PREP Синабун вместе с
adik-nya.

младший.брат-3.POS

‘И Негары не было дома, [так как] он уехал в Синабун вместе со своим младшим братом.’

В конструкции «предложение, осложненное предикативной группой в функции обстоятельства» используются предикативы определенной семантики и морфологии (причина — глаголы чувственного восприятия и умственной деятельности + следствие — глаголы эмоционального состояния и глаголы проявления эмоций (2); неблагоприятная причина — предикатив с общим значением подверженности неблагоприятному фактору (образован от прилагательных и существительных с помощью конфига *ke- -an*), а также глагол в пассиве (неличный пассив с префиксом *di-*) + неблагоприятное следствие (3)).

- (2) Saya heran *men-dengar* kabar itu.

Я удивляться АСТ-слышать новость этот

‘Я удивился, услышав эту новость.’

(3) *Badan-nya menggigil kedinginan.*

Тело-3.POS дрожать замерзнуть

‘Он дрожал от холода.’

В конструкциях «*предложение с причиной — подлежащим*» и «*предложение с причиной — дополнением*» сказуемым является каузативный глагол со значением ‘быть причиной, приводить к’ (в первой из них — в активе (4), во второй — в пассиве (5)).

(4) *Perubahan kedai itu mem-bawa pengaruh juga kepada anak-anak muda*

Изменение лавка этот АСТ-вести влияние PART PREP ребенок-RED молодой
di daerah itu.

PREP территория этот

‘Изменения в этой лавке повлияли (досл. привели к изменениям) также на молодых людей в этом районе.’

(5) *Saya berkerut pada bagian pipi sebelah kanan-kiri bibir*

Я иметь.морщины PREP часть щека сторона правый-левый губа

di-sebabkan *terlalu sering-nya tertawa secara mekanis.*

PAS:3-быть.причиной слишком часто-Nom смеяться способ механический

‘У меня были морщины на щеках справа и слева от губ, потому что (досл. вызванное тем, что) я слишком часто смеялся как робот.’

Причина-дополнение дополнительно может вводиться причинным предлогом *karena*, что сближает данную конструкцию с одной из базовых конструкций.

В конструкции «*предложение с причиной — частью сказуемого*» причина и следствие соединяются глаголами-связками (именная причина) (6) или причинным предлогом (предикативная причина) (7).

(6) *Sebab kuatiran-nya adalah keberangkatan anak-nya.*

Причина беспокойство-3.POS COP отъезд ребенок-3.POS

‘Причиной ее беспокойства был отъезд ее сына.’

(7) *Seakan-akan tertarik orang pada kedai itu. Sebab-nya, karena*

Как.будто притягиваться человек PREP лавка этот причина-3.POS потому что

masakan Men Negara sedap serta murah harga-nya.

еда ART Негара вкусный и дешевый цена-3.POS

‘Как будто тянет людей в эту лавку. Причина этого в том, что (досл. причина этого потому что) еда, которую готовит Мен Негара, вкусная и дешевая.’

Рассмотренные небазовые конструкции причины в ИЯ представлены сложными и простыми предложениями, в которых причина имеет функцию обстоятельства, подлежащего, дополнения или сказуемого. Часть конструкций является достаточно

распространенными среди языков мира, другие — менее распространенными (например, использование для выражения причины конструкции «предложение с причиной — дополнением», где и причина, и следствие могут являться как клаузами, так и именными группами), а также использование в качестве показателя причины сочетания каузативного глагола ‘быть причиной, приводить к’ с причинным предлогом.

Кутафьева Н. В. (НГУ, Новосибирск)

Способы выражения количества в японском языке (служебное слово *надо*)

В японском языке существуют объективные и способы выражения количества. С помощью объективных способов выражается точное количество. С помощью субъективных способов выражается неопределенное и приблизительное количество. Определенное количество выражает значение множественности и единичности. Неопределенное количество выражает значение более одного. Приблизительное количество выражает значение, при котором количество точно не определено или в том случае, когда говорящий не хочет указывать точное количество.

Служебное слово *надо* выражает неопределенное количество. Далее рассмотрим семантику и использование служебного слова *надо*.

1. Используется с неодушевленными существительными при неполном перечислении в устойчивой грамматической конструкции (УГК), показывает, что из ряда предметов выбирается в качестве примера один или несколько, а сам ряд не является исчерпывающим. При этом передаваемое значение количества является нейтральным, говорящий констатирует факт наличия чего-то.

Соно хэн-ни ва рэсуротан я дисуко я эйгакан надо-га аримасу. «Там есть рестораны, дискотеки, кинотеатры и др.».

2. Используется с неодушевленными существительными и выражает некоторое предположение, которое является предварительным и, скорее, выражает положительное отношение говорящего к сообщаемому.

Пурэдзэнт-о кау нара, синдзю-но буротти надо ий н дзя най дэсу ка. «Если покупать подарок, то жемчужная брошь или что-то вроде этого, разве не будет хорошо?»

3. Используется с неодушевленными существительными для усиления значения «что-то вроде, что-то типа», т. е. передается субъективное пренебрежительное отношение говорящего к сообщаемому. Сказуемое предложения используется в отрицательной форме.

Хэнна ниой-но суру натто: надо нидо то табэтакунай. «Не хочу есть второй раз натто, так странно пахнущий».

4. Используется с неодушевленными существительными для усиления значения невозможности возникновения какой-то ситуации. При этом сказуемое предложения используется в отрицательной форме потенциального залога или используется УГК со значением невозможности совершить действие.

Сонна такай моно надо, итадаку вакэ ни ва икимасэн. «Не могу принять такой дорогой подарок».

5. Используется с одушевленными существительными для передачи субъективного отношения, по отношению к первому лицу — скромности, по отношению по второму, третьему лицу — пренебрежения, презрения.

Ри-сан, утау-о утаумай дэсэ:? «Ли-сан, не споете ли?»

Ри: *Ииэ, ватаси надо дзэндзэн дамэ дэсу.* Ли: «Что вы, нет, я совсем не умею петь» (первое лицо, скромность).

Анна хито надо то иссё:ни сигото ситакунай. «С таким человеком не хочу вместе работать» (третье лицо, презрение).

Поскольку выражается негативное отношение, служебное слово *надо* используется только в речи при непосредственном обращении старших к младшим. В устной речи может быть заменено синонимом *нанка*.

Манга нанка ёндэ найдэ, сукоси ва бэнкё: синасай. «Не читай комикс, хоть немного позанимайся».

6. Используется с глаголами в УГК глагол + *надо* + *суру*. В этом случае перед служебным словом *надо* глагол стоит в форме настоящего времени, а последующий глагол *суру* стоит в форме, которая требуется в предложении. Из ряда однородных действий в качестве примера выбирается какое-то одно. В целом в предложении выражается пожелание или предположение.

Хигэ-о сору надо ситэ, мо: сукоси мидасинамини ки-о цукэтэ хосий. «Я хочу, чтобы он сбрил бороду (и сделал еще что-то подобное) и внимательнее относился к своему внешнему виду».

7. Используется с глаголами в УГК глагол + *надо* + глагол говорения. Чаще всего используется глагол *иу* «говорить», но могут также использоваться и другие глаголы говорения, которые используются для цитирования предшествующего текста, в целом в предложении передается негативное содержание.

Гакко:-о ямэру надо то иттэ, минна-о окорасэтэ иру. «(он) сказал: “Брошу школу”, чем всех рассердил».

8. Используется в конструкции существительное или глагол + *надо*... глагол в форме настоящего времени + *моно ка*, при этом допустимы различные варианты: падежные показатели могут стоять после существительного перед *надо* и после *надо*, глагол перед *надо* может стоять в форме деепричастия предшествования на *-тэ*, после служебного слова *моно* может стоять связка *дэсу*.

Ватаси-но кимоти-га, аната надо-ни вакару моно дэсу ка. «Где уж тебе понять мое настроение?»

С помощью служебного слова *надо* передается значение взгляда свысока говорящего на нечто тривиальное.

Итак, мы рассмотрели семантику и использование служебного слова *надо*. Служебное слово *надо* обладает широким спектром употребления. Оно может использоваться с существительными, с глаголами и в устойчивых грамматических конструкциях; может эксплицитно и имплицитно выражать количество; может быть нейтральным, а может выражать различные субъектные нюансы, как положительные, так и отрицательные, с преобладанием отрицательных.

Лебедева А. В. (Beijing Language and Culture University, Пекин, КНР)

Выделение частей речи байхуа и вэньня в миссионерских грамматиках XIX в.: проблемы и решения

Проблема выделения частей речи в китайском языке является одной из наиболее классических в синологической лингвистике, не теряя актуальности и по сей день как в Китае, так и за рубежом. Одними из ценных, но очевидно недооцененных источников в связи с данной проблемой являются труды деятелей Российской духовной миссии, которые могут быть продуктивно использованы не только в качестве памятников истории отечественного китаеведения, но и как научные труды, содержащие сведения, аргументацию и идеи, полезные для решения насущных задач современного языкознания.

В рамках осуществленного исследования был проведен анализ частеречных классификаций, изложенных в ключевых миссионерских грамматиках XIX в., а именно в: «Хань-вэнь ци-мын» архимандрита Иакинфа (Бичурина), «Краткой китайской грамматике иеромонаха Исаяи: с приложением о мерах, весах и деньгах (по Матусовскому)» иеромонаха Исаяи (Поликина), «Китайской грамматике и разных материалах по изучению китайского языка (1831–1840)» иеромонаха Феофилакты (Киселевского), «Начатках грамматики китайского разговорного языка приспособительно к формам языка русского» архимандрита Амфилохия (Лутовинова), «Самоучителе китайского письменного языка» и «Образцах китайского официального языка с русским переводом и примечаниями» Я. Я. Брандта, «Кратком введении к изучению китайского языка» П. С. Попова, «Лекциях по введению в изучение китайского разговорного языка (грамматика и синтаксис пекинского наречия)» А. И. Иванова, «Опытах мандаринской грамматики с текстами для упражнений» П. П. Шмидта, а также «Китайских текстах к лекциям: 1910–1911 и 1911–1912 ак. годъ» В. М. Алексеева. Следует отметить, что подавляющее большинство вышеуказанных работ относится к малоизученным и потенциально содержащим ценные сведения.

В докладе предполагается продемонстрировать, каким образом миссионерами XIX в. решалась проблема выделения частей речи и какими теоретическими

принципами они руководствовались; проанализировать общее и особенное в предложенных ими наборах частей речи байхуа и вэньняня, объяснить причины и мотивировки расхождений позиций различных авторов. Кроме того, планируется оценить, насколько взгляды авторов XIX в. коррелируют с актуальными в современном языкознании представлениями и могут быть полезны для решения существующих проблем в атрибуции лексических единиц китайского языка к тем или иным частям речи.

Лутков В. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Коран на иврите: в поисках идеального перевода

У переводов Корана на иврит многовековая история. Первоначально авторами переводов были еврейские ученые, в XXI веке появился ряд переводов, выполненных мусульманами.

Проблематика перевода священных текстов на другие языки не перестает быть актуальной в мировой культуре. Достаточно упомянуть Септуагинту, перевод книг еврейского священного писания на греческий, а в последнее время — активное движение по переводу книг еврейской традиции на английский и русский языки.

Переводы Корана на иврит можно рассматривать в пространстве многовекового взаимодействия двух родственных семитских языков, арабского и иврита, — языков Божественного откровения, имеющих сакральное значение для иудаизма, христианства и ислама. Носители этих языков на протяжении многих веков жили рядом друг с другом, Нередка была ситуация арабско-ивритского двуязычия. Например, в мусульманской Андалусии ученые-иудеи, такие как Иегуда Халеви, Моше ибн Эзра, владели арабским языком и писали свои сочинения как на арабском, так и на иврите. Среди евреев-выходцев из Йемена вплоть до настоящего времени сохранилась традиция чтения Торы с переводом на арамейский (таргум Онкелос) и арабский языки (перевод Саадии Гаона XI века). Осознаваемые мусульманами и иудеями как сходство, так и различие в религиозных доктринах обусловили интенсивный межрелигиозный и межкультурный диалог. Моше ибн Эзра, признанный еврейский поэт, живший в XII веке в Андалусии, говорил: «Если ты замышляешь перевести тему с арабского на иврит, пойми ее дух и намерение, а не заменяй пословно».

При переводе Корана важным является выбор отношения к статусу коранического текста. Согласно исламскому вероучению, Коран — прямая речь Бога, он ниспослан человечеству. Представление о неподражаемости Корана позволяет мусульманам говорить не о переводе коранического текста, а лишь о переводе смыслов.

Среди известных нам переводов Корана на иврит есть как рукописные, так и печатные. Рукописные переводы:

1. Рукопись из восточной коллекции Британского музея. Автор — раввин Яаков бен Израэль ха-Леви, который пользовался итальянским переводом Корана, напечатанным в Венеции в 1547 г. Этот итальянский текст, в свою очередь, представляет собой перевод с латыни. Перевод выполнен в XVI или XVII веке.

2. Рукопись из Британской библиотеки в Лондоне, выполненная в Индии в XVIII веке.

3. Рукопись из Библиотеки Конгресса в Вашингтоне, представляющая собой перевод с голландского языка.

Опубликованные переводы:

1. Автор первого опубликованного перевода Корана — немецкий востоковед, доктор Герман (Хаим Цви бен Шломо) Рекендорф (1825–1875). Перевод опубликован в Лейпциге в 1857 году. Характерен заголовок книги (Al-Koran o ha-Mikra), то есть «Коран или Писание» (Микра — общепринятый синоним термина Танах, обозначающего корпус священных текстов иудаизма). Титульные страницы — на немецком и иврите. Автор особо подчеркивает, что перевод выполнен непосредственно с арабского языка. Термин «сура» Рекендорф переводит на иврит словом «хазон», т. е. «видение», «откровение».

2. Перевод востоковеда и исламоведа Йосефа Реувена Ривлина (издательство «Двир», 1932). Й. Р. Ривлин (1889–1971) — отец предыдущего президента Государства Израиль Реувена Ривлина. Перевод выполнен на основе библейского иврита, с использованием элементов языка Талмуда. В подготовке перевода к печати принимал участие известный ивритский поэт Хайим Бялик.

3. Перевод Ахарона бен Шемеша (издательство «Массада», 1971). Бен-Шемеш широко пользовался лексикой Танаха, Мишны, Талмуда и Агады. Например, при переводе басмалы, он переводит ар-рахим как ха-ахув (буквально — «возлюбленный»), не пользуясь арамейским словом «рахум», обычно употребляемым при переводе.

4. Перевод израильского исламоведа Ури Рубина (издательство Университета Тель-Авива, 2005. Второе, существенно переработанное издание вышло в свет в 2015 году). По словам Рубина, «мой перевод не служит тому, чтобы передать образ Корана в глазах верующих, а не дать картину «подлинного» или «первоначального» ислама.

Переводы, выполненные мусульманами.

1. Перевод группы семи переводчиков из Индии.

2. Перевод Субхи Али Адави, опубликованный в конце 2015 года в Аммане.

3. Перевод, выполненный в Медине. В 2007 году было объявлено о том, что Институт Короля Сауда в Эр-Рияде начал работу по переводу Корана на иврит. Перевод был опубликован в конце 2019 года и сразу же вызвал острую полемику в СМИ арабских и мусульманских стран. Обвинения в «иудаизации» были опровергнуты публично, однако сам текст перевода был удален с сайта института. Несмотря на это, текст этого перевода попал в интернет и доступен по сей день.

4. Палестинский перевод 2017 г.

Возможен ли идеальный, единственно правильный перевод Корана на иврит? Достижим ли «правильный» и «окончательный» перевод священного текста на другой язык? Вне зависимости от взглядов переводчиков и их владения обоими языками, представляется, что ответ на этот вопрос не может быть положительным. Каждый перевод будет нести на себе отпечаток выбранных переводческих стратегий, а также личных взглядов и убеждений переводчика.

Переводы Корана на иврит в течение последних 160 лет говорят о стремлении к пониманию и дают надежду на взаимопонимание. Еврейские ученые стремились к пониманию Другого, «осваивая» Коран и делая его частью общесеMITского культурного пространства, так же как и освоение Палестины. С другой стороны, переводчики-мусульмане создавали текст на иврите, который должен был быть очищен от коннотаций иудаизма. Можно говорить о формировании новых изводов иврита. Наряду с религиозным и секулярным можно предположить появление «исламского иврита», сравнимого с похожим процессом в русском и английском.

Переводы Корана на иврит отражают многофакторность межкультурного и межрелигиозного диалога, связанного с интерпретацией священных текстов. Сочетание лингвистических, исторических, этнопсихологических и идеологических факторов дает сложную картину, не сводимую к упрощенным клише.

Хана Яфия Юсиф Джамиль (ВФ, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Употребление лексемы 'эн (глаз) в багдадском диалекте

Автор статьи Мухаммад Малхам «Иракская столица теряет свой язык: куда исчез багдадский диалект?» отмечает, что за последнее время наблюдается устойчивый процесс вытеснения багдадского диалекта смесью диалектов южных регионов Ирака. Данное явление можно наблюдать не только в бытовом общении, но также в местных СМИ, в театральных постановках и т. д. Автор статьи объясняет ситуацию демографическими изменениями, вызванными американским вторжением в страну 2003 года, когда столицу покинули и продолжали покидать на протяжении длительного времени коренные жители Багдада.

Говоря о багдадском диалекте, мы имеем в виду диалект именно коренного населения столицы, который формировался на протяжении длительного времени, создавая, изменяя и заимствуя лексические единицы. Иракский писатель Джамаль ал-Кайси отмечает, что для каждого временного отрезка было свойственно использование определенной лексики. Так, во времена Османской империи багдадский диалект активно заимствовал и ассимилировал турецкие слова, а в период присутствия в Ираке англичан, значительно пополнился английской лексикой.

Рассмотрим одну из лексем, которая является частотной для багдадского диалекта и входит в состав целого ряда устойчивых выражений. Слово *'айн*

(вдиалекте — ‘эн) имеет исходные значения «глаз», «источник», а также может использоваться в значении «тот же, тот же самый».

В багдадском диалекте семантическое поле лексемы шире, так, слово ‘эн может означать «дорогой» в ситуации обращения к кому-либо. Отметим, что в этом значении лексема может использоваться в форме множественного числа — ‘уйуни, однако также в отношении одного человека. Это значение лексемы объясняется важностью, «драгоценностью» органа зрения. Сравним с русским «беречь, как зеницу ока».

Выражение *йа ‘эни ‘але* меняет свое значение в зависимости от интонации: первое значение — «Как же жаль его!», второе — «Так ему и надо!».

Устойчивое выражение *фидуа л-‘энич/ ‘уйунич* (досл. *я паду жертвой ради твоих глаз/ ради тебя*) может употребляться в различных значениях. Так, оборот может быть использован как комплимент, а также в значении просьбы «пожалуйста», либо как насмешка (в таком случае важную роль играет интонация).

Слово ‘эн может быть использовано в выражении ‘эни ‘энак в значении *делать постыдные вещи на глазах у людей*.

Выражение *хад у‘эн* (досл. *щека и глаз*) употребляется для описания нестабильных отношений с кем-то, которые могут быть доверительными и приятными, а могут стать холодными и жестокими.

Лексема нередко входит в состав эпитетов. Так, в багдадском диалекте употребительны обороты: ‘эне харра (досл. *горячий глаз*) в значении «завистливый» или ‘эне малха (досл. *солёный глаз*), что означает «бабник». Сравним с выражением в русском языке «сальный взгляд».

Лексема употребляется в описательных конструкциях. Например, ‘эн баззуна (досл. *кошачий глаз*), то есть «хитрый человек».

Выражения с лексемой ‘эн можно услышать в песнях, пословицах и поговорках на багдадском диалекте.

Чжан Тэнтэн (Хэйлунцзянский университет, КНР)

История преподавания китайского языка в СПбГУ во второй половине XX века

В век мирового бума изучения языка и культуры Китая с учетом нынешней геополитической ситуации интерес двух соседствующих стран и стратегических партнеров — России и Китая — не может быть сугубо односторонним, изучение опыта носит взаимный и обоюдный характер. История изучения Китая в России насчитывает более трех столетий, практически все аспекты жизни этой страны становились объектом исследований российских китаеведов, но китайскому языку как носителю и каналу трансляции национальной культуры, естественно, отводится приоритетное место, что и отражает история российской синологии.

Российское китаеведение начиналось именно с изучения и преподавания китайского языка. На начальной стадии формирования этой школы пришло понимание того факта, что только через знание языка и письменности Поднебесной можно прийти к подлинно научному пониманию Китая. На современном этапе такой подход по-прежнему не теряет своей актуальности, и российские исследования в области китайского языка и письменности и преподавательские практики по китайскому языку не только способствуют популяризации китайского языка в России и развитию его преподавания, но и вносят значительную лепту в мировой фонд синологических изысканий. Для Китая и китайских ученых опыт российских сиологов интересен и ценен.

Русское китаеведение прошло более чем трехсотлетнюю историю развития с момента зарождения. СПбГУ всегда был одним из крупнейших учреждений по исследованию и преподаванию китайского языка в России, занимает важное место в истории исследования и преподавания китайского языка в России.

В докладе раскрывается история преподавания китайского языка в СПбГУ во второй половине XX века, затрагиваются такие аспекты, как:

- 1) подразделения СПбГУ, где во второй половине XX века преподавался китайский язык;
- 2) изменения в программах обучения китайскому языку, учебных планах и учебных программах СПбГУ;
- 3) преподаватели китайского языка в СПбГУ и научные результаты китаеведческих исследований в этом вузе;
- 4) китайские учебники и выпускники СПбГУ.

Исходя из вышеперечисленных четырех аспектов, раскрывается практика преподавания китайского языка в СПбГУ во второй половине XX века, и вклад СПбГУ в развитие российской синологии в преподавании китайского языка.

Чинлода М. С. (Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек)

Роль арабской культуры в формировании киргизской языковой картины мира

В предлагаемой работе выявляются смыслы киргизской языковой картины мира, истоки которых берут начало в арабской культуре. Аксиологическая значимость этих смыслов определяется посредством анализа приведенных примеров (специфические термины, устойчивые выражения, фразеологизмы), которые отражены как в дискурсе кыргызского этноса, так и в языковой и художественной картинах мира киргизов. Автором отмечаются семантическая, культурологическая и фонетическая трансформации лексем арабского происхождения, актуализируемых в дискурсе на киргизском языке.

Цель исследования — изучение роли арабского языка и культуры в формировании культурно-языкового пространства, аксиологии и языковой картины мира киргизского этноса. Методом компонентного анализа выявляются наиболее значимые семы заимствованных арабских слов, которые получили развитие в семантико-смысловом пространстве киргизского языка. Особая роль отводится изучению смыслов многозначных слов, при заимствовании которых одни значения утверждаются, другие утрачиваются в процессе межъязыковой трансляции и адаптации. Кроме того, на семантику заимствованных слов наслаиваются национально-культурные смыслы, значимые для киргизского этноса.

Активизация смыслов арабской культуры на территории Кыргызстана — результат смены идеологии страны, произошедшей после распада Советского Союза, когда сменившиеся прежние тенгрианские взгляды на монотеистическую мусульманскую идеологию¹ внесли коррективы в бытовой уклад киргизов и несколько обогатили лексику киргизского языка арабизмами, которые и в настоящее время функционируют в дискурсе киргизского языка.

Так, в киргизском языке активизировалось множество терминов из Корана, которые сегодня активно применяются в религиозном дискурсе. Например, *Ислам* (в ар. яз.: إسلام), *Аллах* (ар. الله), *кудай* (ар. هدى), *зекет* (ар. زكاة), *мечит* (ар. مسجد), *имам* (ар. إمام), *аят* (ар. آية), *хадис* (ар. حديث), *ыйман* (ар. إيمان), *кабыр* (ар. قبر), *жаннат* (ар. جنة), *дүйнө* (ар. دنيا), *малаик* (ар. ملائكة), *дуба* (ар. دعاء), *медресе* (ар. مدرسة), *аалам* (ар. عالم), *ыраазы* (ар. رضاء), *азан* (ар. أذان), *акун* (ар. أخ), *акырет* (ар. أخرة), *акыр заман* (ар. آخر زمان), *ажал* (ар. أجل), *адеп* (ар. أدب), *шүкүр* (ар. شكر), *хадж* (ар. حج), *ажы* (ар. هاج), *муфтий* (ар. مفتي), *шариат* (ар. شريعة), *халиф* (ар. خليفة), *умма* (ар. أمة)² и др.

Влияние арабской культуры целесообразно рассматривать с точки зрения идей о детерминантах, введенных Г. П. Мельниковым³. Трансформация внешних

¹ Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Кыргызстан, 1990; Аристов Н. А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек: Илим, 2001; Неклюдов С. Ю. Мифология тюркских и монгольских народов (Проблемы взаимосвязей). *Тюркологический сборник*. 1977 / А. Н. Кононов (отв. ред.). М.: Наука. 1981. С. 183–203; Стеблева И. В. Жизнь и литература донсламских тюрок историко-культурный контекст древнетюркской литературы. М.: Восточная литература, 2007.

² Юдахин К. К. Кыргызча-орусча сөздүк. Кыргызско-русский словарь. Б.: «Полиграфбумресурсъ», 2019;

المعاني *Ал-Ма'ани*. Электронный толковый словарь арабского языка. URL: <https://www.almaany.com/> (дата обращения: 25.06.2024);

1986, قرشما راد: تورييد، ملاءلاو تغلا ي في دجنملا

(*Ал-Мунджид*). Толковый словарь арабского языка. Бейрут: Дар ал-Машрик, 1986.)

المعجم العربي الأساسي، المنظمة العربية للتربية والثقافة والعلوم.

(Большой толковый словарь арабского языка. Изд-во: Организация Лига арабских государств по вопросам образования, культуры и науки.)

³ Мельников Г. П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003; Мельников Г. П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадильной: Курс лекций. М.: РУДН, 2000.

детерминант языка как следствие влияния арабской культуры мотивирует создание внутренних детерминант, способствующих появлению новых словоупотреблений и наращению дополнительных смыслов у заимствованных слов. Например, *ыйман*, заимствованное из арабского *إيمان* (*иман*) ‘вера, вошедшая в сердце’, ограждает человека от дурных поступков из страха перед Всевышним. В киргизском языке *ыйман*, помимо смысла *веры*, актуализирует чувство нравственно-религиозной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, что соответствует понятию *совесть*. Так, киргизы говорят *эрден ыйман качып кутулбайт* (погов.) ‘молодец никогда совести не лишается’; *ыйманын жеген* потерявший совесть, бессовестный и др. Словами *ыймандуу* или *ымандуу* в киргизском языке характеризуется совестливый и честный человек; тем самым дополняется синонимический ряд *уят-намыс-ыйман*. Причем *ыйман* используется в высоких стилях речи, в отличие от *уят*, применимого в разговорном дискурсе и ставшего архетипом национальной ментальности киргизов, определяющим особенности их социального поведения. Например, выражения *уятту кыз* и *ыймандуу кыз* («совестливая девушка») отличаются тем, что понятие совести во втором случае использовано при обращении к Богу, и это согласуется с исконным смыслом в арабском языке, но дополняется уже имеющимися в киргизской культуре смыслами, регулирующими поведение человека в обществе.

Результат продвижения исламской и арабской культуры в Кыргызстане — обогащение киргизского языка новой лексикой, трансформация и развитие новых смыслов у слов арабского происхождения в дискурсе на киргизском языке. Так, помимо религиозного дискурса, арабский язык повлиял и на некоторые научные и философские термины, поскольку в исламском мире, как известно, на протяжении многих веков арабский язык был языком науки и философии. И как следствие, киргизский язык через арабский пополнился многими терминами, связанными с наукой, культурой и образованием. Например, *илим* ‘наука’, *хикмат* ‘мудрость’, *марифат* ‘образование’, *мугалим* ‘учитель’, *мектеп* ‘школа’, *дарскана* ‘кабинет’, *китеп* ‘книга’, *дептер* ‘тетрадь’, *таалим* ‘обучение, образование’, *адеп* ‘этикет, нравственность’, *калем* ‘ручка’, *маданият* ‘культура’, *сабак* ‘урок’, *адабият* ‘литература’, *макала* ‘статья’ и др.

Отметим, что кроме религии, культуры и науки, арабский язык также повлиял на установившийся в настоящее время общественно-политический дискурс, в котором активно функционируют арабизмы. Например, *саясат* ‘политика’, *мамлекет* ‘государство’, *аскер* ‘армия’, *шаар* ‘город’, *адилет* ‘справедливость’, *мыйзам* ‘закон, порядок’, *жамаат* ‘сообщество’, *имарат* ‘здание’, *саякат* ‘путешествие’ и др.

Вместе с тем бытовая лексика, связанная с повседневными предметами, событиями и явлениями, которые активно используются в ежедневной жизни киргизов, также отражает культурно-историческую связь между арабами и киргизами. Например, *аба* ‘воздух’, *самын* ‘мыло’, *табак* ‘тарелка’, *шорпо* ‘суп’, *асман* ‘небо’ и др.

Таким образом, интенсивное взаимодействие культурно-языковых пространств арабского и киргизского языков в настоящее время запустило активный процесс формирования значительного пласта лексики религиозного и морально-этического содержания в киргизском языке. В итоге заимствования арабизмов на почве киргизского языка создаются лексемы с транслингвальным содержанием, которые несут в себе смыслы, максимально адаптированные к современным запросам общества, особенностям мировидения киргизов.

Шуйская Н. М (МГИМО (У) МИД России, Москва)

Роль цветообозначений в современной иракской прозе

Анализ текстового материала двух романов современных иракских авторов — «О Мария» Синана Антуна¹ и «Франкенштейн в Багдаде» Ахмада Саадави² — показал, что колоративная лексика данных произведений обладает высокой частотностью и играет важную роль в создании смысла, а также в выражении чувств авторов и их персонажей. На 157 страницах романа «О Мария» встречается 75 случаев использования колоризмов, на 350 страницах «Франкенштейна...» цветообозначения упоминаются в 112 словоупотреблениях.

Система цветообозначений может быть представлена такими номинативными единицами (с точки зрения структуры), как моноксемные, составные прилагательные (названия цветов и оттенков либо цвета с уточнением его интенсивности), сложные цветообозначения, включающие слово «цвет» плюс существительное (или существительное с прилагательным)³.

Моноксемные цветообозначения преимущественно частотны в обоих иракских романах. Лидируют ахроматические цвета — черный и белый: в «О Мария» черный составляет 30 %, белый — 34 %, в «Франкенштейне...» 35 и 28 % соответственно. Третий компонент главной цветовой триады — красный цвет — уступает в «О Мария» пепельно-серому (5 % против 8 %). В «Франкенштейне...» эта пропорция иная: 15 % — красный и 5 % — пепельно-серый.

Цветообозначения, использованные в прямом (номинативном) значении, можно классифицировать по следующим тематическим группам: природа, человек, предметный (вещный) мир. Предметный (окружающий) мир наиболее репрезентативен: одежда всех видов, аксессуары, иные предметы (белая чашка, белый «Опель», черный «Мерседес»), представители животного мира (белый конь, черная собака, серый кот).

¹ Антун С. *Йа Марьям* (О Мария). Бейрут; Багдад: Маншурат аль-джамаль, 2012. 157 с.

² Саадави А. *Франкинштейн фи Багдад* (Франкенштейн в Багдаде). Изд. 4-е. Бейрут-Багдад: Маншурат аль-джамаль, 2014. 352 с.

³ Косых Е. А. Система цветообозначений в русском языке (к созданию и публикации «Русской энциклопедии цвета») // *Вестник БПГУ: гуманитарные науки*. 2002. Вып. 2. С. 28–34.

Отметим попутно, что конструкции с семантикой цвета являются одной из составляющих авторского стиля. Иракские авторы используют составные прилагательные, совмещающие световую и цветовую семантику (темно-синее пальто, ярко-зеленое дерево, светло-зеленые семена кардамона и др). К сложным цветообозначениям указанного третьего вида относятся «стол кофейного цвета», «глаза цвета шоколада» и др.

Текстовый материал дает примеры употребления лексем, которые сущностью исходного значения или денотативной соотнесенностью указывают на цветовой признак: испачканная кровью одежда, цветки бугенвиллии, похожие на языки пламени, пятна чернил и др.

У А.Саадави встречаем слова, которые в своей семантической структуре снимают индивидуальные цветовые различия, обладают определенной степенью обобщения или абстракции: «Цвет трупа был непонятным. Во всяком случае цвет не был однородным».

Цветовые лексемы актуализируются в таком средстве художественной выразительности, как сравнение: «черные и белые кирпичи пола словно большая шахматная доска», «облака, похожие на клочья белой ваты» и др.

А вот пример использования цветослова в метафоре: «В моих глазах поселилось два черных облака».

Отметим, что в «Франкенштейне...» имеет место использование синонимических рядов: серый (от слова «пыль») — пепельно-серый — серебристый — свинцовый; красный — ярко-красный — кровавый.

Филолог О. Б. Ермакова подчеркивает, что «цветообозначения являются исключительно нагруженными в коннотативном аспекте, то есть являются хранителями оценочной информации, мотивированной социально, идеологически, эстетически»¹.

Подтверждение данной мысли находим у иракских авторов. В «О Мария» героиня говорит: «Я устала от оттенков унылого пепельно-серого цвета, который душит Багдад», имея в виду многочисленные бетонные заграждения, перегородившие дороги и улицы иракской столицы с началом американской оккупации. А содержащая колоративы лексика таких выражений, как «заплаканные оливковые глаза маленькой Махи»; «Маха надела черную рубашку и черные брюки, на голову — черное покрывало» (в знак глубокого траура); «темно-коричневый мрак окутывает все кругом»; «страшная завеса черного дыма», не только является существенным компонентом образности художественного произведения, но и вводит в духовный мир человека, помогает уточнить и эмоциональную сферу персонажа, и позицию автора.

Анализ цветоупотребления можно отнести к эффективным приемам исследования авторского своеобразия. Писатели актуализируют колоративную семантику как узуально-закрепленную, так и индивидуально-авторскую. У А. Саадави это

¹ Цит. по: Козлова Н. Н. Цветовая картина мира в языке // *Ученые записки ЗабГГПУ*. 2010. С. 84.

«чернильно-черные собаки», «розовые офицеры» (после повторов, что на них надеты розовые рубашки), «юноша с легкой пепельно-серой улыбкой на фото» (давнем, выцветшем), «молочно-белая стена» и др.

В произведениях иракских авторов можно встретить примеры диффузности значений ряда лексем-цветослов: «черная злоба», «белый лист», «черный рынок», «черная магия». Отметим многократное упоминание в «Франкенштейне...» топонима «*Ал-Минтака ал-Хадра*» — «Зеленая Зона», особо охраняемый район Багдада. Также отмечается употребление такого специфического термина цветового обозначения, как смуглый. Он присущ портретным характеристикам.

Исследовав текстовой материал двух знаковых произведений современной арабской литературы и обратив внимание на многочисленные случаи использования в них цветообозначений, мы убедились, что колоративы, являясь частью зрительной информации, играют важную роль в создании целостной картины мира в произведениях современных иракских авторов. Анализ цветописы позволяет получить представление об идеостиле писателя, а также об идейно-эстетических установках автора, заложенных в его сочинении. Исследование колоративной лексики углубляет знания об иноязычной культуре, традициях, повышает языковую компетенцию.

Содержание

Contents

Секция XIV • Section XIV

Источниковедение и историография стран Юго-Восточной Азии

Historiography and Source Studies of Southeast Asia

<i>Anna Kharitonova (FAAS, SPbSU, St Petersburg)</i> The life of a diplomat G. A. Plançon in Siam at the beginning of the 20th century in the letters to his wife.....	5
<i>Болонова С. И. (ИКСА РАН, Санкт-Петербург)</i> Травелог Г. А. Де-Воллана как образец ориенталистского взгляда на Сиам XIX века.....	6
<i>Захаров А. О. (ИВ РАН, Москва)</i> Новейшие исследования эпиграфики Древней Явы	9
<i>Игнатьев М. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Указ о сангхе от 1962 г.: иллюстрация управления монашеской общиной в Таиланде во 2-й пол. XX — нач. XXI в.	11
<i>Мазырин В. М. (ИКСА РАН, Москва)</i> Основные результаты развития вьетнамоведения в России: историографический обзор	13
<i>Моисеенко Н. С. (АрТТида, Санкт-Петербург)</i> Монеты для Лаоса, изготовленные в СССР	14
<i>Соколов А. А. (ИВ РАН, Москва)</i> Русская культура во Вьетнаме: кон. XIX в. — 1954 г.	17
<i>Травкин П. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Восстание в Брунее 1962 года в советской историографии	18

Секция XV • Section XV

Источниковедение и историография Индии
Historiography and Source Studies of India

<i>Бочковская А. В. (ИСАА МГУ, Москва)</i> <i>Ади-пракаи: священный текст панджабских далитов</i>	20
<i>Возчиков Д. В. (УрФУ, Екатеринбург)</i> «В их законе много добрых обычаев, но они их не соблюдают»: социум Кочина глазами флорентийского гуманиста Филиппо Сассетти	22
<i>Демичев К. А. (Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС, Нижний Новгород)</i> Тропы Панджабского Льва: статика и движение махараджи Ранджита Сингха в отражении материалов переписок британских чиновников 30-х гг. XIX в.	24
<i>Денисенко В. Л. (Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск)</i> Первопроходцы в изучении Кушанского и Индо-Скифского царств.....	25
<i>Дорохова И. А. (Петрозаводский госуниверситет, Петрозаводск)</i> Еженедельник «The Indian Opinion» о поддержке в колониальной Индии участников сабьяграхи в Южной Африке в начале XX в.	28
<i>Котин И. Ю. (МАЭ; ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> «Мина» в сикхской истории	30
<i>Сидорова С. Е. (ИВ РАН, Москва)</i> Слуги Южной Азии: теоретико-методологические подходы в историографии	32
<i>Соболева Е. С. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)</i> Историческое значение португальских миссионеров в духовном завоевании Цейлона XVI–XVII вв. (по книге Гастона Переры)	34
<i>Столярова Е. В. (ГМИИ, Санкт-Петербург)</i> Традиционный театр плоских кожаных кукол Кералы (основные источники)	36
<i>Фурсов К. А. (ИСАА, МГУ)</i> «Фатехнама» и «Зафарнама» Гобинда Сингха как шедевры психологической войны и политические манифесты	38

Секция XVI • Section XVI

Источниковедение и историография Китая
Historiography and Source Studies of China

<i>Lara Colangelo (“G. D’Annunzio” University of Chieti-Pescara, Italy)</i> Roman Law in Late Qing and Early Republican Chinese Sources: a Founding Element of the Mediterranean and Western Civilisation	41
<i>Gessler Elena (Institute of Modern History, Academia Sinica, Taiwan)</i> Developments in the Cataract Couching Technique in the Ming and Early Qing Ophthalmic Texts and Medical Practice: The Last Chapter in the History of Indian Influence on Chinese Ophthalmology	42
<i>Nikolay Rudenko (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow)</i> A Taizhou Soup made from Seventeen-Group: Jiao Hong’s Neo-Confucian Syncretism	43
<i>Аблажей Н. Н. (Институт истории СО РАН, Новосибирск), Ли Дань (КНР, Харбин)</i> Обзор китайской историографии по истории КВЖД.....	44

<i>Бабарико К. Б. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Советские специалисты в Университете Цинхуа	45
<i>Безруков Д. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Особенности развития советско-китайских отношений в 1989–1991 гг. в зеркале китайской прессы.....	47
<i>Благодер Ю. Г. (ФГБОУ ВО «КубГУ», Краснодар)</i> Российская периодическая печать начала XX века об актуальных политических преобразованиях в Китае	48
<i>Варенов А. В. (НГУ, Новосибирск)</i> Китайские книги 1990–2010 гг. об изучении ритуальных бронз Саньсиндуя	51
<i>Гирченко Е. А. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск)</i> Организация обороны против кочевников на северо-западе Ханьской империи (по материалам ханьцзяней заставы Цзюйянь)	53
<i>Головачев В. Ц. (ИВ РАН, Москва), У Чжао-и (Центр свободных искусств, Государственный научно-технический университет города Гаосюн)</i> «Муданьский инцидент» глазами аборигенов Тайваня: версия Гу Ин-юна.....	55
<i>Донская А. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Великий голод 1959–1961 гг. в современных китайских исследованиях: травматическое событие и естественный эксперимент	57
<i>Дубровская Д. В. (ИВ РАН, Москва)</i> Маньчжурские императоры эпохи «Трех великих правлений» и вопросы перспективы: что такое сяньфа и зачем она нужна?	59
<i>Дудин П. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> О предварительных результатах работы с чистовиком неопубликованной рукописи отца Иакинфа (Н. Я. Бичурина) «Изложение китайского законодательства». Глава первая «Княжеское Правление».....	60
<i>Завидовская Е. А. (ИКСА РАН, Москва; Брянский государственный университет, Брянск)</i> Французские исследования пограничья Китая и Вьетнама в контексте международной обстановки в регионе на рубеже XIX–XX вв.....	61
<i>Зельницкий А. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Структура и содержание Трактата о Пяти фазах (У син чжи) «Старой книги о Тан» (Цзю тан шу): общие замечания.....	64
<i>Кейдун И. Б. (АмГУ, Благовещенск; ДВФУ, Владивосток)</i> Письма домой Линь Цзэсюя	66
<i>Клементьева Т. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> Об истории передачи сочинения Ин Шао (ум. до 204 г.) «Фэн су тун и» («Проникновение в смысл веяний и обычаев»).....	68
<i>Коллин И. С. (ИВ РАН, Москва)</i> Проблема датировки и количества плаваний Чжэн Хэ в Западный океан в свете новообнаруженных эпиграфических источников.....	70
<i>Кудинова М. А. (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск)</i> История и современное состояние уханьской проблемы в археологии Китая	72
<i>Наземцева Е. Н. (ИВ РАН, Москва)</i> Транзит через Китай бежавших из Российской империи германских, австро-венгерских и турецких военнопленных (1914–1917 гг.).....	75
<i>Осокин А. В. (ИВ РАН, Москва)</i> «Нэй сюнь» («Поучения [для] внутренних [покоев]») в составе антологии Ван Сяна «Нюй “Сы шу”» («Женское “Четверокнижие”»).....	77

<i>Павлова А. Д. (АРС, ВУ МО РФ, Москва),</i> <i>Пугачева Е. Ю. (АРС, ГАОУ ВО МГПУ, Москва)</i>	Китаеведение в России: анализ направлений научных исследований в области исторических наук на основе «Научной синологической базы данных» на 2024 год.....	79
<i>Перминова В. А. (ИВ РАН; МГИМО (У), Москва)</i>	Оценка японского колониального правления на Тайване (1895–1945 гг.) в современных тайваньских учебниках по истории	81
<i>Портяков В. Я. (ИКСА РАН, Москва)</i>	Зарубежная историография внешней политики КНР.....	82
<i>Рудь П. В. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)</i>	Материалы о формировании комплекса Южного подворья Русской православной миссии в Пекине	89
<i>Рысакова П. И. (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург)</i>	Современный Китай в зеркале общественного мнения России 2010–2020-х гг.....	91
<i>Самойлов Н. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	Китай в начале XX века: поиски путей социально-политического развития (проблема в историографии).....	94
<i>Сафин Т. А. (ИВ РАН, Москва)</i>	Кто «заготавливает раковины и яшму»? К вопросу о социальном статусе слушателей речи Пань Гэна в Шан-шу.....	95
<i>Силакова-Макарова С. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург; КФУ, Казань)</i>	Работы врачей при Пекинской духовной миссии и российском посольстве в XIX в. как источники по изучению традиционной медицины Китая.....	98
<i>Смирнова Н. В. (ПетрГУ, Петрозаводск)</i>	Ма Юйсинь о китайской прессе конца XIX века.....	100
<i>Старовойтова Е. О. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	Советская политика в отношении КВЖД в оценках отечественной прессы 1920–1930-х гг. ...	101
<i>Фесюн А. Г. (ИСАА МГУ, Москва)</i>	«Да-чжи ду-лунь» (Энциклопедия Махаяны) — авторы и источники.....	103
<i>Хаймурзина М. А. (АмГУ, Благовещенск)</i>	Культ Конфуция в чжурчжэньском государстве Цзинь: история становления и развития.....	105
<i>Чекулаева А. С. (БГУ, Минск)</i>	Китайская историография как источник по исследованию политики Республики Беларусь в интеграционных объединениях постсоветского пространства	107
<i>Чжоу Чжаоу (КФУ, Казань)</i>	Политико-дипломатические связи Китайской Республики и Великобритании в период гражданской войны (1945–1949 гг.): образы и оценки китайских историков.....	110
<i>Шаронова В. Г. (ИРИ РАН, Москва)</i>	Деятельность российского консульства в Инкоу (Нючжуан) в 1910–1916 гг. (по материалам АВПРИ).....	111

Секция XVII • Section XVII

Источниковедение и историография Японии Historiography and Source Studies of Japan

<i>Chisako Omoso (Osaka University of Economic and Law, Osaka, Japan)</i>	The human network that supported Islamic policy of the prewar Japan	113
---	---	-----

<i>Бертова А. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Книга Накады Дзюдзи «Япония с точки зрения Священного Писания» («Сэйсё ёри митару Ниппон») и ее историко-культурное значение	115
<i>Борисова А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Влияние лингвистических и культурных факторов на формирование японских суеверий	117
<i>Kunitake Sadakatsu (Институт культурного наследия, Нара, Япония), Войтишек Е. Э. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск)</i> Такасима — «остров сокровищ» с затонувших монгольских кораблей XIII века: источники и интерпретация.....	119
<i>Гарина А. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург), Серебрякова С. Г. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Японская коллекция на Всемирной выставке 1862 года в Лондоне	121
<i>Гоголева В. Д. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> «Общество реформирования театра» в Токио: цели, персоналии и итоги	124
<i>Горбаченко А. С. (УрФУ, Екатеринбург)</i> К методологии оксидентализма: образы Англии начала XX в. в заметках японских путешественников	126
<i>Гофман А. В. (ДВФУ, Владивосток)</i> Традиции синтоизма как основополагающий фактор формирования концепции сексуальности и ее восприятия в Японии	128
<i>Катасонова Е. Л. (ИВ РАН, Москва)</i> Современная японская культура в исследованиях российских ученых	129
<i>Матвеева О. К. (ИВ РАН; ИКВИА НИУ ВШЭ, Москва)</i> Документы сокровищницы Сёсоин как исторический источник: характеристика и оптика изучения.....	131
<i>Нестерова К. А. (РГГУ, Москва)</i> Особенности и динамика женского предпринимательства в Японии в XXI в. на основе анализа работ японских и зарубежных исследователей.....	133
<i>Овчинникова Л. В. (МГУ, Москва)</i> Классификация служебных материалов японского генерал-губернаторства в Корею. По материалам личного архива Ф. И. Куликовой (Шабшиной)	135
<i>Османов Е. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Сотрудничество между производителями анимэ и Силами самообороны Японии: основные задачи и тенденции.	137
<i>Рогов Е. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Портретные изображения на японских банкнотах (1872–2024)	139
<i>Аими Сако (Университет Буккё, Япония)</i> Характеристика японского общества через призму кадровой системы периода <i>Хэйан</i>	142
<i>Сеитов Р. М. (ЛабВИОГИ, НГУ, Новосибирск)</i> Саморепрезентация японских необуддийских организаций в официальных Интернет-ресурсах	143
<i>Серебрякова С. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> «Луна над ссылкой»: плен глазами японского пленного Русско-японской войны (1904–1905 гг.)	145
<i>Синицын А. Ю. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)</i> Более полувка истории экспозиции зала «Япония» МАЭ РАН: в ожидании переосмысления и реновации.....	147

<i>Торопыгина М. В. (ИВ РАН, Москва)</i> Обзор источников по истории издательского дела в Японии периода Токугава	149
<i>Федянина В. А. (МГПУ, Москва)</i> «Песни радости» (<i>хо:раку</i>) в творчестве Дзиэна.....	151
<i>Филитов А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Дипломат В. Я. Костылев (1848–1918) — первый в России японовед-историк и начало деятельности кафедры японской словесности (ФВЯ, Санкт-Петербургский Императорский университет).....	153
<i>Фирсова В. С. (ОЛСАА, БАН, Санкт-Петербург)</i> Вклад библиотек в развитие женского движения в Японии во второй половине XIX — первой половине XX в.	154
<i>Холод-Мозгунова А. Д. (МГПУ, Москва)</i> Япония в зеркале современной рекламы.....	156
<i>Шарова А. Б. (ИВ РАН, Москва)</i> Прошлое и настоящее географического сочинения Фукудзава Юкити «Все страны мира»....	158

Секция XVIII • Section XVIII

Источниковедение и историография Кореи

Historiography and Source Studies of Korea

<i>Акуленко В. С. (Восточный институт ДВФУ, Владивосток)</i> Северокорейский подход к изучению сапиентности: от корейского неоантропа к автономному антропогенезу	161
<i>Асмолов К. В. (ИКСА РАН, Москва)</i> КНДР в мире постправды: анализ фальшивых новостей о присутствии северокорейских войск в зоне СВО	163
<i>Болтач Ю. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> Первые корейские книги в собрании Азиатского музея	165
<i>Кукина У. А. (Институт МО, НИИЯ «МИФИ»; ИС ФНИСЦ РАН, Москва)</i> Корё в период Монгольской империи.....	167
<i>Курбанов С. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Северокорейская журнальная периодика середины 1950 г. о жизни во время Корейской войны	169
<i>Лобов Р. Н. (РИСИ, Москва)</i> Шестидесятилетие установления дипломатических отношений между Республикой Корея и Японией: отражение в современном южнокорейском политическом дискурсе.....	172
<i>Соловьев А. В. (НИУ ВШЭ)</i> Перечитывая «Самгук саги»: некоторые штрихи к портрету историографа.....	174
<i>Терехин Н. Н. (НИУ ВШЭ)</i> Три неизвестные работы о корейском крестьянстве: открытия в фондах Российского государственного архива социально-политической истории	177
<i>Хазизова К. В. (ИСАА МГУ, Москва)</i> Корёский ван Кочжон: полвека правления, которое никто не заметил	178
<i>Чеснокова Н. А. (ИКВИА НИУ ВШЭ, Москва)</i> «Записи Чон Кама» 鄭鑑錄 (Чон Кам нок, XVI–XVII вв.): как до наших дней сохранилась «самая запрещенная книга» Чосона?.....	180

Секция XIX • Section XIX

Монголоведение, тибетология, буддология
 Historiography and Source Studies of Mongolia,
 Tibet and Buddhism

<i>Natalia Mikhailova (Université Laval; SOAS, University of London, London)</i> Navigating the Tibet Museum in Dharamsala as a Historical Source	183
<i>Алексеев К. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Совмещение мотивов, или о том, как Нейджи-тойн напоил чаем свирепых охотников	184
<i>Варенов А. В. (НГУ, Новосибирск)</i> Чжурчжэньская жена Чингисхана и три средневековые картины об отъезде девушек на чужбину	185
<i>Галданова О. А. (Государственный музей Востока, Москва)</i> Границы стиля: к историографии монгол зураг	189
<i>Дробышев Ю. И. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Идеологические аспекты монголо-корейских отношений в XIII в.	191
<i>Петрова М. П. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Современная проза Внутренней Монголии: темы, проблемы, образы	193
<i>Скрынникова Т. Д. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> Маркер киян/кият в идентификационных практиках Тайной истории монголов (XIII в.)	194
<i>Смирнова М. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Эллипсис субъекта в письменном тексте на тибетском классическом языке	195
<i>Цеденова С. Н. (Элиста)</i> Об индо-тибетских повествовательных традициях в ойратской литературе	197
<i>Шутова М. А. (ЛабВИОГИ, НГУ, Новосибирск), Сеитов Р. М. (ЛабВИОГИ, НГУ, Новосибирск), Филатов С. В. (ЛабВИОГИ, НГУ, Новосибирск)</i> Контакты забайкальских буддистов с Монголией во второй пол. XIX — нач. XX в. (на материалах Государственного архива Забайкальского края, г. Чита)	199
<i>Яхонтова Н. С. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> Сравнение русского и калмыцкого текстов «Русско-калмыцкого календаря»	201

Секция XX • Section XX

Секция африканистов: «Чтения памяти Д. А. Ольдерогге»
 African Studies: "In Memoriam of D.A. Olderogge"

<i>Valodzkin A. A. (Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)</i> Region-making around the Great African Lakes: myth or reality?	203
<i>Абалян А. И. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Кризис эфиопской системы этнофедерализма	205
<i>Аброськина Е. В. (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург)</i> Музейная африканистика в судьбах А. В. Шмидта и Д. А. Ольдерогге	207
<i>Балезин А. С. (Институт всеобщей истории РАН, Москва)</i> Намибийские «дети ГДР»: к проблеме поиска идентичности (1979–1990)	209
<i>Баницикова А. А. (Институт Африки РАН, Москва)</i> Португальское присутствие на островах Занзибарского архипелага в раннее Новое время: устная традиция и памятники	211

<i>Белецкий С. Б. (ИЯз РАН, Москва)</i> Способы выражения каузатива и декаузатива в языке гого (банту, Танзания)	214
<i>Блинова Е. В. (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль)</i> Профессиональная реализация африканцев в Лондоне на рубеже XIX–XX вв.	217
<i>Брындина В. Н. (Институт Африки РАН, Москва)</i> Первые десятилетия работы Миссии университетов в Центральной Африке на Занзибаре (1864–1882): официальные публикации и архивные материалы	219
<i>Буркова В. Н. (ИЭА РАН, Москва), Бутовская М. Л. (ИЭА РАН, Москва), Кавина А. (St John's University of Tanzania, Dodoma, Tanzania)</i> Мужские и женские роли в семье и социуме (на примере студентов из Танзании).....	221
<i>Бутовская М. Л. (ИЭА РАН, Москва), Дронова Д. А. (ИЭА РАН, Москва), Бутовский Р. О. (ВНИИ «Экология» Минприроды России, Москва)</i> Традиционализм или неотрадиционализм: как масаи видят будущее в контексте своей идентичности	223
<i>Ванюкова Д. В. (Государственный музей Востока, Москва)</i> Коллекция африканского искусства и ремесла в собрании Этнографического музея Казанского университета: история формирования и экспонирования	224
<i>Власенкова Е. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург), Живодерова П. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Образ Усмана дан Фодио в учебной литературе Северной Нигерии.....	225
<i>Воеводский А. В. (НИУ ВШЭ, ИВИ РАН, РАНХиГС, Москва)</i> Взаимоотношение Китая с национально-освободительными движениями Юга Африки в оценках советских дипломатов во второй половине 1960-х гг. (по материалам Российского государственного архива Новейшей истории)	226
<i>Гавристова Т. М. (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль)</i> Нигерия: проза жизни и поэзия истории	228
<i>Глухов Я. А. (Институт Африки РАН, Москва)</i> Колониальные истоки постколониальной интеграции в Восточной Африке (1880–1960-е гг.).....	231
<i>Головизнин М. В. (Российский университет медицины, Москва)</i> Александр Сергеевич Пушкин как стимул африканского политического и культурного самосознания XXI века	233
<i>Головкин Н. М. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)</i> Элементы суахилийского народного ислама в восприятии восточноафриканских улемов: пример молитвы Албадири.....	234
<i>Грибанова В. В. (Институт Африки РАН, Москва)</i> Образование в Мозамбике: очерк истории развития и анализ современных проблем.....	236
<i>Григорьева С. В. (Нижегородский государственный университет, Нижний Новгород)</i> «Долгая Ашиниана»: Ашиновская авантюра в художественной и научной литературе кон. XIX — нач. XXI в.	238
<i>Громов М. Д. (Американский международный университет, Кения)</i> Мвенда Мбатиа и кенийская литература для молодежи	240
<i>Громова Н. В. (ИСАА МГУ, Москва)</i> Концептуальное пространство лексемы <i>тоу</i> в суахили.....	240
<i>Гусарова Е. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> Севир Антиохийский в «Хронике» Иоанна Никиуского	242
<i>Давыдов А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Санго-русская фонетическая интерференция	242

<i>Добронравин Н. А. (МЭ РАН, Санкт-Петербург)</i> Африканские переписи населения: колониальное наследие и неоколониализм	244
<i>Дронова Д. А. (ИЭА РАН, Москва), Бутовская М. Л. (ИЭА РАН, Москва), Бутовский Р. О. (ВНИИ «Экология» Минприроды России, Москва)</i> Роль образования как фактора развития современного танзанийского общества.....	246
<i>Емельянов А. Л. (МГИМО, Москва)</i> Посольство в Европу 1836–1837 гг. и его последствия для Малагасийского государства.....	248
<i>Желтов А. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Термины родства и языковые контакты: некоторые особенности языков нигер-конго.....	249
<i>Завьялова О. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Легенды о «шуточном родстве»	250
<i>Зданевич А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Определение векторов развития государств Африки южнее Сахары в современной архитектуре многополярного мира	251
<i>Иванова Л. В. (ИВИ РАН, Москва)</i> Эфиопские семейные ценности в контексте глобальной культуры (на примере оромо).....	253
<i>Кайгородов Г. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Бамана-французское переключение кодов	255
<i>Куликов А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Объектная индексация в пассивных глагольных конструкциях языка суахили	257
<i>Куценков П. А. (ИВ РАН, Москва)</i> Средневековые арабоязычные письменные источники об архитектуре и искусстве Мали	260
<i>Лазарев А. В. (ГАУГН, Москва)</i> Советские учителя в Танзании в 1960–1980-х гг.: трудности работы и жилищно-бытовые условия. (По архивным материалам ГАРФ)	262
<i>Лисенкова А. Д. (СПбГУ, СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург)</i> Отношения Европейского союза и стран Африки, расположенных южнее Сахары, в области энергетики и климата: от нормативной силы к стрессоустойчивости и стратегической автономии	263
<i>Львова Э. С. (ИСАА МГУ, Москва), Прозоров М. Н. (галерея «Диалог», Москва), Тарасова Л. А. (галерея «Диалог», Москва)</i> Народы Бельгийского Конго в фотографиях К. Загурского и зарисовках А. Яковлева (1927–1940 гг.)	265
<i>Макеева Н. В. (ИЯз РАН, Москва)</i> Инкорпорация как стратегия определения имени в языке конабере (манде)	267
<i>Мильто А. В. (Ярославский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Ярославль)</i> Феномен постколониальных комиксов: особенности, сюжеты, преимущества.....	269
<i>Михалевич Е. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Африканское направление внешней политики России и Китая как инструмент обеспечения технологического суверенитета стран Африки	271
<i>Морозенская Е. В. (Институт Африки РАН, Москва)</i> Организация социально-экономических исследований в постколониальной Африке: формы и направления	273
<i>Морозов Е. В. (Институт Африки РАН, Москва)</i> Государственный секретарь Эфиопии Альфред Ильг и Россия (по материалам российских архивов).....	275

<i>Москвитина (Сиим) А. Ю. (МАЭ РАН; ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> <i>Nyumba njema si mlango fungua uingie ndani: акутальные символические и декоративные элементы в традиционной архитектуре Занзибара</i>	278
<i>Нестерова Е. С. (Институт Африки РАН, Москва)</i> Позиция южноафриканской партии Демократический Альянс по вопросу о зимбабвийской миграции в ЮАР.....	280
<i>Панцеров К. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Технологический суверенитет как фактор обеспечения деколонизации стран Африки к югу от Сахары: проблемы и перспективы.....	283
<i>Поздняков К. И. (LLACAN, Париж, Франция), Выдрин В. Ф. (INALCO-LLACAN, Париж, Франция)</i> Лексическая и фонологическая реконструкция пра-нигер-конго: на пути к пра-нигер-конго.....	285
<i>Попов В. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> К дискуссии о концептах «племя», «вождество» и «раннее государство» в современной африканистике.....	287
<i>Попова К. И. (ИНИОН РАН, Москва)</i> Христианские миссии в Африке как объект изучения в работах восточногерманского историка Х. Лота.....	288
<i>Прохоров К. Н. (ИЯЗ РАН, Москва)</i> Глагольная морфонология и гармония гласных в языке ампар-кора.....	289
<i>Савельева Д. И. (Институт истории СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Эфиопия и Нубия в «Хронике» Иоанна Никиуского.....	291
<i>Сидорова Г. М. (Дипломатическая академия МИД России, Москва)</i> Политика Франции в Африке в эпоху глобальных перемен.....	292
<i>Суетина Ю. Г. (ИСАА МГУ, Москва)</i> Зоонимы в паремиологии хауса.....	295
<i>Татаровская И. Г. (Институт Африки РАН, Москва)</i> Языковая политика колониальных властей Франции и Бельгии на примере языков лингала и санго.....	297
<i>Тураяница Д. А. (Институт Африки РАН, Москва)</i> «Цветное» население Южной Африки в общественно-политической жизни страны на рубеже XXI в.: источники по теме работы.....	299
<i>Усачева В. В. (Институт Африки РАН, Москва)</i> Медиастратегия России в Африке и противодействие стран Запада.....	300
<i>Французов С. А. (ИВР РАН; Институт истории СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Принцип тетрархии в эфиопском Судебнике Фатха нагаст.....	302
<i>Фролова Н. С. (ИМЛИ РАН, Москва)</i> Три женских портрета на фоне Африки: англоязычные поэтессы Тропической Африки.....	303
<i>Холматова П. С. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)</i> Адаптация устных традиций народа хауса в цифровом пространстве.....	304
<i>Хохолькова Н. Е. (Институт Африки РАН, Москва)</i> Деколонизировать — нельзя африканизировать: африканские интеллектуалы о проблеме трансформации науки и образования.....	306
<i>Шатохина С. А. (СПбГПМУ, Санкт-Петербург)</i> Локативные конструкции с существительными, обозначающим «место», в языке тевана.....	307

<i>Шитлов А. Ю. (ИВИ РАН, Москва)</i> Советско-китайское соперничество в Западной Африке в 1970-е гг. на примере Бенина и Гвинеи	309
<i>Яковлев А. И. (ЯГПУ, Ярославль)</i> Функционирование слов-реалий в восточноафриканском художественном тексте (на примере рассказа Дж. Нансубуга Макумби "Let's Tell This Story Properly").....	310
<i>Януш Я. Б. (эксперт МК РФ, Санкт-Петербург)</i> Денежное обращение в Сьерра-Леоне в XIX в.	312

Секция XXI • Section XXI

Литература стран Азии и Африки

Literatures of Asia and Africa

<i>Абилова З. А. (Институт рукописей имени Мухаммеда Физули НАНА, Баку, Азербайджан)</i> Жанр мактал и его место в азербайджанской литературе	316
<i>Брылёва Н. А. (КрасГАУ, Красноярск)</i> «Скрытые мотивы»: литературные и драматические произведения в романе «Сон в красном тереме»	318
<i>Букастая А. М. (БГУ, Минск)</i> Интерпретация концептов «власть» и «насилие» в романе Мо Яня «Смерть пахнет сандалом» (莫言《檀香刑》)	320
<i>Вдовина А. О. (КФУ, Казань)</i> Особенности использования элементов буффонады при киноадаптации сатирического текста: на примере романа Азиза Несина «Яшар ни жив, ни мертв».....	323
<i>Карякина М. В. (ФФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Книга Притч: к вопросу о составе и статусе книги на разных этапах ее бытования.....	324
<i>Кнорозова Е. Ю. (БАН, Санкт-Петербург)</i> Вьетнамские традиционные романы: поэзия и проза	326
<i>Кузнецов А. А. (ИСАА МГУ, Москва)</i> Заглавия стихов в художественном мире Нима Юшиджа (1897–1960).....	328
<i>Лекарева Е. П. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Диалог с Другим в бенгальской литературе начала XX в.	330
<i>Мещерская Е. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Символика жемчуга в восточнохристианских литературах	332
<i>Николаева М. В. (ИВ РАН, Москва)</i> Средиземноморские мотивы в поэзии Хусейна Насруллы	334
<i>Расулева Н. А. (ТашГУВ, Ташкент, Узбекистан)</i> Образ «Китая будущего» в научно-фантастических романах конца Цин и раннего периода Китайской Республики.....	336
<i>Рейснер М. Л. (ИСАА, Москва)</i> «Термины» идентификации «нового стиля» (<i>tarz-i tāza</i>) в персоязычной газели XVI–XVII вв.	338
<i>Садокова А. Р. (МГУ, Москва)</i> Японский сюжет о рыбаке Урасима-Таро: от народной сказки к современной литературе ...	341
<i>Санина К. Г. (ДВФУ, Владивосток)</i> Образ американской женщины в рассказе Нагаи Кафу «Пробуждение» в контексте репрезентации концептуальной диады <i>ути / сото</i>	342

<i>Сторожук А. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Основные своды «Странных историй из Кабинета Неудачника» Пу Сун-лина	344
<i>Стрельцова Л. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Даймонд Шамшер Раа — основоположник непальского исторического романа	346
<i>Струкова М. И. (ННГУ, Нижний Новгород)</i> Отражение политических воззрений Нур Мухаммада Тараки (1917–1979) в его литературных произведениях	348
<i>Суворов М. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Два романа о крахе марксистского движения в Йемене	350
<i>Сулеймонова Х. М. (Ташкентский государственный университет узбекского языка и литературы им. А. Навои, Ташкент)</i> «Раса' илу-л-Хаваразми» как важный памятник арабской эпистолярной литературы.....	350
<i>Сухова Е. Ф. (Нижегородская епархия, Нижегородское благочиние, Нижний Новгород)</i> Влияние традиций литературы Востока на русскую поэзию 80-годов XX века (на примере «Зерафшанского дивана» Федора Сухова).....	352
<i>Терехов А. Э. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> Рукопись «Ле сян чжуань» 列仙傳 из собрания ИВР РАН в контексте коллекций жизнеописаний даосских бессмертных.....	355
<i>Тун Цзинтао (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Взаимодействие литературы и истории в романе «Белый снег, черные вороны» Чи Цыцзянь.....	357
<i>Улангина А. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Потеря родины как одна из ключевых тем эмигрантской литературы (на примере романа «Выстрел дробью» Ин'ам Качачи).....	359
<i>Фомичева С. В. (Санкт-Петербургская Евангелическая богословская академия, Санкт-Петербург)</i> Письмо Мара бар Серапиона (I в. н. э.) как источник по конструированию сирийской идентичности в Римской империи	360
<i>Фролова М. В. (МГУ, Москва)</i> <i>Manusia Harimau</i> : мифологема тигра-оборотня в фольклоре, литературе и кинематографе Индонезии.....	362
<i>Ходжаева Р. У. (ТашГУВ, Ташкент, Узбекистан)</i> Макамы аз-Замахшари в контексте средневековой арабоязычной словесности в Центральной Азии	363
<i>Хотулева А. В. (БГУ, Минск)</i> Роль и место гонконгской прозы в контексте китайской литературы	365
<i>Цой И. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Хилинг-литература как южнокорейский тренд первой четверти XXI в. Камерные пространства как место действия в хилинг-романах	367

Секция XXII • Section XXII
Языки стран Азии и Африки
Languages of Asia and Africa

<i>Xing Yun (St Petersburg University, St Petersburg)</i> A Comparative Study on the Relationship of Part-of-Speech of Inverse Morpheme Words in Chinese and Japanese	370
---	-----

<i>Айман Аль-Амин Яхья Бабикер (Судан)</i> Категория рода в арабском языке и языке фула: сравнительное исследование.....	371
<i>Алексеева М. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Референциальный выбор в устном дискурсе на языке иврит: опыт систематизации на материале корпусных данных.....	373
<i>Бадмацыренова Н. Б. (ВИ, Бурятский государственный университет, Улан-Удэ)</i> Зоонимия монгольского словаря «Мукаддимат ал-Адаб».....	374
<i>Беседина А. С. (Санкт-Петербург)</i> Особенности передачи эмфазы при переводе художественной литературы с русского языка на персидский язык (на материале повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи»).....	376
<i>Виноградова Т. И. (БАН, Санкт-Петербург)</i> Макет слога Гу В. М. Алексеева — боковая ветвь будущего БКРС.....	377
<i>Воронина Л. А. (МГПУ, Москва)</i> Проблемы классифицирования комбинаторных изменений звуков в потоке речи на корейском языке.....	380
<i>Ганбаатар Цэнд-Аюуш (Московский государственный лингвистический университет, Москва)</i> Просодия коммуникативных интоном в монгольском языке: экспериментально-фонетическое исследование.....	382
<i>Дербишева З. К. (КРСУ, Бишкек), Казакбаева А. С. (КРСУ, Бишкек)</i> Языковая картина мира в кыргызском восприятии.....	383
<i>Дмитриев С. В. (ИВ РАН, Москва)</i> Frumenta tangutica: злаки и бобовые в тангутско-китайском глоссарии «Своевременный перл в ладони» (1190).....	386
<i>Дубровиценок М. Ю. (ДВФУ, Владивосток)</i> Функционирование прецедентных феноменов в политическом дискурсе КНР.....	388
<i>Дудченко Г. Б. (АНОО «Невский институт языка и культуры», Санкт-Петербург)</i> Фонологическая сторона формирования русско-китайского пиджина в 90-е годы XX в.	390
<i>Емельченкова Е. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> К вопросу об «артиклезации» современного китайского языка.....	392
<i>Зелтынь Л. А. (НИУВШЭ, Москва)</i> Мальтийский язык как свидетельство языковой детерминанты семитских языков.....	394
<i>Ибрахим И. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Аналитический подход к использованию коллокаций при преподавании перевода текстов общественно-политической тематики с японского языка на русский.....	395
<i>Кагирова В. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> О двух формах «пассива» в современном грузинском языке.....	397
<i>Каменецкая А. Б. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> К вопросу о категории падежа в традиционной арабской грамматике.....	400
<i>Кириллова А. А. (АО «А-Лифт», Москва)</i> Рыба-кит: интерпретация именной группы <i>dāg gādōl</i> по тексту Книги Пророка Ионы (2:1).....	401
<i>Кирюхина Л. В. (ИГУ, Иркутск)</i> «Цзин цы янь ши»: понятийный аппарат описания употребления служебных слов.....	403
<i>Крамарова С. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Небазовые конструкции причины в индонезийском языке.....	406

<i>Кутафьева Н. В. (НГУ, Новосибирск)</i> Способы выражения количества в японском языке (служебное слово <i>надо</i>).....	408
<i>Лебедева А. В. (Beijing Language and Culture University, Пекин, КНР)</i> Выделение частей речи байхуа и вэньяня в миссионерских грамматиках XIX в.: проблемы и решения	410
<i>Лутков В. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Коран на иврите: в поисках идеального перевода	411
<i>Хана Яфия Юсиф Джамиль (ВФ, СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Употребление лексемы 'эн (глаз) в багдадском диалекте	413
<i>Чжан Тэнтэн (Хэйлуцзянский университет, КНР)</i> История преподавания китайского языка в СПбГУ во второй половине XX века.....	414
<i>Чинлода М. С. (Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек)</i> Роль арабской культуры в формировании киргизской языковой картины мира.....	415
<i>Шуйская Н. М. (МГИМО (У) МИД России, Москва)</i> Роль цветообозначений в современной иракской прозе	418

Научное издание

**XXXIII Международный конгресс
по источниковедению и историографии стран Азии и Африки:
К 170-летию открытия факультета восточных языков
Санкт-Петербургского университета**

Материалы конгресса

Том 2

**XXXIII International Congress
on Source Studies and Historiography of Asia and Africa:
Commemorating 170th Anniversary of the Faculty
of Oriental Studies in Saint-Petersburg University**

Proceedings

Vol. 2

Отв. редактор А. С. Матвеев

Корректор К. А. Александрова

Верстка Е. В. Владимировой

Подписано в печать 02.04.2025. Формат 70×100¹/₁₆

Бум. офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 27,25. Тираж 300 экз.

Зак. № 372

Издательство Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского

191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15

Тел.: (812) 310-7929, +7 (981) 699-6595

E-mail: rhgapublisher@gmail.com.

<http://irhga.ru>

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134

ISBN 978-5-907987-13-5 (т. 2)

ISBN 978-5-907987-14-2

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2025